

В. Долгих

П Е П Е Л
КРЕСТЬЯНСКОЙ
ДУШИ

Москва, 2015 год

УДК 622.323-051(470+571)+936
ББК 33.361(2Рос)
D19

Долгих В. Ф.
D19. «Пепел крестьянской души»/
В. Долгих. – Изд. «Центр». –
М. – 2015 год – 640 стр.

© В. Долгих.

ISBN 9-805-6696-0039-9

Изготовлено «Издательство «Центр»

Эту книгу я посвящаю памяти убиенных, униженных и обездоленных крестьян Тюменской губернии воинствующим большевизмом в период проведения продразвёрток, раскулачивания, коллективизации и репрессий. Своими жестокими карательными действиями советская власть не только загубила сотни тысяч людских сердец, но и с корнем вырвала из груди крестьян основу их мировоззрения – душу.

ОБ АВТОРЕ

Василий Федорович Долгих родился 12 февраля 1947 года в селе Большое Сорокино Тюменской области.

Закончив в 1966 году Тобольский рыбопромышленный техникум, он более 15 лет трудился на предприятиях рыбной отрасли. В 1983 году был переведён в центральный аппарат Министерства рыбного хозяйства РСФСР. С 1985 по 1991 год являлся членом Коллегии этого ведомства. Имеет высшее образование.

Писательским творчеством Василий Фёдорович увлёкся в 2004 году. Первой изданной книгой стал автобиографический двухтомник: «Моя судьба родом из Сибири». За ней последовали: роман «Рассвет на закате», сборник рассказов «Клыкастый профессор», биграфическая книга «По дорогам планиды друга» и политический детектив – предвестье «Россия в осаде». Кроме этого, его статьи и рассказы неоднократно публиковались в журналах и газетах.

В 2012 году он был принят в члены Московской областной организации Союза писателей России. Является лауреатом литературно-поэтического конкурса «Марьинская муза-2014».

Очередная художественно – документальная книга Долгих В.Ф. посвящена крестьянскому восстанию, происходившему в 1921 году на территории Тюменской и соседних губерний и максимально приближена к реалиям тех событий.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

История учит лишь тому,
что она никогда ничему
не научила народы.

Георг Гегель

На пороге великой смуты

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Весна в Сибири - самый ожидаемый период года. Она, конечно, и в других частях света желанна, но в Сибири особенно. С её приходом увеличивается световой день, вскрываются ото льда ручейки, болота и реки, распускаются почки на деревьях, появляются проталины на лесных полянах и плодородных полях, с косачиных токовищ доносятся гортанные клокотанья, раздаются крики казарок, возвращающихся домой с южных широт, кряканья матёрых уток и скрип чирков, свист скворцов и возбуждённое щебетание аборигенов-воробьёв. Оживает всё, что полгода находилось в зимней спячке. Каждый весенний день в природе происходит заметное изменение. И не только в природе, но и в людях. На их лицах появляются чаще улыбки, которые молодят пожилых и украшают молодых. И в душе каждого человека, будь он юн или стар, весной появляются мечты и надежды на их исполнение. Не исключением стала для сибиряков и весна 1915 года. И хотя где-то очень далеко за уральскими горами, на западных окраинах великой Рассеи шла кровопролитная мировая война с германцами, идиллию патриархального уклада жизни умиротворённого края она не беспокоила. И лишь приходящие похоронки на чьих-то сыновей и мужей да возвращающиеся с фронта искалеченные мужики немым укором напоминали о тех грозных событиях.

С сельских посиделок Василий пришёл домой уже за полночь. Осторожно, чтобы никого не разбудить, он в кути скинул с себя лопатину и яловые сапоги, тенью прокрался в горницу и поднялся на полаты. Ещё в прошлом году, по причине несовершеннолетия, он это позволить себе не мог. Его отец, Иван Васильевич Губин, неуклонно соблюдал семейные традиции и христианский уклад. Поэтому сына и трёх дочерей держал в строгости и постоянном труде. Единственным человеком в семье, кто порой давал Василию поблажку, была мать - Евдокия Матвеевна. Она любила сына больше всего на свете и постоян-

но молила Бога, чтобы тот подарил ему счастливую судьбу. Любила она, конечно, и дочерей, но главным в её сердце был их брат. Василий понимал это и был благодарен матери за особое к себе отношение. Вот и сейчас, дождавшись когда сын вернулся домой и улёгся спать, Евдокия Матвеевна с облегчением вздохнула и прошептала: «Теперь и мне можно отдохнуть».

Василий заснул не сразу. Тот заряд веселья и задора, который он получил на посиделках, держал его в напряжении больше часа. И только незадолго до рассвета молодой парень провалился в крепкий, безмятежный сон.

Первое, что он услышал, когда открыл глаза, был шум с редкими приглушёнными потрескиваниями, раздающийся со стороны реки. «Лёд тронулся!» - молнией пронеслось в голове и не медля больше не минуты, Василий спустился с полатей на пол, быстро накинул на себя что попало под руку, сунул в сапоги голые ноги и выскочил на улицу. От их избы до левого берега реки Ик было не более тридцати сажен, поэтому уже через мгновение парень стоял у кромки ломающихся и напозающих друг на друга льдин и с жадностью всматривался в происходящее по вине весны природное чудо. «Какая красота! Какая силища заложена в этом явлении! Такой ледовый панцирь сбросить с реки и пустить её воды на простор!» - невольно воскликнул Василий и подумал: «Весной не только реки вскрываются, но и человеческие мысли обновляются». Увлечённый зрелищем, он даже не заметил, как вода вышла из русла и стала быстро подниматься, заливая вокруг него небольшую впадинку.

«Василий, ты чо у реки замер, словно к льдине примёрз? Пора со скотиной управляться и навоз из пригона убирать. А то вон его сколько за ночь наложили, бурёнки наши», - слышался голос Ивана Васильевича, который встрепенул парня и вернул к действительности. «Сейчас, тятя, немного постою и за работу примусь», - ответил он и проводив взглядом очередную льдину, подмявшую под себя впереди плывущую, прошептала: «Нет на свете красивее края сибирского и моёго села, в котором мне жить, хлеба растить, детей воспитывать и родителей почитать».

С делами по хозяйству мужики справились быстро. Отметивший месяц назад восемнадцатилетие, Василий был высоким, физически сильным, ловким и весёлым парнем. А его завитушки русых волос, крупные голубые глаза с длинными ресницами и спокойный нрав очень нравились сельским девицам и даже зрелым женщинам. К тому же он ещё умел играть на русской гармошке, которую на шестнадцатилетие ему подарил отец, выменяв её за молодого бычка во время осенней ярмарки в большом селе Готопутове. Поэтому когда

на сельских посиделках Василий брал в руки гармонь, бойкие девицы начинали прямо перед ним вытанцовывать и звонким голосом распевать задорные частушки, от которых он даже порой краснел. Однако как они ни старались, ни одна из сельских красавиц не могла достучаться до сердца гармониста. Он со всеми ними был ровен, дружен, почтителен, и ни кого из них не выделял.

Но спокойный и весёлый на посиделках, Василий был совсем другим во время кулачных боёв, происходящих не реже двух раз в год с парнями и молодыми мужиками из соседних деревень. Несмотря на свой юный возраст, он уже с пятнадцати лет вступал в единоборство не только со сверстниками, но и даже со взрослыми. И часто, особенно в последний год, становился победителем. А если в бою рядом с ним бок о бок стояли друзья - Аверин Степан и Фадеев Сергей, то равных им вообще не находилось. Боясь за сына, Евдокия Матвеевна ненавидела эти разбойничьи забавы, зато Иван Васильевич любил вместе с другими односельчанами посмотреть - как же ловко дерётся его кровинушка! Иногда дело доходило до потников, на которых родители утаскивали поверженных бойцов домой, но никогда, ни при каких обстоятельствах, дерущиеся не хватались за колы или жерди и не били ими друг друга. Правила кулачного боя, установленные задолго до них, бойцы уважали, чтили и соблюдали. А тот, кто их нарушал, становился посмешищем всего села.

Вслед за ледоходом, весенним половодьем и заготовкой дров, пришла посевная пора. Весь сельский люд, от мала до велика устремился на свои земельные наделы и приступил к работе, от которой зависели благополучие и уверенность в завтрашнем дне. Не исключением являлась и семья Губина Ивана Васильевича. Хоть по деревенским меркам она была небольшой, всего шесть человек, в числе которых - только два мужика, но дружной и трудолюбивой. Даже одиннадцатилетние двойняшки Мария и Дуняша вместе со взрослыми женщинами активно участвовали в полевых работах. Сеяли хлеб, сажали картошку, пололи поля и огород, сгребали в копны валки душистого сена и жали серпами выращенный урожай. Ну, а о старшей сестре Лизе и говорить нечего. В свои девятнадцать лет она уже полностью сформировалась как настоящая хозяйка, и осенью, после уборки урожая, собиралась выйти замуж за хорошего парня из деревни Большое Пинигино - Стрельцова Николая. По этому случаю Евдокия Матвеевна ей уже большой сундук с приданым подготовила. Губиным, конечно, жалко было дочь-красавицу в чужую и отдалённую деревню отправлять, но ничего не поделаешь - природа брала своё. Единственно, что их успокаивало, так это понимание, что в хорошую, работающую и зажиточную семью Лизу отдадут.

Закончив весенние полевые работы и обсеменив пшеницей и овсом почти двенадцать десятин, Губин-старший отправил женщин домой в село, а с сыном приступил к раскорчёвке от мелкого кустарника и пней дополнительных площадей. Сидя поздно вечером у костра, на котором кипятилась вода для чая, Иван Васильевич довольным голосом сказал: «Десятины две целины подготовим и на следующий год - ещё столько же. Вон сколько сразу плодородной полевой площади прибавится. Если погода не подведёт, то и жизнь наша намного справнее станет. Дай только время и сил нам». Но вдруг настроение у него резко изменилось: «Тебя ноне могут на службу в армию забрать. Не оставят в покое такого молодца. Да оно пусть бы и забрали, если бы не эта окаянная война с ерманцем. Я служил царю и отечеству, дед твой аж восемь лет отбарабанил, но тогда такой страшной войны не было», - высказался Иван Васильевич и замолк. «Если призовут, то и я достойно отслужу в русской армии. Прятаться от выполнения воинского долга не буду и нашу фамилию не посрамлю», - твёрдым голосом заявил Василий.

То лето для хлебопашцев юга Тюменской губернии оказалось благоприятным - в меру тёплое, в меру дождливое. На полях морской волной всюду колыхались хлеба набухшими спелым зерном колосьями, а на лугах и лесных полянах, словно часовые, стояли ряды одёнков сена, благоухая запахами вишня, клевера и целебных трав.

Уборка урожая началась в середине августа. Вначале крестьяне принялись жать озимую рожь, а затем плавно перешли на овёс и пшеницу. И снова от рассвета до заката вся семья Губиных, ровно как и жители села, не разгибаясь, ударно трудились на своем наделе. Женщины жали серпами высокие стебли, складывали их в снопы и перевязывали жгутом. Мужчины собирали эти снопы в большую скирду, а большую часть обмолачивали прямо на поле. Все трудились с желанием, дружно и без усталости. Если кто и мог им испортить настроение, так это неожиданный дождь или налетевший ураган. Но в то лето и в этом крестьянам повезло. Уже к середине октября они доверху забили сусеки своих амбаров зерном, а то, которое не вошло, оставили необмолоченным в скирдах.

Закончив самые главные полевые дела сезона, жители села вернулись домой и приступили к подготовке домашнего хозяйства к предстоящей зиме. Утепляли пригоны, хлева и окна в избах, ремонтировали сбрую, сани, дровни и дрожки, перековывали коней. А в самом начале ноября в Готопутово вновь открылась сельскохозяйственная ярмарка, на которую устремились все, у

кого были излишки хлеба, домашнего скота и утвари. Загрузив два воза пшеницы и один - овса, поехали туда и Губин Иван Васильевич с сыном.

Столько народа и различного товара в одном месте Василий не видел ещё ни разу. Поэтому, в первый момент он даже растерялся, но немного освоившись, стал вместе с отцом ходить по рядам и прицениваться к товару. Чего здесь только не было. Начиная от иголки с булавкой, заканчивая плугами и молотилками. Целый день отец с сыном провели на этом праздничном мероприятии и только в конце Иван Васильевич объявил, на что решил обменять своё добро: «Мы, вот чо, с тобой, паря, приобретём здесь. Я присмотрел одного вороного жеребёнка рысачьей породы, борону, самовар ведёрный и так по мелочи ещё кое-что. Сегодня переночуем на постоялом дворе, а завтра сторгуемся с хозяевами всего этого добра, и будем возвращаться домой».

Из всего того, что Губины приобрели на ярмарке, больше всего Василию понравился длинноногий и очень подвижный жеребёнок, которого он тут же назвал Воронко. И несмотря на то, что за него пришлось отдать большую часть привезённого зерна, сожаления по этому случаю ни у отца, ни, тем более, у сына, не было. По такому поводу Иван Васильевич даже гусыню настоящей водки купил и в местной чайной с земляками распил. В общем, купеческое мероприятие не только завершилось успешно, но было обмыто отменно. По этой причине в родное село Губины вернулись только на третий день. Показав свои основные покупки жене и дочерям, Иван Васильевич достал из под шубы, лежащей на дровнях, вещевой мешок, протянул его Евдокие Матвеевне и сказал: «А это тебе с дочерьми подарки. Сами разберётесь, кто чо возьмёт».

С окончанием полевых работ у молодёжи села появилось больше свободного времени, которое они с удовольствием проводили на сельских посиделках. И вновь, как весной, из общественной избы по всей округе стали разноситься звуки гармошки, переливы балалайки-трёхструнки и весёлые перепевы девичьих голосов. Часто в таких мероприятиях участвовал и Василий. Но было у парня ещё одно увлечение. Иногда он любил в одиночку бродить по тёмным улочкам родного села и с придыханием наслаждаться его ночной жизнью. А то, что волостное село Большое Сорокино ему родное, он не сомневался ни минуты. «Мои предки осели здесь полтора века назад и жить будут многие годы вперёд. Вон, сколько расплодилось ближней и дальней родни в селе. А на погосте её сколько лежит. Да и как здесь не жить, когда вокруг такая красота, тишь да благодать. И народ в селе уважительный подобрался. Есть, конечно, среди него овцы паршивые, но без них ни одно общество не обо-

дится. Вот схожу в армию, отдам гражданский долг престолу расейскому и начну строить свою семью. Женюсь на доброй и ласковой девушке, нарожаем с ней детишек, возьмём дополнительную делянку земли и заживём по-людски. А тятя, пока он ещё в силе, поможет нам на ноги встать. Да и маманя в стороне не останется. Подсобит своей снохе и по хозяйству, и детей поднять. Главное, чтобы её здоровье не подвело», - с душевной теплотой рассуждал Василий о своём будущем.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В царскую армию Губина-младшего призвали в конце ноября пятнадцатого года. Кроме него из села и волости в полку оказалось ещё десять человек новобранцев, в том числе и двоюродный брат из деревни Большое Пинигино - Чикирев Пётр. Но особенно он был рад, что в одном с ним взводе оказался друг детства - Аверин Степан. Этот кряжистый, невероятной силы парень был на год старше Василия, отличался от друга немногословностью, рассудительностью и житейской мудростью. Они вместе закончили два класса церковно-приходской школы, вместе проводили свободное время, бок о бок стояли во время кулачных боёв, а их родители с давних пор дружили между собой. По силе Степан превосходил Василия, но в ловкости и хитрости уступал. Поэтому они как бы дополняли друг друга. Попав на службу в Петропавловский гарнизон, парни Большесорокийской волости старались держаться вместе и при любой попытке со стороны других военнослужащих обидеть кого-то из них, они незамедлительно заступались друг за друга и давали достойный отпор. Премудрости военного дела Василию давались легче, чем Степану и всем остальным землякам. Будучи смысленным и ловким от природы, он быстро научился хорошо владеть холодным оружием, метко стрелять из винтовки и пулемёта и преодолевать при полной выкладке большие расстояния. Ну а лихим наездником парень был с детства. Эти качества молодого бойца заметили старшие офицеры, в результате чего на исходе первого года службы Василию было присвоено воинское звание фельдфебеля и он был назначен помощником командира разведывательного взвода. Особой радости в связи с этим парень не испытывал, но гордость за себя, конечно, в нём присутствовала. А чуть попозже и Степан стал фельдфебелем. Так что, и в армии друзья не отставали друг от друга ни в чём.

В декабре шестнадцатого года по гарнизону пошли слухи о том, что скоро их полк могут отправить на фронт. Но Василий не очень переживал по этому

поводу. «Если будет суждено попасть на войну и встретиться с германцами в бою, то свой род я не посрамлю. Буду драться так, как русские в Отечественную войну с французами бились. Немец, конечно, покрепче будет нутром, но и его грудь русский штык проколет. Ну, а если паду наземь убитым, то не обидно будет. За землю нашу русскую и жизнь можно отдать», - делился мыслями он со своими земляками. «Тебе чо? У тебя ни жены и ни детей нет. А вот чо будет делать моя жена с двумя пацанами-погодками, если меня убьют? Придётся идти с протянутой рукой по миру и кланчить на пропитание? Никакого резона у меня нет, чтобы быть убитым», - не согласился с Василием Иван Чернов, призвавшийся на службу из деревни Осиновки. Он был из семьи переселенцев, которые по столыпинской реформе в 1910 году прибыли в Большесорокинскую волость из Тульской губернии и осели. Внешний вид Ивана соответствовал фамилии. Высокий, худощавый и очень смуглый на лицо. По возрасту он даже Степана на год был старше. «А кто тебя заставлял до службы жениться? Неужто припёрло? Очень сильно захотелось бабьей ласки?» - подковырнул Чикирев Пётр. «Так получилось. С детства с женой друг друга любили, а её отцу другой парень надобен был. Моя-то семья самая бедная в деревне. И вот мы, чтобы нас не разлучили, согрешили. Мне тогда только семнадцать годков исполнилось, а Наталье шестнадцать. Когда отец её узнал об этом, уже поздно было. На пятом месяце беременности Наталья оказалась. Он пошумел, пошумел, да и смирился. Но от братьев её мне хорошо перепало. Их у неё трое. Раз подкараулили меня у своей калитки, да и отходили колами до полусмерти. Наталья кинулась было помогать мне от них отбиваться, но старший брат Николай схватил её в охапку и унёс в дом. А потом и они успокоились, даже хату нам срубить помогли. Теперь вот помогают ей племяшей своих растить», - открылся землякам Чернов. «Да, Иван, у тебя есть причина от смерти прятаться. А я вот гол как сокол и одинок как перст. Глянулась мне одна девушка, очень глянулась, но только она другого избрала себе в мужья. Конечно, он-то из богатой семьи, а мы с матерью из нужды не вылезаем. Безнадёга полная. Иногда так на душе дурно становится – хоть в петлю лезь. Так что, если на фронт попадём и там меня убьют, то кроме матери и сестры плакать обо мне не кому будет», - обречённо произнёс Пироженко Фёдор, тоже из переселенцев. «Ты, Федька, брось панихиду петь. Уж и не такой ты пропащий человек. Вот закончишь службу, вернёшься домой и всё у тебя наладится. Парень ты крепкий, сметливый и на морду не урод. Будешь хорошо трудиться, будет достаток, а будет достаток – найдёшь себе невесту по сердцу и душе», - успокоил его Аверин. «А ты, Степан, что думаешь о возможной отправке нас на германский фронт?» -

спросил Чикирев. «Зачем мне об этом думать? Есть командиры, которые обязаны это делать. И если вдруг они завтра посадят нас в теплушки и повезут на запад, то сбежать не буду. Хотя и умирать в такие годы не хочется», - спокойным голосом ответил Аверин. «Петруха, а у тебя самого какие мысли на этот счёт? Неужели сильно испугался немцев? Всех пытаешь, а сам о своём молчишь, как рыба», - улыбнулся Губин. «Ты не боишься германцев, а я думаешь слабее тебя характером буду? Нет, братушка, мы с тобой породы и крови одной, поэтому и чувства к врагу России мы испытываем одинаковые», - вывернулся Чикирев - самый весёлый и разбитной парень из сорокинских земляков.

Но все разговоры о скорой отправке на фронт оказались напрасными. В гарнизоне всё чаще и чаще стали появляться какие-то гражданские лица, с лихорадочно горящим взглядом на избитом оспой лице и выкрикивали революционные лозунги, за которые ещё совсем недавно можно было попасть под военный трибунал и быть осуждённым на каторгу. И не только крамольные слова произносили эти люди, но и распространяли среди военнослужащих огромное количество листовок с призывами о прекращении войны и свержении царской власти. Офицеры гарнизона и городская жандармерия пытались задерживать этих людей и передавать в руки гражданских властей, но не проходило и недели как эти же самые горлопаны вновь появлялись в расположении гарнизона. Слушая людей с горящими глазами и читая листовки с крамольными призывами, Василий с удивлением спрашивал командира взвода, Носкова: «Господин штабс-капитан, почему эти люди безнаказанно хозяйничают в гарнизоне? Это же закрытая для гражданских лиц территория? Тем более, что они призывают к свержению царя, нашего Верховного главнокомандующего!?!». Тот, почему-то отводил глаза и неопределённо отвечал: «Об этом необходимо спросить у тех военных чинов, которые в Петрограде и Москве в штабах сидят. А мы люди маленькие. Будет команда этих провокаторов в гарнизонную тюрьму посадить, мы её в два счёта выполним». Но шло время, а команд таких от высоких начальников не поступало. Более того, в Петропавловском гарнизоне был создан солдатский комитет, который стал открыто вмешиваться во внутреннюю жизнь военных. Особенно он активизировал свою деятельность после февральской буржуазной революции. И хотя Временное правительство на словах ратовало за продолжение Первой мировой войны до победного конца, разброд и шатание парализовали деятельность военной машины. Даже офицеры были подвержены смятению и полному непониманию возникшей ситуации. Слова присяги о верности царю и отечеству, которые они произносили при вступлении на воинскую службу,

потеряли свой смысл, а взамен им никто ничего не предложил. В гарнизоне стало процветать пьянство, разврат, неповиновение и откровенное хулиганство. Солдаты, подстрекаемые членами комитета и почуявшие слабинку, вели себя вызывающе и нередко избивали своих командиров за то, что те требовали выполнения воинского устава. Многие из них, наслушавшись сладких речей бойких и наглых революционеров, вступали в их общество и рьяно защищали крамольные идеи. И чем дольше продолжалась политическая неразбериха, тем глубже в солдатскую жизнь проникали бредни социалистов. Даже из числа земляков Василия появились сторонники этих глашатаев. Первым к ним примкнул Иван Чернов, а следом за ним в этой же компании оказался и Федор Пироженко. Василий к такому решению своих сослуживцев отнёсся с пониманием, но сам о вступлении в эту политическую организацию даже думать не хотел. И когда Чернов Иван спросил его, почему он не хочет быть в одном ряду с теми, кто защищает права простого человека, ответил: «Мои права защищать не надо. Я потомственный хлебороб и буду им до конца своей жизни. А земли в Сибири глазом не окинуть и трудиться на ней нам пока никто не запрещал». Не понимал Василий сладкие речи краснобаев-революционеров. Приученный с раннего детства к тяжёлому труду и не понаслышке знающий цену, какой достаётся материальное благополучие крестьянину, он не верил в то, что это благополучие можно получить, отняв его у кого-то. Наедине с собой парень рассуждал: «Ну, хорошо, заберут бедные у богатых их драгоценности, дома, коней, упряжь, одежду и прочее барахло, пропьют-проедят, а дальше что? Кто для них материальные блага создавать будет? Бывшие богатые? Так их мало, да и делать они ничего не умеют, кроме как властвовать, на баллах мазурку танцевать и в кабаках кутить. Так что хочешь-не хочешь, а закончится барахло, отнятое у богатых, и вновь придётся впрягаться в лямки мужицкие. Но после хорошей жизни и дармовых щей ой как тяжело делать это будет». В общем, не дотягивало политическое сознание Василия до уровня взглядов на жизнь тех, кто агитировал за всеобщее равенство, братство и свободу. Сторонился общения с революционерами и его друг Степан Аверин. Тот вообще не любил людей крикливых, злых, завистливых и падких на чужое добро. Немногословный, он слушал их с серьёзным выражением лица и только в конце речи выдавливал из себя единственное слово, характеризующее очередного оратора: «Балаболка». Это слово не нравилось Фёдору Пироженко, и при первой же возможности, он постарался ущипнуть земляка: «Ты, Степан, говоришь так потому, что собственник и почти офицер. Вы с Губиным одного поля ягода. Дай вам волю и возможность, так вы, хоть сейчас готовы стать эксплуататора-

ми бедного крестьянства». На мгновение в глазах Степана вспыхнули искорки гнева, но, погасив их, он спокойно ответил: «Мы с батей и братьями сами способны прокормить себя и свои семьи. А вот над такими, как ты, я бы покомандовал немного. Научил бы вас работать так, что вы навсегда забыли бы заглядывать в чужой огород, на чужое добро».

Вялотекущая жизнь в воинском гарнизоне, заполненная хаосом и командной неразберихой, продолжалась несколько месяцев. За это время не только у солдат, но и у офицеров пропало рвение нести ратную службу. Многие из них стали подавать рапорты на имя больших начальников с просьбой освободить их от должностей и разрешить отбыть из гарнизона по месту проживания семей и родственников. Но большие начальники возвращали им рапорта с отказом, мотивируя тем, что рассматривать и решать такие вопросы им временно запрещено. Тяготило бесполезное время препровождения в гарнизоне и военнослужащих срочной службы. «На германский фронт нас не отправляют, учений с нами не проводят, даже караульная служба стала необязательной. Распустили бы по домам и не тратили бы на нас понапрасну вещевое довольствие и продукты», - высказывали мысли вслух многие солдаты. Но время шло, а такого решения никто не принимал. Не теряли время зря только те, кто усердно старались развалить армию, сменить власть и объявить себя спасителями России, чтобы потом её грабить и унижать. Не было у этих людей других целей, как вознестись над безграмотными, богопослушными и доверчивыми гражданами страны. Для достижения поставленных целей эти люди шли на всё: на предательство, на подкуп, на обман, на пустые обещания и на многое другое. Они призывали солдат-землепашцев покидать окопы войны и возвращаться домой, чтобы уничтожить своих эксплуататоров-помещиков и забрать у них землю и добро, которое те нажили в годы самодержавия за счёт их труда. А рабочему люду эти демоны революции обещали передать в собственность заводы и фабрики, на которых те работали. В общем, каждый человек, который считал себя ущемлённым и обездоленным при царском режиме, в их обещаниях находил то, что для него являлось самым главным и желанным. Поддавшись иллюзии всеобщего равенства и братства, многие из них пополнили ряды профессиональных революционеров, создавая тем самым силу, которая в дальнейшем будет направлена умелыми и ловкими дельцами против своего народа.

Критическая масса политического паралича стала разваливаться сразу же как только до Петропавловского гарнизона дошло сообщение о произо-

шедшем в Петрограде октябрьском перевороте. Буквально через десять дней после этого события, под давлением народной массы и возглавивших её революционеров с горящими глазами, было принято решение о ликвидации воинского формирования и о демобилизации военнослужащих срочной службы. Одновременно, предлагалось, всем, кто разделял взгляды новых хозяев страны, на добровольной основе вступить в ряды красных отрядов, чтобы ускорить торжество пролетарской революции на всей территории России. И таких добровольцев набралось немало. Из большесорокинских парней к красным примкнули пятеро, а остальные, получив демобилизационные листки, стали добираться до дома. У Губина, его товарищей, а также других жителей Ишимского уезда, дорога на малую родину пролегла через город Омск. Плотнo набившись в деревянный вагон товарного поезда, бывшие солдаты, а теперь - свободные граждане, расстояние до Омска преодолевали более трёх суток. Не меньше времени потратили они и на триста вёрст от Омска до Ишима. И если учесть, что в Омске демобилизованные более суток не могли сесть ни на один из поездов, идущих на Запад, то общее время путешествия на железнодорожном транспорте заняло неделю. Но даже транспортные трудности и лютый декабрьский мороз не смогли погасить в сердцах бывших солдат радость ожидания с родными и близкими. Оказавшись, наконец, на станции Ишим, бывшие однополчане тепло распрощались и стали группами разбредаться по разным направлениям большого уезда. Переночевав в городе у дальнего родственника Степана Аверина, земляки ранним утром вышли на большак и выдвинулись строго на север. Изначально понимая, что с попутным транспортом им вряд ли повезёт, они, не оглядываясь, устремились вперёд. В начале пути снег на дороге был плотно наезжен санными полозьями, но чем дальше они удалялись от города, тем слабее и рыхлее становилась колея. Однако молодые крепкие ноги, натренированные на общевоинских учениях и в повседневных занятиях, не зная устали, несли своих хозяев вперёд, на свою малую родину. К полудню они добрались до села Прокутское, что в двадцати пяти верстах от Ишима, и перекусив в придорожной чайной, двинулись дальше. Но какими бы молодыми и сильными ни были бывшие служаки, через восемнадцать вёрст, в деревне Рядовичи, они вынуждены были напроситься к местному жителю на ночёвку. Вначале тот воспринял их просьбу с прохладцей, но, узнав среди отставных служивых Петра Чикирева, пригласил в избу, напоил чаем и расстелил им прямо на полу овчинные тулупы.

Наутро, поблагодарив хозяина за гостеприимство, группа армейских товарищей раскололась пополам. Трое - Чикирев Пётр, Стрельцов Афанасий и Зна-

менщиков Григорий свернули с главной дороги на восток, в сторону деревни Большое Пинигино, а Василий, Степан и Суздальцев Егор продолжили свой путь прямо. И несмотря на свирепый сорокаградусный мороз и занесённый позёмкой санный путь, ноги, словно подчиняясь настроению души, без усталости расталкивали снежные перемёты и несли своих хозяев к родному очагу.

В село Большое Сорокино демобилизованные вошли ещё до обеда. От радости встречи с ним в груди у молодцев учащённо забились сердца, а в глазах вспыхнул огонёк счастья. «Ну, вот, парни, мы и дома!» - воскликнул Суздальцев Егор и по-мальчишески громко повторил: «Дома!». «Это мы со Степаном дома, а тебе до своей деревни ещё две версты сугробы мерить», - хотел Василий остудить пыл душевного восторга друга. «Да для меня сейчас это просто лёгкая прогулка по морозцу. Не успеете ещё всех своих родных и близких обнять и расцеловать, как и я на крыльцо родительского дома поднимусь», - ответил Егор и крепко пожав товарищам руки, почти бегом помчался в сторону деревни Малое Сорокино.

Первым, кто встретил Василия на подходе к дому, был Букет. И, несмотря на то, что когда молодой хозяин уходил в армию, он был ещё щенком, пёс узнал его почти сразу. Рыкнув грозно пару раз для порядка, он вдруг завилал хвостом, упал животом на снег и лая и повизгивая от радости, стал ползти в сторону Василия. «Вот шельмец! Неужели и вправду узнал меня!? Мы же с тобой расстались, когда ты ещё совсем глупенький был!» - растроганным голосом произнёс отставной военный и ласково погладил четвероногого друга по голове. Пёс с благодарностью лизнул языком его руку, вскочил на лапы, и круто развернувшись, побежал к тесовой калитке.

Появление Василия в родительском доме произвело нешуточный переполох. Конечно, его возвращения со службы с нетерпением ждали, но даже и не представляли себе, что оно будет таким неожиданным. После отречения царя от власти и свершившейся в Петрограде революции по селу бродили разные слухи по поводу роспуска российской армии, но мало кто верил в то, что это может произойти на самом деле. Всё-таки, как-никак, а война с германцами продолжалась, и у России были договорные обязательства перед союзниками, которые она должна была выполнять. Да и слухи-то эти доходили до сибирской глубинки спустя много времени после свершившихся событий. Поэтому когда Василий перешагнул порог из сеней в избу, то младшие сёстры-близняшки, которые первыми увидели его, застыли на месте и не сразу сообразили, что им делать и как вести себя дальше. Но после минутного замешательства, они

враз соскочили с лавки, стоящей на кухне у окна напротив печного творила, и с ликующими возгласами бросились обнимать и целовать брата. Услышав радостный крик дочерей, из горницы вышла Евдокия Матвеевна и посмотрев в сторону, откуда раздавался визг двойняшек, всплеснула руками и стала медленно оседать. Заметив это, Василий бросился к матери на помощь и подхватив под руки, посадил её на лавку, с которой только что вспорхнули сёстры. «Что с тобой, мама? Ты хвораешь?» - испуганно спросил Василий и опустился перед ней на колени. Евдокия Матвеевна молча погладила сына по голове, затем машинально провела ладонью по лицу, словно хотела удостовериться, что это он, а не кто другой, и тихо-тихо заплакала. «Мама, ты почему плачешь? Я же вернулся здоровым и невредимым, а значит радоваться надо», - с нежностью в голосе произнёс Василий. Не отвечая, Евдокия Матвеевна взяла руками его голову и прижала к груди. Сын безропотно повиновался воле матери и в одно мгновение перед его глазами стали появляться картинки из недавнего, но уже далёкого детства. Василий остро чувствовал, насколько он дорог матери, и знал, что её сердце не выдержит и разорвётся на мелкие кусочки, если с ним что-то случится. Молчаливую сцену встречи сына прервал голос Ивана Васильевича: «Вы почё все на парня навалились?! Он ведь только что с дороги. Устал, поди. А ну, девки, оболакайтесь и марш воду из колодца в баню таскать. Василия пропарить хорошенько надо!» - скомандовал он и обратился к сыну: «Отрывайся от мамки-то. С отцом пора поздороваться». Василий осторожно ладонью вытер крупинки слёз на щеках матери, по-сыновни нежно поцеловал её и поднялся на ноги. «Ты посмотри, Евдокия, как он возмужал! Гренадёр, да и только! И до чина начальника армейского дослужился! Молодец! В нашу породу пошёл, в губинскую!» - восклицал, рассматривая сына, Иван Васильевич. «Может в губинскую, а может, в чикирёвскую», - невольно вырвалось у Василия. «В губинскую! В чикирёвскую если только ростом удался, а характер-то в тебе наш, губинский!» - примирительно, но твёрдо произнёс отец и обнял сына за плечи. Евдокия Матвеевна грустно улыбнулась, поднялась с лавки, и, как бы между прочим, произнесла: «Вот и солнышко вернулось на землю. А то без него очень холодно в доме было». Василий с удивлением посмотрел на мать, затем в закрытое наполовину шторкой окно и хотел было что-то сказать, но отец опередил его: «Это она о тебе говорит. Ждала очень сильно». В порыве нежности и благодарности за материнскую любовь, Василий вновь подошёл к Евдокии Матвеевне, обнял и тихо произнёс: «Закончилась моя служба, мама. Теперь буду рядом с тобой и тятьей. Тяжело, наверное, вам без меня с хозяйством управляться?». «Ничего, сынок. Потихоньку, с божьей помощью, справ-

ляемся. Да и девки становятся проворными и мастеровитыми. Но на них-то - какая надежда? Ещё три-четыре года и замуж повыскакивают. На мужниных родителей будут работать», - вновь ответил за жену Иван Васильевич. «Да, что это я так раскисла? Прямо никак не могу прийти в себя. Переволновалась я, Васенька, сильно. Уж больно неожиданно ты появился в доме. Я и не чаяла тебя так скоро увидеть. Мне бы радоваться, петь и плясать от счастья, а я тоску на всех нагоняю. Ты уж не обижайся на меня, сынонька. Я сейчас охлыну от наваждения и обедом вас кормить буду», - встрепенулась Евдокия Матвеевна и грустно улыбнулась. Почувствовав, что мать потихонечку успокаивается, Василий повернулся к отцу и спросил: «Большое хозяйство нынче в зиму пустил?». «А что я тебе буду рассказывать, переоблокайся в тёплое и пойдём на двор сходим. Всё сам своими глазами увидишь», - предложил Иван Васильевич сыну. «Да куда ты его тащишь, старый? Пусть хоть отогреется с дороги. Успеет ещё насмотреться на твоё богатство», - запротестовала мать, из чего Василий сделал вывод, что душевное равновесие в ней окончательно восстановилось. «Не переживай за меня, мама. Я хорошо себя чувствую. Пока мы с тятей ходим по двору, ты обед на стол поставишь», - высказался он. «Ну, ладно. Идите. Но недолго. Я же знаю, как отец перед тобой хочет похвалиться. Все уши прожужжал: «Вот сын придёт с армии, мы с ним табун коней заведём», - отступилась Евдокия Матвеевна. Василий быстро сбросил с себя всё армейское, с трудом натянул утеплённые штаны, в которые два года назад свободно влазил, достал с печки нужного размера пимы, накинул на круглые мускулистые плечи полушубок из овчинных шкур, подпоясался кушаком, выпрямился, и едва не касаясь потолочной матки головой, весело доложил: «Отставной фельдфебель Губин к продолжению несения крестьянских обязанностей готов». Иван Васильевич посмотрел на сына и с восхищением произнёс: «Силён, варнак!». «Баской и добрый», - добавила Евдокия Матвеевна.

Осмотр домашнего хозяйства занял у отца с сыном почти час. И если сами постройки заметного изменения за последние годы не претерпели, то в их помещениях в дополнение к тем, что были, появились новые обитатели. «Ноне, мы в зиму с матерью оставили пять дойных коров, две нетели, бычка и пятнадцать овец. Пришлось пристраивать к пригону ещё одно помещение, чтобы уместить всех. Две пары коней держим и жеребёнка. Без коней не справиться в поле. Ещё пару хотел завести, да побоялся, что не осилю. Но теперь-то обязательно заведу. Двоим сподручней будет за ними ухаживать. Да и земельки на пару десятин побольше распашем. Семенного зерна должно хватить и на них. Нынешнее лето хорошее было. И хлеба удались и сена заготовили одён-

ков сто, а то и больше», - знакомил сына с состоянием дел Иван Васильевич. «А Воронко тоже в упряжке ходит?» - поинтересовался Василий, вспомнив, длинноногого, весёлого, чёрного окраса с белой звездой на лбу жеребёнка. «Нет, его я пока на тяжёлых работах не использую. Да и вряд ли буду. Уж больно он породистый и норовистый. Наверное, жеребцом на племя оставляю», - ответил отец и направился к конюшне. Несмотря на то, что за два года из длинноногого жеребёнка Воронко превратился в красавца-жеребчика, Василий узнал его сразу. Он был на пол-аршина в холке выше и почти на аршин длиннее, чем остальные лошади, стоящие за пряслем пригона, а в его огромных, влажных глазах навыпучку не было той усталости и безразличия, какими отличались его собраты. Почувствовав рядом с хозяином незнакомого человека, Воронко оторвался от корыта с овсом, высоко задрал голову и с озорством заржал. «Так вот ты каким стал красавцем!» - не удержался от восторга Василий и добавил: «Пора и тебя к делу пристраивать». «Не объезженный он ещё пока. Ты то не разучился на вершне сидеть? А то мне тяжело с ним сладить, норову-то в нём, хоть отбавляй», - с гордостью за жеребчика сказал Иван Васильевич. «Вроде не успел разучиться. В армии тоже много приходилось с конями возиться», - успокоил Василий. «Ну, вот и ладно. Недельку отдохнёшь, с родными и друзьями-товарищами повидеешься, а там потихонечку за дела наши браться начнёшь», - выдал устранивку сыну на ближайшее время Иван Васильевич и на том осмотр хозяйства закончил. Когда они вернулись в избу, то их уже ждали. Стол был по-праздничному накрыт, а вокруг него суетились успокоившаяся Евдокия Матвеевн, и весёлые сёстры-близняшки, которые с детства обожали старшего брата, и очень сильно соскучились по нему. «Ну, что, Василий Иванович, с возвращением тебя домой!» - торжественно произнёс Иван Васильевич и поднял вверх гранёный стакан, наполненный водкой. Затем выпил залпом содержимое до дна, крикнул, задержал дыхание и через минуту произнёс: «Хороша, зараза! На ярмарке ноне купил, когда зерно продавал. Специально для твоего возвращения приобретал и берёг», - сообщил с гордостью отец и стал закусывать.

Баня истопилась и настоялась, когда на улице уже стемнело. Как и было издавна заведено в деревенских семьях - в первый пар пошли мужики. Пробыв в бане более часа и от души напарившись берёзовыми вениками, в дом отец и сын вернулись в хорошем расположении духа и с покрасневшими лицами. А на следующий день Василий, как и предсказывал отец, отправился навещать своих друзей и родных.

Праздная жизнь закончилась сразу как только в родном доме в воскресенье прошла застолье, на которую были приглашены близкие родственники и друзья. Из Большого Пинигино приехали старшая сестра Лиза с мужем Николаем и родной брат Евдокии Матвеевны Семён Матвеевич Чикирев со своей женой Василисой Яковлевной. Гуляли долго, до полуночи, но пьяных и буйных не было. Зато песен старинных, которые за душу хватили, и частушек звонких под гармошку, на которой играл сам Василий, прозвучало много.

Ну, а уже на следующее утро наступили привычные для крестьянина рабочие будни. Руки Василия быстро вспомнили то, что они делали два года назад и с прежней ловкостью вступили в работу. Ежедневный уход за скотом, колка дров, расчистка двора и дорожек от снега и ремонт инвентаря, который потребует сразу, как только солнце прогреет землю, стали неотъемлемой частью его жизни. Молодого, ретивого Воронко Василий объезжал достаточно долго. Сначала приучил его ходить в седле, затем под седоком, и только в конце стал запрягать в сани. А так как обычные оглобли для породистого Воронко были коротки, то специально под него молодой хозяин изготовил новые. И когда, наконец, жеребчик смирился со своей участью, он стал покладистым и верным, но только в отношениях с Василием. А с остальными по-прежнему держал дистанцию отчуждённости. Незаметно парень привязался к Воронко и каждый день баловал его парным хлебом, который выпекала мать в русской печи. Месяца три прошло после того, как Василий вернулся домой, а он уже почти забыл о времени, проведённом в Петропавловском военном гарнизоне. Весь без остатка ушёл в работу парень. Правда, иногда, когда встречался с Авериным Степаном, братом Петром или с другими сослуживцами, то яркие эпизоды проведённых дней в армии становились основной темой их разговора.

Не обходили они стороной и тему смены власти всех уровней, от губернской до волостной. Началась она вскоре после того, как в Петербурге произошёл октябрьский переворот, и стремительно набирала силу. В начале 1918 года в Большом Сорокино был образован сельский совет и создана партийная ячейка большевиков. Председателем сельского совета избрали уважаемого в среде жителей Суздальцева Ивана Даниловича, а секретарём партийной ячейки стал коммунист-большевик Сидоров Владимир Сергеевич, присланный из Тюмени. На первых порах новая власть не мешала жить и работать населению села, и те её поддерживали как могли. А некоторые жители, в основном представители бедных семей, даже вступали в партию большевиков и проявляли завидную активность. «Вот если бы они так шустро летом на своём поле ро-

били, тогда бы не сверкали голыми задами на морозе», - шутили мужики и нарочито подбострастно кланялись новому начальству. Те понимали, что односельчане над ними насмеются, но вида не подавали и ждали момент, когда власти у них станет больше. Василия и Степана Сидоров тоже приглашал в сельский совет и настоятельно предлагал вступить в партийные ряды. «Мужики вы грамотные, молодые, положительные и в народе уважаемые, кому, как ни вам, стать во главе революционных преобразований в родном селе», - издалека начинал он свой разговор. «Я не прошу вас сразу отвечать. Подумайте хорошенько, обмозгуйте, и приходите с готовым решением. Рад буду, если оно будет положительным», - заканчивал словами вежливого наставления секретарь партиячейки. «Ты уж не обижайся на меня, Владимир Сергеевич, но от такого предложения я и в армии отказался и сейчас отрицательно отвечу. Некогда мне партийными делами заниматься. В моей семье всего два мужика - я да тятя, который стареть начал. Не оглянешься, сёстры замуж выйдут и наш дом покинут. Кто тогда с хозяйством управляться будет? А оно у нас немаленькое», - категорически отверг предложение Василий. «Ну, а ты, что скажешь Степан? В твоей-то семье, кроме тебя, ещё четверо братьев. Ты парень думающий, рассудительный, да и в армии видно на хорошем счету был, раз до фельдфебеля дослужился. Ох как нужны сейчас партии такие люди, чтобы советскую власть на сибирской земле побыстрее укрепить. Поможешь партии в трудную минуту, а она тебя сделает большим человеком. На то и революция свершилась, чтобы того, кто был никем, сделать всем», - умасливал друга Василия секретарь партийной ячейки. «Почему это я являюсь никем? Я был и есть сын крестьянский. Потомственный хлебопашец. Деды и прадеды мои сибирскую землю обрабатывали, скот выращивали и достаток в семьях поднимали. И не только свои семьи хлебушком и другими продуктами обеспечивали, но государству положенную долю исправно отдавали. Теперь настала пора мне создавать свою семью и заботиться о ней», - неожиданно произнёс многословную речь Степан Сидоров даже опешил от такого ответа. Немного оправившись, он сказал: «Так ведь партия коммунистов не против семьи и крестьянского труда. Трудись на здоровье и детей заводи сколько сможешь прокормить. Большевики как раз и хотят, чтобы в России были крепкие и многодетные семьи. И если ты вступишь в ряды нашей партии, то это не значит, что должен будешь забросить все крестьянские заботы и заниматься только агитацией за советскую власть. Твоё вступление в партию послужит наглядным примером для других достойных молодых людей села. Может даже и твой друг, Василий Иванович, решится на этот шаг. И чем таких людей в партии будет больше, тем станет крепче новая

власть. Вы же не старики ещё и должны понимать, что коммунисты всероссийскую революцию свершали в интересах простого народа из рабочих и крестьян, которые и должны теперь управлять всей страной». Но как бы он ни уговаривал товарищей, какие бы мудрые или лестные слова ни говорил, от своего первоначального решения они не отказались. Эти здоровые рассудительные парни думали не о мировой пролетарской революции, а о предстоящем летнем сезоне, от которого зависела судьба крестьянского благополучия. И несмотря на то, что в уездном городе Ишиме и губернском - Тюмени - происходили бурные политические события, их глубинку они не затрагивали. Постепенно жители волостного села и окружающих его деревень стали входить в спокойное житейское русло. Но ближе к лету заметно увеличилось количество мужиков, возвращающихся с германского фронта домой. Почти половина из тех, кто призывался на фронт, осталась на полях сражений, а третью часть от живых составляли калеки. Кому-то оборвало руку или ногу, кто-то оказался во время газовой атаки немцев в окопе и отравился, а некоторые попали в плен к ним и были отпущены согласно позорному для России Брест-Литовскому договору, который третьего марта подписало большевистское правительство. Стоны горя и слезы радости слышались почти из каждого сельского двора. Но какое бы горе ни терзало и не разрывало на кусочки крестьянские души, с приходом весны и время сева, боль в них на время притуплялась. Народная поговорка «Один весенний день весь год кормит» для хлебопашцев не пустые слова, а призыв к действию. Поэтому, как только стаял снег, и можно было смело начинать распахать землю, село, словно разворошённый улей, начало гудеть, звенеть и разъезжаться по своим наделам. Для деревенских людей это время спокон веков считалось праздником труда, который они с нетерпением ждали всю холодную и скучную зиму. А перед выездом на поля, каждая семья успевала заготовить необходимое количество березовых дров и по-хозяйски уложить поленья в длинные и ровные поленицы.

Той весной Губины с заготовкой дров справились успешно, увеличив их количество почти в два раза по сравнению с предыдущим годом. А когда пришла пора полевых работ, то все, кроме Евдокии Матвеевны, выехали в сторону деревни Знаменщики, где за их семьёй уже десятки лет был закреплён участок пахотной земли и луговых покосов. Работа предстояла тяжёлая, но чтобы не упустить из почвы влагу, сделать её необходимо было в самые кратчайшие сроки. Поэтому члены семьи появились дома только по завершении посевной. И то - лишь сёстры-близняшки, а отец с сыном продолжили работы по подготовке дополнительных площадей к осеннему посеву ржи. На время, ко-

торое семья вынуждена была проводить в полевых условиях, на краю опушки, рядом с берёзовым колком мужики обустроили стан. Из веток соорудили большой шалаш, покрыв его прошлогодним сеном, скидали в него почти одёнок душистого визилия, и поверх сенной подстилки положили с десяток овчинных шкур. Так что особого неудобства даже сёстры Василия не испытывали. Сам он спал в фургоне, положив один тулуп под себя, а вторым прикрывался во время утренних заморозков. И если весенняя ночь выдавалась звёздной, то молодой мужчина часами наблюдал за мерцающими светилами и мечтал о будущей жизни. «Вот уродится нынче хороший урожай, соберём его во время, тогда можно будет подумать и о своей семье. Всё-таки двадцать один год стукнул, пора и жену присматривать. Правда, у отца с матерью уже есть на примете такая девушка. Они давно мечтают породниться с Аверинными. Но моё сердце почему-то не лежит к Варваре. И хоть девка красивая, невеста завидная, и Стёпка мой друг, а тяжело мне будет смириться с выбором родителей. Может, не торопиться пока с женитьбой? Вдруг встречу ту, которая в душу западёт и голову мне вскружит?» - рассуждал парень и незаметно забывался во сне.

Посевные работы Губины окончательно закончили в конце мая, а уже в конце июня приступили к сенокосу. Так, что у Василия не было время прохладиться, а необходимо было все силы направлять на то, чтобы достойно подготовиться к приходу очередной зимы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Лето пролетело незаметно и наступила пора уборки урожая, который обещал быть обильным. Благодатное черноземье здешних мест, своевременные дожди и с любовью исполненный крестьянский труд являлись надёжным гарантом таких ожиданий. И вновь всё деревенское население пришло в движение. Не было более важной задачи в жизни людей, чем собрать в срок и без потерь всё то, что вырастили. Все члены семей, способные держать в руках нехитрые орудия производства, от темна до темна, безропотно выполняли долг хлебороба. Втянувшись в невероятно тяжёлый труд, не обращая внимания на рваные мозоли на ладонях и на ноющую боль в спине, ногах и мышцах, мужчины обмолачивали снопы, затаривали огромные мешки семенным и пищевым зерном, грузили их на телеги и увозили домой на хранение. А часть необмолоченных снопов укладывалась в огромные скирды и ждала своего часа.

Глава семьи Губиных радовался обильному урожаю как никогда раньше. «Очень даже кстати сын вернулся домой! У него силищи - непочатый край, да и я ещё не совсем пропащий! Даст Бог, справимся со всеми осенними заботами и задел хороший обеспечим на следующий год. Сказывают, ноне вновь Готопутовская ярмарка заработает. Может, удастся пару хороших жеребят приобрести да сбрую поменять», - делился он с женой своими сокровенными мыслями. «Ты только Василя не загони. Хоть и не обижен он силушкой, но молод ещё», - предостерегла Евдокия Матвеевна мужа. «Всё за любимчика своего беспокоишься. Не переживай. Он уже не мальчик. Двадцать второй год идёт. Мы с тобой в эти годы уже семьёй жили», - отмахнулся Иван Васильевич. И немного помолчав, добавил: «Разберёмся с делами, начнём думать о свадьбе. У Авериных Варвара в самый сок вошла. Не перезрела бы девка». «Куда торопиться со свадьбой-то? Пусть Василий ещё погуляет. Варвара-то его на два года моложе», - возразила мужу Евдокия Матвеевна. «Нече лишнее перегуливать. Хоть парень

он у нас видный, а Аверины могут и другого жениха дочери подыскать. Невеста она завидная и приданое за ней немалое», - стоял на своём Иван Васильевич. Но Евдокия Матвеевна разговор на эту тему продолжать не стала, так как материнским сердцем чувствовала, что не лежит душа у её любимого сыночка к Варваре, а насильно делать его несчастливым она не хотела. «Пусть ещё походит в женихах. Может сам решит, на ком ему жениться и с кем семью заводить», - подумала Евдокия Матвеевна и занялась своими делами. Не знала она ещё тогда и не догадывалась даже, что уже скоро для её сына, их семьи и всего сибирского народа наступят страшные испытания и лишения.

Началось всё со слухов об уничтожении в Сибири советской власти и утверждении на её территории порядков великого Российского государства, которое возглавил царский адмирал Александр Васильевич Колчак. Вначале этим слухам крестьяне не очень верили, но после того, как село в спешке покинули все коммунисты и активисты, они стали уже почти фактом. Окончательно почувствовали сорокинцы на себе новый порядок в начале декабря, когда ранним утром в пределы села внезапно ворвался эскадрон казаков и приступил к насильственной мобилизации на войну с коммунистами мужчин от 18 до 40 лет. Более того, все новобранцы обязаны были обеспечить себя лошадьми, провиантом на несколько дней и амуницией. Закончив мобилизацию, казаки кинулись экспроприировать имущество зажиточных крестьян. Забирали справных коней, охотничьи ружья и не брезговали тёплыми вещами. Практически каждая семья была вынуждена расстаться с лучшим, что имела.

В числе мобилизованных оказались и бывшие однополчане. Губин Василий, Аверин Степан и Суздальцев Егор, как и большинство односельчан, были подавлены новым для себя положением и искали причины, чтобы остаться рядом с родителями. Но никакие просьбы матерей и предложения внести за сыновей выкуп на казаков не действовали. А узнав, что Василий и Степан являются фельдфебелями царской армии, командир эскадрона смачно высморкался и скривив рот, презрительно произнёс: «Вам сам бог велел стать в первые ряды бойцов белой гвардии и не жалея живота биться с красной чумой. В противном случае мы вас прямо здесь, перед всеми гражданами села, расстреляем как предателей России». Вскипела была кровь в жилах молодых парней, но разум сильнее оказался. Единственно, что им позволил сделать казачий офицер, это попроситься с родителями, и то - с оговоркой: «Если через час не появитесь в расположении эскадрона, заберём всё имущество у ваших родных и сожжем избы». Как и предполагал Василий, прощание с родителями

и сёстрами получилось очень тяжёлым и нервным. Сёстры ревели не переставая, а Евдокия Матвеевна держала его руку и слабым голосом вопрошала: «За какие такие грехи Бог разгневался на нашу семью и отнимает любимого и единственного сына? Что мы сделали не так, чтобы такие жертвы ему приносить? всю жизнь блюдем божьи законы, и выполняем заповеди Христовы. Боженька, прошу тебя, сохрани нашего сына! Не дай ему погибнуть на сторонке чужой! Обещай, что не осиротишь и не обездолишь нас. Пусть будут прокляты все эти красные и белые дьяволы, которые разрывают на куски судьбы человеческие!». «Мама, мне пора», - тихо произнёс Василий и поднялся с лавки. «Побудь ещё минутку со мною рядом», - попросила Евдокия Матвеевна. «Не могу. Время закончилось. Ты только не убивайся обо мне так сильно. Я обязательно живым и невредимым вернусь. Весной нам с батей ещё десятину надо будет готовить под посев. Да и новую пару лошадей объезжать, кроме меня - некому», - ласковым голосом произнёс сын и улыбнулся. Но его по-детски наивная улыбка только усилила тревогу Евдокии Матвеевны. В её глазах сверкнули слёзы, она низко опустила голову. «Ну, всё. Хватит мокроты. Пойдём, Василий, на улицу, а то там тебя поди уже хватились и скоро посыльного пришлют», - уверенным голосом вовремя вмешался Иван Васильевич и первым вышел в сени.

«Может мне Тюничку взять на службу, а Воронко дома оставить?» - спросил Василий у отца. «Нет, сын, забирай жеребца. Лучше ты на нём будешь сидеть, а не какой-нибудь чужак. Я видел - один казак, когда наше хозяйство осматривал, на него глаз положил. Понравился, видно, он ему. Да и как мог не понравиться наш красавец. В Большом Сорокино-то он один, пожалуй, такой. Так что береги Воронко. Если даст Бог, то мы от него ещё и потомства дождёмся», - рассудил Иван Васильевич и добавил: «А в первую очередь свою голову береги. Особого рвения в бою не проявляй, но и от врага не убегай. Что подделаешь, раз на роду тебе написано оказаться на войне. Правда, какая это война? Разве может войной называться братоубийство?».

Попрощавшись с родными, Василий осторожно положил на спину жеребца два мешка с овсом, накинул на плечи лямки большой холщовой сумки с продуктами, взял под уздцы Воронко и направился в сторону базарной площади, которая являлась местом сбора всех мобилизованных.

Назначив пожилого, но не утратившего выправку заправского служачки, Ефима Сеногноева волостным старостой и наделив его полномочиями представителя верховной власти, эскадрон казаков и новобранцы после полудня

покинули село и выдвинулись на север. Первую остановку эскадрон сделал в селе Готопутово. Здесь так же, как и в Большом Сорокино, была проведена мобилизация молодых мужчин и изъято у зажиточных крестьян имущество в виде коней, продуктов, одежды и даже драгоценностей. И здесь так же, как и в родном селе Василия, никто не посмел возразить вооружённым до зубов казакам. Покорство и терпение бородатых сибирских мужиков только способствовало проявлению наглости и бессердечности со стороны служивых людей и они вели себя так, как будто эти мужики были перед ними в неоплатном долгу.

На ночёвку эскадрон и мобилизованные прибыли в большое село Викулово, где уже располагался такой же отряд из казаков, который прошёлся рейдом по восточной части уезда, от села Абатское. Расквартировав новобранцев по казённым домам и частным подворьям и приставив к ним охрану, офицеры и часть рядовых казаков собрались в большой избе старосты села и устроили походное пиршество. Уже засыпая, Василий услышал их пьяные голоса и слепые винтовочные выстрелы в воздух. «И чему они так радуются? Неужели и в самом деле покончено с большевиками и в стране вновь установилась твёрдая власть монарха? Да, нет. Вряд ли. Если бы это было так, то зачем бы нас забирали в армию Верховного главнокомандующего Колчака. И почему людям мирно не живётся?» - вникнул задал вопрос Василий.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Проснулся он от мощного храпа лежащего рядом с ним на полу борода-того, внушительных габаритов, мужика. Василий ткнул его локтем, и когда тот зачмокал губами, тихо сказал: «Повернись на левый бок, а то оглохну от тебя». Мужик что-то сквозь сон буркнул, но поворачиваться не стал. А ещё через минуту его губы задрожали, и через них вновь стал прорываться скрежещущий неприятный звук. «Во, самоход, даёт! Как будто один в своей мазанке спит», - проворчал Василий и вновь ткнул соседа, но уже с силой и в живот. «Ты чо толкаешься? По харе получить захотел?» - спросил тучный мужик, открыв злые глаза. «Храп свой умерь, а то у меня уши от него закладывает», - добродушно ответил Василий. «Вечно вам, чалдонам, что-то не нравится. Может, и правда тебе по морде съездить разок, чтобы мне спать не мешал?» - зловеще произнёс бородач. «Попробуй, может, что и получится», - подковырнул Василий и на-прягся в ожидании. «Губин, тебе кто спать не даёт? Самоход из Преображенки? Так ты ему по сопалу врежь хорошенько и он успокоится», - услышался голос Суздальцева Егора, который лежал по другую сторону от Василия. «Я сейчас вам сам по сопалам надаю, жеребята необъезженные!» - огрызнулся борода-тый. Чем закончилась бы эта перепалка - сказать сложно. Но вдруг в избе по-явился казак и зычным голосом рявкнул: «Подъём! Через полчаса выступаем из Викулова. Кто не успеет собраться за это время - будет наказан!». «Повезло тебе, хлопец, что небитым остался. Вовремя казак в хату влетел», - на ходу об-ронил слова самоход. «Это ещё надо доказать, кому из нас повезло. А может благодаря казаку твоя морда целой осталась», - не уступал Василий. «Губин, ты чо застрял? Давай перекусим немного перед дорогой, а то когда ещё привал объе-влят», - услышался раскатистый голос Степана.

После короткого построения на небольшой площади напротив дома старо-сты и напутственной речи старшего офицера, два казацких эскадрона и около

полторы сотни человек мобилизованных покинули пределы села. Их путь лежал вдоль левого берега реки Ишим, в сторону крупного поселения Усть-Ишим. С трудом преодолевая снежные заносы и буреломы тайги, отряд медленно продвигался вперёд. «И зачем нас гонят в такую глухомань? Неужели красные партизаны на север подались? Вряд ли. Вчера подслушал разговор двух хорунжих, которые рассказывали друг другу о боях с красными под Омском. Из их разговора я понял, что основные силы красных партизан крутятся вокруг городов и железной дороги», - делился своими мыслями с друзьями Суздальцев Егор. «А, может, нас специально ведут северным путём, чтобы очистить волости и уезды от красных вплоть до Омска», - высказал предположение Аверин Степан, и однополчане замолчали, углубившись каждый в свои мысли.

Очередную остановку отряд сделал в небольшой деревушке Серебрянка. Спешившись с уставших коней, казаки и мобилизованные поставили перед ними торбы с овсом и стали разбирать походные мешки чтобы утолить и свой голод. Дав возможность служивым подкрепиться и немного отдохнуть, старший офицер зычно выкрикнул: «Всем мобилизованным встать во главе отряда и шеренгой в три ряда выдвинуться вперёд!». Не успели ещё Василий и его земляки определиться в конном строю, как позади себя услышали весёлый голос Чикирева Петра: «Зазнаётесь, волостные! Своих однополчан не замечаете. Нехорошо! Особенно тебе, братуха, должно быть стыдно. Как-никак, крови-то мы с тобой одной». «А ты, как в отряде оказался? Вроде в Викулово я тебя в числе новобранцев не видел?» - удивлённо спросил Василий. «Так же, как и вы. Только прибыл в Викулово позже вас и на постой был определён в крайнюю избу, к какой-то бабке. И не один я, а здесь и Афонька Стрельцов и Гришка Знаменщиков. Так что судьба нас вновь свела, как и три года назад», - ответил Пётр и засмеялся. «Ты чо ржёшь, как молодой жеребчик? Неужели тебе дюже хочется повоевать с красными?» - спросил Степан. «Да на кой хрен мне эти красные? Я радуюсь встрече с вами», - откровенно признался Пётр. Пока боевые друзья разговаривали с Чикиревым Петром, к ним присоединились и его спутники. «Ну, чо, чалдоны, вот мы и опять вместе оказались. Не знаю, хорошо это или плохо, но всё веселей будет трудности переносить», - высказался Аверин Степан, и в это время прозвучала команда на выдвижение колонны. Друзья-однополчане, заняв в строю два ряда, дёрнули поводья и мелкой рысью устремились вперёд

Только тогда, когда Воронко стал увязать по шею в сугробах рыхлого снега, Василий понял замысел старшего офицера. Отсутствие в приграничной между

двумя губерниями тайге даже слабого намёка на дорогу, заставило того выставить вперёд мобилизованных, чтобы грудью своих коней они прокладывали путь его эскадронам. Более пяти часов, выпрыгивая, спотыкаясь и падая, иногда ставая на дыбы, обречённые на физические истязания, бедные животные вынуждены были выполнить эту непосильную задачу. От жалости к своим четвероногим друзьям у Василия и его товарищей сердце сжималось в комок, но помочь им ничем они не могли - спрыгнув с их спин, они сами оказались в снежном плену. И лишь когда впереди послышался лай собак, Василий с облегчением выдохнул. А вскоре первые конные ряды, в составе которых были и однополчане, вошли на территорию деревни, и их мучение закончилось. Но, как оказалось, благополучным оно было не для всех. Более десятка лошадей не выдержали физической нагрузки и в предсмертной конвульсии были добиты пулями казаков. А их хозяева, следуя за кавалергардским отрядом, до деревни добирались пешком.

Низко опустив головы, взмыленные и шатающиеся от усталости, кони останавливались сразу же, как только получали на это команду. Спрыгнув с вершины, Василий и его боевые товарищи привязали лошадей к коновязи, скинули с них сёдла и поклажи и стали до суха обтирать мешковиной им шею, грудь и спину. Только спустя два часа лошадей напоили колодезной водой и поставили перед ними торбы с овсом. Но даже лакомство, приносящее животным всегда радость, не разожгло в их уставших и слезящихся глазах былого огня.

Спать в эту ночь Василию и его товарищам пришлось в большом амбаре, в котором командовали огромные крысы и серые мышки. Но не они мешали отдыхать бывалым солдатам, а злой декабрьский мороз, который беспрепятственно проникал под одежду и охлаждал все части человеческого тела. Несмотря на это, непродолжительный сон все же позволил молодым и здоровым организмам к утру почти полностью восстановиться. В течении ночи Василий дважды выходил на улицу к Воронко и дважды подсыпал в торбу овёс. Друга своего четвероногого он старался не обидеть.

В Усть-Ишиме отряд появился на следующий день, ближе к вечеру. Несмотря на ранний час людей на улицах было мало. В основном это были престарелые жители и детвора. Миновав центр, и повернув в первом же переулке налево, отряд вскоре оказался в расположении воинских казарм, которые наполовину были пустыми. Услышав команду спешиться, Василий с товарищами спрыгнули на землю и стали ждать дальнейших распоряжений. Осознание того, что они находятся не в таёжной глухомани, а в городе, и что им будут

предоставлены вполне сносные армейские условия для проживания, немного успокаивало парней и притупляло их переживания о доме. На следующий день всех мобилизованных привели к присяге на верность Верховному правителю Российского государства, Верховному главнокомандующему Вооружёнными силами адмиралу Колчаку, распределили по воинским подразделениям и выдали огнестрельное оружие. А Степана ещё и назначили командиром отделения, в котором оказались все его бывшие сослуживцы. Поначалу Василия слегка зацепило решение белогвардейского начальника назначить Аверина главным над ним, но поразмыслив, он пришёл к выводу, что чем ниже должность, тем меньше спрос. А ещё он втайне надеялся, что долго служить Колчаку не будет и при первой же возможности сбежит домой. «Главное, чтобы условия для этого были подходящими и дорога потвёрже. Вот закончатся зимние морозы и снегопады, утрамбуется снег и рванём мы с Воронко отсюда не оглядываясь», - рассуждал Губин Василий.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Почти сразу, после расквартирования по казармам, в воинском подразделении начались учения. Отвыкшие от команд и уставных отношений, военным делом новобранцы белой армии занимались с неохотой. Это злило ретивых начальников и вселяло в них недоверие к новому пополнению. Но постепенно между ними налажился контакт и стала повышаться воинская дисциплина. На первых порах в обязанности вновь созданного воинского подразделения входили комендантские функции. Конные патрули круглосуточно курсировали по городу и его окрестностям, охраняли гауптвахту и местную тюрьму, встречали и сопровождали больших воинских начальников, приезжающих с инспекторской проверкой в Усть-Ишим. Такая спокойная жизнь продолжалась почти два месяца; первая боевая тревога прозвучала только в конце февраля. Связана она была с обнаружением в районе деревни Малая Бича, до которой было вёрст пятьдесят, небольшого скопления красных партизан. По решению воинского начальника, конный отряд колчаковцев численностью в двести штыков, в поход выступил рано утром. Но боя в тот раз не получилось. Узнав от своих людей в городе о том, что утром в сторону Малой Бичи направится воинское подразделение белогвардейцев, партизаны запрягли в сани лошадей и не дожидаясь рассвета, покинули деревню. Прибыв в населённый пункт и не встретив сопротивления, офицеры и их подручные провели с местным населением воспитательную работу, мобилизовали несколько молодых парней в свою армию, забрали у зажиточных крестьян коней, тёплую одежду, самогон и рыбные деликатесы и на следующее утро, после бурной ночной пирушки, повели конный отряд в сторону Усть-Ишима.

Очередная боевая тревога прозвучала уже через три дня, после прибытия конного отряда в казармы. На этот раз причина её оказалась гораздо серьёзней, чем первая. Из Ставки Верховного командующего Вооружёнными сила-

ми Российского государства было получено телеграфное сообщение, что в 85 верстах в сторону Омска красные партизаны захватили волостное село Тевриз и установили свою, большевистскую, власть. В связи с этим конному дивизиону предписывалось немедленно выступить в сторону захваченного села и уничтожить врага до последнего бойца. О численности партизан и их вооружении информация была скудной, поэтому перед начальниками конного отряда белогвардейцев встал сложный вопрос, который решить необходимо было любыми способами и в короткий срок. Не теряя драгоценного времени, буквально через пару часов после получения приказа, весь состав конного дивизиона, за исключением комендантского взвода, покинул казармы и на рысях направился на восток.

Насколько серьёзным был этот поход, Василий понял по багровому лицу командира дивизиона. Всегда подтянутый, сдержанный и немногословный, на сей раз полковник Лобанов выглядел растерянным, раздражённым и не в меру, крикливым. «Неужели предстоит настоящее сражение с партизанами? Жаль, если так. Может статься, что и голову придётся сложить. А за что? За непонятную власть, которая воюет со своим народом! И что это за времена такие смутные настали? Неужели без крови людской нельзя никак обойтись? Почему же не могут договориться белые генералы и красные революционеры и мирным путём поделить между собой власть в России? Властвовали бы вместе потихоньку, сидя в петербургских и московских кабинетах, а мы в это время делом бы занимались – детей рожали, хлеба взращивали, скотину разводили и эту власть кормили. Нет, им обязательно необходимо друг друга уничтожить! Но простой-то народ за что гибнет?!» - рассуждал он, сидя в седле на своём верном Воронко.

Сделав по пути часовой привал, ближе к обеду следующего дня дивизион остановился версты за две от села. Лобанов собрал командиров всех званий на короткое совещание, после чего они разъехались по своим подразделениям, чтобы донести слова полковника до рядовых бойцов. Немногословный Степан, вернувшись к своему отделению, сообщил: «Село приказано брать с трёх сторон. Один эскадрон казаков уже пошёл в обход и нападёт со стороны Омска. Второй - пойдёт прямо. А нам велено заходить слева, от Иртыша. Стрелять в тех, у кого увидите на околыше шапки или на рукаве красную ленту и у кого будет в руках оружие. Понятно?». «Понятно, но не совсем. А если молодая и красивая баба с винтовкой в руках встретится на пути, то в её тоже стрелять?» - спросил балагур Пётр. «Стрелять. Иначе она в тебя выстрелит первой», - не по-

няв подвоха ответил серьёзным голосом Степан. «Жаль. Я так до самой смерти не женюсь, если молодых и красивых девок буду убивать», - высказался Пётр и весело засмеялся. «Балаболка. Я ему о серьёзных вещах говорю, а у него бабы на уме», - обиделся Степан. «А я не только за себя переживаю, но и за тебя, Стёпа, беспокоюсь. Ты ведь тоже уже в «девках» засиделся. Пора и тебе под рукой пышку белолицую иметь», - отреагировал на замечание товарища Чикирев. Все громко загоготали. «Отставить смех!» - послышался окрик командира взвода, подъехавшего к ним. «Фельдфебель, ты поставил перед своим отделением задачу?» - обратился он к Степану. «Так точно, господин есаул!» - ответил тот. «Тогда слушайте общую команду. В село мы должны ворваться внезапно и продвигаться по направлению к центру, для соединения с другими взводами. Пленных не брать. Партизан уничтожать всех поголовно. Всё ясно?». «А если у партизан пулемёты или тяжёлые орудия имеются, и они начнут поливать из них по нам?» - задал вопрос Пётр. «Если бы да кабы, у тебя во рту выросли бы грибы», - недовольно произнёс есаул и добавил: «При обнаружении такого орудия ваша задача обезвредить и уничтожить его». Этот разговор прервала команда «По конням!», гулом прошедшая вдоль рядов конного дивизиона.

Подобравшись незамеченными по склону левого берега Иртыша до изгородей крайних к реке домов, взвод на махах выскочил из-за укрытия и устремился вперёд. Они проскочили уже с версту, когда со стороны центра прозвучали первые винтовочные выстрелы. «А, ну, Воронко, верный мой товарищ, не подставь меня и себя под пулю. Несись так, чтобы она не догнала нас», - прошептал Василий и прижался к гриве коня. В этот момент он даже забыл, о том, что в руке была винтовка, а на боку ждала своего часа острая пика. И только тогда, когда увидел споткнувшуюся и переворачивающуюся через голову лошадь, на которой сидел Пётр, Василий вскинул винтовку на уровень глаз и стал высматривать врага, которого должен был первым уничтожить. Но в этот момент, почти рядом, с крыши бревенчатого амбара раздалась пулемётная трескотня и пули веером рассыпались чуть левее его, зацепив несколько бойцов взвода. Машинально Губин рванул повод на себя, Воронко в прыжке развернулся на девяносто градусов, и перемахнув плетень огорода, вынес седока с территории обстрела. Ещё не до конца соображая, насколько близка была смерть, Василий посмотрел вперёд и увидел бегущего от него в сторону реки человека с красной повязкой на рукаве. Не целясь, он выстрелил в его сторону, и тот, взмахнув руками как-то по театральному, неестественно завалился на бок. «Неужели убил? Не может быть! Я же стрелял наугад», - почему-то с досадой подумал Губин-младший, забыв в этот момент даже о своей без-

опасности. Но не прошло ещё его разочарование, как «убитый» вскочил на ноги и пригибаясь и петляя, как заяц помчался подальше от своего конца. «Ты смотри, какой прыткий оказался. Повезло тебе, что на меня нарвался, а то бы быстро закончил петлять по огороду», - выдохнул с облегчением боец белой гвардии, но тут же сообразил, что и сам может находиться у кого-то на мушке. «А пулемёт-то почему затих? Патроны закончились или пулемётчик выжидает, когда я из укрытия покажусь?» - подумал он, однако заметив казаков, мечущихся по улице в поиске партизан, понял, что пулемёт больше не застрекочет. Лица у казаков были свирепыми, а шашки в руках в багровых подтёках. «Эти бы тебя живым не оставили», - пробурчал Василий и выбрался на дорогу. «Эй, мужик! Ты чо, от краснопузых за пригоном прятался?» - спросил появившийся рядом казак. «Партизана догонял», - спокойно ответил Василий и направился в сторону центральной площади, чтобы отыскать своё отделение. Бой практически закончился, только редкие выстрелы и нечеловеческие крики раздирали морозную тишину. Василию в этом бою не суждено было пролить кровь своих соплеменников. Не прошло и часа, как задание, которое поставило центральное командование перед конным дивизионом, оказалось выполненным: созданный красными орган власти был низложен, основная часть партизан уничтожена, более десяти человек пленены и ожидали своей горькой участи, а их командиры, почувствовав угрозу, скрылись в неизвестном направлении. Поручив небольшому отряду казаков преследовать их, для остальных лампасников полковник Лобанов объявил передышку, в течение которой победители могли позволить себе вдоволь насладиться глумлением над населением взбунтовавшегося села.

Разбора прошедшего боя никто не проводил, так как безвозвратных потерь среди личного состава дивизиона оказалось только пять человек, и то - из числа мобилизованных. Легкие ранения получили одиннадцать бойцов и погибли три лошади, одна из которых принадлежала Чикиреву Петру. Но уже через час он вновь сидел в седле, экспроприировав резвую кобылу у местного жителя. В числе легкораненых оказался и Василий. Понял он это не сразу, а лишь тогда, когда оказавшись в расположении своего отделения, почувствовал жжение в левой руке. Василий скинул с себя короткий овчинный полушубок, закатал рукав холщовой рубахи и стал рассматривать рану. «Что, братуха, пуля шальная зацепила?» - осклабился подъехавший к нему Пётр. «Есть крохи. Это, по-видимому, когда пулемёт в мою сторону шарахнул», - спокойно ответил Василий. «Бывает. А я вот своего Звёздочёта не сберёг», - виноватым голосом произнёс Пётр. Рана оказалась пушечной. Пуля попала в мякоть мышцы

и полетела дальше. После промывки раствором, гарнизонный фельдшер наложил на руку Василия повязку и отпустил восвояси.

Как только он появился в своём отделении, Степан тут же выдал ему команду: «В помещении конюшни, расположенной рядом с домом сельского старосты находятся пленные, которых тебе необходимо будет переписать в амбарную книгу и передать её помощнику полковника. Нашему взводу поручено охранять красных до утра и во время возвращения в Усть-Ишим. Ступай туда. Пётр и Егор уже заступили на охранный пост». Василий взял из рук товарища письменные принадлежности и отправился исполнять приказ. Но здесь его поджидал сюрприз. Завидев брата, идущего с амбарной книжкой под мышкой, Петр рванулся ему навстречу. «Слушай, братуха, среди пленных есть и наш бывший однополчанин – Пироженко. Надо его спасти от расправы казаков», - взволнованно сообщил он. «А как Федька среди пленных оказался?» - растерянно спросил Василий. «А я почём знаю. Ты же помнишь, что он ещё в Петропавловске с большевиками снюхался», - ответил неопределённо Пётр. «Как я его смогу спасти? Я не войсковой начальник, а рядовой боец белой армии», - нерешительно произнёс Василий. «Но ты же идёшь переписывать пленных. Не вписывай его фамилию, а ночью я Федьку по большому до ветра уведу», - высказал предложение Чикирев. «Не знаю, получится ли у меня не записать Пироженко в амбарную книгу или нет, но я обязательно попытаюсь это сделать», - пообещал Василий.

В пригоне, в котором содержали пленных, было темно, холодно, сыро и пахло конским навозом. Заглянув туда, Василий заявил: «Не смогу здесь заниматься писаниной. Не видно ни черта. Выводите по одному пленному во двор, и я начну их оформлять». Старший охраны, фельдфебель из другого отделения, спорить не стал и приступил к исполнению требования переписчика. Пироженко привели пятым. Сделав вид, что первый раз в жизни видит его, Василий внимательно посмотрел на бывшего однополчанина и строго спросил: «Имя, фамилия, отчество, год и место рождения и где жил до попадания в плен. А также, какое отношение имеешь к партизанскому отряду?». Стоявший невдалеке фельдфебель одёрнул Василия: «Это не твоя забота, какое отношение к краснопузым имел этот самоход. Об этом его спросит тот, кому по статусу положено. Твоё дело личные данные записывать». «Понял. От этого только мне легче», - согласился Василий и нагнулся над амбарной книгой, делая вид, что записывает ответ Пироженко, который полностью был вымышленным. «Меня проверяет или боится за мать с сестрой?» - подумал Василий, но переспраши-

вать не стал. Через некоторое время, оторвав голову от тетради, выкрикнул: «Следующего ведите». Закончив в течении получаса перепись пленных, он сунул амбарную книжку под мышку и направился в избу сельского старосты, где располагался временный штаб. Передав документ дневальному, Василий вернулся в расположение своего отделения и стал устраиваться на ночлег. А ночью, когда фельдфебель заснул в дежурке, Пётр сделал, как и задумывал. Он вывел предупреждённого заранее Федьку на двор и тихо сказал: «Всё, однополчанин, беги. Если попадешься белым, не вздумай меня с Васькой выдать. Хана тогда будет не только нам, но и родителям нашим». «А вы как же? Неужели белым палачам прислуживать будете?» - шёпотом спросил Пироженко. «Видно будет, что дальше делать. Даст Бог, свидимся ещё. Сейчас улепётывай поскорее, а то неровен час, кто-нибудь хватится нас», - ответил Пётр и легонько толкнул земляка в спину. Тот быстрым шагом, перешедшим в бег, стал удаляться в ночную мглу. А на следующий день полупьяные казаки поставили всех пленных партизан лицом к плетёному забору конюшни и без суда и следствия расстреляли. Узнав об этом полковник Лобанов было взъярился на них за самоуправство, но наказывать никого не стал. «Пусть местные жители разнесут по округе весть об этом расстреле. У многих мужиков отпадёт охота за оружие браться и против нас идти», - решил он и выдал команду готовиться к обратной дороге.

Во время отдыха, который длился почти сутки, Василий не раз возвращался к своему поведению во время боя. Он никак не мог вспомнить и понять состояние, в котором в эти мгновения находился. «Да, в настоящем бою не каждый боец сможет воспользоваться тем, чему учился на занятиях. И особенно в первом для него. В этот раз мне повезло, что не подстрелили, как косача на берёзе. Но будь поплотнее огонь и пожесточеннее сопротивление партизан, уже сегодня бы мог стать бездыханным трупом. Делай вывод, солдат, и впредь таких ошибок не допускай», - размышлял Василий. А вспомнив неожиданную встречу с Пироженко, тихо произнёс: «Лучше будет, если ты вообще не станешь участвовать ни в каких сражениях. Бежать надо из колчаковской армии. Не по пути мне с ней. Разве это война, когда русские люди подобных себе убивают? Да и остальные мои однополчане не горят желанием сражаться не пойми за кого и не знамо с кем. Надо со Степаном и Петром как-то о побеге переговорить. Всё будет легче вместе-то скрываться».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Своими раздумьями о побеге Василий поделился с Петром и Степаном после того, как конный дивизион вновь вернулся в казармы. Выслушав брата, Чикирев незамедлительно отреагировал: «Дело предлагаешь. У меня самого мысли на этот счёт были. Не хочу я в этой братоубийственной войне участвовать. И пока на нас нет крови невинных людей и сами мы ещё живы, надо отсюда сматываться». «Вы думаете это просто сделать? Где мы сейчас сможем укрыться?» - спросил Степан и посмотрел на Петра. Чикирев пожал плечами и ничего не ответил. «То-то и оно. Дома мы не сможем появиться, нас там быстро схватят, а других вариантов у меня нет. Да и у вас с ними, думаю, тоже туговатое», - охладил пыл товарищей Аверин. «По-твоему у нас остаются только два выхода – быть убитыми в бою красными партизанами или сражаться до победного конца за белую гвардию. Но будет ли этот победный конец, ещё вопрос. На большей-то части России советская власть установилась. Нет, Степан, ты как хочешь, а я при первой же возможности сбегу», - решительно заявил Василий. «И я, братка, от тебя не отстану. Да и с остальными нашими надо аккуратно переговорить на этот счёт», - предложил Пётр. «Я сам с ними переговорю, а ты только под монастырь нас подведёшь своей горячностью» - вымолвил Степан, дав понять, что не только согласен бежать, но и готов остальных земляков за собой утянуть. Вскоре идея побега, высказанная Василием, обрела достаточно осмысленные очертания. Её поддержали все бывшие однополчане без исключения. Оставалось только дожидаться необходимой ситуации и оказаться в благоприятных погодных условиях.

Но шло время, а такой момент не появлялось. Однажды Петр даже предложил совершить побег сразу после вечернего отбоя. Но его идея не понравилась Степану, и посоветовавшись, они отложили его на неопределённое время. И кто бы мог тогда подумать, что это время наступит буквально через неделю.

В ночь с 20 на 21 марта произошло событие, которое даже командиры конного дивизиона не ожидали, а рядовые бойцы - тем более. От относительно спокойной жизни, чувство опасности притупляется быстро, а на смену ему приходят расхлябанность и умиротворение. Вот и в ту ночь, как только бойцы улеглись на свои постели и уснули, дежурный офицер и его помощники удалились в штабное помещение и организовали ночное застолье. Около двух часов ночи туда неожиданно ворвались человек десять партизан, расстреляли полупьяных офицеров, а затем, соединившись с основной группой вооружённых до зубов бойцов, кинулись поджигать деревянные казармы. Цель была одна - уничтожить основную часть белогвардейцев спящими, а тех, кто начнёт выбираться наружу, расстрелять в упор. Но произошла досадная накладка, которая позволила сохраниться большинству бойцов белой армии. Дневальный одной из дальних казарм вышел, незадолго до нападения, на двор, чтобы справить нужду. Пробыв на мартовском морозце минут десять, он в приподнятом настроении возвращался к себе. Уже будучи на пороге казармы, боец услышал беспорядочные выстрелы, а затем увидел снующую по территории гарнизона толпу людей с факелами. Не до конца ещё понимая ситуацию, боец вбежал во внутрь помещения, и на всякий случай заорал: «Подъём! Тревога!». Суматоха и неразбериха в темноте длилась минут пять, пока огненные языки пожара не охватили первую и вторую от штаба казармы. Мгновенно поняв в чём дело, и оценив своё положение, колчаковцы схватили в оружейной комнате винтовки и патроны и стали через двери и окна выскакивать на улицу, стреляя наугад во всё подозрительное. К этому времени горела уже третья казарма, вокруг которой стояли партизаны и прицельно палили из орудий по человеческим фигурам, показавшимся в свете пламени. Но вскоре они сами стали мишенями. Белогвардейцы, которые успели выбраться из своей западни, быстро самоорганизовались и оказались за их спинами. Партизаны вынуждены были развернуться, залечь в сугроб и принять кинжальный бой с хорошо обученными колчаковцами.

Казарму, в которой находились Василий и его товарищи, партизаны подожгли последней. Когда ничего не подозревающие служивые поняли, что на их воинское подразделение внезапно напали враги и их казарма уже пылает, страх на некоторое время привёл их в оцепенение. Первым пришёл в себя Степан. Оценив обстановку и понимая, что снаружи их ждут пули красных партизан, зычным голосом скомандовал: «Всем покинуть казарму!». Ловкий и сильный от природы Василий, не колеблясь больше ни секунды, разбежался, и выбив головой стёкла и переплёты рам, щучкой вылетел за пределы зава-

линки в сугроб. Не медля и не чувствуя боли разбитой головы, он резко поднялся на ноги и тут же отскочил от пылающей казармы подальше. Оказавшись в относительной безопасности, Губин-младший посмотрел налево и заметил стоящего недалеко от себя человека, который подняв винтовку, целился в вылезавшего из окна очередного бойца, в котором Василий узнал Степана. Забыв об опасности, он в два прыжка оказался рядом с партизаном и не раздумывая, со всей силы, ударил его кулаком по голове. Партизан покачнулся и упал, успев машинально нажать спусковой крючок. Раздался выстрел, но пуля не дошла до цели, а взмыла над проваливающейся крышей горящей казармы. В это время пламя осветило лицо лежащего на снегу партизана. «Пироженко, ты опять на нашем пути оказался! Тебе чо, прошлого раза не хватило? Если бы не мы с Петром, тебя бы вместе с твоими дружками уже наутро расстреляли», - высказался Василий, заметив, что тот приходит в себя. «Ты с кем это разговариваешь?» - подбежал к нему Степан. «Да, вот, однополчанин и земляк наш никак не успокоится. Всё пулю ищет для себя. А по ходу тебя сейчас чуть не завалил», - ответил Губин, и подобрав с земли винтовку Пироженко, спросил: «Из наших кто-то ещё живым остался?». «Петра видел. Он следом за тобой через другое окно маханул. А остальные не знаю где». «Ладно, пойдём их разыскивать. Не дай бог в плен к партизанам попадут! Лучше уж убитым быть», - не обращая внимания на лежащего Пироженко, предложил Василий. Неожиданно в противоположном углу от них раздалась винтовочные выстрелы и несколько пуль со свистом пронеслись совсем рядом. «Скрывайтесь, если жизнь дорога. Сейчас сюда наши нагрянут и покروشат вас как капусту», - услышали они голос Федьки. «Пока они здесь появятся, я тебя семь раз продырявлю», - зло произнёс Василий, но тут же добавил: «Ладно, чёрт с тобой, не буду тебя убивать. Какой-никакой однополчанин, хотя и врагом нашим стал. Побежали, Степан. Видно, час настал улепётывать отсюда».

На Петра и остальных земляков они натолкнулись случайно. Осторожно подобравшись к конному двору, где на привязи стояли их лошади, Степан остановился, а затем тихо сказал: «Вроде бы как на конюшне кто-то есть. Чуешь, лошади беспокойно себя ведут?». «Может, наши здесь или пожара испугались», - ответил Василий, и не дожидаясь реакции Аверина, тихо спросил: «Братуха, это ты копошишься за плетнём?». «А ты кого хотел встретить? Конечно, я, и не один», - незамедлительно ответил знакомый голос и добавил: «У нас нет времени. Необходимо падать на лошадей и уносить ноги из Усть-Ишима. Другой такой случай вряд ли ещё появится».

С территории военного городка беглецы выскочили через северные ворота, которые вывели их на берег Иртыша. Оказавшись за пределами гарнизона, они не сговариваясь, повернули за углом круто налево и помчались на северо-запад согласно направлению течения великой реки. Первую передышку беглецы сделали только тогда, когда отмахали от города более пяти вёрст. Несмотря на это расстояние, позади всё ещё слышались ружейные выстрелы и виднелось зарево горящих казарм, освещающее прилегающую к ним округу.

«Все целы?» - коротко спросил Степан, когда земляки остановились. «Поштучно целы, а вот во внешнем облике у некоторых изъяны появились», - подал голос Суздальцев Егор. «Ладно, при свете будем рассматривать друг друга, а сейчас необходимо принять решение, куда дальше двигаться», - поделовому высказался Василий. «Как куда? В сторону дома, конечно», - озвучил своё мнение Афонька Стрельцов. «Нет, братцы, домой нам никак нельзя ехать. Там нас сразу схватят и расстреляют как предателей. Надо что-то другое искать», - остудил его пыл Гришка Знаменщиков. «Есть у меня предложение, но вот все ли вы с ним согласитесь, не знаю», - произнёс Аверин. «Говори - мы обсудим», - ответил за всех Пётр. «Мой батя уже давно дружит с одним татаринном, который живёт на Северном болоте. До армии я был там раза три и примерно знаю как отыскать его аул. Думаю, что он нас не выдаст и пристроит на время, но только добираться туда - не ближний свет. Напрямую отсюда не так далеко, но тогда придётся ехать ишимской дорогой, а там в любой момент могут остановить красные или колчаковцы. Поэтому наш путь большим кругом обернётся. Думаю, вёрст двести по бездорожью брести придётся», - пояснил Степан. «Да, чёрт с ними, с этими вёрстами! Главное - приют найти надёжный», - согласился Гришка Знаменщиков. «Не в расстоянии дело, а в том, где пищу для себя и корм для лошадей в пути брать будем», - озадачил Степан. «И я думаю, что надо к твоему знакомому татарину пробираться. Дорога покажет, как нам себя вести. Жалко, что только одна винтовка осталась да штук пять патронов. Но другого у нас выхода нет. Бог не выдаст, свинья не съест», - подытожил разговор Василий. На этом обсуждение закончилось и удовлетворённый решением земляков Аверин сказал: «Ночью будем ехать все вместе, а в светлое время по два человека на расстоянии ста саженой друг от друга».

Как оказалось, выбранный путь для беглецов оказался удачным. Их и в самом деле в этом направлении никто не искал. Зная, что они родом из Большесорокинской волости, все казачьи разъезды были предупреждены о возможном появлении дезертиров на Ишимском тракте. Но и сами поиски были

объявлены не сразу. После того, как напав на гарнизон, партизаны заживо сожгли в трёх казармах около семидесяти колчаковцев и в упор расстреляли более пятидесяти, верховное командование государства российского не сразу отошло от шока и смогло восстановить нормальную службу в Усть-Ишимском гарнизоне. Потребовалось три дня для того, чтобы разобраться с реальными потерями и сделать предположение о побеге части военнослужащих. И может быть этого предположения не возникло бы, если бы не то обстоятельство, что все не найденные тела оказались из одной волости.

Но как бы там ни было, благодаря трёхдневной заминке в обнаружении побега и выбранного пути, на седьмые сутки Степан Аверин и его спутники прибыли в небольшой татарский аул, население которого состояло в основном из родственников. Как Степан и предполагал, друг его отца - Надир - принял их вполне радушно и выделил для постоя пригодную для проживания в холодное время года юрту. А изрядно обгоревших во время пожара Стрельцова Афанасия и Суздальцева Егора местные знахарки за две недели пролечили так, что даже следов от ран на их телах не осталось. Вскоре молодые здоровые мужики стали незаменимыми помощниками в налаживании хозяйственной жизни аула. Они с удовольствием рыбачили на озёрах ставными неводами, чинили скарб, телеги, сбрую и ловко управлялись с домашним скотом. Единственное, что напрягало беглецов - это отсутствие информации о происходящих событиях вокруг болот. Выручали местные жители. Узнав по своим каналам о приближении к аулу партизан или колчаковцев, они сообщали об этом Надиру, и тот на несколько дней уводил парней в самые отдалённые и глухие места Северного болота.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В середине апреля весна стала по-настоящему входить в свои права. Снег днём резко таял, а ночью лёгкий морозец покрывал все проталины тонким ледком и сковывал сугробы толстым слоем глазури. На болоте стали оголяться кочки, с которых шапками свисали гроздья мороженой клюквы. После полудня, когда солнце припекало сильнее, на самый гребень кочек выползали змеи, и свернувшись в клубок, в полудрёме отдыхали. Всё чаще из колков стали раздаваться призывные чуфыри косачей, а из тайги трубные голоса лосей. Весна - она и есть весна! Это не просто приход на землю теплой погоды, это возобновление новой жизни на ней и начало очередного витка её старения. Как у дерева. Первый виток, третий, десятый, тридцатый. На первый взгляд они не связаны друг с другом, но наступает время и у дерева остаётся незаконченным последний виток. Такие же кольца и на чешуе рыб. И с человеком так же происходит. Вроде кто-то родился летом, осенью или зимой, а новый виток активной жизни в нём берёт начало весной. Уж так устроен его внутренний мир.

С приходом весны в сердцах беглецов тоже зажглись радужные огни надежд. Они с нетерпением ждали тот момент, когда смогут вновь оказаться дома и обнять своих родных. Всегда скорый на решения Пётр при каждом удобном случае, предлагал: «Может, как только вскрыются ото льда реки, подсохнут тропинки и лес покроется листвой, рванём в сторону родной сторонки? Сколько мы будем на болоте скрываться? И так уже два месяца здесь живём». «Не гоношись, братуха. Больно нетерпеливый ты. Забыл уже, как казаки с партизанами в Тевризе расправились? И нас так же к стенке на глазах родителей поставят и расстреляют. Для них мы хуже красных – мы дезертиры. Так что, терпи пока. Придёт время и порадуем родных своим появлением перед ихними очами живыми и здоровыми», - успокаивал брата Василий. «Когда это

время ещё придёт, а домой сейчас хочется. Знаешь, какие весной девки влюбчивые? Ого-го! Если какой понравиться, то она жить тебе спокойно не даст, пока не поженишься с ней», - переводил Пётр разговор в шутку и сам же смеялся над ней. «А здесь ни на какую татарочку глаз не положил? Смотри, а то быстро нас с довольствия хозяева снимут!» - подковырнул Знаменщиков Григорий. «Есть и в ауле девки красивые, но я татарского языка не знаю. А то бы может и договорился с какой из них», - ответил Пётр и вновь засмеялся. «Вот балаболка! Язык-то без костей, мелет что ни попадя. Лучше бы сбрую на своей лошади починил, а то путь домой нелёгким будет», - ставил точку в разговоре Степан и все приступали к своим занятиям.

Как-то в начале мая Аверин сообщил своим товарищам: «Я попросил Надира навестить моих родителей и рассказать им о нас. А также выяснить обстановку в селе и уезде. Вдруг, поутихло всё в наших краях и можно будет возвращаться домой». «А когда он отправится в Большое Сорокино?» - живо спросил Пётр. «Дней через пять пообещал выехать. Он ведь не налегке поедет, а рыбы вяленой и мяса солённого прихватит на продажу», - ответил Степан. «И сколько времени Надир проездит в наши края?» - не унимался Пётр. «Кто это знает. Дней десять - не меньше! Дорога-то сейчас не летняя. Распутица кругом, да разливы в русла рек ещё не сошли», - неопределённо ответил Аверин.

Надир вернулся из поездки в конце мая. Пообщавшись со своей семьёй и раздав всем её членам подарки, которые закупил на вырученные деньги за рыбу и мясо, вечером он заглянул в юрту своих невольных гостей. «Ну, что? Какими новостями ты нас порадуешь?» - едва сдерживая захватившие эмоции, первым спросил Степан. Пожилой татарин немного помолчал, прокашлялся и медленно, не выговаривая некоторые русские слова, стал рассказывать: «Добравшись до Большое Сорокино, на постоя я остановился у твоих родителей. Сообщил им обо всех вас и выслушал много хороших слов благодарности в свою сторону. А потом твой отец, Мефодий Александрович, рассказал мне, как они живут и какие новости в уезде. После вашего побега, к ним несколько раз приезжали плохие люди из карательного отряда белых и допытывались где тебя и твоих дружков искать. А когда были совсем недавно, то три лошади и быка с коровой со двора увели. Вещички хорошие прихватили и двух младших братьев в свою армию забрали. В общем горе у твоих родителей. Мефодий Александрович рассказал, что и у родителей Василия кое-какое имущество отобрали, а его сестёр стегали нагайками, чтобы те сказали, где прячется их брат». Услышав эти слова, Василий не выдержал и выкрикнул: «Сволочи! Вот сволочи!

С девками воюют!». «А ещё что удалось узнать? Колчаковская-то власть долго продержится?» - спросил Суздальцев Егор. «Мефодий Александрович сказал, что под ней вся Сибирь и Урал находятся. А ещё какие-то чехи по железной дороге едут и свои порядки устанавливают. Лютуют больно они над народом», - высказал неутешительную новость пожилой татарин.

«Да, други мои, не самые хорошие вести принёс нам с родины НаDIR. Единственное радует, что родители наши узнали, что мы живы и здоровы. Хоть им теперь полегче будет», - разочаровано произнёс Василий, когда татарин покинул их юрту. Но хотя новость была и нерадостная, беглецов она настроила на режим ожидания. И они продолжили свою жизнь, наполненную трудом и мечтаниями о хорошем будущем.

Первые положительные известия о поражениях колчаковской армии на всех фронтах военных действий, они получили как ни странно от малолетнего сына НаDIRа. В конце августа вместе с отцом он ездил в большое село Тукуз и на базаре подслушал разговор военных казаков, которые в пьяном угаре жаловались друг другу: «Всё! Скоро подрапаем мы из Сибири в монгольские степи. Нет больше власти здесь у Колчака. Эти краснопёрые и голозадые мужики жизни нигде ни дают. Да ещё белочехи всю железнодорожную трассу подмяли под себя и ограбили. Если так дело пойдёт и дальше, то нам ничего не останется, как в леса уходить». Память у парня оказалось хорошей и он всё слово в слово донёс до отца, а тот рассказал Степану. После этого у беглецов появилась уверенность в том, что уже скоро они покинут болотистый край, который укрыл их от врага в самый опасный период жизни.

Окончательное решение возвращаться домой товарищи приняли в конце октября, когда узнали о том, что войска коммунистов вытеснили колчаковскую армию с территории всего Ишимского уезда. Эту новость им сообщил брат НаDIRа, Салават, который жил на берегу Иртыша в ауле Абаул. Дождавшись устойчивых ноябрьских морозов, когда корка льда могла выдержать лошадей с конниками, тепло попрощавшись с жителями аула, 12 ноября отряд молодых парней выдвинулся в сторону деревни Вершинская, через которую лежал путь до села Викулово, а там до родины было уже рукой подать. В общей сложности молодцам предстояло преодолеть по буреломам тайги более ста пятидесяти вёрст тяжёлой и опасной дороги. Благодаря заботе НаDIRа, обеспечившего их провиантом на несколько дней, они объезжали все населённые пункты и кордоны, стараясь не привлекать к себе внимание местного населения. И лишь тогда, когда очередным ранним утром оказались недалеко от

деревни Буньково, что в 25 вёрстах от Большого Сорокино, Губин предложил: «В деревне живёт моя тётушка и она наверняка знает, что творится в нашем селе. Мне необходимо заглянуть к ней, а вы пока здесь в лесу отдохните». «Ты смотри, поаккуратнее там будь. А то неровен час, загребут тебя красные или колчаковцы», - предупредил друга Степан. «Не беспокойтесь! Я мигом обернусь», - ответил Василий и дёрнул поводья. Воронко словно ждал этой команды. Встрепенулся и сорвался на крупную рысь.

Заметив входящего в калитку племянника, Марья Васильевна даже и не сразу поверила своим глазам. «Батюшки, да неужели Васятка пожаловал к нам? Откуда он взялся в такую рань? Ведь Иван сказывал, что он где-то в болотах скрывается», - высказалась вслух пожилая женщина и кинулась открывать в сенях двери. «Моё почтение вам, тётушка! Не ждала, поди, меня, думала наверное, что уже на белом свете нет? А я вот, как видишь, жив и здоров», - радостным голосом произнёс Василий. «То, что жив, знала, а вот, что здоров, нет. Ну, заходи быстрее в избу, я хоть тебя на свету огляжу». «Я к вам ненадолго, тётушка. Меня в версте отсюда товарищи поджидают. Придёт время, мы ещё потолкуем про мою и вашу жизнь, а сейчас я бы хотел узнать, какая власть и какие порядки существуют в волости». «Какая сейчас власть в волости - мы и сами не знаем. Эти трижды проклятые народом колчаковцы сбежали, а кто их место занимает - мы не ведаем. Сказывают, опять коммунисты возвращаются. Но пока их не очень-то и видно. Может быть, в Большом Сорокино какие новости есть об этом», - ответила тётка Марья и тут же спохватилась: «Ты, поди голодный, а я тебя баснями кормлю?». Зная, какая его тётушка хлебосольная и мастерица на все руки, чтобы не обидеть её, Василий попросил: «Ты мне хлебушка и сала немного своего в дорожку дай. А мы с товарищами в лесу перекусим». «Может, сам-то здесь поешь? Гусиный супчик только что сварила и картошка жаренная с грибами готова», - не отставала Марья. В это время в горнице с полатей соскочили сыновья тётушки – Иван и Николай, которым не было ещё и шестнадцати лет, и увидев брата, набросились на него с расспросами. Поняв, что встреча затягивается, Василий посмотрел на тётушку: «Я к вам приеду, как только дома побываю и стариков успокою. А сейчас должен возвращаться к товарищам». По-бабьи всплеснув руками, Марья схватила со стола матерчатый мешок и стала накладывать в него продукты.

Поджидавшие с нетерпением товарищи, как только Василий оказался рядом, засыпали его вопросами. Но не имеющий достаточной информации, ответить на многие из них он не смог. «И что нам дальше делать? А вдруг в

Большое Сорокино вновь вернулись белые?» - спросил Афоня Стрельцов. Наступила продолжительная тишина. Слышно было как стучит по сухому дереву дятел да пофыркивают лошади. «Будем добираться по лесу, вдоль дороги, а недалеко от Стрельцовки затаимся. Ну, а ночью я наведаюсь к родителям и всё выясню», - принял решение Аверин, которое поддержали и остальные, но только не Петр. «Может, рвануть отсюда домой через Рюмиху?» - предложил он Григорию и Афоне. «А ты знаешь, кто там хороводит? Вот то-то и оно. Нет, лучше вместе до Большого Сорокино добираться будем, а потом видно будет, что делать», - возразил Знаменщиков Григорий. На этом разногласия закончились. Перекусив привезённым Василием хлебом и салом, запив ядрёным квасом, парни враз повеселели, окрепли в решимости и выдвинулись вперёд. Шесть дней и ночей пробирались они по таёжным тропам и болотной гати, мёрзли от рано наступивших холодов и просыпались под одеялом снежного покрова. И вот осталось только двадцать пять вёрст, которые отделяли их от родного порога. Спугивая в осиновых зарослях зайцев, поднимая на крыло куропаток, заставляя притаиться в чаще берёзовых колков лосей и косуль и нервируя волков и лисиц, крадущихся за своей добычей, молодые сильные парни лёгкой рысью преодолевали это расстояние.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Уже затемно, объехав правой стороной деревню Стрельцовку, отряд продвинулся вперёд ещё версты три и остановился на опушке берёзовой рощи. Для Суздальцева это место было хорошо знакомо. Здесь, между двух лесопосадок, располагался земельный надел его семьи. Егор с детства участвовал во всех крестьянских заботах. Пахал, косил, собирал урожай и даже охотился с отцом на косачей и зайцев. Поэтому, он, как только с товарищами появился на этой территории, предложил: «Там, на краю колка, мы с батей всегда сооружали шалаш, в котором во время полевых работ проживала наша семья. Если он не разрушен, мы можем в нём укрыться и отдохнуть, пока Степан будет ездить домой». Беглецам и в самом деле повезло. Шалаш был в хорошем состоянии, способном выдержать любые капризы осенней погоды. Парни спешили с коней, привязали их поводьями к берёзе, разнуздали и поставили перед ними торбы с овсом. Перекинувшись со Степаном напутственными словами, они залезли во внутрь шалаша и улеглись на толстую сенную подстилку. А уже через мгновение крепко спали, вдыхая в себя сладкие запахи клевера, визиля и прошедшего лета.

Степан вернулся под утро. На его лице в предутреннем рассвете друзья заметили довольную улыбку. «Если Аверин улыбается, значит, наши дела не такие уж и безнадежные», - первым среагировал на появление товарища Пётр. «Ты угадал, чалдон пинигинский. Уже более десяти дней прошло, как части 51-й стрелковой дивизии красных выкинули колчаковцев из Ишимского уезда, и те, забрав с собой своих соглядатаев, отступили в сторону Омска. Теперь в селе пока безвластье. Правда, коммунисты создали волостной ревком из трёх человек, но других сил у них в Большом Сорокино нет. Думаю, что это временное затишье, так как большевики заняты борьбой с остатками карательных отрядов Колчака и выдворением с сибирской железной дороги военных эшелонов

с чехословацким корпусом. Поэтому, нам повезло, что мы вернулись домой именно в этот период», - подробно рассказал Степан о ситуации в их родном селе, волости и уезде. И более не медля ни минуты, парни вскочили на коней и на махах рванули на встречу с родными и близкими.

За, без малого, год, в жизни семьи Василия произошли заметные изменения. Особенно это было видно на лицах отца и матери. Они словно на десять лет постарели. Да и сёстры не были уже такими хохотушками и непоседами, а стали не по годам сосредоточены, рассудительны и осторожны. Позже, когда брат узнал о тех испытаниях, какие вынесли они за это время, его сердце сжалось в комок от жалости и сострадания к ним. Нагайки колчаковских карателей, которые прошлись по их юным телам, не плоть изуродовали, а погубили юность, детскую наивность и веру в человека, которого создал Бог. В карих глазах сестер не было видно тех весёлых искорок, какими они его встретили после возвращения со службы. И самое главное, что угнетало сознание Василия, они пострадали из-за него, хотя и не знали, где он находился. «Сволочи! Гады! Как только у карателей рука поднялась на эти безобидные создания? Они же ещё совсем дети, которые только-только входят во взрослый мир! Будьте вы прокляты, звери!» - негодовал Василий. Но пострадали не только члены семьи, а и хозяйство резко оскудело. Из всего, что было на момент мобилизации Василия в колчаковскую армию, в пригонах осталось несколько голов овец, одна корова, престарелый мерин, бычок, боров и десяток гусей. Всю остальную живность каратели забрали за его дезертирство из их армии. Но для Василия было главным не потеря наживаемого добра, а физическое и моральное унижение, которому подверглись самые близкие люди. «Даст бог, хозяйство мы с тятьей восстановим, а вот как вернуть к прежней жизни сестёр?! Попались бы мне эти лампасники на узенькой дорожке, я бы из их груди руками сердца вырвал!» - горячился брат, для которого ранее ненависть к людям была не свойственна.

С возвращением сына домой, жизнь стариков Губиных стала вновь приходить в человеческую норму. Уже через три дня отец запряг единственного мерина в сани и посадив детей, выехал в сторону земельного надела, где ждали своего часа две необмолоченные скирды пшеницы, чудом уцелевшие во время отступления белых, которые жгли всё подряд, чтобы только не досталось красным. Почти неделю они потратили на обмолот и перевозку зерна домой, в опустошённый колчаковцами амбар. «Ну, теперь, старуха, мы зиму должны пережить. На еду точно хватит. Даже скоту, в перемешку с картошкой, можно

будет варить. А вот на семена мало останется. Придётся в Большое Пинигино к родственникам на поклон ехать», - доложил Иван Васильевич жене. «Давай сначала до весны доживём, а там видно будет, что делать. А то опять поменяется власть. Тогда нас уж точно никто не пожалеет», - осторожно ответила Евдокия Матвеевна, которая всё ещё не верила в то, что её любимый сынок рядом. Но как бы тяжело семье ни было, она с надеждой стала всматриваться в будущее.

В конце января 1920 года советская власть в Большесорокинской волости стала заметно укрепляться. В крупных деревнях вновь появились сельские советы, организовались партийные ячейки, а в центре создались волостные совет, ревком и милиция. Новое начальство состояло в основном из людей сторонних, и только глава волсовета - Суздальцев Иван Данилович - который вернулся в село вместе с частями красной армии, был местным. Это был уважаемый жителями и новыми властями человек, поэтому возражений против его кандидатуры сельчане не испытывали. Да и члены волостного ревкома особой ненависти не вызывали у них. Единственным раздражителем, который нервировал людей, был участковый милиционер Зайчиков Пётр. Он был из села Преображенское, которое находилось в 25 верстах на северо-запад от Большого Сорокино, а родился в Курской губернии, перебравшись с родителями в Сибирь по столыпинской реформе. Его крупные габариты и неряшливый вид заставляли девушек брезгливо отворачиваться от него, а мужиков зубоскалить над ним. Словно мстя местным жителям за это, Зайчиков грубо и бесцеремонно вмешивался в личные дела каждой семьи и обо всех подозрительных наблюдениях докладывал своему начальству в уездную милицию. Особенно предвзято он относился к тем, кто был мобилизован в колчаковскую армию. Они у него были на отдельном счету и он постоянно следил за их поведением. Когда в первый раз Василий увидел Зайчикова, даже присвистнул от удивления. В волостном милиционере он признал того самого мужика, который своим храпом не давал ему спать в Викулово и с которым они чуть не подрались. Милиционер тоже узнал Губина и в его сознании появилось желание отомстить обидчику.

Прошло дней десять после этой встречи, когда волостной милиционер стал приглашать к себе по очереди всех молодых мужчин, насильно мобилизованных в колчаковскую армию или добровольно вступивших в неё. В общей сложности таковых по волости набралось человек сорок. А так как Зайчиков Пётр был полуграмотный, все разговоры, которые он вёл с бывшими бойцами

белой армии, записывал секретарь сельского совета Стулов Степан. В детстве он учился вместе с Василием и Степаном Авериним в церковно-приходской школе и был их товарищем, поэтому о многом, что замышлял милиционер, они узнавали первыми. Когда очередь встретиться с волостным милиционером дошла до Василия, то он уже был подготовлен к разговору. И сразу после небольшой формальности, уверенно спросил Петра: «А ты, у колчаковцев разве не служил? Мы же с тобой рядом в Викулово на полу спали. Да и в Усть-Ишиме в расположении гарнизона я тебя вплоть до пожара видел. Когда же ты коммунистом успел стать?». Лицо милиционера побагровело, скулы зашевелились, а глаза налились кровью как у быка. Да и внешне Петр был похож на это упрямое животное. «Ты кто такой, чтобы мне вопросы задавать? Кому положено, тот знает всё и доверяет мне. Ты, лучше о себе расскажи. Поведай, сколько моих братьев красноармейцев загубил? Сколько бедных хат разорил и сжёг со своими хозяевами? И почему не побёг вместе с ними на восток? Вот о чём я хочу от тебя услышать», - со злостью прорычал Зайчиков. «Нет на моих руках загубленных душ ни белых и ни красных. Слава Богу, отвёл он от меня этот страшный грех. И из чужих изб я ничего не выносил. Так же, как и мои товарищи по несчастью. А вот наши семьи от колчаковских псов пострадали. С первого дня насильной мобилизации в белую армию, я только и думал о том, как из неё сбежать. Представился случай - мы это сделали. И хотя в укрытии тоже несладко было - часа освобождения родной земли мы дождались», - спокойно ответил Василий. «А почему в Красную армию не пошли, чтобы побыстрее освободить эту землю? Отсидеться решили? Пусть, мол, другие кровь проливают, а мы потом целыми и невредимыми домой вернёмся и продолжать жить спокойно будем? А, может, и врёте вы, что в болотах скрывались? Это мы ещё проверим, а пока существойте, но помните, что в любой момент за вами могут прийти», - пригрозил Пётр. Подписав протокол допроса, который вёл Степан Стулов, Василий вышел на крыльцо и тихо выругался: «Самоход сраный. Наверное у самого рыльце в пушку, поэтому выслуживаешься перед новой властью?». И уже направляясь в сторону дома, передразнил милиционера: «Почему в Красную армию не пошли? Отсидеться решили? А на кой нам Красная армия и комиссары-горлопаны? Насмотрелись мы на них в Петропавловске. Им власть над народом нужна, чтобы потом жить припеваючи. Крестьянским-то трудом их кнутом не заставишь заниматься. И зачем сибирскому мужику такие дармоеды?».

Зима в тот год была малоснежной и очень холодной. Поглядывая на небо, старики ворчали: «Может, хоть в марте снежка Всевышний подбросит. А то вла-

ги в земле совсем не останется. Тогда и урожая обильного нечего ждать». Но прошёл март и наступил апрель, а сугробов так и не появилось. И только в период весеннего половодья побаловали проливные дожди, которые не только прибавили влаги, но и ускорили таяние снегов. А вскоре наступило время весенних работ. И снова, как сотни лет подряд, жизнь крестьянская забурлила людским половодьем. Каждая весна в жизнь человека вносит надежду, какую не вносит ни один период года. И не только природа в это время года обновляется и прихорашивается, но и душа человеческая поёт новую музыку, щемящую своей сладостью сердце и кружащую до пьяна голову. Единственное, что огорчало большинство крестьян, это нехватка семенного зерна. Многие семьи были вынуждены резко сократить посевные площади.

Губиных эта проблема тоже задела. Из семнадцати десятин пахотной земли они смогли засеять только десять. А остальную часть пустили под пары в надежде получить на них хороший урожай в следующем году. Ивана Васильевича возвращение сына домой вновь вдохновило на укрепление своего хозяйства и повышение материального достатка. Прибывая в хорошем настроении, он говорил жене: «С Василием нам сейчас не только семнадцать десятин по плечу, но и ещё с десяток сможем осилить. Вот за лето раскорчем мелкий осинник, а в следующую вёсну засеём. Ноне нам необходимо заготовить больше сена, чтобы в зиму увеличить поголовье живности». «Бог поможет, справитесь. Главное, чтобы Васеньку никто и куда не забрал. В селе говорят, что всех, кто служил у Колчака, посадят в тюрьму», - озабоченно произнесла Евдокия Матвеевна. «Слушай побольше сплетниц, они тебе и не о том расскажут. У нас две девки на выданье. Скоро приданое запросят. Да и Василий должен невесту подобрать себе достойную», - высказался Иван Васильевич.

Посевные работы почти завершились, когда прямо в поле к Губиным прискакал помощник участкового милиционера и велел Василию на следующий день прибыть к Зайчикову для разговора. «Что ему ещё потребовалось от меня? Нашёл время, когда вызывать. Неужели не мог подождать пару дней, пока мы с тятей закончим все полевые работы?» - раздражённо спросил Василий у вестового. Тот пожал плечами, сел на лошадь и поехал обратно в село. «Вот лапоть, этот Преображенский! Всё никак не может простить мне викуловское оскорбление. Но ничего не поделаешь, придётся ехать. Власть как никак», - высказался в слух Василий и поздно вечером того же дня на своём верном Воронко выехал домой. Провожая сына, Иван Васильевич встревожено спросил: «Не набедокурили с друзьями нигде? Может, кого обидели?». «Да вроде

не водится за нами никаких грехов. Не знаю, зачем я потребовался Зайчикову. Ты, тятя, не переживай сильно. Завтра сразу после разговора с милиционером, я вернусь к тебе».

Но выполнить обещание Василию было не суждено. Сразу как только он появился в избе, где располагалась милиция, к нему подошли два красноармейца и провели в боковую комнату, оборудованную решётками и служащую Зайчикову арестантской. Кроме Василия в этом помещении уже находилось более двадцати человек, в числе которых он разглядел и своих друзей по несчастью. Поздоровавшись, Василий удивлённо спросил: «А вы что здесь делаете?». «То же, что и ты. Ждём отправки в Ишим», - спокойно ответил Аверин Степан. «Для чего нас собрался отправлять в город этот лапоть?» - не унимался Губин. «Будут пытаться по поводу службы в армии Колчака. Ты чо, братуха, совсем забыл о своей прошлой жизни?» - кисло улыбнулся Чикирев Пётр. «А что мне о ней вспоминать? Какую радость она мне принесла?» - огрызнулся Василий. «Вот раз ты сам не хочешь вспоминать, так большевики тебя насильно заставят это сделать», - уколол Пётр. Они бы и дальше продолжали возмущаться поведением новых властей, но в это время открылась тяжёлая дверь, и юный красноармеец скомандовал: «По одному человеку на выход!».

Покинув маленькую и душную комнату, молодые мужчины под конвоем вышли на улицу и с облегчением вздохнули. Опасаясь, что у здания волостной милиции могут собраться родственники задержанных, Зайчиков приказал срочно рассаживаться по подводам и выдвигаться в сторону Ишима. В первые два фургона с трудом втиснулись бывшие колчаковцы, а в последний сели четверо вооружённых красноармейцев. Передав старшему караула пакет для своего уездного начальства, участковый милиционер с силой ударил ладошкой по крупу ближайшей к нему лошади и выкрикнул: «А, ну, пошли!». И уже когда обоз тронулся, со злостью в голосе добавил: «Если колчаковские прихвостни будут в дороге баловать и делать попытки сбежать, не жалейте на них патронов. Спишем со счёта, как военные потери».

В Ишим арестованные и их сопровождающие прибыли поздно вечером. Сдав подопечных по списку в уездную милицию, красноармейцы поехали устраиваться на ночлег в дом крестьянина, чтобы на следующий день отправиться в обратную дорогу. А доставленных ими арестованных поместили в камеру городской тюрьмы. Молчавшие до этого момента молодые мужики вдруг сразу все заговорили. Обшарпанные стены казённого учреждения на них так тяжело подействовали, что многие в панике даже запричитали молитвы и за-

клинания. Даже балагур Чикирев Пётр, с трудом рассмотрев в тусклом освещении Знаменщикова Григория, с грустью в голосе произнёс: «Вот и пойми, что большакам от нас надо. Для них, если ты не белый - нехорошо, и если не красный - тоже нехорошо. А если я не хочу быть ни белым, ни красным, ни зелёным. Если на лбу моём написано, что я крестьянин-хлебороб. Разве это хуже, чем красный или белый? Разве тот, кто землю пашет и хлеб выращивает хуже того, кто это не делает, а живёт лучше, чем хлебороб? Чудны твои премудрости, Господи». «Ты чо, Петруха, запаниковал. Завтра разберутся с нами чин по чину и отпустят восвояси», - успокоил Суздальцев Егор. «Разберутся. Держи карман шире. Так разберутся, что родители не найдут, где захоронен будешь», - мрачно заметил кто-то в глубине камеры. «Степан, а ты как считаешь, поверят нам большаки, что мы их красноармейцев не убивали?» - спросил неожиданно Василий своего друга. «А кто их знает, что у них на уме. Захотят поверить - поверят, а не захотят, так сами нам убийства их бойцов припишут», - ответил спокойным голосом тот. И чуть позже добавил: «Ладно, не будем гадать. Утро вечера мудренее. Думаю, что долго возиться большаки не будут. День-два - и решение примут, что с нами дальше делать. Отдыхайте пока, если сможете».

Надзиратель тюрьмы вновь прибывших разбудил рано. Не было ещё семи часов, как арестантов по два человека стали выводить из камеры на допрос, который длился от часа до трёх, в зависимости от наличия у человека запутанных или отягчающих обстоятельств. Василий к следователю попал только ближе к вечеру. Молодой чернявый парень, по виду - ровесник Губина, как только задержанный оказался в его кабинете, сразу приступил к допросу. Уточнив данные Василия, глядя колючими серыми зрачками прямо на своего подопечного, он спросил: «Ты добровольно вступил в ряды Белой армии?». «Нет. По принудительной мобилизации», - твёрдо ответил Василий. «Где и в каком воинском подразделении служил?». «В конном дивизионе Усть-Ишимского гарнизона». «В каких боях против красных партизан и коммунистических войск принимал участие?». «В трёх воинских операциях и патрулировании окрестностей Усть-Ишима. Первый бой дивизион принял недалеко от деревни Малая Бича, второй - при освобождения от красных партизан села Тевриз, третий - во время нападения красных партизан на наш гарнизон в городе Усть-Ишим. После этого боя я и мои товарищи-земляки дезертировали из колчаковской армии и до ноября прошлого года скрывались в татарском ауле на болотах». «Сколько партизан и красноармейцев лично ты убил или ранил?». «Ни одного, хотя возможности такие были». «Почему не воспользовался этими возможностями?». «Не знаю. Просто не поднялась рука на таких же русских людей как

и я сам». «Но перед тобой же были враги. Ты просто обязан был убивать их». «Среди подобных мне людей у меня нет врагов, поэтому по божественным законам я не имею права поднимать на братьев по вере и крови свою руку». «А если бы эти люди тебя убили? Что бы ты сказал Всевышнему, представ перед ним?». «Не знаю. Я об этом не думал». «Но ты же младший офицер царской армии? Наверняка принимал присягу и на верность Колчаку как Верховному главнокомандующему Белой армии? Почему же ты присяге изменил?» - раздражённо спросил следователь. «На верность царю присягу приносил и ей не изменил. И если бы пришлось воевать с германцами, то честь русского солдата не опозорил, и сражался бы за своё отечество с врагом до последней капли крови. Белая армия воюет с Красной, в той и в другой люди одной веры и национальности. Разве можно считать отказ стрелять по своим братьям изменой присяге, которая заставляет это делать!» - спокойно ответил Василий. «Кто может подтвердить, что на твоих руках и совести нет крови коммунистов, партизан и красноармейцев и то, что ты дезертировал из армии белого адмирала Колчака?» - спросил чернявый следователь, заметно уставший от допроса и разочарованный им. «Мои товарищи, которые находятся тоже здесь. Это Аверин Степан, Стрельцов Афанасий, Знаменщиков Григорий, Суздальцев Егор и Чикирев Пётр. И ещё татарин Надир из юрт, у которого мы прятались почти полгода». «И всё?». «Вроде всё. Был ещё один свидетель, который подтвердил бы мои слова, да не знаю, жив ли он сейчас. Мы когда-то вместе с ним служили в Петропавловском гарнизоне в царской армии, а потом он пошёл с большевиками. После этого судьба нас дважды сводила с ним во время нахождения в Усть-Ишиме». «Как его фамилия?» - оживился чернявый. «Пироженко Фёдор», - ответил Василий и посмотрел внимательно на следователя. Но тот сидел напротив словно каменный и медленно скрипел перьевой ручкой по листу бумаги. «По-видимому, не знает он нашего однополчанина. А неплохо было бы в создавшемся положении получить поддержку Федьки, если он, конечно, живой», - пронеслось в голове Василия. «А с вашим участковым милиционером до этого были знакомы?» - спросил неожиданно следователь. «Он был вместе с нами насильно мобилизован в армию Колчака. На ночном привале в селе Викулово мы рядом спали на полу, а затем и служили в одном гарнизоне. Но там его я видел редко и то - издали», - ответил спокойным голосом Василий. «А вот он говорит, что тебя видел в бою, где ты зарубил шашкой двух партизан. Что на это ответишь?». «Отвечу так, как уже отвечал. Крови братьев по вере на моих руках нет. А этого лапотника я ни в одном бою рядом с собой не видел. Пусть он не врёт», - обозлился Губин. «Хорошо, на тебе нет крови братьев

по вере, а как быть с коммунистами, которые эту веру отвергли? Их можно убивать?» - задал провокационный вопрос следователь. «Заблудших людей не мне карать, а Господу нашему. Я не верю в то, что русский человек может отказаться от своего православного Бога и Иисуса Христа», - смело ответил Василий. Задав подследственному ещё несколько вопросов и получив на них ответы, следователь вызвал конвоира и приказал вернуть Василия в камеру. Губин даже был удивлён, что допрос обошёлся без мордобойства и пыток, которых он внутренне ожидал. «Надо было спросить у следователя - как Зайчиков заделался товарищем коммунистов», - невольно подумал Василий, следуя по тюремному коридору.

Допросы шли два дня. И только на третий день арестованных оставили в покое. Но после завершения допросов, в тюремную камеру не вернулось пять человек, которых перевели в другое помещение. Среди этих пятерых оказался и младший брат Аверина Степана – Алексей, который, как и старший, был насильно мобилизован в белую армию и служил в карательном отряде. Узнав о переводе Алексея в другую камеру, Степан даже в лице переменялся. Всегда сдержанный, он вспылал: «Если что-нибудь с братом произойдёт, то я этого сопливого борова Зайчикова своими руками задушу!».

Выпускать некоторых задержанных на свободу комиссары начали дней через семь, успев, по-видимому, собрать за это время необходимые доказательства их невиновности. А для Василия и его товарищей этот час настал только на пятнадцатые сутки. Если честно, то они уже не надеялись, что скоро попадут домой. Друзья ждали суда, который должен был определить их меру вины перед новой властью. Но случилось невероятное. В самом начале новой недели, в конце дня, однополчан всех вместе привели к следователю, который допрашивал Василия, и тот заявил: «В виду отсутствия прямых доказательств вашего участия в боях против партизан и красных отрядов, и не нанесения тем самым вреда советской власти, а также положительного свидетельствования жителей уватских юрт и красного командира товарища Пироженко Фёдора Емельяновича, советская власть освобождает вас от недоказанных обвинений и наказания. Можете сегодня же возвращаться домой». Слегка ошарашенные неожиданным решением большевистской власти и не до конца ещё ощущая случившееся чудо, молодые мужчины некоторое время стояли неподвижно. А когда, наконец, поняли, что они свободны, неподдельная радость появилась на их лицах. Но когда уже собирались покинуть кабинет следователя, Степан спросил: «А где мой младший брат – Аверин Алексей? Его скоро отпустят до-

мой?». Следователь на него строго посмотрел и сказал, как отчеканил: «За участие в карательных операциях против коммунистических отрядов на территории нашего уезда ваш брат понесёт заслуженное наказание». Степан хотел ещё что-то спросить у него, но следователь поднялся из-за стола и гаркнул: «Я сказал, что вы свободны! Поэтому прошу незамедлительно покинуть мой кабинет!».

Как и в 1917 году, когда возвращались с армейской службы домой, товарищи переночевали в городе у родственников Степана. Узнав, что Алексея будут судить, родной дядя братьев, Савва Никитич, зло выругался, посмотрел в угол, где на божничке стояли образа святых, и перекрестился. «Боже наш, если ты слышишь меня, заступись за раба своего Алексея. Он ведь не виноват в том, что его насильно заставляли совершать грехи и отступать от заповедей. Защити ты всех нас от кровопийцев и безбожников! Неужели ты не видишь, как они издеваются над твоим народом?» - тихо произнёс пожилой человек в надежде на справедливость Всевышнего. Немного успокоившись, он предложил: «Давайте, ребята, отметим ваше освобождение из дьявольского логова».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

На следующий день, как и после демобилизации, товарищи вместе добрались до деревни Рядовичи, а там, распрощавшись, разделились. «Ты, братуха, как только освободишься от полевых работ, приезжай к нам в Большое Пинигино. Втроём приезжайте! Девоч красивых у нас на всех хватит. Погуляем от души, а то в последнее время только по указке властей собираемся», - пригласил Чикирев Пётр. «Готовь брагу. Обязательно к тебе нагрянем недельки через две, пока покос не начался», - ответил Суздальцев Егор.

Услыхав стук калитки, Евдокия Матвеевна выглянула в окно и всплеснула руками. «Наконец-то, Васеньку отпустили. И что же они, ироды окаянные, к нему пристали? Никакой жизни у него нет. Чем он уж так насолил новой власти, что ни дня ни ночи она ему покоя не даёт», - высказалась вслух она и пошла встречать своего любимого сына. А вскоре в избе появились и сёстры, узнав о возвращении брата от подруг. Обняв и поцеловав его, они принялись накрывать на стол. «А тятя где?» - заглянув в горницу, спросил Губин-младший. «А где он в это время может быть? Только на делянке. Осинник всё корчует да ждёт тебя, чтобы приступить к распашке целины», - тяжело вздохнула Евдокия Матвеевна. «Он на Воронко уехал или на Чалом?». «На Чалом. Воронко тебе оставил», - ответила за всех Мария. «Давно тятя уехал на делянку?». «Да уж вторая неделя пошла. Ждали его в субботу в баню, но почему-то не приехал», - озабоченно произнесла мать. «Ладно, я сейчас приведу себя в порядок после арестантской камеры, поем и поеду к тятю», - принял решение Василий и направился к умывальнику. Сёстры предлагали подтопить баню, но брат отказался, торопясь до темна попасть к отцу.

Иван Васильевич сына встретил с тёплой отцовской улыбкой на лице и с выступившими слезинками. Обнявшись с отцом, Василий спросил: «Ну, как

ты здесь без меня? Справляешься? Чо в субботу в баню не приезжал? Маманя ждала тебя. Переживает, не заболел ли ты?». «Да, нет. Хворать мне сейчас не с руки. Делов много накопилось. Боялся, что без тебя не управлюсь. Теперь вот ты рядом, а вдвоём мы горы своротим», - ответил на часть вопросов Иван Васильевич. «Так пока я здесь, тебе, может, домой съездить, в бане помыться и отдохнуть немного?» - предложил сын. «Некогда по домам разъезжаться. Я на костре чугунок воды нагрел да и намылся как следует. Вот только с продуктами плоховато у меня. Особенно с хлебом», - ответил отец. «Продуктов-то я прихватил с собой достаточно. Маманя полный мешок всякого добра натолкала. Так что дней на десять нам еды хватит», - успокоил Василий отца. «Ну раз так, бери инструмент и пойдём вырубать мелкий кустарник. До темна-то ещё много времени», - скомандовал отец. Соскучившись за две с лишним недели по физическому труду, Василий взял с телеги два острых топора, пилу-двуручку и пошёл в сторону нераскорчёванного кустарника. О всех перипетиях, которые происходили с ним и его товарищами в последние дни, сын рассказал отцу во время вечернего короткого ужина. «Да, сын, нескоро от вас отстанет советская власть. Колчак-то со своими генералами убежал от неё, а вы - рядом. Вот и будут большевики на вас злость свою вымещать», - сделал неутешительный вывод Иван Васильевич и тяжело вздохнул. «К Варваре-то Авериной будем осенью сватов засылать? Совсем ядрёной девка стала. Смотри, протянешь - за другого выскочит». «Ну и пусть выскакивает, если уж замуж невтерпёж. А я такое решение ещё не готов принимать. Не до женитьбы, тятя, мне сейчас. Сам ведь говоришь, что советская власть от меня ещё долго не отвяжется. Посадят в тюрьму, а то и расстрелять могут, и с кем жена тогда останется. Да ещё, если вдруг ребёнок малый будет на руках. Нет, тятя, негоже мне торопиться с обзаведением семьи», - ответил Василий. Отец внимательно посмотрел на сына, ухмыльнулся и подумал: «Видно не зацепила твоё сердце Варвара. Если бы она тебе глянулась, то не такую бы песню ноне пел».

Домой мужики вернулись дней через девять после приезда Василия на деляну. За это время они расчистили от пней и кустарника не менее трёх десятин плодородной земли. Хотели было пахать, но Иван Васильевич решил перевернуть целинную дерновину осенью. Сыну своё решение он объяснил просто: «Мы с тобой ноне не смогли семь десятин пашни засеять из-за отсутствия семян, а что будет с семенами на будущий год, осень покажет». Поэтому важные весенние заботы закончились, появилась возможность немного передохнуть и набраться сил для сенокоса.

Почти в первый же день трудового затишья, Василий вспомнил о приглашении Петра. «А что, может и вправду съездить в Большое Пинигино? Сестру давно не видел, да чикирёвская родня будет рада моему приезду», - подумал он и высказал своё пожелание родителям. «Почему не съездить? Съезди на пару дней, повидайся с Лизаветой, родню навести. Они, поди, тоже переживали за вас с Петром», - согласился Иван Васильевич. Евдокия Матвеевна напутственных слов не говорила, но гостинцев родне напекла целый мешок. Приняв решение ехать в Большое Пинигино, Василий предложил присоединиться к нему и друзьям. Егор принял это предложение с готовностью, однако Степан категорически отказался. «Мне, други, сейчас не до увеселений. Тяжёлая обстановка у нас в семье. От Алексея ни слуха и ни духа до сих пор. Мы даже не знаем где сейчас он и жив ли. Батя уже два раза ездил в Ишим узнавать - всё безрезультатно. Ни в уездной милиции, ни в тюрьме с ним даже и разговаривать не стали. «Придёт время, мы вам сами сообщим о сыне», - твердят везде в ответ. А тут ещё средний брат, Егор, словно с ума сошёл - в тайне от отца уехал в Омск и поступил на службу в Красную армию. Мама даже захворала от переживаний. А батя только и твердит: «Было шесть мужиков в доме, а остались мы с тобой вдвоём». Вот такие у меня дела. Хозяйство-то наше хоть и потрепано колчаковцами, но всё ещё большое и требует заботы», - объяснил свой отказ Степан Аверин. «Может, помощь наша нужна? Ты говори, мы всегда поможем, чем сможем», - предложил Василий. «Пока сами справляемся, да и Варвара надёжная помощница», - ответил однополчанин и они расстались. А на следующее утро Василий и Егор выехали на Воронку, запряжённом в телегу, в сторону Большое Пинигино.

В этой красивой деревне их и в самом деле встретили с распростёртыми руками и хозяйским радушием. И вместо двух дней друзья пробыли в Большом Пинигино целых пять. Петр в среде молодёжи был уважаемым человеком. К нему равнодушны были почти все деревенские девушки, но приличия блюли и явно своей симпатии не высказывали. Весёлый, разухабистый, он лихо наигрывал на русской гармошке и пел смешные, а иногда и сальные частушки. Под его гармошку плясали и стар и млад. Ну, а если гармошка оказывалась в других руках и издавала звуки плясовой, то равных в кругу Петру не было. Особенно он любил плясать «цыганочку» с выходом. Василий тоже был неплохой гармонист, однако сравниться со сродным братом не мог. Как только он появился на вечерках, томные и любопытные взгляды девушек сопровождали его в течении всего весёлого мероприятия. Они вызывали Василия на танец, пели задорные куплеты, глядя ему в лицо, но растопить сердце

этого красавца никто из них так и не сумел. А вот Егору повезло. Уже в первый вечер он познакомился со Стрельцовой Дарьей и последующие три от неё не отходил. Статная, белолицая, с длинными ресницами и бровями-крыльями, немногословная и серьёзная, она была словно создана для семейной жизни. «Ну, что? Понравилась Дарька? Хороша девка! Сам бы за ней приударил, да отца её боюсь. Уж больно он у неё крут», - предупредил Петр. Переведя взгляд на Василия, он спросил: «А тебе, братуха, неужели ни одна из деревенских красавиц не понравилась?». «В том-то и дело, что все понравились, но какую из них выбрать - никак не соображу. И потом, с тобой боюсь поспорить. Вдруг та, которую выберу, окажется твоей мечтой», - отшутился Василий. «Не бойся, братуха, не родилась ещё та, которая оказалась бы моей мечтой», - в таком же тоне ответил Петр и они вместе засмеялись.

Погостив у родственников, Василий с Егором засобирались домой. Прощаясь с братом, старшая сестра Елизавета с болью в голосе произнесла: «Береги себя. Без тебя отец с матерью долго не протянут. Ты у них единственная надежда на спокойную старость. Да и любят они тебя больше, чем меня с сёстрами». Посмотрев в голубые глаза Василия, она вдруг нежно улыбнулась и спросила: «Сердце-то никакая из пинигинских девушек не разбила? Здесь таких красавиц много. Не успеешь и глазом моргнуть, как в их сетях окажешься». «А ты почему за большесорокинского парня замуж не вышла? Неужели в нашем селе достойного жениха не нашлось?» - улыбнулся Василий. «Я, братик, другое дело. За меня тятя решил все семейные вопросы. А тебе я желаю, чтобы ты не торопился с женитьбой», - с грустью в голосе произнесла Лиза. «Ты несчастлива с Николаем?» - встревожился брат. «У нас с ним всё в порядке. Он меня в обиду никому не дает, помогает по дому и заботится обо мне. Но вот только детей у нас до сих пор нет», - ответила та. «Не переживай, сестрица. Будут ещё у вас дети. Тебе-то всего лишь двадцать четыре года отроду», - успокоил Лизу брат и они расстались.

Вернувшись в Большое Сорокино и рассказав родителям все пинигинские новости, Василий вновь «впрягся» в решение хозяйственных проблем. Подходила пора сенокоса и необходимо было подготовить весь инвентарь и конскую упряжь к работе. И хоть немудрёное это занятие, а времени на него уходило много. Единственное, что напрягало молодого мужчину, так это постоянный контроль за ним со стороны волостной милиции. Согласно предписанию, Василий и его товарищи должны были раз в десять дней обязательно приходить к Зайчикову в кабинет и расписываться в амбарном журнале. При виде них, он

ехидно улыбался и выпятив толстую нижнюю губу вперёд, небрежно хрюкал: «Ну, что, каратели, пришли? А куда вы денетесь? Советская власть вас на краю земли найдёт и покарает». Не раз у Василия руки чесались и требовали, чтобы хозяин врезал ими по оттопыренной губе этого борова. Но понимая, чем это может закончиться, их хозяин всеми силами сдерживал себя. Примерно такие же чувства к хаму в милицейской форме испытывали не только товарищи Василия, но и многие жители села.

Лето 1920 года оказалось непомерно жарким. Из-за засухи чернозём раскалился и превратился в толстый слой горячей пыли, по которой босиком даже невозможно было ходить. И только дети, не обращая внимания на обжигающий ноги жар, ватагой бежали к реке Ик, и часами плескались в обмелевшем русле. Набравшие было с весны силу стебли пшеницы, ржи и овса заметно снизили темп роста и всё сильнее стали зарастать разноцветными сорняками. Крестьяне, сколько было сил, боролись с ними, но не всегда выходили победителями. Не удалась в этом году и трава. И даже на пойменных участках она была низкорослой, вялой и редкой. Поэтому, как только наступило время покоса, все семьи в полном составе выехали на свои закреплённые угодья. Быстро окосив их и не заготовив необходимого количества корма для скота, они бросались в поиски новых участков. И вскоре уже все небольшие лесные и луговые полянки стали голыми, а на них красовались редкие одёнки сухого сена.

Губины, так же как и все остальные большесорокинские семьи, на покосе работали от темна до темна. Даже Евдокия Матвеевна, закончив готовку еды, брала в руки грабли и помогала собирать валки и метать копны. Учitando, что в предстоящую зиму они решили увеличить количество лошадей, крупнорогатого скота и овец, потребность в корме значительно возросла. Трудиться пришлось с утроенным напряжением сил и с полной самоотдачей. Но не сено больше всего беспокоило Ивана Васильевича, а состояние хлебов. «Если такая погода постоит ещё дён десять - хлеба выгорят полностью. Даже не соберём зерна столько, сколько засеяли весной семян», - переживал он, глядя на увядание стеблей пшеницы. И не только Губиных волновала судьба урожая, а всё село засматривалось вверх и искало на небе вожделенную тучку. Однако их ожидания были напрасными. И даже тогда, когда толпа пожилых людей, взяв в руки иконы и обратив их ликами к небу, прошла с молитвами три раза вокруг ближайшего к селу поля - дождь так и не пошёл. «Видать прогневали мы Всевышнего нашего. Отвернулся он от нас», - роптали люди и продолжали мо-

литься. И лишь в конце июля внезапно налетел с запада ветер, поднял столбом пыль и весь горизонт покрылся тучами. Засверкали молнии, загромыхал гром, просыпались первые крупные дождинки, которые испарились ещё в воздухе. А уже через мгновение, сплошной поток воды обрушился на землю. Ливень шумел всю ночь и весь следующий день. И только ближе к полуночи остановился. «Поздновато боженька решил помочь нам. Но и за эту помощь спасибо ему», - первой высказала своё мнение Евдокия Матвеевна. Во время дождя семья отсиживалась в шалаше, и как только он перестал, Иван Васильевич вылез из укрытия, посмотрел на край поля, на котором была посеяна озимая рожь, и спокойно сказал: «Стоит рожь. Не закрутило её, не помяло. Если бы был у неё стебель высокий - обязательно полегла бы от такого урагана».

Из официальной хроники

В то время, когда крестьян Ишимского уезда волновала судьба будущего урожая, в Москве решалась их личная судьба. Разрушив за годы революции и гражданской войны отлаженный механизм обеспечения жителей России продуктами питания, оторвав хлебопашцев от прямых обязанностей и заставив их штыками добывать им власть, коммунисты уже летом 1920 года поняли, что наступает час расплаты за принесённое стране и народу зло. Почти шесть лет, начиная с германской войны, крестьяне были вынуждены воевать, а не возвращать хлеба, в результате чего засеваемая ранее площадь сократилась почти наполовину. И если раньше Россия была главным мировым экспортёром зерна, то теперь сама испытывала продовольственный голод. Чтобы сохранить власть и не быть уничтоженными, большевики готовы были идти на любой обман, жестокость и даже жертвы простого народа. Собравшись 20 июля на экстренном расширенном совещании в Кремле и обсудив продовольственную ситуацию в стране, в порядке боевого приказа и во имя доведения до победного конца тяжкой борьбы трудящихся с их вековыми эксплуататорами и угнетателями, Совет народных комиссаров постановил:

«1. Обязать крестьянство Сибири немедленно приступить к обмолоту и сдаче всех свободных излишков хлеба урожаев прошлых лет с доставкой их на станции железных дорог и пароходные пристани.

4. Виновных в уклонении от обмолота и от сдачи излишков граждан, ровно как и всех допустивших это уклонение ответственных представителей власти, карать конфискацией имущества и заключением в концентрационные лагеря как изменников делу рабоче-крестьянской революции.

7. В целях обеспечения полного обмолота и сдачи хлебных излишков вменяется в обязанности начальнику войск ВОХР выполнить в срочном порядке полностью предъявленное наркомпродом требование на вооружённую силу для Сибири (в количестве 9000 штыков и 300 сабель), причём отряды должны быть обмундированы и полностью укомплектованы и представлены не позднее 1 августа с.г.

8. Конечным сроком обмолота и сдачи всех излишков от урожая прошлых лет установить 1 января 1921 года.

*Председатель Совета народных комиссаров В. Ульянов (Ленин).
Управляющий делами В. Бонч-Бруевич.
Секретарь А. Фотиева».*

После выхода в свет этого документа в Сибирь пришёл и «военный коммунизм», искромсавший не только сердца человеческие, но и вырвавший из душ всё то, чем жил крестьянин и его страна Россия на протяжении веков. Уже 26 июля Наркомпрод своим постановлением объявил объёмы хлебофуражной развёрстки по губерниям и областям РСФСР в пользу государства. Всего по стране планировалось собрать 440 млн пудов, 110 из них должна была дать Сибирь. Чуть позже к этим объёмам добавили ещё 8 млн 177 тысяч пудов, который полностью приходился на Тюменскую губернию. 65,8% этого объёма был удельный вес Ишимского уезда. В целях неукоснительного выполнения постановления Совета народных комиссаров «об изъятии хлебных излишков в Сибири», этим же постановлением обязали государственные учреждения осуществить ряд мероприятий. Военпродбюро Всероссийского центрального совета профессиональных союзов при содействии Главкомтруда должно было привлечь и направить для подработки в Сибири продовольственные отряды в составе 6000 рабочих, причём центральное управление снабжения обязали для обмундирования таковых выдать 6000 полных комплектов обмундирования и тёплой одежды. Было поручено наркомтруду мобилизовать и направить в распоряжение сибирских продорганов до 20000 человек голодающих крестьян и рабочих Европейской России на работы в течение осеннего и зимнего времени с допущением в состав дружин женщин в количестве 20%. И процесс уничтожения сибирского крестьянства пошёл семимильными шагами.

Назначенный с 31 августа 1920 года губернским продовольственным комиссаром Гирш Самуилович Инденбаум сидел в своём уютном кабинете и

задумчиво улыбался. Двадцатипятилетний комиссар вспоминал последнюю встречу с Троцким, который давал ему наставления при назначении на этот высокий пост. «На тебя, товарищ Инденбаум, партия возлагает большие надежды. Мы знаем тебя как преданного, идейно подкованного и мужественного человека и непримиримого борца с врагами революции. От твоей деятельности зависит судьба советской власти. Отправляйся в Тюмень и своей железной рукой наведи там порядок в проведении госпродразвёрсток. Сибирские крестьяне - тёмные и упрямые люди, не исключено, что тебе придётся принимать самые суровые решения. Но ты не бойся этого. Партия и я - всегда встанем на твою защиту. А если справишься с заданием успешно, мы тебя введём в состав ЦК и назначим заместителем Наркомпрода».

«Я, товарищ Троцкий, уже приступил к своим обязанностям и активно включился в работу по выполнению поставленной передо мной задачи», - мысленно ответил буревестнику революции Гирш и его лицо сразу же посуровело. Уже 3 сентября он поставил свою подпись под постановлением Тюменского губисполкома советов и коллегии губпродкома «О развёрстке хлебофуража и маслосемян», который доводил план развёрстки до уездов губернии. А 7 сентября направил циркулярное письмо всем продработникам губернии, которое звучало так:

«Дорогие товарищи! В необычайно тяжёлый для советской республики момент пришлось мне стать во главе продовольственного дела в Тюменской губернии... Вам, комиссарам продкомов и продконтор, необходимо служить руководителями партийных организаций на местах. Это даст вам возможность выполнить возложенные на вас задачи. Эти задачи чрезвычайно велики и серьёзны. В своей работе вы должны быть как бы курком по отношению к волисполкомам. Ни одной минуты колебания по выполнению развёрстки в деревне. Через вас должна осуществляться твёрдая рука рабоче-крестьянской власти. Вы, техники продовольственного фронта, выйдете победителями. Вперёд к исполнению боевой задачи. С товарищеским приветом, губернский комиссар по продовольствию Инденбаум».

К циркулярному письму прилагалась инструкция о товарной блокаде. А на следующий день Инденбаум и член губпродколлегии Шкворченко подписали инструкцию, устанавливающую годовую норму, которую необходимо оставлять при исчислении хлебной развёрстки. Она гласила: «Членам семьи - 13 пудов 20 фунтов; на посев - 12 пудов на десятину; рабочим лошадям - 18 пудов; жеребят - 5 пудов; коровам - 9 пудов; телятам - 5 пудов. При исчислении на отдельных

лиц допускается оставлять норму для прокорма скота в хозяйстве: от одной до трёх десятин – на одну лошадь; от 4 до 6 десятин – на одну лошадь и одного жеребёнка; от 6 до 10 десятин – на 2 лошади и 2 жеребёнка; от 11 до 15 десятин – на 3 лошади и 3 жеребёнка и т.д. Норма скота при одном человеке не остаётся, 2-3 человекам – на одного телёнка, при 4-7 человек – одна корова и один телёнок, 8-11 человек – на 2 коровы и 2 телёнка, 12-15 человек - 3 коровы и 3 телёнка и т. д. Хлеб неимущему населению отпускается только на один месяц».

Все нормы потребления скоту и людям и на высев, а также валовой сбор не подлежали никакому оглашению. И это было началом конца существования традиционного крестьянства на земле сибирской, до которого оставалось чуть больше месяца.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Работы по заготовке сена плавно переросли в уборочную страду. Но небольшой перерыв между этими занятиями всё-таки выдался. Особенно радовалась такому событию молодёжь. Прекратившиеся на время летних сельхозработ посиделки возобновились с новой силой. Своими гуляниями до утра, весёлым звонким девичьим смехом, песнями, частушками и переливами гармоней они не давали покоя степенным жителям села. Активное участие в них принимал и Василий. Но того задора и молодецкой удали что раньше он уже не проявлял, а вёл себя спокойно и достойно. Сельские девушки заметили это сразу и сделали вывод, что их гармонист, голубоглазый красавец и завидный жених, в кого-то влюблён и готовится к семейной жизни. Но им было невдомёк, что некогда весёлый и куражистый парень просто повзрослел и стал лучше понимать жизнь, которая в последние годы постоянно старалась подмять его под себя. Он смотрел на молоденьких красивых односельчанок и почему-то вспоминал своих сестёр, которых колчаковские каратели избивали нагайками. «Неужели у них нет судьбы другой, как только быть битыми? И что же мы за мужики такие, если не можем постоять за себя и за своих родных! Над нами издеваются все кому не лень, а мы исповеди божественные блюдём. Тёмный и несчастный мы народ! Когда хоть поймём, что никто нас не защитит от издевательств, кроме самих», - рассуждал Василий и от этого на его душе становилось ещё тяжелее. И забавы молодых, ещё не испытавших настоящего горя парней и девушек, его не вдохновляли на поиски той единственной, которая стала бы женой и хозяйкой дома. Даже Аверина Варвара, заметив в Василие перемены, однажды сказала: «Знаю, что твои родители собираются породниться с моими и хотят, чтобы мы поженились. И я бы, непременно дала своё согласие, если бы знала, что тебе безразлична. Но моё сердце чувствует другое, я ему верю. Так что не будем друг друга и родных обманывать и делать вид счастливой пары». Её слова в

первую минуту расстроили парня, так как он знал настрой своего отца, но уже в следующий момент Василий с благодарностью посмотрел Варваре в глаза и тихо произнёс: «Спасибо, что ты правильно меня поняла». После этого объяснения их товарищеские отношения не изменились, а, наоборот, укрепились.

В самом начале августа, согласно предписанию надзорной службы, Василий в очередной раз направился в волостную милицию, чтобы отметить и расписаться в амбарной книге. Не доходя до избы, в которой размещалась милиция, он заметил запряжённые дрожки, в которых спиной к нему сидела девушка. Не зная ещё, кто это и даже не видя её лица, Василий ощутил в себе неотвратимое желание подойти к ней ближе и внимательно рассмотреть. С его стороны это был не самый лучший поступок, но совладать со своим желанием он впервые в жизни не смог. Словно почувствовав спиной что к ней кто-то приближается, девушка резко повернула голову и их взгляды встретились. Василий остановился и как околдованный стал медленно погружаться в её бездонные, небесного цвета глаза. Чем глубже он в них тонул, тем сильнее ему хотелось продолжать путешествие по бездонному царству. В глазах этой девушки было всё – воздушная чистота, душевная грусть, сердечная теплота, таинственная чувственность и призывная любовь. В это мгновение Василий ни о чём не думал. Единственное, чего он хотел, так это чтобы волшебная сказка, в которой он оказался, как можно дольше не прерывалась.

Но, как известно, у сказки тоже бывает конец. Входная дверь открылась и на на крыльце появился молодой мужчина, одетый в форму красноармейского командира. Василий нехотя перевёл взгляд на него и признал в статном бойце своего бывшего однополчанина Пироженко. Тот тоже его узнал, но явной радости по этому случаю не проявил. Подойдя к дрожкам и не протягивая руку для приветствия, он сухо произнёс: «Значит, жив ещё Губин? Плохо кончишь, если не поймёшь, на чьей стороне тебе быть. Остальные-то однополчане тоже в волости живут? Вот что я вам скажу - заблудшие вы бараны, а не мужики». Его слова вернули Василия в реальность. Он повнимательней посмотрел на Фёдора и ровным голосом ответил: «Мы на стороне мужиков, которым нет разницы, какая власть в России. Главное, чтобы она людям жить по-человечески давала и не лезла в их дела. А мы уж как-нибудь прокормим её своим горбом, как это было при царе». Губин-младший хотел было продолжить свой путь дальше, но голос Пироженко его остановил: «Царя нет и больше не будет никогда. Советская власть во главе с большевиками-коммунистами теперь будет править Россией до окончания века. И мой совет - лучше не ссориться с ней. Благодаря

моей помощи, вам простили пребывание в колчаковской армии, но если вы и впредь будете вставать поперёк советской власти, то защиты моей не ждите». Эти слова больно кольнули Василия: «Спасибо, конечно, что помог нам избежать тюрьмы, но ты и не мог поступить иначе, так как, благодаря мне дважды избежал смерти. Разве носил бы ты сейчас эти командирские шаровары, если бы оказался на том свете от пуль белоказаков? Да и жена тебе такая красивая не понадобилась бы. Так что не надо из себя благодетеля изображать и запугивать нас не надо. Мы, крестьяне, как выращивать хлеб знаем. А вот чем вы будете питаться, если всех хлеборобов перебьёте или посадите в тюрьмы, не знаю». По-видимому решив остановить спор двух бывших однополчан, девушка тихим грудным голосом перебила их: «Федя, пора ехать. Мама, наверное, уже заждалась нас на базаре». Пироженко повернул голову в её сторону и неожиданно для Василия произнёс: «Это не жена моя, а младшая сестра». И через некоторое время добавил: «Ладно, не будем ссориться и разбираться кто прав, а кто виноват. Время нас само рассудит. Главное, чтобы не поздно для некоторых было». Уловив в голосе Федьки нотки примирения, Василий смело взглянул на девушку и спросил: «Имя-то у твоей сестры есть?». «Полина», - немного покраснев ответила та. «А меня Василием родители называли», - представился Губин. «Познакомились и довольны. Поехали, сестра, а то по нему Зайчиков давно соскучился», - сказал Пироженко, запрыгнул в дрожки и взял в руки вожжи. «До свидания, Полина. Береги своего брата, а то он дюже злой стал, на своих товарищей кидается», - попрощался Василий и вновь посмотрел в глаза девушки. «Омут! Видно попал я уже в его воронку!» - молнией пронеслась в его голове приятная и пугающая догадка.

После памятной встречи с Полиной прошло три дня. Но её глаза не только не покидали сознание Василия, но ещё глубже входили занозой в его сердце. Сначала он даже хотел посоветоваться со Степаном, но вспомнив, что тот - брат Варвары, которую прочтут ему в невесты, передумал. Измучившись раздумьями и запутавшись окончательно в мыслях, Василий сделал твёрдый вывод, что дальше так продолжаться не может и необходимо делать какие-то шаги. «Пироженко, по-моему, родом из Покровки. Там все хохлы нашей волости живут, там и Полину искать надо. Завтра же сяду на Воронку и поеду к ней. А на месте видно будет, что делать и как поступать», - принял он окончательное решение.

Но утром все планы Василия расстроил отец. «Ноне поедем обкашивать мёжи вокруг ржи. Дён через десять настанет пора убирать её. Так что запрягай Чалого в телегу, складывай инвентарь и харчи, будем выдвигаться». «Может,

завтра поедем в поле?» - осторожно спросил Василий. «Что-то кости ломит. Боюсь, не на погоду ли. Поэтому, пока ведро стоит, надо будет кромки поля окосить», - категорически заявил отец, поставив тем самым крест на задумке сына. Тот недовольно кашлянул, но продолжать разговор не стал и пошёл выполнять поручение Ивана Васильевича.

Косил Василий с тройной энергией. Отбитая отцом литовка и постоянно подтачиваемая оселком, словно бритва срезала стебли разнотравья и ржи и укладывала всё это в валок. «Как ловко Васька косит! Ни одной травинки после себя не оставляет. Пожалуй, мне за ним сейчас уже и не угнаться», - размышлял отец. В рослой фигуре и хватке Василия проглядывалась чикирёвская порода и Иван Васильевич немного расстраивался по этому поводу. Но наблюдая за тем, как ведёт себя сын в быту и обществе и рассматривая его черты лица, успокаивался. «В меня, варнак! Такой же осторожный и почтительный, а в груди огонь горит. Да и сила в нём моя, а не чикирёвская», - вслух высказывался Иван Васильевич, улыбаясь. Вдвоём они пробыли три дня. А затем к ним присоединились близняшки, которые стали собирать подсохшие валки в кучи и укладывать их в одёнки. А на шестой день, как и предсказывали кости Ивана Васильевича, набежали тучки и закрапал мелкий дождь. «Нам он теперича не страшен. Пусть помочит землю. Может грузди уродятся? А то прошлым летом ни одной бочки не засолили», - радостно произнёс отец.

Как только они вернулись домой, Василий решил больше не откладывать поездку в Покровку. Те дни, которые он пробыл в поле, для него были сущей пыткой. Даже сон потерял. Сёстры, почуяв, что с братом что-то происходит неладное, старались с вопросами к нему не лезть и лишние разговоры не вести. Но они даже не догадывались о том, насколько тяжело их брат болен и не знали, кто разбил его сердце.

На следующее утро Василий оседлал Воронку и, ничего не сказав родителям, выехал в сторону Покровки. Молодой мужчина и мысли не допускал, что эта поездка может оказаться напрасной и только сильнее ранить его сердце. Он был твёрдо убеждён в том, что должен обязательно увидеть Полину, а всё остальное вокруг для него в тот момент не существовало. Двадцать пять вёрст показались ему огромным расстоянием. Василий постоянно подгонял Воронку, который, словно чувствуя настроение хозяина, и так шёл всю дорогу крупной рысью.

Оказавшись на краю большого селения, Василий заметил играющих на полянке у дома ребятишек и подъехал к ним. «Пацаны, не подскажите, где Пиро-

женко Фёдор живёт?» - спросил он. «Тот, что красный командир? Бачим, конечно. В самом конце улицы, третья справа их хата. Но его сейчас дома нема. Он в город враз подался. И мамку с сестрой с собой забрал», - ответил конопатый мальчишка. «Насовсем уехал?» - почти выкрикнул Василий. «А кто его бачит? Может, и насовсим. Да ты, дядька, поезжай на тот край. Там рядом с его хатой родня ихняя живёт. Она тебе обо всём и прокалякает», - ответил чумазый пацан и ватага потеряла всякий интерес к чужаку. Ещё не отойдя от растерянности, Василий дёрнул поводья и поехал вдоль улицы. Отыскав небольшую избушку семьи Пироженко, он в нерешительности остановился. «Кого бачите?» - услышал он глухой голос. «Пироженко Федю. Я его однополчанином по царской армии был», - немного растерялся Василий. «Опоздал ты трошки. Федька три дня назад уехал в город и всю семью забрал. Он теперь большой у новой власти командир! Большевик настоящий!» - сообщил усатый мужик, вышедший из-за ворот соседнего домишки. «А вы кем ему будете?» - спросил по инерции Василий. «Дядя. Я женат на родной сестре его матери – Ефросинье», - ответил мужчина. «Он рассказывал, что в его семье ещё и сестра была. Она-то в Покровке живёт?» - схитрил Василий, чтобы побольше узнать о Полине. «Ни. Она ещё не самостоятельная. Ей только недавно восемнадцать рокив исполнилось. Красивая девка. Теперь в городе богатого жениха себе найдёт», - не подозревая, что скребанул сердце чужаку, ответил мужик. «Да, жалко, что я его не застал дома. Может, подскажите, где он в городе живёт? Я иногда бываю там, так навестил бы однополчанина», - спросил Василий без всякой надежды на нужный ответ. «Где живёт не бачу, но знаю, что служит он в артиллерийском полку», - ответил усатый и тут же спросил: «А ты-то откуда сам будешь?». «Из Большое Сорокино. Губин Василий меня зовут», - ответил влюблённый в надежде на то, что о его приезде станет известно Полине.

Домой Василий вернулся к обеду. Расседлал взмыленного Воронко, отвёл его за огород, надел путы и отпустил щипать молодой визиль. «Видно не судьба с этой девушкой быть вместе. Как теперь своё сердце успокоить? Мысли о ней ни минуты не дают мне продыху. Может, и вправду осенью заслать сватов к Варвариним родителям?» - метался в раздумьях молодой мужчина. Заметив хмурого сына, Евдокия Матвеевна тихо подошла к нему и спросила: «Ты какой-то в последнее время нетакой стал. Может, случилось что-то нехорошее, а ты не хочешь рассказывать нам?». «Не беспокойся зря, маманя. У меня всё в порядке. Просто настроение неважное», - попробовал успокоить Василий её. Но материнское сердце не обманешь. Хоть и не стала она больше расспрашивать сына, а уголёк беспокойства и тревоги в душе застрял.

Уборка урожая шла полным ходом, когда всех глав семейств села пригласили в волостной совет и объявили им о начале продовольственных развёрток. Речь держал незнакомый сельчанам молодой мужчина в кожаной куртке и с наганом на боку. Он пространно рассказал им о бедственном положении страны в части продовольственного обеспечении и призвал крестьян к неукоснительному исполнению доведённого до волости задания. В завершении своей речи приезжий сказал: «Всяк, кто будет уклоняться от выполнения продразвёрток, саботировать их или укрывать от изъятия зерно, будет наказываться советской властью по всей строгости закона». «А если нынешнего урожая на свою семью не хватает - как быть?» - спросил кто-то из крестьян. «Тогда за него пусть сдадут те, у кого зерно в излишках и находится в скирдах с прошлых лет», - ответил чужак. «Да, у нас такого почти не осталось. Колчаковцы тоже наш хлебушек любили», - послышался весёлый голос. «Хорошо будете искать - найдёте. А чтобы не вздумали с властью в прятки играть, к вам скоро продотряд прибудет. Он вас научит новую власть любить», - ответил мужчина в кожаной куртке. «А что мы за свой хлебушек получим? Раньше-то нам за него различные хозяйственные товары давали, плуги, бороны и жернова», - спросил Аверин Емельян. «Советская власть не может вас пока отоварить всем этим, так как заводы и фабрики не работают, а рабочие воюют с разными контриками. Поэтому рассчитывать с вами будем позже, а сейчас только самым необходимым - солью, сахаром, керосином и прочей мелочёвкой», - ответил чужак и добавил: «За выполнение продовольственного налога в первую очередь будет отвечать волостная власть. Если она пойдёт на поводу жителей села, то мы её в один момент меняем». Со схода мужики возвращались в подавленном настроении. «И так урожай ноне плохой, так ещё продовольственный налог какой-то выдумали. Как его выполнять, если в амбаре мышь удавилась?» - ворчал Сидоров Митрофан Гордеевич, почтенный старец и вдовец. «Да и мы остатки прошлогоднего запаса ещё зимой с сыном обмолотили, а три скирды казаки осенью спалили», - задумчиво высказался в унисон Иван Васильевич. «Да, мужики, большаки с белыми за власть дерутся, а мы их кормить должны. Не по-божески это», - поддакнул Долгих Лазарь Ильич.

Придя домой, Иван Васильевич сел в кути на табурет и, низко опустив голову, подумал: «Видно веки веков не жить нам хорошо. Раньше хоть в центральной Расее зажимали крестьян, а ныне и до Сибири добрались. Какой год уже нас обкрадывают все кому не лень». «Ты чо, тятя, такой хмурый? Случилось что?» - подсел рядом Василий. «Случилось. Советская власть без хлебушка нас решила оставить. Голодом хочет выморить, а земли себе оставить. Сегодня на

сходе нам раздали бумажки, в которых сказано, кто и сколько обязан сдать зерна. Да ещё и на станцию сами должны отвести. Ты грамотный, на, посмотри, что в ней написано», - ответил Иван Васильевич и протянул сыну бумажку. Василий развернул листок и стал читать: «На основании постановления Тюменского губисполкома советов и коллегии губпродкома о развёрстке хлебофуража и маслосемян, вашему хозяйству подлежит сдать – 1000 пудов зерна, в том числе 300 пищевого и 100 пудов сена. Расчёт произведён по числящейся за вами посевной площади. Срок сдачи до 15 декабря 1920 года. В случае невыполнения задания к вам будут применены самые строгие меры. Председатель Ишимского исполкома И.Я. Кузьмин, товарищ председателя Д.И. Горностаев, член А.В. Симонов». «Сколько пудов мы обязаны сдать? Тысячу?! Да мы всего, дай Бог, намолотим пять сотен! Они что - с ума посходили?!» - встrepенул Иван Васильевич. «Они, тятя, берут в расчёт всю пахотную площадь, которая числится за нами, а не ту, которую нам удалось весной засеять», - пояснил Василий. «А где мы могли взять семена на остальную площадь. Колчаковцы амбар под метёлку вычистили! Хорошо ещё в скирдах не обмолоченный остался, а то бы мы эту зиму не перезимовали. Режут! Без ножа режут нас большаки!» - возмущался старший Губин. «Может, зря переживаешь так. Обмолот закончится и отстанут от нас коммунисты?» - хотел успокоить отца Василий. «Эти варнаки не отстанут! Подожди, они ещё какой-нибудь, налог придумают!» - не успокаивался Иван Васильевич. «Может, у Чикиревых попросить в долг, чтобы рассчитаться?» - предложил Василий. «А чем ты им будешь отдавать? Семян-то и на будущий год не останется. Да и их этот налог не обойдёт стороной», - ответил раздражённо старший Губин. «Ладно, тятя, давай сейчас не будем горячку пороть, может, снизят нам налог, если мы докажем в волсовете, какие площади ноне засеяны. А что урожай в этом году никудашный, так об этом все знают». «Прямо завтра с утра пойду к Суздальцеву. Пусть Иван Данилович задание уменьшает», - решительно заявил Иван Васильевич и немного успокоился.

Но разговора с председателем волсовета не получилось. Узнав с какой целью к нему пожаловал старинный товарищ, Суздальцев замахал руками: «Даже и не проси, Иван. До тебя ко мне уже полсела приходило и все - с такой же просьбой. Ты пойми, снижать задания у меня прав нет. Только в уезде этот вопрос могут решить. А если у меня спросят, то я возражать не буду. На мою семью ведь тоже налог довели», - огорчил отказом Иван Данилович своего товарища. «И что нам делать? Как выполнить задание, которое заранее не выполнимо? Может, сжечь остатки урожая, а самому с семьёй сразу в тюрьму пойти, на казённые харчи?» - спросил Губин старший. «Не дури, Иван. Ты ведь

мудрый человек. Поговори с мужиками, соберите делегацию и отправьте её в Ишим в уездный исполком. А чтобы в исполкоме быстро поняли цель её приезда, пусть Василий письмо хорошее с просьбой на бумаге изложит. Он ведь у тебя грамотный», - подсказал Суздальцев. «Ну, ладно, Иван. Спасибо за добрый совет. Я уже сегодня займусь подготовкой и отправкой сельской делегации», - сказал Иван Васильевич и вышел из казённого учреждения.

Делегацию собирали два дня. Сначала определились с кандидатурами, затем долго готовили письмо с просьбой о снижении продналога по зерну, и только на исходе вторых суток Иван Васильевич с облегчением вздохнул. А рано утром следующего дня провожать парламентариев вышло почти всё село, хотя шла уборка урожая и дорог был каждый час сухой погоды. В состав делегации вошли Сеногоев Михаил Николаевич из Малого Сорокино, Аверин Пётр Кузьмич, Долгих Матвей Васильевич, Чечулин Егор Кузьмич из Большого Сорокино и Губин Василий Иванович, как грамотей и автор письма. Рассчитывая на справедливость власти, сорокинцы возлагали на своих земляков большие надежды. Но с самого начала пребывания делегации в уездном городе всё пошло наперекосяк. Добравшись до уездного исполкома советов и попав во внутрь здания, дальше красноармейца с винтовкой они пройти не смогли. Выслушав бородатых мужиков, и поняв, что они прибыли из дальней волости для вручения председателю исполкома советов Ивану Яковлевичу Кузьмину письма с просьбой о снижении продналога, он направил их в другое здание, где размещалась продкомиссия. Но и там с ними обошлись неприветливо. Не представившись и даже не поздоровавшись, какой-то мужчина в очках и с чёрной как смоль шевелюрой брезгливо взял из рук Василия конверт с письмом, повернулся и пошёл по коридору в свою комнату. «Эй, мил человек! Постойка. Нам-то, что делать? Ждать ответа или завтра прийти?» - громко спросил Сеногоев Михаил Николаевич. Очкарик остановился на полдороге, повернулся к окликнувшему его и равнодушным голосом ответил: «Долго ждать придётся. Лучше отправляйтесь домой и продолжайте убирать урожай». Не ожидавшие такого к себе отношения, мужики дружно возмутились: «Мы без положительного решения властей домой не поедём!». «Это дело ваше, но вот только на неприятность можете напороться», - ответил очкарик и пошёл дальше.

Переночевав в доме крестьянина, делегация в полном составе в восемь часов утра была уже у здания уездного исполкома и поджидала высокое начальство. Но не дождалась. К зданию подъехала подвода с милиционерами, которые, не вступая в переговоры, приказали им двигаться в сторону тюрьмы.

Опешившие от такого обращения, сорокинцы даже дар речи потеряли. Первым опомнился Василий. «В какую тюрьму вы нас ведёте? За что? Мы приехали в город искать защиты, а нас в каталажку собираются упрятать. Это что за власть такая, которая простому народу слова сказать не даёт?!» - с возмущением высказался он. «Ты говори, говори, да не заговаривайся, куркуль неумытый. Советская власть кровь проливает за нас за рабочих и бедных крестьян, а вы, я смотрю, не очень-то голодаете. Вон как разоделись! Словно на ярмарку приехали. Сюртуки и кафтаны холщовые да сапоги яловые. Вы бы в лаптях ходили круглый год, как у меня на родине, тогда посмотрел бы я на вас, какую песню запели», - налетел на Василия один из милиционеров. Почувствовав, что и на сей раз правды не добиться, Василий замолчал. Притихли и остальные члены делегации.

В тюрьме они просидели трое суток, пока, наконец, по ходатайству волсовета и волревкома их не выпустили. Но несмотря на все страдания и унижения, каким делегация подверглась в уездном городе, положительного результата по снижению продналога она так и не выходила. Расстроенные и обозлённые на советскую власть, члены делегации вернулись домой уже под вечер. Все, кроме Василия, который задержался в городе, чтобы попытаться разыскать Пироженко, а через него - Полину, о которой он даже в тюремных застенках не переставал думать. Узнав, что артиллерийский полк находится на окраине города в сторону Петропавловского тракта, он пешком направился туда.

При входе на территорию воинского подразделения Василия остановил красноармеец. «Гражданским лицам в пределы полка вход запрещён», - предупредил он строгим голосом. «А мне бы Пироженко Фёдора повидать», - ответил Василий. «Товарищ командир сейчас проводит на плацу занятия. А кто ты и по какому вопросу к нему?» - справился солдат. «Я его однополчанин по службе в царской армии. Зовут меня Губин Василий. Вот приехал из Большесорокинской волости и хотел с ним увидеться», - ответил Василий. «Дзида, доложи товарищу командиру, что на КПП его поджидает гражданин Губин», - крикнул постовой, выглянувшему из дежурного помещения рыжему парню. Тот тут же побежал исполнять указание старшего по званию.

Появления Пироженко на КПП ждать пришлось не меньше часа. Но Василия это не напрягало, так как другого варианта как через Федьку, встретиться с Полиной у него не было. Когда Пироженко оказался рядом, то, как и в прошлый раз, особой радости от встречи у него на лице не было. «Ты зачем пришёл сюда?» - строго спросил он однополчанина. «Слушай, красный командир,

ты бы хоть поздоровался сначала. Или стал таким важным начальником, что старых товарищей не признаёшь?» - усмехнулся Василий. «Ну, здорово, а дальше что? Какие у тебя ко мне дела?» - продолжил холодно вести себя Пироженко. «Ах ты, хохол недорезанный! Я его два раза от смерти спасал, а он на меня даже глядеть по-человечески не хочет!» - пронеслось в голове у Василия, а вслух он сказал: «Хочу увидеть твою сестру Полину». У Пироженко даже брови поползли вверх и глаза округлились. «На кой тебе её видеть? Ты же её даже не знаешь по-настоящему», - спросил он. «Вот и хочу познакомиться с ней по-настоящему. Ты-то, что испугался по этому случаю?» - осмелел Василий. «Тебе что - сорокинских чалдонок не хватает?» - неожиданно улыбнулся Пироженко. «Значит не хватает, раз на твою сестру запал», - откровенно признался Василий. «Опоздал ты, фельдфебель. К сердцу Полины уже давно Зайчиков подбирается», - поддразнил красный командир. Не ожидавший такого ответа, Василий даже растерялся на время, но тут же взял себя в руки и спокойно сказал: «Раз у Полины есть сердце, то оно само ей подскажет, стоит ли к себе этого борова подпускать». «Ладно, давай заканчивать этот разговор. Мне необходимо делом заниматься. А где Полина находится, я тебе не скажу. Не до встреч ей сейчас. Маманя у нас дюже хворая. Сестра день и ночь за ней ухаживает», - высказался Пироженко и добавил: «А то, что у неё появился ещё один воздыхатель, я обязательно передам». «Слушай, а Чернов Иван жив ещё или осиротил своих сыновей?» - вспомнил неожиданно Василий. «Жив, но по ранению из армии отчислен, и переведён на службу в государственные органы», - ответил уже дружелюбнее Пироженко и скрылся в дверях КПП.

После встречи с Пироженко у Василия на душе образовалось два чувства. Одно приятное – он узнал, что Полина здесь в городе и пока одна, а второе неприятное – на пути к её сердцу стоит всё тот же Зайчиков, которого он раньше просто не уважал, а сейчас уже ненавидел. «Лапотник сопатый! Благодарю бога, что ты милиционер, а не простой мужик. А то я бы тебе сопатку-то выправил на левую сторону», - подумал Василий и сжал так кулаки, что даже пальцы хрустнули. Потом немного отошёл сердцем и вспомнив как девушка смотрела на него в ту первую и пока последнюю встречу, вслух произнёс: «Всё равно Полина будет моей!».

В Большом Сорокино Василий появился под утро. Узнав от матери, что отец и сёстры в поле на стану, он не стал ложиться спать, а прихватил приготовленные Евдокией Матвеевной продукты, сел на Воронку и поехал к ним. Пока добрался, на улице уже рассвело и для хлебороба начался рабочий день. Зная

о результатах поездки делегации в город, Иван Васильевич не стал выпрашивать у сына подробности, а предложил ему немного отдохнуть: «Ты чо это такой квёлый? С дороги поди шибко устал? Вон падай в шалаш и поспи немного». «Некогда сейчас отдыхать. Зимой выплюсь», - ответил коротко сын и выпив половину крынки молока, направился к ручной молотилке. Но как только закончился день и настало время отдыха, Василий даже не успел поужинать, как сморил сон. Сёстры хотели его разбудить, но Иван Васильевич цыкнул на них: «Пусть спит. Для него сейчас сон дороже хлеба». Только на следующий день отец попытал сына о поездке делегации в город. «А в каталажку–то вас за что сажали?» - спросил недоумённо отец. «Видно не понравилась большакам наша просьба. Если, говорят, мы всем будем снижать задания, то советские люди в Москве с голоду помрут». «Почему раньше не помирили? Кто-то их ведь кормил?». «Раньше кормить было кому. Всё крестьянство Расеи на Москву, Петроград и другие города работало. А ныне некому стало хлебушек растить. Вот уже сколько лет воюем друг с другом». «А ты почему не вернулся со всеми домой?» - словно только сейчас вспомнил, спросил Иван Васильевич. «Товарища по воинской службе встретил, вот и побаякали малость», - схитрил сын. Но Ивана Васильевича его ответ устроил и уже озабоченно он произнёс: «Как будем выполнять эту зерновую развёрстку –ума не приложу. Сколько ни думаю, ни считаю - даже половины нам не удастся покрыть». «А может гнев на милость советская власть сменит? Выжмет из крестьян всё, что можно, да и отстанет. Не будет же она всех поголовно расстреливать за невыполнение задания? Тогда кто же будет землю обрабатывать да пшеницу выращивать? Коммунисты? Так они, кроме как командовать простым народом да сытно жрать, более ничего делать не умеют», - попробовал успокоить отца Василий. «Всех расстреливать не будут, а самых отстающих в сдаче зерна могут и к стенке поставить. В угрозу другим», - сказал отец. «Могут! У этих людей рука не дрогнет», - согласился Василий, вспомнив почему-то курчавого в очках мужика из продкомиссии.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Обмолот своих десяти Губины закончили до ноябрьских холодов. Несмотря на тяжёлые летние климатические условия, урожай они собрали неплохой. Часть зерна, которую планировалось пустить на семена, личное пропитание и на корм скоту, они вывезли домой и ссыпали в сусеки амбара и погреб. Около ста пудов оставили на всякий случай в скирде необмолоченными, а всё что осталось - отвезли на железнодорожную станцию и сдали под расписку уполномоченному комиссару по продовольствию. Такого зерна у них набралось всего четыреста пудов. Где остальные шестьсот брать, чтобы выполнить развёрстку, Губины не знали и стали выжидать реакцию властей. А в первых числах ноября помощь в уборке урожая попросила пинигинская родня. Отправляя сына и дочерей, Иван Васильевич напутствовал: «Вы смотрите там, не посрамите меня. Работайте, как все чикирёвские. Да и вечерами особо не вошкайтесь с местными. В Пинигино парни всегда были бедовые. В момент обрюхатят. Ты, Василий, смотри за сёстрами». «Скажешь тоже, тятя! Мы чо - маленькие? Скоро уже по шестнадцать лет исполнится», - возразила самая смелая из сестёр - Евдокия. «Но, но! Не перечь мне! А то, враз опояской по мягкому месту огрею. Ишь, какая взрослая нашлась! Передай Василий Лисафиде, что она в ответе перед нами с матерью за сестёр будет», - строго приказал Иван Васильевич. Оказывая помощь родне, он преследовал и корыстную цель: «У Чикиревых под зерновыми десятинами пятьдесят засеяно, не меньше. Может, случиться так, что весной придётся обращаться к ним за семенами. Разве откажут они мне в этом, если мои дети им в обмолоте помогут».

Но не успели ещё подвести итоги выполнения задания по первой подразвёрстке, как в волисполком пришла депеша, в которой параллельно с государственной, объявлялась внутренняя развёрстка, то есть извлечение излишков, оставшихся у кулаков, середняков и бедняков сверх количества по выполне-

нию развёрстки и удовлетворения своих нужд по норме. Причём эта норма была понижена с 13,5 пудов на человека в год до 9. А буквально через неделю пришла грозная телеграмма с приказом № 59 Тюменского губисполкома советов и губпродкома о развёрстке на шерсть. В ней все крестьянские хозяйства должны были сдать не только овечью шерсть, но и готовые носки и пимы, а также полушубки и тулупы. Эти два известия всколыхнули жителей села и всей Большесорокинской волости. «Мужики, чо это деется на белом свете? Мы по первой развёрстке никак не можем рассчитаться, а нам уже дополнительную подсовывают. Да ещё и стричь овец в такой холод заставляют. Так ведь они же в первый мороз застудятся и подохнут!» - выкрикивал Чечулин Егор Кузьмич, уважаемый в селе человек. «Надо идти к Суздальцеву, пусть он толком объяснит, почему это безобразие творится», - предложил Нестеров Никифор, зажиточный крестьянин. Однако от своего односельчанина внятного ответа они не получили. Он сам находился в недоумении от такого давления со стороны власти. «Ты скажи, председатель, разве можно у человека взять то, чего у него нет и не будет?» - допытывались разгневанные мужики. «Но вы поймите, Красная Армия вынуждена сражаться за Советскую власть и зимой, а тёплых вещей ей не хватает. Вот и собирают большевики их с миру по нитке», - попробовал Иван Данилович объяснить народу. «А о чём летом большаки думали? Считали, что до холодов с белой гвардией разделаются? Хозяева, мать их за ногу», - возмущался Нестеров Никифор. «Ты, Андреянович, поаккуратней будь со словами. А то не ровен час угодишь в каталажку», - предупредил его председатель. «А уж лучше в каталажку, чем от голода и холода помереть», - огрызнулся тот. И может, ещё долго бы митинговали мужики перед волисполкомом, но в толпе неожиданно появился Зайчиков и пригрозил: «Будете саботировать решения советской власти, я вас всех в Ишим переправлю». Мужики с ненавистью посмотрели в его сторону и стали постепенно расходиться по домам. А тучи над ними стали всё быстрее и плотнее сгущаться.

Из официальной хроники

28 октября Тюменский губисполком советов и губпродком выпустили обязательное постановление, в котором говорилось:

«В соответствии с постановлением третьей сессии ВЦИК от 27 сентября на продорганы возложена боевая задача выполнить все развёрстки продовольствия и сырья не позже 1 декабря. Однако, несмотря на неоднократные разъяснения и распоряжения, многие волостные и сельисполкомы не усвоили своих

задач и задач, стоящих перед советской властью, производят раскладку по платёжным душам, на двор, или шаблонно, подёсятинно, не принимая в расчёт мощность каждого хозяйства и классового деления (населения). Посему губисполком и губпродком постановляют:

1. Там, где проведена хлебная развёрстка по платёжным душам или на двор, то таковую раскладку отменить и предложить провести снова в течении 48 часов, строго руководствуясь следующими методами: а) разграничив общество на три группы: кулак, середняк и бедняк б) в первую очередь раскладывать на кулака, отчуждая все его излишки для государственной развёрстки; в том случае, когда продовольствия не хватает, раскладывать на середняка, и в исключительных случаях производится раскладка для внутреннего снабжения местного неимущего населения на бедняка, но с непременно условием оставлять последнему в его хозяйстве норму, указанную в инструкции от 8 сентября с.г.

2. Некоторые волостные и сельисполкомы до сего времени не произвели раскладку среди общества – первое – и по отдельным хозяйствам – второе, мотивируя необмолотом хлеба. Приказываем под личной ответственностью предволисполкомов и предсельсоветов, не дожидаясь обмолота, тотчас же произвести раскладку на отдельные хозяйства, вручив каждому повестку с указанием количества подлежащего к сдаче хлеба, после чего составить список, который представить в продконттору.

3. Все волисполкомы и сельсоветы, не проводящие развёрсток по принципу классового деления, будут рассматриваться как защитники интересов кулацкого элемента и враги советской власти.

4. За неисполнение настоящего постановления виновные будут предаваться суровой ответственности преданием суду и конфискацией всего имущества.

5. Означенное постановление входит в жизнь немедленно по получении его на месте.

6. Означенное постановление надлежит вывесить на видное место. Зампредгубисполкома С. П. Агеев, губпродкомиссар Г. С. Инденбаум». А уже 30 октября Инденбаум выехал с инспекторской проверкой в Ишимский уезд и после ознакомления с обстановкой по выполнению подразвёрсток на месте издал приказ №1.

Второго ноября в кабинете уездного предиспокома совета Ивана Яковлевича Кузьмина собрались товарищ председателя Горностаев Д. И., член совета Симонов А. В., член и ответственный секретарь укома РКП(б) Жилкин Г. Т., начальник уездной милиции Тягунов Г. А., начальник политбюро Ошар Е. И., заведующий уземотделом Морев П. Н., которые заслушали секретаря Никифорова о состоянии дел в ряде волостей с выполнением продовольственной развёрстки. Из его сообщения было видно, что в ряде волостей, том числе и Большесорокинской, она шла очень слабо, а волости Аромашевская, Евсинская и Кротовская и вовсе отказались её выполнять. «Плохо, товарищи, что представители советской власти и партийные работники в этих волостях не пользуются авторитетом и не работают с крестьянами. Если такими темпами мы будем и дальше работать, то к установленному сроку подразвёрстку не выполним. Да и выполним ли вообще. Поэтому, я хочу выслушать мнение каждого из вас», - предложил Иван Яковлевич, двадцатипятилетний коммунист, который ещё полгода назад работал на балтийском заводе в Петербурге и имел трёхклассное образование. Слово взял товарищ Горностаев Дмитрий Иосифович, тридцатилетний коммунист. «Товарищи, мы с вами должны поступать согласно приказа №1 от 30 октября с.г. тюменского губпродкомиссара Гирша Самуиловича Инденбаума, который подробно расписывает наши действия на период выполнения развёрстки», - предложил он. «Но в этом приказе есть то, что может взбудоражить крестьян. Вот, например пункт четырнадцатый гласит: «В случае отказа волости или села выполнить развёрстки, то в таких случаях раньше, чем приступить к подворной развёрстке, прежде всего производить аресты предвоисполкомов, если это происходит во всей волости, или председателей советов, если деревня, а также арестовывать самых зажиточных кулаков как заложников. В случае, если после этого не поднимается выполнение развёрсток, то в таких случаях компродконторы допускают подворное изъятие, а не учёт. Такое изъятие должно быть самое беспощадное и наложенные развёрстки должны быть взяты с плюсами, дабы показать деревне власть рабочих и крестьян». «Вы - что, считаете, что сибирский мужик совсем забытый? Среди них есть и те, кто подкован в политике не меньше нашего», - предупредил начальник уездной милиции Тягунов. «Предлагаешь не выполнять постановление ВЦИК и приказ Инденбаума?» - с ехидцей спросил Жилкин. «Я никого не призываю не выполнять постановление ВЦИКа и приказ губернского начальства, просто предупреждаю, что могут произойти волнения крестьян», - спокойно ответил главный милиционер уезда. «Ладно, прекратим споры. Я согласен с товарищем Горностаевым. Нам всем необходимо включиться в работу по

выполнению постановления ВЦИКа и этого приказа, так как ответственность за его исполнение лежит на уездных продкоме и продконторе», - подвёл итог совещанию Иван Яковлевич Кузьмин. А это означало, что давление на крестьян ни только не снизилось, а, наоборот, в разы усилилось.

17 ноября, одержимый революционным порывом и жаждой больших побед, Г. С. Инденбаум послал телеграмму в Москву на имя члена коллегии Наркомпрода Л. М. Хинчука. В ней говорилось:

«1. После объявления всех 34 развёрсток губпродком приступил к проведению в жизнь принципа классового деления. В основание деления населения положена мощность хозяйства: бедняки – лица, не имеющие хозяйства, середняки – к ним отнесены лица, имеющие хозяйства, не пользующиеся наёмным трудом, к кулакам – лица, пользующиеся наёмным трудом в целях извлечения выгод для себя. 2. Издано обязательное постановление о порядке проведения развёрстки по принципу классового деления, каковое отсылается Вам почтой. Об обязательном проведении в жизнь принципа классового деления распоряжение дано недавно, почему результаты окончательно не выявились. Местные власти, большинство населения пока относятся отрицательно к этому принципу. Проведение его в жизнь потребует применения решительных мер, ибо добровольно не привьётся. 3. Поручено контролировать проведение принципа классового деления продконторам упродкома, инструкторам, местным властям. 4. Имеются донесения завпродконторами, инструкторов о нежелании населения принять принцип классового деления. 5. Работа по проведению принципа не закончена, взыскания не налагались. Если принцип классового деления окончательно населением не будет принят, то Губпродком примет меры для проведения его в жизнь».

Так, силовым напором, коммунисты разделили сибирских крестьян на классы и создали прецедент для борьбы между ними.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Василий и сёстры работали на полях своего дяди более трёх недель. Вместе с большим семейством Семена Матвеевича, они от темна до темна, невзирая на дождь, холод и снег, занимались уборкой урожая зерновых и картофеля. Часть урожая Василий, Петр и два его младших брата увозили на заготпункт - в счёт сдачи продразвёрстки, часть - ссыпали в просторные амбары, а часть прятали в лесных сторожках и подземных погребах. И не только глава семьи Чикиревых старался часть зерна и необмолоченные скирды укрыть от постороннего глаза, но и остальные семьи этой зажиточной деревни сознательно шли на невыполнение развёрстки, дабы не оставить себя и своё подсобное хозяйство зимой без хлеба и корма. Да и о весне следующего года они помнили. Ведь жизнь не заканчивалась и надо было думать о будущем. Но в середине ноября жители деревни узнали, что их поделили на классы и они стали отличаться друг от друга по принципу: богатый - враг советской власти, а бедный - друг и защитник её. Кулаков в Большом Пинигино оказалось пятнадцать семей, середняков - восемьдесят, а остальные десять попали в разряд бедняков. Эти семьи были малочисленные и не имели возможности держать своё домашнее хозяйство, поэтому вынуждены были идти в наём к крепким хозяевам и работать на их полях вплоть до уборки урожая. На свою долю они не жаловались, так на всю зиму обеспечивались работодателями необходимой сельхозпродукцией. Были и такие, которые не гнули спины на других, но зато вели аморальный образ жизни - бражничали и побирались. В число списочных кулаков попала и семья Семёна Чикирева. Сразу же после оглашения списка в деревне стали часто появляться волостной милиционер Зайчиков и тройка продработников, которые непосредственно руководили выполнением жителями всех развёрсток. И с каждым приездом их поведение становилось жёстче и нахальней. А ещё чуть позже, на всех разъездах появились

вооружённые отряды войск ВНУС 61-ой стрелковой бригады, которые были обязаны предотвращать вывоз жителями деревни хлеба не по назначению и вспышки физических выступлений крестьянских масс. Немного освоившись в обстановке, бойцы и сами стали грабить местное население, отбирая у него тёплую одежду, обувь, фураж и продукты питания.

Вернувшись домой, Василий застал родителей в подавленном состоянии. «Что случилось? Кто-то из родни помер?» - обеспокоился он. «С роднёй, слава богу, пока всё нормально. Все живы и здоровы. Комиссары нас замучили. Надьсь ворвались на двор три молодых мужика, а с ними милиционер, и стали его обшаривать во всех уголках. Я у них спрашиваю, чо, мол, потеряли в моём дворе, а они суют под нос какую-то бумажку и говорят: «Ваша семья не выполнила зерновую развёрстку. Вот, пришли посмотреть, сколько вы зерна для себя припрятали». Я им отвечаю: «Так у нас нет излишнего зерна. Только себе да скоту на зиму оставили. А ещё семенное на будущую посевную заложили». «А пузо, мужик, у тебя не лопнет? Все сусеки в амбаре забил, да ещё, наверное, столько же припрятал. Так что заберём мы то, что ваша семья должна советской власти, а сколько останется – всё ваше будет», - сказывал их старший, а сам склабился, словно я ему ровня. Потом спрашивает: «Сами на заготовительный пункт отвезёте или мы свои подводы подгоним?». Я ему отвечаю: «Зерно я вам не отдам!». А он как заорёт на меня: «Кто тебя спрашивать будет, кулак недобитый! Скажи спасибо, что остальное хозяйство не конфискуем. Твой сын где служил? У Колчака? Вот то-то. Значит, он сознательный враг советской власти, а с ними у нас разговор короткий. Раз - и к стенке!». «Совсем сдурели люди. Ни бога, ни чёрта не боятся», - тяжело выдохнул Иван Васильевич. «А почё им бояться чёрта, если они сами порождение дьявола», - сказала печально Евдокия Матвеевна. «И чо, вывезли зерно, или оно ещё в амбаре лежит?» - спросил ошарашенный известием Василий. «Выгребли всё в тот же день. Привели соседа нашего пьяницу Савелия и Губина Никишку, которые с большим удовольствием затаривали мешки зерном и грузили на телеги. Почти сто пудов забрали. Слава богу, что в подпол и погреб не заглянули. А то бы совсем голыми оставили. Нам с тобой надо срочно ехать на дяляну и перетащить в колок необмолоченную скирду. Неровен час и до них доберутся», - предупредил Иван Васильевич. «Хоть сейчас поедем. Всю ночь буду таскать снопы, чтобы этим коммунакам не достались», - ответил возмущённый Василий. «Сегодня ты, давай, отдыхай с дороги, а завтра пораньше выедем», - предупредил отец.

Рассказ, который Василий услышал от отца, потряс его воображение. «Да чо же это творится на земле?! Почему над крестьянином издеваются все кому не лень?! До каких это пор будет продолжаться! Мы, чо, не люди?! Приходят в наш дом, забирают всё, чо только можно, и ещё нас же и винят во всех своих грехах! Разве может поступать так человек по отношению к такому же человеку? Неужели конец света наступил?! Почему видя всё, Бог не прекратит эти безобразия? Неужели и он чарам дьявола поддался? А где же эти все попы, которые постоянно твердили нам заповеди божьи? Неужели они не видят, как унижают русского человека, крестьянина, эти пришлые ироды? Прошу тебя, Всевышний, заступись за рабов своих – крестьян. Людей правильных, покорных и почитаемых тебя», - раскаляли мозги Василия слова возмущения и гнева. Он искал понимание реалий новой власти и пути примирения с ней, но не находил. Обида за себя, за семью и за всех добропорядочных жителей села жгла ему грудь и совесть. «Чо же делать и как себя вести, чтобы не сорваться и не наломать дров? Где найти душевные силы, чтобы вытерпеть это унижение? Какой же должна быть власть слепой, чтобы не увидеть, как изгаляются над народом её прислужники? А ведь доиграться может», - метался в мыслях молодой, но уже повидавший жизнь мужчина.

На следующий день Василий запряг Чалого в сани и ещё затемно выехал с отцом на поляну. До обеда перевезли необмолоченную скирду в берёзовый колок, разгребли в сугробе площадку, уложили в два слоя снопы и засыпали снегом. Чтобы не вызывать любопытства у односельчан, накидали полные сани берёзовых поленьев и вернулись домой. А ночью выпал обильный снег и ещё сильнее прикрыл их захоронку.

Вечером Василий пошёл на посиделки к своему товарищу – Колосову Ивану, который был на три года старше, тоже служил в царской армии, но в отличие от него, попал на германский фронт, был ранен и даже побывал в плену у немцев. Поэтому сельские мужики и молодёжь относились к нему с уважением и старались помочь, кто чем мог, так как ранение было серьёзным и не позволяло Ивану вести своё хозяйство. Зато мудрости и рассудительности в нём было в избытке. И ещё, на удивление всем, он был больше, чем кто либо информирован о жизни волости, уезда, Губернии и даже страны в целом. Эту осведомлённость он черпал из газет, разных листовок и не только. Так как его изба стояла на берегу реки, самой крайней к мосту, то на постой у него часто останавливались разные люди и делились с ним последними новостями.

Когда Василий оказался в помещении, то кроме хозяина он там застал своих товарищей – Аверина Степана, Фадеева Сергея и Долгих Григория. Поздоровавшись, Губин-младший быстро вошёл с ними в контакт и включился в тему разговора. Оказалось то, что творили коммунисты в селе и волости не одного его волновало. Друзья едва сдерживали свои эмоции, чтобы не превратить встречу в горячий спор. «Что мы выжидаем? Когда нас всех по одиночке запрячут в каталажку и сгноят там? Пора что-то делать. Вон, в Аромашевской волости в деревне Ново-Выиграшной мужики уже заявили о себе. Выгнали из деревни отряд продработников, не дав им ни зёрнышка. Правда, один крестьянин был комиссарами убит, но предупреждение-то они получили», - горячился Григорий Долгих. «А ты-то от куда знаешь о Ново-Выиграшной?» - удивился Василий. «Это я им сказал до прихода твоего. Да и не только в Аромашевском районе народ стал выступать против продразвёрсток. Сказывают и в Абатской волости в некоторых деревнях крестьяне не очень-то жалуют большаков», - пояснил Колосов. «Наши крестьяне не поднимутся супротив советской власти. Уж больно они забиты и запуганы разными карателями. Сколько колчаковцы над ними изгалялись, а они терпели. Незримыми цепями привязаны мы все к своим хозяйствам. Это пролетарии могут в любую точку России ехать и не задумываться. Им что, главное, чтобы пожрать было, да выпить. А чтобы это у них всегда было, им дали оружие и власть. Вот они сейчас и лютуют», - возразил Губин. «Я с тобой согласен, что наших мужиков от своих хозяйств не оторвать. Но в своём-то селе мы ведь можем сами порядок и закон навести. Неужели, если все жители засупротивятся, советская власть не прислушается к их требованиям?» - сказал Степан. «Наивный ты, брат, человек. Коммунисты быстро найдут зачинщиков, увезут их в город, а остальные мужики по домам разбегутся. Нет, для того, чтобы характер показывать, сила должна быть у наших мужиков. А какая сила без оружия? Вил-то вряд ли красные испугаются», - остудил пыл товарищей Колосов Иван. «Так что, по-твоему, у нас никаких вариантов нет, чтобы издевательства прекратить? – спросил Григорий. «Думаю, что нет. Если только не случится повсеместный бунт крестьян против незаконных действий советской власти», - разочаровал присутствующих Иван. «Если комиссары так безбожно и дальше будут с народом поступать, то недолго его осталась ждать», - уверенно произнёс Василий и все посмотрели в его сторону.

Из официальной хроники

Озабоченный вялотекущим выполнением задания по подразвёрсткам, губпродкомиссар Инденбаум 10 декабря издаёт приказание Петуховской продконторе, которое тут же тиражируется по всей губернии:

«Срочно передать нарочным тройке Крестьянникову. Гилёвская волость работает хуже всех. Объясняю это большим засилием кулаков в сельсоветах, а также слабой работой волиспокома. Необходимо там самым суровым образом провести работу, памятуя, что она может выполнить развёрстку, но не хочет. Необходима жестокая и беспощадная расправа с кулаками для обеспечения быстрого выполнения развёрстки. Возьмите в каждом селении человек десять заложников, отправьте их подальше работать. О проведённой работе и результатах сообщите телеграфно». А через два дня Инденбаум ещё ужесточил свои требования: «Приказываю непременно собрать все сто процентов развёрсток не позднее 25 декабря, не останавливаясь ни перед чем. Должна быть самая беспощадная расправа вплоть до объявления всего наличного хлеба деревни собственностью государства.

Натравленные на сибирских крестьян и запуганные сами требованиями и угрозами руководителей, продотряды с каждым днём всё сильнее и сильнее сжимали горло богобоязному и законопослушному сибирскому мужику. В самом конце ноября вышел приказ заведующего политбюро ишимского уезда И. В. Недорезова и заместителя тюменского губпродкомиссара Я. З. Маерса, в котором говорилось:

«Несмотря на все усилия тюменского продовольственного комитета выполнить подразвёрстки к 1 декабря, таковые не выполняются вследствие категорического отказа и противодействия зажиточных кулаков, которые не только сами отказываются выполнять развёрстки, но также ведут гнусную агитацию среди сельского населения о невыполнении таковых. Принимая во внимание тяжёлое продовольственное положение республики и Красной Армии, политбюро приказывает немедленно арестовать всех без исключения кулаков следующих волостей: 1) Локтинской, причём в первую очередь деревень Ново-Мизоново и Старое Мизоново, 2) Теплодубровской и села Теплодубровского, 3) Ларихинской 4) Казанской, 6) Аромашевской, 7) Ражевской, 8) Усовской, 9) Большой Сорokinской. При аресте широко объявить населению, что они берутся заложниками впредь до выполнения Ишимским уездом продовольственной развёрстки целиком. Исполнение настоящего приказа возлагается на раймилицию, которая обязана совместно с райпродкомиссарами и уполномоченными губпрокома

арестовывать всех кулаков и лиц, категорически противодействующих выполнению развёрсток. Волисполкомам приказывается оказывать всяческое содействие при изъятии вредных элементов из деревни и немедленно приступать к обмолоту и вывозке хлеба и других развёрсток, которые были наложены на лиц, которые подвергаются аресту в качестве заложников».

Чтобы этот приказ усилить, член коллегии тюменского губпрома Яков Захарович Маерс довёл до волостных уполномоченных по проведению развёрсток в Ишимском продовольственном районе распоряжение:

«Несмотря на то, что Ишимский район вполне обеспечен вооружённой силой и работниками, в вашей волости реальных результатов до сих пор нет. Ещё раз подтверждаю, что необходимо сделать решительный удар и выполнить в самый кратчайший срок развёрстки. Больше церемониться нечего, надо быть чрезвычайно твёрдым и жестоким и изъять хлеб, который развёрстан по вашей волости. Вы должны твёрдо помнить, что развёрстки должны быть выполнены, не считаясь с последствием, вплоть до конфискации всего хлеба в деревне, оставляя производителю «голодную норму». Срок выполнения развёрстки давно истёк, ждать добровольного сдания хлеба нечего, последний раз приказываю сделать решительный нажим, выкачать столь нам нужный хлеб. Нажимайте на одну волость как следует и не оставляйте её, пока не закончите работу полностью, и это должно быть сделано в трёхдневный срок. После чего обязую вас с нарочным прислать доклад о выполнении, в противном случае буду вынужден вас отозвать и отправить в Тюмень для личного объяснения губпродкомиссару согласно его категорического распоряжения. Жду от вас решительный удар».

В связи с тем, что Большесорокинская волость была в списке приказа, 12 декабря в село прибыли продовольственный комиссар Ишимского уезда и член президиума уездного исполкома советов Иван Максимович Гуськов, председатель продтройки Горшков, члены - Живописцев, И. Зверин и райпродкомиссар Арсений Филиппович Коротков. Их сопровождал отряд красноармейцев 183-го полка, 61-й стрелковой бригады ВНУС во главе с начальником Зубринским. Изучив обстановку на месте и побывав в некоторых населённых пунктах, Гуськов направил с нарочным письмо Маерсу:

«Ваше указание получил. Ставлю в известность, что в волостях Готопутовской, Вознесенской и Большесорокинской хлеба излишков крайне незначительное количество. Забираю семенной, также продовольственный. Прошу выслать в Большое Сорokino отряд в двадцать человек и дальнейшие распоряжения».

На следующий день Гуськов отправил письмо в уездный продкомитет:

«15 декабря сего года члены Большеорокинского волисполкома были разбросаны мною по обществам для выполнения хлебной и других развёрсток. При этом каждому было приказано немедленно изъять у населения весь обмолоченный хлеб ввиду того, что таковое сознательно затягивает обмолот. Между тем, проезжая 18 декабря, то есть через три дня, через Стрельцовское общество я установил, что член волисполкома Старовойтов, кому предписано было выполнение развёрсток в Стрельцовском обществе, и председатель Стрельцовского сельсовета Василий Стрельцов не приняли требуемых приказом мер и не отправили ни одного фунта хлеба, а занимались учётом, в чём им помогал член РКП (б) большеорокинской волячейки Дмитрий Грязнов. Грязнов прямо заявил гражданам Стрельцовского общества, что до производства учёта и выяснения излишков хлеба сдавать его не следует. Означенное обстоятельство и бездеятельность Старовойтова и Стрельцова повлекли к тому, что хлебная развёрстка в деревнях Стрельцовка и Крутиха была сорвана, что в свою очередь, оказало влияние на окружающие деревни, в коих выполнение хлебной развёрстки также приостановилось. Ввиду этого и с целью пресечения дальнейших разлагающих действий названных лиц, я нашёл необходимым таковых арестовать и препровождать в Ишимский упродком члена волисполкома Старовойтова и председателя Стрельцовского сельсовета Стрельцова на принудительные работы впредь до выполнения развёрсток Стрельцовским обществом, Дмитрия же Грязнова – для препровождения в Тюмень на распоряжение губкома РКП (б), согласно циркулярному письму, в исполнении чего предлагаю сделать надлежащее распоряжение».

В Большом Сорокино тройка также произвела арест пятерых жителей включённых в сословие зажиточных кулаков, и председателя волсовета Суздальцева Ивана Даниловича. Но на арест уважаемого односельчанина жители никак не прореагировали. Человек, который хоть и не рьяно, но служил новой власти, и хоть не очень заметно, но помогал своим землякам оказался враг преданным ими. Он стал чужим и среди чужих, и среди своих. Более того, согласно приказу Майерса, у него конфисковали всё имущество, оставив семью без куска хлеба и средств к существованию. Сорокинские мужики, чувствуя свою вину перед женой Ивана Марфой, при встрече с ней опускали глаза или вовсе старались свернуть с её пути.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Рано утром, когда на улице было ещё темно, сквозь сон, Василий услышал, как напротив их избы послышался шум голосов, а затем в тесовую калитку кто-то громко постучался. «Кого это холера принесла ни свет ни заря!» - подумал он и стал спускаться с печки на пол. К этому времени проснулись уже и отец с матерью. Не успел ещё Иван Васильевич зажечь керосиновую лампу и перейти из горницы в куть, как из неё послышался гулкий стук по оконному стеклу. Иван Васильевич отодвинул шторку, поднял повыше лампу, и по другую сторону окна заметил наглую физиономию милиционера Зайчикова. «Кто там, тятя?» - спросил Василий, стоя в дверном проёме и натягивая на себя зипун. «Волостной милиционер требует, чтобы мы открыли калитку. Опять, наверное, с обыском пришёл? Чо ему от нас надо? Мы же не кулаки, а середняки. Всё, что могли –отдали. И так, кроме семенного зерна не осталось больше ничего», - возмущённо произнёс Иван Васильевич и добавил: «Ладно, пойду узнаю». А в это время стук по тесовой калитке всё усиливался и усиливался. «Пойду и я с тятей», - подумал Василий и стал доставать с печки пимы. Проснувшаяся на полатах Мария тихо спросила: «Ты куда собираешься? С тятей в лес?». «Никуда мы ни едем. Спи», - успокоил он сестру и обув пимы, выскочил на крыльцо. Евдокия Матвеевна хотела, было, остановить сына, но не успев, перекрестилась на образа и тихо произнесла: «Защити и помилуй ты нашу семью от этой нечисти. Спаси моего любимого сыночку от рук их поганных и помыслов страшных».

Когда Василий оказался на улице, сквозь чуть брезжащий рассвет, он заметил во дворе две санные повозки и рядом с ними несколько человек, которые громко кричали на Ивана Васильевича. «Ты, что, старый, оглох? Битый час стоим под воротами. Нам ведь ни только ваше барахло вывозить надо, но и других несознательных граждан. А чтобы мы много времени не теряли на поиск захоронок, лучше будет, если сам скажешь, где спрятал зерно», - рычал

райпродкомиссар Коротков Афанасий. «Нет у нас больше никакого зерна. Вон только семенного в амбаре немного осталось», - спокойно ответил Иван Васильевич. «Врешь, старый мерин! Есть у тебя где-то ещё хлебушек. Ты думаешь, у нас тайных глаз и ушей нет? Ошибаешься, чалдон бородатый!» - наступал продкомиссар. «Ты чо на тятю взъелся? Сказано тебе, что боле зерна нет, значит, нет. Мало ли что вам ваши холуи нашепчут», - заступился Василий за отца. «А ты, колчаковский прихвостень, вообще молчи! С тобой отдельный разговор будет. Если будешь встречать и мешать нам справедливые действия производить, то мы тебя уже сегодня арестуем и в концентрационный лагерь отправим. Пусть там с тобой разбираются. Ишь, манеру взял, встречать не в своё дело», - пригрозил Зайчиков. «Это не только дело тяти, но и моё. Мы одна семья», - спокойным голосом ответил Василий. «Мы ещё посмотрим, где твоя семья находится», - не уступал милиционер. «Смотри, смотри, да только не ослепни», - глухо произнёс Василий. «Так ты ещё мне угрожать будешь!? Да я тебя прямо сейчас к стенке поставлю и расстреляю за противодействие власти. У меня есть такое право», - взревел Зайчиков и потянулся к кобуре за револьвером. «Не горячись, Пётр, с ним мы всегда успеем разобраться. Сначала давай с их хозяйством разберёмся», - предложил председатель продтройки Горшков. К этому времени на дворе стало уже почти светло, и в стайке прогорланил петух. «Согласно отчёту волисполкома, ваше хозяйство осталось должно государству ещё шестьсот пудов зерна. Раз ты нам не хочешь показывать, куда зерно спрятал, искать будем его сами. Приступайте, товарищи», - скомандовал Коротков и посмотрев в сторону стоящих невдалеке привлечённых на работу двух крестьян из бедного сословия жителей Малое Сорокино, добавил: «Берите на дровнях мешки и начинайте их затаривать в амбаре семенным зерном. Если не найдём другого, его заберём». «Побойтесь бога! Чем весной будем пашню засеивать? Неужели мы так провинились перед советской властью, что она готова нас голодом до смерти морить?!» - прохрипел Иван Васильевич. «А ну, бросьте на дровни мешки! Не смейте семенное зерно трогать! Нет такой власти на земле, кроме божьей, чтобы запретить крестьянину землю пахать и хлеба растить», - насупив брови и сжав кулаки, глухим голосом произнёс Василий и направился в сторону испугавшихся крестьян. «Есть такая власть! И называется она советская! Прочь с дороги, каратель!» - взревел председатель продтройки Горшков и резким движением вытащив из под опояски кнут, с протяжкой хлыстанул им по широкой спине Василия. Но ни жжение раны от кнута привело молодого и сильного мужчину в неудержимую ярость, а то, как представители советской власти хозяйничают в его дворе, как унижают отца,

и как цинично относятся к простому сибирскому мужику. Он в два прыжка достиг обидчика, выхватил у него из рук кнут и хотел было попотчевать им хозяйина, но в это время над его головой прогремел револьверный выстрел и тут же в грудь ударил приклад трёхлинейной винтовки. А ещё через мгновение мощный удар по голове сзади сбил Васиия с ног и он потерял сознание.

«Ну, чо, пришёл в себя, каратель? Ты на кого руку поднял! На представителя большевистской власти! Да ты понимаешь, что тебя трибунал теперь ждёт?» - ехидно улыбаясь, страшал Зайчиков, стоя рядом с лежащим Василием. Губин-младший с ненавистью посмотрел на него, пошевелил головой и стал медленно подниматься. «Меня можете расстреливать, но родителей и сестёр на голодную смерть не смейте отправлять», - произнёс тихо он. В это время из огорода послышался крик: «Нашёл! В погребе пудов сто спрятано». «Ну, вот, дед, а ты говоришь, что больше зерна у вас нет. А если хорошо покопаемся, то ещё столько же найдём», - улыбнулся победно Горшков и пошёл мимо стаек на голос. Перевернув всё вверх дном и облазив потайные углы в доме и во дворе, продтройка забрала у Губиных в общей сложности около ста пудов зерна и тридцать фуража. Все словесные протесты хозяев никаким боком не задевали ретивых реквизиторов. Заметив на Иване Васильевиче новый овчинный полушубок, Коротков вдруг спросил: «Развёрстку по шерсти тоже не выполнили?». «С осени часть сдали, а остальную сдадим весной, когда овец стричь будем. На холода-то нельзя их без шуб оставлять. Подохнут», - ответил Иван Васильевич. «Ну, раз овец нельзя без шуб оставлять, то заберём шубу твою, в счёт частичного погашения развёрстки», - произнёс Коротков и с силой сдёрнул с Ивана Васильевича полушубок. «Ты чо делаешь, безбожник!? Креста на тебе нет! Ты зачем с моего мужа лопатину сорвал, остолоп пузатый!» - первый раз за всё время не выдержала Евдокия Матвеевна. Коротков нагло улыбнулся, взглянул на Ивана Васильевича и произнёс: «А на кой она ему? С него уже поди никакого и толку нет мужицкого? Так, только одна борода осталась». «Ирод ты проклятый! Мракобес дьявольский! Охальник несусветный!» - выкрикнула Евдокия Матвеевна и отвернувшись, перекрестилась. «Крестись-не крестись, а всё равно придётся с властью рассчитываться полностью. И Бог вам не поможет, если не выполните задания по развёрсткам», - предупредил Горшков и посмотрев на притихшего Василия, зло добавил: «Сегодня мы вашего сына забирать не будем, но если он ещё когда-нибудь окажет сопротивление представителям советской власти, не только арестуем, но и расстреляем сами без суда и следствия».

Когда за последней подводой незваных гостей Иван Васильевич закрыл ворота и калитку, Василий сел на крыльцо и положив голову на руки, тихо-тихо заплакал. Не от боли физической, нет. Её он не слышал и не чувствовал. А от боли душевной, которая рвала на мелкие кусочки сердце. «Сволочи! Бандиты! Даже белые так не издевались над крестьянами! Нет этим гадам прощения! Дайте только срок и мы разделаемся с вами так же, как вы поступаете сейчас с нами. Вы живыми крестьян закапываете в землю, придёт время и мы вас живыми в землю будем закапывать», - жгли мозг Василия тяжёлые мысли.

Немного успокоившись, он зашёл в избу и заглянул в горницу. «Мама, скоро будем завтракать? А то я чо-то дюже проголодался», - произнёс Василий и улыбнулся. Евдокия Матвеевна подошла к сыну, наклонила его голову и осмотрев место ушиба, заботливым голосом, произнесла: «Шибко разбили, ироды». «До женитьбы всё заживёт», - ответил сын и поцеловал мать в щеку. Заметив, что настроение у брата хорошее, к нему подошли и сёстры. «Не надо было, братка, на этих извергов налетать. Обухом плеть не перешибёшь», - произнесла мудрые слова Мария и обе сестры с двух сторон обняли Василия.

Завершив поздний завтрак, Губин-младший надел зипун и направился в сторону моста, к своему старшему товарищу Колосову Ивану. Несмотря на внешнее спокойствие, в его груди до сих пор клекотало негодование, а в голове роем пчёл жужжали мысли. Проходя мимо волисполкома, прямо перед ним на небольшой площади, он заметил человек двадцать женщин, которые, крича и плача, наперебой обращались к человеку в кожаном пальто, мохнатом треухе на голове и обвешенному холодным и огнестрельным оружием. Василий подошёл к ним ближе, и всмотревшись в лица, понял, что большинство из баб являются жёнами красноармейцев, воюющих на востоке Сибири с остатками белогвардейских банд. «Ты скажи, комиссар, как нам дальше жить? У нас дети пухнут от недоедания, а ваши подчинённые последний хлеб из наших сусеков выгребают. За что же наши мужья кровь свою проливают? Неужели за советскую власть, которая их детей до голодной смерти доводит? Почему мы должны кормить тех, кто в Рассеи воду мутит и её лучших сынов в братоубийственную войну бросает?» - кричала Нюра Сидорова, мать пятерых маленьких детей. «Но, но. Ты говори, да не заговаривайся! Нет другой цели у коммунистов-большевиков, как сделать свой народ свободным, счастливым и богатым», - строго взглянул на Нюру комиссар. «Три года уже прошло, как коммунисты взяли власть! Что-то не очень мы чувствуем себя свободными. Даже колчаковцы с нами так не поступали, как вы. Гребли, конечно тоже всё,

что под руку попадалось, но хоть какую-то, да меру знали. А сейчас ваши псы совсем совесть потеряли. Даже куриц и тех у меня повылавливали», - взъелась Аксинья Колесникова. «Ты, чо, баба, по нагайкам колчаковских карателей соскучилась? Да тебя за такие слова арестовать надо и в Ишим отправить!» - пригрозил комиссар. «А забирай! Хоть сейчас, прямо здесь, забирай! Только четверых детей моих да родителей мужниных не забудь в казённый дом устроить. А если вернётся с войны домой Николай, то ты сам ему и расскажешь, за что его всё семейство туда отправил», - решительно заявила Аксинья и грудью вперёд пошла на комиссара. Подхватив её порыв, следом двинулись и остальные женщины. «Вы - чо, на упродкомиссара напасть хотите? Да я вас всех под трибунал подведу. Бунтовать вздумали? А ну, подайтесь назад!» - взревел комиссар и вырвал из кобуры револьвер. «Стрелять будешь? На, стреляй! Только не промахнись!» - раздался пронзительный голос Колмаковой Анны, которая, повернувшись к комиссару задом, задрала вверх по пояс подол юбки и всё, что было под ней, и нагнулась. Комиссар от изумления открыл рот, затем развернулся и одним прыжком взлетел на крыльцо. «Что, испугался? Неужели она у меня такая страшная? А мужу моему нравится!» - добивала она словами бравого комиссара. В это время на крыльцо из избы выскочил Зайчиков, и не совсем понимая, почему такое красное лицо и трясущиеся губы у комиссара, заорал: «А ну, бабы, разоидитесь! А то я вас всех в холодную посажу!». «Пугал нас уже один. Да вот почему-то только дар речи потерял. А ты, толстопузый, от такого зрелища и вовсе в штаны наложишь! Ты же у нас ещё девственник», - огорошила его Анна. Зайчиков от возмущения выпучил на неё глаза и ничего не понимая, спросил: «Вы чо, били товарища Гуськова?», но заметив, вдруг, стоящего за женщинами Василия, взревел: «Это ты, колчаковский прихвостень, подбиваешь баб на бунт против советской власти?». Посмотрев в ту сторону, куда орал волостной милиционер, Анна густо покраснела и тихо произнесла: «Ты, Вася, иди своей дорогой, куда шёл. А мы тут сами разберёмся с этими пролетариями».

Колосов Иван в горнице сидел не один. Здесь уже набралось человек пять молодых мужчин, которые о чём-то живо разговаривали. «Ты чо такой хмурый, Василий Иванович? Всё не можешь привыкнуть к продотрядовским набегам? Привыкай, брат. Комиссары только во вкус входят, а что дальше будет, даже Бог не ведаёт», - решил успокоить товарища Колосов. «А может, чтобы он быстрее успокоился, ему самогоночки стакан налить?» - спросил хозяина Суздальцев Егор. «И то правда. Выпей-ка крепенькой и на сердце полегчает», - согласился Иван. При слове «самогонка» у Василия перехватило дыхание и во

рту появился неприятный сивушный запах. Не любил он эту жидкость. За все свои двадцать три года всего раза три эту гадость выпивал, а наутро всегда ругал себя разными словами. Но сегодня Василий не стал отказываться от предложения, так как до сих пор чувствовал внутреннюю дрожь озлобленности и неукротимое желание мщения. Влив в себя с трудом за три приёма гранёный стакан крепкой самогонки, он долго морщился и швыркал носом. «Ну, как, полегчало?» - спросил минут через десять Иван. «Да вроде отпускает потихоньку», - ответил неуверенно Василий. «Ну, вот и хорошо. Значит, жить будешь», - успокоил его Степан Аверин, который тоже был среди гостей. А ещё через полчаса в горнице Ивана набилось людей, как сельди в бочке. Начатый разговор, прерванный приходом Василия, продолжился с нарастающей силой.

«Что-то нужно делать, мужики, с этими комиссарами и продотрядовцами. Уже мочи никакой нет терпеть их издевательства. Руки так и тянутся к кадыкам этих гадов», - зло высказался Василий. «Может, их ночью в постелях тёпленькими взять и придушить как котят?» - предложил Кривых Василий из деревни Стрельцовки. «А чо толку? Этих задушим, а им на смену уездные коммунисты других пришлют. Нет, здесь необходимо более осмотрительно действовать», - возразил Аверин. «И чо ты предлагаешь?» - спросил Суздальцев Егор. «Вот чо думаю. Необходимо от всего нашего села на имя самого высокого уездного начальства написать жалобу на Гуськова и его помощников. Хорошую такую. Подробную. С примерами и свидетелями. А потом самим отвезти её к этому начальству. Может, они не знают, что творят их подчинённые в волостях», - предложил Степан. «Возили уже. Хорошо, хоть из каталажки нас выпустили», - напомнил Василий. «Мы сейчас по другому пути пойдём. Не будем никакой делегации создавать. Сядем с тобой на коней и поедем в город искать правду. Может, мои родственники что подскажут. Но для этого нам потребуется не один экземпляр жалобы, а три. Не меньше. Развезём их по всем инстанциям. Где-то да дойдёт она до их главного начальника», - пояснил своё предложение Аверин. И посмотрев на своего закадычного друга, добавил: «А так как ты у нас мастер писать жалобы, то тебе и готовить их». Василий немного подумал и произнёс: «Не верю я в благородство куманьков. Но попробовать ещё один раз добиться правды надо. Прямо завтра приступлю готовить такую жалобу». Избу Ивана гости покинули уже за полночь. Вылив друг другу наболевшее за последнее время, они расставались в более приподнятом настроении, чем были, когда пришли к нему.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Вначале Василий в жалобе хотел описать поведение продтройки только в отношении его семьи. Но подумав, решил расширить примеры жестокого обращения комиссарских слуг с жителями всего села. И первым делом пошёл к жёнам красноармейцев, которые, как считал он, имеют больше всех прав в защите от этих самоуправцев. Побывав в основном у тех сельчанок, кого видел на площади у казённой избы, он перешёл по льду на правый берег реки Ик и оказался в Малом Сорокино. Вспомнив, как Колмакова Анна обошлась с комиссаром, Василий вначале зашёл к Егору Суздальцеву, и уже вместе они направились к храброй женщине. Встретила молодых мужчин она приветливо, а когда Василий рассказал ей о цели своего прихода, Анна по-бабьи всплеснула руками и произнесла: «Да разве вы найдёте управу на этих упырей! Для сохранения своей шкуры они с большим удовольствием с другого её снимут и на пальцы натянут. Но, уж раз надумали донести до высокого начальства все упрёки жителей на бесчинства продрозвёрсточников, то садитесь за стол и слушайте». Пока Анна рассказывала, как у неё выгребали из сусеков последнее зерно, и как защищая его, она набросилась на волпродкомиссара Горшкова с кулаками, вокруг неё собрались четыре дочки и трёхлетний сынишка. «Вот скажите, люди добрые, чо теперь мне с ними делать? Чем кормить, если до последнего зёрнышка вымели? Хоть руки на себя накладывай!» - закончила она рассказ и прижала к себе детей. Василий с Егором собрались было уже уходить, как посмотрев на Василия, Анна улыбнулась и сказала: «Ты, Василий Иванович, по тому случаю сильно на меня не удивляйся. Довели меня до этого куманьки. Как только Прокопий служит этим гадам!».

Собрав дополнительную информацию от односельчан, над жалобой Василий работал добросовестно и долго. Изложив на листе её содержание, он прочитывал и не удовлетворившись её качеством, несколько раз рвал на мелкие

кусочки. И только уже за полночь, когда от керосинного смрада стало щипать глаза, Василий прочитал последний вариант и остался им доволен. «Завтра утром перепису в трёх экземплярах и подпишу у всех, кто захочет поставить свою подпись», - подумал он, затушил лампу и полез на печку.

Завершив до обеда следующего дня перепись документа в трёх экземплярах и собрав более двадцати подписей грамотных жителей села, а также расписавшись за такое же количество безграмотных, после обеда Василий направился домой к Аверину Степану. В их избе он уже давно не был. Поэтому его поразила необычная тишина в огромном пятистенке, где раньше повсюду слышался задорный смех Варвары и крик её братьев. «Жалобу принёс показать?» - спросил Степан, выходя из горницы. «На, почитай. Может, чо упустил, так добавлю». Степан взял из его рук один экземпляр и углубился в чтение. «Здравствуй, Вася», - послышался тихий девичий голос. «Здравствуй, Варвара Мефодьевна. Нынче в вашей просторной избе чо-то тихо стало». «А кому сейчас в ней шибко шуметь? Из братьев-то Степан да Семён остались. Степан у нас никогда шумливым не был, а сейчас и вовсе замкнулся в себе. Семён с отцом на деляну уехали. Боятся, что и туда комиссары могут свои носы сунуть. А там у нас припрятано пудов двести необмолоченного хлеба», - ответила девушка. «Ты всё хорошеешь. Вон, какая справная стала», - улыбнулся молодой мужчина. «Может и похорошела, а что толку. Всё равно ведь ты меня не полюбишь», - парировала Варвара и ласковыми глазами посмотрела на Василия. «Зачем тебе такой непутёвый, как я? Ты вон лучше к Зайчикову присмотришься. Очень серьёзный жених», - пошутил Василий. «Зря, Василий Иванович, обижаешь. Такой жених, как этот боров, мне и на дух не нужен. Уж лучше в девках буду вековать, но только не с ним», - ответила девушка. «Разве такой красавице дадут наши парни девкой умереть? Обязательно полюбит тебя самый достойный из них», - серьёзным голосом произнёс Василий. «И тебе я желаю найти хорошую невесту и быть с ней счастливым», - пожелала Варвара бывшему жениху и пошла в куть. «Ты указал здесь три учреждения, в которые мы должны будем эти жалобы сдать, а почему в уездную милицию не написал экземпляр? Зайчиков-то её кадр», - послышался голос Степана. «Если считаешь, что надо, то до отъезда напишу и туда», - согласился Василий и спросил: «А само содержание устраивает тебя?». «Нормально написал. Лучше не придумай», - ответил Степан и предложил: «Выедем завтра на рассвете, чтобы до темноты в Ишиме быть».

Вернувшись домой, Василий напоил Воронко, подсыпал ему в корыто больше овса, чем обычно, и потрепав гриву, произнёс: «Отдыхай, верный мой

товарищ. Завтра семьдесят вёрст без отдыха тебе меня вести». Словно поняв, о чём сказал молодой хозяин, жеребец повернул в его сторону голову и тихо заржал, оскалив крупные зубы.

Когда Василий проснулся, то услышал осторожные, почти бесшумные шаги матери. «Уже не спит. Хлеб с загнетки вытаскивает. Бойтся, что голодным могу уехать», - с нежностью подумал он. Спустившись с печи и натянув на себя тёплые шаровары, рубаху и мягкую, из овечьей шерсти, толстовку, он направился к матери. «Проснулся? А я думала, что поспишь ещё. Ну да ладно, раз собрались пораньше выехать. Дорога-то дальняя. Умывайся и садись за стол. У меня уже и хлеб выпекся, и каша набухла», - сказала Евдокия Матвеевна и продолжила хлопотать в кути.

Друзья встретились у дома Степана, стоявшего на правом берегу Ика, в самом начале Ишимского тракта. Отдохнувшие за ночь и охочие до хорошего бега, Воронко и пегой масти кобыла Степана - Звёздочка - почти сразу же перешли на крупную рысь. Изредка перекидываясь словами, друзья ехали туда, где их никто не ждал, и к тем, для которых они никогда ни существовали, как равноправные граждане большой страны. Этим «тем», чтобы сохранить и упрочить свою власть над бородатым быдлом, нужен был его хлеб, мясо, молоко, масло, шерсть, яйца и даже рога, но только не он сам.

Добравшись до чайной в селе Прокуткино, друзья спешили, привязали лошадей и зашли перекусить. Людей в ней было много и половина из них были уже пьяные. Слышались отборный мат, крики, оскорбления и в чей-то адрес угрозы. Не обращая на всё это внимания, добровольные парламентарии перекусили, чем была богата придорожная едальня и поехали дальше. «Вот так и живёт русский человек. Если не работает, то пьёт и скандалит. Наверное, в мире нет другой жизни, которая была бы горше, чем у русского мужика. Всем-то его хочется обидеть, оскорбить, будто он не человек, а зверь лесной», - задумчиво произнёс Степан, когда они отъехали от чайной вёрсты три. «И меня такие же раздумья стали часто посещать в последнее время. Жили же наши предки при царе спокойно. Детей рожали, строились, свадьбы весёлые играли. А сейчас словно в аду каком оказались. Приходят в наш дом чужие люди-безбожники, забирают добро, которое годами накапливалось, бьют кнутами женщин и стариков, пугают револьверами и всё им сходит с рук. Какое право имеют эти люди на нашу жизнь, и кто им его дал?» - спросил Василий. «Коммунисты им это право дали. Тем не жалко нас, так как все они родом не из здешних мест, а москали или питерцы и в основном жидовской национальности. Есть, конечно,

и среди русских коммунисты, но они из-за своей безграмотности и жадности в рот заглядывают этим большакам и все команды их исправно исполняют. Вон и в нашем селе таких уже человек десять появилось», - ответил Степан. «Но ведь нас, кого эти коммунисты грабят, больше, чем их. Поднять бы мужиков во всём уезде и повылавливать этих безбожников. Пусть в свою Европу убираются», - помечтал Василий. «Наших-то коммунык можно выловить, но вот только на их выручку столичные комиссары армию сюда направят. А что мы ей противопоставим? Вилы, топоры да косы? Нет, друг, с таким оружием мы против армии не выстоим и погибнем все до одного», - сделал вывод Степан. «По мне, так лучше быть убитым, чем выпрашивать у этих большаков милостыню!» - зло произнёс Василий и до самого Ишима они больше не разговаривали.

В город друзья въехали, когда на улице стало смеркаться. Добравшись до постоянного двора, расположенного недалеко от железнодорожного вокзала, они расседлали уставших коней, насыпали им в торбы овса и пошли устраиваться на постой. Определившись на ночлег, друзья вышли попоить лошадей, а заодно и прогуляться по ночному городу. «И чего в нём люди находят хорошего? Живут как в муравейнике. Да и пользы от этих людей ни какой. Одни расходы на содержание. Корми их, пои, а они только и смотрят, как посильнее обмануть крестьянина», - завёл разговор Василий, осторожно ступая по деревянному тротуару и заглядывая в окна домов, где горел тусклый свет. «Может, кому-то и нравится такая жизнь. Не все же любят копать в земле, как мы с тобой и наши сёстры. А здесь культура, базар, клубы по настроению. Даже дома прелюбодеяния есть», - ответил Степан. «Ты-то ещё не посетил такое заведение?» - улыбнулся в темноту Василий. «Вот выгонят нас из деревни коммуныки, тогда вместе с тобой туда ходим», - ответил Аверин. «Для того, чтобы в такое заведение пойти, напиться сильно надо», - съязвил Василий и вдруг вспомнил Полину: «Где она сейчас? Помнит ли ещё нашу встречу? Может, завтра удастся её найти?». Вернувшись после часовой прогулки в большую комнату постоянного двора, где стояло с десяток коек, друзья легли отдыхать. Впереди их ждал тяжёлый и непредсказуемый день.

По привычке проснувшись задолго до рассвета, они умылись в общей туалетной комнате, привели себя в порядок, перекусили продуктами, которые захватили из дома и вышли на улицу. «С какого учреждения начнём?» - спросил Степан. «Не знаю. Наверное, начать нужно с уездного исполкома советов. Я там был и знаю, где он находится», - ответил Василий и оставив коней на коновязи у постоянного двора, бодро зашагали по центральной улице.

У здания уездного исполкома они оказались почти за час до его открытия. Особо не надеясь на успех своей миссии и памятуя свой первый неудачный опыт в составе сельской делегации, Василий предложил: «Давай попробуем попасть во внутрь здания до начала рабочего дня». Немногословный Степан с удивлением посмотрел на друга и спросил: «Зачем?». «А чтобы узнать, кто здесь главный начальник и прямо в коридоре вручить ему письмо». «Ну, пойдём, постучимся. Может, кто-то и откроет нам», - согласился Степан.

В массивную деревянную дверь стучал Василий. В проёме показалась зашпанная физиономия охранника. «Что стучишь? Видишь, поди, что рабочий день начинается с восьми часов», - незлобно пробурчал он. «Слушай, земляк, мы с товарищем по поручению сельчан доставили в уездный исполком совета письмо с жалобой на действия продотряда, а как и кому вручить его не знаем. Может, ты нам поможешь разобраться с этим? Мы бы тебя самогонкой нашей, сорокинской отблагодарили», - вкрадчиво произнёс Василий. «Не знаю даже, робяты, чем смогу вам помочь. Я здесь человек маленький. За порядком поставлен следить, а не советы давать. Но уж враз вы из Большого Сорокино, то подумаю, что могу для вас сделать. Сам-то я из Кротовской волости. Там тоже много беспорядков подразвёрсточники творят. Надьсь ко мне приезжал брат оттуда и обо всём поведал», - пространно объяснил охранник. «Ну, так что ты посоветуешь нам?» - настойчиво спросил Степан. «Я вам скажу так. К самому большому начальнику Кузьмину рваться не надо. Вас к нему не допустят. А вот к его помощнику товарищу Горностаеву попытаться можете. Он хоть парень и молодой, но не чванистый. Его кабинет №21 первый слева по коридору», - ответил охранник. «Тебя как звать?» - спросил Василий. «Алексей Карпов». «Спасибо тебе, Алексей, за подсказку. Может, в помещениепустишь? А то уж дюже холодно на улице целый час ждать», - попросил Василий. Охранник некоторое время думал, затем сказал: «Ладно, заходите. Но чтобы вас никто не заметил, сидеть будете в кладовке уборщицы, под замком».

Алексей открыл кладовку только тогда, когда по коридорам закончилось движение служащих. «Пришёл уже Дмитрий Иосифович. Вроде в хорошем здравии. Даже со мной поздоровался», - сообщил он посланцам. «Ещё раз благодарим тебя за помощь. А когда побываем у Горностаева, сходим на постоянный двор и вручим тебе обещанную награду», - улыбнулся Василий. «Рано пока о награде говорить. Вы идите быстрее к Дмитрию Иосифовичу, а то вызовет его начальник к себе и часа два продержит. А я через час меняюсь», - предупредил охранник.

В скромный кабинет большого советского начальника друзья попали без препятствий. За столом они застали худощавого, болезненного вида тридцатилетнего мужчину, с чёрной аккуратно подстриженной бородой и длинным тонким носом. Он с любопытством посмотрел на молодых, крепко сбитых парней, и строго спросил: «Вы, по какому делу ко мне, товарищи?». От прямого вопроса начальника друзья даже на время растерялись. Опомившись первым, Василий произнёс: «Жители Большого Сорокино поручили нам донести до вашего сведения о творящихся в селе и волости беззакониях со стороны продотряда, тройки и милиционера Зайчикова. Часть случаев описаны вот в этом письме, которое велено передать вам». «Оставьте его у секретаря канцелярии, а она передаст мне официально. Я с ним обязательно ознакомлюсь и пришлю в вашу волость ответ. А сейчас мне некогда им заниматься, так как должен срочно выезжать в Петуховскую волость», - заявил Дмитрий Иосифович и уткнулся взором в бумаги, лежащие на его столе. Поняв, что разговор с ними закончен, друзья молча вышли в коридор и направились в канцелярию. Секретарь приняла письмо только после того, как Василий сказал, что к ней их послал товарищ Горностаев. Сдав секретарю документ, они направились на выход, где их с нетерпением поджидал Алексей. «Ну, что? Как сходили?» - поинтересовался он. «У товарища Горностаева побывали, письмо передали в канцелярию, а что будет дальше не знаем», - ответил Василий и спросил: «Смена твоя закончилась?». «Только что сдал дежурство. Теперь я свободный почти на сутки», - весело произнёс Алексей. «Тогда пойдём с нами до постоянного двора. Должны же мы рассчитаться с тобой за твою благосклонность», - предложил Василий.

Вручив Карпову две чекушки первача и булку хлеба, друзья продолжили выполнение своей миссии. В течении дня им удалось оставить письма ещё в двух организациях советской службы. Но ни в одной из них к большому руководству они больше не попали. В уездном комитете РКП(б) письмо пришлось вручить помощнику секретаря, а в уездном отделении рабоче-крестьянской инспекции - оставить на столе вахтёра. Самым неудачным оказался поход с последним письмом в уездную милицию. Там с ними даже разговаривать не стали и в грубой форме выпроводили из помещения. Оказавшись на улице, друзья отошли от здания блюстителей порядка и остановились прямо на тротуаре. «Ну, что дальше будем делать? Может, чёрт с ней, с этой милицией?» - спросил Степан. Василий немного подумал и вдруг предложил: «Давай попробуем передать жалобу в уездную милицию через Пироженко Федьку. Он сейчас красный командир и служит здесь в городе в артиллерийском полку. Благодаря ему нас

выпустили в прошлый раз из тюрьмы». «А ты откуда знаешь?» - удивился Степан. «Он мне сам рассказал, когда однажды я с ним и его сестрой Полиной в Большом Сорокино у волсовета встретился, а во время пребывания с делегацией в Ишиме, я в полк к нему ездил. Важный такой», - ответил Василий. «И ты мне не сказал об этом», - обиделся Степан. «Извини, друг. Закрутился в последнее время. Не до рассказов было», - признался Василий, хотя основная причина была в Полине, о которой он не хотел рассказывать Степану. «А где его полк стоит?» - спросил Степан. «На окраине города, по Петропавловскому тракту», - ответил Василий, довольный тем, что друг не стал задавать дополнительных вопросов о встречах с Пироженко. «Ладно, поедем. Не может же он отказать товарищу, которого чуть не пристрелил в Усть-Ишиме. Ну, а если не поможет, так хоть повидаемся», - принял решение Степан и они направились в сторону постоянного двора, чтобы рассчитаться за ночёвку и забрать своих коней.

На этот раз со встречей с бывшим однополчанином им не повезло. Выслушав просьбу пригласить товарища Пироженко к ним, дежурный по КПП ответил: «Товарищ командир в настоящий момент встретиться с вами не сможет по причине отбытия на военные учения». «А когда он вернётся?» - разочаровано спросил Василий. «На это я не могу ответить», - отчеканил красноармеец. «Очень плохо. А мы ему от родных из Покровки гостинцы разные привезли. Просили обязательно передать, так как у него очень сильно болеет мать и ей необходимо хорошо питаться. Может, подскажешь, где живёт его семья?» - пошёл на хитрость Василий. «Я не знаю, где живёт семья командира. Это может сказать только начальник штаба», - ответил служивый. «А как с начальником штаба поговорить?» - не отступал Губин-младший. «Не знаю. Попробую связаться с ним по внутренней связи, но он вряд ли придёт сюда», - неуверенно ответил красноармеец и пошёл в дежурное помещение. Вопреки сомнению дежурного, молодой и подтянутый красноармеец лет двадцати пяти, в яловых сапогах, с шашкой и портупеей на боку, уже через пять минут прибыл на КПП. Вежливо поздоровавшись, он спросил: «Вы к товарищу Пироженко приехали?». «Так точно!» - вырвалось у Василия. «Вы что, тоже из военных будете?» - с удивлением спросил начальник штаба. «Нет, мы крестьяне из Большесорокинской волости. А в армии служили в Петропавловске ещё в царские времена и вместе с Пироженко», - ответил Степан. «Понятно. Так о чём вы хотели поговорить со мной?» - спросил начальник штаба. «Мы по делам волости приезжали к уездному начальству и по просьбе родственников Фёдора захватили с собой гостинцы для его семьи. Прибыли сюда, но дежурный сказал, что его нет, и неизвестно когда будет. А продукты испортиться могу. Сметана, сыр, масло коровье, мясо и даже

рыба мороженая в мешке уже сутки находятся. Что с ними теперь делать, даже ума не приложим. Может, вы скажете адрес, где живёт его семья? Мы бы прямо сейчас и отвезли туда всё это. А то сами-то только завтра возвращаться домой будем», - пояснил своё беспокойство Василий. Степан стоял рядом и искренне удивлялся убедительному красноречию друга. Начальник штаба пытливым взглядом посмотрел на земляков Пироженко, подумал и ответил: «Его мама и сестра живут на северной окраине города, по направлению вашей волости. Пятая изба с краю, по правую сторону». «Спасибо за помощь. Иначе пришлось бы гостинцы обратно везти», - обрадовался Василий, но виду не подал.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«А ты откуда узнал, что мать Федькина больная лежит?» - послышался вопрос Степана, когда они были уже далеко от расположения артиллерийского полка. «Он мне сам рассказал, когда я к нему в полк приезжал», - ответил Василий и замолчал. Его немного угнетало чувство непонятной вины перед другом. Вроде особенно он перед ним ни в чём не провинился, но чувство такое было. «А чо я мог ему рассказать? Что влюбился в сестру Федьки, который воюет на стороне красных, и который чуть не убил когда-то его? Так об этом и говорить ещё нечего. Да, запала Полина мне в сердце, но её-то сердце свободно от таких чувств. Вот если бы у нас были взаимные симпатии, тогда я обязательно бы поделился со своим другом радостью», - молча оправдывал себя Василий. «Ты скажи, зачем мы едем к родственникам Федьки, если его дома нет и гостинцев для него не везём?» - спросил Степан. «Передадим им конверт с жалобой и попросим, чтобы они уговорили его отнести её в уездную милицию», - нашёлся с ответом Василий.

Избу на окраине города, где жили Пироженко, они нашли быстро. Спешившись с коней, друзья подошли к невысокой калитке и остановились. «Поздновато мы решили в гости напроситься. На улице уже темно и вряд ли хозяева нам двери откроют», - засомневался Степан. Но его друг, одержимый ожиданием встречи с Полиной, уже настойчиво стучал в небольшое окно, выходящее из кути на улицу. Занавеска резко разъехалась в соединении и в её проёме появилось лицо девушки, которая старалась разглядеть того, кто их потревожил. «Мы приехали к Фёдору из Большого Сорокино. Открой, пожалуйста, дверь, нам поговорить нужно», - произнёс громко Василий, надеясь, что Полина его услышит. Но девушка не слова услышала, а узнала говорившего их. Её сердце с шумом застучало в груди, на висках запульсировала жилка и она тихо прошептала: «Наконец-то я вновь увижу тебя!». Лицо девушки

покрылось алым румянцем, а ноги почти бегом понесли её в сторону сеней. Но как только Полина оказалась на крыльце, она остановилась, перевела дыхание и уже медленно пошла открывать калитку тому, которого так страстно ждала. После их короткой встречи в Большом Сорокино, девушка долго не могла понять, что с ней тогда произошло. «Вроде и встретились случайно, и виделись короткое мгновение, а взгляд этого парня, тонкие, как у девушки, дуги чёрных бровей, длинные ресницы и мягкая, чуть наивная, улыбка, завладели моим воображением и обрекли меня на душевные страдания», - не раз рассуждала девушка. Однажды, не выдержав, она спросила у брата: «Федя, а почему ты ссорился с большесорокинским парнем, которого зовут Василий?». Брат внимательно посмотрел на сестру и коротко ответил: «Когда-то мы вместе с ним служили в царской армии в Петропавловском гарнизоне. Он даже дослужился до фельдфебеля. А когда произошла революция наши дорожки разошлись в разные стороны». «Вы с ним в армии поссорились? Может между вами девушка какая стояла?» - улыбнулась Полина. «Какая там могла быть девушка? Это тебе не деревенские посиделки, а воинская служба. Мы с ним гораздо позже невзлюбили друг друга», - нехотя ответил Федя. «Из -за девушки?» - не унималась Полина. «Нет, не из-за девушки, а из-за идейных соображений. Во время борьбы с колчаковщиной мы с Васькой дважды сталкивались лоб в лоб, оказывавшись на противоположных сторонах. Я на красной, он на белой», - ответил брат и улыбнувшись, спросил: «Неужели, сестрёнка, он понравился тебе?» - и тут же добавил: «Зря, если так. Не надёжный Васька элемент. Не нашей он рабоче-крестьянской породы. Враг, в общем, и точка». Почувствовав, что брат что-то не договаривает, Полина вновь спросила: «А почему вы оба целёхоньки, хоть и дважды лоб в лоб встречались?». Фёдор хотел было прекратить неприятный для себя разговор, но поняв, что его любимая сестра ждёт ответа, нехотя произнёс: «Васька дважды не захотел брать на свою совесть мою жизнь». «Тогда, почему же вы ругались прошлый раз, если он жизнь тебе дважды дарил?» - с откровенным недоумением, спросила сестра. «Потому, что он и его дружки в волости воду мутят, и развёрстки не выполняют. В общем, закончим эту тему, сестра, а то я обижусь», - ответил Федя. После того откровенного разговора, Полина больше не пыталась брата, но её девичье сердце ещё сильнее стало ныть при одной только мысли о сорокинском парне.

«И вот он здесь, совсем рядом. За калиткой моей!» - ликовало в груди девушки, когда она открывала засов тесовых ворот.

«Здравствуй, Полина. Извини нас за столь поздний час, в который мы беспокоили тебя. Но нужда заставила это сделать», - первым произнёс слова вежливости Василий, а сам думал о другом: «Какая она красивая и желанная! Схватил бы сейчас за талию и поцеловал бы в её алые губы. Да так, чтобы Полина свои глаза бездонные закрыла от счастья». У девушки, по-видимому, было такое же настроение. И если бы не стоящий рядом Степан, они так бы и поступили. «Не извиняйтесь. Это на улице темно, а так-то ещё мало времени. Проводите своих коней во двор и заходите в избу. Я вас чаем напою», - ворковал милый сердцу Василия голосок. Степан хотел было возразить, но почувствовав настроение друга, повёл свою лошадь под уздцы во двор.

В кути, при свете яркой керосиновой лампы, Василий ещё раз посмотрел на Полину и подумал: «Такая же, как и тогда». Когда девушка усадила молодых мужчин за стол и налила в большие кружки горячий кипяток, из горницы слышался слабый женский голос: «Кто, Полюшка, к нам в гости пожаловал?». «Федины однополчане. Они ещё в царской армии вместе служили». «А родом откуда?». «Из Большого Сорокино мы. Я - Губина Ивана Васильевича сын, а мой друг - Мефодия Александровича Аверина», - ответил сам гость. «Об обоих много хорошего слышала, а вот лично не знакома», - произнёс слабый женский голос и замолчал. «Там наша мама больная лежит. Больше года никак не может поправиться. Сколько Федя уже докторов привозил, но пока всё напрасно», - с сожалением произнесла девушка и тут же, не стесняясь Степана, нежно посмотрела на Василия. «О, робяты, так между вами огромный пожар взаимной симпатии пробежал! Вот Губин хитрец! Давно, видно, сохнет по Полине, а даже словом не обмолвился о ней», - сделал вывод Степан и невольно отвернулся. Воспользовавшись минутным смущением товарища, Василий ответил таким же взглядом девушке, улыбнулся и сказал: «Заезжали к твоему брату на службу, а его там не застали. Вот, пришлось у начальника штаба ваш адрес выпытывать и к вам в гости напрашиваться». Приняв игру дорогого сердцу человека, Полина спросила: «Какое-то серьёзное дело к брату или я могу вам чем помочь?». «Письмо ему надо передать, чтобы он смог его переправить в руки начальника уездной милиции. Очень бы мы ему благодарны были», - ответил Василий, продолжая смотреть на девушку. «Оставляйте. Я обязательно упрошу брата помочь вам. И благодарить его не за что. Он сам вам жизнью обязан», - пропела Полина. Не выдержав, Степан спросил: «Какой жизнью?». «Своей жизнью, которую ему спасли вы. Об этом он мне сам рассказал», - ответила Полина и спросила: «Почему пирожки капустные не едите? Не нравятся?». «Очень нравятся, но только мы перед тем, как к вам ехать, в чайной плотно

поели», - ответил Степан и посмотрев на счастливого друга, добавил: «Думаю, что пора нам и откланяться». Он понимал, что этим вызвал недовольство Губина, но времени у них и в самом деле на гостевание не оставалось. Прямо от сюда, друзья собирались в ночь выехать в сторону дома. «Ну, вот, теперь мы знаем, где живёт наш однополчанин и его семья. В следующий раз, когда поедем в Ишим, обязательно гостинец завезём», - откровенно улыбаясь, произнёс Василий, прощаясь с Полиной. «Заезжайте. Будем всегда рады таким гостям», - ответила девушка, с большим трудом сдерживая порыв нежно обнять этого человека и поцеловать. Василий повернулся к двери и пошёл следом за Степаном. От переизбытка чувств, он забыл о низком проёме дверей и сильно ударился лбом о косяк. Девушка охнула, догнала парня и повернув к себе, с тревогой спросила: «Сильно ударился?». «Ничего. До свадьбы заживёт», - весело ответил Василий и ласково провёл ладонью по её голове. Не выдержав испытания, Полина прикоснулась своими тёплыми губами к его глазам и тут же резко отпрянула от него. «Иди. Догоняй своего друга. Даст бог, свидимся ещё», - с горечью вымолвила она.

«Да, дорогой товарищ, видно глубоко проникла заноза любви к этой девушке в твоё сердце, раз ты даже при малейшем прикосновении к ней теряешь рассудок», - улыбнулся в темноту Василий, когда удобно устроился в седле. «Ну, что, домой поедем или на постоянный двор вернёмся?» - озабоченно спросил Степан. «А чего мы будем ждать утра? Ночь звёздная, светлая, да и мороз не сильный. Поедем, Степан, мы в сторону дома», - ответил Василий. «Это тебе после свидания с Полиной жарко стало, а на улице не так уж и тепло», - подначил Степан. Василий посмотрел в его сторону, улыбнулся, но отвечать на его слова не стал.

В родное село друзья въехали на рассвете. Огромный диск желтовато-оранжевого солнца выходил из-за макушек берёзовых колков и своими ледяными щупальцами осваивал просторы Сибири. «Какой красивый наш край! Разве есть на свете ещё такой! Здесь жить бы только да не тужить. Хлеб растить, детей рожать, избы просторные строить, а не воевать и не унижаться», - подумал Василий и от этой мысли ему стало тяжело. Но вспомнив встречу с Полиной, сердце дрогнуло и сладостно запело. «Какая она красивая и умная!» - подумал он и посмотрел на Степана. «Ну, что, немного отдохнём, а вечером встретимся у Ивана?» - спросил Аверин. «Я не против. Давай так и поступим. Может какие новости от него узнаем», - согласился Василий и они разъехались по домам.

Из официальной хроники

Заместитель председателя уездного исполкома советов Горностаев сидел за столом в своём кабинете и перебирал конверты с жалобами от крестьян всех волостей на грубые действия продтроек. Взяв очередной конверт и достав из него лист бумаги исписанный неровным подчерком, стал внимательно вчитываться.

«Заявление гражданки деревни Большебоково Готопутовской волости М. П. Ольковой. 20 ноября с.г. вами был конфискован весь скот у моего мужа, гражданина деревни Большебоково Романа Федотовича Олькова и теперь наше имущество разрушилось безвозвратно. Спрашивается, чем же мы должны продолжать существование? Неужели я должна нести наказание за своего мужа? У меня шестеро детей при себе и седьмой - в рядах Красной Армии. К чему теперь он придёт домой и за что примется? Неужели он ради того проливает кровь, защищая советскую Россию? Что я должна делать с шестью детьми и к чему их пристроить, не зная никакого ремесла? Да ведь я что-то же делала в продолжение 28-летнего проживания в замужестве. Что же прикажете мне, проситься в богадельню на ваш хлеб? Чем же должна существовать советская Россия в будущем, если вы сейчас в корень разоряете среднее хозяйство, которое является оплотом республики? Подумайте, товарищи, серьёзно об этом. И я в свою очередь категорически прошу вас сделать распоряжение об отложении конфискации, т.к. развёрстку мы выполнили сполна, хотя в ущерб себе, а на сём заявлении прошу меня уведомить соответствующей резолюцией о вашем решении. К сему заявлению Марфа Олькова. За неграмотную по личной просьбе расписалась Е. Елисеева».

«Плохо, очень плохо!» - пробурчал Горностаев и взял следующий конверт.

«Заявление жителя деревни Покровка Викуловской волости Ф. Давыдова. Декабря десятого дня 20 г. я, гражданин д. Покровка Викуловской вол. Ишимского уезда Тюменской губ., будучи на казённой работе по уборке скота в селе Викулово, как сего же числа приехал ко мне в дом райпродкомиссар тов. Заплетин с отрядом красноармейцев и начал производить обыск, говорит, что вы всё спрятали. Впоследствии чего прятанного не нашли, приступили к хлебу, который был приготовлен для обсеменения полей в 21 г., и выгреб всё, которого насыпал шесть возов, не считаясь ни с кормом крестьянином лошади и коровы, только оставил часть муки. После этого взрывал в полах доски: нигде ничего не оказалось. Потом стали брать сырые коровьи кожи, опойки овчины, волок-

но, куделю, сало, гусей колотых и т.п. когда я спросил тов. Заплетина причину всему этому, он заявил, что несвоевременно выполнили вы развёрстку. Но развёрстка нами выполнена».

В руки Дмитрия Иосифовича попала телеграфное донесение из Абатского волисполкома советов.

«На выполнение развёрсток продовольственного хлеба не хватает. Под угрозой конфискации и лишения свободы со стороны председателя чрезвычайной тройки В. Г. Соколова население сдаёт семенной хлеб, не оставляя себе. Будет недосев. Шерстяная развёрстка достигается стрижкой овец, которые падут от мороза. Как быть? Телеграфируйте! №6254».

Прочитав ещё несколько жалоб, в том числе доставленную Василием и Степаном, Горностаев откинулся на спинку стула, закрыл глаза и затих. «Да, слишком серьёзные обвинения предъявляют крестьяне к органам продразвёрстки. Так ведь и до бунта не далеко. Кто знает, сколько ещё мужики и бабы терпеть будут. Необходимо срочно выносить этот вопрос на заседание президиума исполкома и принимать какое-то решение, а то потом мы же и крайними окажемся перед вышестоящим руководством», - подумал он и пошёл к председателю на доклад.

Вечером этого же дня под председательством Горностаева состоялось заседание президиума Ишимского уездного исполкома советов, на котором секретарь Ишимского уездного комитета РКП(б), член Тюменского губкома РКП(б) – Жилкин Гордей Тимофеевич и заведующий Ишимским уездным земельным отделом – Морев Павел Никитич рассмотрели жалобы и постановили:

«Ввиду того, что жалобы имеются на действия продрработников, имеющих полномочия от губернских органов, на основании приказа Тюменского губисполкома от 10 декабря с.г. за №9 все жалобы направить для разбора в президиум Тюменского губисполкома. Зампредуисполкома Горностаев, секретарь Никифоров. Учитывая важность данной проблемы, выписку протокола №137, заседания Президиума направить в Тюмень нарочным и в самое ближайшее время».

Но не прошло и двух дней, как из Тюмени пришла выписка из протокола №1 заседания президиума губернского исполкома советов:

«Присутствуют члены президиума: Сергей Петрович Агеев – заместитель председателя Тюменского губисполкома советов, Михаил Константинович Ошвинцев – член губернской контрольной комиссии РКП(б), Гири Самуилович Инденбаум – губпродкомиссар, помощник губвоенкома – С. Ф. Морозов, заведующий коммунальным отделом И. И. Зыков. Слушали постановление коллегии губ. отдела юстиции по вопросу о незакономерных действиях продорганов.

Постановили: принимая во внимание существование продовольственной диктатуры, предоставляющей продорганам право непосредственного наложения взысканий, что подтверждается декретом Совнаркома об изъятии хлебных излишков в Сибири (п.4), почтотелеграммой замнаркомпрода т. Брюханова (п.3), бюллетень Наркомпрода, №19 от 16 сентября 1920 года) и телеграммой наркомпрод №708, предписывающих реквизиции и конфискации продуктов и имущества у лиц, противодействующих развёрстке и укрывающих продукты и срывающих выполнение развёрсток как боевого приказа, что возможно только при немедленном применении к виновным карательных санкций без соблюдения при этом обычных судебных гарантий, президиум губисполкома считает, что продорганы имеют право непосредственно применять реквизиции и конфискации в подлежащих случаях с последующим рассмотрением этих дел судебными органами, а потому президиум губисполкома считает постановление коллегии губ. Отдела юстиции, о том, что эти наказания могут быть налагаемы только по приговорам подлежащих судебных органов, неправильным. Зампредседателя губисполкома Агеев, секретарь Ф. Гусев».

Следом за выпиской, минуя органы управления Ишимского уезда, в дубынинский волисполком поступил приказ чрезвычайного уполномоченного тюменского губпродкома Н. П. Абабкова, который впоследствии стал одним из главных толчков, заставившим крестьян взять в руки вилы. Его текст гласил:

«Предписываем на основании распоряжения центра выполнить государственную развёрстку полностью, не соблюдая никакие нормы, оставляя на первое время на каждого едока по одному пуду и 20 фунтов и также соблюдая классовый принцип, то есть вся тяжесть развёрсток ложится на зажиточный класс. За неисполнение настоящего приказа будете отвечать и будут приняты самые суровые меры, вплоть до предания суду трибунала! Чрезвычайный уполномоченный тюменского губпродкома Н.Абабков».

Узнав о этом приказе, председатель Ишимского уездного исполкома советов Кузьмин, не сдержав эмоции, обречённо произнёс: «Всё, товарищи!

Теперь готовьтесь к бунту!». Но некоторые ретивые работники, энергично включились в работу по выполнению этого приказа. 25 декабря, бердюжский райпродкомиссар Корепанов Григорий Дмитриевич отправил протокол №138 в тюменский губпродкомиссариат следующего содержания:

«Мною, райпродкомиссаром Бердюжского района, составлен настоящий протокол в нижеследующем. 25 декабря с. г. мною, комиссаром Бердюжского района Корепановым Григорием, арестованы 5 человек – члены сельсовета с. Уктуз Уктузской волости Ишимского уезда Горшенин Михаил, Фадеев Алексей, Суворов Илья, Суханов Сергей, Екимов Иван – по делу невыполнения государственной хлебофуражной развёрстки вышеуказанными членами сельсовета и за невыполнение приказа №46 от 6 декабря 1920 года, и встреченное противодействие моим личным, райпродкомиссара Бердюжского района, распоряжениям. И препровождаются на распоряжение губпродкомиссара. В том и составлен настоящий протокол. В чём и подписываюсь».

Все эти решения, постановления, приказы и протоколы, как снежный ком, нарастали, увеличивались в количестве и нагнетали, без того сложную, социальную обстановку в обществе.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Не успела семья Губиных и другие жители села и волости остыть от прошедшего налёта продотряда, как уже на третий день, после возвращения Василия из Ишима, ненасытные куманьки вновь нагрянули и приступили к конфискации всего, что попадалось им под руку и на глаза. «Да, чо же это творится вокруг! Неужели и вправду нет господа нашего, как утверждают коммунисты?! Почему он на такие страшные муки обрекает простого мужика?! Чо нам делать? Скажи, господи! Ведь не ровен час и может не выдержать терпение у мужиков! Неужели стоит братская, крестьянская кровь этих супостатов?» - мысленно просила помощи у Всевышнего Евдокия Матвеевна. Она сердцем понимала, что в случае крестьянского бунта, единственный сын, кровинушка её, не останется в стороне от своих товарищей. А во время бунта всё может случиться с ним.

На этот раз продотряд на трёх подводах в сопровождении пяти красноармейцев к избе Губиных подъехал уже ближе к вечеру. Считая, что у них больше нечего брать, кроме пимов и пары полушубков, отец и сын вели себя спокойно. «Чо, всё никак не наедитесь добром крестьянским? И как только у вас животы выдюживают и не лопаются?» - усмехнулся Василий. «Но, ты, каратель недобитый! Сколько ещё ждать, когда ваше хозяйство продразвёрстки выполнит? Вот даже по яйцам задолжность есть», - промычал Зайчиков. «А как мы можем выполнить сдачу яиц, если куры уже давно не несутся», - произнесла Евдокия Матвеевна, стоящая рядом с мужем. «Сама несись. Или мужик уже состарился и не топчет тебя?» - произнёс милиционер и осклабился. Засмеялись и его подельники. Но вдруг лицо Зайчикова скривилось и он медленно стал оседать на снег. В ту же минуту удар прикладом винтовки в плечо получил и Василий. Но устоял на ногах и хотел было напасть на красноармейца, который ударил, однако на него набросились ещё три человека и повалили на колени.

«Арестовать бандита и посадить в холодную камеру, чтобы он больше никогда не мешал советской власти восстанавливать пролетарскую справедливость!» - заорал стоящий рядом райпродкомиссар Горшков. «Ты сам и все твои дружки бандиты! А мой сын крестьянин и хлеб растит, чтобы вас, дармоедов, кормить» - заступилась мать и хотела было оттолкнуть от Василия красноармейцев. Но они уже скрутили ему руки сыромятным ремнём, подняли на ноги и толкнув в спину прикладом, один из них скомандовал: «А ну, пошёл!». Евдокия Матвеевна забежала вперёд, расставила руки и категорически заявила: «Не пущу! Хоть убейте меня на месте, не пущу!». Зайчиков, ещё не до конца оправившись от удара Василия, подошёл к ней и схватив за руку, резко рванул в сторону. Евдокия Матвеевна не удержалась на ногах и завалилась на высокий сугроб. В это время райпродкомиссар Горшков выхватил из кобуры револьвер и выстрелил вверх. «Прекратить сопротивление власти. Иначе всю семью в катажку посажу!» - прокричал он и тут же набросился на конвоира: «А ты, что стоишь? Веди этого врага куда тебе велено». Красноармеец поднял на уровне пояса трёхлинейку, направил её штык в спину Василия и процедил сквозь зубы: «Вперёд, контра!».

Чем закончилось очередное вторжение продтройки в их семью, Василий мог только догадываться. Сидя в тёмной и холодной камере предварительного заключения и перебирая в памяти все эпизоды, произошедшие только что, он яростно ругал себя не за то, что сорвался и въехал милиционеру в ухо, а за то, что не дал этим сволочам достойный отпор. «Надо было ни кулаком его огреть, а на вилы поднять, как копну сена и закинуть в навозную кучу!» - горячился он. Но немного поостыв, подумал: «Если бы я за вилы схватился, то они бы со мной церемониться не стали, а враз бы пулями изрешетили. Нет, рано ещё на погост отправляться. Надо другой путь искать, чтобы поквитаться за все обиды с этими куманьками». И неожиданно, в самый разгар душевных метаний, Василий вспомнил Полину. «Как она там? Помнит ли обо мне, как я о ней? Какая красивая и добрая девушка! Мне её сам бог послал и я не имею права уйти из жизни, не соединившись с ней», - с нежностью подумал он.

Озлобленные поведением семьи Губиных и особенно сыном Василием, перерыв по три раза везде, где только могли и ничего не найдя, продотрядовцы вывели из пригона Воронко и старого мерина, привязали их за поводья уздечек сзади к дровням и выехали со двора. Почуввав неладное, Воронко, как только оказался на сельской улице среди чужих людей, вдруг сел на задние ноги, а передними упёрся в накатанный полозьями след. Не выдержав нагруз-

ки, лошадь, запряжённая в дровни, сначала напряглась, а затем и вовсе остановилась. «И ты туда же! Тоже бунтовать задумал! Ничего, ты у меня быстро соскочишь! С тобой-то я церемониться не буду», - заорал Зайчиков и выхватив из рук красноармейца кнут, стал с ожесточением наносить хлёткие удары по жеребцу. По спине, по голове, по ногам, по шее. Он не смотрел куда бил, главное, чтобы попасть. И сильнее, и больше! И сильнее, и больше! Вскочив, Воронко стал с остервенением лягаться и вставать на дыбы, высоко поднимая зад дровней. «Ты чо делаешь! Он же сейчас оторвёт повод и потом ищи его свищи!» - схватил за руку милиционера Горшков. «Дайте винтовку, я его сейчас здесь порешу!» - прохрипел Зайчиков. «Зачем такого красивого жеребца убивать? На нём одно удовольствие по волости прокатиться. Если не оставишь себе для служебной потребности, то я его обязательно заберу. Разъездов-то у меня побольше будет, чем у тебя» - предупредил райпродкомиссар. «Нет уж. Мне его хозяин давно кровь портит. Вот теперь моя очередь пришла доказать, кто в волости хозяин», - возразил милиционер и приказал красноармейцу: «Накинь на шею жеребца верёвку, да так, чтобы она с головы не слетела». Наблюдавший, за происходящим на улице через открытую калитку Иван Васильевич, тяжело вздохнул и тихо произнёс: «Вот и всё. Теперь мы совсем голые остались. Как будем жить дальше?». Сзади подошла Евдокия Матвеевна и тронув мужа за рукав зипуна сказала: «Пойдём, Иван, в избу. Видно планида наша такая – терпеть».

О том, что Василия продработники арестовали и он сидит в КПЗ, Степан узнал от Варвары, а та от Марии, его сестры. «За что его забрали?» - спросил он. «Не знаю. Мария сказала, что волостного милиционера ударил», - ответила девушка, заметно переживая за Василия. «Зря он это сделал. Но кто его знает, выдержал бы я такие издевательства. У нас хоть и отобрали много, но не всё. Отец словно знал, что такие дни настанут в жизни. Не зря нас заставил сделать два крупных подземных хранилища в осиннике», - подумал Степан. Воспоминание о братьях, из которых уже двоих не стало, навеяли на него грусть. «А какая дружная семья была! Горы бы вместе мы свернули, если бы не эти проклятые революции! И что людям по человечески не живётся? Всем власти хочется побольше, а работы поменьше», - вздохнул он. И немного посидев на лавке у печи, встал, накинул на плечи полушубок и пошёл к Колосову Ивану.

«Слышал, что твоего дружка повязали краснопёрые?» - встретил его вопросом хозяин. «Слышал. Потому и пришёл к тебе посоветоваться. Нельзя допустить, чтобы его в Ишим отвезли. Там с ним долго разговаривать не будут. Он

уже не впервые на глазах куманьков появляется. Раз-два, и к стенке. А то могут и до Ишима не донести». «А чо тут советоваться со мной? Ваську надо вытаскивать из под стражи, пока он в Большом Сорокино». «Как ты его вытащишь? Стража к нему с винтовками приставлена». «А не надо нападать на волостную милицию. Нужно сделать так, чтобы она сама отпустила Губина». «Мудрёно ты излагаешь. Говори нормальным языком, чо нужно делать», - раздражённо произнёс Степан. «Людей поднимать, вот чо надобно делать. Всех тех, кто до крайности обижен новой властью, и солдаток, у которых мужья калеки после германской войны или служат в советской армии, а их тоже краснопёрые налогом обложили. Если народ разбудить, то у любой власти нервы дрогнут. Но делать это необходимо срочно, пока твоего друга на дровни не посадили и в Ишим не повезли», - подсказал Иван. «Может, лучше дорогой встретить и отбить Василия?». «Нет. Этого делать не надо, так как закончиться может этот героический поступок плачевно не только для семьи Губина, но и для многих других. Таковую дерзость новая власть не потерпит. Особенно сейчас, когда по всему уезду создалась напряжённая обстановка», - предупредил Иван. «Понял. Спасибо за совет. Не буду больше медлить и начну действовать, как ты велел», - сказал Степан и направился из избы. «Беги, а я чем смогу, обязательно подмогну. Ты-то только сам не сильно выпячивайся. К тебе у большаков тоже есть претензии», - предупредил Иван.

Помогать Степану вызвалась Варвара. Она быстро организовала своих подруг и те разбежались по всему селу, включая Малое Сорокино. Они заходили почти в каждый дом, рассказывали о том, за что посадили Василия, просили прийти к волостной милиции, чтобы заступиться за него и бежали дальше. А через час после этого у милицейской избы уже стали собираться первые защитники. Пока их было мало, особой инициативы они не проявляли и охрану не беспокоили. Но вскоре толпа стала увеличиваться, а решительность вступить с большевистской властью в конфликт - нарастать. Поднесла искру к факелу всё та же Колмакова Анна. Она почти взлетела на высокое крыльцо избы и что есть мочи, постучала палкой по дверям. Двери открылись, и в их проёме показалось испуганное лицо красноармейца. «Ты чо, тётка, стучишь? Тебе чо надо здесь?» - спросил молодой паренёк. «Начальство твоё нужно нашему обществу для разговору», - ответила Анна. «Нет его здесь», - ответил красноармеец и хотел было закрыть дверь, но в это время из толпы кто-то выкрикнул: «Да, чо это мы будем ждать его начальство. Пусть сам отпускает Ваську Губина из под стражи. Иначе мы эти двери ломаем и парня с собой заберём». «Э! Граждане! Не балуйте. Я представитель власти и за нападение на меня вы по-

несёте суровое наказание», - выкрикнул охранник. «Ну, вот, что, представитель власти. Ты или выпускай Губина, или мы избу штурмом возьмём. А с тебя, как с представителя власти штаны снимем, и ими руки тебе свяжем, чтобы особо не брыкался», - угрожающе наступая, произнесла Анна. Чем бы закончилась эта перепалка, сказать сложно, если бы сзади толпы не остановилась кошёвка, из которой выскочили Горшков и Зайчиков. «Что здесь ещё за демонстрация собралась? По какому поводу? А ну, разошлись по домам», - рявкнул волостной милиционер, явно находящийся под хмельком. «А ты, чо разнукался? Мы чо, тебе стадо овец, чо ли? Нашёлся тоже баран-осеменитель! Вот свалим на снег, снимем шаровары, тогда и посмотрим какой ты баран-осеменитель. А то выпил бражки кружку и уже храбрый стал не в меру», - перевела своё внимание на Зайчикова Анна. В толпе послышался сдавленный смех, но вскоре он стал быстро усиливаться. Оторопев от такого с ним обращения, милиционер выхватил из-за опояски плётку и стал расталкивать толпу, чтобы добраться до Колмаковой Анны. Все стояли в оцепенении, не зная как себя вести и что делать. И только лишь Анна знала, что будет дальше делать. Её уверенность в себе немного охладила пыл Петра, но он по-прежнему шёл прямо на солдатку. И уже почти достиг своей цели, и даже руку с плёткой поднял вверх, но неожиданно как вкопанный остановился. Стоящие рядом с ним люди посмотрели на Колмакову, и только сейчас заметили, что в руке она держала серп и глазами ненависти сверлила милиционера. «Только попробуй меня ударить плёткой. Я всю твою харю постыдную вдоль и поперёк изрежу!» - зловеще произнесла она. И хоть негромко это сказала, а её слова услышала вся толпа, которая к тому времени разрослась на всю площадь. Пробирившийся за Зайчиковым райпродкомиссар тоже остановился, и не до конца ещё понимая в чём дело, стал доставать из кобуры револьвер. Но ожившие от оцепенения женщины схватили его за руки, повалили на снег и придавили так, словно каменный гнёт положили в кадушку с натяпаной капустой. «Лежи, не рыпайся. А то и у тебя шаровары снимем», - со злорадством произнесла одна из сидящих на его спине женщин. Зайчиков повернулся назад и не увидев в толпе Горшкова, дурным голосом завопил: «Убью! Расстреляю всех! Всё имущество позабираю и избы ваши сожгу!». «Так ты ещё угрожаешь нам. А ну, держи его, бабы, а я его хозяйству сейчас половинчатую развёрстку сделаю», - попросила Анна женщин, которые без того уже готовы были разорвать человека, который активно помогал продотрядам забирать в их дворах хлеб, мясо и другое имущество. И хоть крупный был мужчина Зайчиков, но не успел он и рот открыть, как оказался на полу. «Ну, чо, баран-производитель, давай команду своим холуям. Пусть выпу-

скают Ваську Губина из темницы. А то мы сейчас штурмом возьмём твою крепость!» - пригрозила Анна. Уткнувшись мордой в снег, волостной милиционер что-то бессвязно выкрикивал, но на уступки бабам не шёл. «Ну, что, граждане, будем брать штурмом тюремные застенки, где сидит такой же, как и мы, обездоленный и униженный односельчанин?!» - обратилась Анна к толпе. «Будем! Брать! Ломать! Бить!» - зашумела толпа и стала тесниться к избе. Внезапно сзади прогремел выстрел, который на время остановил дальнейшие действия толпы. «Не надо штурмовать КПЗ. Через пять минут ваш односельчанин выйдет на свободу. Это я вам обещаю, районный продовольственный комиссар Коротков», - послышался громкий мужской окрик. «Ну, раз обещаешь, то пождём малость», - за всех ответила Анна и добавила: «А твои товарищи пусть пока погрелятся под бабьими подолами. Давно поди туда не заглядывали. Всё никак советскую власть накормить не могут». По толпе вновь пробежал сдавленный смешок.

Пробравшись сквозь толпу баб, Коротков постучал в дверь и когда она открылась, ловко юркнул во внутрь помещения. А ещё через некоторое время дверь распахнулась и на пороге появился Василий. «Ну, чо, гармонист, не били тебя эти изверги в темнице? А то пока самые главные комиссары у баб под подолами, может врезать им как следует?» - спросила Анна. «Спасибо вам, бабы и односельчане, за заботу обо мне. Век не забуду вашей доброты», - успел произнести слова благодарности Василий. «Не торопись радоваться. Эти звери от тебя не отстанут теперь», - с болью в голосе произнесла Анна и обратилась к толпе: «Расходитесь, бабы, по домам. Уже темно на улице и дети вас заждались. Да не забудьте выпустить из под подолов этих орлов ненасытных. А то может им понравилось там, так ещё домой принесёте как клопов». Послышался девичий звонкий смех, который перебивал отборный мат освободившихся от плена двух советских начальников.

Степан ждал друга недалеко от его дома. «С освобождением тебя, Василий Иванович», - поздравил он. «Это ты собрал народ у милиции?» - спросил Василий. «Все принимали участие в этом. Иван Колосов мысль подал, Варвара своих подруг привлекла для обхода домов, а я издали смотрел, как бабы комиссаров под юбки укладывали», - улыбнулся Аверин. «Зачем под юбки укладывали?» - не понял Василий. «А чтобы у них голова стала правильно работать. Да ты у Аннушки Колмаковой по случаю спроси. Она лучше меня про это расскажет», - уже откровенно смеясь, ответил Степан. Потом посуровел и сказал: «Воронко у вас продработники забрали в счёт непогашенных продразвёрсток». «Как

забрали? Да я их поубиваю за него! Где он сейчас?» - взорвался Василий. «На общей конюшне. Только не советую я тебе туда идти. Вмиг снова окажешься в каталажке». «Эх, Стёпка! Ну чо же это творится на белом свете?! Вроде родился я человеком, а прав на жизнь у меня меньше чем у собаки! До каких пор это издевательство продолжаться будет? Зачем мне такая жизнь, если в ней я не имею никаких прав!? Пусть и её заберут, если она им так нужна!» - голосом отчаяния и разочарования произнёс Василий. «Не спеши так дешёво отдавать свою жизнь. За неё ещё и побороться можно», - посоветовал Степан. «Но как? Чо я могу сделать против этих безбожников и супостатов! Коммунисты хуже чумы. От той хоть можно уберечься или вылечиться, а от этих краснощёрых одна дорога – кладбище!» - не успокаивался Василий. «Потерпи немного, друг. Иван сказывал, что во многих губерниях России восстания крестьян поднялись. Да и в нашем уезде то и дело вспыхивают стычки между мужиками и продотрядами. Не только ведь наши семьи они обкрадывают, а по всему уезду продразвёрстки собирают», - сказал Степан. «Если и в нашу волость придёт день возмездия, то я в первые ряды борцов с красной чумой встану», - твёрдо заявил Губин-младший. И как бы для успокоения себя, добавил: «Маманя с тятей поймут меня и не будут удерживать от такого поступка».

Известие о том, что брата освободили, в дом Губиных принесли младшие сёстры. Они были у милиции и видели и слышали всё, что там творилось. Рассказывая об этом взахлёб и перебивая друг друга, сёстры и не заметили, как изменилось лицо отца и посветлело материнское. «Слава Богу. Низкий поклон нашим бабам. Видно всех сплотил безбожный порядок советской власти. Когда уж они успокоятся, ироды, и отстанут от нас?» - произнесла Евдокия Матвеевна и перекрестилась.

Домой Василий пришёл поздно. Находясь в возбуждённом состоянии, он долго не мог от него отойти. И только тогда, когда выпил у Колосова Ивана штоф самогонки, немного успокоился. Но не смотря на поздний час, родители не спали. И как только услышали осторожные в кути шаги сына - поднялись с постели. «А вы почему не отдыхаете?» - удивлённо спросил он. «Тебя поджидали. Есть-то хочешь?» - спросила мать. «Не хочу. А вот молока выпил бы», - ответил Василий. Пока Евдокия Матвеевна лазила в голбец за крынкой

свежего молока, Иван Васильевич рассказал сыну о том, как вели себя после его задержания продотрядчики и красноармейцы. «Воронко жалко очень. Не было у нас ещё такого доброго коня!» - сказал с сожалением Иван Васильевич. «Не переживай, тятя. Уведу я у них его. Дай только срок», - уверенно пообещал Василий. «Может, не надо к этим чертям самому в лапы лезть? Успокоится эта болотная муть, и обзаведёмся мы ещё таким жеребчиком», - сказал отец. «Нет, тятя. Такого, как Воронко у меня уже никогда не будет. Не сможем мы с ним друг без друга жить», - твёрдо заявил Василий. «Теперь из тягловой силы у нас остался только бык. Как посевную будем проводить, ума не приложу. Да и муки в доме на две квашни осталось. Может, ещё наскребу в сусеках пуда три зерна, но его нам дён на десять хватит, не больше. Придётся к Чикиревым в Большое Пинигино ехать на поклон. У них, я думаю, не под метёлку амбары вымели. Семён Матвеевич - тёртый калач. Найдёт где спрятать своё добро. Да и продтройка у них в деревне пока не так лютует. Но не надолго это затишье. Вот зачистят до конца амбары в Большом Сорокино и примутся за деревни. Эти супостаты не успокоятся до тех пор, пока не пошлют по миру всех мужиков», - произнёс пространную речь Иван Васильевич.

На следующее утро, зайдя на территорию пригона попоить оставшуюся живность и подкинуть в ясли сена, Василий тоскливо посмотрел в сторону стойла лошадей и тихо произнёс: «Потерпи немного, Воронко, я за тобой обязательно приду. Не позволю я этим красномордым над тобой издеваться». Если бы он знал, как сопротивлялся Воронко новым властям, то вряд ли смог выдержать это испытание. Управившись с остатками скудного хозяйства, младший Губин взял вилы, пешню и широкую деревянную лопату и приступил к уборке территории пригона от глыз и прочих отходов. За этим занятием его и застал татарин из уватских юрт Гамзат, который привёз в Большое Сорокино два воза мороженных крупных карасей и хотел обменять их на муку и другие товары. С семьёй Губиных он дружил давно и всегда останавливался у неё на постой. Вот и в тот день он подъехал к их двору со всем обозом. Василий прекратил работу по хозяйству и пошёл помогать гостю распрягать коней. «Ты почему такой хмурый, Василий?» - спросил татарин, когда они уже привязали коней в стойле и задали им корм. «А чему радоваться, Гамзат? Продовольственные комиссары нашу семью до нищеты довели. Сравнили с бездельниками и пьяницами. Вон, кроме быка и коровы, больше ничего в хозяйстве не осталось. Как будем жить до весны, чем кормиться - самому богу известно. Да и когда весна придёт - легче не станет. И пахать не на ком и сеять нечего будет», - ответил Василий. «Да, беда пришла в Сибирский край. До наших юрт тоже коммунисты добрались.

Все лисьи шкурки и лосиные рога у меня забрали. Хорошо я успел ружьё спрятать, а то бы и его отобрали. Только одна беда от этой новой власти исходит», - покачал головой Гамзат, и посмотрев на Василия, спросил: «А почему мужики терпят их? Вас же больше, чем красных большевиков». «Что мы можем сделать? За ними власть и вооружённая армия, а у нас на всё село три берданки осталось, да и из тех стрелять нечем», - ответил Василий. «Беда, совсем беда!» - повторил татарин.

Вечером, когда семья Губиных и гость поужинали в кути, Иван Васильевич сказал сыну: «Запрягай завтра в дровни быка и поезжай в Пинигино. Я не утром видел на базаре Николая Стрельцова, так он велел присылать тебя за мукой. Говорит, успели они до остановки мельницы намотать пудов десять. Обещал поделиться. А там и Семён Матвеевич подсобит чем. Не зря ведь вы почти месяц на его полях шоперились». «Хорошо, тятя. Тогда я сегодня пораньше лягу», - ответил Василий, а сам подумал: «С Петром заодно повидаюсь. Может, у него какие мысли есть по поводу борьбы с продотрядами?».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать...
(из басни Крылова)

В порыве революционного мракобесия

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Декабрьское солнце в Сибири светит ярко, но не греет. Да и появляется оно на небосклоне не очень часто, словно специально уступая своё место тяжёлым снежным облакам. А из тех неделями напролёт валит хлопьями снег и покрывает землю толстым пушистым одеялом, способным сохранить от холода всё живое, чтобы оно, дождавшись весны, вновь расцвело и продолжило свой земной круговорот. Ну, а когда однажды утром солнце всё таки появляется на востоке и своими оранжево-красными лучами начинает ощупывать землю, то вся округа замирает в преддверии лютого мороза. Хорошо ещё, если он придёт без ветра. Можно хоть как-то сберечь тепло в домах и хлевах и защитить от простуды детей и домашний скот. Но если сизый дым из печной трубы начинает прижиматься к крыше в южную сторону, то на душе людей становится тревожно и тоскливо. В такие дни они стараются делать всё от них зависящее, чтобы не допустить материальных потерь. Почти круглосуточно топят печи, сохраняя не только тепло в избах, но и грея поило для скота. И хотя обычно северный ветер задерживается ненадолго, урон крестьянским хозяйствам он наносит ощутимый всегда. Раньше, в спокойные царские времена, крестьяне знали, как справляться с такими природными явлениями, и заготавливали столько дров, зерна, овощей и сена, сколько могло потребоваться в даже самую лютую зиму. Но с приходом советской власти на территорию Сибири - всё кануло в лету.

Ранним холодным утром 27 декабря, когда до рассвета оставалось ещё часа два, Василий запряг огромного рыжего быка в дровни, бросил на них охапку сена, положил большой и тяжёлый мешок с замороженными карасями, привезённых в подарок Гамзатом, и ещё один поменьше - с разными гостинцами, накрыл всё это сверху старым овчиным тулупом, и взяв в руки вожжи, уверенным голосом скомандовал: «Циля! А ну, пошёл!». Словно категорически отказываясь выполнять команду, бык резко мотнул головой, но немного постояв, сделал

первые шаги по направлению к широко открытым тесовым воротам. Василий пошёл рядом с дровнями. В это время на крыльце появился Иван Васильевич и громко произнёс: «Ты смотри, паря, у Лисафиды долго не задерживайся. Ночку отдохни с дороги, а завтра к паужну будь дома. И не забудь передать от меня поклон всем родственникам. Если они нам не помогут, то придётся всех овец и нетель под нож пускать. Так и скажи». «Не беспокойся, тятя. Всё исполню, как велите», - ответил Василий, и выехав за ворота, повернул направо, в сторону моста через Ик. Иван Васильевич закрыл за ним тяжёлые тесовые ворота, что-то буркнул под нос, отряхнул на широком крыльце от снега пимы и направился в избу.

Продвигаясь по улице родного села, Василий хотел было заставить быка ускорить движение и с протяжкой прошёлся по его широкой спине кнутом, но бык недовольно дёрнул задней ногой, махнул хвостом, однако ускорять шаги не стал. «Да, Буран, ты не Воронко. На том бы в два счёта до Большого Пинигино доскочил. А на тебе полдня придётся ползти», - с сожалением подумал Василий и продолжил идти рядом. Неожиданно мимо него проскочил Букет и поравнявшись с головой быка, звонко залаял. «А тебя кто звал с собой? Как ты вылез из под сеней? Я ведь специально тебя там закрыл, чтобы не увязался. А ну, марш домой, пока и тебя кнутом не огрел!» - пригрозила Василий. Но словно не слыша угрозы хозяина, Букет весело помахивал пушистым хвостом и продолжал лаять на быка. Тот косился на кобеля злыми, налившимися кровью глазами и, нехотя, ускорял движение. «Вот жулик! Слышит же, что ругаю его, а делает вид, что не понимает. Ну да ладно, оставайся. Втроём всё веселее будет», - сдался молодой мужчина и улыбнулся. Настроение хозяина одобрил и Букет, и с ещё большим упорством продолжил раздражать быка. Преодолев мост и поднявшись в небольшую горку правого берега, Василий сел на самый зад дровней и стал медленно уходить в мысли о событиях последних дней. «Что-то не так делают новые власти. Разве можно над мужиками и бабами издеваться без конца? Нельзя так сильно натягивать пружину у ружья. Сорвётся боёк и произойдёт выстрел. Весь воздух вокруг пропитан ненавистью к коммунистам, которые стоят во главе большевистских советов. Не успеет власть сообразить что к чему, и может оказаться не у дел. И кто их так травит на свой народ? Прежде чем отбирать у мужиков нажитое годами добро, комиссары должны были объяснить причину возникновения этих развёрсток. Может, люди бы поняли их и добровольно отдали на общее дело свои запасы. Но ведь не до нитки же их обдирать! Сибиряки, хоть и сильный духом народ, но и у них терпения может не хватить. А если не сдюжат, то жди беды во всём Ишимском уезде, а может даже и губернии», - размышлял он, медленно двигаясь

по санному тракту. Губин-младший был уже на полпути, когда солнце стало показываться над покрытыми сказочной красоты узорами, макушками берёз. Василий отошёл от тяжёлых раздумий и стал глядываться в лесную чащобу, где так же, как и у людей, начинался новый день. Свежие заячьи одиночные следы, появляющиеся из под шапок снега, нависшего на ветвях, сливались в одну мощную тропу, уходящую в глубь плотного осинника. Чуть поодаль от санного пути, из сугробов стали вылетать белые куропатки, и совершив небольшой перелёт, падали прямо в кусты тальника. «Совсем потеряли страх», - произнёс Василий, заметив на двух высоких берёзах, стоящих рядом с дорогой, сидящих косачей. «Пожалуй, десятка три будет. Жалко, что ружья нет. А то бы на хороший суп мог добыть дичи», - вслух произнёс Василий. Он всмотрелся в глубину берёзового колка, и даже с досады прикрикнул: «Какой красавец стоит! С такого лося мяса на всю зиму нам хватило бы!». Вася вспомнил, как ещё до службы в царской армии они с отцом часто уходили в местные леса, а иногда и в тайгу на охоту, и каждый раз возвращались с богатой добычей. «Что это за жизнь наступила? Даже ружьё в доме нельзя держать! Мы же среди лесов и полей живём, а не в городе», - снова вспомнил он о своей бесправной доле. Почуввав лося, Букет остановился. На его загривке вздыбилась шерсть, а кольца пушистого хвоста стали подрагивать. Всем своим видом он показывал, что готов ввязаться в бой с огромным животным и ждал команды. Но, не дождавшись, Букет с лаем сорвался с места и рванул в сторону сохатого. Сделав несколько прыжков и оказавшись по уши в снегу, он остановился, несколько раз громко твякнул и повернул обратно по своему следу. «Что, не понравилось в снегу барахтаться? Это тебе не кур по двору гонять», - ехидно произнёс Василий. Букет виноватыми глазами посмотрел в сторону хозяина и вновь продолжил свой путь впереди быка.

Не доезжая деревни Зорьки, которая на карте волости появилась в 1910 году, Василий услышал конское похрапывание, раздающееся сзади. Он оглянулся, однако преследователей не заметил. В этот момент, Букет вдруг прижал уши, радостно замахал хвостом и стрелой помчался в обратную сторону. «Что это с ним? Может, кто знакомый едет?» - подумал Василий и попробовал свернуть с санного пути на обочину, чтобы пропустить ездовых. Но быку его затея не понравилась, он никак не реагировал на старания хозяина. Ему явно не хотелось залезать в сугроб по самую грудь. Василий соскочил с дровней, зашёл к Бурану спереди и с силой потянул его за рог вправо. Но здоровенный бык стоял как вкопанный. «Вот глупое животное, неужели тяжело уступить дорогу своему собрату?» - произнёс Василий, но применять меры физического

воздействия к единственной тягловой силе в семье не стал. Вскоре из-за поворота на полной рыси выскочил Воронко, запряжённый в кошёвку, и стал быстро приближаться. «Конь ты мой верный, друг ты мой родной, каких подонков ты теперь возишь?» - успел подумать Василий, как произошло неожиданное. Бежавший со всех ног впереди Воронко и повизгивая от счастья, что в этом лесу встретил знакомого ему с детства коня, Букет вдруг остановился перед самыми дровнями, сел на задние лапы и громко залаял. Воронко резко затормозил, встал на дыбы и мощно заржал. От внезапности, трое сидящих в кошёвке, кубарем выкатились из неё и зарылись в снег лицом. И лишь Зайчиков, который держал в руках вожжи, удержался и распластался поперёк кошёвки. Заметив Губина Василия, он смачно обложил его матом и со злостью выкрикнул: «Ты что, колчаковский прихвостень, заснул что ли? Убирайся с дороги, а то я из твоего быка тушу мяса сделаю!». В то время, когда он орал на Василия, а попутчики отряхивались от снега, Воронко, причмокивая губами, подошёл вплотную к молодому хозяину и протянул голову. Василий погладил коня и тихо сказал: «Потерпи, дружок. Скоро я тебя заберу». Он ещё не знал, как это сделает, но был твёрдо уверен, что это произойдёт.

Первым не выдержал сцены встречи жеребца со своим хозяином Зайчиков. Он выпрыгнул из кошёвки, подбежал к Василию, оттолкнул его, схватил за удила Воронко и с силой стал тянуть за собой. Не остались в стороне и его сопровождающие - Горшков, Живописцев и Зверин. Один из них ударил кнутом Воронко, а второй наотмашь опустил рукоятку нагана на голову Василия. Воронко встrepенулся, свернул с санного пути и стал прыжками пробивать себе дорогу в глубоком снегу. К этому времени к затору на трёх подводах подъехало десятка полтора красноармейцев под началом райпродкомиссара Короткова и уже по проторённому пути объехали упрямого быка. «Мы ещё с тобой встретимся, колчаковский каратель», - пригрозил Зайчиков и запрыгнул в кошёвку. «Придёт время, встретимся обязательно. Но только один на один», - выкрикнул молчавший до сих пор Василий. Букет бросился было вдогонку за Воронко, но поняв, что его хозяин едет на быке, развернулся и сходу стал с повизгиванием лаять на Бурана. «Лай, не лай, Букет, а Буран никогда не станет Воронко и не побежит также скоро», - произнёс в слух Василий. И тут он почему-то вспомнил глаза Полины, хотя в последнее время её образ никогда и не покидал его воображение. Но сейчас он вспомнил именно глаза девушки. «Какие они у неё бездонные, словно мир вселенной. А искорки, как звёздочки на небе. Сколько в этих глазах спокойствия и теплоты. Как жаль, что я её увидел в такое тяжёлое и смутное время», - подумал Губин-младший и грустно улыбнулся.

Четыре версты от Зорьки до Большого Пинигино он полз не меньше часа. Не доезжая до поворота в деревню саженой сто, Василий услышал шум голосов, ржание лошадей и металлический набат как при пожаре. «Чо там случилось? Неужели пинигинские мужики продотрядовцев в деревню не пускают?» - подумал он и невольно рука потянулась за кнутом. Выехав на чистое место и повернув налево, он не сразу смог разобраться в происходящем впереди. Не менее сотни мужиков и молодых парней, сидя на вершине лошадей, размахивая кнутами и громко выкрикивая какие-то слова, кружились вокруг обоза продотрядчиков и не давали им возможности вырваться из живого кольца. Василий подъехал поближе и остановился. Сквозь редкие просветы между снующими по кругу конными, в середине обоза продотрядовцев он заметил кошёвку, на которой во весь рост стояли волостной милиционер и представители тройки. А сопровождающие красноармейцы, прижавшись друг к другу и держа винтовки наизготовке, с четырёх сторон прикрывали их от возможного нападения. Стараясь перебить гул голосов, председатель тройки Горшков не кричал, а визжал: «Граждане Большого Пинигино и других деревень, мы прибыли к вам от имени и по поручению советской власти, для того, чтобы помочь закончить выполнение продразвёрсток. Ваши хозяйства медленнее всех остальных деревень Большесорокинской волости сдают на хлебоприёмные пункты зерно прошлых урожаев и нынешнего. Из-за вас волость является отстающей по всем показателям во всём уезде. Партия коммунистов и советская власть не могут допустить такого безобразия. Мы вынуждены будем принимать самые действенные меры, вплоть до карательных, в отношении тех хозяйств, которые прячут от власти зерно, муку и фураж. Советская власть не потерпит контрреволюции в сибирской деревне!». Из толпы вышел широкоплечий, с окладистой бородой, мужчина, в котором Василий узнал своего дядьку - Семена Матвеевича, и остановился напротив кричащего Горшкова. Гул голосов стих и он произнёс: «Вы, товарищи коммунисты, не только продовольственное зерно уже забрали, но и семенное выгребли из амбаров. Чем теперича мы будем засеивать поля весной? Вашими сказками о счастливом будущем? Как оно может стать счастливым, если семьи свои нам кормить нечем будет? Не дадим больше ни зернинки вам. А если попробуете силой взять, защищаться будем». «Это бунт! Вы враги советского народа! Я всех зачинщиков бунта под трибунал отдам! А ну, очистите продотряду дорогу! Где председатель сельского совета? Почему я его не вижу?» - вновь завизжал Горшков. Рядом с Семеном Матвеевичем встал Кирпичёв Игнат, глава сельской власти, и заявил: «Ты, товарищ Горшков, не ори на мужиков. Криком дело не решишь, а только

испортишь. С мужиками разговаривать спокойно надо, тогда может и поймёте друг друга». «С кем здесь разговаривать, если они волками на нас смотрят?» - выкрикнул председатель продтройки. «С волками жить - по-волчьи выть», - ответил Семен Матвеевич. «Хорошо, давайте в сельском совете поговорим. Может, и правда без чрезвычайных мер всё обойдётся», - согласился Горшков. «Вот и правильно. Оставляйте обоз здесь и пойдём до совета пешком», - предложил Кирпичёв. Горшков вопросительно посмотрел на членов продтройки и райпродкомиссара Короткова и через некоторое время ответил: «Согласны. Но только чтобы красноармейцев мужики не вздумали разоружать». «Не беспокойся за это, комиссар. Мужики тоже крови не хотят», - заверил Чикирев Семен Матвеевич.

Участвовать в переговорах со стороны деревенских мужиков вызвалось человек десять. Подумав, Кирпичев решил это количество уменьшить вдвое. «Избёнка сельсоветская небольшая и вместить всех желающих не сможет. Поэтому на переговоры пойдут по одному жителю от Городищ и Малого Пинигино. Трое, включая меня от Большого Пинигино, а кто конкретно, решайте сами», - заявил он. И уже через десять минут делегация мужиков определилась поимённо. В неё вошли - от деревни Городищи - Щёлкин Сергей Иванович, от Малого Пинигино - Сугоняев Пётр Фадеевич, а от Большого Пинигино - Чикирев Семен Матвеевич, Субботин Фёдор Андреевич, а также председатель сельского совета - Кирпичёв Игнат. Продтройка, райпродкомиссар и волостной милиционер, посоветовавшись между собой, решили идти в полном составе. Оставив старшим обоза одного из красноармейцев, они направились следом за мужиками.

Пока образовалось небольшое затишье, Василий пробрался к Петру сквозь толпу неостывших ещё мужиков и поздоровался. «А ты, братуха, как здесь оказался?» - удивился Пётр. «Да вот, на быке припилил. С темна к вам добирался», - ответил Губин-младший. «Не в самое удачное время ты появился. Видишь, какая буча у нас здесь заваривается? Совсем обнаглели подразвёрсточники. По третьему кругу решили наши амбары скрести. Даже семенное заставили вывезти на сыпной пункт в Ишим. Говорят, весной мол отдадут, а сами в вагоны его затаривают. Наши мужики ездили, смотрели, что они с ним делают. А то, которое не отправляют, ссыпают в один ворох. И чо от него останется к весне? Сгорит весь, да и всё. В общем, жители деревни решили больше не отдавать куманькам ни одного зёрнышка, даже если дело дойдёт до драки. И так уже нас на голодном пайке оставили», - решительно заявил Пётр. «Да и у нас, бра-

туха, тоже не лучше. Все хозяйства в селе вверх дном перевернули и всё добро отняли. В нашей семье даже ни одной лошади не оставили. Ума не приложим с тятей на ком весной пахать и боронить будем. Воронко очень жалко. Вон он в обозе стоит. Теперь на нём волостная советская власть раскатывается. Всё равно я его от них уведу!» - произнёс Василий. Во время разговора к ним подошла Елизавета. «Здравствуй, Василий. Ты это с какими ветрами у нас сегодня оказался? Как там мама с тятей себя чувствуют? Почитай, с самого лета я их не видела». «Как они себя чувствуют? Да не шибко и хорошо. Вот послали к вам муки занять. Твой Николай тятя обещал немного дать. У нас-то большаки под метлу подчистили сусеки», - ответил брат. «Да и у нас ты шибко не разживёшься. Тоже на голодном пайке сидим», - предупредила старшая сестра. «Ладно, братуха, очень-то не переживай. Найдём чо-нибудь для тебя. Главное, этих супостатов из деревни выгнать», - весело подмигнул Пётр. «Идут!» - громко крикнул кто-то из толпы. «Смотри, какие злые куманьки. Не договорились они с нашей делегацией», - добавил другой. «Хрен им, а не хлебушек. Пусть вначале сами его вырастят, а потом скажут, каким потом он мужику даётся», - выкрикнул третий, и в толпе кто-то засмеялся.

«Товарищи, граждане, ваш настрой против советской власти вынуждает нас принять самые крайние меры воздействия. И так как мы не нашли общего языка и взаимопонимания с уважаемыми жителями ваших деревень, то даём на раздумье срок до утра. И это будет последний срок, после чего мы будем действовать согласно приказа руководства губернии и уезда. Думайте, товарищи граждане. Хорошо думайте», - картинно выставив руку вперёд, выкрикивал Горшков, стоя в кошёвке. «А чо нам думать. Это вы думайте, как вам до утра дожить», - раздался весёлый голос. «Вы что, ещё и угрожать нам будете? А это уже пахнет бунтом!» - взъелся Зайчиков. «Смотри, сам к утру пахивать не начни», - огрызнулся всё тот же весёлый голос. Милиционер схватился было за кобуру, но Горшков остановил его. «Не надо злить их. Ещё успеешь рассчитаться с этими бородатыми мужиками», - тихо сказал он. Заметив движение милиционера, толпа вновь зашумела. «Кровушки мужицкой захотелось? Да мы тебя, красномордый, как вошь раздавим. А ну, давайте улепётывайте туда, откуда приехали!» - прорычал Субботин Степан, широкоплечий, огромного роста молодой мужик. «Хорошо, мы сейчас уедем, а завтра снова прибудем за ответом», - ответил Горшков и приказал командиру продотряда №85 разворачивать обоз в сторону Большого Сорокино. «Вот бы и сразу так. А то ревтребуналом стали стращать. Чо нам его бояться, коли мы и так до нитки обобраны советской властью», - произнёс Субботин Степан.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Проводив непрошенных гостей версты две, и оставив заслонные кордоны на дороге, мужики вернулись в деревню. «Ну, что, граждане? Расходитесь и разъезжайтесь до утра по домам, а желающих обсудить положение, прошу в сельсовет», - предложил Кирпичёв Игнат. «Зачем много людей набирать. Кто в делегации был, тот и к тебе пойдёт», - поставил точку Чикирев Семён Матвеевич и добавил: «А то у тебя бражки на всех не хватит». «Браги у меня, Семён, нет, а вот чаем хорошим с ватрушками угощу», - ответил председатель сельского совета. «Чаем-то, поди, тебя комиссары снабжают?» - подколот Сугоняев Пётр Фадеевич. «Иногда и они привозят», - не стал отнекиваться Кирпичёв. «Вот и хорошо. Узнаем, хоть какой чай эти кровопийцы пьют», - согласился Сугоняев.

Заночевал Василий у сестры Елизаветы. С вечера они долго разговаривали, вспоминали прошлую жизнь, и только к утру уснули. Её муж Николай, посидев с ними с часок и выпив кружку браги, ушёл в горницу и лёг спать. А рано утром к ним в избу прибежал Пётр и прямо с порога заявил: «Наших деревенских мужиков сегодня ночью красные в плен взяли. В том числе и батю моего». «Как взяли в плен? Они же с председателем в сельсовете остались?» - удивился Василий. «Там их и арестовали». «А где сейчас куманьки?» - спросил проснувшийся Николай. «В селе, наверное. Где же им ещё быть. Даже дозорные не усмотрели, как это всё произошло», - ответил Пётр. «И чо делать собираетесь?» - спросил Василий. «Если до вечера мужики не вернуться, завтра утром садимся на коней и в Большое Сорокино. Отбивать их будем у куманьков», - ответил Пётр. Потом посмотрев на Василия, сказал: «Тебе надо домой возвращаться. Если чо, то со Степаном и другими дружками поможете нам. Поэтому, запрягай своего быка и поедем за мукой», - предложил Петр и они вместе вышли на улицу из избы. «Вася, а позавтракать-то?» - вскрикнула Елизавета. «У нас поест. Некогда нам чаи распивать», - ответил Пётр. «Ну, пока ты быка запрягаешь, Николай мешок

ржаной муки положит на дровни, а я гостинцы родителям соберу», - сказала старшая сестра и кинулась в куть налаживать посылку.

Плотно покушав, Василий и Пётр направились в сторону деревни Сергино, где Чикиревы распахивали большую и очень плодородную гриву. Подъехав к берёзовому колку, Пётр приказал: «Оставляй своего быка здесь, а сам садись ко мне в дровни. На твоём-то транспорте к захоронке не подобраться». Свернув в колок, Петр минут десять крутился по только ему известной тропе и забравшись в непроходимый высокий тальник, сообщил: «Приехали. Слазь с дровней. Пойдём лаз в погреб вскрывать».

Через полчаса, достав из укрытия два мешка муки и мешок зерна, они вернулись к транспорту Василия, перекинули на дровни груз, а сверху набросали сена. «Ты, братуха, поезжай отсюда сразу в сторону Петровки, а от неё - на Осиновку. Дорога хоть и хуже основной, но для твоего быка разницы нет никакой», - посоветовал Пётр и прощаясь, добавил: «Так если чо, то вы подмогните нам немного». «Не сомневайся, брат. У самого руки чешутся. Ты только бы знал, как мне хочется по их красным мордасам надавать», - уверенно заверил Василий.

До деревни Петровки, а затем и до Осиновки, Губин младший добрался без происшествий. Встретились на пути несколько подвод местных крестьян, но Василий никого из них не знал, поэтому разъезжался с ними без лишних разговоров. И только когда петровская дорога вывела на сорокинскую, его стало одолевать тревожное предчувствие. А вскоре это предчувствие приобрело реальные очертания. Когда до Большого Сорокино оставалась не более вёрсты, он заметилдвигающийся навстречу вооружённый отряд, состоящий из семи санных упряжек, на которых сидело по пять красноармейцев, и из десятка верховых. «В Большое Пинигино направились! Усмирять мужиков будут!» - догадался Василий, и сжал кулаки. Чтобы не привлечь к себе ненужного внимания и освободить дорогу, он соскочил с дровней и потянул изо всей мочи правую вожжину. Но все его усилия оказались тщетными. Бык, как и в прошлый раз, категорически не захотел выполнять команду хозяина.

Первыми к Василию подъехали верховые, среди которых был и волостной милиционер. «Опять дорогу перекрыл! Второй день путаешься у нас под ногами, как говно на конном дворе? Что там у тебя под сеном лежит? Хлебушек народный прячешь? А ну, бойцы, досмотрите его дровни», - приказал Зайчиков. С первых саней соскочили два красноармейца и направились к Василию. Поняв, что он обречён, и то, зачем ездил в Большое Пинигино, будет отобрано, младший Губин машинально схватил лежащий на дровнях кнут и стал в позу

обороняющегося. «Не подходите! Не вами положено, не вам и брать!» - твёрдо произнёс он. «Вы только поглядите, какой грозный колчаковский прихвостень! Поди не одну душу загубил крестьянскую, когда хотел власть вернуть царскую? А как самого за холку взяли, лягаться начал. Не нравится ему, что нынче не у власти находится. Прекращай уросить, Губин, как молодой жеребец! Дурь-то из тебя офицерскую быстро вышибем!» - пригрозил Зайчиков. «Да чо вы с ним возитесь?! Связать этого бандита и отвезти в волостную каталажку. А вернёмся из Большого Пинигино, переправим вместе с прочими арестованными в Ишим», - приказал Горшков и добавил: «Там быстро его объездят и заставят народную власть любить».

Подошедших красноармейцев, Василий без особого напряжения разбросал по сторонам дороги. Но в это время прогремел выстрел, и последовала команда начальника отряда 183-го полка Зубринского: «Взять мерзавца! Бей по его мужицкому рылу прикладом!». Но и поспешившие на подмогу трое красноармейцев не сразу смогли выполнить указание начальства. И лишь тогда, когда Василий, зацепившись пимом за угол дровней, упал на дорогу, они все разом навалились на него. Закрутив Губину-младшему руки за спину и затянув на их запястьях ремни, красноармейцы стали остервенело избивать его ногами и прикладами. Понаблюдав минут пять, с ухмылкой на губах, за их зверством, Зубринский процедил: «Пока хватит с него. Грузите». Два красноармейца закинули обмякшее тело Василия на дровни, и один из них спросил: «А быка и муку куда деть?». «Сдадите в общественный фонд, а документ предъявите товарищу Горшкову», - ответил командир и отряд двинулся дальше.

За всё, что произошло на дороге, Василию было обидно и стыдно. Обидно за то, что не довёз муку и зерно до дома, а стыдно, что вновь не смог дать достойного отпора обнаглевшим комиссарам. Он даже боль не чувствовал из-за расстройства. «Теперь всех мужиков пинигинских арестуют. Вряд ли те окажут сопротивление вооружённому отряду. Человек двадцать пять, ни меньше, красноармейцев будет. И у каждого винтовка. А окромя их, ещё пятеро комиссаров и милиционер с наганами и шашками», - размышлял Василий. Потом в памяти вдруг проскользнуло лицо Кирпичёва Игната, который сидел в последних санях. «А его почему они отпустили? Забрали-то вместе с остальными мужиками. Неужели он специально их к себе в совет заманил?» - закралось у него подозрение.

Оказавшийся в каталажке, Василий был сразу же окружён пинигинскими заложниками. «Ты как сюда попал? Из деревни-то когда выехал?» - спросил

племянника Семён Матвеевич. «Утром сегодня. Петро загрузил меня мукой, и я поехал через Петровку домой. А не доезжая с версту до Большого Сорокина, оказался на пути отряда красноармейцев, которые, как я понял, поехали утихомиривать деревню. И Кирпичев с ними», - ответил Василий и добавил: «Петро меня предупредил, что пинигинские мужики собираются напасть на каталажку, чтобы освободить вас, и просил помочь им, а я вот сам сюда угодил». «У тебя, племяш, чо глаз-то затёк? Били ичёли?» - спросил дядька Семён. «Было немного», - нехотя ответил Василий. «Большой отряд в Большое Пинигино направился?» - поинтересовался Субботин Фёдор Андреевич. «Человек тридцать с комиссарами будет», - ответил Василий и спросил: «А вас-то они как арестовали? Вроде с вечера в Большое Сорокино направлялись?». «Перехитрили куманьки нас. Добрались до Зорьки и остановились в деревне у кого-то. Подождали до полуночи и вернулись к нам. Да так тихо, что даже собаки не учуяли. А мы в это время в сельсовете промеж собой беседы вели. Вот и добеседовались», - со скорбью в голосе произнёс Сугоняев Пётр Фадеевич. «А как же дозоры, которые выставлялись на дорогах?» - спросил Василий. «А чо, дозоры? Ребяшня. Какой с них спрос. Поди, покатались на верхних часочка три, замёрзли, да и по домам разъехались. Надо было мужиков к этому делу привлечь», - ответил Семён Матвеевич. «Дядя Сёма, а не мог председатель сельсовета вас специально к себе пригласить? Уж больно, как-то подозрительно всё это», - спросил Василий. «А холера его знает. Вроде шоперился с нами и у сада и во время разговора с комиссарами. Не видел я, чтобы он отдельно с кем-то из них разговаривал», - неуверенно ответил Чикирев-старший и добавил: «Поживём – увидим».

В Большое Сорокино отряд продрабтников и красноармейцев вернулся только через день. За всё время отсутствия волостного начальства к задержанным никто не показывался. Не пускали к ним и их родственников, которые, узнав об аресте близких, стали собираться на площади перед милицией. Василия и всех мужиков очень беспокоило это томительное ожидание и они постоянно просили охранников рассказать о том, что творится в Большом Пинигино. Но запуганные начальством, те даже не вступали с ними в разговоры. Однажды, выходя в очередной раз в сопровождении красноармейца во двор по нужде, Василий посмотрел по сторонам и подумал: «Бежать надо отсюда. Если меня отвезут в Ишим, то дома мне уже всё равно долго не быть. А может и вообще больше родителей не увижу». Вернувшись в помещение каталажки, он подсел на лавку к дядьке и сказал: «При первой же возможности я попробую убежать. Если мне это удастся, то передай родителям, чтобы не искали меня. Я к ним сам наведываюсь, когда можно будет». «Ты, чо это удумал, Васятка?

Тебя же могут застрелить при побеге! Подожди немного. Может всё мирным путём рассосётся». «Для меня мирно это не закончится. Комиссары один раз меня в Ишимской тюрьме держали, один раз я уже здесь сидел, да ещё сопротивление оказал во время последнего задержания. Нет, дядя Семён, бежать мне отсюда надо». «Куда побежишь-то? На дворе зима, где прятаться станешь? Это летом можно в лесу укрыться. А в деревне тебя быстро схватят». «Не знаю пока, где прятаться буду. Вначале сбежать из этого ада надобно, а уж потом и кумекать, где переждать какое-то время».

Окончательное решение о совершении побега, он принял после того, как из Большого Пинигино вернулись комиссары и отряд красноармейцев. Арестованные ими и привезённые в Большое Сорокино Жуков Никита Давыдович, Стольников Осип Прокопьевич и Фирулёв Николай Алексеевич рассказали в подробностях о событиях, которые произошли во время повторного пребывания в деревне куманьков. Оказалось, что дело дошло до применения оружия со стороны красноармейцев, в связи с чем несколько жителей Большого Пинигино были ранены. «Мужики, как можно при такой власти дальше жить, если она стреляет в безоружных людей?!» - воскликнул Субботин Фёдор Андреевич. «А что мы можем сделать? Кто за нас заступится? Не нужен новой власти сибирский мужик. Под самый корень она его вырежет. Не нравится куманькам, что мы при царе хорошо жили», - пророчески ответил Жуков Никита Давыдович. Слушая старших, Василий в мыслях не переставал повторять: «Убегу! Убегу или погибну. Другого варианта стать свободным у меня нет».

На улице уже давно стемнело. В маленькое окошечко, через которое поступал наружный свежий воздух и выходил из переполненной комнаты затхлый, Василий невольно наблюдал за падающими звёздами на тёмно-синем небосклоне и собирался с мыслями. «Пора. Завтра 30 декабря, нас обязательно повезут в Ишим. На новый год в Большом Сорокино не оставят. Дорогой мне вряд ли удастся убежать от конвойных. А здесь такая возможность есть. Тем более, что Воронко ночью стоит в общественной конюшне. Если даже сторож и вооружён, то я его внезапностью обезоружу», - решил он и подошёл к толстой входной двери. Стукнул кулаком по ней раз, затем, посильнее, второй и стал ждать. «Кому спокойно не сидится?» - пробурчал недовольный голос за дверью. «Слушай, служивый. Чо-то пузо схватило и сильно раздуло. Вот-вот из всех щелей попрёт», - ответил Василий. «Ну и вали под себя», - ответил голос за дверями и засмеялся. «Ты, чо, не человек, чо ли? Не по-божески поступаешь. Зачем только тебя мать на свет пустила», - стал задираться Василий. Через не-

которое время дверь приоткрылась, и молодой красноармеец сказал: «Если ещё у кого живот ненадёжный, то пойдём сразу, чтобы всю ночь вас во двор не выводить». Но желающих, кроме Губина-младшего больше не нашлось. Мужики сидели молча на лавках и о чём-то своём думали. «Выходи. Только смотри, аккуратнее там. А то неровен час провалишься в дыру под пол прямо в жижу», - предупредил часовой и вновь засмеялся. В это время к ним подошёл второй караульный и посоветовал: «Повнимательней с этим парнем будь. Он уже не первый раз у нас». «У меня не забалуется. Враз прикладом охотку отобью», - успокоил его напарник и толкнул Василия в спину.

«Красноармеец сказал – прикладом, а это значит, что с патронами у него дело плохо обстоит. Иначе он бы по-другому выразился», - подумал Василий и на душе стало немного легче. Не доходя до отхожего места, он притормозил и стал озираться по сторонам. «Ты чего это по сторонам зыркаешь? Не бежать ли задумал», - с тревогой в голосе спросил охранник, и на всякий случай передёрнул затвор винтовки. «Видно, есть патроны, а то зачем бы ему затвор передёргивать», - подумал Василий, а вслух сказал: «Не бойсь. Место ищу, где живот опорожнить. А то в нужнике темно поди». «Ничего, зараз не утонешь. Выловлю», - съязвил охранник. «Ну, смотри. Ты за меня в ответе», - сказал Василий и резко прибавил ходу. «Ты куда сорвался? Боишься, что в портки наложишь?» - спросил охранник и устремился за конвоируемым. До нужника оставалось сажени три. Василий резко остановился, развернулся и рванулся в сторону красноармейца. Не успел тот сообразить, что произошло, как Василий выхватил у него винтовку и мощным ударом колганом в лицо завалил в сугроб. Не раздумывая более ни секунды, Губин-младший с силой опустил приклад винтовки на голову охранника и не медля побежал к изгороди, отгораживающей казённый двор от базарной площади. Перемахнув через жерди, Василий рванул в сторону общественной конюшни.

Никита Губин с недавних пор новой властью был приставлен к коням и почти круглосуточно находился на службе. Домой ему не хотелось идти по причине многодетности и сварливой жены, которая пилила его по всякому случаю. Особенно Настя не любила, когда от мужа пахло самогонным перегаром. А он, бедный, без этой жидкости внутри чувствовал себя обиженным, оскорблённым и очень маленьким человеком. Вот и в этот раз, как только стало темнеть и вероятность прихода начальства в конюшню была почти нулевая, он достал из схрана бутылку и дважды приложился к ней. Настроение сразу улучшилось, смысл жизни определился и значение собственной персоны повысилось. Что-

бы закрепить позитивные изменения, он хотел было приложиться в третий раз, но в это время в каморке неожиданно появился дальний родственник и командирским голосом спросил: «Где уздечка и седло с Воронко?». «Откуда ты взялся здесь? Ты же в каталажке должен сидеть?» - промямлил Никита, но взглянув на родственника, тут же осекся. «Грозен больно. Кабы по шее не надавал. Наверное, до сих пор злится на меня, что я с продотрядчиками к ним на двор приходил?» - подумал он и показал на амуницию. Василий быстро вывел Воронко из общего стойла, накинул на его спину попону, затянул у седла подпруги и дёрнув жеребца под узцы, стал быстро покидать пригон. А уже через минуту он сидел на вершне и резко дёргал рукой поводья. Обрадовавшись долгожданной встрече с хозяином и ощутив его настроение, Воронко мощной рысью понёсся в сторону моста. Уже поднявшись на правый берег Ика, Василий остановился и стал лихорадочно думать – в какую сторону рвануть. «В Большое Пинигино нельзя. Там меня быстро словят. В сторону города не прорваться. Кругом разъезды комиссарские рыщут. Да и в Буньково к тётке бесполезно ехать. У неё меня будут в первую очередь искать. Только если в Знаменщики, к Гришке рвануть? Не выгонит и не выдаст, чай. Проживу дня три, а потом придумаю, куда дальше податься», - принял решение он и отпустил поводья. Поняв команду, Воронко вновь сорвался с места навстречу своей и хозяина свободе. Спрессованный между подков снег с огромной силой вылетал из под копыт и пулемётной очередью обстреливал дорогу. И хоть на дворе господствовала ночь, холодные блики яркой луны матовым светом освещали санный путь и прилегающую к нему окрестность.

Преодолев почти тридцать вёрст, через полтора часа Василий уже оказался на окраине Знаменщиков. Чтобы не поднимать лай деревенских собак и не попасть любопытным на глаза, до дома товарища добирался шагом. Спешившись с коня, он подошёл к окошку, который выходил на улицу и постучал. Через некоторое время скрипнула сенная дверь и раздался негромкий голос: «Кто там?». «Гриша, это я, Губин Васька. Открой побыстрее ворота», - ответил нежданный гость. «Ты чо это на ночь глядя прискакал? Что-то случилось?» - спросил Григорий. «Ты сначала открой ворота, а потом уж и поговорим», - поторопил товарища Василий.

В избе Григорий жил вдвоём с женой Марьей, с которой повенчался сразу после уборки урожая. Василий тоже оказался в числе приглашённых гостей и был дружком со стороны жениха. Поэтому твёрдо верил, что не чужой этой семье, и она не оставит его без крова, хотя бы на короткое время. Родители

Григория жили в соседнем большом крестовом доме, а эта изба досталась ему от деда, который совсем недавно помер. «Ну, выкладывай, что тебя привело к нам?» - спросил хозяин, когда они перекусывали в кути. Разогретый стопкой крепкой самогонки и сытным гусиным супом, Василий не спеша рассказал товарищу обо всем, что пережил в последнее время. «Да, дорогой товарищ, несладко тебе пришлось. Хотя и нас здесь в покое эти комиссары не оставляют. Совсем совесть потеряли. Забирают всё подряд. Даже пимы и шерстяные носки отбирают», - сказал Григорий и спросил: «А дальше что собираешься делать? У меня-то ты долго не просидишь. Всё равно кто-нибудь увидит тебя и выдаст властям». «Мне бы день-два отдохнуть, а потом попробую что-то придумать. Может, на какую железнодорожную станцию подамся, а там на поезд и вспоминай как звали», - ответил Василий. «Не знаю, чо у тебя получится из этого, но отговаривать не стану и помогу, чем смогу», - произнёс Григорий. «И на том спасибо!» - поблагодарил Василий и полез на полати спать.

Из официальной хроники

В последние дни декабря все государственные учреждения ишимского уезда были завалены разного рода жалобами, донесениями и докладами. И по мере возрастания давления продорганов на крестьян, количество этих документов только увеличивалось. Секретарь ишимского уездного комитета РКП(б) Жилкин Гордей Тимофеевич заметно нервничал, когда читал некоторые из них. Первым на его столе появился доклад Большеорокинского райпродкомиссара А. Ф. Короткова, в котором говорилось:

«Я, райпродкомиссар Большеорокинской продконторы Ишимского уезда, прибыл в Пинигинское общество с отрядом в 16 человек и приступил к энергичному выполнению государственных развёрсток продовольствия и сырья, которые до сих пор были не изъяты от населения. Но через несколько минут сгруппировалось Пинигинское общество в количестве 200 человек, из них несколько верхами, и подошли к нам с целью запретить нам работать, кричали контрреволюционные слова, опровергали приказы советской власти и в особенности приказ за №46, изданный губпродкомиссаром и преуисполкомом. Кроме того, крестьяне категорически заявили нам, что мы вам хлеба не дадим, и угрожали нам разными случаями, если только не будет вами остановлена работа. Кроме того, мной несколько раз было предложено собравшимся гражданам, чтобы последние не мешали работать. Но на мои предложения большинство жителей кричали, что убирайтесь пока не поздно. Всё выше-

изложенное может подтвердить отряд 183-го полка во главе с начальником Зубринским и милиционер Большесорокинской волости Пётр Зайчиков». Следующий документ-донесение заместителя военкома 181-го полка П. А. Кобелева был ещё более угрожающий. «В 6 часов утра 26 декабря в Безруковской волости, в селе Песьяны, за невыполнение развёрстки был арестован комиссаром Марковым сельсовет. Вооружённые кольями и вилами крестьяне, пользуясь малочисленностью отряда Черкашина, освободили арестованных при конвоировании в Ишим. Отрядом 3 человека были убиты, один ранен из крестьян. 26 декабря в 2 часа дня под командой помполка Е. И. Лушниковы выслан отряд при двух пулемётах из 30 красноармейцев для ликвидации конфликта. О результатах уведомлю. №146.». «Что же это творится в уезде? Куда мы катимся? Так ведь и до беды недалеко», - подумал секретарь и продолжил чтение очередного документа. «Донесение начальника милиции 3-го района М. И. Жукова в политбюро Ишимского уезда. Сообщаю, что с 26 на 27 декабря ночью было собрано собрание несколько деревень Абатской волости по поводу развёрсток. Собрание было собрано без ведома власти. Когда узнали, что в Абатское выехал отряд и милиция, собрание было распущено спокойно. Арестовали 15 человек. Следствие идёт и выясняется, что уполномоченные продорганов приказали вывезти весь хлеб, как семенной 21 года, так и продовольственный. Граждан страшно волнуют таковые приказы ввиду голода. Настроение района очень резкое. Хлеб вывозится весь до зерна. Граждане взволнованы. Продорганы действуют несерьёзно. Прошу выехать и вопрос решить на месте. Последствия будут очень печальные, предвещая возможные восстания. И если вами не будет ничего предпринято, то прошу снять с меня всю ответственность за район, который так резко настроен. Искоренить резкие и нахальные действия продорганов я не в силах. В случае какого серьёзного восстания, которое неизбежно, а потому прошу выехать и весь такой серьёзный конфликт уладить на месте. №4324. Начмилиции Жуков». А следом ещё один документ из Большесорокинской волости: «Рапорт губернской продтройки по Большесорокинской волости губпродкомиссару Г. С. Инденбауму.

27 декабря прибыли в Большесорокинскую волость в распоряжение работ продотряда №85 и ознакомившись с выполнением работ по выполнению развёрсток, выяснили, что развёрстка проходит слабо. Именно: по всему Большесорокинскому району хлебная развёрстка выполнена в размере 6%. Райпродкомиссар тов. Коротков, согласно личному распоряжению Гуськова оставлять норму гражданам по три пуда, приступил к работе в Пинигинском обществе до нашего приезда, где получилась следующая картина. Крестьяне,

сгруппировавшись из нескольких селений, не допустили выгрузки хлеба, причём угрожали тов. красноармейцам вступить с ними в столкновение и угрожали избиением райпродкомиссара, в силу чего который вынужден был выехать, не dokonчив дело. Выслушав от райпродкомиссара пояснения по этому делу, мы тотчас же совместно с ним выехали в Пинигинское общество, где в действительности убедились в правильности его слов. Не желая проливать крови или, вернее, не имея под собой определённой почвы принять на себя такую ответственность, так как крестьяне не имеют излишков согласно нормы 7 пудов на едока, мы запросили нарочным от упродкома, какие принять меры. Нарочный после долгих усилий взять подводу (так как крестьяне имеют прочную связь и выставили повсюду конные и пешие заставы, не пропуская никого) выехал в г. Ишим в ночь на 29 / 12, прибыл обратно с предписанием т. Маерса принять самые суровые меры.

Рассмотрев детально своё положение, мы пришли к заключению, что выступать на путь открытого подавления оружием окружных деревень, имея враждебное отношение к нам, с 16 красноармейцами, вооружёнными старыми берданами, имея в запасе по 15 патронов на человека и не имея связи с соседними отрядами, невозможно. Мы решили подойти к крестьянам более мирным путём: составили подложный документ, как будто полученный от т. Маерса, копию которого при сём прилагаем, которым под видом делегации взяли заложников и отступили с отрядом и заложниками в числе пяти человек в волость. По прибытию в волость издали приказ, что волость объявлена на военном положении... и нарочным затребовали из Готопутово отряд в числе 10 человек.

Дабы показать вам ясную картину, считаем необходимым добавить следующее. Крестьяне, имея связь с соседними деревнями, страшно озлоблены и чувствуют себя вполне сильными для оказания сопротивления, что видно из их поступков и разговоров. Нас совершенно отказались кормить, красноармейцев называли кровопийцами и всячески наносили оскорбления нам и другим ответственным работникам. Предлагали с угрозой покинуть ихнюю деревню, говоря, что всё равно мы вам не дадим ни одного фунта без крови. На наше предложение разойтись мирно по домам они ответили, что месяц будем стоять, но не разойдёмся. На последнюю нашу попытку обойтись мирным путём, для чего было предложено сельсовету объявить гражданам, что, если они не разойдутся, тогда сельсовет сложит с себя полномочия и будет безвластие, что недопустимо в республике, они категорически отказались разойтись, по-

сле чего нами было приведено в исполнение вышеупомянутое. Предвидя, что стороны граждан Пинигинского общества могут быть приняты меры к освобождению арестованных, дабы предупредить это, сегодня в ночь на 30/12 выступили с вооружённым отрядом в количестве 29 человек, для окончательного подавления сопротивления и выгрузки всего хлеба, оставляя по два пуда на едока, и ареста всех руководителей и конфискации всего имущества. О всём, что произойдёт, будет сообщено по телефону. Предгубпродтройки Горшков, члены губпродтройки: Живописцев, И. Зверин».

И тут же на глаза секретаря уездного РКП(б) попал следующий документ из Большого Сорокино.

«Постановление губернской продтройки по Большесорокинской волости Ишимского уезда. Мы, нижеподписавшиеся члены продовольственной тройки по проведению всех развёрсток в приделах Ишимского уезда под председательством т. Горшкова и членов Живописцева, Зверина и райпродкомиссара Короткова, установив факт активного выступления Пинигинского общества Большесорокинской волости против проведения продовольственной компании, а также лиц, злостно упорствующих: Жукова Никиту Давыдовича, Чикирева Семёна Матвеевича, Субботина Фёдора Андреевича, Стольников Осипа Прокопьевича, Сугоняева Сергея Васильевича, Фирулёва Николая Алексеевича, Кирпичёва Арефия Андреевича, Знаменского Фёдора Степановича, Шипицина Матвея Антиповича, обвиняемых как главных руководителей восстания и, кроме того, обвиняемых в самовольном созыве общественного собрания, в организации связи с соседними деревнями для открытого возмущения всей волости, в агитации против советской власти, в задержании и попытке ареста и избежания ответственных работников при исполнении боевых заданий, в постановке военного положения в деревне, для чего с их стороны были высланы конные и пешие заставы и дозоры, не пропуская проезжих лиц, и в грубой форме было отдано приказание очистить их селение от солдат и т.п. якобы «кровошійцев».

Продтройка на основании постановления 3-ей сессии ВЦИК от 27 сентября с.г., и телеграммы наркомпрода за №708, постановила: первых пять вышепоименованных граждан арестовать и препроводить в Тюмень для предания суду продревтрибунала с конфискацией всего имущества, последних четырёх задержать в качестве заложников с конфискацией части имущества. У остальных же граждан Пинигинского общества, обвиняемых в неисполне-

нии приказа губпродкома за №46 и 188-го приказа, постановили изъять весь хлеб, оставив самую минимальную норму, и в том числе граждан Тирренского Марка, Стрельцова Данилу и Стрельцова Дмитрия препроводить на принудительные работы при Большесорокинском ссыпункте сроком на 14 суток. Большесорокинскому волисполкому немедленно копию настоящего постановления разослать по сельсоветам, а также Готопутовскому и Вознесенскому волисполкомам, в чём и расписались.

Предтройки Гориков, члены: Живописцев, И. Зверин.

Райпродкомиссар А. Коротков».

А дальше пошли сообщения ещё тревожней:

«Циркуляр №14 уполномоченного ишимского уездного продкомитета А. Браткова сельсоветам Локтинской волости. Прилагая при сём оперативно – боевой приказ члена Совтрударма-1 Касьянова О. И., приказываю принять его к исполнению. Срок последний даю до 6 часов вечера 3 января 1921 года. Если таковой приказ не будет выполнен в точности, у граждан, не исполнивших сего приказа, будет забран хлеб до единого зерна и всё имущество, как движимое, так и недвижимое, будет конфисковано. Если в каком-либо обществе будет делать восстание кто-либо, вся деревня будет спалена. Сей приказ приказываю широко опубликовать среди граждан вашего общества, а самое главное – повстанцев общества. Уполномоченный Братков». «Оперативная сводка штаба 61-й стрелковой бригады войск ВНУС, Тюмень. На основании предписания начгара города Ишим, от 182-го полка выделен отряд под командой комбата Петрова в числе 15 штыков, патронов 900, при двух пулемётах и 15 пулемётчиков при 6000 патронах на 15 подводках в село Ларихинское, что в 28 вёрст южнее Ишима, для принятия мер к лицам, не выполняющим развёрстку в районе Ларихинской волости. Ввиду отказа крестьян от выполнения развёрстки и происшедшего столкновения крестьян деревни Нижнее Травное, что 10 вёрст северо-западнее Ларихинского, с отрядом 185-го батальона под командой Денисова (сводка №67/оп.), окончившегося стрельбой по толпе, один крестьянин убит. Отряд ввиду малочисленности отступил по направлению Ишима. НР 4/оп.

Врид наштабриг-61 Косс, помначштаба оперотдела Губский».

Прочитав ещё несколько документов о вопиющих нарушениях со стороны продотрядов, милиции, армии и волисполкомов, уездный партийный секретарь встал из-за стола и подошёл к окну. «Да, события принимают неуправляемый характер. Наводнение волостей огромным количеством государственных служб, которые, дублируют друг друга и конкурируют друг с другом, привело к отрицательным результатам. Вместо того, чтобы вести с крестьянами диалог и разъяснительную работу, они запугивают их разными карами, избивают и даже убивают. И не случайно, во многих деревнях народ ожесточился против советской власти и готов в любую минуту свести с ней счёты. Тогда достанется всем. И комиссарам, и красноармейцам и коммунистам, включая местную интеллигенцию. Для мужика все те, кто связан с новой властью, служит ей или даже сочувствует – будут враги. А мщение – это страшное явление. Необходимо срочно собрать съезд секретарей волкомитетов РКП(б), обсудить все эти острые проблемы и выработать общее решение», - сделал вывод Гордей Тимофеевич и снова сел за стол, чтобы подготовить повестку будущего партийного мероприятия. Она давалась ему нелегко. Опытный большевик понимал, что обвинять в сложившейся ситуации только продработников он не может, так как это может обернуться против его самого. Молодой, напористый и хамоватый губернский продкомиссар Инденбаум, имеющий высокие государственные полномочия от самого Льва Троцкого, будет категорически против такого обвинения и сделает всё, чтобы ответственность за беспорядки в Ишимском уезде переложить на местные органы управления. «А ведь как ни крути, правда на стороне крестьян, которые не хотят отдавать в счёт каких-то мифических обещаний власти своё последнее добро. Они хотят жить сейчас, а не тогда, когда мы окончательно победим врагов народа. Да и в том, что голод в центральной России свирепствует, не они виноваты. И то насилие, какое сейчас свершается властью, может переполнить чашу терпения даже самых тёмных мужиков и они возьмутся за вилы и топоры. Тогда не дай бог каждому оказаться на их пути», - подумал Жилкин и даже вздрогнул от представленной себе картины расправы тёмной массы над коммунистами. «Нет, этого допустить нельзя! Мы зашли так далеко, что любое отступление от выполнения постановлений партии может стать для неё смертельным. Мы добровольные солдаты революции, и должны победить её врагов, даже если они наши братья по крови или умереть сами», - взвинтилась большевистская пружина в груди и секретарь уездного комитета РКП(б), обмакнув перо ручки в мраморной чернильнице, произвёл на чистом листе первую запись в повестку дня предстоящего съезда коммунистов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Василий проснулся уже засветло. В первую минуту он даже не сообразил, где находится. Пахло свежим хлебом, ватрушками и парным молоком, а в избе стояла тишина. Но уже через мгновение его мозг пробило воспоминание о прошедшем дне. «Как там родители перенесут известие о моём побеге? Наверняка, их будут пытать в отношении моего местонахождения. Теперь Зайчиков живьём их сгноит за мой поступок. Необходимо срочно начинать планировать дальнейшие свои действия. У Гришки я долго оставаться не могу. Здесь не только меня могут арестовать, но и его за моё укрывательство. А он человек семейный», - подумал Василий и стал слазить с полатей.

«Выспался? Мы с жёнкой старались шибко-то не шуметь. Пусть, думаем, парень отдохнёт и успокоится после таких передряг. Давай, иди, умывайся и к столу подсаживайся. Завтракать пора», - произнёс Григорий, когда заметил в кути товарища.

Плотно перекусив и попив чайку, друзья уединились в горнице, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. «Надумал чо за ночь или мысли в голову не лезут?» - спросил Григорий. «Пока ничего путёвого придумать не удалось. Мне бы укрыться где-нибудь в безопасном месте дней на пять, тогда может быть и соображалка лучше заработает», - ответил Василий. Григорий немного подумал и неуверенным голосом произнёс: «В ряму, рядом с озером, есть небольшая избушка, в которой зимой почти никто не обитал. Была в ней и печка, но не знаю, жива она или нет, так как уже давно на озеро рыбачить не выходил. Если хочешь, давай туда сегодня ночью наведемся». «А чо мы там ночью увидим? Может, прямо сейчас и поедем?» - предложил Губин. «Ты хочешь, чтобы вся деревня увидела, как мы вместе в сторону озера поехали? Нет, дорогой товарищ, ты теперь похлеще вора для новой власти будешь. Самое безопас-

ное для тебя время передвижения только тёмное, когда даже собаки спят. Я один сначала туда сметаюсь. Посмотрю, чо да как, а потом уж вместе примем окончательное решение», - ответил Григорий и грустно улыбнулся.

В течении всего дня Василий сидел в избе и на улицу не высовывался. И лишь тогда, когда на дворе стемнело, сходил по нужде, да заодно попить Воронко. Григорий вернулся домой только к ужину. Перекидав с саней в сенник пудов десять привезённого душистого, просушенного клевера, он распряг взмыленного мерина, отпустил его в пригон и зашёл в избу. «Ну, как ты тут? Не заскучал ещё?» - довольно улыбаясь, спросил он друга. «Точно ждать да догонять. Весь день маялся, не зная чем заняться», - откровенно признался Губин. «Ничего не поделаешь. Доля теперь у тебя такая - варнакская», - пошутил Григорий и враз посерьёзнев, рассказал: «В общем, побывал я в ряму. Стоит там ещё избушка. Правда, добирался к ней окольными путями, чтобы любопытных со следа сбить. Есть в избушке и печь, хоть и неисправная. Но тебе днями особо нечего будет делать, сам и отремонтируешь её. Возьмём с собой из дома с десяток кирпичей, глины да глыз, вот тебе и ремонтный материал. Так что сразу после ужина и собираться начнём потихоньку. Для Воронко я сена уже пудов пять туда завёз, осталось только тебе пропитание дней на десять приготовить да керосина со спичками взять». «Зачем мне продуктов на десять дней?» - удивился Василий. «А кто его знает, насколько ты там застрянешь. Я-то не смогу к тебе каждый день наведываться. И вообще лучше будет, если все следы и подходы к избушке сугробы заметут», - ответил Григорий и позвал товарища к столу.

Собирала провиант для Василия Марья, а её муж готовил всё остальное. Так как Губин сбежал из каталажки в том, в чём сидел, не мог Григорий выпроводить своего товарища на улицу в тридцатиградусный мороз без тулупа, пим, мохнаток и прочих тёплых вещей. Так что поклажа получилась вполне внушительной. Забив плотно четыре суровятных мешка, мужики попарно их связали и вынесли во двор. «Ну, что, вроде всё необходимое на первое время упаковали. Поближе к полуночи и выдвигаться будем», - уверенно сказал Знаменщиков.

Аккуратно уложив поклажу сзади сёдел, Василий и Григорий взобрались на вершны и направились задами огородов в сторону опушки берёзовой рощи. Застоявшийся за сутки, Воронко ходко переставлял ноги следом за меринком Григория и провоцировал того на рысь. Но уставший за день и не очень охочий до бега гнедой не реагировал на эти провокации и продолжал двигаться в привычном для него ритме. Длительное время молчали и седоки. Лишь тогда, когда до конечной цели оставалось не больше версты, первым заговорил Григорий.

«До утра тебе придётся в тулупе покемарить, а с рассветом приступай к ремонту печки. Не думаю, что ты с ней долго провозишься. Зато потом сможешь и еду подогреть, и воду вскипятить». «Григорий, у меня к тебе просьба есть. Если будет возможность, то съезди в Большое Сорокино и узнай как там мои родители себя чувствуют. Переживаю за них очень сильно. За мой побег куманьки могут отца в каталажку посадить. А мне, как понимаешь, обратной дороги уже нет. Прихвостни советской власти считают меня своим врагом, но не знают того, что их самих я ненавижу ещё сильнее. Они ворвались непрошеными-незваными в нашу мирную жизнь и до основания её разрушили. Разве может русский православный человек поступать так жестоко со своими братьями и сёстрами по вере и крови? Нет, они не братья мне, они бесы, которых необходимо всех до единого уничтожить как блох или назойливых мух. Не знаю, пока, как это буду делать, но делать буду обязательно», - произнёс Василий и замолк.

«Ну, вот и добрались до убежища. Помогу тебе освоиться в этих хоромах и тронусь в обратный путь», - сообщил Григорий и спрыгнул с коня. Василий придержал поводьями Воронко и осмотрелся. Он с трудом рассмотрел силуэт избушки, которая находилась в десяти саженях от него и с ехидцей в голосе пошутил: «А двери-то у этой халупы есть?». «И двери есть, и нары, на которых будешь спать, и даже маленькое окно в сторону озера прорублено», - ответил Григорий и добавил: «Воронко поставишь за избой в стойло, там и корм для него находится».

Закончив с размещением товарища на временный постой, Знаменщиков присел на край нар и по-хозяйски предупредил: «Керосин береги. Лампу часто не зажигай, печку им не растопляй. Поленица берёзовых дров за стеной сложена. За водой на озеро будешь ходить. Пешня и топор под нарами лежат. В общем, утром, при дневном свете сам во всём хозяйстве разберёшься». «Ружьишко ещё бы мне. Тогда совсем бы жизнь райской показалась», - пошутил Василий. «С ружьём похуже будет. У меня ещё осенью берданку комиссары изъяли. Зато пару фитилей и с десяток капканов здесь где-нибудь и припрятаны», - ответил Григорий на полном серьёзе. «Ну, ладно, дорогой товарищ, не буду я тебя больше задерживать. Не беспокойся за меня. Разберусь завтра с нехитрым хозяйством своего укрытия. Прошу только – не забудь выполнить мою просьбу», - напомнил Губин. «Выполню. При первой же возможности все новости узнаю и тебе сообщу», - пообещал Григорий и стал собираться в обратный путь.

Проводив товарища и подкинув корма Воронко, Василий набрал охапку душистого сена и вернулся в избушку. Разложив сено на нарах и кинув на него

полушубок, он завернулся с головой в тулуп и лёг. Небольшой внутренний озноб, вызванный холодом, прошёл быстро и через двадцать минут из-под овчинного тулупа послышалось мирное молодецкое похрапывание.

Проснулся Василий уже когда на улице рассвело. «Сколько же сейчас времени?» - подумал беглец, посмотрев в крошечное окошко, через которое с трудом пробивались холодные лучи светила. «Уже много. Вон как высоко над лесом солнце поднялось. Пора вставать. Надо Воронку напоить, самому поесть и за печку браться. Без неё мне как здесь будет», - ответил он сам себе и с большой неохотой стал выбираться из-под тулупа.

Весь световой день Губин трудился как пчёлка. Пробивал в сугробе до озера деревянной лопатой дорожку, долбил пешнёй в метровом льду прорубь, поил лошадь, грел на костре воду для замешивания раствора и ремонтировал печь. На улице уже стало темнеть, когда Василий, аккуратно наложив в печь дров, подсунил под них большой лист бересты и поджёг его. Сначала нехотя, а затем всё веселее и веселее, голубой огонёк стал облизывать просохшие рёбра поленьев. Прошло ещё какое-то время, и огонь заполнил всё внутреннее пространство печи. Василий закрыл дверку, приоткрыл поддувало и вышел на улицу за очередной порцией дров. Невольно, он посмотрел вверх и увидев дым, идущий из трубы, воскликнул: «Вот это тяга! Теперь мне не страшен никакой мороз!».

Домик прогревался очень долго. Вначале тепло вбирали в себя бревенчатые стены и потолок, и только затем деревянный пол и прочие надстройки. Но как бы там ни было, часа через три в помещении запахло домашним теплом и даже уютом. Василий сварил в чугушке картошку в мундирах, вскипятил в ведре воду, заварил чай и нарезав большими ломтями хлеб и сало, с удовольствием поужинал. Затем, дождавшись, когда в печи прогорят последние полешки, закрыл вьюшку. Спал он во вторую ночь в нижнем белье, прикрывшись только полушубком.

На следующий день, чтобы скоротать время с пользой, Василий вытащил из под нар несколько капканов, тщательно протёр их засаленной тряпкой, и после обеда, став на широкие лыжи, отправился расставлять охотничьи снасти в ближайшем от избышки лесу. Крепкий мороз, умиротворённость, исходящая от окружающей природы, и физическая нагрузка, вызвали в организме молодого мужчины прилив силы, уверенность в себе, а также чувство голода. Поэтому, как только он добрался до своего укрытия, сразу же стал готовить ужин. Удовлетворив желудок богатой на калории пищей и выпив пару кружек чая, он сразу же почувствовал непреодолимую тягу ко сну.

Третий день Василий также провёл в труде и заботах. Проверил капканы, в которые попался заяц-беляк, прорубил во льду озера три проруби и опустил в них фитили, а также провёл в помещении избышки генеральную уборку. После наведения порядка в жилище, Василию оно уже не казалось таким тесным и неудобным. Закончив все дела до темноты, он затопил печь и стал готовить ужин. Всё у него вроде бы пошло по порядку, по-хозяйски, словно не в бегах он был, а на охоте в тайге. Но в это же время в душе стал разгораться огонь тоски, противоречий и раздражённости: «Пригрелся тут. Родные, поди, с ума сходят, не ведая где я сейчас и чо со мной. А то - того хуже, красные комиссары над ними изгаляются за мой побег. Эх, чо за жизнь пошла в нашем крае?! Трудились веками на земле спокойно, с властью и совестью в согласии жили. Так нет, куманькам наша мирная жизнь костью в горле застряла. И откуда эта бесовская порода на свет появилась? Зачем им власть над народом, если не знают, как его прокормить? Сколько крови они уже попили крестьянской и всё никак не успокоятся. И от господ Бога отказались, чтобы совесть не мучила по убиенным ими простым гражданам. Может, прав был Колчак, когда призывал на борьбу с коммунистами и жидами? Помогли мы всем миром ему уничтожить их, сегодня может быть вновь покой и благоденствие на нашей земле восстановились. Но чо теперь о том вспоминать, когда время ушло. Колчака нет, а эта саранча всё сильнее и сильнее распространяется по земле сибирской, поедая не только хлебушек крестьянский, но и души людские. И чо с ней делать, как бороться - только сам Бог знает. Да и знает ли? Если бы знал, разве допустил бы до такой беды наш край. Нет, видно самим нам надо начинать с этой саранчой бороться ни на жизнь, а на смерть. За нами правда, а значит мы сильнее духом, чем эти ненасытные звери. Это они врываются в наши дома, грабят и издеваются над стариками, женщинами и детьми, а не мы. Всегда считал, что мой враг тот, кто нападает на Россию и хочет её завоевать. А оказалось, что более ненавистным врагом может стать брат по вере и крови. Только воевать с ним гораздо сложнее. Поднять руку на иностранного захватчика дело чести, а вот как заставить себя поднять руку на единоверца, которого дома ждут, такие же, как у тебя, русские мать и отец, а может, и жена с детьми? Какая же лютая злоба должна заставить русского мужика подняться против таких же, как он сам. Но, видно, такое состояние в нашем обществе настаёт. Вон как в Пинигино всё население стало на дыбы и не позволило комиссарам забрать из их амбаров последнее зерно. Даже кровь пролилась невинная. А ведь продотряды по всему уезду разъезжают и также везде грабят население. И стоит только где-то вспыхнуть искорке народного гнева, как моментально пламя борьбы с

куманьками распространится на весь сибирский край. Тогда никому не удастся отсидеться в укрытии. Всем придётся выбирать на чьей стороне воевать. А что касается меня, то такой выбор я уже сделал. Буду бороться с захватчиками земли сибирской до последней капли крови».

После ужина, он вышел на улицу и направился к застоявшемуся без дела в стойле Воронко. Почуввав хозяина, тот радостно зафыркал, замотал головой и мощным движением туловища, стряхнул с себя слой налипшего снега. «Ну, что, друг, скучно тебе в этом безмолвном местечке находиться? В бой рвёшься? Ничего, потерпи ещё немного и мы оба с тобой порезвимся, покуражимся. Вот приедет Григорий, расскажет о делах, которые творятся в волости, и буду я думать, как нам жить дальше», - пообещал он четвероногому товарищу и прижал его большую голову к себе. Словно поняв слова хозяина, Воронко закрыл глаза и тихо-тихо проржал. Василий добавил в кормушку сена и направился в сторону избушки. Но не доходя до дверей, с непонятной ему тревогой, стал всматриваться в ночное звёздное небо. «Пурга к утру нагрянет», - сделал он вывод и стряхнул с пимов снег.

Сон в эту ночь у Василия не заладился с самого вечера. Мысли роем поселились в его голове и держали в напряжении до полуночи. За это время он успел вспомнить почти все события, происходившие в жизни вплоть до этой зимней ночи. В воспоминаниях было больше хорошего и дорогого сердцу, чем отвратительного и унижающего. И особое место в них занимал образ Полины, который незримо присутствовал в его мыслях, делах и мечтаниях. Василий разумом понимал, что теперь их воссоединение вряд ли когда-нибудь может произойти, но в душе надеялся на чудо, которое подскажет ему путь к сердцу девушки. «Ты будешь моей, чего бы мне это ни стоило», - произнёс тихо он и отключившись от раздумий, прислушался. «Завывает! К утру занесёт так, что из избушки не вылезти. Придётся ждать Григория, чтобы откопал дверь». Но в это время громко заржал Воронко и рядом с избушкой раздался мужской голос. Василий мгновенно вскочил с нар, схватил топор и прижался к стене, возле двери.

«Братуха, ты жив ещё здесь? Волки не разорвали на части? Может, в избу пустишь ночного гостя?» - послышался весёлый голос Чикирева Петра. Василий снял дверь с крючка и с силой толкнул её наружу. Но та чуть отошла от косяка и застопорилась. «Погоди, не толкай больше. Я сейчас отгребу снег от неё», - предупредил Пётр. «Когда уж вьюга успела сугроб нанести? Вроде и началась недавно», - подумал Василий, явно обрадовавшись появлению сродного брата.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

«Да ты хорошо здесь устроился! Тепло, светло и мухи не кусают. Собрался видно до весны на болоте скрываться?» - подтрунивал Петр, обнимая брата. «А тебя ко мне в такую пургу, да ещё ночью, чо привело? Гришка, наверное, рассказал, где я отлёживаюсь?» - спросил Василий. «Он самый. Случайно встретились. Я ведь, брат, после вооружённой стычки с комиссарами, тоже был вынужден в бега податься. Вот и рванул в сторону Знаменщиков через Сергино, а там в это время у своей родни Гришка оказался», - ответил Пётр и продолжил: «Аккурат на следующий день, после того, как тебя отправил через Петровку домой, в Большое Пинигино вновь нагрянул продкомиссар Коротков со своими подельниками и отрядом красноармейцев. Цель у них была одна - зачистить до последнего зёрнышка амбары всех без разбора жителей. Но не тут-то было. Врасплох они нас не застали. Все жители деревни встали на защиту своего добра. Схватив в руки топоры, вилы и колы, мы ещё вначале деревни перегородили дорогу этим разбойникам. Сначала кричал и грозился револьвером Коротков, а затем не выдержал напряжения Зубринский и дал команду красноармейцам стрелять по людям. Но несмотря на то, что они ранили больше пятнадцати человек, из которых трое скончались, по дворам этим хищным зверюгам пройти не удалось. Однако и с пустыми руками они из Большого Пинигино не ушли. Дождавшись подкрепление, комиссары и милиционер Зайчиков стали выявлять и вылавливать зачинщиков сопротивления. Как понимаешь, я в стороне не стоял от этих событий, поэтому не стал ждать ареста и рванул в бега. Тем более, что батя до сих пор у них находится. Мы собирались отбить наших деревенских во время этапирования их в Ишим, но события того дня помешали нам это сделать. И вот теперь я здесь, у тебя. Но не один, а с нашими деревенскими – Субботиным Степаном и Беловацким Иваном. Они на улице, недалёко от избушки меня поджидают», - сообщил новость Петр. «Так

чо же мы с тобой здесь лясы точим? Иди, зови парней. А я пока картошку с мясом разогрею, да воды накипачу. Устали, поди, по лесу, да сугробам всю ночь мотаться? Вот я вас зараз и подкреплю», - пообещал Василий.

Появление в избушке ещё трёх человек заметно поубавило её габариты. Но, как говорится – хоть в тесноте, да не в обиде. Рассадив молодых мужчин вокруг деревянного стола, Василий поставил перед ними большой чугунок, из которого исходил приятный запах варёного мяса, нарезал крупными ломтями хлеб и налил в кружку кипятка, бросив туда щепотку заварки. «Не обессудьте меня за скромный приём и откушайте, чо есть», - пошутил Губин. «Спасибо, брательник, мы и на это-то не рассчитывали», - ответил за всех Пётр и добавил: «Но и наши поклажи не пусты. Даже четверть с самогоном есть». «С тем, чо вы с собой привезли, завтра разберёмся, а вот самогонку, брат, давай выставляй на стол. Надо обмыть нашу встречу, хотя и не совсем радостную», - предложил Василий. «Было бы сказано. Один момент - и сей напиток появится перед вами», - с готовностью ответил Пётр и направился в угол избы, где стояли их вещмешки.

Выпивать пришлось из одной кружки и по очереди, так как кроме её и той, что была с чайной заваркой, другой посуды не было. Но на общем настроении это не сказалось. Наоборот, после сытной еды и употреблённых пары кружек самогона, лица молодых мужчин покраснелись, тела расслабились, а словоохотливость и красноречие появились. Пинигинцы подробно и во всех красках расписали Василию события последних дней и как бы между прочим, поделились своими мыслями на будущее. «Куманьков вместе с продотрядами, надо вылавливать в глухих местах, отбирать имущество, которое они изымают у крестьян, а самих забивать до смерти и в снег закапывать. Если волки и лисы их за зиму не разорвут на куски, то весной комиссарские тела уже узнать невозможно будет», - высказался Беловацкий Иван, и на его скуластом лице заиграли желваки. «Это не так просто будет сделать. Продотряды сопровождают вооружённые красноармейцы, а у нас, кроме топора, другого оружия нет. Думаю, что первым делом мы должны раздобыть хотя бы пару берданок и с десяток патронов к ним, а уж потом планировать и дальнейшие действия», - охладил пыл товарищей Василий. «Один ствол и два обреза у нас есть. Правда, патронов к ним всего только пять, но на первый раз хватит. А опосля куманьков будем заставлять делиться с нами боевым оружием», - хитро прищурил один глаз, произнёс Пётр. «Ну, это уже другое дело. Но нападать на продотряды первое время придётся в других волостях. Иначе о нас быстро узнают ко-

миссары и всю свою злость выместят на нашей родне», - предупредил Губин. «Слушайте, други, так как нас уже четверо, и мы решили мстить комиссарам и коммунистам, необходимо избрать и командира себе. Поэтому я предлагаю на эту должность Василия. И не потому, что он мой брат, а потому, что грамотный, и службу армейскую закончил фельдфебелем», - высказался Пётр и улыбаясь, добавил: «Будем хорошо воевать с краснопёрыми - до генерала дорастёт». «Не возражаю. Губин парень смелый, да и башка у него неплохо варит», - поддержал Субботин Степан, здоровенный детина, и посмотрел на Беловацкого. «Я тоже согласен», - живо ответил тот. «Ну, вот и хорошо, что единогласно избрали себе командира. Тогда, по этому случаю давайте разопьем ещё одну кружку самогонки», - предложил Пётр.

В период всего этого разговора Василий молчал. Он понимал, что командирские обязанности никому из находящихся в избушке не по плечу. Петр очень горяч и порой безрассуден, а остальные двое в царской армии не служили. Было, правда, у них короткое военное прошлое, когда их насильно мобилизовали в армию Колчака, но прослужив около месяца в тыловом обозе, они сбежали из него. Поэтому, дождавшись окончания процедуры признания его командиром, Губин коротко поблагодарил товарищей за оказанное доверие и поддержал Петра в части обмывки его назначения. Василий отчётливо понимал, что с этого момента он взваливает на себя ответственность не только за свои поступки, но и за действия подчинённых.

Сразу после завершения предутренней застольицы, он предложил товарищам немного поспать, а сам оделся и вышел на улицу. С трудом добравшись по наметённым сугробам до стоила, где стояли запорошённые снегом лошади, Василий раскидал ногами утробовавшийся снежный перемёт, достал из под него пару охапок сена и кинул в ясли. Словно в знак благодарности, Воронко и пегая кобыла Петра – Стрелка - одновременно заржали. «Ешьте, набирайтесь сил. Скоро вам, вместе с нами предстоит испытать такие трудности, которые до селе и не снились. И во многом от вашей резвости будут зависеть наши победы и даже наша жизнь», - вслух произнёс Губин и задрал назад голову, посмотрел на небо. Рваные и тяжёлые облака, вихрем пролетая в южную сторону, обильно посыпали землю хлопьями снега, а перед возникшими препятствиями набивали высокие сугробы. Иногда, между облаками выглядывал кусок ночного холодного неба, на котором висело, пугающее размером и бледностью, колесо безжизненной луны. «Даже звери лесные испугались бури и попрятались в своих укрытиях. Но закончится вьюга, появится солнце,

и они в поисках корма вновь разбредутся по лесам, полям и болотам. И наша крестьянская жизнь похожа на их. В стужу и непогоду мы тоже отсиживаемся в своих домах, но настанёт благоприятная пора, и все как один - начинаем заниматься земными делами. Уж так мир устроен. Так было всегда, пока в нашу размеренную жизнь не вмешались эти злые люди. Теперь приходится ни от природных катаклизмов укрываться, а от дьявольских посланников, которые хуже врага иноземного. Удастся ли нам избавиться от этой красной чумы, сказать сложно. Но свой путь борьбы с ними я выбрал и ни при каких обстоятельствах не сверну с него. Даже если ценой ему станет моя жизнь. Отомстить этим тварям за позор и унижения, которые терпит мой народ, я просто обязан», - в очередной раз высказал вслух Василий слова проклятья в адрес новой власти.

Григорий появился на следующий день, ближе к обеду. Преодолев невероятными усилиями снежные заносы, мерин дотянул гружёные сеном сани до стойла и в изнеможении остановился. Его голова, спина, ноги и даже хвост были в пене от пота, а из ноздрей валил густой пар. Соскочив с саней, Знаменщиков быстро развязал чрезседельник, опустил оглобли и разнуздал коня. После чего повернулся к окружившим его товарищам и поздоровался. «Рад вас видеть живыми и невредимыми», - улыбнулся он. «Здравствуй, Григорий. С нетерпением поджидал тебя. Выкладывай скорей все новости, с которыми прибыл к нам, если, конечно, удалось побывать в Большом Сорокино и поговорить со знающими людьми», - напал на товарища Василий. «В волостной центр мы с Марьей ездили на второй день, после того, как я тебя здесь оставил. Домой к твоим родителям не заезжал, но все новости о них узнал. В общем, здорово Ивана Васильевича и Евдокию Матвеевну пообрабатывали куманьки, чтобы узнать, где ты прячешься. Но больше всего досталось твоим сёстрам-двойняшкам. Их, Варвару Аверину, Колмакову Анну и ещё несколько человек-сельчан, красноармейцы под командованием Зубринского и в присутствии Зайчикова, поставили у стены хлебоприёмного пункта и дали поверх голов три оружейных залпа. Девчонки, конечно, со страха попадали на землю, и лишь Колмакова Анна, говорят, даже не моргнула. Так её разъярённый Зайчиков до сих пор держит в каталажке как заклятого врага советской власти. Ну, а девчонок и других односельчан понять можно. Их же никто не предупредил, что красноармейцы поверх голов стрелять будут», - сообщил страшную новость Григорий. Василий за всё время, пока тот говорил, не перебил его и не проронил ни слова. И лишь красивое молодое лицо с каждым произнесённым словом друга становилось всё мрачнее, а глаза наливались кровью ненависти и желанием жестокого мщения. Не выдержав напряжения, он с такой силой

ударил кулаком по столу, что крайняя доска переломилась пополам, и вся посуда разлетелась по углам избы. «Убью, сволочей! Всех убью, кто моих родных пытал и унижал! Не будет покоя в моей душе, пока я этим краснопёрым не отомщу!» - прорычал, как раненый волк, Василий и вновь притих. «Ну, а другие новости есть?» - спросил Субботин. «Полно. Но какие из них - правда, а какие выдумка, сказать сложно. В общем, во всём Ишимском уезде беспокойно стало. Стычки крестьян с продотрядами происходят повсеместно. Комиссары в последнее время как с цепи сорвались. Выгребают в крестьянских хозяйствах всё подряд. Даже семенное зерно заставляют на ссыпные пункты вывозить. Скоро ни в одной семье не останется ни лошадей, ни коров, ни мелкого скота. Дошли до того, что в счёт выполнения продразвёрстки по шерсти, забирают полушубки, пимы и мохнатки, а овец в лютый холод стричь заставляют. Гиблое время для нашего брата-крестьянина настало. Если даже и выдюжим зимой, то весной пахать не на ком и сеять нечего будет. Многодетных баб, жён красноармейцев, и тех не жалеют. На них тоже продразвёрстки наложили. Комиссары предупредили, что если к шестому января продразвёрстки по зерну и шерсти выполнены не будут, то у всех жителей села и волости конфискуют нажитое имущество полностью. А деревни, не выполнившие продразвёрстки или саботирующие их выполнение, грозятся сжигать дотла. Вот такие, други, невесёлые новости я вам привёз», - закончил рассказ Григорий. «А про пинигинскую бойню, что говорят в волостном центре?» - поинтересовался Беловацкий. «Говорят, что, после того, как расправились с бунтарями и многих из них арестовали, комиссары всё их имущество конфисковали в пользу советской власти. Так что вы правильно сделали, что вовремя ноги из деревни унесли, а то бы в первую очередь в каталажку загремели», - ответил Григорий. «Да, дорогой товарищ, и на самом деле плохие новости ты нам принёс. Руки от них чешутся так, что хоть по дереву кулаками со всей мочи стучи», - высказался Пётр. «Не будем мы, братка, о берёзы свои кулаки разбивать. Мы ими морды комиссарские уродовать будем», - зло сказал Василий и обратился к Григорию: «Из Знаменщиков и ближайших деревень, продотряды куда увозят зерно?». «Из нашей деревни на ссыпной пункт в Большое Сорокино, а из Нововяткино, Пестово и Яузьяка - в Балаганы. А чо тебя это так интересует?» - спросил Григорий. «Собираемся встретить их на узенькой тропинке. Не можем же мы здесь сидеть без дела и ждать, когда нас обнаружат и уничтожат комиссары» - ответил Василий. «Но они же ездят в сопровождении вооружённого отряда красноармейцев», - предупредил Григорий. «Знаем. Но и мы не с голыми руками на них пойдём», - успокоил Василий и продолжил: «Нам бы только узнать, когда и где

их можно подкараулить». «Думаю, что я смогу вам в этом помочь, но только на опасное дело вы решаетесь», - предупредил Григорий. «Если шибко боишься, то не связывайся с нами. Ты человек семейный и рисковать жизнью ради задуманного нами не имеешь права», - высказался Василий. «Ты неправильно меня понял. Я хотел сказать, что для вас это дело опасное. Мне-то чо. Узнаю в какой деревне продотряды чистят амбары и сообщу вам. И место подскажу, где их лучше поджидать. Я все леса и болота вокруг хорошо знаю», - обрадовал Знаменщиков. «Ну, вот и договорились. Ты только вовремя сигнал нам дай, а там уж как карта ляжет», - одобрил слова Григория Пётр.

После совместного скромного обеда, Григорий засобирался в обратный путь. «Мне ещё надо заехать на свой покос и погрузить копну сена, чтобы любопытства не вызвать у деревенских», - пояснил он и попрощался с товарищами. «Когда теперь тебя ждать?» - спросил Василий. «Как только чо о продотрядах узнаю, сразу к вам прибуду. Так что, думаю, не долго ждать придётся», - ответил Знаменщиков, уселся поудобней в сани и дёрнул вожжи.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Григорий появился у беглецов уже вечером следующего дня. На этот раз он прибыл верхом на чалом мерине, и спрыгнув с коня на утоптаный возле избышки снег, недовольно пробурчал: «Партизаны, тоже мне. Совсем страх потеряли. Могли бы на тёмное время и часового на улице поставить. А то неровен час, могут комиссары нагрянуть и тёпленькими повязать». «Знаменщиков, ты чо это стал сам с собой разговаривать? Ты, паря, того, не тронулся умом?» - послышался рядом весёлый голос Петра. От неожиданности Григорий даже вздрогнул. «Фу, лешак! Напугал меня. Как это я тебя не заметил?». «А я в невидимку умею превращаться. Бабка Агафья меня этому колдовству научила», - пошутил Чикирев. «Ладно, бабка Агафья, пойдём в избу, новость хочу вам сообщить полезную», - предложил Георгий и направился к двери. «Иди, а я немного погоды зайду», - ответил Пётр и растворился в темноте.

«Не ожидали, чо ты уже сегодня к нам прискачешь. Ну, а раз так быстро обернулся, то видно причина есть», - поздоровавшись с Григорием, сказал Василий. «Угадал товарищ дорогой. В общем, продотряды, словно сорвавшиеся с цепей злые псы, по деревням рыщут, и всё, что осталось в семьях из имущества, забирают. Не жалеют ни бедных, ни богатых, ни инвалидов, и даже баб одиноких, у которых на руках дети малые. Говорят, что из уезда на имя Викуловского райпродкомиссара приказ строгий поступил, обязывающий выполнить все подразвёрстки до шестого января. А если он не выполнит этот приказ, то его самого большевистский трибунал судить будет. Может, даже свои же и расстреляют. А до шестого-то числа всего сутки да одна ночь осталась. Он, бедный, даже бдительность стал терять, и отправляет сопровождать обозы до сыпных пунктов слабо вооружённых красноармейцев. Особенно это касается тех деревень, где проживает мало крестьянских семей. Сегодня я случайно узнал, что в Нововяткино на трёх подводах прибыл отряд из четырёх красноар-

мейцев, вооружённых двумя винтовками и приступил к изъятию у населения семенного зерна. По всей вероятности из деревни в сторону Балаган он выедет завтра рано утром. Поэтому, есть возможность перехватить этот отряд в одном глухом местечке. Если, вы, конечно, не передумали мстить куманькам», - высказался Григорий и посмотрел в глаза Губина. «Добрую весть ты нам принёс, однополчанин. Сколько вёрст до того местечка будет? И сколько времени придётся добираться?» - спросил Василий. «Отсюда не меньше пятнадцати. Так что часа два на дорогу кидать надо. Я вас на неё выведу, а дальше самим до места засады придётся добираться». «Доберёмся, если ты подробно расскажешь, как его искать». «Я не только расскажу, но и дам нарисованный план этой местности», - ответил Григорий и протянул Василию закрученный в трубочку лист бересты, на котором углём была намалёвана схема, без названий и чётких обозначений. «Да, Гриша, карта твоя только для разбойников с большой дороги. Но, ничего, мы и от её не откажемся», - улыбнулся Губин и посерьёзнев, попросил: «Давай, рассказывай о той местности поподробней».

Пока Григорий с Василием разрабатывали план первой в их жизни вылазки против представителей советской власти, Беловацкий и Субботин готовили ужин. Завершив обсуждение, Василий посмотрел на Григория и спросил: «Тебя не заподозрят в связи с нами? Марья не проговорится кому-нибудь о твоих поездках к нам?». «Не волнуйся по этому случаю. Она у меня кремь», - успокоил Знаменщиков. «Тогда давай поужинаем, а часа через три и выдвигаться будем. Нам нужно не только вовремя добраться до места засады, но ещё и подготовиться к встрече хорошо», - предложил Василий и обратился к Субботину: «Мечи, Степан, всё на стол, подкрепляться будем. Впереди нас ждёт трудная ночь. А если всё сложится, как запланировали, то по возвращению и по сто грамм самогонки выпьем».

Своё прибежище отряд покинул уже за полночь. Первое время застоявшиеся в стойле кони, с лёгкостью и желанием на рысях преодолевали сугробы, но уже через две версты норов их поиссяк, и они дружно перешли на шаг. Ночная темень и позёмка заметно сдерживали продвижение вперёд, и только благодаря хорошему знанию местности Григорием, они вскоре выбрались на санный путь, ведущий из Знаменщиков в Балаганы. «Ну, вот, братцы, мы и добрались до той дороги, которая нужна. Вам по ней до конечной цели верст десять ехать», - сообщил Знаменщиков. «А откуда собачий лай раздаётся?» - спросил Пётр. «Из деревни Нововяткино. Мы её стороной объехали, и теперь она сзади нас за версту осталась», - пояснил Григорий и предложил: «Давайте

будем разъезжаться. Мне необходимо домой затемно вернуться, пока народ ещё спит, а к вам загляну дня через два. Не раньше». «Если сможешь, захвати с собой жернова, а то мука заканчивается у нас», - попросил Субботин. «Чо-нибудь придумаю», - пообещал Знаменщиков и уже через минуту его силуэт скрылся из вида.

Только после отъезда Григория Василий почувствовал во всём теле морозящую душу дрожь. «Чо это со мной? Неужели испугался предстоящих событий? Не может такого быть. Чо мне бояться каких-то краснопузых, если я давно собирался с ними встретиться в открытом бою. Нет, здесь чо-то другое. Скорее всего неизвестность, которая нас поджидает в чужом лесу. Ладно, доберёмся до места, там во всём и разберусь», - решил Василий и приглушённым голосом скомандовал: «Друг за другом рысью - марш!».

Место, о котором рассказывал Григорий, Губин узнал сразу, как только отряд оказался в глухом лесном массиве, состоящем из тальника, осины и высоких берёз. «Где-то здесь, недалеко должен быть резкий поворот дороги, а сразу за ним - неглубокая ложбина», - проверил Василий свою память. И буквально сажень через тридцать его предположение получило подтверждение. Поворот санного пути был настолько крут, что Воронко по инерции даже проскочил его и влетел в мелкий кустарник. А за ним и остальные последовали. «Тпру, Воронко! Приехали!» - произнёс Василий и натянул поводья.

Спешившись с коней, бойцы отряда обступили Василия и стали слушать его план по проведению операции. «Сразу за ложбиной, на дорогу необходимо завалить какое ни будь подгнившее дерево, чтобы оно не вызвало подозрения у продотрядовцев. Затем отвести подальше в лес коней, а на обратном пути замести свои следы снегом и разделить на две группы. Одна должна находиться ближе к первой подводе обоза, а вторая - к последней. После того, как красноармейцы упрутся в поваленное дерево, они объезжать его по глубоким сугробам не будут, а направятся убирать со своего пути эту преграду. Оставят ли они оружие на это время на санях или возьмут с собой, сказать трудно. Но в любом случае, напасть на них первая группа должна именно в тот момент, когда они окажутся у преграды. В это же время вторая группа обязана обезвредить остальных сопровождающих обоз. Стрелять в красноармейцев только в том случае, если кому-либо из нас будет грозить опасность. Кровь заблудших баранов нам ни к чему. Если нет вопросов, то давайте начнём готовиться к встрече куманьков», - закончил своё командирское наставление Губин.

Все дальнейшие действия боевые товарищи совершали в полной темноте, но дружно и чётко, словно это было не боевое крещение, а давно привычная работа. Почти на ощупь, они быстро отыскивали сухую, подгнившую у корня осину, привязали на высоте двух сажен к ней вожжи и перейдя на другую сторону дороги, принялись дружно тянуть на себя. Засохшее дерево немного посопровтивлялось человеческому насилию, но затем глухо прошумело отваливающимися у корня гнилушками, и верхушка стала быстро приближаться к земле. Взметнув вверх клубы снежного вихря, ствол погибшей осины при ударе об землю лопнул в трёх местах, но окончательно не развалился. Замаскировав свои следы вокруг заваленного дерева, бойцы направились выполнять вторую часть задания, которая, как оказалось, была посложнее первой. Дело в том, что как только лошади почувствовали, что хозяева, решили их оставить в тёмном лесу одних, на них напало нешуточное ржание. Поэтому, Василий вынужден был дать указание своим товарищам, чтобы те крепко обмотали нижней часть их морд сыромятными ремнями. Вернувшись к дороге, и проверив ещё раз маскировку всех следов, Губин распределил отряд на группы. «Пётр и Степан займутся первой подводой, а мы с Иваном - второй и третьей. Берданку и один обрез возьмёт первая группа, а мы обойдёмся топором и вторым обрезом. Ещё раз предупреждаю, что стрелять в людей только в крайнем случае. Нужно провести операцию так, чтобы не было жертв ни среди краснопёрых ни среди нас. Хорошо бы, если бы обоз оказался рядом с нами ещё затемно. Тогда легче бы было к нему подобраться. Но, думаю, что при благоприятном раскладе и свет нам помехой не станет. Так что, давайте расставляться по позициям, маскироваться и ждать», - закончил инструктаж Василий.

Губин притаился в саженьях трёх от дороги за толстой и высокой берёзой и разгреб в сугробе глубокую яму, в которую собирался лечь, если обоз не подойдёт до рассвета. «Как себя поведут Иван со Степаном? Не испугаются ли в самый ответственный момент? За Петра, конечно, переживать нечего. Этот лишь бы по горячности своей раньше времени не сорвался и кровь не пустил из краснопузых», - подумал Василий и по его телу вновь пробежался озноб. «Скорее бы уж всё это началось. А то хуже нет, как ждать и догонять», - проворчал он, но немного подумав, изменил своё мнение: «Хочешь победить своих врагов – научись ждать и терпеть. Иначе никогда удача не будет на твоей стороне». Наверное, такие же мысли навещали и других членов отряда, решившихся встать на путь вооружённого противостояния власти.

Над верхушками высоких берёз и осин небо стало постепенно освобож- даться от ночной тьмы и, сквозь стволы деревьев, белёсыми ликами ложить- ся на белоснежную перину сугробов. Вдруг, недалеко от засады, со стороны деревни Нововяткино раздался лай собаки, а за ним последовал мужской громкий голос: «Вот псина проклятая. Всю дорогу мешает кобыле бежать. А ну пошла вон с дороги!». Потом фыркнула лошадь, послышался скрип полозьев и ещё через минуту из-за поворота стал выкатываться весь обоз. Подложив под себя полушубок и оставшись в одной безрукавке, Василий лежал на дне снежной ямы и крепко сжимал в руке обрез. «Только бы собака нас не учуя- ла», - пронеслось у него в голове и это было последнее, о чём он подумал. На другие размышления и сомнения время уже не оставалось. Как и предполагал Василий, на первой подводе ехали два красноармейца, рядом с которыми на мешках с зерном лежала одна винтовка. На второй подводе никого не было, но загружена она была сильнее, чем остальные. На третьих дровнях ехали ещё два красноармейца, за плечами которых виднелись винтовки с приставлен- ными штыками. Заметив впереди преграду, первая подвода остановилась и с неё соскочили оба красноармейца, не захватив с собой даже оружие. Как по команде, встали и следующие за ней. «Пора!» - приказал себе Губин и, вскочив на ноги, прыжками кинулся в сторону последних саней. Не успели красноар- мейцы даже скинуть с плеч винтовку, как над их головами раздался оружей- ный выстрел. «Не балуйте, парни, а то убью», - угрожающе произнёс Василий и левой рукой схватил за ствол трёхлинейку у одного из молоденьких красно- армейцев. У второго оружие уже отбирал Беловацкий, занеся над тем топор и с лютой ненавистью вглядываясь в его лицо. Прошло ещё несколько минут и вся операция, по обезоруживанию красноармейцев и захвату обоза, была благополучно закончена. Петр даже пожалел, что так обыденно она прошла. «Думал, что красноперые сопротивление нам окажут, а они, как ягнята - даже не дёрнулись», - съязвил он. «Вот и хорошо, что прошло всё без крови. Теперь нам необходимо быстро срываться отсюда, пока кто-нибудь ещё не поехал по этой дороге» - высказался Василий и приказал: «Иван, вы со Степаном идите за нашими лошадьми, а мы с Петром пока с добычей разберёмся». «А с этими вояками чо делать?» - спросил Петр. «Свяжем им хорошенько ремнями руки и отпустим на все четыре стороны», - ответил Василий. «Я, братуха, по-другому с ними поступлю», - хитро улыбнулся Пётр. «Делай, чо хочешь, но только, чтобы они живыми остались. Жалко мне этих молодых баранов», - согласился Васи- лий. «Зря. Они бы тебя не пожалели, если бы ты в их руки попал», - не согла- сился Петр и приступил к исполнению задуманного. Первым делом он заста-

вил красноармейцев перенести с задних дровней на передние все мешки с зерном, затем выпряг из них лошадь, развернул дровни в сторону деревни, поставил пленников друг за другом между оглоблей, крепко привязал к ним их руки сыромятными ремнями, и взмахнув кнутом,скомандовал: «А ну, пошли рысью, краснопузые!». Те безропотно напряглись и бегом сорвались с места. «Если поторопитесь, то через час в деревне будете. Там вас мужики с нетерпением поджидают», - выкрикнул Петр и громко рассмеялся. Не сдержал улыбки и Василий. Но немного погодя, он произнёс: «Пошутили и хватит. Теперь необходимо запрягать захваченное зерно и срочно сматываться на свою базу».

Вернувшись с лошадьми товарищам, о своей весёлой выходке Петр рассказал уже в пути. Те вначале даже не поверили, но когда это подтвердил Василий, они громко смелись до тех пор, пока и их не одёрнул Губин. Сурово посмотрев на своих бойцов, он твёрдым голосом сказал: «Насмеёса тогда, когда закончим все дела».

Сани, гружённые мешками с зерном, отряд закопал в огромном сугробе на опушке берёзового колка, в версте от места нападения на продотряд и в сажнях тридцати от санного пути. Надёжно замаскировав место съезда с дороги, бойцы сели на своих коней, подхватили поводья трёх трофейных лошадей и стали ходко удаляться на запад. Вскоре дорога раздвоилась, и отряд свернул в сторону деревни Пестово. Преодолев не менее сорока вёрст пути и в основном по бездорожью, поздно вечером он вернулся на Знаменщиковское озеро в свою избушку. Но даже усталость и чувство голода не смогли погасить в этих людях чувство гордости за свой маленький успех, который положил начало дальнейшей их борьбе за святое дело – спасения от унижения и голода всех родных и близких.

Через три дня, как и обещал, сразу после обеда прибыл Григорий. Он рассказал о реакции викуловского райпродкомисара на их нападение на продотряд, и о том, как издевались мужики и женщины в Нововяткино над красноармейцами, которые пришли в деревню запряжённые в дровни. «Это, наверняка, Пётр, ты с ними такую шутку сотворил? Смотри, если они тебя поймут, то один будешь тащить дровни за собой», - пошутил Знаменщиков. «Сначала пусть поймут, а потом уж и в сани запрягают», - ответил скромно Чикирев и продолжил слушать прибывшего. «В общем, кровавые дела по всему уезду разворачиваются. Где-то на юге бабы разоружили комиссаров и красногвардейцев и свою власть в волости установили. В Абатской волости тоже не спокойно. А в деревне Челноково даже боевые стычки произошли. Говорят, убитых и раненых с

обоих сторон много», - сообщил Григорий. «До Челноков от нас рукой подать. Напрямую не более пятнадцати вёрст будет. Может, и нам на подмогу жителям этой деревни податься? Мы уже неплохо вооружены, да и опыт появился. Правда, винтовочных патронов всего двадцать штук, но на первое время и их хватит. Остальные добудем в бою», - загорелся Пётр. «Охлынь немного. После нападения на продотряд, вы тоже под подозрение попали. Говорят, Зайчиков в Ишиме с балаганским милиционером встречался и тот ему всё в подробностях рассказал. Ну, вот, у Зайчикова и закралось подозрение в отношении вас. Как бы с поисками не нагрязнул в нашу деревню», - предупредил Григорий. «Опять этот Зайчиков нос суёт куда не следует. Пора ему оборвать его по самые глазницы», - не выдержал Василий. И немного успокоившись, сказал: «Надо как-то сообщить жителям Нововяткино местонахождение их зерна. Пусть ночью тёмной съездят туда и заберут». «Давай, рассказывай, как найти захоронку, а я сообщу об ней своему куму. А то ведь вся деревня без единого зёрнышка осталась», - пообещал Григорий.

На этот раз Знаменщиков в отряде пробыл недолго. Сообщив товарищам все новости, передав им жернова и получив информацию о местонахождении отбитого у красноармейцев зерна, он засобирился домой. Прощаясь с Григорием, Василий попросил: «Если вдруг окажешься в Большом Сорокино, узнай, как там мои живут и встретиться с Авериным Степаном. Расскажи ему где мы обитаем и попроси, чтобы он при первой же возможности приехал к нам. Разговор у меня к нему серьёзный есть». «Понял твою просьбу. Постараюсь в ближайшие же дни выполнить её», - пообещал Знаменщиков и покинул лагерь. А этим же вечером, Пётр с Иваном Беловацким решили съездить в свои деревни и навестить родных. Отговаривать Василий их не стал, лишь попросил быть осторожными и не привести за собой куманьков. «Не переживай, братуха, за нас. В Большом Пинигино предателей и стукачей намного меньше чем в Большом Сорокино. Ночку дома побудем, а завтра вечером вернёмся. Нам добираться-то всего ничего. Вёрст двадцать, не более», - успокоил Чикирев.

Оставшись вдвоём, Василий с Субботиным Степаном распределили между собой время бодрствования и отдыха и стали с нетерпением поджидать товарищей.

Из официальной хроники

2 января 1921 года в Ишиме состоялся съезд секретарей волкомитетов РКП(б) уездной парторганизации. В итоговом протоколе №1 говорится:

«В повестку дня включены четыре вопроса.

- 1) О политическом состоянии уезда*
- 2) О задачах партийного строительства*
- 3) О хозяйственном положении страны*
- 4) Разное.*

По первому вопросу заслушали тов. Недорезова, который указал, что положение уезда вполне неудовлетворительное, которое вызвано в связи с развёрсткой. Продработники нетактично поступают с крестьянами, что и вызвало в некоторых волостях столкновения. Подчёркивает, что екатеринбургские продработники, работающие в данном уезде, тоже не вполне согласовываются с упродком и не известили даже волисполкомы об изменении инструкции по проведению продобольственной политики.

Тов. Тягунов говорит, что все такие явления, которые проявляют некоторые волости выступлением против советской власти на почве развёрсток, поэтому партия обратит серьёзное внимание.

Тов. Жилкин обрисовал политическое состояние партии, в котором указал, что таковые явления происходят только по тому, что центр слаб, т.е. все работники занимают советскую работу, а также члены партии не были подготовлены к продобольственной политике.

Тов. Ретин указал, что все явления недоброжелательны лишь только потому, что упродком и комитет РКП и политбюро не имеют тесной связи.

Постановили:

- 1) Принять резолюцию, вынесенную на заседание укома и ответственных работников.*

Уездный съезд, заслушав доклад о политическом состоянии Ишимского уезда, констатирует, что отношение беднейшего и среднего крестьянства к соввласти в последнее время резко изменилось: из благожелательного сделалось оппозиционным, а местами - враждебным. Так, например, произошло столкновение с крестьянами в волостях Аромашевской, Безруковской, Большесоро-

кинской и Уктузской на почве продовольственной, причём в первых двух были человеческие жертвы со стороны крестьян. Объясняется это отчасти непониманием задач продовольственной политики советской власти населением уезда, отчасти – контрреволюционной агитацией со стороны кулаков и мелкобуржуазных элементов, а главным образом – бессистемной работой в этой области как со стороны партийной организации, так и продорганов. У первой не было определённого плана по расслоению деревни за отсутствием указания из губкома, у продорганов – не было в начале развёрток твёрдого, определённого курса по проведению в жизнь плана полной монополии на нормированные продукты питания. Кроме того, значительно осложнили политическое состояние уезда нетактичные действия отдельных продработников, не считавшихся ни с социальным положением крестьян, ни с уставом и программой партии.

Примеров нетактичного обхождения с бедняками-крестьянами отдельных продработников и не считающихся с их социальным положением имеется много в материалах политбюро и в жалобах, как поступающих в исполком, так и направленных президиуму губисполкома. Как пример игнорирования продработниками устава партии необходимо указать на арест секретаря уктузской волячейки тов. Суворова, члена 4-го райкомпарта, тов. Мостовец, без ведома укомпарта и отказ представителю укомпарта, тов. Герчесу, командированному в 4-й район для ведения агитационной работы, в устройстве митингов со стороны продработника тов. И. С. Суворова с угрозой ареста.

Кроме того, всякой дальнейшей пропагандистской работе укома в деревне, и в особенности в поднятии производительности сельского хозяйства, главным образом мешает бесхозяйственность продовольственных и экономических органов, особенно в хранении семенного материала, которая бьёт в глаза на каждом шагу, влияет на политическое состояние уезда. Примеры бесхозяйственности были приведены на страницах местной советской прессы. И, кроме того, бесхозяйственность продовольственных и экономических органов подтверждается актами ревизии складских помещений и ссыпунктов, произведённой президиумом уисполкома и РК инспекцией.

Констатируя всё вышеизложенное, съезд ответственных секретарей для устранения отмеченных дефектов и восстановления политического равновесия в уезде постановил:

реализовать расслоение трудового крестьянства от элементов кулацких, контрреволюционных путём созыва районных съездов под руководством

представителей укомпарта, уисполкома. Критерием для определения участников съезда является постановление продорганов о разделении населения на три категории по имущественному положению, причём принимают участие на съезде вторая и третья категории. Тезисы и порядок дня вырабатываются укомпартом и президиумом исполкома совместно. Райкомпартам, волкомпартам и сельячейкам и проработникам на местах произвести подготовительную работу к созыву съезда, проверку социального положения пятидворок, сельтроек и волнятёрок. Предложить упродкому в целях привлечения бедноты издать циркулярное письмо проработникам на местах о внимательном и осторожном отношении к её нуждам.

Председатель Г. Т. Жилкин, секретарь Н.К. Евдокимов».

Подписывая протокол съезда уездных секретарей, Гордей Тимофеевич ясно осознавал, что его решения не будут услышаны теми, кто непосредственно занимался выполнением планов по продразвёрсткам. Чем дольше они этим занимались, тем сильнее настраивали население уезда против коммунистов и советской власти в целом. И в своём предчувствии Жилкин не ошибся. Уже на следующий день Ишимский уездный исполком советов и продовольственный комитет подписывают совместный приказ №69, который гласил:

«Вследствие того, что кулацким элементам деревни, не желающим выполнять государственные развёрстки, скрывается хлеб по ямам, погребам, соломам и полям, чем зачастую гноится ценный для республики продукт, Ишимский исполком и упродком на основании распоряжения губпродкома о том, что государственные развёрстки идут за круговой порукой сельских обществ, приказывает: всем продконторам, райпродкомиссарам, начальникам милиции, чрезвычайным тройкам, уполномоченным и всем проработникам и всем волисполкомам и сельсоветам во всех случаях обнаружения скрытого хлеба у одного гражданина общества конфисковать таковой у всего общества, не считаясь ни с какими мерами.

Волисполкомам и сельсоветам предлагается настоящий приказ широко распространить среди населения.

Лица, виновные в нарушении или неисполнении настоящего приказа, будут преданы суду продревтрибунала.

Член губпродколлегии Маерс, за предуисполкома - Мариков, за упродкомиссара - Н. Карпов».

Следом за этим приказом, уполномоченный Ишимского уездного продкомитета А. Братков издал приказ №7:

«1) Все приказы и инструкции, которые изданы были до 3 января, на основании оперативно-боевого приказа Совтрударма-1 тов. Касьянова, мною суммируются. Поэтому ,приказываю весь хлеб, который причитается с вас по развёрстке, в срок 60 часов с момента получения сего приказа свезти на сыпной пункт гор. Ишим.

2) Если у вас не будет хватать гужевой силы для поднятия хлеба в вышеуказанный срок, немедленно сообщите мне нарочным.

3) Все зачётные квитанции, полученные вами на сыпункте, через 61 час с момента получения сего приказа приказываю немедленно представить мне.

4) Ни на один фунт ни в каком обществе развёрстка уменьшаться не будет.

5) Если какое-либо общество не исполнит сего приказа в вышеуказанный срок, я с вооружённой силой - 200 чел. пехоты, 40 чел. кавалерии и четырьмя пулемётами заберу весь хлеб до единого зерна у всех граждан общества, не оставляю ни на прокорм живым душам, ни на прокорм скотине, ни на посев.

6). У тех граждан, которые будут агитировать против сдачи и вывоза хлеба, мною с вооружённой силой будет забрано всё имущество, дом будет спалён, а гражданин, замеченный в вышеуказанном преступлении, будет расстрелян.

7) Всему обществу приказываю сейчас же доносить мне, если появится гражданин, агитирующий против выполнения развёрстки. Если же общество будет укрывать тех негодяев, а они нами будут пойманы, то всё общество также строго будет наказано, как и вышепойманный негодяй – контрреволюционный агитатор.

8) Приказ считать первым и последним. Больше предупредить не стану. Уполномоченный района Братков».

И в эти же дни по Ишимскому уезду разъезжались губпродкомиссар Инденбаум и предгубЧК Студитов с целью разобраться с политической обстановкой в уезде и оказания давления на ускорение выполнения плана по госразвёрсткам. В оперативной сводке штаба 61-й стрелковой бригады войск ВНУС, сообщалось:

«1-ого января комполка-183 выделено 156 штыков под командой комбата-3 Исакова в распоряжение губпродкомиссара Инденбаума и предгубЧК Студитова для отправления в Ишим для предупреждения в его уезде назревающих волнений среди крестьян. Для той же цели того же числа комбатом-185 выделено, согласно распоряжения губЧК, полэскадрона под командой комполэскадрона Мацейко в 50 сабель, 52 строевых верховых лошадей.

Отрядом комбата Петрова в Ларихинском, Ново-Травном, Старо-Травном восстановлен порядок, виновники эксцесса в числе 13 граждан арестованы, отправлены в Ишим. Развёрстка выполняется, в селе Ларихинском собрано 8000 пудов хлеба. НР 6/оп. Врид штабриг-61 Косс, помначштаба оперотряда Губский».

И буквально следом в Тюмень полетела следующая сводка из штаба 61-ой стрелковой бригады войск ВНУС:

«4 января из 183-го полка выделена полурота в числе 70 штыков и три чел. комсостава под командой комроты Куницына в Уктузскую волость, что 75 вёрст юго-западнее Ишима, распоряжением губпродкомиссара для окончательного водворения порядка в означенном районе. Отрядом в две роты 182-го полка под командой Шестакова (сводка №76) в Уктузской волости волнение ликвидировано. По донесению комбата-1 Петрова, участвовало в волнении 3000 крестьян. Во время столкновения убито два крестьянина, одна лошадь, ранено четыре крестьянина. НР 12/оп. Врид штабриг-61 Губский, помначштаба оперотряда Губский».

Прямое вмешательство в проведение развёрсток в Ишимском уезде высшего губернского начальства и военных формирований, привело к тому, что на местах продовольственные и другие органы советской власти без разбора и с особой жестокостью стали забирать у крестьянских хозяйств не только последнее зерно, но и домашнее имущество. Их не останавливал ни плач голодных детей, ни причитания их матерей и ни кары небесные, которыми запугивали старики. За два последних дня уходящего года и за четыре дня года нового эти палачи всё сделали, чтобы выполнить план продрозвёрсток. Первым об этом радостном событии своим подельникам в Тюмени сообщил телеграммой член коллегии Тюменского губпродкома Я. З. Маерс:

«Г. Ишим. 5 января. Хлебофуражная развёрстка в Ишимском уезде по заданиям наркомпрода выполнена на сто процентов 5 января в 2 часа дня. Инденбаум сегодня третьим поездом выезжает в Тюмень. 32. Член губпродколлегии Маерс».

А 7 января, появившись в своём кабинете после командировки в Ишимский уезд, губпродкомиссар Г. С. Инденбаум отправил срочную телеграмму в Москву в Наркомпрод:

«Доношу, что 6 января в 2 часа дня Тюменский губпродком выполнил наложенную государственную развёрстку – шесть миллионов шестьсот тысяч пудов хлеба и зернофуража, то есть 102 процента, масличных семян - 150 процентов. Наложённое сверх госразвёрстки количество объявлено фондом бедноты, сбор какой закончится к 15 января. 4711. Губпродкомиссар Инденбаум». На эту телеграмму из Наркомпрода вскоре пришла ответная: «Приношу глубокую благодарность Вам и всем проработникам Тюменской губернии, выполнившим возложенные на них задания по проведению полностью хлебофуражной развёрстки. Заместитель наркома Н. П. Брюханов».

Гирш Самуилович дважды прочитал ответ из Москвы, но явного удовольствия от этого не получил. Он ожидал другой реакции товарищей по партии большевиков. «Они думают, что местные крестьяне только и ждали продотряды, чтобы побыстрее от своего добра избавиться. Каждый пуд зерна приходится с боем отбирать у твердолобого мужика. В обществе сейчас такой накал, что в любой момент может вспыхнуть мятеж. А может и хорошо будет, если сибирские крестьяне на дыбы встанут? Тогда и цена моим трудам поднимется. Осталось ещё немного поднажать на этих бородачей и красный петух по губернии побежит. И не только по Тюменской, но и по соседним. Пусть узнают в Москве, сколько усилий я потратил, перевыполняя доведённый план продрозвёрсток, чтобы спасти от голодной смерти советскую власть. А для этого не так уж много и надо. Стоит мне убедить губернский исполком совета о необходимости проведения дополнительной, внутренней развёрстки и прецедент для вспышки крестьянского бунта будет создан», - зло улыбаясь, подумал он. Уже на следующий день Гирш Самуилович с таким предложением вышел к политическому и хозяйственному руководству губернии, которое его поддержало. Инденбауму оставалось только оформить эту поддержку документом и разослать по всем уездам и волостям. Через три дня на свет появился протокол №4 заседания президиума Тюменского губисполкома советов следующего содержания:

«Присутствуют: председатель С.А. Новосёлов, члены Г.С. Инденбаум и М.К. Ошвинцев, завгубземотдела М.М. Авдеев.

Слушали: об организации посевкома.

Постановили: 1. На основании постановления 8-го Всероссийского съезда советов создать губернский посевной комитет (губпосевком) в количестве пяти членов под председательством председателя губисполкома с персональным входжением в качестве членов завгубземотделом, губпродкомиссара, предгубсовнархоза и предгубкомтруда.

Слушали: о премировании особо выделившихся продработников, отрядов, работавших по продвольствию, и некоторых волостей, выполнивших развёрстку в срок и без принуждения.

Постановили: 2. Принимая во внимание окончание хлебофуражной развёрстки в Тюменской губернии и констатируя выдающуюся работу на продовольственном фронте отдельных работников, целых отрядов и некоторых волостей:

А. Премировать костюмами особо выделившихся 130 ответственных продработников.

Б. Екатеринбургскому отделу и частям войск ВНУС, способствовавшим успешному окончанию продразвёрстки, поднести от имени губисполкома красные знамёна и выдать по паре белья.

В. Волостям, выполнившим развёрстку до срока без понуждения отрядов, поднести красные знамёна и выдать двойную норму предметов промышленного производства.

Предложить всем учреждениям в своей работе отметить указанные волости, улучшив в них работу своих органов и давая им в первую очередь всё необходимое.

Г. Данное постановление внести на утверждение пленума.

Председатель Губисполкома С. Новосёлов, секретарь Гусев».

А следом за этим протоколом появился приказ №2 Тюменского губкомитета по расширению посевной площади, в котором говорилось:

«В целях увеличения посевной площади всех культур в Тюменской губернии в сезон 1921 года, дабы тем самым представилась возможность скорее победить голодный фронт и улучшить быт рабочих центральных губерний, а также и трудового крестьянства, а всякое увеличение посевной площади может произойти лишь от напряжённой работы и полного сознания своего долга перед революцией со стороны трудового крестьянства, во-первых, для

полного обеспечения семенным материалом, во-вторых, для того, чтобы сохранить семенные материалы и дать возможность обсеменить все поля, предположенные к севу, Тюменский губернский комитет оказания помощи приказывает:

1. Весь семенной материал, находящийся в отдельных хозяйствах, подлежит изъятию и ссыпке-складке в общественные хлебохранилища, для чего производится развёрстка по уездам, волостям, сёлам и отдельным хозяйствам, как указано в при сём прилагаемой ведомости.

2. Упосевкомы обязаны в течении трёх суток детально скорректировать преподанную развёрстку и разослать таковую по волостям с нарочным для немедленного исполнения и копию в губпосевком.

3. При корректировании упосевкомам предоставляется право перелгать размер развёрстки от той или иной волости на другую, но не уменьшая общего количества наложенной по развёрстке на уезд.

7. Весь причитающийся по развёрстке семенной хлеб граждане обязаны сдать в течении трёх дней в общественные амбары, для чего упосевком устанавливает порядок ссыпки для отдельных волостей, допуская таковую в амбары уполномоченных пятидворок, причём все преобладающие культуры должны ссыпаться в общественные амбары. Также вменяется в обязанность сельсоветам представить уполномоченным пятёркам соответствующее количество вполне пригодных амбаров, где приготовить наибольшее количество отделений (закромов) и обязать уполномоченные пятёрки принять в своём районе семена.

16. За несвоевременно или не полностью сданный семенной хлеб в общественные амбары или употребление такового на продовольствие, а также за полную сохранность хлеба отвечает под круговой порукой всё общество; у виновных будут конфискованы все семена, живой и мёртвый инвентарь, а засеянные поля поступают в пользу государства.

17. Настоящий приказ должен быть прочитан на всех сходках, собраниях и вывешен на самом видном месте.

18. Вся развёрстка по извлечению семенного хлеба должна начаться с 25 января и окончена не позднее 10 февраля. В зависимости от означенного срока представляется право районным уполномоченным посевокмов изменять срок выполнения, но не далее, чем указано, т.е. не позднее 10 февраля для южных

уездов (Ялуторовский Ишимский) и 20 февраля – для северных уездов (Туринский, Тобольский).

Означенный приказ провести в действие по телеграфу, о получении сего сообщить.

Тюменский губернский комитет посевной площади.

Предгубисполкома Новосёлов

убпродкомиссар Инденбаум

Предгубсовнархоза Ошвинцев

Предгубкомтруда Калнин

Завземаотделом Авдеев».

Получив эти два документа, председатель Ишимского уездного исполкома советов в срочном порядке провёл заседание президиума, в результате чего появился протокол №1.

«Присутствовали: И. Я. Кузьмин, Д. И. Горностаев, Г. Т. Жилкин, С. Е. Евстигнеев, К. Р. Догадин, Я. З. Маерс, В. Г. Соколов, И. С. Суворов, Б. Е. Марииков, А. Е. Карякин, К. М. Городилов, О. И. Касьянов, И. В. Недорезов, И. М. Гуськов, И. И. Гуцин, Ф. И. Жаворонков, А. Ефремов, В. Бесхмельницын.

Председатель Кузьмин, секретарь Никифоров.

Слушали: о политическом состоянии уезда. В докладах всесторонне выяснено положение имевших в уезде место эксцессов в связи с проведением продрозвёрсток.

Постановили: 1. Доклады принять к сведению, отделу управления подробно донести в Губисполком об имевших место эксцессов.

Слушали: о внутренней развёрстке.

Тов. Маерс даёт детальное пояснение по существу этой развёрстки.

Постановили: 3. Предложить упродкому в срочном порядке представить в президиум исполкома план предстоящей компании по проведению внутренней развёрстки.

Слушали: о семенах.

В прениях устанавливается, что в некоторых местностях семенной материал забран продорганами.

Постановили: 4. Принять все меры к сохранению семенного материала уже изъятых продорганами. Упродкому предложить спешно разработать план об оказании помощи крестьянским хозяйствам в деле обсеменения полей. Возбудить ходатайство перед Губисполкомом о задержании на местах семенного материала.

Слушали: о сырьевых материалах.

В докладах тов. Маерса и Соколова выясняется необходимость принятия мер к сохранению некоторых сырьевых материалов.

Постановили: 5. Предложить уэконоту и упродкому представить в президиум исполкома в письменном виде план о принятии мер к сохранению сырьевых материалов.

Председатель Кузьмин, секретарь Никифоров».

Так началась вторая волна продразвёрсток, окончательно надломившая терпение крестьян и заставившая их почти повсеместно взяться за вилы, топоры и колы. И главным очагом народной смуты стал Ишимский уезд, жители которого были гораздо сильнее, чем другие, обижены советской властью.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На следующее утро, после отъезда Петра с Иваном, Василий решил немного утеплить пригон для коней и соорудить в полуверсте от избёнки на одной из берёз укрытие-шалаш, в котором можно было нести караульную службу. Нарубив в тальнике с десяток охапок длинных прутьев и наломав в прибрежной части озера целую копну сухого камыша, он разбудил Степана, отдыхающего после своего дежурства, и уже вместе они приступили к исполнению задуманного. Обложили на сажень высотой четыре стороны пригона камышом, закрепили его к жердям таловыми прутьями и изладили прясла для корма. «Ну, вот, теперь наши лошади не на сквозняке будут стоять. Хоть и не конный двор, а всё легче им будет переносить вьюги. Впереди самые холодные и буранистые дни нас ждут. Кто знает, сколько ещё придётся отсиживаться здесь», - довольный работой, произнёс Губин. «Слушай, командир, а что ты собираешься делать с тремя лошадьми, которых мы у красноармейцев отбили?» - спросил Степан. «Не у всех же наших будущих бойцов, как у нас с тобой, будут свои кони. Вот мы и посадим их на трофейных. На первых порах будут без сёдел ездить, а даст Бог, и ими обзаведутся», - ответил Василий и предложил: «Пойдём, Степан, в избу и немного перекусим. А сразу после обеда начнём устраивать на дереве сторожевое укрытие».

Огромная берёза с толстыми сучьями почти от земли, стояла в саженях десяти от тропинки, которая вела к избе. Обойдя её вокруг и внимательно осмотрев ствол до самой верхушки, Василий одобрительно произнёс: «Это то, что нам надо. Давай, неси сюда охапки три камыша, охапку сена, и вожжи, а я пойду нарублю мелких талин».

Устройством немудреного укрытия Губин занимался сам. Он поднялся по сучковатому стволу сажени на три вверх, очистил от лишних веток небольшую

площадку и опустил один конец вожжей вниз, Субботину. Тот обвязал, пучок таловых прутьев и крикнул: «Поднимай». Соорудив из тальника на толстых ветках берёзы плетёный настил, а над ним плетеную крышу, Губин поднял с земли половину заготовленного камыша, которым покрыл крышу, а затем сено и остатки камыша. Сено он аккуратно разложил на плетёном настиле, а из оставшегося тальника и камыша смастерил стены, устроив в них смотровые отверстия.

Спустившись на землю, Василий посмотрел на творение своих рук и весело сказал: «Курятник, а не шалаш». «Уж больно он заметен для постороннего глаза», - подхватил Степан. «Это днём, а ночью на него никто и внимания не обратит. Зато службу в нём нести можно, не боясь, что обморозишься. Да и сигнал, в случае опасности, караульный своевременно сможет подать, чтобы куманьки не застали отряд врасплох», - возразил командир и направился к избушке. Уже оказавшись на тропинке, он повернулся, посмотрел в сторону укрытия и как бы между прочим, одобрительно произнёс: «Удачное место для наблюдения мы с тобой, Степан, выбрали».

Весь вечер, Василий и Субботин поджидали своих боевых товарищей. Из-за этого даже ужинали они чуть ли не в полночь. Но Петр с Иваном в избушке так и не появились. «Что там с ними могло произойти? Неужели кто-то из деревенских предал и куманьки захватили их тёпленькими в постелях? Не может такого быть. Братуха - парень хитрый и просто так его не возьмёшь. Может, с родителями, что случилось? Ну, да что гадать. Завтра, если до вечера не появятся, то отправлю на разведку Степана», - решил Губин и примостился на нарах, чтобы немного отдохнуть. В первую ночь, после отъезда боевых товарищей, на дежурном посту они с Субботиным менялись раза четыре. Но в эту ночь, забравшись в отстроенное укрытие, Степан решил дать своему командиру на отдых побольше времени, и разбудил его только в часов семь утра. «Ты почему меня раньше не поднял?» - удивился Губин. «Пожалел. Ты же всё-таки командир наш и тебе больше положено привилегий, чтобы голова лучше работала. Да и условия для несения караула стали благоприятней», - улыбнулся тот. «Ну, ладно, иди, ложись на мои нары, пока они ещё не остыли, а я заодно и завтрак приготовлю», - сказал Василий и вышел из избы.

Навестив в утеплённом пригоне лошадей и оставшись довольным их состоянием, Губин прошёлся по тропинке до поворота в сторону шалаша-укрытия и остановился. «Добротный получился. Кинуть в него тулуп - можно будет всю ночь одному дежурить», - сделал вывод командир небольшого повстанческого отряда.

Пётр с Иваном появились в расположении лагеря только вечером следующего дня. И не одни. Вместе с ними прибыли ещё три молодых парня - Номировский Ермолай из Городищ, Фирулёв Николай из Пинигино и Карпухин Емельян из Петровки. Пётр с Иваном ехали верхом, а остальные на дровнях, загружённых провиантом и продуктами. «Принимай, командир, пополнение», - улыбаясь, сообщил Пётр. «А мы вчера вас поджидали». «Вчера, братуха, я делами занимался. Зерно на жерновах молот, сена с делянки три копны домой привёз, ну, да и других забот было невпроворот. Теперь ведь в нашей избе ещё и твои родные сёстры с тёткой Евдокией живут. Вот уже три дня будет, как пешком из Большого Сорокино пришли», - огорошил Пётр. «Как у вас живут? А почему не дома?» - не сразу понял Василий. «Выселила, братка, советская власть всю твою семью из родного дома. Теперь в нём какая-то контора располагается», - ответил Пётр. «А тятя где живёт?» - глухим голосом спросил Губин-младший. «Он пока у своего брата, Дмитрия Васильевича, обитает. Что дальше будет делать - мне не ведомо». «За что с ними обошлись так? Чо плохого мои родители сделали Советской власти? Будь она проклята и на колы насажена за свои злодеяния», - словно простонал Василий и заиграл желваками. «Видно, вся вина их в том, что тебя родили и не таким, как хотелось бы новой власти, воспитали», - произнёс Карпухин Емельян. «Наступит время и я за всё с этими зверями рассчитаюсь. За каждую слезинку моей матери и сестёр кровью заплатят мне краснопузые иуды», - едва сдерживая гнев, заявил Василий. И немного успокоившись, спросил: «А дядьку Семёна всё ещё держат в Ишимской каталажке?». «Батя и все наши деревенские, кроме бывшего председателя сельского совета, вчера поздно вечером домой вернулись. К сожалению, мне не удалось обстоятельно поговорить о том, как с ними обходились в каталажке. Но по настроению отца, понял, что хорошего там было мало», - ответил Пётр. «Ладно, не будем тратить время на разговоры. У нас впереди ещё вся ночь. Поэтому, сегодня располагайтесь на ночлег на полу, а завтра придётся третий ярус нар пристраивать. Семь человек - это уже почти половина отделения войскового. Сила немалая. Тем более, что оружие кое-какое есть», - сказал Василий и посмотрел на новобранцев. «Мы тоже не с пустыми руками прибыли. Привезли немного зерна, сала, других продуктов. Есть у нас одна бердана и две самодельные пики. Так, что к военной службе подготовились», - сообщил Фирулёв Николай, самый младший из прибывших. «Ну, раз к службе ратной готов, то сразу после паузна, приступай к дежурству на вышке», - приказал Губин.

Первую половину следующего дня часть членов отряда соорудила дополнительные спальные ярусы нар, а вторая занималась уборкой в пригоне у лошадей, проверкой поставленных на озере фитилей и чисткой оружия. Уже затемно в отряде появился и Знаменщиков Гришка. Рядом с ним на саях, гружённых сеном и зерном, сидели два молоденьких парня. Заметив прибывших, Василий поздоровался и спросил: «А этих бойцов где ты подобрал?». «Наши, деревенские – Зотий и Филипп Знаменщиковы. Комиссары у них отца до полусмерти забили, вот они и хотят с куманьками за него поквитаться», - ответил Григорий. Василий немного подумал и сказал: «Им здесь не надо оставаться. Избёнка итак переполнена постояльцами. Лучше будет, если они дома продолжают жить и нашего сигнала ждать. Да и тебя иногда подменят. Небось, кто-то уже гадает, куда это ты так часто из деревни выезжаешь. И по селеньям парни могут проехаться, чтобы новости о продотрядах узнать». «К сожалению, нам не на чем по деревням разъезжаться. Последнюю кобылёнку красные ещё осенью забрали», - ответил один из братьев, явно разочарованный отказом командира взять в отряд. Василий вновь ненадолго задумался и решительно сказал: «Ладно. Оставайтесь оба. Что-нибудь придумаем с вашим устройством». Братья посмотрели друг на друга и радостно улыбнулись. «Спасибо, командир. А то мы уже думали свой отряд создавать», - произнёс старший Филипп, после чего они пошли на улицу, чтобы забрать своё небогатое имущество и занести в избушку.

Решив вопрос с очередным пополнением, Василий попросил Григория рассказать последние новости. «Тебе, наверное, Петр уже сообщил о родителях и сёстрах?» - спросил тот. Василий молча кивнул головой. «Я с твоим отцом встречался, когда в Большое Сорокино на базар ездил. Осунулся и состарился он сильно. Видно всё внутри горит от негодования и беспомощности. О тебе спрашивал. Просил, чтобы ты в селе не появлялся, так как волостной милиционер его постоянно в отношении тебя теревит. А когда до Большого Сорокино дошёл слух о нападении на продотряд, Зайчиков так прямо и заявил ему: «Это дело рук твоего сына-бандита». По его представлению волоском принял решение о выселении всей вашей семьи из избы и передаче её в пользу государственной власти». От сказанного Григорием в глазах Василия даже потемнело. Наконец, справившись с эмоциями, он спросил: «Степана Аверина видел?». «И видел и разговаривал. Он пообещал, что при первой же возможности приедет к тебе. У него сейчас жизнь тоже тяжёлая. С отцом какая-то болезнь приключилась - он потерял голос, а из братьев в живых остался только Семен. Куда остальные подевались, я спрашивать не стал. Ну, а что касается

других новостей, то их хоть отбавляй. Советская власть продолжает страшно лютовать! По уезду уже давно недобрый ропот бродит. Стычки на почве продрозвёрсток во многих волостях происходят. Смертей уже много со стороны крестьян имеется. В общем, жизнь с каждым днём становится всё тяжелее и опасней. Что дальше будет, только самому Богу известно», - рассказал Знаменщиков и замолчал. «И Богу не известно. Он не ведаёт того, что дьявол на земле творит» - заметил Василий и тоже притих. Первым прервал молчание Григорий. «Сказывают, что в Балаганах ссыпной пункт охраняют всего семь красноармейцев, во главе с продотрядовцем. Кроме винтовок и нагана у них другого оружия нет, да и к ним-то патронов не шибко густо. Может накрыть их ночью и изолировать дня на два? За это время Балаганские и из соседних деревень мужики развезут зерно по своим схранам» - предложил он. «Нововяткинские мужики нашли отбитый у продотряда обоз?» - спросил Василий. «В тот же день, как один мой верный человек подсказал им где его искать» - ответил Григорий. «Твоё предложение надо обмозговать хорошенько. А для того, чтобы принять окончательное решение, я должен знать всё о этом ссыпном пункте. Где в селе его искать? Как и когда к нему подобраться ловчее будет и у кого на постое находятся красноармейцы? В общем нужна информация точная и полная». «Тогда туда надо отправлять братьев, у них в Балаганах родственники живут» - посоветовал Григорий. «Вот это уже другой табак. Прямо сегодня же и пошлю», - решительно заявил Василий и подозвал к себе братьев. «Вот что, бойцы, необходимо кому-то из вас, не откладывая в долгий ящик, отправиться в село Балаганы и произвести разведывательные действия. Меня интересуют все сведения о ссыпном пункте и о людях, которые его охраняют. А также неплохо бы знать о большевистских активистах села и их помощниках. Задача ясна? Даю минуту на размышление и ответ», - произнёс твёрдым голосом Губин и посмотрел на парней. «Может, мы вдвоём туда направимся?» - спросил Филипп. «Нет. Любой из вас и только один». «Тогда я готов выполнить это задание», - ответил младший брат. «Вот и хорошо. Бери Булануху Номировского Ермолая, подложи под свой зад потник и сразу после ужина выезжай в Балаганы. Инструктаж я тебе чуть попозже выдам», - распорядился командир.

Григорий и Филипп отряд покинули вместе. Но уже через пару вёрст их пути разошлись. Старший Знаменщиков повернул налево, в сторону своей деревни, а младший - направо, взяв курс на большое село Балаганы, до которого было не менее двадцати пяти вёрст. И хоть Филиппу неуютно было сидеть на костлявом хребте Буланухи, но это было гораздо лучше, чем добираться до Балаган пешком. Правда, он не сразу понял, почему командир дал ему для по-

ездки именно Булануху и без седла, и только дорогой понял, что эта неказистая кобыла мало у кого вызывала интерес, так же, как и её седок, набивающий мозоли на ягодицах. После разгадки хитрости командира, Филиппу даже ехать стало легче, несмотря на тёмную и снежную ночь. А учитывая, что он с детства пешком бродил по этим полям и берёзовым колкам, ещё до рассвета оказался у тесовых ворот своего родного дядьки по материнской линии.

Осознавая, что численность отряда достигла того количества, когда настала пора придавать ей организационную форму, Василий уже с утра следующего дня приступил к распределению обязанностей. Нести охранную службу было поручено Чикиреву Петру, Субботину Степану, Беловацкому Ивану, Номировскому Ермолаю и Знаменщикову Зотию. А так как Карпухин Емельян на добровольных началах вызвался кашеварить, то за Фирулёвым Николаем были закреплены хозяйские обязанности: уход за лошадьми, колка дров, проверка капканов и фитилей и доставка с озера воды. Сам Губин взял на себя общее руководство этими процессами и воинскую подготовку тех, кто в армии не служил. И сразу после этого в повседневной деятельности бойцов появились осмысленность и порядок.

В отряд Филипп вернулся на исходе вторых суток. Он по-деловому, чётко, доложил Василию о результатах своей вылазки в Балаганы и уже в конце добавил: «Большой бунт зреет в народе. Не сегодня-завтра в Чуртанской и Викуловской волостях крестьяне за вилы возьмутся». «Это кто тебе сказал?» - спросил стоящий рядом Пётр. «Мой дядька и не только он. Я и от других мужиков слышал об этом», - ответил Филипп и продолжил: «Они и сами готовы подняться на борьбу с куманьками». «Ладно, об этом в другой раз поговорим, когда время придёт. Сейчас давайте подумаем, как успешней нам провести нападение на ссыпной пункт и его охрану», - перевёл Василий разговор на предстоящую операцию. А в том, что она необходима, он не сомневался. «Бойцов нельзя в клетке держать. Их нужно в деле проверять и закалять. Да и сам я пока необходимого опыта в подобных делах не имею», - рассуждал командир.

Нападение на Балаганский ссыпной пункт и захват партийных активистов Губин наметил на ночь следующих суток. Вначале хотел в операции задействовать всех бойцов, но вспомнив, что лошадей только восемь, Карпухина решил оставить на хозяйстве. «Почему меня, а не кого другого?» - обиженным голосом спросил Емельян. «Ну, во-первых ты верхом плохо ездешь, а во-вторых, кто ещё нас встретит вкусным обедом, как не ты», - пошутил Пётр. «Ладно, поезжайте с Богом. Но в следующий раз я ни за что на базе не останусь».

В очередной поход отряд выдвинулся почти сразу же как стемнело. На улице стоял мороз, а на небе властвовала холодная луна, освещая белёсыми лучами дорогу всадникам. «Надо было предупредить Емельяна, чтобы он замёл наши следы выезда из леса», - подумал Василий, но тут же успокоил себя: «Карпухин - мужик догадливый. Сам допрёт до этой мысли». Оказавшись на наезженной дороге, Губин приказал Филиппу ехать первым, а сам устроился следом за ним. Застоявшемуся Воронко решение хозяина не понравилось, и он рванул было в обгон, но его пыл остудил резкий рывок поводьев. А после двадцати вёрст заснеженного пути, он и вовсе успокоился.

За три версты до большого села отряд остановился, чтобы окончательно определиться со своими дальнейшими действиями. «Значит, так. После захвата ссыпункта, Пётр, Филипп, Зотий и Степан направляются задерживать большевистских активистов, а мы обезоруживать остальных красноармейцев. Сделать всё это должны скрытно, внезапно, тихо, но без особой спешки. Стрелять только в крайнем случае. После завершения нападения, все, включая пленных красноармейцев, должны быстро покинуть пределы села. А ты, Филипп, выждав время, поедешь к своему дядьке и сообщишь о оставшемся без охраны ссыпункте. Пусть срочно поднимает сельчан и разбирают зерно», - поставил задачу командир. И немного подумав, спросил: «Всем всё понятно?». «А что тут может быть не понятным? Главное, чтобы красноармейцы нас не заметили раньше времени и не подняли тревогу», - ответил за всех Пётр. «Поэтому я и предупредил, что необходимо всем соблюдать скрытность», - повторил Василий и добавил: «Коней оставим на окраине села. Дальше передвигаться будем пешком».

Двух красноармейцев, которые несли караульную службу на ссыпном пункте, нападавшие обнаружили спящими в небольшом деревянном домике, стоящем за заплотом двора, рядом с общественными амбарами. Их даже будить пришлось. Открыв глаза и не сразу поняв, кто находится в караульном помещении, красноармейцы в один голос заорали: «Как вы посмели зайти на территорию охраняемого объекта!? А ну, марш отсюда! Не то получите по пуле в свои задницы!». Но подкрутив фитиль керосиновой лампы и заметив, что незваные гости вооружены, а их винтовок рядом с ними нет, быстро перестроились и заискивающими голосами стали просить пощады. «По сколько человек охраняете ссыпной пункт и через какое время меняетесь?» - спросил Василий. «Днём по два красноармейца, а ночью по три. Меняемся через каждые шесть часов. Мы заступили в одиннадцать часов вечера», - ответил один из красно-

армейцев. «А третий где?» - спросил Губин. «Должен скоро прийти. Мы его за самогонкой к одной вдове отправили», - ответил тот же красноармеец. «Пётр, организуй встречу третьего подельника», - приказал Василий. «Всё будет изложено в лучшем виде, командир», - ответил Чикирев и вместе с Беловацким вышли из помещения.

Третьего красноармейца ждать пришлось больше часа. Подзагулявший боец, по-видимому не торопился к своим товарищам от тёплой и хлебосольной вдовы. Поэтому, когда на подходе к охраняемому объекту был сбит ударом Петра с ног, он не сразу сообразил, что с ним произошло. И только тогда, когда Петр поднёс к его носу кулак и предупредил, чтобы не вздумал орать, красноармеец понял, что его сладкая сказка закончилась.

Связав руки и ноги красноармейцев ремнями, и оставив с ними Зотия с винтовкой, остальные быстро удалились с территории ссыпного пункта и продолжили выполнение намеченного плана. Ещё четверых красноармейцев, включая их старшего, они взяли также спящими и без шума. Надёжно затянув ремнями за спинами им руки и связав между собой общей верёвкой, Василий приказал Фирулёву и Беловацкому вести их на выход из села, туда, где они оставили своих коней, а сам побежал к Зотию за остальными красноармейцами.

У группы Петра поначалу тоже всё складывалось удачно. Они без особого труда захватили спящего под боком у жены председателя волисполкома, затем обманом вызвали на улицу и связали секретаря местной партийной ячейки ВКП(б). Но, когда дело дошло до ареста волостного милиционера, произошла досадная осечка. Надеясь, что он после праведных дел тоже спокойно отдыхает, Пётр решил ворваться в его семейное гнёздышко внезапно. Став напротив окон, по его сигналу, Филипп и Степан, прикладами винтовок выбили рамы и в одно мгновение оказались внутри избы. Из горницы послышался женский визг и детский плач. Петр бросился туда и громко выкрикнул: «Товарищ милиционер, не вздумай стрелять. А то не пожалею твоих детей!». Но ответа на предупреждение не услышал. «А ну, вставай и одевайся. Хватит за женой прятаться», - предложил Пётр. И на сей раз, ответа не последовало. В тёмной горнице по-прежнему был слышен плач детей и какое-то бессвязное женское бормотание. Влетевший в горницу следом за Петром Степан подошёл вплотную к кровати и спокойным голосом спросил: «Муж дома?». «Не-е-ет», - дрожащим голосом ответила женщина. «А где он?». «Не-е-знаю». Поняв, что от жены милиционера они вряд ли что добьются, Петр на всякий случай спросил её: «Может на работе или у любовницы своей задержался?». Женщина

внезапно перестала бормотать и твёрдым голосом ответила: «У неё он сейчас. У Нюрки Козловой, проклятой разлучницы». «А где её изба находится?» - спросил Петр. «С краю третья справа, как на Знаменщики ехать», - подсказала жена милиционера. «Теперь мимо её дома наши красноармейцев пленных ведут. Заметит он их! Не может не заметить. Уж больно большая толпа передвигается по селу посреди ночи», - молнией пронеслось в голове у Чикирева и он тут же принял решение. «Степан, вы с Филиппом забирайте председателя волисполкома и секретаря партийной волячейки и по задам огородов ведите их к стоянке лошадей, а я попробую догнать наших и сообщить им о месте нахождения милиционера».

Но предупредить товарищей он так и не успел. До них оставалось ещё сажень сто, как на окраине села послышались револьверные выстрелы. «Не дай бог, попадёт в кого-ни будь из наших! Хорошо если сразу насмерть, а если тяжело ранит?! Тогда его придётся врачам показывать», - сокрушался Пётр. В это время прогремел одиночный выстрел и всё затихло. Но не прошло и минуты, как по всей деревне зазвучал собачий лай. «Нужно немедленно выбираться из Балаган. А то не успеешь и глазом моргнуть, как кто-нибудь из оставшихся куманьков по телеграфу вызовет подмогу. Или нарочного в Викулово пошлёт», - подумал Пётр и ускорил шаг.

Василия и остальных бойцов, сопровождающих связанных красноармейцев, Петр догнал уже за пределами села. «Все живы?» - первым делом спросил он у брата. «Живы, если не считать легко раненого в ногу Николая да красноармейца в плечо», - ответил командир. «А что с волостным милиционером? Сбежал или вы его застрелили?». «А ты откуда знаешь, что это милиционер был?». «Жена его сказала, что он у Нюрки Козловой в постели находится, и где искать её дом подсказала. Но к сожалению, помочь вам я уже ничем не смогу». «А где Степан с Филиппом?» - спросил Василий. «Секретаря сельпартячейки и председателя волсовета ведут огородами к стоянке лошадей», - ответил Пётр и повторил вопрос: «Так всё-таки, что с милиционером случилось?». «Отоспал волостной милиционер на чужих подушках. Теперь на постоянное место его определит советская власть», - ответил неопределённо Василий, и чуть погодя, добавил: «Чуткий оказался краснопузый. Вроде и шли-то мы по улице тихо». Петр не стал спрашивать брата о том, чья пуля оборвала жизнь куманька, заметив, что тот не расположен вести разговоры на эту тему. «Ладно, захочет, сам расскажет. Но после этого нападения на ссыпной пункт, у советской власти не будет другой заботы, как найти убийц волостного милиционера», - решил он.

Оказавшись на стоянке лошадей, Василий распорядился: «Пётр, Степан, Николай, Ермолай и Зотий забирайте пленных и выдвигайтесь вперёд. Я дождусь остальных и постараюсь вас нагнать. Если не получится, то подождите нас там, где мы прошлый раз зерно прятали». Не задавая лишних вопросов командиру, бойцы отряда сели на коней и потянули за собой связанных одной верёвкой красноармейцев.

Степан с Филиппом и их подопечные прибыли к месту встречи минут через двадцать, после того, как его покинула первая часть отряда. До рассвета оставалось не больше четырёх часов, поэтому допрашивать представителей советской власти Василий не стал и подзвав Филиппа, выдал ему команду: «Мы со Степаном будем догонять основную группу отряда, а ты действуй, как договорились. Но долго в селе не задерживайся. Это опасно не только для тебя, но и твоих родственников. Зерно пусть прячут понадежнее».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Губин следовал сразу за захваченными в селе слугами советской власти. Невольно вглядываясь в спины своих врагов, он размышлял о том, что уже скоро ему придётся решать их дальнейшую судьбу. «Расстреливать, конечно, не будем. Если бы в бою они попались, то тогда другое дело. Но и в свой лагерь взять их не можем. Там нам самим тесно. Ладно, догоним наших, а тогда видно будет, как с этими краснопузыми поступить», - решил он. Анализируя действия бойцов отряда во время захвата ссыпункта и партийных активистов, Василий в основном был доволен ими. Но вспомнив о завершающем этапе этой операции, напрягся. «Зачем милиционер выскочил на крыльцо и стал палить из нагана? Переждал бы в избе, пока мы мимо прошли, и жив бы остался». И вдруг из уголков недалёкого прошлого всплыл первый бой с красными, в котором он вынужден был участвовать на стороне колчаковцев. Тогда для Губина красные не были врагами, как таковыми не были и колчаковцы. Они были для него единоверцами и братьями по крови, которых дьявольское коварство ввергло в смуту и противостояние. Поэтому, мчась на Воронку по улице большого села, он даже и не искал глазами врагов, так как не понимал, как люди на одно лицо с ним и говорящие на одном с ним языке, могут быть таковыми. Да и выстрелил он тогда в красноармейца не для того, чтобы убить, а скорее для того, чтобы напугать. В том бою Василий не чувствовал себя воином, защищающим от иностранных захватчиков своё Отечество. Он был простым солдатом, участвующим в полковом учении. Ему даже не верилось, что такой же солдат как он, может прицелиться в него и по-настоящему убить. Отрезвление наивных мыслей к нему пришло тогда, когда на следующее утра после боя эскадрон полупьяных колчаковских казаков согнал в кучу пленных красноармейцев и без лишних слов расстрелял всех до единого. Вернее, кроме одного – Федыки Пироженко, которому Василий, Степан и Петр помогли избежать участи своих

идейных товарищей. А чуть позже он, вместе с другими красными партизанами, с такой же жестокостью, как казаки, сжигал заживо в казармах простых деревенских парней, которых насильно заставили служить царскому адмиралу Колчаку. Но и в тот раз, не Пироженко спас однополчан от гибели, а Василий и Степан подарили вновь жизнь ему самому. И чтобы больше не участвовать в братоубийственной войне, они почти год скрывались в татарском ауле. Но теперь, когда Василий в полной мере испытал на себе унижения, оскорбления и дьявольскую хватку власти коммунистов, он уже сомневался в том, что правильно ли сделал, когда дезертировал из колчаковской армии. Как-никак, а она за восстановление монархии воевала. А при царе-батюшке крестьянам Сибири жилось сытно и спокойно. Вспомнив Пироженку, у Губина на душе стало ещё тяжелее. «Как там Полина поживает? Свидимся ли мы когда-нибудь? Теперь для её брата я настоящий враг, которого он никогда не поймёт и не простит. Но это уже неважно. Я выбрал свой путь и пойду по нему до конца», - встрепенулся Губин и негромко выкрикнул: «Прибавь, Степан, ходу. Пусть товарищи большевики немного погреются».

Первую группу отряда они догнали недалеко от места назначенной встречи. И объединив всех пленных в одну кучу, в полном составе продолжили путь. Пётр подъехал к брату и спросил: «Какие у тебя планы насчёт куманьков и красноармейцев?». «Пока окончательного решения не принял», - ответил Василий. «Может, все вместе подумаем? Не у тебя одного к ним претензии серьёзные есть», - предложил Пётр. «Я не возражаю. Доберёмся до того поворота, где собирались остановку сделать и обсудим», - согласился Губин и от этого ему на сердце даже легче стало. «Как большинство решит, так и поступим», - подумал он.

Обсуждение дальнейшей судьбы куманьков и их сподручных проходило бурно. В результате появились два варианта. Первый – секретаря волпартячейки и председателя волсовета расстрелять, а красноармейцев раздеть до нижнего белья и отпустить на все четыре стороны. Второй – красноармейцев отпустить, а куманьков забрать с собой в лагерь. Выслушав эти варианты, Василий предложил свой – завести всех пленных недалеко от дороги в лес и привязать к деревьям. «Наказание это будет достаточным, чтобы краснопузые на себе ощутили страдания крестьян, которых они раздели до нитки. В тоже время мы не возьмём на душу грех за их смерть, которую они, конечно же, заслуживают. И особенно эти два куманька. Можно, конечно, их и расстрелять, но тогда нам придётся в срочном порядке искать другое убежище, так как на

наши поиски будут брошены регулярные войсковые подразделения. А это сделать нам пока не под силу. Скоро светать начнёт и, наверняка, по дороге поедет кто-нибудь из местных. Так что у куманьков будет шанс не оконечить до смерти и быть освобождёнными. Да и нам поскорее надо покидать эти места и возвращаться в лагерь», - объяснил Губин товарищам своё предложение. «Тогда какой смысл был в нашей вылазке в Балаганы?» - удивлённо спросил Иван. «Для того, чтобы у балаганских мужиков и крестьян ближайших деревень появилось время беспрепятственно забрать из общественных амбаров своё продовольственное и семенное зерно», - ответил Василий. «Но ведь гибель милиционера нам тоже никто не простит. Куманьки всё сделают, чтобы нас найти и поквитаться», - произнёс Пётр. «Полностью согласен с тобой. Поэтому нам необходимо срочно начать искать запасной вариант убежища», - ответил Василий и добавил: «Если особых возражений по моему предложению нет, то давайте действовать».

Осуществить даже это бескровное предложение оказалось не так просто. Почувствовав, что бородатые молодые мужики приняли по их судьбам какое-то решение, секретарь волостной ячейки РКП(б) стал громко выкрикивать гневные слова: «Никто не имеет права совершать насилие над представителями коммунистической партии и советской власти! Только бандиты и отморозки не понимают этого. Пусть мы погибнем сейчас, но наша власть не забудет про нас и свершит над вами праведное возмездие! Вы никогда не победите негибаемую силу коммунистического духа! Вы, тупые бараны, одурманенные религией и верой в царя, скоро будете все уничтожены или изгнаны с территории России!». Испуганно жавшиеся друг к другу красноармейцы после его выкриков вдруг воспряли духом и стали пытаться освободиться от ремней. Прекратил митинг Пётр. Он подошёл к главному волостному коммунисту и со всей силой ударил его кулаком в подбородок. Тот лязгнул зубами и стал медленно оседать на снег. Вмиг погас и всплеск эмоций в действиях красноармейцев. «Жаль, что мы решили не губить ваши поганые душонки. Я бы вас между двух деревьев за ноги привязал и разорвал, как лягушат», - произнёс Пётр и стал крепко прикручивать вожжами куманьков к толстой берёзе.

Закрепив надёжно пленных к деревьям и перевязав раненую руку у одного из них, отряд в полном составе, включая присоединившегося Филиппа, на рысях окольными путями двинулся в сторону своего лагеря. Уже в пути, Василий подъехал к Филиппу и спросил: «Как думаешь, успеют мужики из амбаров зерно вывести и запрятать?». «Может, всё не успеют, но выгребут много. Я ещё

там был, когда село пришло в движение. Кто на подводах мчался к ссыпункту, кто на быках, а кто пешком, с пустыми кулями на плече. В общем, спать сегодня в Балаганах никто не будет», - улыбнулся тот в темноту.

На базу отряд прибыл уже на рассвете. Поручив братьям Знаменчиковым и Номировскому Ермолаю замести снегом следы от поворота с дороги до наблюдательного пункта, остальным командир объявил короткий отдых. Но Николай Карпухин решительно заявил: «Я всю ночь готовил еду, поэтому, пока не попажнете, спать я вам не позволю». Василий посмотрел на кашевара, улыбнулся и утвердительно махнул рукой. «Валяй, корми. Наверное, ещё и по кружке самогонки поднесёшь?» - спросил он. «А какая без неё может быть дружная застолье! Обыкновенное харчевание и всё», - признался Николай и позвал всех к столу.

Степан Аверин в расположение отряда заявился во второй половине дня, ближе к вечеру. Приезду друга Василий заметно обрадовался. И хотя ему не терпелось скорее попытаться его по всем волнующим вопросам, командир первым делом приказал кашевару накормить гостя. «Ну, а теперь рассказывай, с чем ты к нам пожаловал? Какие новости с собой привёз? Не пора ли нам в Большом Сорокино власть в свои руки взять?» - спросил Василий, когда Аверин закончил трапезничать. Тот немного помолчал, затем стал степенно излагать обо всём по порядку: «Добирался я к вам через Сергино. В Знаменчиках сейчас находится продотряд с усиленной охраной, который прибыл, чтобы забрать оставшееся у деревенских семенное зерно и отвезти его в Большое Сорокино на ссыпной пункт. По всей волости такое беззаконие творится. Наверное, после Знаменчиков, в Сергино куманьки нагрянут. В общем, чтобы мне здесь оказаться, пришлось делать круг немалый. Полдня на это потратил, но вижу, что не зря. Хотя и тесновато у вас, но порядок чувствуется во всём. О том, как советская власть обошлась с твоими родными, ты знаешь, поэтому лишний раз беречь твою душу не буду. Скажу только, что вчера видел Ивана Васильевича и поговорил с ним немного. Старик переживает за тебя сильно. Просил, чтобы я передал тебе слова родительского благословения на добрые дела и пожелание хранить себя от шальной пули. Ну, а в Большом Сорокино тоже становится беспокойно. Вроде и нет явных выступлений крестьян, а в воздухе пахнет грозой. Чувствуют, по-видимому, её и куманьки. Неслучайно усилили продотряды солдатами из войск внутренней службы. Колосов Иван рассказывал, что не только в Ишимском уезде куманьки сопротивление со стороны крестьян встречают, но и в Ялуторовском не всё у них ладится. Поэто-

му, не сегодня-завтра бунт мужицкий может полыхнуть во всей губернии, а может и шире. Думаю, что не долго вам придётся отсиживаться здесь, в ряму». «А твой отец как себя чувствует? Григорий сказывал, что какая-то хвороба к нему пристала?» - спросил Василий. «Плохи дела у моего батяни. Даже иногда память теряет. Окончательно добила его нынешняя жизнь. Ты же знаешь, каким крепким мы были хозяйством. Всего было в достатке. И лошадей, и крупнорогатого скота и инвентаря разного. А земли обрабатывали сколько! Думали, что дальше только прирастать всё это будет. Но вот пришли к власти коммунисты и всего лишили. И не только имущества, но сама семья наполовину сократилась. Нет у меня больше сил терпеть эту несправедливость. Была бы моя воля, всех бы коммунистов в расход пустил», - со злостью в голосе выговорился Степан. «Так иди к нам. Вместе будем куманькам кровь портить», - предложил Василий. «Давно бы с вами был, если бы отец не чувствовал себя так плохо. Твоих из собственного дома куманьки выселили, так они хоть в добром здравии находятся, а если моих лишат жилья, то отец и мать недели не проживут. Слабы очень», - ответил Аверин. И немного помолчав, добавил: «Я тоже не сложа руки в избе сижу. Потихонечку сколачиваю отряд из шибко обиженных на куманьков молодых парней и мужиков. Так что, при первой же возможности власть в селе возьмём в свои руки». «Это очень хорошо, коли так. Тогда нам с тобой надо постоянную связь наладить, чтобы вовремя оказать содействие в уничтожении власти коммунистов не только в селе, но и в волости. И ещё: попрошу, чтобы ты подыскал в кратчайшее время убежище нашему отряду и желательно просторней, чем это. Не сегодня-завтра комиссары обязательно сюда нагрянут. После сегодняшнего нашего ночного похода в Балаганы, они землю копытами рыть будут, чтобы наказать нас. Мало того, что в результате этого нападения на село крестьяне зерно с ссыпункта растащили, так ещё и волостной милиционер убит. Да и состояние красноармейцев и волостных начальников неизвестно. Думаю, что пообмороживали они свои конечности», - рассказал Василий. «О первом вашем набеге на обоз я слышал, а вот о сегодняшнем ещё нет», - заинтересовался Степан. «Да и не мог ты о нём слышать, так как с утра плутал по полям и лесам. Думаю, когда вернёшься домой, басен наслушаешься», - ответил Губин. «А милиционера-то зачем убили?» - удивлённо спросил Аверин. «Он первым открыл огонь по нам из нагана. Ранил одного пленного красноармейца и нашего бойца. Пришлось выстрелить раз из винтовки. Но я не переживаю об этом. Жаль, что на его месте не оказался Зайчиков, в того я бы всю обойму выпустил», - откровенно признался Василий. «Да, дорогой товарищ, за убитого милиционера комиссары и в самом деле постараются вас найти и отомстить. А

сколько было пленных и что вы с ними сделали?» - поинтересовался Аверин. «Семерых красноармейцев, секретаря волячейки РКП(б) и председателя волисполкома отвели подальше от Балаган и привязали к берёзам. Думаю, что часа два-три им пришлось дрожжи попродавать», - ответил Губин и посмотрел на друга детства. Тот помолчал немного, о чём-то подумал и наконец высказался: «Теперь вам необходимо быть крайне осторожными. Может, даже никаких вылазок пока не делать. Я постараюсь дня за три найти другое убежище. Есть у меня одна задумка, о которой пока распространяться не буду. В общем, если всё срастётся, то сообщу подробности через Григория. Сам сюда я больше не приеду, так как куманьков могу привести на вашу лёжку».

После совместного ужина, Степан ещё часок побыл в кругу бойцов отряда, ответил им на заданные вопросы, затем тепло попрощался и вскоре растворился в ночной тишине. Проводив друга, Василий сначала проверил несение охранной службы бойцом, сидящим на берёзе в укрытии, затем заглянул в пригон к лошадям и только после этого вернулся в избушку. В ней было тепло, даже чуть душновато, но на сон бойцов это не влияло. Губин лёг на свои нары и через некоторое время тоже заснул.

Часа через два его разбудил голос Петра: «Вставай, братуха, к нам гость пожаловал». Не сразу сообразив в чём дело, Василий открыл глаза и заметив стоящего рядом брата, спросил: «Какой ещё гость? Григорий, что ли?». «Нет, не он, а его посланник», - ответил Пётр. «Где он?» - уже твёрдым голосом спросил Губин. «На улице стоит. Звать?». «Конечно, зови. Чо ты его на морозе держишь? Устал небось с дороги-то!» - ответил Василий и поднялся с нар.

Петр ввёл в избу небольшого росточка пацана и представил: «Бачин Михаил по поручению Григория к нам прибыл». «Сколько тебе лет?» - спросил Василий. «Ноне в марте четырнадцать годков стукнет», - ответил тот смело. «И ты не побоялся ночью по лесу идти?» - удивился Губин. «А чо мне ночи и леса бояться? Волков в наших местах мало, а лисы и зайцы сами меня сторонятся. Я их из петлей и капканов почти кажинный день вытаскиваю», - с достоинством ответил поцан. «Ну, рассказывай тогда, с каким заданием прислал тебя к нам Григорий!» - приказал Василий. «Он просил передать, что после прошлой ночи куманьки все местные милицейские силы бросили на ваш поиск. Также то, что мужики балаганские почти всё зерно из общественных амбаров до утра вытащили. Сейчас продотрядовцы трясут их страшно, но найти захоронки не могут. А в отношении куманьков и красноармейцев, которых вы оставили привязанными в лесу, просил не переживать. Их обнаружил какой-то челноковский

мужик, который ехал утром по той дороге в Балаганы. В каком они состоянии, Григорий не знает, но думает, что должны были шибко обморозиться. Часов пять стояли на морозе привязанными», - закончил доклад Бачин. «Больше ничего не просил передать Григорий?» - уточнил Василий. «Нет. Только просил быть осторожными и не высовываться зря», - дополнил пацан. «А какая сейчас обстановка в Знаменщиках?» - спросил Пётр. «Тяжёлая очень. Продотрядовцы пригнали пятнадцать подвод и выгребают семенное зерно из амбаров тех, у которых ещё оно осталось. А охраняют их аж тридцать всадников во главе с командиром. Злой такой дядька. Как чуть что, сразу за шашку хватается или из револьвера в воздух стреляет. Народ даже пикнуть не может против его», - подробно ответил Мишка. «Ты когда в обратную дорогу выходить собираешься?» - спросил Губин. «А чо мне долго у вас задерживаться? С часок передохну и в обратный путь», - ответил пацан. «Толкни, братка, Емельяна, пусть гостя накормит хорошенько», - попросил Василий.

Подкрепившись и немного отдохнув, Михаил подошёл к Василию и спросил: «Командир, Григорию-то, что передать?». «Скажи, что у нас всё пока спокойно. За предупреждение передай отдельное спасибо. Будем усиливать охрану своего лагеря. А ещё передай, что у нас был Степан. Знаменщиков знает о ком идёт речь. Вот, пожалуй, и всё», - ответил Василий. «Передам. Но и у меня к тебе есть разговор. В ваш лагерь попасть можно не только с той стороны, где пост на берёзе оборудован. Для тех, кто знает эти места, и прямо через озеро не составит труда подобраться. Поэтому, отсюда я пойду на лыжах напрямую, а вы, как рассветет, хорошенько изучите по моим следам этот путь. Может пригодится, если чо». «Спасибо, Мишка, за подсказку. Обязательно воспользуемся твоим советом», - поблагодарил смышлёного паренька Василий и проводил его до берега озера, занесённого сугробами. Тот встал на короткие охотничьи лыжи, нацепил на носки пимов ремешки и проворно тронулся с места. «Молодец какой! Настоящий охотник!» - подумал Губин и вернулся в избу.

«Храбрый паренёк! Из такого хороший разведчик получится», - высказался Пётр, словно подслушал мнение Василия. «Ты вот что, братка, усиль охрану лагеря. Один пусть продолжает наблюдать за округой с дерева, а второму поручи находиться ближе к озеру и следить за противоположным берегом. Мишка через него пошёл. Сказал, что там тоже хороший подход к избушке есть», - приказал Василий и снова прилёг на нары.

В особом режиме ожидания отряд провёл почти восемь дней, но повода для тревоги за свою безопасность пока не испытал. Это немного нервирова-

ло молодых, горячих парней, но другого варианта, как ждать, у них не было. Да к тому же ещё морозы сильные ударили, промораживая насквозь брёвна избушки и доводя до озноба застоявшихся коней. Чтобы хоть как-то согреть животных, Василий поручил каждый день выпускать лошадей из пригона и заставлять их двигаться по сугробам в прибрежной части озера. Почти без прерыва дымилась и печная труба. И только по истечению восьмых суток мороз ослаб, и ему на смену пришли мощные бураны. А ещё через день, поздно вечером, в расположении отряда появились Степан Аверин и Григорий Знаменщиков. По их лицам Губин сразу понял, что пришли они в отряд с важными известиями. И не ошибся. Уже вовремя совместного ужина его однополчане стали наперебой рассказывать о том, что происходит в Ишимском уезде и за его пределами. «На юге и на западе уезда восстали крестьяне Уктузской, Ларихинской и Пегановской волостей. Там тоже, как и в Большом Пинигино, дело дошло до стрельбы и жертв и не только со стороны крестьян, но и со стороны куманьков. Даже есть женщины и дети погибшие. Напуганные коммунисты запросили у губернских властей дополнительные военные части, чтобы своевременно усмирять восставших крестьян. Правда, в Большом Сорokino никаких особых изменений не происходит, однако, как долго такой мир продлится, сказать трудно. Продотряды свою деятельность почти закончили, теперь лютуют посевкомы, которые состоят из тех же продотрядчиков. Но о каких семенах теперь может идти речь, если основная часть этого зерна отдана в счет продовольственной развёрстки. Моральное состояние у крестьян такое, что как будто конец света наступил. Полное безразличие ко всему, что происходит в жизни волости и всего общества. Некоторые семьи уже перешли на подножный корм. Многие питаются всем, что только можно в пищу употребить. Даже мясо дохлых телят отваривают и едят. Что дальше будет – представить страшно. До весны-то ещё далеко. Да и от неё ждать особо нечего. Ни семян, ни лошадей, ни быков и даже коров в большинстве крестьянских хозяйствах не осталось. А комиссары всё раздевают их и раздевают», - высказался Аверин. «После вашего нападения на Балаганы такой шум был в округе, что даже начальник уездного ЧК, в сопровождении полуроты красноармейцев, приезжал в нашу деревню. Многих жителей спрашивали по поводу вашего возможного местонахождения, но ничего конкретного, по-видимому, узнать так и не смогли. Меня тоже допрашивали. Задавали вопросы о тебе. Ты, мол, как мы знаем, с Губиным Василием в царской армии служил и у колчаковцев вместе был. Кто, кроме тебя может знать где дружок-бандит скрывается. Хорошо, что нас вместе тогда никто из деревенских не видел, а то бы до пыток

дело дошло. Лёгким испугом отделался. Поспрашивали, поспрашивали, да и отстали. Но, думаю, не махнули окончательно куманьки на ваш отряд рукой. Закончится пурга, и они вновь займутся поиском. За убитого волостного милиционера, за растащенное семенное зерно и за обмороженных куманьков и красноармейцев комиссары огромный зуб на вас заимели», - предостерёт Григорий. «Не успеют они отряд найти. Я прибыл сообщить Василию, что подыскал хорошее укрытие на Северном болоте. В своё время там дед мой охотился со своими братьями и сыновьями. Богатые уголья были. Они даже просторную избу, баню и двор громадный на острове смастерили. Летом и зимой на этой заимке их знакомый татарин жил. Скот и птицу разводил. В общем, за имуществом приглядывал и полезным делом занимался. Травы вокруг болот хорошие, сочные. Вот он и заготовливал на всю зиму для скота сено. Я совсем ещё мальцом там с отцом был и думал, что заимка уже сгнила или сгорела. Но, на всякий случай, решил проверить. Отец, хоть и теряет порой память, но дорогу туда помнит ещё хорошо. Подробно мне рассказал, как короче и удобней добраться до заимки. А когда оказался на месте, то от удивления ахнул. Всё целёхоньким стоит. И изба, и баня, и пригоны. Хоть сейчас заселяйся и живи. Правда, далековато от Большого Сорокино. Через Тиханиху вёрст пятьдесят, а отсюда и вовсе не менее семидесяти. Но зато условия для создания крупного отряда отличные и в части безопасности надёжны», - порадовал Аверин. «Добрую весть принёс ты нам, дружище. В любом случае, нам необходимо срочно отсюда уходить. Но как запасной вариант, мы эту базу оставим. Мало ли какая ситуация. Может, когда и в этих краях придётся ещё с краснопузыми встретиться. Так что определяй, Степан, время и место встречи, чтобы отвести нас на Северное болото, и мы прибудем туда всем отрядом, со всем имуществом», - высказался Василий. Аверин немного помолчал, подумал и предложил: «Сегодня у нас двадцать девятое января. Даю вам на сборы и переход до деревни Тиханихи трое суток. Двигаться старайтесь в тёмное время. В деревни не заходите, и особенно скрытно нужно обойти саму Тиханиху. Буду вас поджидать первого февраля к вечеру в трёх верстах севернее деревни», - предупредил Степан. Пробыв в отряде до полуночи и обсудив все вопросы о действиях отряда, Степан и Григорий попрощались с обитателями базы и двинулись в обратный путь. И если Григорию до дома было около пяти вёрст, то Аверину предстояло проскакать более тридцати. Но мысль о том, что он причастен к благородному делу по защите своего края от самодурства и унижений со стороны власти коммунистов, придавала ему сил и решительности.

Сборы в дорогу отряд начал на следующее утро, и уже к обеду всё материальное имущество, хозяйственный инвентарь и продукты бойцы упаковали в вещевые мешки и аккуратно сложили их в углу избы. «До встречи со Степаном двое с половиной суток. За это время можно успеть совершить вылазку в ближайшую деревню. Хорошо бы ещё немного оружия достать», - предложил Пётр. «Может не стоит рисковать?» - осторожно возразил Субботин. «А чем мы рискуем? Внезапно налетим и так же внезапно исчезнем», - не сдавался Чикирев. «На кого собрался налетать? Ты хоть знаешь, в какой деревне красные засели?» - остужал пыл товарища Субботин. «В селе Челноково есть общественные амбары, которые охраняют красноармейцы», - вмешался в спор Знаменщиков Зотий. «Так это же почти по пути», - обрадовался Пётр. Не вмешивающийся до этого в разговор Василий посмотрел на своих товарищей и произнёс: «Хоть Челноково и в стороне стоит, но пощекотать на прощание нервы красным неплохо было бы». И повернувшись к Зотию, спросил: «Ты точно знаешь, что там общественные амбары с зерном есть?». «Точно. Даже знаю, где они находятся. Я не раз в этом селе был», - ответил тот. «Ну, что, братуха, рискнём?» - загорелся Пётр. «Сколько от нас до Челноково?» - уточнил Василий. «Вёрст пятнадцать или чуть больше», - ответил Филипп. «Тогда решаем так. Сегодня, сразу после полуночи, все, кроме Карпухина, выдвигаемся в сторону Челноково. На махах врываемся в село и прямым ходом к общественным амбарам. Другой цели, как завладеть оружием красноармейцев, у нас нет. В случае отпора с их стороны, в бой ввязываться не будем, а дружно отступим за пределы Челноково и продолжим путь на новую базу. А ты, Емельян, поедешь на подводе с вещами. Выехав на дорогу, свернёшь налево, в сторону деревни Чаша и не доезжая до неё с версту, углубишься саженой на двадцать в лес и будешь нас поджидать. Согласны со мной?» - спросил командир и посмотрел на бойцов. Те молча кивнули. «Ну, раз согласны, то давайте перекусим и немного отдохнём», - предложил командир.

Покидая обжитую базу, Василий ощутил на душе какой-то дискомфорт от расставания с ней. Целый месяц она служила ему и укрытием, и местом создания боевого отряда. Но решение было принято, и нужно было его выполнять. Выехав на санный путь, который соединял между собой крупные сёла Абатское и Викулово, отряд разделился. Вернее, от него откололась только подвода Емельяна, которая свернула налево, а остальные восемь всадников рысью направились на восток, в сторону Челноково.

Из официальной хроники

Начиная с последней декады декабря 1920 года, в Ишимском уезде стали постоянно происходить открытые стычки крестьян с продотрядами и представителями партийных органов. Особое беспокойство у уездного начальства вызывали южные и северные волости. А воинские подразделения вынуждены были в оперативном порядке тушить очаги разгорающихся пожаров. В середине января, военком 182-го стрелкового полка Ф. Алексеев докладывал военкому 61-й бригады войск ВНУС:

«Выезжал 1/1 в район восставших селений Уктузской, Ларихинской, Пегановской волостей для разбора событий, произошедших на почве продразвёрстки. Особенно характерные на этой почве произошли случаи открытого враждебного отношения в сёлах Травное, Останино и Уктуз, что к западу от Ишима 45-65 вёрст. Дело обстояло следующим образом: в селе Большое Травное из Ларихи прибыл отряд 185-го батальона числом в 27 штыков под командой тов. Денисова, который по инициативе продуполномоченного хотел сделать собрание. Выбрав дом, красноармейцы отряда вошли в него, выставив на церковной площади двух часовых, ожидая в доме сбора крестьян. В это же время толпа женщин и детей, подстрекаемая сзади мужчинами, набросилась на двух часовых. Один из часовых предупредил толпу, что будет стрелять. Предупреждение не действовало. Одна из женщин, поймав за штык часового, пыталась вырвать винтовку, который был вынужден выстрелить в неё, убив выстрелом одну крестьянку и одну ранив. Толпа на миг остановилась. Смущённый убийством, часовой отступил по направлению к отряду, который, видя толпу крестьянок и детей, сразу же на подводах стал отступать. Из толпы наступавших крестьян выстрелом из винтовки была убита одна лошадь у отряда. Вытеснив отряд, толпа сразу же принялась за разграбление ссыпункта, в котором было до 3000 пудов хлеба. Прибывший отряд 182-го полка под командой тов. Петрова ночью же этого дня без выстрела восстановил порядок, и в наказание Большеотравинскому обществу было забрано до 35000 пудов хлеба.

В селе Останино картина с некоторым изменением. Прибывший в ночь на 1/1 продволисполкома из села Локти гр-н Пахотин ночью объявил собрание крестьян села Останино. Вслед за тем же, как только было собрано собрание крестьян села Останино, прибыл уполномоченный продучастка Братков с отрядом в 19 штыков из 185-го батальона под командой Захарова. Толпа крестьян, разрезав отряд на части, стала их теснить к дворам и тут же вы-

рывать винтовки у красноармейцев; некоторыми из них был открыт огонь по дому, в котором было собрание. Толпа ещё сильнее напёрла на стрелявших, оттеснив их за село в числе 7 человек. Расстреляв патроны, красноармейцы, сбросив тулупы, бежали вместе с Братковым. Во время стрельбы была убита одна крестьянка, один зарублен и 4 ранены. Восставшими были арестованы 12 красноармейцев, председатель совета, уполномоченный губпродкома т. Филимонов, волвоентком, ковшвода Захаров и несколько местных коммунистов.

2-го числа я прибыл с отрядом тов. Петрова. Ночью же произвёл совместно с уполномоченным губпродкома тов. Бучатским аресты. Арестовали главарей Останинского села в числе 6 человек, по опросе которых выяснилась вся их политфизиономия. Один крестьянин-колчаковец и денкинец по службе руководил движением женщин и вёл агитацию такого рода: говорил крестьянам, что соввласть пала в Омске, Кургане и Петропавловске, кричал: «Бей коммунистов, не давай им хлеба!» и т.д. Остальные – одна учительница, два культпросветработника из крестьян (кулак со своей женой). Весь собранный политический материал и арестованные переданы предгубЧК тов. Студитову. Арестованные же красноармейцы и лица, упомянутые выше, восставшими останинцами были в ту же ночь освобождены и винтовки с патронами возвращены.

В Уктузском толпа крестьян численностью до 3000 человек, вооружённых винтовками, вилами, топорами и кольями, 1 января пыталась не впустить отряд 2-й роты под командой комвзвода Шестакова. Последний, соединившись с отрядом 181-го полка, повёл на село наступление и восстановил порядок. Со стороны противника убито 2, ранена одна лошадь. Главари движения вылавливаются, порядок восстановлен, развёрстка продолжает выполняться.

Весь ход движения женщин-крестьянок на почве продовольственной политики мог исходить только от того, что в указанных сёлах со стороны продорганов не было принято надлежащих мер, правильного пути разъяснения дела продполитики соввласти. Большинство приказов губпродкома противоречит положениям, коими снабжены продработники, и, учитывая это, кулацкие элементы и агенты контрреволюции подстрекают крестьян на восстание. Результатом жертв восстания в большинстве случаев подпадают бедняки деревни. Беднота и частью середняки-крестьяне учитывают хорошо положение момента и горько раскаиваются за свой обман. Приводя краткий пример, хочу сказать со своей стороны, что в этом направлении партийные силы уезда мало положили забот о разъяснении крестьянину задач соввласти,

о положении данного момента. Всё это обязует главным образом как партийные силы, так и их органы, напрячь, усилить работу в этом направлении и, с другой стороны, существует необходимость налаживания хозаппарата в продорганах. Учитывая и видя нашу бесхозяйственность, крестьяне не так уж охотно сдают и выполняют развёрстку, а кулаки тем более имеют на этом всюду агитацию.

Вот краткий обзор волнения крестьян и те соображения и мероприятия, кои необходимо в самом скором и безотлагательном времени провести в жизнь. №7.

Военком 182-го полка Ф. Алексеев».

Практически в это же время, заведующий отделом управления Ишимского уездного исполкома советов Д. И. Горностаев направил доклад в уездный комитет РКП(б) с обзором политического положения в уезде. В нём он излагал:

«Не касаясь причин, вызвавших эти волнения, сообщаю укому, что таковые имели место в следующих волостях: Большесорокинской, Безруковской, Ларихинской, Уктузской и Локтинской.

В Большесорокинской волости в дер. Пинигино волнение происходило 29 декабря; принимали участие мужчины и женщины. Этого числа прибыл продработник Коротков и отряд Зубринского. Коротков потребовал полного выполнения падающей на село развёрстки; крестьяне, собравшиеся толпой, отказались. Раздавались ответные выкрики: «Лучше помереть от пули, нежели от голода». Зубринский приказал разойтись по домам, но толпа не расходилась. Было сделано предупреждение о том, что будет употреблено оружие, даны два залпа в воздух, три, после того как толпа не расходилась - по массе. В результате крестьяне бросились бежать, оставив на месте 17 человек раненых, из них трое умерло от ран (по материалам политбюро).

В Безруковской волости в селе Песьяно столкновение с крестьянами произошло 26 декабря. Этого числа в названую деревню приехали продработники Калинин и Марков с отрядом красноармейцев и категорически потребовали выполнения всех развёрсток. Крестьяне – мужчины и женщины – собрались толпой в то помещение, где находились прибывшие, и держали себя очень нервно. Калинин приказал красноармейцам выйти из избы и занять все выходы из неё. Кто-то крикнул после выхода красноармейцев, что все находящиеся арестованы, и после этого хлынула из избы на улицу, раздались злобные выкрики.

Один молодой крестьянин бросился на красноармейца и стал вырывать у него винтовку, и в это время был убит наповал. На этого красноармейца бросился с поленом отец убитого, но был ранен другим красноармейцем, после чего толпа разошлась. На место был послан другой отряд, который при въезде в село Песьяно обнаружил признаки какой-то организованности. По селу были расставлены патрули на лошадях. После этого деревня успокоилась.

В Ларихинской волости в сёлах Старо-Травинское и Ново-Травинское 31 декабря происходило волнение, выразившееся, по показаниям продработника Седашева В., в следующем. Он, Седашев, поехал 31 декабря в село Ново-Травинское для выполнения продразвёрток. По приезде в эту деревню он заметил, что по деревне разъезжают двое верховых и собирают крестьян на собрание. Когда он спросил, для какой цели, разъезжавшие ответили, что для «созыва сельского совета». Заподозрив неладное, он отдал приказание подчинённому следить за происходящим, а сам поехал в Старо-Травинское. В Старо-Травинском на площади перед церковью собралась большая толпа, вооружённая разным дубьём и прочим. Когда он покончил дело в Старо-Травинском и направился поехать с отрядом дальше, то эта толпа первоначально загородила дорогу, и в это же время со стороны Ново-Травинского тоже продвигалась толпа, вооружённая чем попало. Этой толпе пришлось столкнуться с разведчиками Седашева, и в результате – двое убитых со стороны крестьян. Оцувившись в таком положении, между двух толп крестьян и крестьянок, Седашев и его отряд в 27 человек принуждён был отступить в ту часть села, которая была свободна. В тоже время старо-травинская толпа тоже начала наступать и на колокольне ударили в набат. Видя напор толпы, по ней пришлось дать залп; упало около 10 человек (впоследствии выяснилось, что они не были ни ранены, ни убиты), а также был дан залп по колокольне, после чего набат прекратился. На выходе из деревни отряд был обстрелян тремя людьми, ехавшими сбоку от них. Выстрелами убита у красноармейцев лошадь. Отряд отступил на Лариху, и потом, ввиду обнаружения признаков волнения, отступил в следующую по направлению к Ишиму деревню.

Увоенком на место происшествия в помощь отряду послал пехотинцев 15 человек, кавалеристов – 20 человек, с отрядом был послан тов. Недорезов. Отрядом без всяких стычек пройдены сёла Лариха, Ново-Травинское и Старо-Травинское. Товарищем Недорезовым выяснено, что: 1) потери со стороны крестьян: один убит и один ранен, убита женщина, 2) обнаружено деятельное участие женщин в Уктузской волости.

В селах Окунёво и Шамиурино выступление произошло 1 января 1921 г. принимали деятельное участие женщины. По показаниям нач. 4-го района милиции, незадолго до выступления, как он слышал от продработников, происходили в село Окунёво под видом богослужения по вечерам в церкви какие-то собрания, где большей частью присутствовали женщины. По сведениям политбюро, выступление крестьян началось 1 января в деревнях Окунёво и Шамиурино. Обе эти деревни организовались, двинулись на село Уктуз, где находился с отрядом продработник Абабков И. П., где толпа их окружила и хотела обезоружить. Но в это время прибыл помощник начмилиции 4-го района, который, будто бы по просьбе самого Абабкова, арестовал для видимости его и красноармейцев и отвёз их в Бердюжье. Совет и исполком в Уктузе разбежались, хотя толпа против них никаких репрессивных мер не намеревалась предпринимать. Все угрозы неслись по адресу продработников. Прибывшим другим продотрядом положение было восстановлено. После того, как был по Уктузу расставлен патруль, из села Окунёво приехали конные разведчики (крестьяне), и когда патрули спросили их: «Кто такие?» - они повернули и начали уезжать. Тогда по ним даны были выстрелы, и оба разведчика были ранены. Характерно, что этот случай, по показаниям начмилиции 4-го района, происходил 31 декабря, а по показаниям политбюро - 1-го января 1921 года.

В Пегановской волости в селе Пеганово брожение происходило 1 января. По показаниям политбюро, в нём принимали участие почти исключительно женщины, которые арестовали и обезоружили волостной исполком, продработника, отряд в девять человек и двух милиционеров. Женщины с винтовками заняли посты, избрали свой совет. Начальник 4-го района милиции прибыл в Пеганово, отобрал винтовки у женщин и восстановил положение. При аресте продработник и члены волисполкома были толпой избиты. Жертв со стороны крестьян нет.

Локтинская волость. В селе Локти было волнение 31-го декабря, где в это время был организован женский совет, который пытался контролировать действия исполкома. Прибывшим отрядом положение было восстановлено. Жертв нет.

В селе Останино той же волости 1-го января в 4 часа утра прибыл продотряд Браткова, с ним был продработник Филимонов. По его словам, уже в этот ранний час на улицах было полное волнение, большие всего были видны женщины. Толпа группировалась в три кучки. Он вошёл в квартиру, откуда услышал стрельбу и шум на улице. Он сразу же направился в совет узнать, в

чём дело, но когда бежал, то был опознан, повален на землю, обезоружен, арестован и посажен в холодный амбар, куда были вскоре доставлены председатель локтинского волисполкома и волвоенком. На улицах бродили женщины. Продотряд разделился, а часть его была поймана, обезоружена и арестована. В волнении принимали участие секретарь сельсовета, роль которого не выяснена. Но благодаря ему, по словам Филимонова, он спасся от самосуда. Допрос производила учительница; допрос был очень детальный, например спрашивалось, сколько сил в уезде, фамилии ответственных работников и прочее. В селе Останино есть двое убитых со стороны крестьян. По показаниям политбюро, один гражданин зарублен Братковым за отказ вести его из деревни, в перепалке убита одна женщина-старуха 62 лет, у которой три сына – красноармейцы (двое – добровольцами и один по мобилизации), и один человек ранен. Отобранные винтовки были возвращены прибывшему милиционеру.

В селе Ревякино той же волости в этот день было тоже сильное возбуждение, арестован сельский совет, жертв нет. В Пегановскую и Локтинскую волости после этого прибыл отряд ГубЧК во главе с товарищами Студитовым и Инденбаумом. Положение восстановлено. В этих сёлах распространялась кем-то телеграмма Инденбаума о десятипудовой норме. Всего жертв за это время в уезде со стороны продработников и красноармейцев нет, со стороны крестьян – семь человек убитых и 19 раненых.

Завотделом управления Д. Горностаев».

Руководитель полномочного представителя ВЧК по Сибири Павлуновский Иван Петрович внимательно следил за происходящим в Тюменской и Омской губерниях. Получая ежедневную информацию с мест от своих сотрудников и агентов, он сделал заключение, что на фоне проводимой продразвёрстки в скором времени может вспыхнуть крестьянский бунт. Поэтому, по его инициативе, президиум омского губкома РКП(б) провёл секретное заседание, на котором был рассмотрен этот вопрос. В протоколе №6 секретного заседания говорится:

«Слушали: 3. Сообщение т. Павлуновского о том, что весной возможны массовые крестьянские восстания, о подготовке которых в органах ЧК имеются сведения. Т. Павлуновский предлагает установить политическое руководство губкома и губисполкома работой ГубЧК в области борьбы с появлением и развитием крестьянских восстаний.

Постановили: 3. Для установления плана борьбы с возможными крестьянскими восстаниями созвать соединённое заседание Президиумов губкома и губисполкома, пригласив на это заседание персонально товарищей Монастырского Бориса Иосифовича – продкомиссара Омской губернии, Кагановича Петра Кирилловича – председателя Сибпродкома и члена Сибревкома, Смирнова Ивана Никитича – председателя Сибревкома и члена Сиббюро ЦК РКП(б), Павлуновского Ивана Петровича полномоченного представителя ВЧК по Сибири и председателя губЧК Гузакова П.В.

Секретарь губкома (подпись отсутствует)».

Весь январь бурлили мужицкие Тюменская, Омская, Екатеринбургская и Челябинская губернии. Но руководство продорганов словно не понимало, что главным раздражителем этих волнений являлись их действия. 26 января губпродкомиссар Тюменской губернии послал в Москву на имя В. И. Ленина очередную телеграмму с победными реляциями:

«Ваше боевое задание по погрузке хлеба в количестве пятнадцати продмаршрутов в Екатеринбург, в адрес «распредбаза наркомпрода» - выполнено.

Приступил к погрузке второго боевого задания хлеба в 250 000 пудов в Москву, наркомпрод. Погрузка мяса в счёт восьми продмаршрутов на этих днях заканчиваю. Усиьте подачу вагонов на линию Омск – Челябинск.

Губпродкомиссар Инденбаум».

В начале февраля тюменская ГубЧК представила своему руководству и губернскому начальству информационную сводку за январь месяц. В ней сообщалось:

«1. Общее политическое состояние среди населения, рабочих, крестьян и советских служащих.

Настроение населения губернии вообще за истекийший период резко изменилось в худшую сторону. Светлым пятном можно отметить только повышенное революционное настроение рабочих Тюмени.

Иную, противоположную картину представляет из себя политическое настроение крестьян. Крестьяне по-прежнему остаются темны, и им по-прежнему чужды и не понятны идеи коммунистов, а партия, в этом отноше-

нии делая всё, что от неё зависит, не может бросить в деревни агитаторов за неимением таковых. Крестьяне, не видя живого слова от партии большевиков, попадают под ловкую авантюру кулаков, попов и прочих тёмных личностей. Последние играют на самой больной струнке крестьянина, на хозяйственных вопросах. Нельзя, конечно, обойти молчанием, что повод к различным явлениям даёт отчасти и неумелый подход к государственной развёрстке, т.к. разнообразие, несогласованные приказы продработников на местах вызывают враждебное отношение крестьян к советской власти вообще, в частности к партии коммунистов.

Крестьяне не так возмущались первой развёрсткой, как проведением второй, семенной, и вывозом семенного хлеба на сыпункты. Особенно волнение крестьян заметно в Ишимском и Ялуторовском уездах, в остальных уездах – небольшое недовольство ввиду малого поступления продуктов и других предметов первой необходимости.

К коммунистической партии крестьяне относятся враждебно, приписывая ей все распоряжения, которые выгодны только коммунистам, и ещё потому, что многие коммунисты на местах, в ячейках, остаются только зрителями, т.к., не зная продовольственной политики, не в состоянии отвечать крестьянам на задаваемые экономические, хозяйственные вопросы.

Отношение к власти служащих выжидательное.

2. Забастовки: не было.

3. Политические партии и группы не обнаружены.

Взятые на учёт отдельные личности представляются в следующем виде.

По Ишимскому уезду: в г. Ишим членов партии «Народной свободы» - 43 человека, в уезде - нет, в городе эсеров - 41 чел., меньшевиков - 10 чел., анархического течения - 5;

По Ялуторовскому уезду: в г. Ялуторовск эсеров - 7 чел.;

По Берёзовскому уезду: меньшевиков - 8 человек.

5. Контрреволюционные явления.

В Ишимском уезде контрреволюционные банды начинают агитировать среди женщин, жён красноармейцев и вооружать их против советской власти.

В Тюменском уезде, в Нердинской волости, в Варваринских юртах, где пре-

обладающее большинство жителей - мусульмане, на собрании 21/1-21 г. отказались от проведения декрета по ликвидации безграмотности, также от проведения в жизнь приказа продоргана о создании пятидворок.

В Ялutorовском уезде жёны красноармейцев протестовали против отправки хлеба из Пятковского ссыпункта в г. Ялutorовск, требуя удовлетворения годичной нормой и выдачи семенного хлеба.

6. Заговоры: не обнаружено.

7. Восстания.

По Ишимскому уезду.

В волости Ларихинской, селе Старо-Травное 29 декабря 1920 года, где крестьяне стали выполнять возложенную на них развёрстку, секретарь сельсовета Криволапов собирает всех женщин и предлагает им отобрать ключи от амбаров, где хранится хлеб, ссыпанный по развёрстке. Когда были отобраны ключи, тот же Криволапов предлагает разобрать хлеб, разделить его между тех, кто ссыпал. Предложение женщины моментально привели в исполнение. После этого секретарь Криволапов организует женский сельсовет, на котором было постановлено: когда придет отряд, то его обезоружить и арестовать, поставить часовых, чтобы смотреть, когда он появится, и звонить в колокола.

Когда приехал отряд и видя, что без жертв не обойтись, дал вверх залп, вернулся обратно. Видя нерешительность продотряда, женщины ободрились, и когда явился второй отряд, то вступили с ним в схватку. В итоге получилось, что одна жена красноармейца убита (кулацкого происхождения), другая ранена – не красноармейка, из среднего положения. Главную роль в этом играла гражданка того же села Лаврентьева.

В Большеорокинской волости, дер. Пинигино 31 декабря 1920 года произошло столкновение крестьян с продотрядом, было пущено в ход оружие, в результате ранено 17 человек, из них трое умерло от ран.

В Уктузской волости, в селе Уктузское и дер. Шамишурино женщины прогнали продотряд, требуя оставление продкорма, убито 2 крестьянина.

По Ялutorовскому уезду.

В Омутинской волости, в дер. Чуркино 2 января на общем собрании гражда-

не категорически отказались провести в жизнь десятидворки, заявив в один голос «Долой власть совета!». Инцидент улажен. Инициаторы выяснены: были кулаки и двое правых эсеров.

В Юргинской волости, село Юрга, 7 января крестьяне, собравшись из разных деревень в количестве трёхсот человек, вооружённые палками, окружили квартиру продработников, выбили окна. Было дано четыре залпа. Толпа разбежалась. Жертв нет. инцидент ликвидирован, часть зачинщиков арестована.

8. Военное состояние.

Численность гарнизона на территории губернии - двадцать четыре тысячи красноармейцев и пять тысяч пятьсот лошадей. Настроение частей гарнизона в губернии среднее.

Большинство красноармейцев на территории губернии являются местными жителями. В связи с посылкой некоторых отрядов для проведения госразвёрсток таковые оказывали тяжёлое впечатление на красноармейцев. Сталкиваясь с товарищами непосредственно в частях и делаясь с ними вопросами произведённой развёрстки, крестьяне не умышленно, но подчас злобно вызвали массовое недовольство и ропот в среде красноармейцев-местных крестьян губернии. Во всех частях очень скрытое волнение на почве развёрстки.

В связи с демобилизацией армии, уходом в бессрочный отпуск увольняемых красноармейцев, от них отбираются казённое обмундирование и выдаётся худшее, что и вызывает недовольство среди красногвардейцев.

10. Недостаток советской работы.

Недостаток совработы наблюдается в основном в отсутствии политических и технических работников, а затем в неправильном понимании возложенных на руководителей обязанностей. Тормозом укреплению среди населения идей соввласти являются, главным образом, преступления по должности, превышение власти отдельными совработниками, а также халатное и небрежное отношение к распоряжениям соввласти, в особенности в уездах и волостях.

Эти явления наблюдались среди ответственных работников продорганов, выразившихся в несогласованной распорядительности, неумении подойти ближе к крестьянской массе. Факты:

г) Уполномоченный губпродкома т. Абабков И. П., со своим отрядом, работая в волостях Уктузской, Пегановской, Дубынинской, Ильинской по прове-

дению продрозвёрстки, производил над крестьянами издевательства: грабёж, избивание кулаками, нагайками, прикладами ружей без всякого основания. Лично Абабков сам избивал и, в довершение всего, пострадавшие крестьяне были арестованы и отправлены в Ишим. Уполномоченный Ишимского политбюро тов. Калинин сам лично видел у пострадавших на лице и на теле синяки. По приказу Абабкова продотрядом были избиты четырнадцать крестьян, у многих сняты полушубки, шапки, тулупы.

В результате таких выходов продроботников и их разнородных распоряжений были столкновения с жертвами. ---

Общие явления.

За истекающий период на территории губернии крупного бандитизма не замечалось, а есть случаи мелких краж, ограбления.

ПредгубЧК Студитов

Зав. секретным отделом, Бойко».

Получив информацию из Омской и Тюменской губерний о политическом состоянии в них и о возможных выступлениях крестьян, Политбюро ЦК РКП(б) обсудило её на своём очередном заседании и оформила его протокольно.

«Москва. 2 февраля 1921 г. Присутствуют: В. И. Ленин, Н. И. Бухарин, Н. Н. Крестинский, Е. А. Преображенский, Я. Э. Рудзутак, Л. Б. Каменев, А. А. Андреев.

Слушали: 3. Телеграмму т. Смирнова о положении в Сибири.

Постановили: 3. Поручить т. Склянскому организовать немедленно точное выяснение с Предсибревкома т. Смирновым и окрвоенкомом Приуралья вопроса о возможности произведения обмена уральских и сибирских войск без ущерба для продовольственных перевозок. Проект мер дать на заключение наркомпрода и в случае разногласия внести в Политбюро. Доклад тов. Склянского в Политбюро через три дня.

Подписи».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

До Челноково оставалось полверсты, когда Василий заметил чуть правее от дороги проблески костра, а впереди, прямо по ходу, трёх бородатых мужиков, с направленными в сторону отряда берданками. «А ну, стоять! Кто такие будете и куда прёте?» - окликнул хриплый мужской голос. «Мы Знаменщиковские. Едем в Абатск. Вы-то сами кто и как здесь в лесу ночью оказались?» - решил выиграть время Василий, чтобы разобраться в ситуации. «Что-то по голосу ты не походишь на мужиков Знаменщиковских. Спрыгни-ка с коня, подойди к нам», - приказал всё тот же голос. «Дядя Матвей, это командир нашего отряда. Он Большесорокинский», - послышался голос Зотия. «А ты ещё кто такой глазастый? Представься, откуда меня знаешь», - произнёс хрипловатый голос. «Я Зотий, а рядом со мной Филипп находится. Знаменщиковы мы будем», - ответил парень. «А вы чо по лесам ночью шастаете? Заблудились, ичёли?» - спросил Матвей. Поняв, что дорогу им переградили дозорные неизвестного мужицкого отряда, Василий ловко спрыгнул с Воронко и направился в их сторону. «Может, заблудились, а может приключений ищем. Вы вон тоже не дома на печи дрыхните», - заметил Василий, и подойдя почти вплотную, спросил: «Кто старший из вас? Поговорить надо». «Старший наш в селе находится, а мы здесь все равны», - ответил Матвей, высокий, худощавый мужик. «Так может подскажите, где его там отыскать?». «Сперва расскажи, мил человек, кто ты, и зачем тебе нужен наш командир?» - настаивал на своём Матвей. «Я большесорокинский крестьянин - Губин Василий. А это мои товарищи, которые избрали меня своим командиром. Ехали в Челноково, чтобы попортить настроение куманькам, да видно опоздали. Нашлись другие смельчаки, которым коммунисты тоже не по душе. Вот я и хочу поговорить с вашим старшим о дальнейших совместных действиях против куманьков», - объяснил Губин. «Больно маловат у тебя отряд, командир. Но, вижу, лихие в нём парни, если все при лошадях и с оружи-

ем. В общем, дам я паренька расторопного, который вас к нашему старшему сведёт», - пообещал Матвей и выкрикнул: «Филька, ступай с этими молодцами в село и покажи им дом, где командующий Северным фронтом остановился». Последние слова неприятно кольнули слух Василия. «Командующий Северным фронтом! Откуда такой фронт взялся и когда возник? Почему мне о нём ни Григорий, ни Степан Аверин ничего не говорили? Ну, да ладно, при встрече с этим большим командиром и выясню», - решил он и подзвав к себе Зотия, скомандовал: «Сажай на спину своего мерина Фильку и поезжай первым».

Несмотря на предутреннее время, большой командир не спал. Поэтому, как только Филька сообщил ему о прибытии незнакомого отряда, он тут же пригласил его командира в избу. Василий тщательно на крыльце смёл веником с пим снег и пригнув голову, чтобы не удариться о дверной косяк, переступил порог временного штаба Северного фронта. «Кто такие? Откуда и с какой целью прибыли в Челноково?» - полетели жёсткие слова в сторону ночного гостя. Василий взглянул на сидящего перед ним на табуретке усатого, широкоплечего и широколицего сорокалетнего мужчину в новеньком белом полушубке и спокойно ответил: «Сам я из Большого Сорокино - Губин Василий. Остальные бойцы отряда из Знаменщиков, Большого Пинигино, Городищ и Петровки. Хотели напасть на ссыпной пункт, как мы уже делали в селе Балаганы». «Так налёт на Балаганы – ваших рук дело?» - оживился командующий. «Наших. И нападение на продотряд за Нововяткино тоже наших». «Молодцы! Много шума наделали. Краснопёрые до сих пор вас разыскивают. Где же вы прячетесь?». «Есть такое местечко», - улыбнулся Губин. «Ладно, не буду пытаться. Чувствую, что ты парень битый. Наверное, и в царской армии служил?» - спросил командующий. «Было и такое со мной. В Петропавловском гарнизоне два года военному делу обучался». «По выправке вижу, не рядовым солдатом закончил службу». «Фельдфебелем. Был заместителем командира разведывательного взвода», - с достоинством ответил Губин. «Это хорошо! И, наверное, грамматёшка имеется?». «Два класса церковно-приходской», - коротко ответил Губин. Командующий внимательно посмотрел на стройного, симпатичного молодого мужчину и представился: «Коротков Александр Степанович - командующий северным фронтом повстанцев Ишимского уезда. До этого состоял на службе у новой власти в качестве сотрудника Ишимского уездного военного комиссариата». Василий хотел было спросить с какого времени существует фронт, но передумал. «Вот, что, Губин, раз ты прибыл в Челноково для того, чтобы захватить ссыпные склады и раздать хлеб настоящим хозяевам, значит нам с тобою по пути. Поэтому, предлагаю влиться со своим отрядом в войско фронта и принять

участие в защите селений, которые на сегодня заняты нашими отрядами. Что ты на это скажешь?» - спросил Коротков. «А какими силами располагает Северный фронт?» - не удержался от вопроса Губин. «Думаю, что до тысячи человек наберётся. Правда, вооружены они пока плохо. Но надеюсь, что в скором времени мы это исправим. Уже сегодня в село должен прибыть отряд вооружённых красноармейцев и продработников, для того, чтобы нас отсюда выбить и зерно вывезти в Ишим. Поэтому, если ты готов со своими орлами влиться в общий фронт, который растянулся от Каргалинской и Озернинской волостей до Быструхи, то выдвигайся за село в сторону западного направления и жди общего сигнала», - дал указание Александр Степанович. Василий некоторое время колебался, подумал и твёрдым голосом заявил: «Мы готовы присоединиться к общему фронту». Как только он вышел из избы, к ожидающим его бойцам, Пётр спросил: «Ну, чо? На самом деле Северный фронт есть или нам мужики байки заливали?». «Вроде есть, если принимать за правду слова командующего Короткова, который сказал, что в рядах боевых отрядов фронта насчитывается более тысячи бойцов и контролирует они огромную территорию. От Каргалинской и Озернинской волостей до Быструхи, что в двадцати верстах от Абатска. В общем, дал я согласие на присоединение к нему и нашего отряда. Поэтому, необходимо ещё затемно укрыться за селом, в западном направлении. А после того, как здесь появится отряд красноармейцев и мы получим сигнал, то вновь ворвёмся в его пределы», - поставил задачу перед бойцами Губин.

Выехав на зады огородов последней улицы, отряд углубился саженей на сто в лес и остановился на берегу реки Язьяк. «Сколько нам здесь ждать? Может костёр разведём, а то бойцы замёрзнут. Да и подкрепиться бы не помешало», - предложил Субботин. «Я не возражаю. Только пламя высокое не распалайте», - предупредил Василий и поехал обследовать место. «Интересно, сколько вокруг Челноково, таких отрядов, как наш? И что замышляет Коротков? А, если в село нагрянут регулярные войска, чтобы очистить его от повстанцев? Порубят безоружных мужиков на куски и всё. Надо было поинтересоваться у главнокомандующего по этому вопросу. Мы хоть и вооружены, но что толку от восьми стволов, если краснопёрые вдарят по толпе из пулемёта и винтовок. Обязательно предупреджу своих, чтобы осторожными были и особо не выпячивались. А вечером, если всё закончится благополучно, надо кого-то из бойцов отправить к Карпухину, чтобы они вдвоём ехали на встречу с Авериным, и начали готовить заимку к нашему приезду. Думаю, что не один день мы здесь пробудем», - рассуждал Василий, пробираясь через кусты тальника, плотно покрывшего левый берег реки.

Оружейный дуплет, который являлся сигналом и который отряд с нетерпением ждал, прозвучал в часов десять утра. Губин первым вскочил в седло. Оказавшись на улице села, они ровной цепью, направились в сторону церкви. К их приезду, вся площадь была заполнена разномастным народом, который выкрикивал гневные слова, махал колами, вилами и топорами и медленно соединялся в кольцо. С вершины Василию хорошо были видны те, к кому относились эти угрозы. Посреди живого кольца стояло до двадцати красноармейцев, с направленными в сторону толпы винтовками, и прикрывали собой пятерых продработников, отличавшихся от них новыми полушубками и глубокими малахаями из лисьего меха. Из разгневанной толпы вышел Коротков и вплотную приблизился к красноармейцам. О чём с ними говорил главнокомандующий Северным фронтом повстанцев, и как на его слова реагировали продработники, Василий не слышал. Неожиданно раздался револьверный выстрел и один из напиравших мужиков свалился на землю в круг, прямо за спиной Короткова. Толпа вначале отпрянула назад, но затем резко рванулась вперёд. Успел прозвучать ещё только один выстрел, как все красноармейцы и те, кого они защищали, были повержены на землю и подверглись жестокому избиению. Сложно сказать, чем бы гнев народный для красноармейцев и продработников закончился, если бы не раздался очередной револьверный выстрел в воздух и зычный голос командующего: «Граждане! Рано ещё убивать краснопёрых. Они должны будут теперь послужить приманкой для более важных куманьков. А после того, как мы их схватим и уничтожим, то разберёмся и с этими. Поэтому, заберите у них оружие, снимите с продотрядчиков полушубки и малахаи и заприте их в общественных амбарах. Да не забудьте охрану надёжную поставить, чтобы не сбежали, или кто-нибудь по душевной доброте не освободил их».

Сразу после окончания заварухи на церковной площади, Василия разыскал Филька и скороговоркой выпалил: «Тебя командующий у себя ждёт. Поторопиться велел». «Что от меня Короткову потребовалось? Может, новости какие из Ишима пришли, и он хочет ими со мной поделиться? Или, может, предложение решил мне какое сделать? В толпе-то не очень густо толковых людей. Крестьяне пожилые да бабы визгливые. Их хоть и много, сотен пять было, а застрекочи пулемёт, враз все по домам разбежались бы», - размышлял Губин, добираясь до избы командующего. «Ну, что скажешь о сегодняшних событиях?» - улыбаясь в усы, спросил Коротков. «Обыкновенный бунт мужиков и баб», - честно сказал Василий. «Ничего, к вечеру подтянутся вооружённые отряды с севера и востока, тогда боеспособность наша в разы усилится. Завтра, край - послезавтра,

в Челноково коммунисты вынуждены будут направить регулярные воинские силы, а не такой сброд, какой на площади граждане сегодня чуть не придушили. Вот с теми потруднее будет сражаться. И не из-за того, что мы слабее их, а потому, что у нас оружия настоящего мало. Хоть бы пару пулемётов раздобыть. А где их возьмёшь, как не в бою с регулярной армией? Поэтому я и жду и побаиваюсь этой встречи. Но раз встали на путь борьбы с сатанинской силой, то придётся и отдать этой борьбе самого себя до конца», - высказался Коротков и помолчав, продолжил: «Тебя я вот по какому делу позвал. Большое Сорокино и деревни этой волости до сих пор находятся под коммунистами, а не под нашим фронтом. Поэтому, предлагаю тебе возглавить движение, направленное на установление там мужицкой власти. Наверняка, у тебя в родном селе есть на кого положиться и с кем изгнать эту шваль со своей кровной земли. Неужели и дальше позволишь им глумиться над собой, близкими и земляками? Подумай, парень, хорошенько над моим предложением. Сразу предупреждаю, что войска я тебе не выделю и оружия не дам. Сам, наверное, понимаешь, какие события ждут нас в ближайшее время. Но когда победим комиссаров здесь, обязательно вышлю пару сотен человек тебе на подмогу. Ну, что на это мне ответишь?». «Неожиданное предложение, но давно мной выстраданное. Поэтому, я не буду колебаться и выполнение его откладывать на завтра, а прямо сегодня приступлю», - ответил Василий. «Вот и хорошо! Для поддержания двухсторонней связи, я с тобой Фильку направлю. Он смышлёный паренёк, не подведёт», - закончил разговор Коротков и Василий вышел из избы.

«Зачем тебя приглашал командующий?» - спросил Субботин, как только командир подъехал к своему отряду. «Предложил поднять в Большом Сорокино бунт и захватить власть в свои руки», - коротко ответил Губин. «А чо, мне его предложение нравится. Из Викулово, Каргалов и в Готопутово коммунистов уже выгнали, а в Большом Сорокино они ещё держатся. Срочно этим куманькам надо под зад надавать», - загорелся Пётр. «Ну, раз предложение командующего нравится, то прямо сейчас и выдвинемся в сторону Знаменщиков», - определился Губин. «Все?» - спросил Зотий. «Все, кроме тебя и Филиппа. Вы останетесь здесь нашими глазами и ушами. И если какие-то будут происходить важные события, которые могут повлиять на ход восстания, будете нас информировать», - ответил Василий. Зотий недовольно поморщился, но вслух возражать не стал.

Из Челноково отряд из семи человек выехал в пять часов вечера, рассчитывая в Большое Сорокино прибыть глубокой ночью и сразу же приступить к на-

падению на все советские учреждения и места проживания продотрядчиков. Добравшись по Викуловскому тракту до поворота на Знаменщики, Василий позвал Номировского и выдал ему поручение: «Тебе, Ермолай, предстоит продолжить путь по прямой, в сторону деревни Чаша, и отыскать Карпухина Емельяна. А мы подождем вас в Знаменщиках у Григория. Всё равно Аверин Степан раньше завтрашнего утра не двинет в сторону заимки, поэтому застанем его ещё дома. В предстоящей воинской операции, он незаменимым помощником будет для нас». О том, что у него созрел план захвата власти в Знаменщиках, Василий пока не делился ни с кем. «Доберёмся до Гришки, тогда на месте и сориентируемся», - подумал он. Но Пётр, услышав поручение Ермолаю, тотчас же спросил: «Никак, братуха, задумал в Знаменщиках краснопёрых пугануть?». «Если появится такая возможность, то мы просто обязаны это сделать», - уклончиво ответил Губин. «Появится. Я думаю, знаменщиковские куманьки в курсе того, что в Челноковской волости творится. При первом же выстреле разбегутся кто куда», - уверенно произнёс Чикирев. «Нам не нужно, чтобы куманьки разбегались. Мы их должны задержать и посадить под арест. А что с ними дальше делать, решит крестьянский сход деревни», - предупредил Василий. «Как скажешь, командир, было бы кого ловить». «Вот и молодец, что понял правильно меня. Поэтому подбираться к дому Григория будем задами огородов, чтобы не спугнуть слуг советской власти», - предупредил Губин и они ускорили бег лошадей. До Знаменщиков оставалось не более шести вёрст.

Григорий ещё не спал, когда услышал настойчивый стук в кухонное окно. «Кого это ещё принесло на ночь глядя? Может от Губина кто прибыл?» - подумал он и осторожно поднялся с кровати. Вначале подошёл к окну и попробовал через стекло разглядеть ночного гостя. Но сквозь замороженную ледяную корку, сделать это не удалось. «Придётся выходить во двор», - пробормотал Григорий, и накинув на нательное бельё, полушубок, вышел в сени.

«Рано, однополчанин, ложишься спать. Только ночью в мире свершаются самые главные дела, а ты в это время у жены под бочком греешься. Может, вступишь во двор?» - раздался весёлый голос Петра. «Чикирев, тебя каким ветром в Знаменщики занесло? Что-то случилось? Я думал, что вы уже на север перебрались», - огрызнулся Григорий, открывая ворота. «Я не один нагрелся. Почти весь отряд решил тебя навестить». «А где остальные?». «Ждут моего сигнала», - ответил Пётр и пронзительно свистнул.

Когда бойцы оказались во дворе, поздоровавшись с хозяином, Василий сказал: «В избу мы не пойдём, а обговорим наши дела здесь. В первую оче-

редь меня интересует, сколько в деревне пособников коммунистов, включая красноармейцев и продотрядовцев, и где они квартируют». «Неужто задумал их всех этой ночью перебить?» - испуганно спросил Григорий. «Нет. Только арестовать и посадить под охрану общества. А затем мы поедем дальше, в Большое Сорокино и сделаем тоже самое с волостными куманьками», - ответил Губин. «Но вы же вроде собирались на север уйти. Зачем вам лишний шум поднимать?» - никак не мог понять намерение отряда Григорий. «Там нам пока делать нечего. Челноковская, Чуртанская, Викуловская, Готопутовская, Озернинская и Каргалинская волости уже под контролем восставших мужиков и если мы возьмём власть в Большесорокинской, то можно смело сказать, что правление коммунистов в наших краях закончилось», - ответил Василий и добавил: «У тебя под носом существует целый Северный фронт повстанцев, а ты даже не сказал нам об этом». «Какой Северный фронт? Я и на самом деле ничего о нём не слышал», - удивился Григорий. «Настоящий фронт. В нём задействованы не менее тысячи крестьян, которыми командует Коротков Александр Степанович, бывший сотрудник ишимского военного комиссариата. Так что, отвечай быстрее на мой вопрос и мы начнём действовать», - повторил Губин. Наконец, собравшись с мыслями и поняв, что от него требуется, Григорий сообщил: «Сейчас в деревне ни одного продотряда нет. Последний позавчера забрал в хозяйствах остатки семенного зерна и увёз в Большое Сорокино. На месте остались только секретарь партийной ячейки Гладышев, председатель сельсовета Бачин Иван, пятеро красноармейцев и двое коммунистов из местных». «В деревне есть мужики, которые смогут подсобить нам без крови захватить этих краснопёрых?» - спросил Василий. «Человек пять надёжных найду», - ответил Григорий. «Тогда сделаем так. Ты сейчас быстро оббежишь этих мужиков и приведёшь их сюда, а после этого мы распределимся и пойдём арестовывать куманьков».

Через час во дворе Григория собралась уже внушительная группа, состоящая из тринадцати человек, включая подоспевших к этому времени Карпухина и Номировского. «Вполне боеспособный отряд», - подумал Василий, а вслух спросил: «У всех огнестрельное оружие есть?». «Есть. У некоторых по два обреза за опоясками», - ответил Скаченко Фёдор, житель Знаменщиков. «Задача перед нами стоит такая: взять в течении короткого времени власть в деревне в свои руки. Если готовы пойти на это, то слушайте мою команду», - начал Губин, и посмотрев на притихших мужиков, продолжил: «Первым делом разделимся по группам. Одну возглавлю я, вторую - Чикирев Пётр, третью - Знаменщиков Григорий. Я со своей арестовываю секретаря партячейки и председателя

сельсовета, группа Петра - красноармейцев, а Григория - местных коммунистов. Чтобы было легче искать избы в которых живут секретарь, председатель, и красноармейцы в первые две группы должны войти местные жители. Поэтому, не теряя больше время, приступим к их формированию».

Уже покидая двор, Василий предупредил: «Никакого личного сведения счётов с куманьками. Стрелять только в случае необходимости».

Как и рассчитывал Губин, захват всех намеченных активистов советской власти прошёл без особых трудностей. Даже секретарь ячейки не дёрнулся и не выхватил из кобуры револьвер, когда увидел в своей избе неизвестных ему людей. Однако небольшое недоразумение всё таки произошло. Один из жителей деревни, приняв крадущегося вдоль его избы Фирулёва за вора, схватил со стены берданку и прямо через окно в него выстрелил. То ли заряд был слабый, то ли кожа у полушубка была дюже крепкой, но особого вреда здоровью Николая он не причинил. Но зато Фирулёв, в своём ответном выстреле из обреза, попал мужику картечью в плечо и сильно повредил его. Об этом Василий узнал только тогда, когда полностью закончилась операция по захвату власти. Но разбираться в происшествии времени уже не оставалось, так как необходимо было срочно выдвигаться в Большое Сорокино. Поместив всех задержанных в холодный амбар и выдав необходимые поручения Знаменщикову Григорию по организации новой деревенской власти, отряд в составе уже девяти человек выскочил на большесорокинский большак и устремился вперёд.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В сторону заимки Аверин Степан собирался выехать рано утром, поэтому он ещё с вечера погрузил в дровни всё необходимое, что могло понадобиться отряду в первое время для обживания на новом месте. У него зрело желание самому влиться в отряд, но только тяжёлое физическое состояние отца сдерживало от окончательного решения. Раздумья по поводу невыносимого человеческого существования в условиях, которые создала для крестьян власть коммунистов, держали Степана в напряжении до полуночи. Но стоило только ему задремать, как во дворе злобно залаяли кобели, за хватку и внушительные размеры которых, Степан прозвал волкодавами. «Кто там их ещё потревожил? Может куманьки решили со мной поговорить? Неужели, пронюхали что о моей предстоящей поездке? Вряд ли. Я о ней, кроме как с Колосовым Иваном, ни с кем не разговаривал. Пойду, выйду. А то кобели всю округу разбудят», - решил Степан и спустился с полатей.

Оказавшись на дворе, он вначале шикнул на собак, а затем громко спросил: «Кого черти ночью по селу носят, добрым людям спать не дают?». «Степан, это я, Пётр Чикирев. Выйди на улицу, поговорить надо», - прозвучал ответ однополчанина. «А как ты в Большом Сорокино оказался? Я ведь утром к вам на встречу выезжать собрался», - удивился Степан, открывая калитку. «Наши планы круто поменялись. Не надо тебе ехать на заимку. В общем, одевайся потеплее, бери, если есть, оружие с собой и приходи к Колосову Ивану. Там тебе Васька обо всём подробно расскажет», - сообщил Пётр и скрылся в темноте. «Что они задумали? Неужто власть куманьков свергать прибыли? Ладно, надо поспешать, раз такое дело. Василий сам расскажет, с чем в село прибыл», - решил Степан и пошёл в избу, чтобы уже через пять минут выйти из неё с берданкой на плече.

Василий, чтобы не терять зря время, быстро объяснил другу цель своего появления в Большом Сорокино, вкратце рассказал о существовании Северного фронта и его командире, а также о волостях, которые охвачены мужицким восстанием. В завершении он сказал: «Теперь настало время, чтобы выкинуть большевистскую власть из нашего села и волости. А для этого необходимо прямо сейчас поднять с постелей всех тех, кто готов помочь нам это сделать. Время до рассвета осталось не так много, поэтому нам с тобой, Степан, придётся поторопиться. Ты возьмёшь на себя правую сторону села, а я - левую, включая Малое Сорокино». «А нам что делать?» - спросил Субботин. «Ждать», - коротко ответил Василий.

О настроении своих односельчан друзья знали хорошо, поэтому к кому в первую очередь идти и кого будить, им гадать не пришлось. Не прошло и часа, как два с лишним десятка молодых мужиков, вооружённых в основном колами, вилами и косами, разными скрытными путями собрались вместе на окраине села, на тракте, ведущем в сторону города Ишим. Забрав остальных бойцов отряда из избы Колосова, к ним вскоре присоединился и Василий. Пользуясь данными, составленными Колосовым Иваном, о месте нахождения всех интересующих их представителей власти и продотрядов, Губин коротко изложил цель сбора и стал раздавать указания созданным военизированным группам. Его, конечно, смущало то обстоятельство, что большинство молодых парней не имело огнестрельного оружия, но в глубине души, Василий надеялся на мирный исход захвата власти. И главным козырем в этой надежде была внезапность. Закончив вводную часть, он попросил бойцов не применять оружия, если при задержании не будет оказываться сопротивление. Ровно в пять часов утра операция по изоляции представителей советской власти началась. В целом предстояло задержать более тридцати человек, из которых восемнадцать - красноармейцы, вооружённые винтовками. Они квартировали в двух избах, одна из которых была семьи Василия. Поэтому, именно он со своей группой взялся за нейтрализацию военных. Как и в прошлых подобных случаях, молодые красноармейцы, включая караульных, спали крепким сном. И когда Василий и его бойцы бесшумно пробрались в избу, убрали подальше от спящих винтовки и затем громким окриком разбудили их, то красноармейцам ничего не оставалось, как с удивлением и ужасом всматриваться в стволы направленных на них ружей и выполнять команды повстанцев. Свяжав пленным руки за спинами и положив их животами на пол, Василий оставил с ними одного парня с винтовкой, а с остальными направился задерживать оставшихся красноармейцев. Там тоже прошло всё гладко. Обескураженные и испуганные

внезапным появлением вооружённых мужиков, некоторые красноармейцы заискивающе улыбались и клятвенно заверяли, что на их совести крестьянской крови нет. Поступив и с этой группой невольных защитников советской власти, также, как и с первой, Василий и его помощники кинулись на подмогу своим товарищам. Грубая ошибка, произошла только при задержании волостного милиционера Зайчикова. Отряд, возглавляемый Суздальцевым Егором, которому было поручен арест милиционера, пренебрёг осторожностью и, особо не скрываясь, стал окружать его избу. Имея крестьянскую привычку рано вставать, Пётр Зайчиков вышел по нужде на двор и первым заметил стоящего за пригоном человека. Тот не успел даже повернуться в его сторону, как мощным кулаком милиционера был сбит с ног. Не возвращаясь в избу, Зайчиков в чём был, в том и рванул по заснеженному огороду в сторону леса. Очухавшийся от удара парень, вскочил на ноги и отборным матом закричал ему в след. Но было уже поздно, милиционер скрылся из вида. Отправленные Егором по следам Зайчикова два человека, через полчаса вернулись обратно ни с чем. Видно, волостной милиционер так испугался возможного ареста, что не хуже любого рысака улепётывал по глубокому снегу в направлении своего родного села Преображенское. Это определили уже потом, когда рассвело и стали отчётливо видны его следы. Василий очень сильно расстроился, что человек, к которому у него был особый счёт, убежал, но вида не подал. Да и не до того было. Захватив первого февраля власть в волостном центре, ему и его ближайшим помощникам, необходимо было срочно предпринимать дальнейшие действия. Они понимали, что это ещё не окончательная победа над ненавистными коммунистами, а только начало её. Поэтому, первым делом, по инициативе Колосова Ивана, уже на 10 часов утра был назначен сельский сход. Уставшее от ожиданий спокойной жизни и озлобленное на советскую власть, всё население волостного центра и часть из близлежащих деревень Малого Сорокино, Александровки, Стрельцовки, Осинówki и Новониколаевки прибыло к назначенному времени на базарную площадь. Заметив сотни глаз односельчан, с надеждой смотрящих на него, Василий Губин даже оробел. Он подошёл к Колосову и попросил: «Иван, ты человек бывалый и уважаемый, выступи перед людьми и расскажи им о ситуации, которая сейчас сложилась в волости и уезде». Тот посмотрел на своего младшего товарища, улыбнулся и произнёс: «Воевать с куманьками - так это ты, а ответ держать за тебя – так это я», - и уже серьёзно добавил: «Ладно, так как ты у нас командир молодой, то на этот раз я уважу твою просьбу. Но в дальнейшем тебе придётся самому перед народом речь держать».

«Уважаемые земляки! Большевики и прочие куманьки захватив насильственным путём власть в России в свои руки, довели страну до голода, оспы, чумы и холеры. И чтобы избежать людского гнева в центральных губерниях, они решили ободрать до нитки наш сибирский край. Я не буду рассказывать, как и какими методами они действовали, выгребая ваши амбары до зёрнышка и состригая с овец шерсть, которая защищала животных от холода. Об этом вы лучше меня знаете. Этим детей сатаны не волнует, чем будет кормить почти год своих детей сибирский мужик. Для них мы уже не существуем. Во имя своего спасения, они готовы пожертвовать тысячами крестьянских жизней. Во всём Ишимском уезде и за его пределами коммунисты и продотряды довели народ до того, что почти повсеместно стали вспыхивать очаги недовольства. Но комиссары не дают разгораться пламени праведного народного гнева. Они жестоко подавляют любое сопротивление своей воле. У всех нас свежи ещё в памяти события в Большом Пинигино, когда куманьки применили оружие, ранив почти двадцать жителей деревни, трое из которых скончались. А сколько семей в нашем селении подверглись оскорблениям и физическим унижениям! Однако любому терпению приходит конец. Слуги сатаны отреклись от заповедей божьих. Для них не существует понятия «возлюби ближнего своего». Так почему мы должны до бесконечности подставлять обе щёки под удары этих моральных уродов? Настало время и нам заявить право на достойную крестьянина жизнь. В ближайших волостях – Челноковской, Чуртанской, Балаганской, Викуловской, Готопутовской, Озернинской и Каргалинской - ещё сутки назад арестованы представители власти коммунистов. Там сейчас правит наша, мужицкая, власть. Наш односельчанин, Губин Василий, и его бойцы стали не только очевидцами были этих событий, но и непосредственно участвовали в них. В этих волостях создан фронт, в котором насчитывается более тысячи восставших крестьян. А во главе его стоит бывший сотрудник ишимского военного комиссариата Коротков Александр Степанович. Вот он и направил Губина с отрядом - поднимать народ и в нашей волости. В Знаменщиках власть большевиков уже пала, а сегодня рано утром и в Большом Сорокино все коммунисты, продработники, красноармейцы и прочие их пособники, без единого выстрела были задержаны и помещены в общественный амбар. Избежал ареста только волостной милиционер Зайчиков. Но, думаю, что и его мы скоро выловим. Для того, чтобы закрепить достигнутые успехи, нам необходимо: первое – избрать свой мужицкий волостной штаб и его председателя; второе - поручить волостному штабу создать необходимые органы управления, которые должны будут обеспечивать нормальную жизнь всем сельчанам, следить

за порядком и охранять важные объекты, к которым относится ссыпной пункт, задержанные куманьки и почтовое отделение; третье - создать военную дружину в необходимом количестве, способную защищать село от нападения со стороны большевистской власти, и четвертое – обеспечить связь со всеми волостями, входящими в Северный фронт», - громко, словно чеканя каждое слово, произнёс Иван. В толпе на некоторое время сохранялась тишина, а потом всё вокруг задвигалось, зашумело и заговорило. Кто-то громко выкрикнул: «Отдайте нам задержанных куманьков. Мы с ними сами разберёмся и воздадим каждому по заслугам!». «А чо мы просим у кого-то наших палачей! Пойдёмте, мужики, раздавим этих гадов, как тараканов!» - выкрикнул другой. И толпа стала дружно разворачиваться в сторону казённого дома, где находились пленные. Ещё немного, и она сорвалась бы с места. Но в это время прозвучал хлёткий выстрел, и раздался мощный окрик Степана Аверина: «Стоять! Все, кто хоть притронется к задержанным, будут арестованы и наказаны! Приговор пособникам власти коммунистов будет выносить специально избранный вами суд. Никакого самосуда не должно быть!». Толпа нехотя остановилась и вновь развернулась в сторону выступающих. Василий посмотрел на своего друга с восхищением: «Степана надо избирать командиром! Он более достоин этого звания, чем я». «Итак, односельчане, приступим к избранию волостного штаба. У кого какие будут предложения?» - словно не замечая замешательства в толпе, продолжил Колосов Иван. «У женщины право голоса есть?» - спросила, стоящая недалеко от Василия, Колмакова Анна. «Конечно, есть», - ответил Иван. «Ну, раз есть, то слушайте его. В общем, я предлагаю избрать председателем волостного штаба Колосова Ивана Сергеевича, а его помощниками – Аверина Степана, Аверина Давыда, Брагина Андрея Яковлевича, Долгих Матвея Васильевича, Долгих Григория Егоровича, Губина Василия, Сеногноева Михаила Николаевича и Чечулина Егора Кузьмича. Этих людей мы все хорошо знаем и верим им», - предложила Анна. «Есть какие-то возражения, дополнения, или голосовать будем за этих людей?» - спросил на всякий случай Колосов. «Есть дополнение. В состав членов волостного штаба необходимо ввести Колмакову Анну, как представителя женской части населения нашего села и мужественного человека», - громко выкрикнул Суздальцев Егор. «Ещё какие замечания будут?» - спросил Колосов и обвёл толпу взглядом. «Нет. Тогда давайте проголосуем за поступившие предложения», - призвал он односельчан и жителей других деревень. Через пять минут процедура голосования закончилась и Колосов объявил: «Решение принято почти единогласно. А так как времени на решение других вопросов у нас в обрез, прошу всех избранных народным

сходом членами волостного штаба перейти в помещение, где раньше заседал большевистский совет», - и первым направился в сторону избы, стоящей недалеко от базарной площади.

Распределение обязанностей между членами волостного штаба прошло достаточно быстро. Общее руководство по созданию органов волостного управления взял на себя Иван. По предложению Василия, Аверина Степана назначили военным комендантом большесорокинского гарнизона, а он сам стал командиром кавалерийского отряда. Сразу после распределения обязанностей, члены волостного совета приступили к разработке первоочередных мер, которые необходимо было исполнить в самое ближайшее время. К ним относились: организация бесперебойного обеспечения создаваемых военных формирований и населения в целом продуктами питания; мобилизация мужчин от 18 до 35 лет на военную службу в дружину самообороны; создание мобильного конного отряда, способного оказывать помощь населённым пунктам волости, как в отстранении представителей коммунистов от власти, так и в защите их от нападения советских войск. Отряд решено было поделить на три отделения и подчинить их Губину Василию. За ним же были закреплены обязанности по обеспечению связи с соседними волостями, а также со штабами повстанцев в южных районах Ишимского уезда. Закончив с разработкой и утверждением намеченных мероприятий, члены волостного совета приступили к их реализации.

Сразу по окончании заседания волостного штаба, Василий поручил Петру заняться отбором парней и молодых мужчин, желающих вступить в кавалерийский отряд, а сам направился к родному дяде - Губину Дмитрию Васильевичу, чтобы повидаться с отцом. Заметив сына, ещё на улице, Иван Васильевич собрал в кулак все свои эмоции и встретил его сдержанно, хотя внутри всё пело и ликовало от радости. «Здравствуй, тятя! Я знаю, какие испытания вам достались из-за меня, но по-другому поступить не мог. Всё равно меня куманьки или бы в каталажку запрятали надолго, или расстреляли бы. Но, поверь, я им никогда не прощу тех страданий и обид, которые вы перенесли», - твёрдо заявил Василий и обнял отца. Не ожидавший порыва сына и его слов, наполненных болью и гневом, Иван Васильевич не сдержался и прослезился. «Здравствуй, сын. Насовсем вернулся или снова исчезнешь?» - сдавленным голосом спросил Губин-старший. Сделав вид, что не заметил минутной слабости отца, Василий по-детски улыбнулся и спокойно ответил: «Сегодня рано утром арестовали всех волостных куманьков и их пособников, и избрали свою

власть. А сколько она продержится, сказать трудно, так как я уверен, что большевики с поражением не смиряются и постараются в ближайшее время направить сюда войска. Единственное, что обнадеживает, так это то, что весь уезд на дыбы становится. В соседних с нами волостях, которые расположены по берегам Ишима от Абатска до Каргалов уже третий день, как советской власти нет. Больше тысячи мужиков в руки вилы и топоры взяли. Думаю, не так просто будет одолеть коммунистам такую армию», - уклончиво ответил Василий. «Тысяча мужиков, это, конечно, хорошо, но вот с вилами и топорами особо не повоюешь против винтовок, пулемётов и пушек», - усомнился Иван Васильевич. «Не только колы и вилы у нас есть, но и огнестрельным оружием располагаем. А придёт время и пулемётами разживёмся. Мне командующий Северным фронтом сказал, что скоро из Томска на станцию Маслянская придёт эшелон с оружием для краснопузых, и он намерен его отбить», - ответил Василий и перевёл разговор на другую тему: «Мама-то с сёстрами как там в Большом Пинигино живут? Ты давно их не видел?». «Трёх дён ещё не прошло, как от них. Слава Богу, пока сильно не жалуются. Недавно Семён Матвеевич вернулся в деревню. Помогают ему управляться по хозяйству. Да и Лисафида девок у себя часто привечает». «А ты, тятя, как поживаешь? Не хвораешь?». «Да, пока, слава Богу, хворь стороной меня обходит. И на жизнь жаловаться грех. Братка мне в крове и хлебе с солью не отказывает. Иногда к Марье в Буньково хожу. Бывает, ночки две у неё заночую». «Из нашей избы мы постояльцев выгнали. Теперь в ней бойцы моего отряда поселились. Может, и ты к нам присоединишься? По хозяйству помогать будешь», - предложил Василий. «Если пользу от меня какую видишь, то хоть сейчас готов домой вернуться», - с готовностью ответил Губин-старший. «Ну, вот и договорились. Вечером встретимся и ещё поговорим. А сейчас бежать мне, тятя, надо. Дела срочные ждут», - обрадовался Василий и пошёл в сторону волостного штаба.

Кавалерийский отряд в количестве тридцати двух бойцов до обеда был сформирован. Он состоял из молодых, ловких мужиков, отслуживших в царской армии. Василий придирчивым взглядом осмотрел личный состав и приступил к обязанностям командира: «По численности наш отряд соответствует взводу. Поэтому, так его и обозначим. Для решения первого задания мы разобьём взвод на три отделения и разделим между ними деревни, в которых необходимо уже этой ночью поменять власть. Первый отряд возглавит Суздальцев Егор, второй – Стрельцов Василий и третий - Чикирев Пётр. Северо-восточную часть деревень волости охватывает отряд Стрельцова, Юго-восточную - отряд Чикирева, западную – Суздальцева. Всех представителей большевистской

власти после ареста направлять в Большое Сорокино и передавать в комендантуру гарнизона. Никаких насильственных мер против них не предпринимать. Их вину и заслуженное наказание будет определять волостной суд. После смены власти в деревнях и передачи её уважаемым гражданам, вы все должны вернуться в Большое Сорокино для выполнения дальнейших задач». «А если с нами захотят прибыть сюда некоторые жители деревень? Как поступать в таком случае?» - спросил Стрельцов Василий. Губин ненадолго задумался и затем спокойно ответил: «Тех, кто захочет прибыть в волостной центр, чтобы влиться в ряды дружины самообороны, сдерживать не надо. Но прежде, чем их сюда забирать, создайте на местах боеспособную и ответственную власть, состоящую из уважаемых граждан и людей, умеющих не только держать в руках винтовку, но и организовать достойный отпор куманькам». Обсудив ещё ряд важных вопросов и сформировавшись, отделения стали выдвигаться по утверждённым им направлениям. Сам Василий, после того, как изложил на бумаге результаты событий в большесорокинской волости и отправил Фильку с этим документом в штаб Северного фронта, присоединился к отделению Чикирева Петра и вместе с ним направился в большепининском направлении. Такое решение он принял в первую очередь потому, что очень хотел повидаться с матерью и сёстрами. По дороге отделение заскочило в деревню Осиновку, но там надолго не задержалось. Секретарь партячейки коммунистов, председатель сельского совета и несколько активистов советской власти, узнав, что в Большом Сорокино поменялась власть, собрали документы и вещички, и ещё утром исчезли в неизвестном направлении. Поэтому Василию не осталось ничего другого, как собрав посреди улицы деревенский сход и прямо с вершины рассказать народу о событиях в волости и уезде. После чего предложил крестьянам избрать органы управления и организовать военизированный отряд для защиты деревни. Уже в конце своего выступления, он произнёс: «Естественно, комиссары постараются вновь вернуть себе утраченную власть, чтобы грабить народ. Но в первую очередь они попытаются это сделать в волостном центре. Поэтому, всех молодых мужиков, которые готовы защищать свои интересы от комиссарского произвола, призываю вступить в волостную дружину, которая сейчас создаётся в Большом Сорокино». Неожиданно, в толпе он заметил высокую, сутулую фигуру Чернова Ивана, держащего на руках маленького ребёнка. А рядом стояла невысокая, привлекательная молодая женщина, и о чём-то у него спрашивала. «Здравствуй, Иван! Ты чо стоишь, как неродной? Давай, хоть обнимемся, однополчанин. Как-никак, боле трёх лет не виделись», - весело произнёс Василий. «Здорово, Губин. Так

значит это ты восстание в селе против советской власти организовал?» - не очень дружелюбно отреагировал Чернов. «Не один я. Все граждане это восстание поддержали. А ты, я вижу, не очень доволен нашей встрече. Неужели переживаешь за судьбу комиссарской власти? Может, до сих пор в партии их состоишь?» - изменил тон разговора Василий. Почувствовав это, Чернов неестественно улыбнулся и ответил: «Нет, в коммунистической партии я уже не значусь, и советскую власть не жалею. Просто устал от неразберихи и неуверенности в завтрашнем дне, вот и настроение плохое», - и тут же предложил: «Может, чайку зайдёшь в хату попить? Об армейской службе вспомним». «В другой раз, Иван, чаи погоняем. Сейчас неотложные дела ждут меня. Так, что не обижайся, однополчанин», - ответил Губин и посмотрел на Петра. Тот почему-то разглядывал Чернова с нескрываемой злобой и норовил вставить в разговор своё слово. Василий улыбнулся и скомандовал: «Чикирев, выводи отделение на дорогу. Дальше поедем». Уже в пути, Петр поравнялся с братом и произнёс: «Куманёк наш однополчанин. Чистой воды куманёк. Иван ещё в Петропавловском гарнизоне с ними якшался. А сейчас овечкой прикинулся. Я его сразу приметил. А когда ты с народом говорил, он так и буравил тебя презрительным взглядом. Надо было потряхнуть его хорошенько». «Пусть его мужицкий совет трясёт. Односельчане наверняка знают, где и с кем он последние годы дружил», - спокойно ответил Губин. «Добрая ты душа, братуха. Всех гадов, которых нужно уничтожать, ты берегаешь. Вот попомни моё слово. Если, не дай Бог, ты попадёшь в руки куманьков, с тобой церемониться они не станут. Подставят к затылку воронёный ствол револьвера и курок спустят», - произнёс Петр. «Может, ты и прав, Петро, но лишать жизни заблудших - не в моей власти. А вот тех, кто в бою супротив меня окажется, я не пожалею. Равно, как и они меня. Пока мы можем без людской крови менять большевистскую власть на мужицкую, надо торопиться это делать», - ответил Василий.

В небольшую деревеньку Зорьку отделение поворачивать не стало. «В Большом Пинигино власть поменяем, а уж она потом и зорькинских коммунистов арестует», - пояснил Губин своё решение. «Там, поди, и куманьков-то никогда не было. Жителей-то всего раз, два да обчёлся», - согласился Петр.

Въехав недалеко от берёзовой рощи на окраину деревни Большое Пинигино, отряд остановился. «Давайте сделаем так. Ты, Пётр, берёшь пару бойцов и едешь в «гости» к малопинигинским активистам, а ты, Ермолай, навестишь городищинских. Арестованных приведёте к сельскому совету. А я с оставшимися бойцами займусь партийным активом Большого Пинигино. Думаю, что

справимся с ними без особого труда», - выдал Василий установку на дальнейшие действия.

Испытанный не раз внезапный ночной налёт на избы, в которых проживали или были расквартированы коммунисты и продотрядчики, сработал и сейчас. Уже через час весь партийный и советский актив деревни был арестован и помещён в избу сельского совета. А ещё через полчаса к нему прибавились и два активиста из Малого Пинигино. И лишь Номировского пришлось ждать более четырёх часов. Василий даже нервничать начал от неизвестности. «Что могло у него случиться? Ермолай - мужик обстоятельный, побывал в разных переделках, и городищинский сам, а вот приходится ждать и переживать», - думал он, изредка поглядывая на арестованных коммунистов. Те, почувствовав на себе недобрый взгляд командира повстанцев, опускали головы, стараясь не вызывать в нём дополнительную раздражительность.

Появившийся в проёме дверей Номировский выглядел хмурым и злым. «Ты где пропал, Ермолай? Я уже хотел к тебе на подмогу Петра отправлять. Случилось чо?» - спросил Василий. «Небольшая осечка произошла. Оказалось, что в Городищах посевотряд застрял. Прибыл в деревню третьего дня и никак выехать не мог по причине запоя. А об этом не все в деревне знали, лишь деревенский староста. Вот мы и нарвались на них. Пьяные-пьяные, а сообразили, что дело керосином пахнет, схватили винтовки и давай по нам палить. Одного моего бойца здорово зацепили. Не знаю, выживет ли. Но и мы не растерялись. Окружили избу и дали им жару. Одного застрелили, а двоих ранили. Сейчас они на дровнях лежат», - ответил Ермолай. «А твой раненый боец и убитый комиссар где?» - спросил Пётр. «Бойца я у своей родни оставил, а комиссара деревенские мужики уже, наверное, похоронили», - сообщил Номировский.

С отправкой арестованных в волостной центр Василий затягивать не стал. По его указанию, Пётр снарядил две подводы, рассадил на них одиннадцать человек представителей советской власти со связанными руками и в сопровождении трёх верховых обоз вышел из Большого Пинигино. Конечно, неудачный арест сотрудников посевпродкома, приведший к гибели одного из них и ранение бойца, создавали в душе Василия тяжёлую атмосферу, но исправить это было уже невозможно. «Ну, что поделаешь, это война, в которой бывают и жертвы», - попробовал успокоить он себя.

После того, как трое бойцов родом из Большого Пинигино, разъехались по домам, а оставшихся определили на отдых в помещении сельского совета, Василий и Петр решили навестить родных.

Несмотря на ранний час, Евдокия Матвеевна уже не спала. У неё ещё с вечера появилось предчувствие каких-то очень важных событий. Услыхав, как вначале кто-то осторожно открыл калитку, а затем вытащил из скоб запор и открыл одну половину тесовых ворот, сердце её заняло, а ноги сами понесли в сени. Скинув мощный металлический крючок с петли, Евдокия Матвеевна распахнула дверь и выскочила на крыльцо. В это время, Василий с Петром завели во двор коней и привязывали их за поводья к розвальням, на которых лежало сено. «Васенька! Сынок! Солнышко моё, наконец – то ты приехал ко мне!» - не слушающимся дрожащим голосом выдавила из себя Евдокия Матвеевна. Василий резко повернулся и быстро пошёл в её сторону. «Ты почему раздетая выскочила на мороз? Возвращайся в избу, я сейчас тоже приду», - ласковым голосом произнёс сын и прижался к матери. Не обращая внимания на слова сына, Евдокия Матвеевна нежно обняла его склонённую голову и поцеловала в чуб, выпирающий из под малахая. «Я так тебя ждала! Все глаза просмотрела и выплакала! А ты всё не шёл и не шёл. День и ночь молила Бога, чтобы он берёт тебя от лиходеев и супостатов. Наконец-то, он мои молитвы услышал и послал тебя ко мне», - причитала счастливая Евдокия Матвеевна. «Вы идите в избу, а я здесь сам с лошадьми управлюсь», - предложил Петр, не выдержав сцены встречи матери с сыном. Василий легонько взял мать за плечи и повернул в сторону открытых сенных дверей.

Прошло минут десять, с момента прибытия Василия с Петром в дом Семёна Матвеевича, а вся большая чикирёвская семья уже повскакивала на ноги. Дождавшись, когда немного успокоившаяся мать отошла от сына, Мария и Евдокия с визгом накинулись на брата. «Девки, вы сдурели, что ли? Васенька устал поди с дороги, а вы на него, как две собаки на зайца напали. Пусть немного отдышится, а потом уж и пытайте его», - строго предупредила мать и пошла помогать хозяйке дома готовить завтрак.

Как и положено, первым делом Василий с Петром рассказали о последних волостных событиях Семёну Матвеевичу, а также сообщили, что советская власть этой ночью была свергнута в Большом Пинигино и близлежащих деревнях. Хозяин дружного семейства даже не сразу поверил в это сообщение. «А куда же вы арестованных подевали? Неужто расстреляли?» - спросил Семён Матвеевич. «Живы пока, батя, они. Мы их в волостной штаб отправили с сопровождающими. Пусть там разбираются с грехами куманьков и наказывают», - спокойно ответил Петр.

Евдокия Матвеевна не могла насмотреться на сына. Она даже злилась на своего брата Семёна, который закрылся с Василием и Петром в горнице и о чём-то долго с ними разговаривал. «Неужели попозднее не нашёл бы время поговорить с парнями? День-то только начинается», - думала она и с нетерпением поглядывала на двухстворчатую дверь, ведущую в горницу. Наконец, не выдержала, сама открыла створки и произнесла: «Семён, ты чо парней на голодный желудок пытаешь? Сначала пусть поедят, а уж потом и разговоры веди с ними». Брат понимающе улыбнулся и спокойно ответил: «Скажи Василисе, чтобы накрывала стол. Мы уже закончили беседу», - и посмотрев на племянника, добавил: «Ты, Васятка, береги себя. Если с тобой, не дай Бог, что случится, Евдокия не сдюжит, тут же сама помрёт». «Знаю. Да вот как себя уберечь в такой бойне? Не буду же я сидеть на печке и ждать, когда коммунисты с меня последние портки снимут. Нет, дядя Сёма, пока куманьки по нашей земле будут ползать и грабить народ, я не смогу жить спокойно. И не только я, почти все мужики уезда готовы колы в руки взять, чтобы защитить себя и близких от грабежа, унижений и позора со стороны детей сатаны», - с грустью ответил Губин-младший.

Сразу после завтрака Василий и Петр направились к избе, где ещё вчера хозяйничали куманьки, и объявили о необходимости проведения крестьянского схода. Слово ждав такого решения, вездесущие ребятишки мгновенно разбежались по разным концам деревни и стали дружно зазывать население на столь важное мероприятие. А уже через часа полтора жители Большого и Малого Пинигино, а также Городищ, плотно толпились на улице напротив избы бывшего сельского совета и ждали ораторов. Взглянув на внушительную массу народа всех возрастов, Василий вновь оробел. Преодолев временное замешательство, он поднялся на стоящую во дворе телегу и спокойным голосом произнёс: «Граждане! Земляки! Братья! Сегодня ночью мы арестовали партийный актив, представляющий власть безбожников-коммунистов в Большом и Малом Пинигино, а также посевотряд в Городищах. Не обошлось и без потерь. Во время захвата посевотряда был легко ранен наш боец и убит посевработник. Но это нас не должно смущать. Ровно месяц назад, куманьки первыми применили оружие против жителей ваших деревень и принесли горе в некоторые семьи. Конечно, в том, что в конце прошлого года здесь пролилась кровь не посевотрядовец виноват, и его никто не собирался убивать. Но он первым открыл стрельбу из винтовки по нашим бойцам, за что и был наказан. Граждане! В настоящее время вся Большесорокинская волость очищена от представителей власти куманьков. Нет их и в соседних с вами деревнях и сёлах. Три дня уже

живут свободными от коммунистического гнёта большинство волостей, которые расположены восточнее нашей. Волнения крестьян происходят по всему Ишимскому уезду и части Ялуторовского. Не пройдёт и недели, как запылет от гнева и ненависти к коммунистам весь великий край сибирский. На данном этапе перед всеми нами стоит несколько задач, которые необходимо срочно решить. Первая - создание в деревне своего органа управления, который будет руководить всеми процессами мирного и военного характера. Вторая - для самозащиты организовать военную дружину из мужчин боеспособного возраста. Третья - направить в распоряжение коменданта волостного гарнизона не менее десяти вооружённых мужчин, прошедших в недавнем прошлом срочную службу в царской армии. Желательно, чтобы они были верховыми. И четвёртая - принять меры по обеспечению всех жителей деревень продуктами питания. После выполнения этих задач, нарочным направить в волостной штаб донесение. И в дальнейшем регулярно поддерживать связь с Большим Сорокино. В решении этих проблем вам поможет Чикирев Пётр Семёнович». И обведя толпу взглядом, спросил: «Вопросы есть?». «Есть», - послышался хриповатый голос Стрельцова Михея Прокопьевича. «Спрашивай, отец», - с готовностью ответил Василий. «А что будет с семенным зерном, которое продотрядовцы забрали у нас и отвезли в Большо Сорокино?» - поинтересовался пожилой крестьянин. «Через два-три дня можете забирать его обратно. Дайте немного времени власть и порядок в волости наладить», - ответил Василий и призвал народ: «Давайте заканчивать сход и начнем решать обозначенные проблемы. Сейчас наступило время, когда необходимо действовать, а ни митинговать». Он понимал, что у людей накопилась масса вопросов, на которые они хотели бы получить ответы именно сейчас, и именно от него, считая его главным на этом сходе. Но Василий также понимал и то, что в силу своей не полной осведомлённости и не компетентности во многих направлениях политической и военной жизни, на многие вопросы народа он дать ответ не сможет. «Придёт время, люди сами во всём разберутся. Главное, чтобы оно обязательно пришло», - подумал Губин младший и спрыгнул с телеги.

«Братуха, а ты разве не останешься в Большом Пинигино, чтобы довести всё до конца?» - спросил Пётр. «Нет. Этим займёшься ты. Как местный житель и представитель волостного штаба. Мне необходимо вернуться в село и помочь Аверину в комплектовании дружин самообороны». «А после того, как я закончу здесь с решением всех вопросов, куда мне подаваться?». «Докомплектуешь своё отделение пинигинскими новобранцами и прибудешь в Большое Сорокино. А там видно будет, что дальше делать», - ответил Василий и добавил: «По-

старайся отобрать новобранцев потолковее. Мы их к себе, в кавалерийский разведывательный взвод определим». «Не переживай, братуха. Я местных парней и мужиков как пять своих пальцев знаю. Самых лучших рекрутирую», - ответил, улыбаясь, Пётр, и добавил: «Один в Большое Сорокино не возвращайся. Человек пять бойцов из моего отряда заberi. А я здесь справлюсь и без них». «Ладно. Договорились. Только сейчас съезжу попрощаться с мамой, и тут же тронусь в обратный путь», - ответил Василий и направился к стоящему у привязи Воронко.

Прощанье с матерью, как всегда в последние годы, было тяжёлым и трогательным. Узнав, что сын вновь покидает её на неопределённое время, Евдокия Матвеевна едва сдерживала слёзы. «Да что же это творится на белом свете!? Не успела я на тебя ещё насмотреться, а ты уж снова убегаешь от меня. Будь трижды проклята такая жизнь! Солнышко ты моё! Ты береги себя! Знай, что без тебя нет для меня жизни на белом свете!» - обречённо высказывалась мать. Неожиданно, Евдокия Матвеевна выпрямилась, лицо её посуровело и она твёрдым голосом произнесла: «Ты не слушай меня, Васенька. Это я от материнского безумия так говорю. Иди с Богом и не переживай за меня, раз такую тяжёлую планиду для себя избрал. А за тебя я Бога ежеминутно молить буду. Он наш, крестьянский, поэтому, кого ему ещё беречь, как не своего сына по духу». «Спасибо, мама, за слова хорошие и поддержку. Она сейчас мне очень нужна», - поблагодарил сын и поцеловал Евдокию Матвеевну. Распрощавшись со всеми родственниками, в том числе и с сёстрами, Василий ловко вскочил на Воронко и выехал со двора.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Во второй половине дня второго февраля Василий с небольшим отрядом вернулся в Большое Сорокино и сразу же направился в волостной штаб на доклад. Уже на подъезде, он заметил пешее и конное передвижение молодых парней и зрелых мужчин, которые роем вились на базарной площади. «Боевые дружины формируются», - сделал вывод Губин-младший и остановился у избы, в которой располагался штаб.

«Ну, что? Как прошла операция по смене власти в Большом Пинигино?» - спросил Егор, поздоровавшись с другом за руку. «Нормально. Есть, правда, один убитый со стороны посевотрядовцев, но это на конечном результате не сказалось. Сейчас там создаются органы управления и крестьянские дружины. Чикирева я оставил помогать своим землякам, как представителя волостного штаба. Он же подберёт для взвода разведки человек десять молодых мужиков и прибудет с ними в волостной центр», - ответил Василий. «Как встретили жители Большого Пинигино и других деревень известие о смене власти в волостном центре?» - поинтересовался Степан. «В основном с одобрением. А как на самом деле, покажет время. Кстати, вчера, во время заезда в Осиновку, я видел в толпе Чернова Ивана. Уж больно у него недружелюбный взгляд был. Думаю, что он из коммунистов будет и в деревне остался не случайно. Времени нет, чтобы проверить его на вшивость», - сообщил Василий. «Да, Бог с ним, с Черновым. У нас и без него дел невпроворот. В дружину самообороны добровольно записалось уже более двухста человек. Одна беда – почти все они безоружные. Вилы, косы, пешни, колы да топоры - вот и весь боевой арсенал их. Я поручил кузнецу Огорелкову Зиновию пик и пешней побольше изладить, а Матвею Долгих наказал заниматься ремонтом берданок, изготовлением картечи и снаряжением патронов нарубленными гвоздями. В общем, если время позволит, то через недельку ко встрече с коммунистами будем готовы», - рассказал

о своей работе Аверин. «Да, друг! Нешуточное дело закручивается. Большая кровь может пролиться», - произнёс Василий. «А по-моему, лучше так, чем терпеть унижения от красной чумы. Надо бы с Северным фронтом связь наладить. Мы должны быть постоянно в курсе того, что рядом с нами и в уезде делается», - поставил задачу начальник волостного штаба перед своим товарищем. «Для того и вернулся раньше времени из Большого Пинигино. Ужотко возьму человек десять из своего взвода верховых и выведу в сторону Знаменщиков. Если всё пойдёт нормально, то завтра утром буду у Короткова», - ответил Губин-младший. «Чтобы разговор ваш был убедительным, составь документ о положении в нашей волости, и вручи его командующему», - посоветовал Степан. «Депешу, о предварительных итогах освобождения села от куманьков я ему со связным отправил, а теперь, для сверки наших дальнейших действий сам к нему явлюсь», - ответил Губин-младший.

Сразу после встречи с Авериным, Василий поехал домой, где его поджидали Иван Васильевич и вернувшиеся с задания бойцы двух отделений. Рассказав отцу о встрече с матерью и сёстрами и о положении в Большом Пинигино, Губин-младший собрал во дворе личный состав взвода и назвал тех, кого брал с собой в поездку. «Через час выступаем. Кроме оружия и провианта ничего на коней не нагружать. Завтра вечером, надеюсь, вернёмся обратно. Остающимся в селе бойцам взвода постоянно быть на связи с волостным штабом, и в случае чего, полностью перейти в подчинение его начальника», - дал указание командир.

В Знаменщики отряд из одиннадцати человек, включая Василия, прибыл затемно. Прежде чем ехать к Григорию домой, Губин-младший решил заглянуть в бывший сельсовет и не ошибся. Всё руководство деревенского штаба находилось на месте. Поздоровавшись с каждым членом штаба за руку, Василий с удовольствием заметил: «Видно много работы на вас навалилось, если до сих пор по домам не разошлись». «Не то слово. Куда ни глянь, кругом одни проблемы», - ответил за всех Григорий и поинтересовался: «Вы нам на помощь прибыли или у вас другие планы?». «План у нас один - у вас побывать и командующего Северным фронтом навестить. Если, конечно, в Челноково не произошло никаких изменений», - ответил Василий. «Братья Знаменщиконы сегодня приезжали в деревню. Говорили, что на фронте пока всё спокойно. Но, по сведениям разведки и сообщений надёжных людей из Абатска, куманьки собирают силы, чтобы выбить отряды повстанцев из всех занятых ими волостей. Когда это наступление произойдёт - никто не знает», - доложил Григорий и тут же спросил:

«А в Большом Сорокино чо присходит? Утром вестовой из волости приезжал и вкратце рассказал об аресте коммунистов и пособников их власти, поэтому всем членам нашего штаба хотелось бы услышать более подробную информацию». Василию ничего не оставалось делать, как в очередной раз рассказать о событиях, произошедших за последние двое суток не только в волостном центре, но и во всех его населённых пунктах. «Да, паря, шустро вы метлами работали, если за такое короткое время столько грязи из волости вымели», - заметил член сельского штаба Скаченко Фёдор Тимофеевич. «То, что наработано, это только начало борьбы с большевистским супостатом. Все основные бои впереди и кто в них победит, только господь Бог знает», - глухо произнёс Сугатов Поликарп Миронович, возглавляющий сельскую боевую дружину. И добавил: «Нам бы ещё хоть штук пять винтовок на всех. Окромья нагана и трёх винтовок, отобранных у куманьков, трёх дробовиков и двух обрезов больше и оружия нет». Григорий сурово взглянул на него и произнёс: «Мироныч, мы уже говорили об этом. Если бы была возможность, где взять оружие, то я хоть за двадцать вёрст на себе бы его припёр. В бою добывать будем». «Ладно. Хватит спорить. Может ещё и не потребуется нам такое оружие. Комиссары тоже не дураки. Зачем им против тысяч крестьян войной идти», - высказался Скаченко. «Ты, Фёдор, словно дитё малое. В красной армии служат такие же крестьяне, как мы. А когда куманьки жалели мужицкие жизни? Под дулами пулемётов заставят вперёд на нас идти», - не сдавался Поликарп. «Всё! Довольно страху на себя нагонять. Сибиряки никогда пятками вперёд не ходили. Не заставят нас коммунисты и сейчас это сделать. Потребуется, будем биться на сколько хватит мочи», - остудил пыл своих помощников Григорий. Поговорив ещё о делах часа два, Знаменщиков и местные мужики засобирались по домам, оставляя в штабе только дежурного. «А на дорогах-то разведчики у вас есть?» - спросил Василий. «На трёх направлениях службу несут. Если бы вы подозрительными им показались, то вмиг бы они нас оповестили», - ответил Сугатов.

Переночевав в помещении деревенского штаба, рано утром третьего февраля конный отряд двинулся дальше. Не доезжая версты две до Челноково, Василий подозвал к себе двух бойцов и приказал: «Дальше ступайте впереди отряда саженей за двести. В случае какой опасности, разворачивайтесь - и к нам, или стреляйте вверх». «Слушай, Губин. Давай обменяемся оружием. Ты мне отдашь винтовку, а я тебе наган с двумя обоймами патронов. А то ты с винтовкой за спиной не очень похож на командира», - хитро улыбаясь, предложил Николай Фирулев. «Какой наган? Что-то я никогда у тебя не видел такого оружия», - удивился Василий. «Хороший наган. Я его у балаганского милици-

онера забрал, когда бегал смотреть, в каком он состоянии находится. Поняв, что мёртв, содрал с него португеею, а из кармана штанов запасную обойму с патронами вытащил», - ответил Фирулёв. «И что ты его раньше мне не предложил?» - спросил командир. «Жалко было расставаться. Но теперь вижу, что тебе он нужнее», - признался боец. «Вот пинигинский варнак! Ну, да ладно, что с тобой сделаешь. Забирай винтовку и отдавай мне командирское оружие», - согласился Василий и тоже улыбнулся. Подождав, когда разведчики удалятся на нужное расстояние, отряд продолжил свой путь.

Предосторожность командира оказалась излишней. Только перед самым Челноково путь разведчикам перегородили трое бородатых мужиков с берданами. «Откуда и куда путь держите, молодцы?» - хитро улыбаясь, спросил один из них. «Едем мы из Большого Сорокино, а куда путь держим - знает только наш командир», - ответил Фирулёв. «А где ваш командир?» - спросил тот же мужик. «Прибудет скоро. А сами вы кто будете? На красноармейцев вроде как не похожи», - решил потянуть время Николай. «А мы, молодец, бойцы Северного фронта. Слышал об таком?». «Может слышал, а может и нет. Кто командует этим фронтом? Уж не ты ли?» - подколот мужика Николай. «Куда мне. Командир у нас Коротков Александр Сергеевич, человек сурьёзный, грамотный и редкой храбрости», - не почуяв подвоха, ответил мужик. «И как же он доверил тебе секретный пост охранять, если ты неизвестным людям его имя называешь?» - вновь пошутил Фирулёв. Не успел мужик обидеться на шутку чужака, как из-за поворота выехал основной отряд конных повстанцев. «Ну, что, мужики, в Челноково ещё власть не поменялась?» - спросил, подъехав к ним вплотную, Василий. «А ты кто такой будешь, чтобы пытаться нас?» - перенёс бородатый мужик свою обиду на Губина. «Я командир конного взвода сорокинского волостного штаба. Еду на встречу с Коротковым Александром Степановичем», - ответил Василий. «Ну, едешь и едешь. А чо остановился? Поезжай дальше», - с раздражением в голосе произнёс бородатый мужик, и зло посмотрев на Фирулёва, сошёл с дороги. «Тебя наш Николай обидел? Ты уж прости его. Он у нас с детства того. Немного не в себе, значит. В деревне Большое Пинигино почти все такие, весёлые», - произнёс Василий и улыбнулся. «Так ты из Большого Пинигино? А у меня там дядя родной - Шутов Михаил Михайлович живёт и две сестры сродные - Ленка с Дашкой». «Знаем таких. Хорошая семья. А сам ты из каких мест?» - спросил Субботин. «Из деревни Болдырево. Семёнов Варлам», - ответил мужик. «А говоришь, что Шутов тебе дядька родной?» - не сразу сообразил Степан. «По матери он мне дядька», - пояснил Варлам и его лицо про- светлело.

Командующего Северным фронтом Василий разыскал на краю южной части села, когда тот инструктировал бойцов заградительного отряда на случай внезапного нападения на него воинских подразделений красной армии. Завидев отряд конников, он пошёл к нему навстречу. «С добрым здравием тебя, Александр Степанович! Вот, приехал лично доложить о делах в Большесорокинской волости», - бодро произнёс Губин-младший. «Молодец! Вовремя прибыл. Не исключено, что сегодня-завтра коммунисты со стороны Абатска на нас войско бросят. Так что твой вооружённый конный отряд службу может хорошую сослужить», - заметно обрадовавшись, произнёс командующий Северного фронта и добавил: «Ты пока отведи своих бойцов в какое-нибудь удобное местечко, а сам через часок ко мне в штаб загляни. Я тебе поподробней о предстоящих делах расскажу. Посидим, покумекаем, как лучше нехристей встретить».

Место для стоянки отряда Василий подобрал в середине села, за огородами. Привязав лошадей к пряслу, бойцы принесли с согласия хозяина по паре охапок сена из его сеновала, а на костре стали готовить походный обед. Их командир направился к Короткову.

Разговор между ними начался сразу, как только Василий появился в избе. «Я ознакомился с твоим посланием, которое привёз мне Филька, но думаю, что за последнее время в волости произошли и другие изменения. Поэтому, сначала коротко расскажи мне о них, а затем перейдём к более важным проблемам», - попросил Александр Сергеевич. «О всех событиях последних дней в Большом Сорокино и волости в целом, я изложил вот на этой бумаге», - ответил Губин-младший и передал командующему Северным фронтом три листа, исписанных карандашом. «А устно скажу, что на данный момент дела у нас складываются довольно удачно. Волостной штаб уже скомплектовал дружину самообороны в количестве двухста человек, её численность постоянно растёт. Конечно, главная проблема дружины - отсутствие необходимого количества огнестрельного оружия. Но руководство штаба руки не опускает. Налажено изготовление металлических пик и прочего холодного оружия. Если противник даст время на подготовку, то дружина к обороне села будет готова. В деревнях такие же дружины создаются. Кроме этого, на территории волости производится мобилизация всех парней и мужиков, способных воевать. Мобилизованные поступают в распоряжение начальника волостного штаба Аверина Степана, который распределяет их по отрядам дружины», - отчитался командир взвода разведчиков. «Добро! Грамотно поступаете. В дружине само-

обороны много бывших военных вроде тебя?». «Отслуживших в царской армии половина бойцов будет, а имеющих воинские звания человек пятнадцать, не больше. С начальником штаба волостной дружины Авериным - мы друзья с детских лет, и вместе служили. Он, как и я - фельдфебель». «Это хорошо! Значит, власть в Большесорокинской волости в надёжных руках», - одобрил командующий и продолжил: «А теперь я тебе расскажу о делах на Северном фронте. Из полученных донесений от нашей пешей и конной разведки, становится ясно, что уже завтра, или даже сегодня ночью, куманьки нападут на Челноково. Их военные подразделения в полной боеготовности находятся в Абатске и деревне Маруха. Численность военных точно не известна. Но, как я понял, человек сто пятьдесят - не меньше. В их числе - половина кавалеристов. Есть сведения, что на вооружении этих войск имеется пять пулемётов, что, конечно, может послужить решающим аргументом в поведении наших мужиков во время боя. Поэтому, я хочу, чтобы ты взял под своё командование всех кавалеристов нашего фронта, которых более сорока человек. Вооружены, правда, они не очень богато, но в бой рвутся давно. Так что, не будем терять время и прямо сейчас поедем к ним в расположение в восточную часть села, со стороны деревни Погорельцы».

Внешний вид кавалерийского отряда Северного фронта на Василия произвёл не лучшее впечатление. Не проговорив с бойцами и трёх минут, он понял, что половина из них полупьяная, а вторая - с глубокого похмелья. Определённую неловкость за них, по-видимому, чувствовал и главнокомандующий Коротков. Он внимательно посмотрел на старшего из кавалеристов и с раздражением произнёс: «Арефий, вы прибыли в Челноково сражаться с коммунистами или самогонку жрать? Почему весь личный состав находится в недееспособном состоянии? Срочно прими меры для того, чтобы к вечеру все мужики были в боевой форме! И ещё. С этой минуты весь кавалерийский отряд передаётся в подчинение вот этому человеку - Губину Василию. Всем всё ясно?». «Ясно», - пробурчал Арефий и с любопытством посмотрел на нового командира. Коротков, уже разворачивая коня, предупредил Василия: «Ровно через час - сбор в штабе».

Изучив моральный дух вверенного ему отряда, и разобравшись с наличием вооружения, командир тяжело вздохнул, зло улыбнулся и невольно подумал: «С этими дремучими мужиками даже на охоту в тайгу опасно ходить, не то что в бой с регулярными войсками вступать». Немного помолчав, Губин обратился к Арефию: «Я быстро съезжу за своим отрядом, а ты пока с постовыми

определись на предстоящую ночь». «А на кой нам ночью постовые? Услышим, чай, когда выстрелы загремят», - решил было показать гонор тот. Но заметив, что Губин гневно зыркнул на него глазами, потупился и спросил: «По одному или по два постовых выставять будем?». «По два», - коротко ответил Василий и с силой дёрнул поводья. Воронко резко развернулся на месте и крупной рысью понёс хозяина в расположение сорокинского отряда.

«А мы уже тебя потеряли, командир. Только что пообедали. Всё ждали, когда появишься», - доложил Субботин. Василий с благодарностью посмотрел на своих бойцов и неожиданно заметил среди них братьев Знаменщиковых. «А вы как здесь оказались?» - спросил он. «Когда вы прибыли в Челноково, мы находились недалеко от оборонительной линии в сборном отряде кавалеристов. Я вас сразу узнал. Вот мы с братом и решили к своим присоединиться. А то в том отряде спиться можно. У мужиков только самогонка на уме», - улыбнулся Зотий. «Понятно. Но от того отряда нам никуда не деться. Главкомандующий Северным фронтом назначил меня командиром сводного кавалерийского отряда. Собирайте свои пожитки и поедем в их расположение».

Поймав момент, Субботин спросил: «А чо, разве возвращаться в Большое Сорокино сегодня не будем?». «Коротков попросил, чтобы мы помогли Челноково защитить. С оружием у него плохо, да и мужики ещё не обстреляны», - ответил Василий. «И сколько придётся здесь ждать красных? В Большое Сорокино тоже ведь могут куманьки нагрянуть», - допытывался Степан. «Коротков ожидает нападения красноармейцев сегодня ночью или завтра утром», - ответил Василий и добавил: «Сразу после боя, как бы он ни сложился, отправимся домой».

Завидев хорошо вооружённых, бодрых и здоровых мужиков из Больше-сорокинской волости, полупьяные бойцы сборного отряда заметно скисли, а Арефий тут же предложил: «Может, в каждую смену караула одного бойца из твоего отряда включать?». «Я не возражаю. Порешайте это с Субботиным Степаном, а я поеду на совещание к Короткову», - согласился Губин и направился в штаб фронта.

На совещании присутствовало всего пять человек, включая командующего. Коротков, вкратце обрисовал состояние фронта на настоящий момент и перешёл к обсуждению предстоящего боя с армейскими подразделениями красной армии. Он положил на стол перевёрнутый агитационный плакат и стал рисовать на нём предполагаемую дислокацию противника. «У куманьков численность бойцов раза в три меньше нашей, поэтому окружить село со всех сторон они не смогут. Единственная подвижная часть их войск, это кавалерия.

Но глубокие сугробы не позволят и ей быстро передвигаться по бездорожью. Значит, у нас есть возможность пробраться мимо их флангов в тыл и нанести внезапный удар в спины. Эту задачу я возлагаю на фронтовой отряд кавалеристов Губина. Остальным командирам и их отрядам придётся вести бой в пределах территории села. Без особой надобности людей под пули не подставлять, а стрелять с крыш домов, амбаров, из-за прясел, телег и других укрытий. В штыковую атаку не выходить до тех пор, пока я не дам общую команду. Особенно стерегитесь пулемётной стрельбы. По донесениям, у противника такого оружия не менее пяти единиц. При первой же возможности, старайтесь уничтожить пулемётчика и захватить пулемёт. По прибытии в свои отряды, проведите с бойцами дополнительные беседы, настраивающие только на победу», - сказал в завершение Коротков. «А если мы не осилим куманьков? Что тогда делать?» - спросил кто-то из командиров. «Организовано отступить на Чуртанскую дорогу. Туда комиссары сразу не сунутся. Зато у нас появится возможность перегруппироваться и вновь ударить по ним», - ответил командующий Северным фронтом. На этом совещание в штабе закончилось и командиры направились к своим бойцам, чтобы вместе с ними ждать наступление событий, которые могут сделать их героями или наоборот - забытыми на века.

Возвращаясь к себе в отряд, Василий невольно думал: «Как же нужно было довести мужика, чтобы он с голыми руками бросился на пули и сабли?! Неужели у большевиков нет даже чуточки жалости к этим людям?! Стрелять из пулемётов и винтовок по безоружным, это то же, что и топить слепых щенят в реке. Попробуй сильного и злого пса утопить в воде! Да он полруки отхватит, не позволит это сделать никому! И чем же так прогневали сибирские мужики коммунистов? Не они же залезли в их дома грабить, а наоборот. Это коммунисты приехали в наш край, чтобы отобрать у крестьян не только весь хлеб, но и имущество, а у некоторых - и жизнь. И они же ещё и недовольны отношением к ним местных жителей. Ну, провели первую зерновую развёрстку, подкормили своих столичных большевичков, чтобы они до нового урожая дотянули и на этом бы остановились. Так нет, им семенную, а затем и внутреннюю развёрстки подавай. Ведь видят же, что брать с мужика уже нечего, всё равно рыскают по амбарам и сундукам. Не жалко им ни стариков ни детей. Для них они хуже щенят слепых. Выродки рода человеческого эти большевики, с которыми надо бороться, как с врагами иноземными».

Ночь с третьего на четвёртое февраля прошла спокойно. Василию даже удалось немного поспать на сеновале. Но уже к часам девяти в воздухе ста-

ло витать необъяснимое напряжение. Заглянувший в отряд Коротков только усилил его: «Рано утром прискакал дозорный из Тушнолобово и сообщил, что через их деревню из Ишима в сторону Абатска проскакал кавалерийский эскадрон в количестве не менее пятидесяти сабель. Там же, в Абатске, находится и стрелковый взвод 181-го полка, который, по-видимому, поджидает подкрепление, чтобы ударить по нам. Так что, к обеду они должны быть уже здесь». «А мы их на обед не звали», - пошутил Фирулёв. «Куманьки без приглашения привыкли в гости наведываться», - ответил на шутку Коротков и поехал в другой отряд.

То ли информатор неточно доложил командующему о времени прохождения эскадрона по деревне Тушнолобово, то ли в стрелковом полку красных были свои кавалеристы, но уже в одиннадцать часов дозорные с южной стороны сообщили об обнаружении в версте всадников, похожих на красноармейцев. И не успели ещё бойцы Северного фронта занять ранее приготовленные позиции, как на окраине села появился небольшой конный отряд. Он минутки три постоял посреди улицы, затем дружно развернулся в обратную сторону. Кто-то из мужиков не выдержал напряжения и выстрелил им вдогонку. И тут же в ответ послышался противный треск пулемёта, полившего градом пуль повстанцев, скрывающихся за возведёнными из брёвен брустверами. Через мгновение он смолк. Наступила зловещая тишина, не предвещающая ничего хорошего для не обстрелянных крестьян. Испытание ею вновь не выдержал боец Северного фронта. Он положил берданку на бруствер и не целясь выпустил картечь в сторону противника. В тоже мгновение раздался одиночный выстрел с противоположной стороны и из обветренного крестьянского лба на снег хлынула красная струйка. Мужик судорожно дёрнулся и затих. «Суки красные! Сволочи! Жиды проклятые! Вы брата моего убили! Я за него вам сейчас глотки грызть буду!» - взревел огромный детина, и выхватив из рук убитого берданку, стал во весь рост, перемахнул через бруствер и побежал в сторону противника. Его порыв оказался заразительным ещё для трёх десятков бойцов из армии повстанцев. Размахивая дубинами, вилами, топорами и другим холодным оружием, они вприпрыжку побежали за ним. Но в это время, вновь затрещал пулемёт, а чуть попозже к нему присоединился другой. Не пробежав и двадцати сажений, взмахивая руками, словно крыльями, мужики один за другим стали падать на снег. Через минуту треск пулемётный прекратился и вновь наступила тишина. Несколько бойцов, лежащих на рыхлом снегу, стали отползать в сторону палисадников крайних изб.

Василий и его кавалеристы не видели этого боя. Они только слышали пулёмётные очереди, редкие выстрелы из берданок и винтовок и отчаянные крики мужиков. И когда это стихло, Губин-младший подумал: «Видно, не все силы красных подошли к Челноково. Дождутся их и ударят со всей мощью по нам». Этот вывод не испугал его и даже не взволновал. Сознание Василия наполнилось каким-то непривычным хладнокровием и безразличием к собственной судьбе и судьбе восставших крестьян. В это время в конном отряде появился Филька и сообщил приказ Короткова: «Командующий сказал, чтобы вы выступали только тогда, когда красные дойдут до середины села. Ваша задача - налететь на них с тыла и в первую очередь уничтожить пулёмётчиков. Дальше действовать по обстановке». Губин спросил: «Потери среди мужиков есть?». «Есть. Человек десять убиты и столько же - ранены. Но они сами виноваты. Выскочили из-за брустверов и во весь рост побежали на красных». «Это от отчаяния и безысходности мужики так поступили. Разве можно сражаться с колом в руках супротив пулёмёта», - пробурчал Арефий. «Отставить разговорчики! Привести себя в полную боевую готовность и ждать команды на выступление. Главной целью считать пулёмётчиков, а затем всех остальных краснопузых», - громко и чётко выкрикнул Губин-младший и подозвав Субботина, дал указание: «Во время боя не теряйте друг друга из вида и держитесь поплотней. В случае ранения или, не дай Бог, гибели, кого-то из наших, на поле боя не оставлять». «Не беспокойся за нас, командир. Пинигинские мужики заговорённые. Сам берегись шальной пули или острого клинка, а то ведь ты у нас парень ещё холостой», - ответил Степан и улыбнулся. Перед глазами Губина мгновенно появился образ Полины и на его душе запела тоскливая нота. «Хоть бы ещё раз посмотреть на неё и сказать ей такие слова, какие ещё ни разу никому не говорил».

Прошло минут сорок напряжённого ожидания. В какой-то момент Василий даже подумал - красноармейцы, не дождавшись подкрепления, решили на время отойти в сторону Абатска. Но тишина оказалась обманчивой. Поняв во время короткого разведывательного боя, что повстанцы слабо вооружены и в их рядах нет чёткой организованности, после короткого обсуждения возникшей ситуации, красные командиры продолжили штурм Челноково. После выпущенных одновременно из двух пулёмётов длинных очередей по позиции мужиков, на улицу вначале ворвалась немногочисленная конница, а за ней выдвинулись пешие красноармейцы. Но пройдя в сторону повстанцев сажень пятьдесят, они вынуждены были залечь в снег, так как из каждого двора, с крыш домов и амбаров по ним открылась оружейная пальба. Чтобы как-то спасти положение, вновь заговорили пулёмёты. Но необходимого эффек-

та они на этот раз не принесли. Стены изб, амбаров и бревенчатых заплотов надёжно защищали мужиков от шальных пуль. Воспользовавшись заминкой со стороны повстанцев, красноармейцы успели вновь вернуться на первоначальные позиции.

Раздосадованные неудачей, и опасаясь, что до темноты не успеют занять село, красные командиры решили действовать более решительно и жёстче. Дав небольшую передышку красноармейцам, они приступили к очередной атаке на повстанческие боевые ряды. Сразу же после непродолжительного, но плотного пулемётного огня, весь состав красноармейских воинских подразделений ринулся вперёд.

Командующий Северным фронтом повстанцев понимал, что красные не смирятся с неудачной попыткой и обязательно повторят атаку, и где-то даже боялся этого. Нет, Коротков, не за себя боялся, а за мужиков, которым, кроме своих жизней, больше нечего было противопоставить красным. Отбитая первая атака вселила в повстанцев уверенность, но почти полностью оставила их без патронов. Поэтому, как только вторая атака началась и красноармейцы вновь оказались на линии огня, такой оружейной канонады, как в первый раз, со стороны восставших уже не раздавалось. А выскакивать в атаку с колами, топорами и вилами против хорошо вооружённых красноармейцев было смерти подобно. Понимая это, бойцы повстанческой армии стали покидать свои укрытия, и огородами, отступать в северную часть села, где были возведены главные укрепления и находилось основное боевое ядро фронта.

По мере продвижения красноармейцев по селу, росло и напряжение в сводном кавалерийском отряде фронта. «Ещё немного и наступит наш черёд доказать красным, что мы всей душой их ненавидим и готовы умереть за нашу, крестьянскую свободу», - подумал Василий и посмотрел в сторону бойцов. А ещё через пять минут, скомандовал: «По коням! Оружие к бою! Вперёд, шагом марш!».

С восточной части села противник не ждал такой грозной силы, поэтому не сразу сообразил, что делать с ней. А пока продолжалось это замешательство, отряд кавалеристов успел нейтрализовать один пулемёт, при этом убив и ранив несколько красноармейцев. Проворный Субботин вернулся к пулемёту, соскочил с коня, опутал вожжами станок и вскочив в седло, потащил его в сторону леса, где первоначально останавливался сорокинский отряд. Губин не видел всего этого, и когда, оглянувшись, не заметил Степана, подумал, что с тем случилось самое страшное. Эта мысль настолько разозлила его, что он

уже без всякой осторожности и разбора стрелял из нагана направо и налево по возникающим фигурам врага. Что с ними происходило дальше, Губину было безразлично. За несколько минут конному отряду удалось так глубоко вклиниться в тыл противника, что казалось, ещё немного такого напора и куманьки дрогнут. Но неожиданно, с южной части села показалась красная кавалерия и с большой скоростью стала приближаться к отряду Василия. Поняв, что его мужики, растрелявшие в бою все патроны, не смогут оказать достойного сопротивления хорошо вооружённым и обученным красным конникам и будут порублены шашками, он зычным голосом крикнул: «Всем выйти из боя и отступить в сторону Погорельцев!». Словно эхо, прокатились слова по рядам бойцов, и они стали дружно удаляться на восток. Проскакав на разгорячённых конях по тракту версты три, сводный отряд остановился рядом с небольшим берёзовым колком. Василий внимательно всмотрелся в лица кавалеристов и спросил: «Потери есть?». «Вроде нет», - ответил Арефий. «Есть. Гришку Мурина и Высоцкого Фёдора убили», - выкрикнул кто-то. «А Субботин Степан где?» - спросил Фирулёв. «Я его тоже во время боя потерял из зрения. Неужели и он убит?» - встревоженно спросил Василий. «Не знаю, Субботин это, или кто другой, но я видел как кто-то из наших пулемёт на вожжах потащил за огороды в лес», - сообщил боец отряда. «Это наш Степан! Только он может до этого додуматься», - высказался Николай и успокоился.

Побоявшись оставить пеших красноармейцев без своей мобильной помощи, кавалерийский эскадрон не стал преследовать конных повстанцев. Уткнувшись в третью заградительную линию, наступление красных вновь затормозилось. Несмотря на пулемётную поддержку и помощь конницы, выбить засевших в укрытиях мужиков им долго не удавалось. Но бесконечно продолжаться это не могло, так как у повстанцев заканчивались боеприпасы, а ждать их извне им не приходилось. Коротков понимал, что если мужики сейчас побросают оборонительные рубежи и побегут, то кавалерийский эскадрон порубит их всех на куски как капусту. Но и до темна держать оборону без боеприпасов повстанцы не смогут. Выход был один - поднять мужиков в контратаку и добыть оружие в бою. Посоветовавшись со своими помощниками, командующий Северным фронтом принял однозначное решение - контратаковать. Но до того, как приступить к выполнению этого решения, он подозвал Фильку и приказал: «Забери с собой оставшихся при мене верховых и пробирайся к конному отряду, который ушёл в сторону Погорельцев. Передай Губину, чтобы он немедленно ударил со своего фланга по противнику. Сейчас только от действий его кавалеристов зависят судьба боя и жизни мужиков».

Контратака повстанцев оказалась короткой и трагической. Дождавшись, когда мужики вылезли из своих укрытий, и стреляя на ходу из винтовок, берданок и обрезов, кинулись в их сторону, красноармейцы подпустили их поближе, и стали из всех стволов поливать бедолаг свинцом. Первая порция свинца досталась Короткову, бежавшему с наганом в руках впереди цепи. Командующий Северным фронтом потерял равновесие, споткнулся, и как подкошенный, завалился лицом в снег. Поняв, что их главный командир убит, идущие за ним бойцы стали в панике падать на землю и ползти назад. Но было уже поздно. Преследующие по пятам красноармейцы, экономя патроны, стали безжалостно добывать их штыками и прикладами. Однако, большей части повстанцев всё-таки удалось ускользнуть от убийц с красными звёздами на шапках и разбежаться по лесу.

Когда Филька с десятком верховых прибыл в отряд Василия, он не знал ещё о поражении повстанцев и гибели Короткова. Поэтому, дословно передал приказ командира Губину и стал ждать его решений. Василий немного подумал и скомандовал: «Рысью вперёд марш! Не растягиваться! Держаться плотнее!».

До села оставалось не более двадцати сажень, когда Василий увидел мчавшийся им навстречу кавалерийский эскадрон красных. Уйти от прямого столкновения с врагом уже было невозможно. Размахивая шашками и с визгом выкрикивая какие-то слова, кавалеристы врезались в конный отряд повстанцев и стали остервенело наносить удары шашками по головам и телам бойцов. Выстрелив из нагана в упор в одного из них и рубанув шашкой по голове другого, Василий с трудом вырвался из мясорубки и что было силы, крикнул: «Прорываться на Знаменщики!», и вновь ринулся на помощь своим. Прошло ещё минут десять кровавого месива, когда оставшиеся в живых мужики смогли вырваться из кучи коней и людей и рвануть в сторону противоположной полосы лесного массива. Оказавшись на месте, где сутки назад им была облюбована стоянка, Василий резко притормозил Воронко. «Подождем остальных, а потом решим, что дальше делать», - произнёс разгорячённый и разочарованный боем командир.

И на этот раз красные не стали их преследовать. Видно у них и без этого было много проблем. Подождав всех, кто мог присоединиться к нему, Василий сделал печальный вывод. В строю осталось чуть больше половины того состава, который ещё совсем недавно был в его подчинении. Не было среди бойцов и Фильки. Единственно, чему он искренне обрадовался, так это появлению в отряде Субботина. А когда узнал по какой причине тот покинул первый бой,

похлопал товарища по плечу и произнёс: «Молодец! За такой поступок любое нарушение дисциплины простить можно!». «Молодец-то молодец, да вот с патронами не очень густо», - скромно ответил Степан. «Следующий раз патроны таким же макаром добудешь», - подбодрил его Фирулёв. «Ну, что, мужики? В отряде осталось только двадцать два бойца. Одиннадцать из них - из большесорокинской волости. А так как командиром сводного отряда я был назначен Коротковым, то решать дальнейшую вашу и мою судьбу может только он. Поэтому, у меня есть предложение – всем вместе добраться до Знаменщиков, дождаться известий от командующего Северным фронтом и только после этого определиться с дальнейшими действиями», - предложил Василий. Уставшие, измученные и раздражённые, бойцы спорить с командиром не стали и, не медля более ни минуты, поскакали на запад.

В Знаменщиках Василия ждал сюрприз. Как только отряд появился в пределах деревни, он сразу же попал в поле зрения его жителей. Оказалось, что о произошедшем бое в Челноково они знали больше, чем Губин-младший. «Кто вам такую весть принёс? Сражение-то с красными часа два назад закончилось», - спросил он Григория, как только они встретились. «Филька, денщик Короткова обо всём рассказал. Не больше полчасика прошло, как он к нам в деревню прискакал», - ответил Григорий. «А где сейчас Филька?». «В штабе сидит, чай пьёт».

Заметив Василия, Филька выскочил из-за стола и выпалил: «Александра Степановича куманьки в бою убили, а труп с собою забрали. Многих мужиков красные загубили. Ну, а те, кто остался жив и на свободе, в сторону Чуртана рванули. Там пока ещё наша, мужицкая власть». «А ты-то как оказался рядом с Коротковым? Вроде в отряде нашем оставался?» - с удивлением спросил Губин. «Сбёг я от вас, когда вы поскакали в Челноково. Не мог я в такую тяжёлую минуту командующего без связи оставить. Но, к сожалению, опоздал малость», - признался Филька. Узнав о гибели Короткова, Василий повернулся к бойцам отряда и произнёс: «Раз командующего фронтом не стало, то и власть моя над вами закончилась. Поэтому, распорядитесь собой, как ваша совесть подсказывает. Может, ещё и встретимся в каком бою на общей стороне». «А чо нам долго думать, куда рвануть. Раз Филька рассказывает, что мужики в Чуртан подались, то и мы туда-же отправимся», - ответил за всех Арефий. «Ну, ладно, раз так решили. А нам необходимо в Большое Сорокино возвращаться. Думаю, что и там скоро куманьки появятся. Готовиться надо к их встрече», - высказал Василий. «Командир, можно с вами остаться? В эти места я с Александром Сте-

пановичем из города прибыл. Моих родителей большевики ещё осенью арестовали и в омский ЧК отправили. Вот и прибился я к Короткову», - сообщил Филька. «Оставайся, коль больше некуда податься», - согласился Василий.

По просьбе Григория, в Знаменщиках конный отряд пробыл до обеда следующего дня. И только после того, как стало понятно, что нападать на деревню куманьки пока не планируют, Василий дал команду на возвращение в Большое Сорокино. Субботин запряг своего пегого мерина в сани, погрузил на них трофейный пулемёт и отряд тронулся.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Прибыв в село, Василий первым делом поспешил в волостной штаб с докладом. «Ну, слава Богу! Наконец появился наш боевой командир!» - тряся руку Василия и улыбаясь, произнёс Колосов Иван. «Неужто думали, что я сбежал от вас или погиб?» - пошутил Губин-младший. «О том, что ты можешь сбежать нас мысли не посещали, а вот что можешь оказаться убитым, грешным делом подумали», - ответил за Ивана Аверин и добавил: «Бой-то не шуточный в Челноково происходил. А вы, как мы поняли, в нём активное участие принимали». «Интересно, от кого же вы о челноковском столкновении узнали? Сорочка на хвосте принесла?» - удивился Василий. «Твой брат нам поведал об этом, да и другие источники проинформировали», - ответил Степан. «Ну, раз уже всё знаете, то и рассказывать вам ничего не надо», - улыбнулся Василий. «Мы только слухами пользовались, а теперь от тебя хотим услышать подробности», - прервал препирательство Колосов. Губин-младший сразу посерьёзnel, и стал подробно излагать события прошедших двух суток.

«Да, паря, в серьёзную переделку вы попали! Хорошо ещё, что без потерь вышли из неё. Теперь куманьков надо ждать и нам. Думаю, что они затягивать не будут, и уже скоро начнут наступление со стороны Абатска и Ишима на нашу, Викуловскую и Готопутовскую волости. Там у них красноармейские части сосредоточены. Так что нет у нас время на раскачку. Необходимо вплотную заняться сооружением оборонительных позиций», - высказался Колосов и обратился к Аверину: «Сколько у тебя в дружине людей?». «С прибывшими из деревень около трёхсот мужиков будет», - ответил Степан и добавил: «Сила, конечно, немалая. Почти две войсковых роты. Но вот вооружены большинство дружинников примитивным оружием, с которым не то что на красноармейцев с винтовками и пулемётами страшно выходить - на волков даже опасно». «А что с этим поделаешь? Не готовились мы к войне и не ведали, что она в наши

края придёт. Да если и ведали бы, то где нам было взять огнестрельное оружие? Ни колчаковцы, ни куманьки с нами делиться бы не стали. Им спокойней живётся, когда народ безоружный. Так что, раз уж мы восстали против власти коммунистов, придётся с ними драться тем, что имеем», - ответил Колосов. «Субботин Степан в бою отбил у красных пулемёт с одной не полной лентой патронов и привез с собой. Не знаю, рабочий или заклинило его. Пусть посмотрит Матвей, может, восстановит», - как бы между прочим, произнёс Василий. «Герой твой Субботин! Откуда хоть он родом?» - оживился Колосов. «Из Большого Пинигино. Только там такие богатыри водятся», - ответил Василий и улыбнулся.

Обсудив текущие дела и наметив меры по созданию надёжного оповещения жителей села о приближении противника, руководители волостного штаба повстанцев решили было расходиться по своим местам, но в это время в избе появился дежурный по штабу и доложил о прибытии из Викулово человека с каким-то документом. «Пусть войдёт», - разрешил Колосов. Рыжеватый молодой посыльный робко перешагнул порог горницы, поздоровался и протянул стоящему ближе к нему Степану бумажный пакет. «Что это?» - спросил Аверин. «Не знаю. Наш главный командир приказал мне доставить вам этот пакет и дожидаться ответа», - ответил, сконфузившись, рыжий парень. «Ты один добирался до нас?» - поинтересовался Василий. «Нет. Со мной ещё двое мужиков. Мы вначале в готопутовский штаб такой же пакет передали, а потом к вам поехали», - уточнил курьер. Аверин развернул конверт, вытащил из него исписанный листок и молча прочитал. «Что там хорошего пишут нам соседи?» - поинтересовался Колосов. «Сами читайте. А потом вместе подумаем, какой ответ им давать», - произнёс Степан и протянул листок Ивану. После того, как чтение текста закончили все трое, Иван спросил: «Как думаете, стоит ввязываться нам в это мероприятие? Мы не знаем, что с нами, да и с ними завтра будет, а не то что нападать на город. Или у вас другое мнение?». «Я думаю, что снимать дружинников с обороны села нельзя. Но и категорически отказывать в поддержке этого предложения мы тоже не можем. Вариант только один. В случае общего нападения на Ишим, от нашей волости включить в сводный отряд Северного фронта мой кавалерийский взвод», - предложил Василий. Степан, как всегда, ненадолго задумался и только затем высказался: «Письмо датировано третьим февраля, когда ещё не были известны результаты боя за Челноково. Сейчас, я думаю, руководителям викуловского повстанческого движения не до взятия Ишима. Самим бы сохраниться. Поэтому, считаю, что расплыть свои силы мы не должны. Наоборот. Необходимо ускоренными темпами их усилить. И

последнее. Мы не находимся ни в административном, ни в оперативном подчинении викуловского повстанческого движения, а это значит, что выполнять его распоряжения нам необязательно. Тем более, что викуловцы в письме напрямую к нам не обращаются. Но для того, чтобы в дальнейшем нам проводить с ними единую военную политику, необходимо направить в их штаб для переговоров нашего представителя, с особыми полномочиями». «Пожалуй, ты прав, Степан», - поддержал Колосов и обратился к рыжему парню: «Ответ мы писать пока не будем. Однако уже завтра в Викулово прибудет Губин Василий, которому будет поручено провести переговоры с руководителями штаба повстанцев».

Василию не очень понравилась затея Ивана, так как считал, что необходимо больше уделить внимания повышению морального духа и армейским навыкам своих бойцов. Но понимая важность соблюдения военной дисциплины и субординации, спорить он с ним не стал. Вернувшись после совещания в свою избу, где квартировало большинство бойцов конного взвода, Василий тепло поздоровался с отцом и окликнул Петра. «Здорово, братуха! С прибытием тебя в родной дом!» - улыбаясь, поприветствовал Чикирев. «Здравствуй, Пётр. Ты когда вернулся из Большое Пинигино?». «Ноне утром. А чо?» - насто-рожился тот. «И чо ты там делал три дня?». «Так делами общими был занят», - хитро улыбнулся Пётр. «Ты, давай, не крути передо мной. Рассказывай всё, как на духу. Я же рассчитывал, что ты уже на следующий день прибудешь в Большое Сорокино и займёшься отрядом», - строго произнёс командир. «Не ругайся, братуха, попутал меня соблазн скинуть советскую власть в соседних деревнях. Вот и рванул с отрядом сначала в Большое Болдырёво, а потом в Костылёво. Арестовали там председателя сельсовета Семёнова и секретаря пар-тячейки Сеногноева и привезли сюда». «А о бое челноковском от кого узнал?». «Когда мы в Болдырёво были, два мужика местных вернулись с него. Один из них даже раненый был». «Ладно, на первый раз я прощу по-братски твою самовольную выходку, но в следующий - поблажек от меня не жди. В военный период дисциплина для всех обязательна», - строго сказал Василий и взглянул на Петра. Тот молча повернулся и ушёл в горницу. Но уже через минуту вер-нулся, и протянул брату ножны, из которых выглядывала инкрустированная рукоять кавалерийской сабли. «Это тебе, братуха, подарок от меня. Твоя-то обыкновенная, а эта штучного изготовления будет. У костылёвского секретаря отобрал. Хоть ты и поругал меня незаслуженно, но внешний вид командира выше моей обиды», - с достоинством высказался Чикирев. «Спасибо за пода-рок! В ближнем бою сабля - незаменимое оружие. А ругал я тебя за дело. Если

каждый боец будет делать всё, что вздумает, то и в бою на него мало надежды. Это к тебе, конечно, не относится, но с нами рядом находятся другие бойцы, которых мы с тобой пока хорошо не знаем», - не успокоился и после подарка Василий. «Ладно! Понял я тебя. Больше такой глупости не совершу», - сдался Петр и добавил: «Коней бы у некоторых бойцов перековать надо. А то потом некогда будет». «Вот ты и организуй эту работу, пока я езжу в Викулово», - согласился Василий. «Ты чо, туда один ехать собрался?» - удивился Пётр. «Возьму Степана Субботина, да Фильку. К чему попусту людей много с собой таскать», - ответил Губин-младший, дав понять, что разговор на этом окончен.

Из села Василий и его сопровождающие выехали задолго до рассвета. На улице стоял бодрящий морозец, но бурана не было. По накатанному санями следу отдохнувшие кони шли ходко и с желанием. И несмотря на то, что до Викулово более шестидесяти вёрст, отряд планировал быть там уже к обеду. Василий неслучайно взял с собой Фильку. На этого паренька он возлагал большие надежды. Во-первых, Филька знал руководителей викуловского повстанческого штаба в лицо, а во-вторых, в случае необходимости, он мог лучше других выполнить обязанности разведчика. Невзрачная внешность паренька и городская вёрткость позволяли ему быть незаметным для врагов и незаменимым для друзей. Вот и сейчас, продвигаясь по Викуловскому тракту, Василий отправил Фильку саженей на сто вперед, чтобы в случае опасности, тот успел их с Субботиным предупредить. На улице только стало светать, а они уже были в Готопутово. Проследовав мимо базара, Василий первым свернул к большому крестовому дому, около которого у коновязи стояли три верховых лошади, и спрыгнул с Воронко. «Вы здесь побудьте, а я местных командиров навещу», - сказал он своим спутникам и направился к крыльцу.

Три солидных бородатых мужика находились в большой комнате и о чём-то громко спорили. «Не успеют они к вечеру село захватить! Ещё в Чуртане идут бои, а от него до Викулово пятнадцать вёрст. Конные-то быстро доскачут, а вот пешим стрелкам часа три потребуется, не меньше», - донеслось до уха Василия. Он переступил порог в комнату, и чтобы обратить на себя внимание спорящих, громко кашлянул. «Ты кто такой? С чем к нам пожаловал?» - почти враз спросили мужики. «Я представитель большесорокинского волостного повстанческого штаба - Губин. Следую в сторону Викулово для переговоров с тамошним начальством», - представился Василий. «В неурочный час ты направился туда на переговоры. Не до тебя сейчас руководству викуловского штаба. Сказывают, что красные Чуртанскую оборону прорвали и в сторону Ви-

кулово двигаются», - предупредил один из споривших. «Не прорвали ещё, да и вряд ли куманьки смогут это сегодня сделать», - возразил другой. «Полно спорить. Пусть лучше большесорокинский представитель нам расскажет, как чувствует себя их волость», - вмешался в разговор третий, как позже узнал Василий – начальник повстанческого штаба Готопутовской волости Иноземцев Николай Константинович. Губин вкратце изложил ситуацию в родном селе и предложил соседней волости поддержку и содействие. Выслушав сообщение, Иноземцев внимательно посмотрел на гостя и спросил: «Много у вас таких боеспособных мужиков, как ты?». «Большинство. Беда только в том, что огнестрельного оружия очень мало», - коротко ответил большесорокинский представитель. «К сожалению, и мы испытываем в нём трудности. А вот за предложение сотрудничать – спасибо. Мы всегда готовы прийти на помощь соседям и друзьям», - закончил высказывание начальник готопутовского штаба.

Вторая половина пути заняла часа три. Не доезжая с версту до села, конников остановили бородатые дозорные и очень придирчиво опрашивали их. И только тогда, когда один из них узнал Фильку, напряжение спало. «Пропусти, кум, парней. Видно, правду говорят, что по серьёзному делу едут к нашим командирам», - глухо пробурчал он. «А чо вы, мужики, такие неприветливые? Краснопёрых боитесь в село пропустить?» - спросил Субботин. «Тебе-то до этого какое дело? Сказано – проезжайте, значит проезжайте скорее, а то передумаем», - взъелся второй дозорный, здорового роста и с очень хмурым обличем. «Не лезь, Степан, под шкуру к мужикам. Видно не до разговоров им с нами», - одёрнул Василий и пустил Воронко на рысь.

Викулово было гораздо больше чем Большое Сорокино, но благодаря Фильке, плутать по нему посланникам не пришлось. К волостному штабу повстанцев паренёк привёл их самым кратчайшим путём. Остановившись у большой избы, на крыше которой болтался непонятно какой расцветки флаг, он по-детски улыбнулся и сказал: «Все командиры здесь. Видно военный совет проходит». «А ты почём знаешь?» - удивился Субботин. «А чо тут знать. Видишь какие кони на привязи стоят? Лучшие во всей волости. На таких только командиры и ездят», - ответил Филька и посмотрел на Воронко. «Молодец, парены! Настоящий разведчик», - похвалил Василий и спрыгнул на землю.

Как только Губин открыл входную в избу дверь, в нос ему ударил кислородный запах, а глаза сразу заслезились от дыма. «Видно, серьёзную проблему командиры обсуждают, раз так надымили», - подумал он, не искрививший за жизнь ни одной закрутки табаку. Перед дверями в горницу, где

заседало военное начальство, с наганом за опояской, стоял коренастый мужик. «Тебе кто надобен, уважаемый?» - строго спросил он. «Я прибыл из Большесорокинской волости для разговоров с вашим командованием», - ответил Василий. «Погодь немного здесь. Сейчас сообщу, кому положено», - предупредил часовой и ушёл в горницу. И уже через минуту, открыв двери, пригласил: «Заходи».

В большой горнице находились четверо мужиков разных возрастов, которые при появлении Василия прервали свой разговор и дружно посмотрели в его сторону. «Здравствуйте, люди добрые. Прибыл к вам по поручению Большесорокинского волостного штаба для разговоров на общую для всех крестьян тему», - доложил Василий. «Проходи, мил человек, поближе, чтобы лучше друг друга слышать. Сам-то кто будешь и кем при штабе числишься?» - спросил высокий, худощавый, с жиденькой бородёнкой, мужик. «Губин я. Командую кавалерийским взводом повстанцев», - представился Василий и продолжил: «Мы ознакомлены с вашим призывом - идти на захват Ишима, но есть вопросы, которые требуется обсудить. Поэтому, хотелось бы узнать кто из вас старший и с кем вести переговоры». «Я начальник штаба Северного фронта и штаба повстанцев Викуловской волости Ключенко Василий Артёмович, а это мои помощники - Калинин Василий Павлович, Ярославцев Максим Петрович и Волынкин. С любым можешь вести переговоры, но, к сожалению, на них у нас совсем нет времени. С часу на час на село могут напасть красноармейские воинские части. Мы рассчитывали, что в Челноково наш командующий, если не победит красных, то хотя бы подольше продержится против них, но надежды не сбылись. Челноково, а затем и Чуртан взят куманьками и сейчас они идут в направлении Викулово», - сообщил неприятную новость начальник штаба. «В челноковском бою и я со своим отрядом кавалеристов принимал участие. В моё подчинение Коротков передавал также и свой конный отряд. Но, несмотря на численное превосходство повстанческой армии, она заранее была обречена на поражение. Воевать с топорами и вилами против пулемётов, винтовок и револьверов - верная гибель. И пока мы не будем иметь настоящего оружия, всегда будем проигрывать контактные бои. А где взять оружие, только Богу известно», - произвольно высказался Василий. «Согласен. Но не воевать с красными, а ждать, когда появится оружие, мы уже не можем. Весь мужицкий люд поднялся против красных тиранов. И наша задача сделать всё, чтобы смести с лица сибирской земли эту нечисть. Поэтому, всем нам, соседствующим друг с другом волостям, необходимо действовать слаженно и одновременно. В этом направлении вверенный мне штаб проделал уже большую работу. Мы

уничтожили телеграфное сообщение, связывающее уездный Ишим со всеми северными волостями и объявили повсеместно мобилизацию мужчин от 18 до 40 лет. Ищем и оружие. Но с этим пока труднее, хотя кое-что уже добыли. Если и ваш волостной штаб последует нашему примеру, то было бы очень хорошо. Вы расположены ближе к железной дороге, а также ко всем северо-западным волостям уезда. Поэтому, не теряя ни минуты драгоценного времени, необходимо донести до этих территорий правду о нашем повстанческом движении и призвать сибирских мужиков присоединиться к нему. И чем быстрее заполыхает весь Ишимский уезд, а за ним Ялуторовский, Тюменский и Тобольский, тем сложнее будет коммунистам утвердить в губернии свою тиранию. Сама власть советов на нашей сибирской территории может существовать, но коммунистическая - никогда. Мы пойдём на любые жертвы, чтобы жидовской политической режим никогда не смог глумиться над простым народом», - высказался Ключенко. В это время в горницу вбежал молодой боец и с порога выпалил: «Красные уже в трёх верстах от села. Разведчики сказывают, что после взятия Чуртана, куманьки разделились на две группы. Одна пошла на нас, а вторая - на Готопутово». «Всё, командир. Нет у нас больше времени на разговоры. Необходимо в отряды выезжать и в бой с краснопёрыми вступать. Даст бог, свидимся ещё, потом и договорим. Нам необходимо срочно объединить силу мужицкую, а это значит и командование войсками должно быть из единого штаба. Говорил я об этом Короткову, да он не послушал меня. Вот, теперь и оказались в изоляции. К этому вопросу мы обязательно вернёмся, а сейчас советую вам побыстрее выбираться из Викулово и что духу мчаться домой. Не ровен час, и на ваше село красные уже войска бросили. Ждать, когда пожар мужицкого восстания на другие волости и уезды перекинется для них смерти подобно», - на ходу договорил начальник штаба Северного фронта и выскочил на улицу.

Василий со своими сопровождающими тоже медлить с отъездом не стали. И поступили правильно, так как едва успев покинуть пределы села, слева, со стороны Чуртана стали раздаваться винтовочные выстрелы, а ещё чуть позже затрещали пулемёты. «Началось!» - выкрикнул Василий и пришпорил Воронко. Тот незамедлительно отреагировал на неприятное ощущение и резко увеличил скорость. Кони Субботина и Фильки перешли на махи.

До Готопутово оставалось около версты, когда путь им преградил конный разъезд повстанцев. «Куда торопитесь, молодцы? Неужто за вами куманьки гонятся?» - спросил один из них. «Гнаться - не гонятся, но вот Викулово уже обстреливают. Их разведчик при мне сказывал начальнику штаба, что якобы одна

группа красноармейцев из Чуртана в вашу сторону пошла», - ответил Василий, узнав в мужике одного из спорящих в комнате у начальника готопутовского штаба. «Слыхивали мы уже эту новость. Но пока дальние дозорные не принесли нам известий о подходе красных. Может, сегодня и нападать на село не будут. Часа через два на улице темно станет», - произнёс мужик и посмотрев на Воронку, продолжил: «А вы куда на ночь глядя рванули? Коней до смерти загоните, пока до Большого Сорокино доберётесь. Отдохните в Готопутово, а рано утром продолжите путь. Ведь туда-обратно от вашего села до Викулово вёрст сто двадцать будет. Не меньше. Не каждая лошадь выдюжит это расстояние, даже такая, как твой жеребец». Василий и сам не хуже мужика понимал, какую тяжёлую нагрузку испытывают кони, однако в Готопутово останавливаться на отдых он не захотел. «Спасибо за совет, но как-нибудь доберёмся до Буньково, а там у родни и передохнём», - ответил он и дёрнул поводья.

Марья Васильевна своего племянника обожала и всегда радовалась, когда он её навещал. В деревне Буньково она оказалась, после того, как вышла замуж за местного жителя - Бакшеева Егора Сергеевича. Вот и на этот раз, как только Василий появился на пороге избы, Марья Васильевна вскинула руки и бросилась обнимать его. «Да как это ты вспомнил о своей старой тётушке? Я уж сердать на тебя стала», - запричитала она. «Какая же ты старая? Тебе всего-то сорок три года, а по виду я бы и сорока не дал», - «подсластил» племянник. «Ладно, не обманывай меня, варнак. Проходи в куть, паужнать будем», - командовала тётя. «Не один, я, тётушка. Со мной ещё два человека», - предупредил Василий. «Так иди за ними. Всем картошки в мундире хватит», - улыбнулась Марья Васильевна. В это время в комнате появились и остальные члены её семьи, включая мужа-инвалида, вернувшегося таким с германского фронта.

Накормив гостей и выпытав у Василия все новости о своём брате и его семье, она тяжело вздохнула и сказала: «Что же это эти безбожники творят над народом! Как нелюди какие. Неужто они матерей и отцов не имели никогда! Хуже волков голодных! Егор сказывал, что даже немцы в плену к русским солдатам лучше относились, чем сейчас коммунисты».

Рано утром, выпив по кринке парного молока с только что вытасненным из печи пышным ржаным хлебом, Василий и его спутники попрощались с хозяевами и выехали со двора. И когда на востоке только-только стали появляться первые лучи солнца, они были уже в пределах Большого Сорокино. Отправив Субботина с Филькой в расположение взвода, командир прямым ходом направился в волостной штаб.

«Ну, как съездил? Удалось встретиться с руководителями викуловского повстанческого штаба?» - спросил Иван, здороваясь за руку с Губиным-младшим. «Удалось. Но только не до меня им было. Разговор получился короткий. Зато с готопутовскими командирами обстоятельно побеседовал», - ответил Василий и стал подробно рассказывать присутствующим в столь ранний час в штабе о результатах своей официальной поездки к соседям. «Да, паря. Горячая пора у них наступила. Не успеет оглянуться и к нам она подкрадётся. Поездки по гостям мы пока прекратим и объявим на территории волости особый режим. Тебе, Василий, придётся организовать конные разъезды на всех входящих в село дорогах. И не рядом с селом, а в пяти-семи верстах от него. Особенно необходимо быть бдительным на Викуловском и Ишимском тракте», - высказался Аверин. «Согласен с тобой, но просьбу начальника штаба Северного фронта Ключенко мы выполнить обязаны. Необходимо прямо сейчас готовить воззвания к другим волостям, которые мои надёжные бойцы доставят по назначению», - предложил Губин. «Хорошо. Готовь воззвание и мы втроём подпишемся под ним», - одобрил Иван.

Василий не стал возражать и почти сразу приступил к выполнению задания. Текст давался тяжело. Часа за два он всё-таки справился с ним и зачитал товарищам: «Руководителям волостных и сельских советов. Сообщаем вам, что крестьяне всех северных и северо-восточных волостей Ишимского уезда восстали против произвола, непосильных развёрсток и жестокого обращения со стороны новой власти и повсеместно создают повстанческие штабы. Они не против крестьянских советов, но против участия в них коммунистов. Если по пути создания повстанческих отрядов пойдёт весь Ишимский уезд, а может даже губерния, то власти коммунистов в Сибирском крае придёт неминуемый конец. Выгоняйте, друзья, из своих деревень и волостей коммунистических пособников и устанавливайте нашу власть - мужицкую! Это несложно сделать. Тяжелее будет удержать эту власть. Но сибирский мужик и на хлебном поле, и на ратном, всегда доказывал свою храбрость и непобедимость. Так докажем и на этот раз силу и сплочённость свою главным врагам крестьян - коммунистам! Поднимемся во весь рост, расправим плечи и дружно прогоним в шею этих безбожников и супостатов с нашей земли-матушки! Председатель крестьянского совета Большесорокинской волости Колосов Иван. Начальник штаба волостной дружины Аверин Степан. Командир кавалерийского взвода Губин Василий». Закончив чтение, он посмотрел на присутствующих и спросил: «Пойдёт? Или что-то добавить надо?». «Звучит неплохо. Давай, размножай его и мы подпишемся», - ответил за всех Иван.

Переписывание воззвания в десяти экземплярах у Василия заняло больше часа. Писарь он был не ахти какой, но и помочь ему было некому, так как Аверин уехал проверять позиции дружин, а Иван занимался хозяйственными заботами. Пришедшая в штаб к Колосову по своим вопросам Колмакова Анна, увидев сидящего за столом и старательно выводящего буквы на бумаге Губина, весело рассмеялась и произнесла: «Это тебе, Василий Иванович, не на гормошке играть, а голову напрягать надо». «Ничо. Вот установится мир на нашей земле, пойду в город на писаря учиться. Все тогда на поклон ко мне будете приходиться и просить, чтобы письма вашим мужьям писал или документы справлял», - не остался в долгу Василий. «Когда мир в нашем крае установится, то и письма писать некому будет. У всех баб мужья домой к семьям вернуться», - с печалью в голосе произнесла Анна и добавила: «Да и тебя за стол не посадишь тогда. Гужи будешь рвать на поляне своей. Ты же хлебороб, а не интеллигентик заморенный».

Закончив работу писаря, Василий дождался, когда Степан с Иваном появились в штабе и положив перед ними пачку листов, сказал: «Подписывайтесь. Я прямо сегодня же направлю своих верховых в волости». «Не боишься потерять людей? Народ-то сейчас всякий есть. Кто на коммунистов зол, а кто и в друзьях-товарищах у большевиков ходит», - спросил Иван. «Бойся-не бойся, а мужиков расшевеливать надо. А то они только креститься могут да по погребам прятаться. Необходимо помочь им поверить в себя и в свою силу», - ответил Василий и посмотрел на Степана. «Я согласен с тобой. Так жить, как сейчас, сибирский мужик не должен. Он обязан проливать пот свой на полях, выращивая хлебушек, а не кровь на полях сражений, защищая право на мирный труд и достойное житие. А для того, чтобы было именно так, необходимо очистить нашу землю от кровопийцев и угнетателей коммунистов», - поддержал тот и первым поставил под воззванием подпись.

Из волостного штаба в расположение своего взвода Губин-младший вернулся перед обедом. Отозвав в сторонку Субботина Степана и Фильку, он стал подробно излагать задачу, которую им предстояло решить: «Волостной повстанческий штаб доверяет вам исполнение очень серьёзного поручения. Необходимо будет в самые кратчайшие сроки доставить вот эти воззвания в соседние с нами волости и вручить их руководителям. Маршрут я вам наметил такой. Вначале поедете в северо-западном направлении, через Покровку, Кротово, Большой Кусеряк до Уткармы, затем повернёте на юг и вдоль правого берега реки Вагай спуститесь через Аромашево до села Голышманово. Оттуда

возвращайтесь домой. В город Ишим не заходите. И ещё. Чтобы вы меньше вызывали подозрений, поедете на дровнях, загрузив в них на ссыпном пункте пудов пять муки. Если кто дюже будет любопытствовать вашими персонами, скажете, что едете в Тобольск к родственникам и везёте им гостинцы. А доберётесь до Уткармы, выменяйте у местных рыбаков за муку мешка три мороженых карасей и следуя в сторону Голышманова, «пойте» другую песню. Мол, ездили к татарам в Бегитиевские юрты поживиться рыбкой, и теперь возвращаетесь домой в Ишим. В дороге будьте осторожны. В любую деревню или село старайтесь не сразу заезжать, а вначале выведайте, какая там власть и чем крестьяне дышат. Берегите себя и на рожон не лезьте». «Ты, командир, не переживай шибко за нас. Мы тебя не подведём и доверие штаба оправдаем», - успокоил Субботин. «И, вот, ещё чо», - спохватился Василий: «Никакого оружия, кроме топоров и ножей, с собой не брать. И оденьтесь попроще, чтобы ни у кого зависть не вызывать».

Сразу после обеда, Субботин с Филькой запрягли гнедую кобылу в дровни, кинули на них пару охапок сена и выехали со двора на улицу. Путь им предстоял долгий, и когда смогут вернуться назад - даже Василий не мог предугадать. И вернутся ли? Уж больно беспокойно было в их краю.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Под вечер седьмого февраля в Большесорокинский волостной штаб прискакал Зотий с неприятной новостью о взятии отрядом красноармейцев ВНУС деревни Знаменщики. «Когда это произошло?» - спросил Аверин. «Нонешним утром. Григорий не стал рисковать и особого сопротивления дружина красным не оказала. Сейчас большинство бойцов укрылись на озере, где ранее скрывался отряд Губина», - ответил Зотий. «Красноармейцы сильно издевались над местными?» - поинтересовался Иван. «Не так над людьми, как над их имуществом лютовали. Всё, что ещё у кого-то сохранилось после продразвёрсток, поотбирали. А тот, кто сопротивлялся, прикладами да кнутами измордовали», - произнёс молодой повстанец и добавил: «Из Знаменщиков красные сюда идти собираются. Я своими ушами слышал, как ихний командир говорил своему помощнику: «К вечеру на Большое Сорокино двинемся. Там нас будут поджидать ещё два отряда. Без особого труда должны сорокинских бандитов к порядку призвать»». «Ты, Степан, отправь за Губиным дежурного, а я пока покумекаю о складывающейся обстановке», - распорядился Колосов.

Василий в штабе появился уже через полчаса. «Что случилось? Зачем понадобился в срочном порядке?» - с тревогой в голосе спросил он. «Знаменщики красные сегодня утром взяли. Теперь уж, наверняка, в нашу сторону выдвинулись», - ответил Аверин. «Погибших в Знаменщиках много?» - уточнил Василий. «Зотий говорит, что таковых нет, дружина бой не приняла», - ответил Степан. «Это уже лучше, чем могло быть. Значит, их можно задействовать, если представится возможность», - одобрил Василий и спросил у Зотия: «Большой отряд Знаменщики брал?». «Десятка четыре красноармейцев, не больше», - ответил тот. «А вооружены как? Пулемёт у них есть?». «Есть и пулемёт, может, даже не один». «Это уже хуже. Придётся сильно покумекать, чтобы нейтрализовать его». «Кроме отряда красноармейцев, который находятся в Знаменщиках, в

нашу сторону выдвинулись ещё два. Думаю, что один из Готопутово, а второй из Усть-Лотовского», - сообщил Степан. «Да-а. Положение ещё сильнее осложняется. Нужно хорошенько его обмозговать, чтобы дров не наломать и людей не положить, как в Челноково», - задумчиво произнёс Губин-младший. «Чем я и занимаюсь», - откликнулся из другой комнаты Колосов. «А чо ты один этим занимаешься? Давай вместе покумекаем», - предложил Василий.

В итоге, решено было в открытый бой с красными не ввязываться, и позволить им войти в волостной центр без особых препятствий. Но это не означало, что большесорокинская волостная дружина и кавалерийский взвод совсем отказались от боя с противником. В соответствии с разработанным планом, достойная встреча красным должна произойти тогда, когда они начнут покидать пределы села. «Объявляй, Степан, дружинам общий сбор и выводи их за пределы села в лесной массив. А тебе, Губин, предстоит усилить дозор на всех входящих в Большое Сорокино дорогах. При обнаружении противника необходимо, чтобы один разведчик прискакал с сообщением сюда в штаб, а остальные затаились недалеко от дороги и пропустили красных мимо себя. Так можно будет и количество бойцов в их отрядах определить, и если потребуется, то и удар с тыла им нанести», - выдал окончательную установку Колосов. «А мне что делать?» - послышался женский голос. «Ты когда это успела в штаб прийти? Мы даже и не заметили тебя», - удивился Аверин. «Сердцем почуяла, что что-то неладное вороньём кружится над нашим селом, вот и побежала скорее к вам», - ответила Анна Колмакова. «Тебе и другим членам волостного штаба придётся за сегодняшнюю ночь оповестить всех жителей села и деревень волости о возможном нападении на нас отрядов красной армии, изъять из амбаров ссыпункта часть зерна и перепрятать его во дворах надёжных граждан, а так же отконвоировать арестованных куманьков и их пособников в Александровку. Пусть пока там ждут своей дальнейшей участи. И ещё. Необходимо предупредить всех сельчан о том, что если кто-то из них надумает выдать хоть одного члена повстанческого штаба или родителей бойца дружины, то мы жестоко накажем его, когда вновь вернёмся в село», - поставил перед бесстрашной женщиной задачу председатель штаба и выдохнул: «Всё, пора заканчивать разговоры. Давайте начнём заниматься делами».

Прибыв вместе с Зотием Знаменчиковым, в расположение взвода, Василий приказал дежурному кавалеристу поднимать бойцов по тревоге. Распылять тридцать человек на пять входящих в Большое Сорокино дорог он не собирался. Разделив взвод на три отделения, Губин довёл до каждого из них

персональную задачу. Отделению Суздальцева Егора было приказано занять позицию перед деревней Стрельцовка, Чикирева Петра - на знаменщиково-пинигинской развилке, Стрельцова - не доезжая до поворота на Новониколаевку. «В случае обнаружения отряда противника, вы тут же должны отправить в штаб с донесением одного разведчика, а с остальными бойцами хорошо замаскироваться в придорожном лесу и пропустить красноармейцев мимо себя. А затем, на расстоянии не меньше чем за версту, сопроводить их до окраины села. В бой не вступать ни при каких обстоятельствах. Дальнейшие указания получите тогда, когда окажитесь на окраине села», - проинструктировал подчинённых командир. «А вдруг красные нас первыми заметят и начнут палить?» - спросил Стрельцов. «Это может произойти только в том случае, если куманьков проспят наши разъезды, которые находятся на дальних подступах к селу. Но и при таком варианте в бой не вступать, а оторваться от отряда красноармейцев и свернуть с тракта в лес», - ответил Василий и тут же выдал окончательную установку: «Через час отделения должны быть на исходных позициях. Поторапливайтесь, время на сборы у вас в обрез». «А моё место где?» - спросил Зотий. «Ты пока останешься при мне».

К часам девяти вечера, после холодного солнечного дня, неожиданно усилился ветер и хлопьями повалил снег. Завершив передислокацию дружин, Аверин Степан вернулся в штаб. Вскоре там появились Василий с Иваном и некоторые члены волостного штаба повстанцев. «Ну, что, уважаемые земляки, первую часть плана мы выполнили. Как будет складываться вторая, сейчас трудно сказать. Всё будет зависеть от того, куда и когда направятся отряды красных после захвата Большого Сорокино. Я лично думаю, что через Знаменщики в сторону Абатска. Только там они могут пополнить потраченные запасы боеприпасов и наметить свои дальнейшие действия по подавлению крестьянских волнений. По этому поводу хотелось бы услышать ваше мнение, как военных людей», - обратился Колосов к Аверину и Губину. «Считаю, что из Большого Сорокино красные не отправятся в сторону Абатска единым отрядом. Скорее всего, они разделятся и продолжат наступления на южные деревни нашей и других волостей. Но то, что они какие-то силы направят по Знаменщиковскому тракту, я тоже не сомневаюсь. Поэтому, необходимо уже сейчас определиться с местом, где мы сможем успешнее на них напасть», - первым высказался Василий. «Согласен с Губиным», - поддакнул Степан. «Ну, вот и хорошо. Тогда не теряйте зря время, и вместе поезжайте искать такое место», - одобрил Иван и предупредил: «Через два часа вновь собираемся в штабе».

Наиболее благоприятную площадку для нападения на отряд красноармейцев друзья выбрали быстро. Она находилась рядом с развилкой большака на Большепинингинскую и Знаменщиковскую дороги. Обследовав прилегающий к ней лес, они сделали единогласный вывод, что две сотни пеших бойцов в нём спрятать вполне возможно. А чуть подальше, с правой стороны, Василий облюбовал густой осинник под засаду своей конницы. Окинув ещё раз взглядом диспозицию уже с большака, Губин-младший сказал: «Удобная площадка. Теперь бы только куманьки не подвели нас и не вышли из Большого Сорокино единым отрядом».

Возвращаясь в село, они и не подозревали, что в штаб уже поступило первое сообщение о приближающемся крупном отряде противника со стороны Знаменщиков. А ещё чуть позже прибыл разведчик из-под Стрельцовки и доложил о выходе из Готопутово в сторону Большого Сорокино другого отряда, в составе которого было не меньше эскадрона всадников и два пулемёта. «Всё, дорогие товарищи, настала пора покидать штаб и выезжать к своим бойцам. Связь между собой будем поддерживать ежечасно посредством конных вестовых», - предупредил Иван и взял со стола папку с документами, последним вышел из помещения.

Командир советского отряда 181-го стрелкового полка войск ВНУС Тихомиров был уверен, что повстанцы Большесорокинской волости без боя своё село не сдадут, поэтому подбирался к нему с особой осторожностью. Ещё при выходе из Абатска, комполка предупредил его о наличии в Большом Сорокино значительных сил взбунтовавшихся мужиков и даже кавалерии, а также о том, что в этой волости в конце 1920 года пролилась первая на весь уезд крестьянская кровь, которую мужики вряд ли советской власти простили. «Ты с ними особенно не церемонься. Будут оказывать сопротивление - не жалей ни детей, ни стариков, а тем более, молодых. Стреляй без раздумий, а если потребуются, то жги их избы», - напутствовал тот. «Легко сказать - жги. А если сами в этом огне сгорим? Кто знает, чем эти мужики вооружены. Может, и у них уже пулемёты есть?» - готов был тогда возразить Тихомиров, но промолчал.

Крайние дома сельской улицы вынырнули из ночной мглы так неожиданно, что командир красных даже чертыхнулся: «Они что, решили сдать село без единого выстрела? Нет, здесь что-то не то. Не спят же бандиты спокойно, не выставив дозорных». Тихомиров поднял вверх руку и отряд остановился, замерев в ожидании. Он подозвал к себе командира кавалерийского отделения и приказал: «Ворвитесь в село. В случае обстрела - немедленно возвращайтесь

обратно». Тот без лишних слов махнул рукой и оголив шашки, его бойцы с места рванули в галоп. Промчавшись почти до моста через речку и не встретив сопротивления, кавалеристы повернули назад. «Товарищ командир! Разведка произведена - противник не обнаружен», - доложил командир отделения кавалеристов. «Странно. Неужели все бандиты покинули село? Как бы то ни было, до центра села необходимо пробираться с большой осторожностью», - подумал Тихомиров и командовал: «Примкнуть штыки и медленно двигаться вперёд!».

Почти одновременно с бойцами Тихомирова по Викуловскому тракту в Большое Сорокино вошёл крупный отряд красноармейцев, во главе с помощником командира 181-го стрелкового полка войск ВНУС Лушниковым Евгением Ивановичем, которому от роду было только двадцать два года, но он уже был награждён Орденом Красного Знамени за храбрость, проявленную на Восточном фронте. Именно его хитрость и жестокость позволили красным, без затяжных боёв и с минимальными потерями для наступающих, занять селения Челноково, Чуртан, Викулово и Готопутово. Захватив Челноково и преследуя повстанцев до Чуртана, Лушников направил их руководителям приказ о немедленном прекращении боевых действий, роспуске мобилизованных и сдаче оружия. В противном случае он угрожал сжечь населённые пункты и поголовно расстрелять население Чуртанской волости. На многих мужиков это подействовало и они выполнили его приказ, тем самым ослабив ряды повстанцев.

В отличии от Тихомирова, Лушников не очень удивился, узнав, что боевые дружины покинули село. Его больше волновал вопрос, куда они могли податься и где планируют напасть на красноармейцев. Встретившись в центре села с Тихомировым и оценив обстановку, Лушников на правах старшего по должности, принял решение со своим отрядом выдвигаться через Большое Пинигино в Абатск, оставляя тихомировцев в волостном центре для восстановления советской власти. Но после того, как по работающему телеграфу, он связался с командиром полка Ефремовым-Лариным и доложил ему о взятии Большого Сорокино, высказав при этом соображения по поводу своих дальнейших действий, это решение ему пришлось изменить. Одобрив план в целом, комполка внёс в него существенные коррективы, обязывающие отряд Тихомирова разделиться на две части. Одна должна была отправиться в северо-западном направлении для воссоединения с отрядом Камынина, а вторая - вернуться в Знаменчики на помощь отряду Гончарова, оказавшемуся в окружении повстанцев. После получения указания комполка, Лушников передал в распоряжение комиссара Красавина пятнадцать вооружённых бойцов, и в ночь вышел

по Ишимскому тракту, планируя в Рядовичах повернуть в на Большое Пинигино, чтобы уничтожить в ней повстанцев и только затем проследовать в Абатск.

Перед Тихомировым стояла задача потруднее. Ему необходимо было за короткое время выявить зачинщиков метежа, арестовать их, и только после этого приступить к выполнению дальнейших указаний. Такое задание ему изначально было не по душе, поэтому, дождавшись утра, и убедившись в том, что угрозы нападения на село на данный момент не существует, он помог Красавину доукомплектовать оперативный отряд в количестве 25 красноармейцев, возложил на него карательные функции по поимке и обезвреживанию главарей восстания, и в полдень выдал своим отрядам приказ выдвигаться из села согласно распоряжения комполка.

Ведя постоянное скрытое наблюдение за действиями красноармейцев и понимая, насколько серьёзные силы были брошены на подавление повстанческого движения в Большом Сорокино, Василий ждал дальнейших поступков со стороны противника, которые могли бы позволить навязать ему бой на равных условиях. Поэтому, когда вестовые доложили о выходе из села двух небольших отрядов в сторону Знаменщиков и Кротово, он тут же помчался к Аверину, который с боевой дружиной находился в двух верстах северо-восточнее села. После короткого обсуждения, было решено основные силы повстанцев, включая кавалерию, направить в обход Малого Сорокино, и внезапно напасть на куманьков, в том месте, которое до этого они уже осматривали. А оставшиеся бойцы волостной дружины, под руководством Колосова Ивана, должны были сосредоточиться на подходе к развилке и отрезать отряду путь к отступлению в село.

Занять выгодную позицию вдоль тракта повстанцы успели чудом. Глубокие сугробы и наличие в отряде безлошадных, сдерживали передвижение и выматывали физически. Едва бойцы и лошади перевели дух, как из-за поворота появился конный дозор красноармейцев. «Подпустим основной отряд сажень на двадцать пять, произведём по головной колонне оружейный залп и тут же выскочим из засады. Ни в коем разе нельзя им дать опомниться и воспользоваться пулемётом. Положить наших могут много», - предупредил Василий и во всем теле ощутил слабый озноб. Такое же чувство, по-видимому, испытывал и Аверин. Он передал по цепи эти слова и тоже замер в ожидании. Время словно остановилось. Наконец Василий зычным голосом крикнул «Вперёд», прицельно выстрелил из нагана и что было мочи, пришпорил Воронку. Тот встал на дыбы, затем огромным прыжком перемахнул сугроб, и понёс своего хозяина на встре-

чу к неизвестному. Неожидавший столь дерзкого и массивного нападения со стороны повстанцев, в первое мгновение Тихомиров даже не мог сообразить, что делать. Но взяв себя в руки, заорал: «Ложись! Оружие к бою! Огонь!». Затем повернулся в сторону повозки, на которой находился пулемёт, и рванул к ней. Однако было уже поздно. Двое повстанцев сбили пулемётчика с саней и, выхватив из его рук вожжи, стали сворачивать с тракта. Тихомиров выхватил из-за спины винтовку, прицелился, но нажать на спусковой крючок не успел. На его голову обрушился обух топора, подбежавшего сзади бородатого мужика. К этому времени стали приходить в себя остальные красноармейцы. Послышались вначале редкие, а затем более плотные винтовочные выстрелы. Несколько мужиков, не успевших добежать до тракта, замертво упали в снег, а остальные стали в него закапываться. Коннице Василия было сложно развернуться на узкой полосе утрамбованной дороги, поэтому она вынуждена была сворачивать с тракта и утопать в глубоких сугробах. Но самое печальное было не в этом, а в том, что многие бойцы из дружины, так напугались выстрелов противника, что упав в снег, они даже головы свои больше не пытались поднять, не говоря уже о рывке вперёд. Поэтому, несмотря на численное преимущество со стороны повстанцев, на поле боя это было незаметно. В отличии от них, Василий и большинство бойцов его кавалерийского взвода вели в бою себя хладнокровно, расчётливо и надёжно. Только благодаря этому, красноармейцам долго не удавалось опомниться и начать дружно отстреливаться. Губин-младший уже не задумывался, как раньше, в кого он стрелял и чьи головы рубил. Перед собой он видел врагов, которых необходимо было обязательно уничтожить, чтобы спасти свою землю от детей дьявола. Василий твёрдо был уверен в том, что если победят коммунисты, то его жизнь и жизни тех, кто восстал против них, они загубят в одночасье без суда и следствия. Размахивая саблей направо и налево и стреляя из нагана, командир старался не выпускать из поля зрения и своих бойцов. А заметив, что двое из них замертво свалились с коней, он гневно выкрикнул: «Бей гадов!», и рванул в сторону, откуда раздавались выстрелы красноармейцев. Наверное, мало бы кто из них остался живым в этом бою, если бы не произошло непредвиденное.

Красавин находился в комнате, где ещё недавно располагался повстанческий штаб, и составлял план мероприятий, направленных на выполнение поставленной перед ним задачи по восстановлению советской власти и уничтожению главарей восстания. Неожиданно на пороге появился красноармеец и доложил: «На Знаменщиковском тракте идёт бой. Слышны выстрелы и крики!». «Объявляй тревогу! Будем немедленно выступать на помощь тихомировцам!» - скомандовал Красавин и первым выбежал из избы.

Колосов Иван и сидевшие с ним в засаде бойцы дружины не ожидали, что сзади них, со стороны села, может появиться отряд красных, поэтому даже не заметили, как попали в поле зрения его разведки. И только тогда, когда прогремели выстрелы и в их сторону полетели пулемётные и винтовочные пули, поняли, какую совершили непростительную ошибку, оставив без присмотра свой тыл. Но было уже поздно. Сделав несколько ответных выстрелов, Иван вынужден был дать указание на отступление отряда в сторону Осиновки. Но, к сожалению, выполнить эту команду суждено было уже не всем. Короткий, но плотный огонь красноармейцев, навсегда выбил из строя девятерых бойцов дружины и столько же ранил.

Разогнав тыловой заслон восставших, сводный отряд Красавина устремился дальше, на помощь тихомировцам.

Первыми в бой с повстанцами вступили кавалеристы, а чуть позже подошли и пешие. Стреляя на ходу по лежащим вдоль тракта парализованным страхом бойцам дружины, красноармейцы с нарастающей силой стали наступать на центр боевых действий. Увлечённый боем, Василий не заметил, как сзади подлетел красный кавалерист и занёс шашку над его головой. Ещё мгновение и его молодая жизнь могла бы прекратить своё существование. Но прозвучал чей-то выстрел, и рука врага выпустила клинок. Губин от неожиданности вздрогнул и круто развернул Воронку. Сделал он это вовремя, так как очередной красноармеец, вытянув вперёд руку с шашкой, на всех парах мчался прямо на него. Василий не целясь выстрелил и по глухому удару пули понял, что попал. Красноармеец резко подался назад, а затем кулём свалился с лошади. «Откуда они взялись?» - подумал Губин и посмотрел в сторону Большого Сорокино. «Понятно! На подмогу прибыл тот отряд, что остался в селе. Его нам не одолеть. Чтобы здесь всем не остаться навечно, необходимо организовать отступление», - решил он и прокричал: «Выходим из боя! Всем врассыпную!». «Всем уходить в лес!» - повторил его команду мощный голос Степана. Но как только повстанцы устремились с тракта в сторону леса, по ним тотчас началась дружная пальба. И только благодаря глубокому снегу и расстоянию, многим удалось остаться в живых. Ползком добравшись до первых кустарников, мужики вскакивали на ноги и углублялись в берёзовый колок.

Василия и его бойцов из обстрела вынесли их быстроногие и верные кони. Но не всех. На поле боя остались убитыми семь человек, и три лошади. Остальные четыре бежали следом за отрядом без своих седоков. «Надо будет организовать жителей на вывоз погибших бойцов и захоронение их на погосте с

отпеванием», - сказал Василий, когда рядом оказался Степан. «В Большом Сорокино нам сейчас показываться нельзя. Думаю, что отряд красноармейцев вернётся туда и начнёт вылавливать всех без разбора». «Но не оставлять же тела наших ребят на поле боя! Ладно. Я Суздальцева Егора в село направлю. Он сообразит, как людей оповестить», - решительно заявил Василий и добавил: «А всех живых повстанцев необходимо собрать воедино, чтобы, набравшись сил, нанести красным ощутимый ответ». «Тогда давай сделаем так. Ты, с конным отрядом и всеми, кто находится в общей колонне, пересечёте перед Стрельцовкой Викуловский тракт и будете добираться до Курмановки. А я попытаюсь найти Колосова и мы примем с ним решение по остальным бойцам волостного штаба. Наверняка, большинство мужиков, разбежавшихся по лесам, не захотят отрываться от дома и ночью вернуться в семьи», - высказал своё мнение Аверин. «Договорились. Только не забудьте помочь Суздальцеву организовать вывозку убитых в село», - подсказал Губин -младший. «Поможем», - пообещал Степан и прихватив с собой одного верхового, круто повернул налево, в сторону Малого Сорокино.

Из официальной хроники

Начавшееся восстание в северных волостях не на шутку перепугало руководство советской власти в Ишимском уезде. Оно предполагало, что такое может случиться, но не ожидало, что народ поднимется не весной, как предупреждали чекисты, а зимой, в самый холодный и заснеженный период года. Первое донесение, пугающее слух, в Тюменскую ГубЧК пришло 31 января от заместителя заведующего политическим бюро Ишимского уезда Исаака Васильевича Недорезова, в котором говорилось:

«Сообщено начальником милиции 2-го района. На севере уезда в Чуртанской и Челноковской волостях восстание. Есть жертвы среди крестьян. Меры приняты. Восстание на почве посевной развёрстки. №65. Замзавполитбюро Недорезов».

Следом за ним в Ишимский исполком советов из села Викулово пришла телеграмма от председателя Чуртанского волисполкома Чернова Алексея Васильевича:

«В Чуртанской волости народное восстание против вывоза хлеба из села Чуртан в Викулово. Население организовано, произошло столкновение населения с продотрядом 31 января 21г. Председатель Чуртанского волисполкома Чернов».

Практически сразу же прореагировали и военные. Уже первого февраля появился на свет оперативный приказ №7 по 181-му стрелковому полку войск ВНУС. Он гласил:

«Ввиду донесения комвзвода пятой роты тов. Зайцева о назревших волнениях в районе села Абатское, что северо-восточнее города Ишим, принявших характер выступления крестьян с целью разгрома ссыльных пунктах в селе Абатское и селе Викулово, что северо-восточнее Ишима, приказываю начкомсвязи тов. Нечкину выслать из конных посыльных (бывшая команда конных разведчиков) отряд в числе 25 сабель под командой старшего тов. Медюхова и сегодня, 1 февраля, в 19 часов отправиться в село Абатское, где, если будет вызываться необходимость, применить вооружённую силу по указанию уполномоченного упродкома Крестьянникова.

По прибытии отряда в село Абатское отряду тов. Медюхова соединиться с отрядом от роты под командой тов. Зайцева в числе 20 итыков, находящихся в селе Абатское на охране ссыльных пунктов. Отряд тов. Зайцева в оперативном отношении на время боевых действий подчинить тов. Медюхову, а также немедленно связаться с отрядом комвзвода Участкина в числе 31 итыка, находящихся в селе Челноково, что севернее села Абатское в 30 вёрстах. А также, прибыв в село Абатское, тов. Медюхову донести мне о прибытии и доносить мне через каждые 12 часов обо всём, пользуясь телеграфом. Выставить пехотный пост на телеграфе тов. Нечкину.

О получении сего приказа тов. Нечкину мне донести.

Комполка Ефремов-Ларин ком Алексеев».

На следующий день появился оперативный приказ №9:

«1. Ввиду донесения тов. Медюхова о том, что волнение в Абатском районе приняло более широкие размеры, приказываю комбату-2 тов. Васильеву выделить из 5-ой роты пехотный взвод в числе 40 итыков и один пулёмёт системы «Сен-Этьен» с 8 пулёмётчиками и патронами (не менее 140 штук на каждого красноармейца и 3 тысячи к пулёмёту) под общей командой тов. Чернышева для отправления в район села Абатское.

2. Моему помощнику тов. Лушникову принять под своё командование означенный в №1 отряд и отправиться с получением сего в село Абатское. Приказываю ему восстановить нормальное положение, ликвидировать срочным

порядком восстание, подчинив по прибытии в село Абатское все отряды, находящиеся в Абатском районе.

Комполка Ефремов-Ларин, замвоенкома Кобелев»

В этот же день на имя всего руководства ишимского уезда пришло донесение продовольственного комиссара Абатского района Василия Ивановича Николаева с кричащим содержанием:

«Ставлю в известность, что в Челнокове и Чуртане восстание на почве семенной развёрстки и вывоза хлеба. В Чуртане и Челнокове были затребованы подводы для вывоза хлеба. По приезду таковых собралась вся волость и не давала осуществить вывозку хлеба. Цель массы была разгромить склады и изъять хлеб, заполнить сводки.

Мною был снят отряд из Абатска и отправлен в Челноковскую волость. По прибытии на место масса, съехавшаяся со всех концов в кучи, требовала возврата хлеба. Были предприняты словесные объяснения, которые не подействовали. Тогда были произведены выстрелы вверх, которые остались без всякого внимания. Комвзвода Зайцев убеждал массу словами, но таковая налетела на него, вырвала револьвер и стала наносить побои. На крик избиваемого комвзвода красноармейцы открыли огонь, в результате - двое убитых из массы. Раненые не известны. Из отряда пострадал комвзвода.

Высылайте реальные силы. Отряд Абатский насчитывает 18 иштыков, не в состоянии ликвидировать восстание. Масса ищет удобного случая уничтожить меня, что подтверждается криками со стороны массы. Без реальной силы работать невозможно. В Чуртане восстание только разгорается. Без реальной силы в район выехать не могу. О высылке таковой телеграфируйте. Райпродкомиссар Николаев».

Одновременно с предпринимаемыми действиями советской власти в целях уничтожения очагов возгорания восстаний, повстанцы вели свою организационную и пропагандистскую работу. Заместитель председателя повстанческого исполкома Викуловской волости М. П. Ярославцев 2 февраля направил записку в Покровский сельсовет следующего содержания:

«Викуловский волисполком предлагает немедленно явиться в село Викулово всем гражданам вашего селения верховыми и т. д. для восстановления порядка, ибо власть советов свергнута. Явиться безоговорочно. №5. За предволисполкома Ярославцев».

А 3-го февраля в 5 часов 35 минут, уже начальник повстанческого штаба Викуловской волости В. А. Ключенко направил телеграмму начальнику повстанческого штаба Готопутовской волости Н. К. Иноземцеву.

«Руководители повстанческого движения - Ключенко, лесничий, его помощники В. П. Калинин, Вольнкин. Штаб волостей Каргалинской, Озернинской, Викуловской - в Викулове, Чуртанской и Челноковской – в селе Челноково. Утром ожидаем отряды Озернинской и Каргалинской волостей. Старайтесь шире раскинуть сети восстания. Боевая задача - взять Ишим и через Кротово-Мальшиенское на станциях желдороги разобрать путь. Надежда на Тарский и Тюкалинский уезды. Несомненно, устанавливается связь с Омском, Томском по доставке оружия, пороха 20 фунтов вышлем. Знаменециково взято.

Начальник повстанческого штаба Ключенко».

Получив телеграмму, Готопутовский штаб уже в 12 часов этого же дня выпустил оперативный приказ №1:

«На основании телеграфного распоряжения Викуловского повстанческого штаба от 3-его февраля с. г. объявляется мобилизация граждан от 18 до 35 лет и унтер-офицеров до 40 лет.

Во исполнения настоящего распоряжения приказываю: немедленно к 6 часам вечера 3 февраля выслать в село Готопутово в распоряжение повстанческого военно-оперативного штаба всех вышеуказанных граждан, годных к несению военной службы.

Справка: телеграфное распоряжение Викуловского повстанческого бюро от 3 февраля с. г.

Руководитель военно-оперативного штаба Иноземцев.

Комендант Чагин».

Но по-другому себя вели в это время руководители губернской власти. Они даже мысли не допускали, что бородатые, безграмотные мужики не сдюжат и поднимутся на защиту своих интересов, и продолжали пагубную политику, усугубляющую крестьянскую долю. 4-го февраля ответственный секретарь Тюменского губкома РКП(б) С. П. Агеев и губпродкомиссар Инденбаум подписали циркулярное письмо, которое в срочном порядке было телеграфировано во все уездные и районные комитеты, в волостные и сельские ячейки РКП(б):

«Не останавливаясь подробно на роли и задачах посеvkомов, губком настоящим письмом подчёркивает один из самых важных вопросов посеvной компании - это сыvка семян в общественные амбары.

Приступая к этой работе после только что закончившейся по выполнению подразвёрстки, губком считает необходимым отметить целый ряд недостатков в прошлой продкомпании и дать целый ряд практических мероприятий.

1) Считать посеvную компанию, а в частности сыvку семян, не только делом огромной государственной важности, но и делом всех партийных организаций и отдельных членов партии, вопросом, на котором должно быть сосредоточено всё внимание.

2) Помнить, что успешность работы продработников в деревне опирается главным образом на авторитет, который создаёт и поддерживает каждый член партии, почему губком - так же как и раньше, предлагает всем членам партии в порядке партийной дисциплины, не допуская ни в коем случае травлю продработников, стараться поддерживать их авторитет и создавать должную работоспособную атмосферу.

Примечание: Продработникам на время посеvной компании присваивают права уполномоченных посеvkомов, а в волостях они являются предволпосевкомами.

3) Целый ряд ячеек при проведении подразвёрстки, поддавшись скрытым возгласам кулачества на невозможность выполнить её, нередко утверждали это и даже подписывались целыми организациями, полагая, что этим самым облегчится положение, что в последствии по выяснении оказывалось не отвечающим действительности, почему губком предлагает раз и навсегда отказаться от мысли, что данная развёрстка на семена не точна. Данная на волость или селение развёрстка не подлежит никакому изменению, и каждый член партии, а также волостные коллективы в целом, должны поставить себе задачей не идти против совести, не думать, что кто-то придёт и сделает, а, наоборот, принимать все меры к выполнению задания развёрстки семян, памятуя, что каждый из вас несёт персонально ответственность перед губкомом, так же как продработник, и упосевкомы перед губпродкомом и губпосевкомом.

5) Мобилизованные члены РКП по проведению семенной развёрстки должны вести работу от имени посеvkомов, но отнюдь не допуская марку партии.

8). При проведении подразвёрстки в целом ряде мест работниками про-

изводились конфискации имущества, аресты и прочее. Всё это, по мнению некоторых волячеек, является недопустимым. И здесь также нередко выявилось противодействие. Губком предлагает и в этом вопросе выдержать свою стойкость и памятовать, что всё то, что происходило при продразвёрстке и что будет, несомненно, прodelываться, быть может, в семенной компании, есть, иначе говоря, продовольственная стратегия. Примером конфискации имущества и производя аресты в одной деревне, мы этим самым заставляем выполнять задания все окружающие деревни.

Губком РКП надеется, что если наша организация выполнила с успехом задачу, возложенную на неё по развёрсткам, то не отстанет и в вопросе выполнения семенной развёрстки и выйдет победителем на фронте поднятия сельского хозяйства, а самое главное - обеспечит путём развёрстки население семенами.

Ещё одно усилие, и мы пресечём в корне падение сельского хозяйства, от чего зависит будущность всего экономического хозяйства.

Все и всё на передовой фронт семенной компании!

С коммунистическим приветом,

Ответственный секретарь губкома С. Агеев. губпродкомиссар Инденбаум».

Это был один из последних документов, подписанный Инденбаумом. В одной из своих инспекторских поездок по губернии, Гириш Самуилович вместе со своей охраной был пленён повстанцами Тоболтуринской волости и по приговору мужицкого суда расстрелян. Так бесславно прервалась жизнь человека, который рьяно служил своим хозяевам не во имя светлого будущего страны, а во имя своей личной карьеры. Он был бездушным, глухим и злобным по отношению к сибирскому крестьянину, и простому русскому человеку в целом.

А в то время, когда эти высокие губернские начальники принимали решения, как сделать так, чтобы у крестьян забрать и семенное зерно, в Ишимском и Ялуторовском уездах продолжал разгораться пожар восстания. Один за другим на свет стали появляться документы, оповещающие о начавшемся повстанческом движении. Оперативная сводка штаба 61-ой стрелковой бригады войск ВНУС гласит:

«По донесению начотряда Медюхова и комвзвода Зайцева, телеграфная связь между сёлами Абатское, что 64 версты северо-восточнее Ишима, и Викулово, что 105 вёрст северо-восточнее Ишима, восставшими порвана. Восстание охватывает всё больший район, захватывает Викуловский. Вос-

ставшие имеют 46 винтовок, полученные путём частичного разоружения красноармейцев, но в большинстве вооружены пиками, вилами, имеют свои разведывательные отряды. Активно участвует в восстании в селе Челноково, что 30 вёрст севернее Абатского, 500 человек, постепенно увеличивающихся за счёт остальных районов.

В Ишиме мобилизованы все партийные силы. Милиция сосредоточена. Усилена охрана ссыпунктов. НР 64/опс.

Наштабриг-61 Ведерников, венком Попов».

Телеграмма начальника милиции и заведующего политическим бюро Ялуторовского уезда Е. И. Ошара в Тюменскую ГубЧК:

«Ялуторовск. 5 февраля 1921 г. Довожу до сведения, что по всему уезду началось волнение. Пока имеются сведения из трёх волостей: Слободо-Бешикульской, Ингалинской и Петропавловской. В первых двух толпа разгромила милицию, отобрала оружие. В Ингалинской волости уничтожены два члена волисполкома. По сведениям, восстанием руководят красноармейки-солдатки и демобилизованные красноармейцы. На место высылается конный отряд и выезжает предисполкома Петров для установления порядка. №52.

Начуездмилиции и завполитбюро Ошар».

Разведывательная сводка штаба приуральского военного округа: «Екатеринбург. 5 февраля 1921 г. Екатеринбургская губерния: в Шадринском уезде на почве неравномерной выдачи продовольственного пайка и ссыпки семенного хлеба в общественные амбары среди крестьян наблюдаются ропот и недовольство соввластью. НР 305/оп./175/опр.

Начоперот Приурво Любимов. Комиссар Фокин».

Вскоре с мест активных действий повстанцев в штаб 61-й стрелковой бригады войск ВНУС, ежедневно стали поступать оперативные сводки.

«Тюмень. 5 февраля 1921 г. 12 час. В 7 часов 4 февраля комполка-181 выслан один взвод 5-й роты в числе 51 штыка при одном пулемёте, 7 пулемётчицах под командой врид комбата-2 тов. Васильева в село Абатское, что 60 вёрст северо-восточнее Ишима, для соединения с отрядом Лушников. В 10 часов того же дня для той же цели в Абатское выслан конный отряд кавэска-

дрона Ишимского уездвоенкомата в числе 40 сабель под командой начхоза военкомата тов. Казанцева.

В 13 часов 4 февраля село Чесноково, после двухчасового боя занято отрядом помкомполка Лушиниковым. Кавалерия, часть пехоты противника, однако успели из села Чесноково отступить в село Чуртан, что в 15-20 верстах севернее Челноково. Причиной прорыва, ухода частей противника из Челноково служила невозможность охватить окрестности и окрестные дороги в районе Челноково ранее ухода противника с позиции.

В 16 часов 4 февраля противник наступал на отряд Лушиникова, на село Челноково с восточной стороны, от деревни Погорельцы, что в 10 верстах юго-восточнее Челноково, в числе 50 кавалеристов. Допустив противника на 20 сажений от села Челноково, Лушиников бросил против него конную разведку, которая рассеяла противника по кустам, захватив пленных кавалеристов с лошадьми. Кавалерия противника отступила от Челноково в направлении села Знаменщицево, что 15 вёрст западнее Челноково.

Во время боя с отрядом Лушиникова противник потерял у села Челноково убитыми во время занятия последнего 30 человек, ранеными-30 человек, винтовок взято 5 штук, взят один наган, 20 лошадей с сёдлами, 20 лошадей в упряжке, взято в плен, арестовано 30 человек. Во время наступления противника на отряд Лушиникова в селе Челноково противник потерял 2 убитыми, из которых один был руководителем всех восставших А. С. Коротковым, у которого взяты документы, как то: донесения из восставших волостей, постановления их главного штаба, из которых получено много ценных сведений. Из добытых документов противника видно, что главные силы его сгруппированы в селе Большое Сорокино, что западнее Челноково в 40-45 вёрстах, и в Готопутовском, что севернее Челноково в 30-35 верстах, и Чуртанах, что севернее Челноково в 20 верстах. Окрестности указанных районов имеют тесную связь. Большинство восставших вооружено вилами, пешнями (ломами), косами, винтовками - большинство берданки. НР 72/опс.

Начштабриг-61 ВНУС Ведерников, военком Попов».

«Тюмень 6 февраля 1921 г. 12час. В 7 часов 5 февраля из отряда Лушиникова в село Челноково, что северо-восточнее Ишима в 70-75 верстах, выделен другой отряд под командой комбата Тихомирова в числе 45 штыков, которому дано задание вести наступление по левобережной стороне реки Ишим

на село Чуртан, что в 15 верстах севернее Челноково. Отряд Тихомирова повёл наступление на село Знаменициково, что северо-западнее села Челноково в 10-15 верстах. Кавалерия противника повела в свою очередь наступление на отряд Тихомирова по тракту Знаменициково-Чуртан. Тихомиров вступил во встречный бой. Помкомполка Лушников с отрядом кавалерии в 40 сабель бросился на наступающего противника в атаку по тракту на Чуртан, противник был разогнан, скрылся. Два кавалериста со стороны противника убиты. При дальнейшем продвижении отряд Тихомирова продолжал вести бой.

Тогда Лушников вторично оказал поддержку отряду Тихомирова. При вторичной погоне он преследовал кавалерию противника на расстоянии 6 вёрст в направлении деревни Комиссаровки. Во время погони убиты со стороны противника 30 человек, ранено 14 человек и 60 человек угнали в Комиссаровку, что в 10 верстах северо-западнее Челноково, захвачено 10 лошадей. Отряд Тихомирова продолжает продвигаться на Готопутово, что севернее Челноково в 30-35 верстах.

Из взятых в плен лошадей, сёдел организован кавалерийский отряд в 90 кавалеристов, который с пулемётом под прикрытием пехоты в 14 человек 5 февраля под командованием Лушникова выступил по направлению на Чуртан. В 24 часа 5 февраля комполка-181 высланы из Ишима в села Абатское и Челноково на соединение с отрядом Лушникова, в поддержку 25 итыков полковой учебной школы, 25 итыков бывшего 185-го батальона под командой комвзвода учешколы Селихова, выделено 50 кавалеристов без сабель из Ишимского кавэскадрона уездвоенкома, выделенные в распоряжение комполка-181 распоряжением губвоенкома Хрусталёва П. М., которые отправлены в село Абатское для поддержки связи и охраны провода Аббатское-Ишим. НР 76/опс.

Наштабриг-61 ВНУС Ведерников. Военком Попов».

Из оперативной сводки штаба помглавкома по Сибири.

«Омск 7 февраля 1921 г. 6 час. В районе 80-100 вёрст юго-восточнее Тобольска вспыхнуло восстание, причём, повстанцами заняты деревни Чёрная, Токуйское, Заваздинская. Для ликвидации из Тобольска выслан отряд в 120 итыков. В районе Тевриз-Усть-Ишимская также вспыхнуло восстание, причём, повстанцы, будучи отброшены от Тевриза, отошли к Усть-Ишиму. Для ликвидации выслан отряд из Тевриза (80 вёрст восточнее устья реки Ишим) до 80 итыков, а также отряд со стороны Тобольска. НР 372/оп.

Начоперупрсиб Бежанов, военком Погодин».

Пожар крестьянского восстания разгорался всё сильнее и сильнее. Поняв, что его уже не скрыть от центра, полномочный представитель ВЧК по Сибири И. П. Павлуновский вынужден был телеграфировать в Москву в президиум ВЧК:

«Омск 6 февраля 1921 г. В Тюменской губернии в районе Ишимского уезда, в Омской губернии в Тарском и Тюкалинском уездах вспыхнуло восстание крестьян. Прерваны провода. Повстанцы вооружены достаточным количеством пулемётов и винтовок. Руководит полковник Левицкий... Вообще, пока ничего страшного нет. №3833.

Павлуновский».

Конечно же, Павлуновский заведомо, для пущей важности врал высшему руководству о наличии у крестьян такого оружия и о их руководителе. Не было у них пулемётов, и полковник ими не командовал. Но уже через день он получил выписку из протокола №84 заседания политбюро ЦК РКП(б), которая гласила:

«Москва, 8 февраля 1921 г. Присутствовали: В. И. Ленин, А. Б. Каменев, И. В. Сталин, Н. Н. Крестинский, А. А. Солъи, Н. Осинский, Шорохов, Н. О. Кучменко. слушали: 10. О бандитизме.

Постановили: 10. Поручить тов. Склянскому обратить внимание Главкома от имени правительства на недостаточно успешное действие по подавлению бандитизма и местных восстаний и на необходимость добиваться решительных и быстрых успехов.

Подписи».

Вносит коррективы в свои действия и командование 61-й стрелковой бригады войск ВНУС.

«Тюмень 6 февраля 1921 г. 20 час. 15мин.

Наступление 181-го стр. полка на Готопутово-Викулово продолжается. Из Тобольского и Тюкалинского районов новых сведений не поступало. В Ялуторовском уезде волнение принимает более организованный характер, особенно в селе Слободо-Бешильское, что 25 вёрст юго-западнее Ялуторовска, селе Сингульское, что 13 вёрст западнее Ялуторовска, селе Красногорское, что 46 вёрст юго-западнее Ялуторовска, селе Мининское, что 50 вёрст юго-западнее Ялуторовского, селе Суерское, что 50-55 вёрст юго-западнее Ялуторовска по реке Тобол, село Упоровское, что 40 вёрст юго-западнее Ялуторовска по

реке Тобол. Ввиду того, что восстание одновременно охватывает несколько уездов на довольно обширной территории, для удобства управления и скорейшей его ликвидации приказываю:

1. Разбить весь район, охваченный восстанием, на Ишимский, Ялutorовский, Тобольский и Тюкалинский боевые участки.

2. Начальниками боевых участков назначаю: Ишимского-командира 181-го полка тов. Ефремова-Ларина, Ялutorовского - бывшего командира 181-го полка тов. Накрапа, Тобольского - командира 1-го отдельного кавалерийского эскадрона тов. Муркина и Тюкалинского - командира 183-го стр. полка тов. Заикина.

3. Разграничительной линией боевых участков считать уездные границы Ишимского, Ялutorовского, Тобольского и Тюкалинского уездов.

4. Начальников боевых участков подчиняю непосредственно себе, а потому им все донесения посылать мне ежедневно к 8 часам утра в штаб бригады, в Тюмень.

Командир бригады Полисонов, начштаба Ведерников».

Телеграмма помглавкома по Сибири В. И. Шорина начальнику 29-й стрелковой дивизии войск ВНУС, командиру 85-й стрелковой бригады и военному Тюменской губернии.

«Омск, 7 февраля 1921 года. Повстанческое движение охватило район около 100 вёрст к северо-востоку от Ишима, а также район Усть-Ишима. По последним сведениям, повстанцами занята станция Гольшмановская. Для быстрого и решительного подавления восстания и с целью объединения всех действий в одних руках приказываю:

1. Комбригу-85 29-й дивизии, оставив в Омске заместителя, срочно с небольшим числом сотрудников прибыть в город Ишим, где и принять командование над всеми войсками в районе между реками Тобол и Иртыш и железнодорожной линией Омск-Курган, как обороняющими желдоргу, так и действующими по ликвидации восстания.

2. Комбрига-85 подчиняю непосредственно себе. Тюменскому губвоенному перейти в подчинение комбрига-85 с момента прибытия последнего в Ишим.

3. Начдиву-29 срочно перебросить в Ишим в распоряжение комбрига-85 один батальон 253-го полка из Петропавловска и один батальон 254-го полка со станции Татарская.

4. Комбригу-85 принять самые решительные меры к очищению желдороги от повстанцев. Под личную ответственность комбрига требую, чтобы движение по желдором не прерывалось ни в коем случае.

5. Комбригу-85 при ликвидации восстания отнюдь не дробить свои силы на мелкие отряды, а стремиться наносить сильные сосредоточенные удары по главным очагам восстания, отбрасывая повстанцев на северо-восток в болота. №381/оп./285/ш.

Помглавком Шорин, наитасиб Афанасьев».

Приказание помглавкома по Сибири В. И. Шорина военкому Тюменской губернии П. М. Хрусталёву.

«Омск 7 февраля 1921г. Экстренно отправлена бронеплощадка со 180 красногвардейцами из Омска в Ишим. Приказываю вам этой силой очистить станцию Гольшманово и Вагайское, восстановить движение по этому пути, охранять от дальнейшей порчи и этой же силой оказать полное содействие по восстановлению телеграфа. №384/оп.

Помглавком Шорин».

Оперативная сводка штаба 61-й стрелковой бригады войск ВНУС.

«Тюмень 9 февраля 1921 г. 16 час.

В 8 часов 9 февраля отряд Махнева (сводка 82) прибыл благополучно на станцию Багандинская, что в 30 верстах юго-восточнее Тюмени. В 13 часов 30 минут занята дер. Княжево, что в 30 верстах юго-восточнее Тюмени. Противник за полчаса до занятия покинул Княжеву и направился в Головину, что 7 вёрст западнее Княжевой и в 28 верстах южнее Тюмени. Противник преследуется по пятам. Арестованные бандами коммунисты в селе Романово, дер. Чукуреева, что юго-западнее разъезда №23, с помощью отряда Махнева освобождены.

Тобольский район

На Караульноярскую, что 80 вёрст юго-западнее Тобольска, начальником боеучастка Муркиным по пути в Тобольск сделан налёт кавалеристами, захвачено 5 человек кулаков, стоявших на заставе, был дан залп по толпе, которая разбежалась, оставив 4 убитыми.

Ялуторовский район

Отрядом Колобова с боем занята деревня Яр (на карте нет). В результате боя 4 убитых со стороны противника, забрана одна винтовка, далее отряд двигается на Ингалинское. Отрядом Ярославцева взято село Бешкильское, захвачены документы противника. Очищен от противника 31-й разъезд, за которым разобран противником мост на реке Емец, что в 7 верстах восточнее Гольшиманова по желдороге.

Ишимский район

Отрядом Тихомирова без боя занято с. Большое Сорокино, что 60 вёрст севернее Ишима, куда одновременно прибыл отряд Лушников, который выступил в 2 часа 8 февраля на Абатское ввиду ликвидации восстания. В 12 часов отряд Тихомирова выступил на соединение с отрядом Камынина, расположенным в с. Усть-Лотовское, что 40 вёрст от с. Большое Сорокино, и отрядом Гончарова, находящимся в с. Знаменцово, но был окружён противником со всех сторон в числе 100 всадников, пехоты (количество не выяснено), почему отряды задержались в с. Большое Сорокино, приняв бой.

В дополнение сводки №83

В Викулово захвачено 350 пленных, убито не 30, а 50 человек противника, захвачено не 100, а 130 лошадей, 10 винтовок. С помощью бронепоезда захвачена станция Гольшиманово. НР 84/опс.

Наштабриг-61 Ведерников, военком Попов».

А в волстях Ишимского уезда в это время повстанцы издавали другие приказы, которые призывали мужиков подняться за свои права и оскорблённую честь и освободиться от власти коммунистов.

«Оперативный Приказ №1 по народной повстанческой армии Гольшимановской волости Ишимского уезда. С. Гольшиманово 6 февраля 1921 г.

1. Способным носить оружие и записавшимся народоармейцами для свержения власти, не отвечающей потребности народа, явиться всем к дому бывшего крестьянского начальника (к конторе строительства) с оружием, имеющимся на руках, на общий сборный пункт в с. Гольшиманово к 12 час. дня сего числа.

2. Все прибывшие на сборный пункт будут комплектованы в отдельные команды и направлены к линии железной дороги и в деревни, до сих пор не сдавшиеся.

3. Всем лицам старше 45 лет и неспособным носить оружие явиться к указанному ниже времени, в 12 час. дня с подводами для перевозки сформированных команд.

Начальник Гольшмановского оперативно-военного штаба Богомолов».

«Приказ №1 мобилизационного отдела повстанческого штаба Ражевской волости Ишимского уезда. С. Ражевское 6 февраля 1921 г.

1. Приказываю, не медля ни одной минуты, мобилизовать и представить под командой одного старшего в село Ражевское в распоряжение штаба Народной армии в ряды всех граждан в возрасте от 18 до 45 лет.

2. Лицам старше 45 лет, неспособным носить оружие, явиться в штаб с подводами для дежурства.

3. Всё имеющееся на руках оружие и военное вооружение у граждан изъять и представить в штаб.

4. Установить охрану на окраине деревни, и предлагается держать тесную связь со штабом.

Неисполнение сего недопустимо.

Начальник мобилизационного отдела Ражевского народного штаба Дурюнов».

Приказ начальника повстанческого штаба Ражевской волости Ишимского уезда населению Истошинской волости. «С. Ражевское 7 февраля 1921 г.

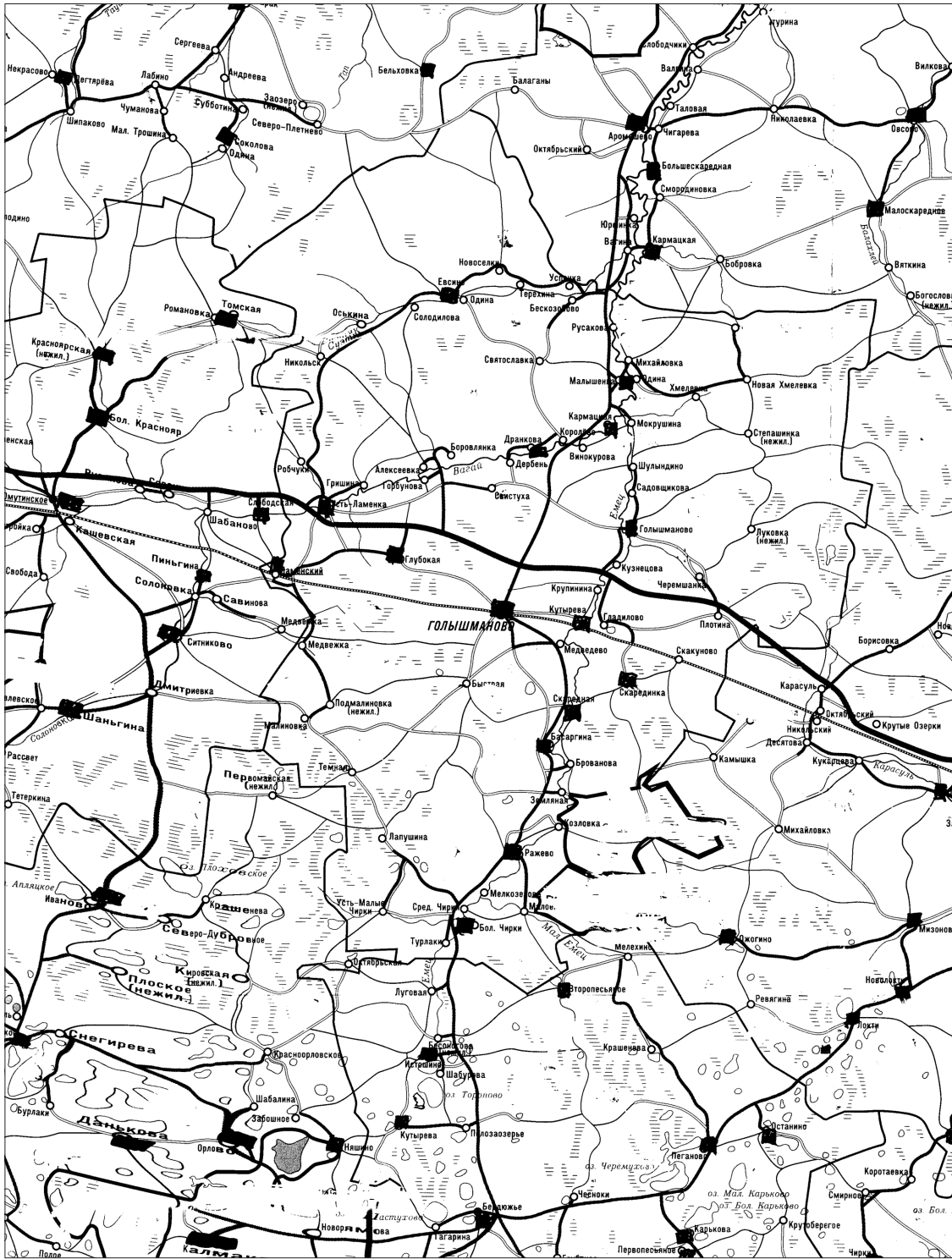
Приказываю немедленно организовать штаб повстанцев по свержению власти грабителей-коммунистов; коммунистов арестовать. Организовать отряды, мобилизуя всех способных носить оружие, в ряды войск и выслать их в село Гольшманово. Нам в Ражево сообщать сводки. От себя приказывать другим волостям.

Начальник штаба в с. Ражевская Т. Кутьрев».

Приказ председателя повстанческого исполкома Истошинской волости Ишимского уезда Няшинскому сельскому обществу Орловской волости.

«8 февраля 1921 г.

Предлагаю с получением сего немедленно вести тесную организацию и немедленно поставить на новую ногу. Власть коммунистов пала. Власть в руках крестьян, так что в Истошинской волости уже партийные все арестованы. А потому сообщаем, что восстание уже до самой Тюмени. А потому предлагаем немедленно арестовать всех коммунистов и милицию и объявить по всей вашей волости настоящий приказ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В Курмановку взвод кавалеристов и часть пеших бойцов дружины прибыли затемно, когда её жители уже готовились отходить ко сну. Но узнав, что в деревню прибыли повстанцы, во многих избах стал загораться тусклый свет керосиновых ламп. Вскоре на улицу выскочили пацаны, а за ними появились и взрослые мужики. «Кто у вас старший в деревне?» - спросил одного из них Василий. «Абросимов Степан Спиридонович. Вон, идёт», - показал один из них на плотного, бородатого мужика средних лет. «Добрый вечер, Степан Спиридонович. Будь любезен, прими на временный постой ночных гостей. Мы только что вышли из боя с куманьками, так что не взыщи сильно, а если можешь, то и покорми немного», - обратился к нему Губин-младший. «А где бой-то приняли? Что-то не слышно пальбы было», - спросил Степан Спиридонович. «На Знаменщиковском тракте, подле Новотроицка», - ответил Василий, поняв хитрицу старшего по деревне. «Далековато добирались. Вёрст двадцать будет. Ну, да ладно, что на улице балясы разводить, чай в избе место найдём», - произнёс Абросимов, подозвал к себе молодого парня, очень похожего на него, и сказал: «Братуха, займись устройством людей, а мне с их командиром потолковать надо».

Оказавшись в избе Степана Спиридоновича, Василий сразу почувствовал уют семейного очага. Натопленная русская печь излучала мягкий и тёплый воздух, приятно пахло парным молоком и квашнёй, стоящей в корчаге на печке, а от овчинных полушубков и выделанных шкур исходил вкус кислинки. «Разболокайся и проходи в куть, попаужнаем, чем Бог послал», - пригласил Абросимов. На голос мужа прореагировала и хозяйка, которая вышла из горницы и добродушно улыбнулась.

Разговор Василия со Степаном Спиридоновичем получился коротким. Разомлев от тепла, вкусной и сытной пищи и усталости, которая давила на плечи

и на веки глаз, Губин, незаметно для себя уснул прямо за столом. «Э, паря, как тебя разморило! Давай, перебирайся на полати, а завтра договорим», - предложил хозяин и помог гостю перебраться из кути в горницу.

Но полноценного сна у Василия не получилось. Рано утром, как только хозяйка направилась в пригон, чтобы подоить корову, в избе появился Аверин Степан. «Хорошо устроился, командир. Но придётся тебе прервать свой отдых. В общем, есть дело, которое не терпит отлагательства», - произнёс Степан. «Ты сперва расскажи, что творится в селе, а уж потом сообщишь о новом деле», - попросил Василий. «Что тебе про Большое Сорокино сказать? После прошедшего боя не только село гудит, но и близлежащие деревни не спят. Как только люди услышали, что на поле боя остались убитые и раненые, позапрягали в сани, кто кого мог и айда туда. Сейчас, поди, уже всех вывезли. Иван Колосов решил не ехать со мной в Курмановку и дома остался, чтобы на месте все события контролировать. Поэтому, обо всём подробно от него и узнаем», - ответил Степан. «Как думаешь, много наших полегло?». «Сложно сказать, но человек двадцать точно не досчитаемся». «Жаль! Очень жаль парней! Не обстрелянные многие ещё были. Запаниковали. Обучать необходимо бойцов военному делу», - высказался Василий. «Надо. Да где время взять для этого и оружия? Вот и я к тебе пришёл со срочным делом», - перевёл Степан разговор. «Ну, что ещё за срочное дело? Выкладывай, а я послушаю», - впервые за последнее время, улыбнулся Василий.

«В общем, сегодня ночью из похода по соседним волостям вернулись Субботин и Филька. Не удалось им проехать полностью установленный тобой маршрут. Ну, а обо всём по порядку пусть сами расскажут. Так что, одевайся и пойдём на улицу, где они тебя поджидают», - предложил Степан. «Зачем на улицу идти? Тащи их сюда, в тепле и выслушаю», - воспротивился Василий. «Ну, ладно. Жди. Я мигом», - согласился Степан и выскочил из избы. А ещё через десять минут, Субботин и Филька сидели в кути на лавках и рассказывали командиру о своей поездке.

«До Кротово мы доехали благополучно. По пути заскочили в Преображенку, Покровку и Калиновку. Хотели до Уткамы добираться через Большой Кусеряк, да нас отговорили местные мужики, сказав, что в Усть-Лотовке стоит отряд красных и всех чужих забирает в комендатуру. Пришлось ехать через деревни Половинку и Балахлей. А в Уткаме, как и загадывали, обменяли муку на рыбу и повернули в сторону Аромашево. Старались двигаться день и ночь. И уже в конце суток были в этом селе. Собирались было в сторону железной

дороги пробиваться, но во время нашей встречи с руководителями местной мужицкой власти, в Аромашево прибыл начальник оперативного штаба села Голышманово – Богомолов. Узнав откуда мы и с чем прибыли в Аромашево, он посоветовал дальше не ехать, а быстро возвращаться домой и доставить вам вот этот приказ. Но главная просьба, которую Богомолов просил передать устно, заключена не в приказе. Он сказал, что повстанческие войска Аромашевской волости планируют ночью девятого февраля, то есть сегодня, напасть на станцию Голышманово, разобрать участок железной дороги и прервать движение поездов с хлебом из восточных сибирских губерний в Москву и Петроград. Поэтому, чтобы эта операция у них прошла успешно, необходимо всем мобильным повстанческим отрядам севера и юга Ишимского уезда, совершить налёт на город и оттянуть на себя значительные силы красных войск, занимающихся охраной желдороги», - завершил рассказ Субботин и протянул Василию небольшой конверт.

Василий развернул лист и вслух прочитал: «Приказ №2 начальника штаба повстанцев Голышмановской волости Ишимского уезда. 6 февраля 1921 г. В Голышмановской волости власть коммунистов свергнута. Предлагаем немедленно выбрать представителей от населения волости для организации новой власти, отвечающей требованиям народа. Поэтому на 7 февраля к вечеру выслать из селений волости честных, желающих блага народу, делегатов для организации волостного совета. Начальник оперативного штаба села Голышманово Богомолов». «Ну, этот приказ нас не касается, а вот просьбу Богомолова необходимо выполнить», - произнёс после некоторой паузы, Степан и добавил: «Серьёзное дело задумали осуществить наши соседи». «И как ты видишь нашу помощь? Мы только что сами из боя вышли потрепанными. Найдём ли силы, чтобы уже к вечеру оказаться в пределах Ишима? И кто возглавит нападение разрозненных отрядов на город? Так ведь и друг друга можем перестрелять», - усомнился Василий. «Место сбора отрядов из северных волостей в деревне Лозовой, что в семи верстах от города», - сообщил Субботин. «Это уже что-то. Тогда из Курмановки выезжать надо в часов девять утра, не позже», - высказал своё мнение Василий и посмотрел на Аверина. «Пока ты со своим отрядом по тылам куманьков будешь шуровать, я с бойцами постараюсь власть в Большом Сорокино вернуть. Двадцать пять красноармейцев, которые остались в селе для восстановления большевистского режима, не очень-то торопятся своими обязанностями заниматься. Видно, боятся, что народ может их в любую минуту в муку измолоть, а помощи ждать не от кого. По всему уезду крестьянские восстания происходят, которые необходимо крас-

ным срочно подавить. Но сил-то на всех не хватает. Не будем мы тебя ждать из Ишима, а сами расправимся с куманьками и их главным помощником Черновым Иваном, нашим однополчанином», - высказался Степан. «Так всё таки я не ошибся. Самоход свои взгляды не поменял. И кем же он сейчас служит у куманьков?». «Секретарём волостной ячейки ВКП(б) и председателем ревкома», - ответил Степан. «И чем ему сибирские мужики не по нраву пришлись? Ты, с ним, Степан, если что, не церемонься. Человек, который плюёт в колодец из которого пьёт воду - поганый человек. Такому нельзя верить и прощать», - высказался Василий и посмотрев на Субботина, приказал: «Предупреди кавалеристов взвода, что через два часа выступаем в сторону Ишима. Пусть будут в полной боевой готовности».

Кавалерийский взвод в количестве 35 человек из Курмановки вышел, как и планировал командир, в 9 часов утра. Чтобы не нарваться на дозорные посты красноармейцев, Василий решил обойти своё село с правой стороны и вести взвод в сторону города через Новониколаевку, Лыкошино, Бурлаки и Заозёрный. Дорога была не очень наезжанная, зато более безопасная. Уже во время следования, командир разбил взвод на отделения и перед каждым из них поставил конкретную задачу. «Братуха, в Ишим мы едем только для того, чтобы поугадать куманьков, или власть в городе захватывать?» - спросил Пётр. «Ишим - город немаленький и войск в нём напихано, что сельди в бочке. А нас, повстанцев, хоть и много, но вооружены мы слабо, да и единого командования нет. Если бы всем мужикам уезда в руки винтовки дать, да на войсковые полки разбить, то они не только Ишим захватили бы, но и Тюмень подмяли бы под себя. Это как вицы в голяке. По одной их можно легко сломать, а попробуй это сделать, когда они все вместе крепко верёвкой связаны. Если только топором перерубить сможешь. Так что, брат, пока мы не способны на большие дела. Нам бы набраться сил, чтобы своё родное село защитить. Но придёт время, сольются все мужицкие отряды в единые полки, а те - во фронты, и пойдём мы тогда эту нечисть из нашего сибирского края. А сегодня у нас задача попроще. Необходимо наделать больше шума, чтобы голышмановские и аромашевские отряды смогли побольше путей железнодорожных разобрать, пока за нами по городу будут гоняться красноармейцы», - ответил Василий. «Много мужиков на Ишим наступать собираются?» - не унимался Чикирев. «Вот чего не знаю, того не знаю. Может сотни три, а может и тысячи три. Всё будет зависеть от того, сколько восставших крестьян с юга уезда прибудет. Наши-то северный и северо-восточный углы поразогнаны по лесам и болотам красными войсками, а юг пока ими не тронут. В общем, на месте увидим, сколько повстанцев

соберётся. Но тебя и других командиров отделений прошу об одном, чтобы берегли своих бойцов и зря не рисковали жизнями. Не наше это время пока. Впереди оно у нас», - предупредил командир.

К деревне Лозовой взвод подошёл в сумерках. Но заходить сходу в неё Василий не стал. Не доезжая с версту, он остановил отряд и подозвал к себе Фильку. «Сходи пешком в деревню. Узнай тамошние порядки и возвращайся. Мы тебя здесь подождём», - приказал командир ловкому пареньку. Тот молча кивнул головой, прыгнул с вершины и через минуту растворился в темноте. «Ловкий варнак! Настоящий разведчик!» - восхитился командир.

Филька вернулся быстро. Взобрался на лошадь, подъехал к Василию и по-военному чётко доложил: «В деревне только повстанцы. Сотни две верховых и с полсотни пеших. Вооружены слабо. Особенно пешие. В скором времени собираются выступить на город». «По коням! За мной марш!» - скомандовал Губин-младший и дёрнул поводья. Воронко выгнул дугой шею и рысью с места устремился вперёд.

Широкая улица небольшой деревни была заполнена конными и пешими мужиками, которые выглядели возбуждёнными, а многие из них откровенно пьяными. «Да, с таким войском Ишим не занять. Лёгкой добычей эти мужики для куманьков станут», - невольно подумал Василий и в очередной раз предупредил своих: «Будьте осторожны. Без надобности головы под шашки красноармейцев не суйте».

Кое-как разобравшись, кто в этой толпе главный, Василий спросил его: «А пешие-то мужики на кой? Их ведь в два счёта кавалеристы порубят». «Для счёту», - улыбнулся, молодой высокий парень и сделав серьёзное лицо, представился: «Дьяков Иван», а затем спросил: «С какой волости прибыли и сколько вас?». «Из Большесорокинской. Кавалерийский взвод численностью в 35 сабель», - по-военному доложил Василий, подчеркнув этим, что не кучку необстрелянных мужиков привёл, а боевое подразделение. «Задачу, поставленную перед нами Голышмановским повстанческим штабом, знаешь?» - спросил Дьяков. «Ворваться с севера в город, вызвать войска красных на ответную реакцию и как можно дольше держать их в напряжении», - ответил Василий. «Правильно», - одобрил Дьяков и тут же спросил: «Из офицеров будешь?». «Фельдфебель царской армии». «Это хорошо. Значит что-то кумекаешь в военном деле. В общем, через полчаса двинемся на город. Возглавит колонну твой взвод», - решительно заявил Дьяков и пошёл по направлению к основной толпе. Но уже через минут двадцать он вернулся и предупредил: «Выступление на

город откладывается до утра. Ищите угол, где притулиться и устраивайтесь на ночлег». «А что случилось? Почему нападение на Ишим решено перенести на завтра?» - удивлённо спросил Василий. «Прибыл вестовой из Голышмановского повстанческого штаба и передал нам такой приказ». «Не лето на улице. Так и бойцов простудить можно», - проворчал Василий, хотя в какой-то степени был даже рад этому изменению. «Днём сподручней будет искать красных в городе. Да и мужики с конями пусть отдохнут. Переход-то не шуточный был», - подумал он и подозвав к себе Субботина, приказал: «Степан, выступать в сторону города будем завтра, поэтому подбери попросторней избу со двором и заселяй туда бойцов на постой».

Ночь удалась не очень холодной. Поэтому большая часть бойцов взвода на ночлег расположилась в бревенчатом проконопаченном мхом амбаре. Постелив на пол потники, не снимая пимов и полушубков, они легли и плотно прижавшись друг к другу, вскоре уснули. К утру, от тёплого дыхания молодых мужиков, на стенах амбара даже повисли капли. Проснувшись, бойцы перекусили сухим пайком, состоящим из ржаного хлеба и ровно нарезанных пластинок свиного сала, запили ядрёным квасом и стали готовиться к походу. О том, что их ждёт впереди, они старались не говорить между собой, а чаще чем обычно шутили друг над другом. В таком расположении духа и застал своих бойцов командир. «Вижу, отдых вам пошёл на пользу. Теперь не уснёте на ходу», - улыбнулся Василий. «А ты, братуха, наверное, у какойнибудь вдовы-красноармейки под боком грелся?» - подхватил интонацию брата Петр и посмотрел на улыбающихся земляков. «Так бы и сделал, если бы знал в какой избе она живёт. Ночью-то не будешь в окна заглядывать. Можно ведь и по морде получить», - ответил командир, и бойцы дружно засмеялись. Подождав пока гогот и комментарии закончатся, Василий громко сказал: «Через час выступаем. Нашему взводу велено впереди всей колонны в город врываться. Будьте внимательны и осторожны».

Перед самым выходом объединённого отряда в сторону Ишима, Губин ещё раз критическим взглядом осмотрел разношёрстную толпу мужиков, в составе которой предстояло сражаться с армейскими подразделениями красных, тяжело вздохнул и подумал: «Да! Это скорее деревенская куча-мала, чем войско. А вооружены-то мужики чем! Косы, топоры, вилы, пешни, оглобли да серпы. Неужели им не ведомо, что на верную гибель идут? Вот до какого горячего колена раскалили куманьки народ, что он готов даже с голыми руками бросаться на их пулемёты! Много невинной крови сегодня прольётся! Но

видно, нет другого пути у сибирского крестьянина, чтобы избавиться от детей дьявола». «Ну, что, загрустил, командир? К бою готовишься или другие мысли в голову лезут?» - послышался рядом голос Дьякова. «Да, вот, о судьбе сибирского крестьянина задумался. Уж больно горька она у него стала», - признался Василий. «Поэтому мы и идём в бой с красными, чтобы её сладше сделать. Ночью прибыли ещё полторы сотни человек», - сообщил Дьяков и продолжил: «Наша цель - Кузнечная площадь. Там мы должны объединиться с повстанцами южных волостей. Если это нам удастся сделать, то уже все вместе пойдём на захват остальной части города. Прорываться будем по улицам Большая Кузнечная, Солдатская, Зелёная и Мергенская. В случае поражения, уходить в сторону своей волости. Теперь - всё. Выходим».

До города от деревни всего семь вёрст, которые кавалеристы могли бы проскакать за полчаса. Но главным тормозом в передвижении были пешие мужики, которых набралось не менее трёх сотен. Поэтому, до окраин Ишима объединенный отряд добирался больше часа. И лишь тогда, когда восставшие вошли в пределы города, верховые и взвод Василия смогли ускорить свой ход. Не встречая сопротивления со стороны красных, они через полчаса оказались на Кузнечной площади, которая была уже занята повстанческими отрядами из южных волостей уезда. Взбодрённая промежуточным успехом, не задумываясь над тем, почему красные позволили без боя пройти до центра города и не дожидаясь пеших бойцов, крупная конная группировка, не имеющая общего командования и единой цели, ринулась в западную часть города, надеясь там обнаружить основные силы красных и сходу уничтожить их. Но случилось непредвиденное. Пропустив конницу восставших мимо себя, кавалерийский эскадрон под началом помкомполка Лушников, при поддержке пехоты, вооружённой винтовками, пулемётами и даже тяжёлым оружием, с флангов и тыла набросился на своего идейного неприятеля. Началась беспощадная мясорубка, в которой у повстанцев было мало шансов уцелеть. Бой длился около часа. За это время подтянулись пешие мужики, но встреченные градом пуль из пулемётов и тяжёлых орудий, они стали в панике разбегаться по улицам города. Вскоре и оставшиеся в живых верховые, стали вырываться из окружения и устремляться за пределы города. А ещё через полчаса, стрельба прекратилась и нечеловеческий гул голосов замолк. На деревянных мостовых и на дорожном, укатанном полозьями саней, снеге, валялись тела раненых и убитых бородатых мужиков. Приглушённый стон и предсмертное бормотание заполнили улицы и главную площадь города.

Василий со своим взводом находился в середине колонны, устремившихся в западную часть города повстанцев. Поэтому, когда красноармейская конница стала наносить удары по тылу и фронтам мужицкой армии, он успел дать команду своим бойцам на принятие боя с северным крылом эскадрона Лушников. Ввязываясь в единоборство с красными конниками, Губин уже не терял голову, как в первом бою, будучи в колчаковском войске. Он мгновенно реагировал на ситуацию и адекватно ей принимал командирские решения. Вот и сейчас, заметив, что в северном крыле противника появилась брешь, Василий устремился в её направлении. Свист пуль, который раздавался в воздухе, улюлюкание наступающих красных и крики отчаяния повстанцев, наполнили всё окружающее пространство. Ворвавшись в эту брешь, его взвод стал грудью коней пробивать себе дорогу дальше. В дело шло всё: пики, колы, сабли, штыки, приклады и даже кнуты. Бойцы большесорокинского взвода дрались отчаянно, оттесняя противника в стороны. Выстрелив из револьвера в очередного всадника с большой красной звездой на будёновке, Василий краем глаза заметил, как сражавшийся недалеко от него Субботин Степан резко наклонился вперёд, а затем и вовсе положил голову на гриву лошади. «Неужели убит?» - машинально подумал Губин и на мгновение перевёл взгляд с товарища в глубину улицы. «А эти откуда здесь взялись? Вроде их не было, когда мы двигались вперёд?» - молнией пронеслось в его голове, когда заметил бежавших в их сторону красноармейцев. «Видно, нас здесь сильно ждали, раз так хорошо организовали окружение», - подумал Василий и привстав на стремянах, громко выкрикнул: «Вперёд! За мной!». Отбив саблей летящую пику и успев выстрелить из нагана в нападающего, он рванул в сторону пехоты. Воронко, привыкший к оружейной пальбе и орущей толпе, словно презирая опасность, сбил своей мощной грудью первого попавшегося на его пути красноармейца и понёсся дальше. Рубя и стреляя, Василий всё дальше и дальше удалялся от кольца окружения и уводил за собой взвод. Оказавшись, наконец, вне зоны обстрела и свернув за дома первой попавшейся улицы, он придержал Воронко.

Подождав, когда бойцы взвода окажутся рядом, командир спросил: «Все здесь или кто там остался?». «Убиты Бибиков Василий из Московки, Бурковский Дмитрий из Стрельцовки и Гарин Гаврила из Пегухи, а Субботин тяжело ранен», - словно ожидая этот вопрос, ответил Филька. Василий с удивлением посмотрел на паренька и только сейчас заметил, что тот держал под уздцы лошадь, на которой, едва сдерживая стоны, полулежал Степан. «Видел, как его ранили, но помочь ничем не мог. Молодец, Филька, что не бросил товарища в беде! До дому-то дотерпит?», - спросил командир. «Дотерплю», - простонал

Степан. «Ладно. Не будем терять времени зря. Раз больше наших живых в городе не осталось, то давайте выдвигаться в сторону Большого Сорокино», - командовал Василий и ткнул шпорами Воронко в бок.

Осторожно пробираясь по извилистым улочкам города на Большесорокинский тракт, бойцы молча перебирали в памяти события прошедшей битвы с красными. Думал о них и Василий. Но оказавшись на окраине Ишима, недалеко от избы, где проживала Полина с матерью и братом, у него неожиданно созрел план. «Сейчас Федьки, наверняка, нет дома. Завезу к Полине Степана и попрошу её обработать ему рану и перебинтовать», - решил он и подозвал к себе Петра с Филькой. «Вот чо, братуха. Мы с Филькой завезём Субботина к моим знакомым, чтобы они оказали ему посильную помощь, а ты во главе отряда продолжай путь. Если мы до Прокутки вас не догоним, то подождите нас там, но недолго. Почуешь неладное, уводи отряд домой, однако в село без разведки не входи», - поручил он Чикиреву. «Что это за знакомые у тебя в Ишиме появились? Раньше ты мне никогда о них не говорил», - с ехидцей в голосе спросил Пётр. «А чо об этом болтать? Ну, появились и появились. Мало ли где и какие у тебя знакомые есть», - не стал вдаваться в подробности брат.

Не доезжая за два дома до конечной цели, Василий остановился и выдал поручение Фильке: «Дойдешь вон до той избы и постучишь в окно. Если заметишь во дворе лошадь, или в окне молодого мужика, то скажешь, что ошибся адресом. Если выглянет молодая девушка или пожилая женщина, то спрашивай Полину, не бойся». «А дальше чо делать?» - спросил паренёк. «Передашь Полине, что её здесь жду я», - оробевшим голосом ответил Василий, в душе пожалевший, что решился на такой необдуманный поступок. «Захочет ли со мной она встречаться? Я ведь для её брата окончательно стал врагом. А вдруг у Полины достойный жених появился?» - подумал с замиранием сердца командир повстанцев.

Но его сомнения вмиг улетучились, когда он увидел убегающую из калитки впереди Фильки девушку. Василий соскочил с вершны и забыв про всё на свете, бросился Полине навстречу. Остановившись в шаге от девушки, он впился влюблёнными глазами в её лицо и нежно произнёс: «Здравствуй, Полинушка!». «Здравствуй, Василий Иванович. Уж не чаяла, что ещё когда-нибудь свижусь с тобой. Известие у меня дурное было. Вроде как убили тебя где-то под Чуртаном», - ответила Полина, и на ресницах её глаз появились крупные слёзы радости. «Поторопились меня похоронить мои враги. Жив я и даже не ранен пока», - ответил Василий, продолжая любоваться девушкой. «Командир, что будем де-

лать с Субботиным? На улице-то светло, как бы у кого из соседей вопросы не появились», - неожиданно раздался голос Фильки. Губин встrepенулcя, cловно от наваждения, и cказал: «Проблема у нас небольшая возникла. Товарища нашего в бою сегодня красные ранили, а до дома добираться далеко. Как бы что не случилось с ним по дороге. Хочу чтобы ты осмотрела рану, чем-нибудь обработала и забинтовала её». «Заводите лошадей во двор, чтобы с улицы их видно не было, и перетаскивайте раненого в избу. Попробую помочь ему. Я ведь на курсах cecтёр милосердия сейчас учусь», - произнесла Полина и повернулась в сторону своей калитки.

Во время оказания Степану первой медицинской помощи, Василий постоянно находился рядом с девушкой и выполнял её поручения. Ему даже нравилось это делать. А когда заметил на лице Субботина облегчение, и даже слабую улыбку, не сдержался и похвалил: «Ты уже настоящий доктор! Словно всю жизнь фельдшером в селе работала!». Полина слегка покраснела, но взяла эмоции в руки и скромно ответила: «Ты преувеличиваешь мои способности. Ухаживая за мамой, я кое-какой навык по медицинской части приобрела». «А как мама твоя себя чувствует?» - спохватился Василий. «Плохо. Брат положил её в городскую больницу, но пока улучшения нет», - ответила Полина и её глаза стали печальны. «Не переживай. Может, даст Бог, ещё поправится», - поддержал Василий. И вновь неожиданно прозвучал голос Фильки: «Командир, нам пора выезжать. А то взвод не дожждётся и выйдет из Прокутки. Тогда нам с раненым сложнее будет добираться одним до дома». Василий сердито посмотрел в его сторону, но одёргивать не стал, а поднялся с табуретки и не обращая внимания на своих бойцов, произнёс: «Спасибо тебе, Полинушка, за помощь. Я очень рад, что вновь повидался с тобой и успокоил своё сердце. Или ещё сильнее растревожил его. Но как бы то ни было, я теперь твёрдо знаю, что в моей жизни появился человек, дороже которого никого нет на свете!». Девушка с благодарной нежностью посмотрела на Василия и тихо ответила: «Береги себя! Я с нетерпением буду ждать новых встреч». А когда, усадив Степана на лошадь и отправив его с Филькой вперёд, Губин подошёл к Воронко, Полина в едином порыве бросилась к нему, обняла за шею и прикрыв красивые глаза, поцеловала в губы. Вкус поцелуя, его жар и высказанную без слов любовь, Василий сохранял во время всего пути.

Добравшись до Прокутки, Пётр не стал зря время терять, а решил навести в селе свой, мужицкий, порядок. Первым делом арестовал часть советского и партийного актива, которая задержалась на работе. После допроса с пристра-

стием, один из активистов назвал адреса остальных слуг советской власти, а также дом, в котором находился посевкомотряд. Чикирев разбил взвод на три отряда, и они одновременно приступили к задержанию остатков пособников куманьков. И не только в Прокутке, но и в деревнях Куимово и Нестерово. Поэтому, уже через полчаса, после того, как Василий догнал взвод, операция по аресту партийного актива была закончена. А ещё через час, собравшиеся в казённой избе прокутские крестьяне избрали Седунова Афанасия Васильевича начальником повстанческого штаба и Аверина Харитона назначили комендантом. Они тут же приступили к выполнению своих обязанностей. И первым делом поместили арестованных в тёмную комнату, в которой до них пересидела почти половина прокутских мужиков.

Закончившаяся процедура по смене власти натолкнула Губина на мысль о проведении такого мероприятия во всех крупных близлежащих селениях. Посоветовавшись с командирами отделений, Василий решил пройти рейдом по восточным деревням и не доходя до Абатска, повернуть на север, в сторону Знаменщиков. Напутствуя Номировского, которому поручил сопровождение Субботина до дома, он сказал: «В Большое Пинигино добираться через Ново-Ивановку и Городище. Так меньше вероятности встретиться с красными. А если узнаешь, что в Большом Пинигино повстанческий штаб не действует, Степана оставь у кого-нибудь в своей деревне. К нам присоединишься в Знаменщиках». «Не сомневайся, командир, раненого в лесу не брошу. Доставлю до места в лучшем виде», - успокоил Ермолай и немедля больше, выехал из Прокутки.

Первой на пути взвода кавалеристов была деревня Неволино, затем деревни Тимохино, Костылёво, Берендеево и Болдырево. И если в первую деревню взвод входил ещё до полуночи, то в последней оказался уже засветло. Нападения большесорокинских повстанцев для деревенских коммунистов были настолько неожиданными, что они даже не успевали организовать хоть какое-то сопротивление им. Оказав помощь местным жителям в создании новых органов управления, и передав в их руки оружие и часть задержанных советских активистов, взвод продолжал свой путь вперёд. После завершения всей процедуры захвата власти в Болдырёве, Василий повёл отряд в сторону Знаменщиков. Рейд оказался вполне успешным. На двух розвальнях, которые были конфискованы вместе с лошадьми у посевотряда, сидели 9 человек ярых коммунистов, которые сильнее других лютовали над местным населением. «Прибудем в Большое Сорокино там и разберёмся с ними. В деревнях оставлять

их нельзя было, так как мужики могли не сдержаться и повесить этих краснопузых на осинах», - объяснил Петру своё решение Губин. «Неужто тебе стало жалко этих жидов? Такие, как они, издевались над тобой, над твоими родителями, над твоими сестрами, над всеми мужиками, а ты спасаешь им жизнь? Непонятно мне это, братуха». «Если бы я их встретил в бою, не пожалел бы. А мы их захватили тёпленькими в постелях. Поэтому, сначала разберёмся, кто из них насколько виноват, а затем уж и наказание заслуженное изберём для каждого». «Да, что с ними возиться, как с пустой торбой? Отрубить бошки и побросать в сугробы», - не унимался Пётр. «Не наше с тобой дело покорные головы саблей сечь. Пусть народ выскажет приговор, а мы его исполним», - решительно возразил Василий, дав понять брату, что разговор на эту тему закончен. Тот с обидой посмотрел в его сторону и молча направился догонять своё отделение.

В Знаменщики кавалеристы прибыли ближе к вечеру. Встретивший их Григорий, обстоятельно рассказал о событиях, произошедших за последние шесть дней в их селении. «Дважды в деревню врывались красные и оба раза быстро уходили. Даже организаторов бунта не искали. объедут дворы, отберут у крестьян что на глаза попадётся, и - снова в путь. А вот последний раз они здорово поиздевались над нами. Это после того, как вы им на Знаменщиковском тракте жару поддали. Тихомиров, их командир, едва живой остался. всю голову ему чем-то разнесли мужики. Вот он от злости и приказал своим бойцам трясти деревенских до посинения, чтобы они выдали всех организаторов мужицкого бунта. А кого они могли выдать, если сами все участвовали в нём? Тем более, что я и мои помощники успели скрыться в избушку на озере. В общем, и на этот раз куманьки из села убралась ни с чем. Может и пожили бы в Знаменщиках на наших харчах с недельку, но их срочно вызвали на станцию Маслянская, охранять железнодорожные пути», - закончил он. «Не слышал? В Большом Сорокино ничего не произошло за последние три дня?» - спросил Василий. «Надысь оттуда приехал деревенский, но никаких приятных известий не привёз», - ответил Григорий. «Плохо. По-видимому побаиваются пока наши нападать на село», - подумал Василий и посмотрев на Петра, приказал: «Вот что, братуха, бери с собой Фильку и айда в Большое Сорокино. Тебя в селе мало кто знает, поэтому тебе легче будет передвигаться по нему. Изучите там обстановку и если она благоприятная, отправляй паренька назад, а сам жди нас на окраине Малого Сорокино». «Коней бы надо поменять. Наши-то устали после такого марша», - ответил Пётр. «В этом мы вам поможем», - вмешался Григорий и велел Зотию выполнить его обещание.

Филька вернулся уже за полночь. Отдохнувшие и взбодрившиеся бойцы взвода пребывали в хорошем настроении и были готовы немедленно выступить в поход. Разыскав командира в доме у Григория, Филька доложил: «По рассказу Колмаковой Анны, в селе сейчас находятся: отряд красноармейцев из двадцати пяти человек, их командир, секретарь волостной партячейки и три милиционера. Ведут они себя не очень агрессивно, словно боятся чего-то, но некоторых местных мужиков, включая Колосова Ивана, в кутузку намерены посадить. Сказали, что отпустят, если граждане вернут зерно и фураж на ссыпункт. Забирали и Анну, но из-за детей и мужа красноармейца отпустили». «Где проживают красноармейцы и их командир, не узнали?» - спросил Василий. «Узнали. Весь отряд квартирует в твоей избе, секретарь и милиционеры обитают в казённом доме, где наш штаб располагался», - ответил смышлёный паренёк. «А о нашем отряде дружинников, который находится в Курмановке, что-нибудь слышно?» - поинтересовался Губин. «Почти ничего», - ответил разведчик. «Так. Понятно. Буду думать, что дальше делать», - произнёс командир и замолчал. «Я ещё нужен тебе?» - спросил Филька. «Пока нет. Григорий, покорми парня. Проголодался, поди, с дороги», - попросил Василий Знаменщикова.

«До Большого Сорокино отсюда тридцать вёрст, а от Курмановки наполовину меньше. Но в отряде Аверина большая часть бойцов пешая, а это значит, что добираться им до волостного центра даже дольше, чем нам. Можно, конечно, мобилизовать на время деревенские подводы и посадить на них всех пеших, но согласятся ли добровольно на это курмановские мужики?» - размышлял Василий, сидя на лавке в кути. Обдумав все варианты нападения на волостной центр и взвесив все «за» и «против», через полчаса он негромко крикнул: «Филька, подойди-ка. Очередное задание для тебя есть». Через мгновение паренёк стоял уже рядом и молча ждал указаний. «Я знаю, что ты сильно устал, но лучше тебя с этим поручением никто не справится. В общем, бери своего коня, который уже должен отдохнуть, и направляйся в Курмановку к Аверину. Дорога не ближняя. Вёрст сорок отсюда будет, но отвожу я тебе на них не больше четырёх часов. Писать Степану ничего не буду, а на словах передай, чтобы он немедленно поднимал бойцов дружины, делил их на два отряда, и двигался на Большое Сорокино. Для перевозки пеших, пусть реквизирует у граждан деревни на время гужевого транспорт. Нападать будем с трёх сторон. Мой взвод со стороны Знаменщикова тракта - на дом, в котором квартируют красноармейцы, а его отряды зайдут в село со стороны Викуловского и Кротовского трактов, и займутся задержанием остальных куманьков. Необходимо сделать это тихо, чтобы не поднять преждевременной паники и

стрельбы. Если это не удастся сделать, то от боя не уклоняться, а довести его до конца. Приход на позиции его отрядов и нашего кавалерийского взвода не позднее шести утра. Не теряй время и поезжай», - закончил наставление командир. И уже в догонку убегающему пареньку, добавил: «Сам в бой не влезай. Без тебя много народа, а ты мне живой нужен».

Из Знаменщиков взвод кавалеристов вышел через два часа, после того, как их покинул молодой разведчик. На улице властвовал февральский буран и плотной снежной пеленой затягивал наезженный тракт. «Тяжело будет Фильке добираться до Курмановки. Особенно от Стрельцовки. Как бы не заплутал ненароком. Даже если Степан не успеет прибыть на исходные позиции, отменять нападение на красных нельзя. Даст Бог, одни справимся», - рассуждал Василий, тщетно вглядываясь в ночную мглу. Потом он повернулся к следующему за ним Беловацкому и спросил: «Ермолай вернулся из Большого Пинигино?». «Он раньше нас в Знаменщиках был», - ответил Иван. «Пусть подъедет ко мне, я его попытаю», - попросил Василий.

«Здорово, командир. Хотел раньше тебе рассказать о поездке, да ты всё занят был», - произнёс Номировский. «Сейчас есть время, поэтому давай докладывай обо всём по порядку», - приказал Василий. «В общем, добрались мы до Городищ без приключений. Я боялся, что Степан не выдюжит дорогу, но он даже стонать перестал к концу пути. И лишь тогда, когда мы подъехали к моему дому и я потащил его на себе в горницу, Субботин не выдержал, скрипнул зубами и заматерился. Оставив его на жену, я тут же отправился к отцу, чтобы узнать о положении в Большом Пинигино. Оказалось, что в деревне куманьков не было. Конный отряд, который после взятия Сорокино, вышел ночью в сторону Пинигино, не задержался и в ней. Оставив для наведения порядка в деревне пять красноармейцев и одного куманька с ними, спешно, через Городищи, удалился в сторону Абатска. Ну, а наши мужики уже вечером того же дня арестовали красноармейцев и куманька и посадили их в общественный амбар. Передал я Степана его семье, а сам через Сергино в Знаменщики махнул», - закончил доклад Ермолай. «А чо дома не задержался?» - спросил Василий. «А потом где вас искать? Умчитесь опять в какой-нибудь рейд и не догонишь вас», - откровенно признался Номировский. «Надёжный Ермолай боец, хоть и неопытный. Но это не страшно, опыт с боями придёт», - подумал Василий, вспомнив, как вёл себя в первом бою.

За полчаса до назначенного времени, взвод остановился в версте от окраины Малого Сорокино, где его поджидал Чикирев Пётр. И хотя на улице было

ещё темно, новый день подавал уже свои первые признаки. Со стороны села доносились гулкий лай собак, хриплые крики петухов и редкие голоса людей. К Василию вплотную подъехал Пётр. «Будем ждать Аверина с дружиной или одни навалится на куманьков?» - тихо спросил он. «Подождём ещё немного, а там решим», - неопределённо ответил Василий. «А чо тут решать? Дрыхнут, поди, ещё комисарики! Брать их надо всех ещё тёпленькими», - горячился Пётр. «Погодь, не спеши! Успеешь ещё свинца наглотаться!» - одёрнул Василий. «Ну, ты, братуха, совсем стратег стал. Пока будем ждать Степана, не только охрана дремать перестанет, но и остальные куманьки проснутся», - не унимался Чикирев. В это время на тракте, со стороны села, слышалось конское пофыркивание. Василий достал из портупеи наган, а Петр выхватил из-за спины винтовку. «Кто это? Разведчики красных или крестьяне с утра пораньше поехали в лес?», - пронеслось в голове у Василия. Но неожиданный голос внёс полную ясность: «Мужики, не стреляйте. Это я - Филька».

«Неужто через всё село пробирался?» - спросил Василий. «Нет. С Кротовского тракта свернул вправо и за огородами Одины, объехал его», - ответил паренёк и сообщил: «Отряды дружины уже стоят на исходных позициях». «Ну, вот и дождались сигнала. Ты, Петр, со своим отделением перекроишь все отступления со стороны пригонов, а я с остальными бойцами постараюсь проникнуть в дом со двора. В случае оказания красноармейцами сопротивления, стрелять на поражение», - выдал командир последнюю команду перед боем.

До избы Губиных, в которой квартировали красноармейцы, было не более двух вёрст. Пропустив отделение Петра вперёд и немного выждав, Василий дёрнул поводья и Воронко понёс его в сторону родного дома. Но не доезжая саженей сто до него, командир услышал беспорядочные винтовочные выстрелы и громкие выкрики. А ещё через мгновение, Василий увидел выскакивающих из ворот, калитки и даже окон избы, полураздетых бойцов, которые, отстреливаясь на ходу, убегали в сторону реки. «Окружить и всех задержать!» - выдал короткую команду командир, и первым рванул наперерез красноармейцам. Поняв, что путь к отступлению отрезан, они прекратили сопротивление, и стали с ужасом ждать своей дальнейшей участи.

Как выяснилось позже, бойцов из отделения Петра обнаружил дневальный красноармеец, который в это время находился в пригоне и поил коней. Заметив, что со стороны огорода к дому крадутся конники, он сразу понял, кто это, и выстрелил в их сторону. И тут же прогремели ответные выстрелы. Одна пуля ранила лошадь, а вторая попала в красноармейца и он упал. В доме возникла

паника и неразбириха. Красноармейцы в полутьме хватали винтовки, накидывали на себя то, что попадалось под руку и выскакивали из избы. В результате короткого боя со стороны красноармейцев погибло три человека, и один из отделения Петра был легко ранен.

Не обошлось без потерь задержание секретаря волостной партячейки и милиционеров. Их тоже разбудила стрельба. Вскочив на ноги и быстро собравшись, Чернов первым выскочил на крыльцо и рванул в сторону кладбища. Но далеко убежать ему не удалось. Бывшего однополчанина Степан Аверин догнал сам и сбил ударом кулака с ног. Тот жалостно ойкнул и потерял сознание.

Сложнее далось задержание милиционеров. Боясь, что повстанцы их могут сразу расстрелять, они забаррикадировались в избе и начали отстреливаться. Бойцы дружины дважды пытались взять штурмом их убежище, и оба раза сделать это не смогли. А когда ринулись в третий раз на осаду, то вылетевшая через окно пуля смертельно ранила одного из нападавших - Мягких Агапия. И только после того, как Степан своим громовым голосом предупредил: «Даю пять минут! Если за это время не выйдете из избы, мы её подожжём», сопротивление милиционеров закончилось и они, озираясь, вышли на крыльцо. И хотя Зайчикова среди них не было, Аверину с большим трудом удалось справиться с толпой, чтобы не позволить ей совершить самосуд и не разорвать на куски этих жалких и испуганных слуг советской власти.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

11 февраля в Большесорокинской волости вновь установилась мужицкая власть. Колосов Иван собрал всех членов волостного штаба и выдал им новые задания, согласно требованиям текущей ситуации. Воспользовавшись короткой передышкой, Василий и Степан занялись повышением боеспособности своих подразделений. Вновь на полную мощность закипела работа в кузнице и оружейной мастерской. А на ссыпном пункте женщины приступили к перелопачиванию семенного и фуражного зерна, чтобы не допустить его возгорания. Перед руководством волостного штаба стал остро вопрос и содержания пленных. Во время очередной совместной встречи, Колосов пожаловался: «Более сорока человек пленных набралось. Что с ними делать и как содержать, ума не приложу! Да и опасно их в селе держать. При первом же нападении, красные их освободят и направят против нас. Они же теперь знают почти всех руководителей волостного штаба в лицо». «Есть один вариант, который мы с Василием почти месяц назад обговаривали. У нашей семьи с давних времён в болотах за Тиханихой имеется просторная заимка, которая уже года три находится в запустении. Я туда недавно съездил, и понял, что лучшего места для создания запасной базы на случай временного укрытия, нет», - высказался Степан. «Заманчивое предложение. Тогда, не теряя зря время, необходимо немедленно приступить к его выполнению», - обрадовался Иван. «Хорошо. Я уже сегодня подберу для этого надёжных мужиков, а завтра с утра выедем на заимку». «Тятю моего возьми с собой. Он старик ещё крепкий, варить умеет, за скотиной ухаживать, да и охотник удачливый», - попросил Василий. «Возьму. Даже старшим поставлю, если он возражать не будет», - ответил Степан. «Не будет. Я с ним сам поговорю», - заверил Губин-младший.

А на следующий день, после отбытия Степана с небольшим отрядом на заимку, появились неотложные дела и у Василия. Незадолго до полудня, в во-

лостном штабе появился связной от начальника Голышмановского повстанческого гарнизона Садовщикова и передал Колосову письменное донесение. В нём было два документа. В первом говорилось: «Товарищи унтер-офицеры и подпрапорщики, идите в ряды Народной Армии. Начатое дело надо выполнить до конца. Являйтесь в штаб Голышмановского района для регистрации (дом бывшего крестьянского начальника). Отсюда вы будете направлены на фронт для командования, так как командного состава очень мало. Начальник штаба Голышмановского района Пономарев», а во втором ставилась конкретная задача конному взводу по оказанию помощи повстанцам Кротовской волости в защите мужицкой власти от нападения красного отряда Васильева. Явно ощущая «голод» в военных кадрах для своих дружин, первый документ Колосов отложил в сторону без обсуждения. А вот от второго отмахнуться он не мог. Кротовская волость была не только ближайшей соседкой, но и стратегически важной территорией, от благополучия в которой зависело и спокойствие Большесорокинской. Через неё проходил основной тракт на северо-запад губернии, а также тянулись телеграфные провода в сторону Тобольска. Из Кротово можно было получить не только удар в спину, но и помощь. Посоветовавшись с членами волостного штаба, Иван принял однозначное решение в срочном порядке направить взвод кавалеристов во главе с Губиным-младшим в распоряжение руководителей кротовского восстания. И уже через два часа, тридцать пять верховых бойцов покинули пределы села.

Путь до Кротово Василию был хорошо знаком. До революции, ещё пацаном, он неоднократно ездил по нему с отцом к вагайским татарам, проживающим на левом берегу Иртыша, чтобы обменять зерно, муку и конскую сбрую на речную рыбу. Чаще это были стерлядь, муксун и нельма, но иногда загружали дровни и карасём. Хотя неблизким был свет до тех краёв, но поездкой отец был всегда довольный. От приятных воспоминаний о безмятежном детстве, Василий даже лицом посветлел. «Командир, может, не будем сразу в Кротово входить? Мало ли кто сейчас там находится», - услышал он голос Фильки, следовавшего рядом. «А сколько ещё до села будет?». «Версты полторы, не больше. Прошлый раз Степан здесь меня ждал, пока я в разведку ходил». «Ну, давай тогда мы и сейчас тебя здесь подождём», - согласился командир и поднял вверх руку, чтобы остановить взвод. «Один поедешь, или напарника дать?» - спросил Василий Фильку. Тот сделал серьёзное лицо и ответил: «Не поеду, а пойду. И напарника мне не надо. Одному сподручней будет скрыться, если какие-то проблемы возникнут». Разведчик ловко спрыгнул с коня на укатанный тракт, передал поводья Нестерову Михаилу и почти бегом, устремился вперёд.

Вернулся Филька неожиданно быстро и недобежав до конников, выкрикнул: «Кротово занято куманьками. Нам необходимо пробираться до Усть-Лотовки, где сосредоточены повстанческие отряды». «Откуда узнал? Ты, поди, до села-то не успел добежать? - спросил с недоверием Пётр. «Красноармейцы рассказали. Их дозор с версту отсюда будет. Завидев меня, они преградили дорогу и стали выспрашивать, кто я и куда путь держу. Ну, я им и сказал, что якобы с мужиками ворсихинскими еду к татарам на озёра менять зерно на рыбу, а чтобы не попасть в руки бандитов, они меня послали в село, узнать какая в нём власть. Тогда краснопёрые мне обо всём и обсказали», - ответил с достоинством паренёк. «Молодец, парняга! Ты просто незаменимый челоек в таких делах», - похвалил Пётр, лучше других познавший способности Фильки.

В окрестностях Усть-Лотовки взвод появился тогда, когда холодное зимнее солнце стало стремительно скрываться за макушками деревьев. На едине их остановили два мужика с берданками наперевес и грозно спросили: «Кудоль путь держите, служивые?». «Вот прибыли из Большесорокинской волости к вам на помощь», - ответил Василий. «Тогда, стало быть, к нашему командиру надобно. К генералу Шевченко Петру Семёновичу. Слыхивали об таком?» - спросил один из мужиков. «А как же! Наслышаны о его подвигах», - ответил Пётр и улыбнулся. Василий строго посмотрел на брата и обратился к мужикам: «Скажите, где вашего генерала искать, и мы поедem к нему на доклад». «А чо его искать? В центре села, в казённом доме его штаб находится», - подсказали мужики.

Когда Василий зашёл в казённый дом и оказался в большой комнате, где за столом на лавках сидели человек пять повстанцев, он сразу определил, кто из них был командиром. Высокотелый, жилистый, русоволосый и голубоглазый мужчина лет сорока сидел к нему лицом, и колючим взглядом осматривал его с ног до головы. «Это что ещё за степной орёл залетел в наши леса? Что-то не припомню, чтобы где-то я его видел», - спокойным глуховатым голосом произнёс он. «Командир кавалерийского взвода большесорокинского повстанческого штаба Губин. Прибыл со своими бойцами к вам на помощь», - отрекомендовался Василий. «А кто вас просил приезжать к нам на помощь? Мы и сами способны поломать хребты куманькам», - произнёс Шевченко и хитро посмотрел на своих собеседников. «С такой просьбой к нам обратился начальник Голышмановского гарнизона повстанческой армии Садовщиков». «Кто это такой?» - спросил гигант, но тут же улыбнулся и предложил: «Садись, командир взвода, за стол и вникай в дела наши».

План нападения на Кротово был подготовлен ещё до прибытия больше-сорокинцев, поэтому оставалось только обсудить некоторые детали взаимодействия отрядов и договориться об общей конечной цели. Подводя итог разговору, Шевченко сказал: «Перед нами стоит одна задача - выбить красный отряд Васильева из Кротово без больших потерь с нашей стороны. Поэтому, необходимо действовать аккуратно, дружно и смело. Как и договорились, наступать будем с трёх сторон. С Балахлейского тракта, Усть-Лотовского и Большесорокинского. Перекрыть Аромашевский тракт мы не сможем ввиду не достаточности стрелкового вооружения. Но, даже, если куманькам удастся вырваться от нас и убежать в том направлении, то аромашевские мужики добьют безбожников. Главное, их вовремя предупредить об этом. К нападению на село приступим ровно через три часа. Поэтому, возвращайтесь в отряды и приступайте к выдвиганию на позиции». А когда командиры поднялись из-за стола и пошли на выход, Шевченко обратился к Василию: «А ты, чалдон сорокинский, погоду немного. Разговор есть».

«Мы хоть и соседи, а мало друг о друге знаем. Думаю, если нам силы мужицкие объединить, то вряд ли в наши края куманьки захотят свой нос совать. Расскажи мне поподробней о количестве ваших боевых отрядов и их вооружении», - попросил Шевченко. Василий без утайки обрисовал состояние мобильных сил, которыми располагала в настоящее время Большесорокинская волость в целом и село отдельно, а в конце сказал: «Главная проблема не в количестве бойцов, а в их вооружении. Винтовками и берданками меньше половины мужиков обладают. Основным оружием служат вилы, топоры да пешни. Куём и наконечники к пикам. Но против винтовок, сабель и пулемётов красных с ними не попрёшь. Есть у нас и два пулемёта, которые мы добыли в бою. Один из них неисправный, а для второго пол-ленты патронов осталось». «Неплохо живёте. У нас стрелкового оружия ещё меньше. Но мы не падаем духом и ищем его везде, где только можно. А база, чтобы переждать масштабное нападение врага, у вас есть?» - спросил Шевченко. «Пока подходящей для этой цели не было. Буквально вчера, наши люди уехали обустроить таковую. В восточной части Северных болот находится». «Это хорошо. А мы свою борьбу с куманьками с создания базы начали. Теперь на ней можем скрывать целую армию и на-долго. Расположена она тоже посреди болота, но только с западной стороны. Так что, если что, то и ваши отряды укроем», - улыбнулся «народный генерал» и добавил: «Будет у нас ещё время, чтобы поговорить по душам, а сейчас нужно к трудному бою готовиться».

Командир Кротовского повстанческого отряда на Василия произвёл хорошее впечатление. Подтянутый, строгий, в меру разговорчивый и по возрасту зрелый. И даже то, что родом он был не из здешних мест, а из центральной России, Василия не очень смущало. «Такой может поднять мужиков на восстание. Одна фигура чего стоит. Наверное, и на расправу скор? Неспроста в голубых глазах холод и жестокость просматриваются. У повстанцев-мужиков такой командир и должен быть, которому они бы верили, которого боялись и за каким в бой смело шли», - размышлял Василий, когда возвращался с отрядом на Большесорокинский тракт. Добравшись до того места, где ноне уже останавливались, Василий подозвал Петра и спросил: «Сколько на твоих трофейных часах время?». Чикирев распахнул полушубок, достал из кармана шаровар часы на цепочке, и подсветив глубокой затяжкой «козьей ножки», коротко ответил: «Половина девятого». «Скажешь, когда без четверти будет. Наступить начнём», - попросил Василий.

Красные, хоть и ждали нападения повстанцев, но что оно будет таким мощным, даже предположить не могли. Сразу с трёх сторон в село на махах влетело сотни две верховых мужиков и стали с ожесточением рубить и колоть всех, кто с оружием в руках попадался им на пути. Не сразу пришедший в себя от коварства повстанцев, командир красноармейцев выскочил из избы и чтобы остановить беспорядочное отступление отряда, стал стрелять из нагана в воздух. Но было уже поздно. Красные бойцы, напуганные непониманием истинного положения дел и напором мужиков, не обращали на него внимания и продолжали изо всех сил бежать мимо. Васильеву ничего не оставалось делать, как присоединиться к ним. И только благодаря темноте и прыти красноармейцев, многим из того боя удалось выйти живыми. Но далеко не всем. А кроме этого, чтобы облегчить бегство, некоторые бойцы даже винтовки свои побросали. Остановить сумбурное отступление отряда командир смог только за пределами Кротово. Собрав остатки бойцов, Васильев решил дальше идти не в сторону Аромашево, а не доходя до Вилкова, повернуть на Успенку, чтобы затем через деревни Бурлаки и Первопесьяново, попасть в Ишим.

Большесорокинский конный взвод в этом бою не потерял ни одного бойца, хотя вели они себя в нём по-геройски. Сам Василий и его товарищи с открытым забралом на рожон не лезли, но тактику ночного боя вели правильную. Сказывался опыт прошедших встреч с врагом и чувство взаимовыручки. Такое поведение соседей одобрил и «генерал» Шевченко, когда они подводили итоги сражения. «Ловкие у тебя парни во взводе! Не хошь с ними в моей армии

остаться?» - хитро улыбаясь, спросил он. «Нет. Взводом в ваш отряд не войду, а вот если объединимся волостными повстанческими штабами и создадим единый фронт, то под началом твоим готов служить», - заявил Губин-младший. «Так ты ещё и стратег, командир конного взвода. Правильно мыслишь. Если создадим единую армию, то нам со стрелковой бригадой красных под силу будет тягаться. Готов в любое время с руководством вашего штаба встретиться и обсудить этот вопрос», - загорелись глаза у Шевченко. «Так в чём же дело? Хоть ноне поедем в Большое Сорокино», - ответил Василий. «Ноне не могу. Необходимо перегруппировать свои отряды и выступить в район станции Голышманово. Там сейчас судьба мужицкая решается. Необходимо поболее железнодорожных мостов взорвать да рельсов разобрать. А вот опосля мы обязательно к этому вопросу вернёмся», - пообещал Шевченко. «Ну, раз так, то мы домой возвращаться будем. На Кротово теперича вряд ли скоро куманьки нападать будут», - высказался Василий. «Думаю, пока на железной дороге они не наведут порядок, в северные волости соваться не будут», - согласился Шевченко, и посмотрев на командира взвода, предложил: «Может, и вы с нами к железной дороге пойдёте?». «Не исключаю, что и мы там в скором времени окажемся, но вначале надо со своим штабным руководством повидаться», - твёрдо сказал Василий и попрощался с народным «генералом».

Прибыв в Большое Сорокино и доложив членам повстанческого штаба о выполнении задания по оказанию соседям военной помощи, Губин-младший рассказал также и о предложении руководителя повстанческих отрядов северо-западной зоны Шевченко по созданию единой армии, способной отражать серьёзные силы противника. «А нам это надо? Мы чо, под начало этого инородца пойдём? Чтобы он нами, как холопами своими вертел? У нас и своя армия наберётся. Оружия бы только поболее где взять», - воспротивился Чечулин Егор. «Слыхивал я об этом Шевченко. Сам-то он из Большого Кусеряка будет. Один его брат у красных служит, а второго убили во время нападения на Ишим. Мужики его хвалят. Говорят, уважаемый в округе человек. Честный и справедливый», - заступился Долгих Матвей. «Давайте споры оставим на опосля. Наступит время, будем тогда и думать, как поступить. А сейчас других забот полный рот», - одёрнул членов штаба Колосов и обратился к Василию: «В селе Ражевское создана Народно-крестьянская зелёная армия, в которую входят повстанческие отряды более двадцати пяти волостей, расположенных в основном на юго-западе от нас. Своим приказом командующий Кутырёв Тимофей, предлагает нам примкнуть ко второму корпусу армии, командиром которого является Петр Лаврентьевич Долин. Что скажешь на это?». «А чо я могу

сказать? Как совет волостного штаба порешит, так и будет», - ушёл от прямого ответа Губин-младший. «Ладно, подождём Степана, а потом вместе и покумекаем над этим предложением. А пока дай своим бойцам пару дней отдыха. Пусть домой съездят, своих родных и близких попроведают».

Предложение Колосова Василию пришлось по нраву. Он хорошо понимал, что впереди бойцов ждёт несладкая жизнь, и в любой момент может возникнуть боевая ситуация. Но отпустил он повстанцев по домам не на два дня, а только на одни сутки. «Завтра к вечеру быть в расположении взвода и трезвыми!» - строго предупредил командир. «А сам-то ты, братуха, в Большое Пинигино со мной не собираешься?» - спросил Пётр. «Нет. У меня дел по горло. Передавай маме и сёстрам от меня поклон и подарки. А я к ним в другой раз загляну. Да не забудь Степана Субботина навестить и передать ему огромный привет».

Говоря Петру о наличии неотложных дел, Губин-младший даже и не подозревал насколько он был прав. Дело в том, что именно в этот день и два последующие в Большое Сорокино стали прибывать конные и пешие бойцы из восточных и северо-восточных волостей, которые ранее входили в боевые отряды Северного фронта, разбитого советскими войсками. Особенно много было готопутовских и викуловских мужиков. Оставшись без командиров, убитых или взятых в плен, и боясь попасть в руки комиссаров, после недельного шатания по лесам и болотам, они решили податься в Большое Сорокино, где существовала мужицкая власть. По истечению трёх суток, таких повстанцев набралось боле двух сотен, пятьдесят из которых были верховыми. Как раз к этому времени вернулся и Степан Аверин, который доложил Ивану и Василию о проделанной работе. «Хорошая база получается из заимки. Человек сто хоть сейчас примет на постой. А если пару тёплых амбаров пристроить, то и двести зиму могут пережить. Для пленных тоже место нашлось. Поместил их в тёплой стайке, где раньше коров с телятами от холода скрывали. Охранять их оставил четырёх бойцов, а твоего отца старшим назначил», - закончил рассказ он. «Как себя чувствует наш однополчанин Чернов?» - поинтересовался Василий. «Ивана там нет. С согласия членов штаба, его и ещё пятерых красноармейцев из Ялаторовского уезда, я отпустил», - ответил Аверин. «Зачем? Он же коммунист! В Осиновку-то Иван вернулся совсем недавно. А где до этого был, ты узнал? Может, где-нибудь в других губерниях России ставил к стенке таких же мужиков, как мы? Нет, друг мой дорогой, поторопился ты отпускать самохода!» - возмущённо произнёс Василий. «Ну, ладно. Чо теперь спорить ни об чём. Куда он денется из Осиновки? Будет мутить воду, я его вмиг за шиворот

сюда приведу», - спокойно ответил Степан. «Да он теперича уже где-нибудь в Ишиме с красными опять снюхался! Будет этот вражина сидеть в деревне и дожидаться, когда ты за ним приедешь! Держи карман шире!» - не унимался Василий. «Ты чё, Губин, закобенился? Ну, допустили ошибку, что этого куманька отпустили, но это же не причина, чтобы из-за него мы поссорились. Не до этого нам сейчас. Лучше подумаем, что с пополнением будем делать?» - примирительно сказал Иван. «А чо тут особо думать? Всех верховых, которые помоложе и с винтовками, в мой взвод определить, а остальных в дружину записать», - предложил Василий, немного охлынув от возмущения. «Тогда у тебя уже не взвод, а эскадрон целый будет», - подметил Аверин. «Вот и хорошо. Будет чо противнику предъявить», - улыбнулся Василий, который не умел долго сердиться, особенно на товарищей.

Сразу после этого разговора, Степан и Василий приступили к формированию новых воинских подразделений. Уже на исходе следующего дня, Губин-младший доложил штабу об окончании создания кавалерийского эскадрона, и о назначении Чикирева Петра, Фадеева Сергея и Костылёва Фёдора из Готопутово на должности взводных командиров. При этом взвод Петра стал разведывательным, к которому был прикреплён и Филька, фактически выполняющий обязанности его адъютанта. Но не успела ещё до конца оформиться новая структура управления эскадроном, как вестовой Народной повстанческой армии Голышмановской волости привёз призыв начальника военно-оперативного штаба Пономарёва, предлагающий мобильному отряду Большесорокинской волости, совместно с другими, совершить рейд вдоль железной дороги, чтобы взорвать мосты, разобрать рельсы и уничтожить в перехваченных составах имущество. Начать рейд необходимо было от станции Голышмановская, а закончить в районе станции Маслянская. Обсудив призыв Пономарёва, Иван, Степан и Василий пришли к единому мнению, что на него необходимо откликнуться положительно. Но в поход выступить не эскадроном, а только двумя взводами.

Пятнадцатого февраля бойцы Большесорокинской волости прибыли в село Голышманово, где формировались кавалерийские отряды и раздавались задания. Там же оказался и Шевченко со своими конниками. Василий первым поздоровался с «генералом» и спросил: «Задание уже получил или действуешь по своему плану?». «У Голышмановских командиров план один - вначале полностью захватить станцию Голышманово, а затем разделить Народную Армию на две части и отправить их вдоль железной дороги на запад до Ому-

тинки и на восток до Маслянской», - ответил, улыбнувшись «генерал». «Бойцов много в селе собралось. Пожалуй, не меньше тысячи», - как бы между прочим произнёс Василий. «Да, поболее будет. Тысячи две с половиной всех-то наберётся. Вооружить бы это войско винтовками, да пулемётами, тогда бы можно было больших дел наворочать», - вздохнул гигант и посмотрев на стоящего рядом с Василием Воронко, с завистью в голосе сказал: «Мне бы такого жеребца под вершну. А то со своей кобылы у меня ноги до земли достают». Поняв, на что намекает «генерал», Василий улыбнулся: «С жеребёнка он у меня. Ни в одном бою не подводил. Подарить не могу. Но если в каком сражении замечу подобного коня, то обязательно для тебя, Пётр Семёнович, добуду». «Ну и за доброе слово спасибо. Может, и сам разживусь покрупнее лошадью при благоприятных условиях».

По решению командования Народной Армии, Большесорокинский и Кротовский отряды вошли в одну группировку, которой поручалось, после занятия станции Голышманово, тут же отправляться на захват станции Карасульской и держать её до подхода пеших отрядов. Поэтому, как только прозвучала команда «По коням!», Василий и Шевченко вскочили в сёдла и повели свои отряды на юг, в сторону транссибирской железной дороги. Провожая взглядом «генерала», Василий не выдержал и улыбнулся. «Словно великан на ишаке едет. Рост-то у него, поди, больше сажени, а лошадка в холке и трети сажени не будет», - подумал он.

От села Голышманова, до железнодорожной станции с таким же названием не более семнадцати вёрст, поэтому уже через полтора часа конные отряды вошли в её пределы, а ещё через пару часов заняли всю территорию, включая жизненно важные учреждения управления стальной магистралью. Активное участие во взятии станции Голышманово принимали и повстанческие отряды волостей, расположенных южнее железной дороги, численность которых составляла не менее двух тысяч человек. Поэтому, когда огромная масса людей собралась на площади, напротив вокзала, шум голосов заглушал даже паровозные гудки. «Какая силища! Неужели мы с такой силой не одолеем комиссаров? Обязательно одолеем!» - произнёс тихо Василий.

Ожесточённого боя, какого ожидали повстанцы, красные не организовали. Десятка три красноармейцев, охраняющих станцию и подвижной состав, произвели несколько выстрелов из винтовок и автоматического ружья по наступающим в пешем строю, но тут же были уничтожены или взяты в плен кавалерией, вырвавшейся из-за засады. Единственное, что успели сделать бойцы

Василия, это забрать у сдавшихся красноармейцев автоматическое ружьё и пять винтовок с патронами. Не было потерь в отряде большесорокинцев и в людской силе. Так что очередной рейд для него пока складывался удачно. А вот в отряде Шевченко погибло два бойца и под седоком убита лошадь. Поручив пешим бойцам подобрать погибших и отвезти их в Кротово для передачи родным, Пётр Семёнович стал готовить отряд к продолжению похода.

Все населённые пункты вдоль железной дороги, включая станцию Карасульская, объединённые кавалерийские отряды брали внезапным наскоком и почти без боя. А в самом начале похода, в семи верстах от Голышманово, искусный минёр из отряда Шевченко на реке Емец взорвал железнодорожный мост, стоящий на деревянных опорах. Остановив тем самым на некоторое время движение поездов, везущих зерно из восточных губерний Сибири в центральную Россию.

Дождавшись обозов с пешими повстанцами и передав их командирам под охрану Карасульскую, конные отряды продолжили рейд по своим планам. Шевченко решил возвращаться в Кротово через Усть-Ламенку, а путь большесорокинцев оказался гораздо длиннее. Им предстояло пройти вдоль железной дороги на восток до Маслянской, которая находилась в восьмидесяти верстах от Карасульской, занять её, и только после этого удалиться в сторону своего села. План был дерзким и непредсказуемым, но очень значимым для изучения ситуации и дальнейших действий восставших. Чтобы не встречаться с крупными силами красных в районе Ишима, не доходя версты три до города, отряд свернул налево, обошёл его стороной, и только в районе деревни Плешково вновь приблизился к железной дороге.

К Маслянской большесорокинский отряд подошёл уже затемно. Не встречая сопротивления в селениях на протяжении всего похода, Василий и сейчас надеялся обойтись без большой стрельбы. Но внутри что-то подсказывало обратное. Поэтому, чтобы не нарваться на противника и не оказаться под обстрелом, он решил направить в разведку Фильку. Выслушав командира, тот спрыгнул с коня и устремился в направлении станции. Прошло не более четверти часа, как в той стороне прогремело несколько винтовочных выстрелов. «Филька на засаду напоролся! Убьют теперь паренька!» - промелькнула в голове командира нехорошая мысль. Он подозвал Петра и приказал: «Бери своих бойцов, обходи станцию справа и нападай на неё с тыла. Мы двинемся вперёд только после того, как услышим твою стрельбу». «Понял», - сверкнул глазами Чикирев и приступил к выполнению задания.

Время тревожного ожидания тянулось очень медленно и нудно. Василий старательно вслушивался в вечернюю тишину, надеясь, что вот-вот из кустов выйдет Филька. «Неужели, подстрелили и в плен взяли? Жаль парня. Другого такого смышленного трудно будет найти», - свербило на душе командира. Но в это время где-то впереди прогремели выстрелы и зашумели голоса. «Приготовиться к бою! За мной, марш!» - скомандовал командир и первым рванулся вперёд. Почуввав настроение хозяина, Воронко встрепенулся и огромными прыжками стал мерить расстояние до врагов. А ещё через пять минут кавалеристы выскочили из леса и оказались на краю обширной поляны. Василий резко потянул поводья на себя и жеребец остановился. Затормозили бег и остальные всадники, следовавшие за командиром. «Что-то здесь неладно. Буквально десять минут назад с окраины посёлка раздавалась стрельба, а сейчас оружие молчит», - подумал Василий и стал внимательно вглядываться в ночное пространство.

До окраины станционного посёлка оставалось не больше двухсот сажен. Впереди просматривались силуэты изб, в которых кое-где блеклым огнём керосиновых ламп освещались окна, а над ними возвышалась башня водокачки. «Командир, Фильку раненого нашли», - произнёс приглушённый голос подъехавшего бойца. «Где он?». «На опушке лежал, а сейчас его в глубь леса Фирулёв Николай утащил». Василий повернул коня и помчал в ту сторону, куда показал боец.

«Жив Филька?» - спросил он с надеждой в голосе у Николая. «Жив, командир. Чо мне сделается», - ответил сам раненый и добавил: «Только в ногу всадили пулю куманьки, а остальное всё целёхонькое». «Молодец, варнак! Сам себе опояской ногу перетянул, чтобы кровь из раны не хлестала!» - похвалил парня Фирулёв. «Я бы до вас добрался, если бы снег не был таким глубоким. Меня на едине попытались красные задержать, а я перемахнул через прясло и по огороду побежал обратно. Вот они и пульнули вдогонку. В общем, сказать сколько здесь красных я не могу, но думаю, что засаду они подготовили серьёзную. Поэтому вы не лезьте напролом в посёлок, а обойдите окраину справа и тогда уж и нападайте», - посоветовал Филька и тихо простонал. «Николай, бери у любого бойца лошадь, сажай на неё парня и поезжайте срочно домой. Если в какой деревне сможешь, то перевяжи ему рану. Ты мне за Фильку головой отвечаешь», - приказал Василий и ловко запрыгнул на Воронко. «Командир, не надо меня домой отправлять, я с вами хочу остаться», - прозвучал голос парня. «Ты с нами ещё навоюешься. А сейчас поезжай в Большое Сорокино и чтобы

до моего прибытия выздоровел!» - поставил окончательную точку в разговоре Василий. Но не успели Фирулёв с Филькой отъехать на приличное расстояние от Маслянки, как в районе водокачки загремели винтовочные выстрелы, а затем затарабанил пулемёт. «Взвод Петра красные обнаружили! Времени больше нет, надо наступать!» - понял Василий и повёл бойцов маршрутом, который подсказал молодой разведчик.

Обойдя засаду красноармейцев справа за железнодорожным полотном, конный отряд повстанцев неожиданно для тех выскочил за их спинами и повёл наступление. Поняв, что прямого столкновения с конниками не избежать, красноармейцы стали встречать их градом пуль ещё на расстоянии. Но уже через пять минут этого расстояния между нападавшими и обороняющимися не осталось. В дело пошли штыки, сабли и пики. Послышался лязг металла, мужской мат и предсмертные выкрики.

Бой закончился также внезапно, как и начался. Тела убитых и тяжело раненных, независимо от того, принадлежали ли они красным или восставшим мужикам, лежали рядом, прямо на окровавленном снегу. А оставшиеся в живых красноармейцы, побросав винтовки, скрылись во дворах и пригонах близлежащих домов и затаились. Ещё не остыв от ярости, понимая, что где-то у железнодорожной станции бой с красными ведёт взвод Чикирева, Василий повернул Воронку и приказал бойцам мчаться к нему на помощь.

Разведвзвод Петра не был обнаружен красными, как считал Василий. Наоборот, он первым определил место расположения достаточно крупной группировки противника. И осознавая, что в одиночку взводу не справиться с ней, Петр решил подождать подход второго. Но произошло непредвиденное. Сначала прогремело несколько выстрелов со стороны, где должен был находиться Василий с бойцами, а затем началась пальба с южной стороны из-за железнодорожной линии. В ответ красные открыли стрельбу из всех орудий в ту сторону. В надежде, что из-за железнодорожной насыпи стреляют бойцы второго взвода, Петр, не теряя больше ни минуты, повёл своих кавалеристов в атаку на станцию. Но молчавшие до сих пор пулемёт и крупнокалиберная пушка, установленные на железнодорожной платформе, открыли по ним бешеный огонь. Три лошади вместе с всадниками упали сразу, а через мгновение завалились ещё три. Сообразив, что взвод оказался на линии прямого обстрела, Петр что есть мочи закричал: «За здание станции уходите!», - и первым резко повернул коня вправо. В это время с южной, восточной и западных сторон усилилась стрельба, и слышались отчаянные голоса повстанцев, идущих в

атаку на позиции красных. «Вот оно в чём дело», - догадался, наконец, Петр. «С юга и востока на станцию нападают бойцы южных волостей уезда, а наш второй взвод обстреливает с запада. Надо помочь ему и отвлечь огонь на себя». Он приказал бойцам спешиться, цепью залечь вдоль дороги и прицельно стрелять по полувагонам железнодорожной платформы, в которых притаились красноармейцы. На первые же их выстрелы красные вновь открыли ураганный огонь из всех орудий. А ещё через какое-то время, в результате мощного обстрела, захлебнулась атака повстанцев с юга и востока. «Вот палят! По-видимому патронов у них вагон да маленькая тележка. Если и дальше куманьки будут нас так поливать свинцовым дождём, то долго мы с ними можем провозиться, а то и вовсе не занять станцию», - невольно подумал Петр.

Примерно также думал и Василий, который вместе со вторым взводом после первой безрезультатной атаки на станцию, ожидал подходящего момента для второй. Конечно, ночная темень не позволяла ему правильно оценить реальные боевые возможности красных, но по плотности винтовочных выстрелов и по нудному продолжительному треску пулемёта, было понятно, что силы на охрану станции и железной дороги были брошены немалые. После первой атаки прошло полчаса, когда с юга, востока и севера вновь зазвучали разномастные выстрелы повстанцев. Открыли огонь по позициям красных и бойцы второго взвода.

Всё стало понятным тогда, когда зафыркал парами паровоз, загремели сцепки полувагонов и укороченный железнодорожный состав двинулся в сторону Омска. Словно огрызаясь, с платформы короткими очередями выплёвывал свинец пулемёт и в предутреннюю мглу летели одиночные пули, выпущенные красноармейцами, скрывающимися за металлическими бортиками полувагонов. «Видно и у них закончились патроны, раз решили покинуть позиции», - негромко произнёс кто-то из бойцов второго взвода. «Всё! Бой закончился. Теперь необходимо определиться с потерями и выдвигаться домой», - подумал Василий и направился с бойцами вдоль железнодорожного полотна в сторону здания вокзала. Рассвет едва брезжил, но и его было достаточно, чтобы опознать своих и заметить чужих.

Большесорокинский отряд воссоединился на небольшой привокзальной площади. А вскоре сюда стали подтягиваться пешие повстанцы, которые вели атаку на станцию с юга и востока. Их молодой командир разыскал Василия и представился: «Григорий Данилович Атаманов – командир 1-го корпуса Народно-крестьянской зеленой армии». «Командир кавалерийского эскадрона

Большесорокинского повстанческого штаба Губин Василий Иванович», - ответил с достоинством Василий. «А как вы оказались на станции Маслянской?» - удивился корпусной. «После захвата станции Голышманово нас сюда начальник штаба Богомолов направил». «Быстро вы до Маслянки добрались!» - восхищённо воскликнул Атаманов. «Мы привыкли к расстояниям, да и кони у нас добрые», - улыбнулся Василий. «Сейчас куда собираетесь путь держать?» - поинтересовался Григорий Данилович. «Домой возвращаться будем. Надо погибших родственникам доставить да раненым помощь своевременную оказать». «Объединяться всем армиям и дружинам повстанцев нашего уезда, а может и губернии надо. Тогда от коммунистов ни то что духа, даже красных звёзд не останется». «Согласен с тобой. Но для этого необходимо всем уважаемым людям из волостей собраться вместе и порешать этот вопрос». «И я об том же думаю. Поэтому, своего командующего настраиваю на это да он что-то не очень торопится со сбором представителей всех волостей». «Может, боится, что главным армейским начальником другого изберут?» - улыбнулся Василий. «Кто его знает. Может и этого опасается», - ответил Атаманов, и они попрощались.

Не дожидаясь окончательного рассвета, Василий приказал Костылёву Фёдору собрать всех раненых и убитых бойцов из большесорокинского отряда в одно место, а Петру поручил изъять у местных жителей трое саней с упряжкой и лошадьми для перевозки их домой. Так получилось, что впервые, с момента создания Большесорокинского конного эскадрона, его потери в одном бою составили девять человек убитыми и четверо, включая Фильку, ранеными. И хотя за эти сутки отряд выполнил поставленную перед ним задачу, смерть боевых товарищей омрачала этот подвиг. Но винить было некого. Все они добровольно пошли на борьбу с красной чумой и погибли как герои.

В Большое Сорокино отряд решил возвращаться через деревни Тушнолобово, Костылёво, Болдырево и Большое Пинигино. Установив мужицкую власть в этих селениях совсем недавно, Василий с Петром собрались проверить, действует ли она там в настоящее время. А кроме того сокращалось расстояние до дома почти на двадцать вёрст и снижалась вероятность встретиться с большим отрядом красных. Поэтому, не теряя зря время, сразу после погрузки убитых и раненых на сани, отряд покинул Маслянку. А повстанцы 1-го корпуса Народной зелёной армии во главе с молодым командиром остались на станции для проведения диверсионных работ на железной дороге.

То, что решение возвращаться домой именно этим путем, оказалось правильным, Василий понял сразу, как только отряд вступил в пределы Тушно-

лобово. Получив сообщение от своих разведчиков, что от Маслянки в сторону села движется неизвестный конный отряд, председатель деревенского повстанческого штаба поднял тревогу и объявил сбор всем дружинникам. И уже через полчаса сотни две мужиков заняли на окраине селения двойную оборону. Поэтому, когда взвод Петра первым оказался в пределах видимости, мужики сделали в его сторону несколько предупредительных выстрелов из берданок. Сообразив, что в засаде сидят не красноармейцы, а жители деревни, Пётр оставил своих бойцов на окраине берёзового колка, а сам направился к мужикам на переговоры.

Жители Тушнолобово к большесорокинскому отряду отнеслись хорошо. Они не только накормили и напоили всех бойцов, но и оказали первую фельдшерскую помощь раненым. А когда отряд, после короткого отдыха, решил продолжить свой путь, почти всё население деревни вышло их провожать. «Не знаю, долго ли продержится наша мужицкая власть, но сейчас мы хоть по-человечески живём», - откровенно высказался местный пожилой мужчина. «На то воля Божья. Как он решит, так и будет», - ответил ему второй, постарше. «На Бога надейся, а сам не плошай», - возразил ему первый. «Пока будем вместе и не будем позволять красным издеваться над нами, мы непобедимы. Но если будем жить каждый сам по себе, то куманьки нас враз опять подомнут под себя», - вмешался в спор председатель деревенского штаба.

В остальных деревнях большесорокинский отряд подолгу не задерживался. Узнав в них обстановку и поговорив с народом, Василий незамедлительно давал команду взводным двигаться вперёд. И лишь только в Большом Пинигино отдых бойцов продолжался три часа. На то было несколько причин и первая из них – личная. В кавалерийском эскадроне из этой и близлежащих деревень, служили десять мужиков, которым необходимо было хоть несколько часов, но побывать в своих семьях и успокоить родных.

Губин-младший тоже использовал время отдыха на свидание с матерью и сёстрами. Евдокия Матвеевна долго вглядывалась в сына: «Похудел-то как! Чем хоть ты питаешься и где почиваешь? Отца-то, слыхивала, куда-то в лес отправил?». «С провиантом, мама, у нас всё в порядке. Повара при себе специально держим. И ночью, когда нахожусь в Большом Сорокино, отдыхаю на полотах в нашей избе. Так что шибко не переживай на этот счёт. А тятю я отправил на аверинскую заимку, помогать бойцам обустроить её. Может случиться так, что некоторое время скрываться там придётся», - откровенно поведал Василий. «Болит моё сердце за тебя, Васенька. Шибко болит! Да и сёстры пережи-

вают. Как пройдёт по деревне слух, что где-то сражение мужиков с красными прошло, я уснуть ночь напролёт не могу. Всё плохих известий боюсь», - высказалась Евдокия Матвеевна. «Не бойся, мама. Ты для жизни родила меня, а не для гибели. Кто наш род продолжать обязан? Конечно, я. Сёстры замуж повыскакивают и фамилии поменяют. А мне с Губинской до конца жить и детей плодить. Так что не должны меня куманьки в бою убить. Молитвы твои от их сабель и пуль оберегают», - успокаивал Евдокию Матвеевну сын. Поужинав в кругу родных и переговорив с руководством деревенского повстанческого штаба, Василий и Пётр поздно ночью вывели отряд из Большого Пинигино и направились в волостное село. Преодолев с короткими боями за двое суток без малого триста вёрст, бойцы отряда чувствовали в себе страшную усталость и раздражение. Под стать седокам выглядели и их кони. Так что настоящий отдых требовался и тем и другим.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В Большом Сорокино жизнь шла своим чередом. Аверин вплотную занимался повышением боеспособности дружин, Колосов Иван налаживал хозяйственную и управленческую жизнь, а активные члены волостного штаба были первыми их помощниками. Особые старания в этом проявляла Анна, недавно получившая извещение о гибели мужа в бою под станцией Мангут, что в Омской губернии. После этого известия она ещё сильнее возненавидела красных, оставивших без кормильца её детей. «Разве Прокопий пошёл бы в их армию добровольно? Насильно христопродавцы его забрали, под угрозой смерти. Лучше бы он за наше, крестьянское, дело погиб, чем за комиссарские идеи», - в отчаянии говорила Анна членам штаба. «Не горюй, дева, шибко. Не бросим мы тебя одну в беде. Вот разделаемся с антихристами и жизнь наша наладится», - успокаивал её Долгих Матвей Васильевич - священник-старообрядец. Уже почти неделю, как в волостном центре и его деревнях держалась мужицкая власть, которая была по нраву большинству населения. Но были и такие, которые с нетерпением ждали, когда красные вновь установят свою диктатуру, позволяющую бездельникам, пьяницам и пустобрёхам жить за чужой счёт. Не нравилось им копать в земле, ковыряться в навозе и соблюдать христианские заповеди. То ли дело сидеть в различных сельских конторах и выдавать мужикам указания, строчить на них в карательные органы доносы и клюзы и делить нажитое ими своим горбом добро.

Всего два дня удалось кавалеристам отдохнуть. Но и этого времени хватило, чтобы они успели привести себя и коней в надлежащий порядок, и были готовы выступить в поход в любой момент. Но у Василия и этого времени для отдыха не оказалось. Уже до полудня следующего дня в Большом Сорокино, с небольшим отрядом бойцов появился Шевченко Пётр Семёнович. Дозорный из дружины сопроводил его до волостного штаба и вернулся на Кротовский

тракт продолжать службу. В это время в большой комнате штаба находились Колосов и Аверин, которые ещё не были знакомы с гостем. Они тут же послали дежурного в расположение эскадрона за Губиным-младшим, и пока его ждали, обговорили с гостем несколько вопросов, касающихся военного взаимодействия волостей. А после присоединения Василия, разговор принял более конкретный характер. Командир эскадрона и Шевченко обменялись информацией по итогам недавнего похода вдоль железной дороги и единодушно подметили острую необходимость в объединении всех повстанческих сил под единым руководством. «Я говорил об этом с командующим Народно-крестьянской зелёной армией Кутыревым, его начальником штаба Тоскаевым и начальниками Голышмановского военного гарнизона Садовщиковым и Пономарёвым. На словах, вроде, все «за», а как до конкретного дела доходит, так каждый на себя старается одеяло натянуть. Жажды власти у каждого из них больше, чем рассудка и понимания ситуации в уезде. Да что там наш уезд! За последние две недели крестьянские волнения перекинулись в Екатеринбургскую, Челябинскую и Омскую губернии. Некоторые уезды в них уже заняты повстанцами. Не сегодня-завтра весь север Тюменской губернии будет охвачен пожаром мужицкого восстания. Собираюсь уже завтра поехать на юг уезда к начальнику Петропавловского боевого района Ишимского повстанческого фронта - Родину Владимиру Алексеевичу. Мне о нём донесли, как об опытном командире и толковом мужике. Может, он сможет уговорить остальных руководителей крестьянских восстаний объединиться в единый кулак. Ну, а к вам я приехал не только познакомиться, но и порешать некоторые вопросы. Первый, по поводу объединения сил мы уже обсуждать начали, а второй попроще будет. Получили мои штабисты по телеграфу призыв повстанцев Тобольского уезда ко всем военным отрядам северных волостей, в котором выражается просьба принять активное участие в захвате города Тобольска. Наверное, вам не надо объяснять, какое значение в жизни губернии имеет этот город, который ещё совсем недавно был главным центром всей Сибири. В нём не только люда, способного носить оружие, много, но ещё и военных старой закалки хватает. А нам офицеров и прочих грамотных командиров ох как не достаёт! Да и гражданских грамотеев не густо в наших рядах. Случись, что в скором времени мы всю власть в губернии заберём, кто тогда её управлять будет? Законы для неё писать? Не мужики же. Наша задача в первую голову хлебушек растить да детей делать, чтобы всем жилось хорошо, а уж опосля политикой заниматься. А умные и грамотные людишки под нашим неусыпным оком пусть губернскими делами управляют. Поэтому, хочу просить вас, сосе-

ди, о создании совместными усилиями кавалерийского отряда численностью в пятьдесят сабель и отправке его на помощь северянам. А командиром сводного отряда предлагаю назначить вашего Василия. Видел его в бою уже не раз. Смел, сообразителен и авторитетом пользуется у товарищей. Как раз это и будет первой пробой нашего объединения», - закончил свою речь Шевченко.

Особого обсуждения предложения гостя в большесорокинском штабе не состоялось. И не потому, что обсуждать нечего было, а потому, что все были твёрдо уверены в необходимости объединения. После короткого обмена мнениями, хозяева и гость приняли решение: «На основании обоюдного согласия руководства Большесорокинского и Кротовского повстанческих штабов, образовать Народную Армию, в состав которой включить Кротовский стрелковый полк и Большесорокинский кавалерийский эскадрон. Командование вооружёнными силами Народной Армии возложить на Шевченко Петра Семёновича. Договор считать обязательным для исполнения всеми жителями, проживающих на территории указанных волостей. Подписали - Колосов, Аверин, Шевченко. Село Большое Сорокино, 17 февраля 1921 года». Договорились соседи и об отправке сводного конного отряда под командованием Губина-младшего на помощь повстанцам Тобольского уезда. Путь был не близким, более двухсот пятидесяти вёрст, поэтому готовились бойцы к нему старательно и с особой тщательностью. И уже утром следующего дня взвод сорокинских кавалеристов выступил в сторону Кротово, и соединившись с шевченковскими конниками, сводный отряд продолжил движение на село Вагай, где предстояло влиться в общие повстанческие силы, чтобы затем принять участие в штурме города Тобольск.

Погода на дворе была по-настоящему февральской: холодный, пронизывающий нутро до костей, ветер, и стелившаяся плотным одеялом метель. Но привыкшие с детства к капризам природы, кавалеристы и их кони упорно пробивались вперёд на север. Первый продолжительный привал отряд совершил в селе Чёрное, где бойцы подкрепились сами и побаловали овсом коней. А Василий и его помощники - взводные командиры - Чикирев Петр и Москвин Иван из Большого Кусеряка за это время обсудили общие дела, касающиеся военного взаимодействия, с местными руководителями повстанческого штаба. Под утро сводный конный отряд вышел из села и в Вагае был уже до полудня. Оставив его на краю села, командир направился разыскивать штаб объединённого командования повстанческими силами. Ему сразу бросилась в глаза разношёрстность бойцов, заполнивших улицы Вагай. Здесь можно

было увидеть подтянутого, хорошо одетого, щеголеватого младшего офицера царской армии, обладающего револьвером и саблей, интеллигентного горожанина, обвешенного пулемётной лентой и пожилого, полунищего мужика с пешней или обыкновенным колом в руках. У костров много грелось татар, вооружённых берданками и пешнями и державшихся обособленно от мужиков. Верховых коней наблюдалось немного. Лошади, в основном, были запряжены в сани, на которых размещалось по пять-семь человек пеших повстанцев. «Серьёзная сила здесь собралась. Но и Тобольск город не маленький. Чтобы его захватить, надо не одну тысячу мужиков иметь», - размышлял Василий, проходя мимо гудящей толпы.

Штаб объединённого командования находился в двухэтажном деревянном доме, в котором ранее размещались государевы служащие. Губин-младший разыскал комнату, где заседали главные начальники и доложил: «Сводный отряд кавалеристов, состоящий из двух взводов Большесорокинской и Кротовской волостей Ишимского уезда прибыл в ваше распоряжение. Командир кавотряда Губин!». «Молодец, Шевченко! Не обманул меня. Ваш отряд очень кстати нам сейчас. Присаживайся к столу, командир Губин, будем тебя в курс дела вводить», - пригласил невысокий, лысоватый и уже немолодой мужчина. «Из бывших офицеров будет. Вон как выправка-то в глаза бросается», - невольно подумал Василий и присел на лавку.

«Для тех, кто меня не знает, сообщаю, что я бывший прапорщик царской армии, а в настоящее время начальник Вагайского повстанческого штаба Раецкий. В соответствии с решением штабов северных отрядов Народной повстанческой армии, нападение на Тобольск запланировано в ночь с 20 на 21 февраля. На основании разведывательных данных, полученных из города, нами сделан вывод, что состояние советских вооружённых сил в нём очень сложное. Мало бойцов, не достаточное количество оружия и боеприпасов, да и отношение к красным со стороны населения не очень дружелюбное. Но это не должно служить для нас поводом для шапкозакидательского настроения. Сопrotивление со стороны коммунистов может оказаться ожесточённым и затяжным. Особенно, если им из Тюмени пошлют подмогу. Нападать будем с четырёх направлений. Мы и отряд Силина - с востока, по левому и правому берегу Иртыша, отряд Желтовского - с севера, отряд Козлова - с запада, через Сузгун, и Михалёва - с юга, по левому берегу реки Тобол. На позициях у Тобольска все должны быть не позднее десяти часов вечера завтрашнего дня», - огласил боевую задачу Раецкий. И обедя присутствующих колючим взгля-

дом, спросил: «Всем всё понятно?». «Народищу-то на Тобольск прёт немало, как бы друг друга не побить в суматохе», - высказался бородатый здоровенный мужик. «Всем бойцам нашей армии выдадим белые куски материи, которые будут служить опознавательным знаком», - ответил Раецкий. «Ну, тогда ладно. Будем пошире зенки раскрывать, чтоб в темноте эти ленточки заметить», - успокоился бородатый верзила и улыбнулся. Но вопросы на этом не закончились, бывшему царскому прапорщику пришлось отвечать на них не менее часа. Наконец, он не выдержал и твёрдым голосом заявил: «Время для разговоров кончилось, пора приступать к конкретному делу. Поэтому, прошу командиров отрядов вернуться к своим бойцам и готовить их к наступлению на Тобольск. Завтра мы должны покинуть Вагай не позднее полудня».

Расквартировав отряд на ночлег в жилых домах, Василий, Петр и Иван собрались вместе, чтобы обсудить план действий на период предстоящего сражения. «Нужно сделать так, чтобы наш отряд не раздробили на несколько частей. Только единый натиск конницы на любом боевом участке приносит положительные результаты. Поэтому, твоя задача, командир, не допустить принятия общим командованием решения, обязывающего нас поддерживать наступление пеших отрядов», - высказался командир Кротовского кавалерийского взвода. «Я согласен с Иваном. Любят некоторые большие командиры на чужом горбу в рай выезжать», - поддержал Пётр. «В этом будьте уверены. Мы не для того сутки коней гнали и сами на морозе тряслись, чтобы своего слова не иметь. Как решим, так и будет. Организуйте сытый отдых лошадям и не дёргайте по пустыкам бойцов. До Тобольска здесь семьдесят вёрст. Да и по городу придётся помотаться, пока куманьков вылавливать будем», - напутствовал Василий своих помощников.

Разношёрстная мужицкая армия пришла в движение сразу, как только получила команду от своих командиров на долгожданный поход. Впереди и сзади внушительной колонны обозов следовали верховые отряды, которые в случае нападения должны были прикрыть пеших и плохо вооружённых мужиков. Не доходя до Тобольска вёрст пять, по приказу Раецкого, армия остановилась, чтобы перевести дух перед решающим броском.

Внутренне к предстоящему бою Василий был готов. Он хорошо понимал, что старинный город одной только численностью мужицкой армии не захватишь. Губин даже мысли не допускал о слабости военного гарнизона красных в Тобольске. По его мнению, бывшую столицу всей Сибири красные войска должны охранять как один из главных оплотов своей власти. «В Тобольске гра-

мотный люд проживает. Наверняка есть и бывшие царские генералы, которые помогают красным разрабатывать военные планы. Уж они-то постараются нам головоломку задать. Если мы возьмём сегодня ночью этот город, то не за горами и общая победа во всей губернии будет за нами», - рассуждал он.

Команду о наступлении в отряд Василия принёс вестовой Раецкого. «Вам приказано врываться в город по улице, идущей от Иртыша вдоль горы и оттеснять противника к центру. Если будут пленные красноармейцы - немедленно передавать пешим бойцам, которым поручено следовать за вами. Если всё пройдёт удачно, то сбор всех командиров Народной Армии у дома наместника, сразу после боя», - предупредил вестовой и помчался в сторону других отрядов. «Ну, вот, бойцы, настал тот час, когда необходимо душой и телом послужить нашему общему мужицкому делу. Сегодня мы должны драться как никогда раньше. Наша победа здесь приблизит мир на нашей с вами родине. С Богом! Вперёд! Уничтожим этих зверей, покусившихся на жизнь и добро сибирского мужика!» - напутствовал командир своих соратников.

Преодолев по левому берегу Иртыша последние вёрсты, по приказу Раецкова отряды вновь остановились. Напряжённо вглядываясь в ночную мглу, Василий пытался понять, где на противоположном берегу начинаются улицы пригородных деревень, но сделать ему это так и не удалось. И только по лаю собак да редким мерцаниям огней в окошках изб можно было догадаться, что там живут люди, которые вряд ли будут рады появлению мужицкой армии в столь поздний час. «Если красноармейцы ждут на том берегу, тогда даже ночная тьма не скроет наших бойцов на фоне белизны сугробов, через которые полуверстовую ширину реки одним махом не перескочишь. А если у них ещё и имеются пулемёты, то людей они положат на этот белый снег уйму. Надо бы разведку сначала послать, чтобы узнать, что впереди ожидает. Эх, жаль, что Филька не смог пойти! А то бы он сейчас в два счёта всю картину прояснил. Придётся Петра с парой кавалеристов отправлять», - размышлял Василий. Словно подслушав о чём размышляет командир, Чикирев сам подъехал к нему и предложил: «Разрешите мне со своими бойцами, тот берег прощупать. Не стоит без разведподготовки в город врываться». «И я об этом же думаю. Но только не на лошадях к тому берегу подбирайтесь, а пешком», - согласился командир. Петро тут же подозвал двух ловких парней, объяснил им задачу и те, спрыгнув с коней, вместе с ним стали проворно удаляться от отряда. Прибывший чуть опосля к Василию Раецков, произнёс: «Разведчиков бы надо послать. Что-то не очень хочется на пулемёты нарываться». «Мои бойцы уже на середине Ирты-

ша сугробы меряют», - ответил Василий. «Вот и хорошо! Пока не все ещё отряды подошли и у нас время до наступления есть. Подождём твоих посыльных, а потом и решим, с какого бока начать красных из города выкуривать».

Минут сорок Петр с бойцами добирались до крутого правого берега Иртыша. Особенно осторожно они последние метры. Вскарабкавшись бесшумно на откос, разведчики замерли и стали вслушиваться в звуки, доносящиеся со стороны города. Но никаких подозрительных среди них они не обнаружили. «Неужели нас красные не ждут? Не может такого быть. С этой стороны город уязвимей всего», - подумал Петр, продолжая изучать округу. Но ни мужского говора, ни огонька от затылки «козьей ножки», ни металлического побрякивания он так и не услышал. «Проползём вдоль берега саженой двести и будем возвращаться к своим», - тихо выдал Петр команду бойцам и первым стал бороздить сугроб животом.

Не найдя противника в береговой зоне, разведчики решили удалиться саженой на сто в глубину её. Однако и здесь они никого не обнаружили. «Всё! Будем возвращаться назад. Доложим командиру, а он пусть решает, что делать дальше», - скомандовал Петр, поднялся на ноги и в полусогнутом состоянии рванул к реке. Осмелели и его бойцы, которые бежали за ним, не отставая ни на шаг.

Выслушав доклад Петра, Раецков скомандовал: «Ты со своим отрядом перебирайся на тот берег, и как договаривались ранее, пробивайся вдоль горы по двум улицам к Никольскому взвозу. На гору не поднимайся, а жди подкрепления. Задание понятно? Ну, тогда с Богом! Через десять минут можешь начинать атаку. К тому времени все войска Народной Армии войдут в город».

До противоположного берега конница Василия добиралась минут пятнадцать. Выскочив сходу на берег, бойцы осторожно стали продвигаться вперёд, постоянно оглядываясь по сторонам. «Тишина! Даже местных жителей на улице не видно. Может, ловушку красные для нас приготовили, как в Ишиме, и заманивают в неё?» - невольно подумал Василий и попридержал Воронко, который не выдерживал тихого хода и переходил на крупную рысь. «Не торопись, друг мой четвероногий, как бы под свинцовый дождь не попасть», - прошептал наездник. Шло время, позади оставались уже не сажени, а вёрсты, но красные так и не обнаруживались. «Что за чертовщина?! Может, ближе к центру они все сконцентрировались?» - недоумённо высказал Василий мысль вслух. В это время, где-то далеко слева прогремело несколько разнотипных выстрелов, и всё вновь умолкло. «Ничего не понимаю. Скоро ведь должны и остальные от-

ряды, которые вошли в город с трёх сторон, к центру подтянуться? Куда же это краснопузые подевались?» - не переставал удивляться командир эскадрона. Вдруг, на горе, в северо-восточной части города вспыхнула интенсивная перестрелка и послышался гул голосов. «Началось!» - подумал Губин и ослабил поводья. Поняв, что от него требует хозяин, Воронко дрогнул всем могучим телом и стрелой устремился вперёд. И уже за считанные минуты достиг подножия горы, где отряд Василия должен был поджидать обозы с остальными повстанцами. «Командир, а где же красные?» - спросил подъехавший Пётр. «Сам, братуха, удивляюсь. Не может быть такого, чтобы они без боя оставили город. Ещё пять минут назад на горе гремели выстрелы и оралы люди, а сейчас и там тишина», - ответил Василий. И немного подумав, сказал: «Оставь Москвина со взводом дожидаться пеших мужиков, а со своим прошерсти улицы подальше от горы, в сторону реки. Только осторожнее будь. Всё ещё меня сомнение гложет по поводу куманьков». «А ты куда собрался?» - спросил Петр. «На гору хочу подняться и по яру поползать. Может, что и обнаружу», - ответил Василий и прыгнул с Воронко. В это время в некоторых частях города вновь прозвучали одиночные выстрелы, но бурного продолжения не последовало.

Василий и Петр вернулись к месту стоянки взвода Москвина через полчаса и оба с чувством разочарованности и растерянности. Не оказалось куманьков ни на горе и ни в центре подгорной части Тобольска. «Поднимись, братуха, со своими кавалеристами на гору и осмотри прилегающую к яру территорию. Но глубоко не зарывайся. Можешь на другие отряды повстанцев натолкнуться. Ещё обстреляют по ошибке», - приказал Василий и добавил: «Нас потом найдёшь в центре, на площади - напротив дома наместника».

В неизвестности, а потому в необъяснимой тревоге, прошло ещё около часа, пока, наконец, в сводном отряде не появился посыльный от Раецкова и не сообщил о том, что ещё вечером, незадолго до наступления повстанцев, красноармейцы, во главе с комиссарами, в панике покинули город и скрылись в северо-восточном направлении. За ними был направлен отряд повстанцев, но догнать краснопузых ему не удалось. Это сообщение удивило Василия и немного расстроило. «Жаль, конечно, что не пришлось с куманьками схлестнуться в настоящем бою. Почти триста вёрст преодолели вхолостую», - высказал он своё мнение Раецкову, когда они встретились в доме наместника, где проходило совещание командиров штабов Народной Армии северных районов. «Не тужи по этому случаю, командир. Будут у тебя впереди ещё бои и не малые. Теперь, после взятия Тобольска, красные по-другому станут относиться

к восстанию крестьян. Введут на территорию Тюменской и других Сибирских губерний регулярные войска и начнут настоящие боевые операции. Жарко скоро будет у нас здесь, хоть и на улице стоят морозы», - улыбнулся Раецков.

Весь этот и последующий день Василий участвовал в различных собраниях и совещаниях, проводимых командирами штабов Северного отряда Народной повстанческой армии Тобольского уезда. Присутствовал он и на заседании, на котором были сформированы органы военного и хозяйственного управления городом. Начальником гарнизона Тобольска был избран В. М. Желтовский, военным руководителем - П. П. Клепинин, начальником главного штаба - Н. Н. Силин, заведующим хозяйственной частью - А. А. Михалёв, заведующим набором добровольцев и сбором оружия - Бизин. И сразу после этого мероприятия в городе закипела рутинная бюрократическая работа. Тобольск вновь ожил, на улицах стали появляться извозчики, а торговые люди потянулись на базар, занимать свои торговые ряды.

22 февраля Раецков познакомил Василия и его взводных командиров с начальником тобольского гарнизона Желтовским и начальником главного штаба Силиным. Узнав, что перед ним находятся представители Ишимского уезда, Желтовский произнёс: «От вас искра восстания прилетела на север. А теперь, я вижу, что и реальная помощь от южного соседа к нам прибыла. Спасибо огромное за это! Когда вернётесь домой, от меня поклон нижайший Петру Семёновичу передавайте. Теперь, как никогда раньше, нам надо вместе держаться. Коммунисты не смиряются с поражением, не перестанут Сибирь грабить, а будут делать всё, чтобы задушить её до смерти. Много у нас с вами ещё забот и дел впереди. Связь необходимо наладить между собой такую, чтобы она ни на один день не прерывалась». И немного помолчав, спросил: «Когда в обратный путь собираетесь выходить?». «Сегодня в ночь думаем покинуть Тобольск», - коротко ответил Василий. «Ну, тогда удачной вам дороги. По прибытию домой дайте нам весточку», - попросил Желтовский.

Двух дней безделья, проведённых в старинном городе, бойцам кавалерийского отряда хватило, чтобы после команды командира на возвращение домой не скрывать на лице откровенной радости. Родившиеся и выросшие в условиях простора и вольного ветра, молодые мужики плохо переносили городскую суету и уличный гомон толпы. «Нет, паря, ни за какие коврижки я бы в городе жить не стал. То ли дело в нашей деревне. Всё размеренно, всё чинно, люди с уважением друг к другу относятся. А здесь все что-то крутятся, суетятся, матерятся друг с дружкой, словно им с утра зады шкипидаром намазали», - де-

лился своими впечатлениями молодой парень из Стрельцовки - Кривых Вася. «Зато девки здесь баские да нарядные бродят! Вот бы с такой кралей любовь закрутить!» - возразил Михайлов Фёдор из Курмановки. «Тебе твоя Катерина закрутит одно место узлом, если узнает про твои кобелиные помыслы», - пошутил его земляк Селивёрстов Костя и мужики весело рассмеялись. «Уж и по мечтать нельзя, сразу женой пугаешь. Где она сейчас, а где я. Если ты не расскажешь, то ей во век самой не узнать про мои желания», - ответил Михаил. «Ну, так чо? Оставайся в Тобольске, а Катерине я скажу, что ты в бою погиб», - предложил Костя и все вновь загоготали.

Сто сорок вёрст сводный отряд кавалеристов преодолел быстро и без происшествий. Но не доезжая версту до села Чёрное, где сводный отряд планировал остановиться и часочков пять передохнуть, Василий услышал со стороны Уктуза оружейную стрельбу и треск пулемёта. «Кто это может быть? Красные, которые из Тобольска сбежали, или отряды со стороны Усть-Ишима пришли?» - подумал командир и приказал бойцам ускорить ход.

Оказавшись в селе, Василий сразу же направился в штаб повстанцев, чтобы выяснить ситуацию. Но руководства на месте не оказалось. В избе находился только калека на протезе, который исполнял обязанности дежурного по штабу. «Где ваши командиры?», - спросил с порога Губин. «Все в бою участвуют. Неужто не слышишь, какая пальба из леса доносится?». «Далеко от села бой идёт?». «Версты три - не меньше. Куманьки решили внезапно напасть на нас, да ничего у них не вышло. Наши разведчики первыми их обнаружили и в село прискакали», - ответил инвалид и добавил: «Около сотни красноармейцев в отряде куманьков. Но и у нас не меньше».

Василий выскочил из штаба и направился к отряду. «Помочь надо местным. С красными они схватились на Уктузском тракте», - коротко объяснил задачу он бойцам и ловко взлетел на коня. А уже минут через двадцать, кавалеристы с боевыми громкими улюканиями налетели на правый фланг пеших красноармейцев и с нерастраченной в Тобольске энергией стали их крушить. Не ожидавшие такого мощного натиска, неизвестно откуда взявшегося конного отряда, куманьки дрогнули и стали разбегаться по лесу. Доставая кого шашкой, кого пулей, кавалеристы с упрямым терпением доводили дело до победного конца. Через час после вступления кавалерии в бой, прозвучал последний выстрел и сражение закончилось. Положив трупы своих бойцов на дровни, и собрав на тракте и в лесу оружие, а также забрав пленных, включая раненых, конный отряд и местные повстанцы вернулись в село. «Во время вы оказались

в Чёрном. Сам Бог вас послал нам на помощь. Если бы не вы, то мы могли бы и не сдюжить. Уж больно метко пулемёт их строчил по нашим позициям! Головы из снега высунуть невозможно было. Десять человек мужиков погибло, а раненых и того больше. Ну, ничего, теперь куманьки нескоро в наши края сунутся», - радуясь победе, высказывался начальник повстанческого штаба. Потом, уже в избе, он более подробно рассказал Василию о том, что произошло в предутренний час в окрестностях села. «Нам бы отдохнуть часочков пять, а потом мы дальше двинем. Ничего не слышал о наших волостях? Бои в последние дни не шли там?» - поинтересовался Губин, когда они закончили разговор о ситуации в Тобольске и в селе Чёрном. «Никакой информации о ваших волостях к нам не поступало. Думаю, что не до вас куманькам сейчас. Повстанцы юга Ишимского уезда им спокойно жить не дают. Каждый день мосты взрывают да с пути рельсы снимают», - ответил начальник штаба.

Сразу после полудня, отдохнувший отряд двинулся дальше, в сторону Кротово. Три кавалериста, раненных в бою, лежали на санях, тепло укрытые тулупами, подаренными мужиками из села Чёрное в знак благодарности. И ещё на одних санях находились двое убитых мужиков, оба из деревни Пегухи. Василий искренне переживал потерю своих бойцов. «Придёт время, мы за всех наших убитых сполна рассчитаемся с коммунистами и разного рода комиссарами», - думал он с верой и надеждой.

В Кротово отряд прибыл поздним вечером. Взвод местных кавалеристов сразу же разъехался по своим местам обитания, а Василий и Москвин Иван пошли в избу, где квартировал Шевченко, чтобы доложить ему о походе в Тобольск. Выслушав Василия, Пётр Семёнович, взглянул на него серьёзными глазами и сказал: «Хорошую вы весть с собой привезли. То, что не пришлось бой за город принять, это даже замечательно. Зачем лишние жертвы нам? А куманьки, по-видимому, из Тобольска не от хорошей жизни сбежали. Что-то не ладно в их войсках было, если они в панике покинули его. И в Чёрном вы поступили правильно. Пусть комиссары на своей шее почувствуют твёрдую руку сибирского мужика. Но тебе, комэскадрона, я обязан сказать и неприятную весть. Сегодня рано утром на Большое Сорокино напали регулярные войска красной армии. Все последние подробности не знаю, поэтому не буду больше ничего рассказывать и приглашу сюда твоего вестового. А от себя скажу, что придётся всем нам ненадолго залечь в берлоги, чтобы обдумать ситуацию и собраться с мыслями». Услышав из уст народного «генерала» дурную новость, Василий даже в лице изменился. Поэтому, когда увидел вошедшего Фильку, он удив-

лѣнно вскрикнул: «А ты как здесь оказался?! Ты же раненый!». «Колосов Иван навстречу к вам отправил. Просил, чтобы вы из Кротово прямо на заимку путь держали. Туда почти все наши после утрешнего боя ушли», - немного растерявшись, ответил Филька. «Много мужиков полегло?». «Точно не скажу, но человек тридцать из дружины не досчитались. Да пять кавалеристов из взвода Фадеева убили. Красные застали их врасплох, спящими в твоём доме, и подожгли его со всех сторон. А когда бойцы стали вырываться на волю, красноармейцы их почти в упор расстреливали. Сам Сергей чудом уцелел», - ответил паренёк и с опаской посмотрел на командира. С бледным лицом и сжатыми кулаками, тот стоял словно вкопанный в землю столб, и немигающими, широко открытыми глазами смотрел мимо него. «Ну, что, командир, в Кротове с отрядом заночуешь, или к своим на заимку поедете?» - прервал молчание Шевченко. «К своим поедем», - коротко ответил Василий, и почти бегом выскочил из избы. Следом за ним, сильно прихрамывая, последовал и Филька. Уже на улице, Василий остановился, подождал паренька и спросил: «Как до заимки добираться, знаешь?». «Аверин Степан нарисовал на листе целую карту. Думаю, не заблудимся», - ответил разведчик и подал командиру конверт. «Колосов Иван тоже на заимку ушёл?» - спросил Василий. «Нет. Он в Александровке у кого-то решил скрываться. Сам Аверина спросишь, когда увидишь. Степан лучше меня обо всём знает», - ответил Филька, ковыляющий рядом с командиром.

Заметив хмурое лицо брата и сжатые до синевы губы, Пётр с тревогой в голосе спросил: «Что-то неладное дома случилось?». «Красные сегодня рано утром Большое Сорокино заняли. Более тридцати человек наших погибло», - ответил Василий. «Так что мы тогда здесь время теряем?! Садимся на коней и айда в сторону села! Сила-то мы немалая!» - загорелся Петр. «Видно и куманьки не с одним взводом в село пришли, раз наши не смогли им противостоять. Шевченко сказывал, что регулярные войска красной армии задействованы были, а это значит, что и вооружены они по-настоящему. Так что соваться нам в Большое Сорокино пока не резон. Колосов наказал, чтобы мы из Кротово прямо на заимку двигались. Соберёмся все вместе, а потом уж и на село нападать будем», - ответил Василий и скомандовал: «По коням!».

До деревни Тиханихи взвод кавалеристов добрался часов за шесть. Передвижение сдерживали повозки, на которых везли убитых и раненых. Не доезжая до деревни с версту, Василий подозвал Петра и приказал: «Возьми двух бойцов и разведай окрестности деревни. Кто знает, чем она дышит? Сами не обнаруживайтесь, и в деревню на конях не въезжайте. С её населением опос-

ля разберёмся. А мы сейчас свернём влево и направимся в сторону болот. Потом ты нас по следу сыщешь». «Понял. Всё сделаем в лучшем виде», - ответил Петр и выкрикнув фамилии двух бойцов, скомандовал: «За мной!». Пятнадцать вёрст, что разделяли Тиханиху от заимки, отряд преодолевал почти три часа. Утопая по грудь в снежных сугробах, и без того уставшие кони медленно приближали своих седоков к месту вынужденной дислокации повстанческих отрядов Большесорокинской волости. Некоторые бойцы, чтобы облегчить долю лошадей, спрыгивали с вершины и пробовали идти рядом с ними. Но это только тормозило продвижение, так как они не успевали за своими конями и часто заваливались в глубокий снег. Немного помучившись, бойцы вновь залезли на коней и продолжили путь. Чуть полегче всем стало тогда, когда взвод вышел на следы, оставленные несколько часов назад бойцами большесорокинской дружины, проследовавшими в район заимки. Незадолго до окончания трудного перехода, взвод догнал Петр со своими бойцами и доложил, что в Тиханихе всё спокойно, а о красных её жители и вообще ничего не слыхивали. «Живут в ней люди получше, чем в других деревнях, которые поближе к Большому Сорокино. Поэтому, очень боятся, что и к ним могут нагрянуть куманьки», - сделал Чикирев умозаключение. «Ты-то им ничо не рассказывал про заимку и захват красными нашего села?» - спросил Василий. «А зачем тиханихинским мужикам такие новости? Придёт время - сами обо всём узнают», - ответил Пётр и спросил: «Мысли-то уже есть какие, как село у красных отбить?». «Пока нет. Прийдём на заимку, тогда и решать будем, что дальше делать».

Когда, наконец, отряд Василия оказался на территории военного лагеря, как его мысленно уже обозвал командир кавалерии, то там ещё царили хаос и неразбериха. Прибывшие раньше всех бойцы первого кавалерийского взвода захватили лучшие помещения и не хотели ими делиться с пешими дружинниками. Поэтому, когда Аверин увидел Василия, он даже обрадовался и с облегчением выдохнул: «Угомони своих бойцов. Пусть маленько поужмуться и амбар тёплый один отдадут». «Ладно, опосля разберусь. Ты лучше расскажи мне, как это вас куманьки в постелях тёплых застали?» - не без ехидства спросил Василий. «А вот так и застали. Мы их с одной стороны ожидали, а они обошли село, пленили наших разведчиков и тихой сапой ворвались. В общем, я ещё пока и сам толком не приду в себя. Мужиков много положили, да и дом ваш дотла сожгли», - ответил Аверин и добавил: «Регулярные войска, это тебе не красноармейцы, которые сопровождали продкомиссаров, когда те выгребали у мужиков последнее зерно в амбарах. Эти опытнее и беспощаднее. Да чо я тебе буду рассказывать о них! Скоро сам с ними повстречаешься в бою. Большое

Сорокино-то возвращать надо. Сначала, давай хозяйственную жизнь наладим на заимке, а потом уж и о делах военных поговорим». «Договорились. База хоть и просторная, но такому количеству людей нелегко в ней будет найти место. Может, придётся часть в Тиханиху на постой устраивать. Петро рассказывает, что население в ней очень не любит куманьков». «С твоими конниками полтысячи человек будет. Давай, командир, комендантскими заботами займёмся», - предложил Степан и засобиравшись было уже уходить, как Василий остановил его вопросом: «Где хоронить будем погибших в бою под селом Чёрное?». Степан ненадолго задумался и ответил: «Придётся, видно, кладбище здесь организовать. Так что подбирай высокое место в сосняке и погребай своих бойцов». «И ещё, Степан. Нам бы на эту базу фельдшера какого раздобыть. Думаю, что раненых здесь придётся вылечивать». «Есть уже два фельдшера. Один наш, волостной, а второй готопутовский. Тоже просят комнату под свои дохтурские нужды». «Их просьбу в первую очередь надо удовлетворить». «Вот и займись этим, а я пойду других бойцов устраивать», - закончил разговор Степан.

Сразу после этого разговора, Василий отыскал отца, и они вместе потужили об сгоревшем доме. «Жалко избы. Всего пятнадцать годков прошло, как мы её отстроили. Ничего, сын, придёт время, новую подыдем. Ещё лучше сварганим. Главное, чтобы этих иродов на нашей земле не было. А силёнки на стройку у меня хватит», - высказался Иван Васильевич. «Отстроим. Обязательно, тятя, отстроим! Только мама будет сильно переживать, когда узнает о случившемся», - согласился младший Губин. «Ничего. Евдокия это переживёт как-нибудь. Ты только себя береги», - предупредил отец и ласково посмотрел на сына. «Ладно, побегу я. Делов много накопилось, которые необходимо срочно решать», - сказал Василий и направился к своим кавалеристам.

Из официальной хроники

Крестьянский бунт, который снежным комом катился по земле сибирской и Приуралья, уже через две недели превратился в грозную силу, способную на своём пути смести всё, что попадалось. Руководство Сибревкома хорошо понимало это. Но, чтобы не вызвать на себя гнев Москвы, старалось не очень пугать центральную власть его масштабами, а делала всё, чтобы погасить вспыхнувший пожар карательными мерами. 9 февраля председатель Сибревкома И. Н. Смирнов направил телеграмму председателю Совнаркома В. И. Ленину, следующего содержания:

«Восстание в Тюменской губернии носит стихийный характер, вызвано тяжестью продразвёрстки и гужевой повинности. Прерванное железнодорожное сообщение, надеюсь, восстановим в ближайшие два дня. Движение в этой губернии считаю неопасным.

Последние сведения из Алтайской губернии говорят о том, что там подготавливается широкое организованное восстание под руководством Крестьянского союза. Все меры предупреждения приняты. Думаю, что весной Западная Сибирь переживёт сильную встряску. Посевкомпания началась. Наркомпрод разрешил нам создать трёхмиллионный семенной фонд, наши минимальные расчеты сводятся к шести миллионам. Мы затребовали утвердить нам 4,5 миллиона пудов, которые необходимо забронировать во что бы то ни стало. Дальнейшее промедление может послужить к объединению недовольства крестьян. Прошу нажать на Цюрупу, Осинского. Внутригубернское и внутри-уездное перераспределение семян сводится по существу к новой развёрстке, выполнить которую сейчас нельзя, ибо она сорвёт неоконченную развёрстку. №49/б.

Предсибревкома Смирнов».

В этот же день помглавкома по Сибири В. И. Шорин направил пространную телеграмму председателю реввоенсовета республики Л. Д. Троцкому.

«Положение на внутреннем фронте к 20 час. 9/2.

В районе севернее Тары-Тюкалинска восстание ликвидируется, продолжается вылавливание отдельных бандитов. В районе Ишима наблюдается волнение в ближайших деревнях, посланы отряды. Частям 253-го полка, занявшим станцию Гольшманово, дана задача оттеснить банды к северу от желдороги. Сведений о достигнутых рубежах не получено. Бронелетучка по исправлению пути (сняты повстанцами в нескольких местах рельсы) утром прибыла на ст. Гольшманово. Части 61-й бригады, сосредоточившиеся на ст. Омутинская, двинуты навстречу отряду, наступавшему со стороны Ишима через Гольшманово. Сведений о встрече отрядов ещё не получено. Имеются сведения, что вспыхнули волнения в деревнях Усть-Ламенское, Гольшмановское, Аромашевское, численность повстанцев выясняется. В районе Тюмень-Ялutorовск банды, занявшие Богандинское, рассеяны нашими отрядами. Юго-западнее Ялutorовска восстания начались в районе деревень Ингалинское, Бешильское, Минино, Саламатово, Шатрово, их численность и вооружение выясняются.

Для ликвидации повстанцев высланы отряды из Тюмени. Восстание, по видимому, не носит строго организованного характера. Движение поездов на участке Омск-Ишим производится всё время беспрепятственно, техническая связь Омск-Ишим-Гольшманово исправна, западнее - восстанавливается. Восстановление пути на участке Ишим-Гольшманово закончено, повреждения незначительны. Сведений о взрыве моста у 31-го разъезда в штабе обороны Омской желдороги не имеется, сведение проверяется.

Банды, оперирующие в районе желдороги, состоят из местного населения, большей частью - пешие. Вооружены - частью винтовками, захваченными у милиции, большинство - дробовиками, пулемётов не обнаружено. Численность их в отдельных случаях колеблется от нескольких десятков до тысячи человек при двухстах конных в районе Гольшманово. Банды весьма слабо организованы. Предполагается 10 февраля закончить очищение от банд участка Гольшманово-Омутинское, и в тот же день, если на очищаемом участке не окажется серьёзных повреждений, возможно открытие движения поездов в Тюмень. Полагал бы, во избежания излишней задержки ваших паровозов, с высылкой их повременить до донесения об окончании работ по восстановлению пути и об очищении ближайшей к желдороге полосы от бандитов.

С целью подавления восстания в первый же день его обнаружения, 7 февраля, отдано распоряжение об усилении обороны желдороги Омск-Тюмень, для чего из Омска срочно отправлена бронелетучка с ротой 253-го полка. Вслед подтянут батальон 253-го полка и с участка Омск-Татарская-батальон 254-го полка с пулемётными командами, а также сводный эскадрон из гарнизона Омска. На усиление гарнизонов Тары и Тюкалинска двинуты одна рота и один эскадрон с пулемётными командами, выданы оружие и патроны для вооружения коммюнеков. №421/оп.

Помглавком Шорин, начштабсиб Афанасьев».

Одновременно с донесениями в Москву, начальник штаба помглавкома по Сибири Ф. М. Афанасьев выдал приказание командиру 61-й стрелковой бригады ВНУС:

«Командующим всеми войсками в Ишимском районе назначен комбриг-85 тов. Рахманов. В его распоряжении имеется достаточное количество сил, поэтому отправку в Ишим частей 183-го полка производить не нужно. НР 410/оп.

Начштабсиб Афанасьев, замвоенкома Погодин».

13 февраля помглавкома по Сибири В. И. Шорин направил донесение главкому РККА республики С. С. Каменеву, в котором звучат уже более тревожные нотки, но оно не открывает до конца ситуацию в ишимском уезде и грешит неточностями в деталях и датах:

«Первое донесение о начале восстания поступило в штабсиб 6 февраля. Восстание первоначально охватило район 100 вёрст юго-восточнее Тобольска и одновременно Усть-Ишима и Сорочкинскую волость. Вслед за тем восстание распространилось на район Ишима и вдоль желдороды к западу и востоку от Ишима, причём наиболее значительные банды повстанцев сгруппировались южнее Ишима и в районе станции Гольшманово. Одновременно с этим вспыхнуло восстание в районе Петропавловска, охватив район желдороды Курган-Токуши. Повстанцы главным образом сосредоточили всё своё внимание на желдорогах и пользуясь растянутым расположением наших войск, охраняющих желдороду, и сравнительно незначительным их количеством, начали производить налёты, портя пути и разрушая телеграфную связь на различных пунктах желдороды. Первоначально разрозненные наступления повстанцев не носили организованного характера, но из дальнейших их действий следует предположить, что среди местного населения велась предварительная агитация.

Вооружение повстанцев разнообразное: часть вооружена винтовками, часть - дробовиками и револьверами, большая часть повстанцев - пешие, но имеются небольшие конные отряды численностью в 100-200 коней. Наши первоначальные действия по ликвидации восстания сильно были затруднены, с одной стороны, широким районом, охваченным восстанием, с другой - сравнительно небольшим количеством войск и частым нарушением связи и перерывом желдородного движения. В настоящее время для удобства управления весь район восстаний разделён на два участка: северный, Ишимский, где руководит действиями комбриг-85, и южный, Петропавловский, вверенный начдиву-21.

При получении первых известий о восстании в Ишимском и Петропавловском районах туда были брошены свободные части 253 и 254-го полков 29-й дивизии и, кроме того, из Омска высланы два эскадрона. Для решительного подавления восстания на усиление действующих войск в районе Ишима перебрасывается 232-й полк 26-й дивизии и два батальона 256-го полка 29-й дивизии, в Петропавловский район перебрасывается 249-й полк 28-й дивизии. Только с прибытием этих сил можно будет произвести решительную чистку главных очагов восстания. НР484/оп.

Помглавком Шорин. Начштабсиб Афанасьев».

События в западной Сибири развивались со скоростью света. Не успевали красные прикрыть один очаг возгорания, как несколько таких же вспыхивали рядом. Особое внимание военных было приковано к железной дороге, по которой необходимо было отправлять составы с сибирским хлебом в Москву и другие города европейской части новой России. И самым напряжённым участком дороги на тот период стал от станции Мангут до станции Омутинской. Телеграммы помглавкома по Сибири В. И. Шорина летели из Омска в сторону Ишима по несколько раз в день.

«Приказываю командирам 61-й и 85-й стрелковых бригад не позже вечера сегодня ликвидировать Гольшимановскую пробку и принять все меры к исправлению телеграфной линии и пути и восстановления железнодорожного движения. Из ближайших к району Гольшиманово деревень брать заложников из кулацкого элемента и под конвоем доставить в Омск. НР/оп.

Помглавком Шорин, начштабсиб Афанасьев».

Вскоре на этот приказ в адрес Шорина пришла телеграмма от командира 85-й стрелковой бригады Н. Н. Рахманова:

«На ваш №465/оп. Доношу, что в данной обстановке приказания об отправке пленных и заложников в Омск выполнить не могу: 1) нет связи желдором с Омском; 2) на транспортировку бандитов и кулаков придётся снаряжать для сопровождения команды, в то время как дорог каждый штык. Прошу ваших указаний. В Ишиме имеется под стражей 728 пленных и 110 заложников, всего 838 человек. Кроме того, пленные и заложники есть на боевых участках. №98.

Комбриг-85 Рахманов, военком Корняков».

В этот же день из Омска на имя командующего советскими вооружёнными силами района Омск-Тюмень Рахманова пришло приказание руководства Сибревкома:

«Отделите до 50% заключённых из бедноты и середняков и освободите их под условием, что в случае повторения порчи железной дороги и телеграфа и восстания они будут расстреляны без суда. Остальных держите до прибытия подкреплений.

Смирнов, Шорин».

Обеспокоенность всё расширяющимся и укрепляющимся на обширных территориях Западной Сибири крестьянского восстания заставили председателя Сибревкома И. Н. Смирнова, не дожидаясь ответа из Москвы на предыдущую телеграмму, 14 февраля направить очередную:

«Крестьянское движение в Тобольской (Тюменской) губернии, возникшее на почве проразверстки и гужевой повинности, носит стихийный и неорганизованный характер. Производятся нападения на железную дорогу, спиливаются телеграфные столбы. По Омской губернии движение распространяется слабо. Отдан приказ, возлагающий ответственность за целостность железнодорожного пути на население в 10-вёрстной полосе. Приказ расклеен по желдороге и в деревне. Берутся заложники, которые отвечают за целостность желдороги, сосредотачиваются войска. Полагаю, что 17 февраля будет восстановлено движение на Челябинск, а 18-на - Тюмень. На Алтае спокойно, в Минусинске тревожно. №58/б.

Предсибревкома Смирнов».

Оказавшись в эпицентре событий и понимая всю ответственность за их возникновение, ишимский уездный исполком советов выпускает приказ №9, который гласит:

«В тот момент, когда советская Россия мощной и непоколебимой рукой Красной Армии придавила и разметала бесчисленные силы международной контрреволюции на своих окраинах и на 8-м Всероссийском съезде советов наметила практические планы подхода к мирному строительству, к воссозданию разрушенного хозяйства и промышленности, в некоторых частях Сибири, в частности – в Ишимском уезде, скрытый враг, внутренние контрреволюционные элементы, шипящие гады из лагеря колчаков и денкиных, воспользовавшись моментом выполнения продовольственных и топливных развёрток, таких необходимых для поднятия работоспособности наших фабрик и заводов, повели малосознательные слои деревни на восстания, на противодействия органам власти на местах, убийства продработников и советских служащих, а также порчу железнодорожной линии.

Вожаками этих отдельных выступлений оказываются бывшие полковники, которых советская власть лишила жирного дарового куса хлеба и взяла награбленное ими на трудовой шее добро. Эти люди никогда не смогут прими-

ряться с советской властью и революцией и будут постоянно пользоваться всяким случаем для нанесения того или иного ущерба советскому строительству, несущему гибель всем паразитам и светлое будущее всем честным труженикам города и деревни.

Предупреждая крестьянство Ишимского уезда, вводимое в заблуждение этой скрытой силой контрреволюции, призывая сознательные коммунистические силы, а также органы власти к известной стойкости и непоколебимости в выполнении их гражданского долга перед революцией, всегда имея достаточные силы для подавления имеющихся волнений, несущих определённый кулацкий характер, уисполком вынужден приказать следующее:

1) Возложить ответственность за целостность и охрану желдороги участка Гольшиманово-Маслянская на волости Карасульскую, Безруковскую, Жилияковскую, Боровскую, Маслянскую, Рождественскую.

В обеспечение сего, перечисленные волости к 12 часам дня 10 февраля обязуются представить в ишимское политбюро заложников по наиболее зажиточной части крестьянства, каковые в случае дальнейшей порчи пути будут расстреляны.

Если заложники не будут представлены к указанному сроку, деревни, прилегающие к линии желдороги, будут обстреляны орудийным огнём.

2) В тех обществах, в которых с момента опубликования настоящего приказа присоединятся к восставшим контрреволюционным бандам, производят разгон исполкомов и сельсоветов или допустят избиения коммунистов и советработников, конфисковать имущество и весь живой и мёртвый инвентарь у каждого десятого домохозяина.

3) За производимые убийства коммунистов и совработников в тех обществах, где таковое произойдёт, за каждого одного расстреливать десять человек местных крестьян.

4) Исполнение настоящего приказа возложить на ишимского военного комиссара.

5) Доводя об этом до сведения всего населения Ишимского уезда, уисполком приказывает выполнить всё изложенное без малейшего промедления, памятуя, что всякое противодействие будет подавлено без всякой пощады, вплоть до уничтожения отдельных деревень с применением пулемётного и орудийного огня.

Предуполкома И. Кузьмин.
Губвоенком Хрусталёв.
Секретарь исполкома Никифоров».

В это же время по всему уезду стали распространяться призывы повстанцев к объединению сил, способных противопоставить себя коммунистическому режиму. Так, в воззвании Аромашевского штаба Народной Армии говорилось:

«Товарищи красноармейцы! Мы идём не против советской власти крестьян и рабочих, ибо мы вполне убеждены, что советская власть есть действительно власть, всецело стоящая на защите интересов трудового народа. Мы идём против коммунистов - представителей колчаковских банд, наводнивших все наши правительственные учреждения и вносящих в нашу массу смуту, всячески стараясь подорвать нашу советскую власть. Мы идём против тех коммунистов, которые выгребли у нас всё до последнего зерна и гноят его в амбарах, а если не хватало хлеба для наложенной на крестьян развёрстки, то конфисковали всё имущество; против тех коммунистов, которые при непосильной шерстяной развёрстке заставили нас стричь шубы овец в зимнее время, отчего овцы гибли от мороза. От которых также хорошего ничего не слышали, кроме угроз и принудительных работ, а если крестьянин защищался, то имущество его приказывали сжечь, не считаясь с целыми селениями. Да здравствует свобода!

*За начальника гарнизона Садовичиков.
Нач. воен.-опер. штаба Пономарёв».*

Одновременно с этим на юге Ишимского уезда и на территориях вдоль железной дороги стали образовываться повстанческие фронты и народные армии, которые принимали очертания военных формирований. Вновь избранный начальником Петропавловского боевого района Ишимского повстанческого фронта В. А. Родин, 11 февраля издал приказ:

«1. Ввиду распространения боевых операций окончательно определяю границы боевого района: волости Сумская, Налобинская, Дубынская, Каменская, Беловская, Соколовская, ст. Кривоозёрская, ст. Архангельская, г. Петропавловск, ст. Токуши, ст. Ново-Павловская.

2. Приказываю немедленно председателям волисполкомов наметить кандидатов на должности комендантов волости и селений, входящих в волости, и представить мне на утверждение.

3. Приказываю всем начальникам добровольческих отрядов держать связь между собой и со штабом, доносить о положении дел на фронте через каждые три часа.

4. Назначаю гражданина Петрова руководителем всех операций против ст. Мамлютка с 10 февраля с. г.

5. Назначаю гражданина Андреева руководителем операций против г. Петропавловск, которому немедленно вступить в исполнение своих обязанностей и действовать быстро и энергично.

6. Объявляю, что все действующие против крестьянских отрядов или мешающие им будут считаться врагами против трудового народа, и против таковых немедленно принимать самые решительные меры.

Начальник боевого района В. Родин, адъютант Мандрыгин».

В тот же день командующий Народно-крестьянской зелёной армии Ражевского района Ишимского уезда Т. Кутырев под №1 издал приказ:

«1. В целях организации повстанческого движения объявляю себя командующим Народно-крестьянской зелёной армии.

2. Начальником штаба Народной Армии назначаю Василия Петровича Тоскаева, адъютанта моего - Земляного Ивана Васильевича.

3. Всю территорию нашей власти разделяю на три корпуса.

1-ый корпус: Безруковская, Карасульская, Локтинская, Пегановская, Ларихинская и Гагарьевская волости. На территориях этих волостей установлены следующие штабы: дер. Мелёхина и Локти, а также действуют отряды в районе Камышенки Карасульской волостисилой 200 всадников...при 40 винтовках..

2-ой корпус: волости Ситниковская, Ражевская, Гольшмановская, Армизонская, Орловская. На территории этих волостей установлены следующие коменданты: дер. Лапушино, Ситниково, Потанина, и действуют следующие отряды: на Омутную-Пономарёво, в селе Медведевском передовой 1-ый полк.

3-ий корпус: волости Бердюжская, Калмакская, Лихановская, Чистоозёрная, Утчанская, Казанская, Ильинская, Красноярская, Дубынская, Уктузская, Налобинская, Соколовская, Беловская, Каменская и т. д. О его штабах и комендантах ничего не известно. Должны установить командиры корпусов.

4. Командиром 1-го корпуса назначаю Григория Даниловича Атаманова, командиром 2-го корпуса назначаю Петра Лаврентьевича Долина. Командиром 3-го корпуса назначаю.... Командиры корпусов должны организовать свои штабы, набрать нужные штаты, устанавливать во всём районе комендантов, формировать отряды, призывать в ряды армии всё население, способное носить оружие, и делать всё, что они найдут нужным для успешности восстания.

5. Все воинские учреждения и лица должны соблюдать порядок подчиненных. При сношениях требую установления строгой дисциплины и власти.

6. Копию настоящего приказа разослать командирам корпусов и в каждый известный мне штаб.

7. Приказываю немедленно установить тесную связь между корпусами и частями войск в каждом корпусе таким образом: корпус сноится с корпусом и со штабом армии, а остальные воинские части и лица - со штабом своего корпуса. При сношениях частей и лиц с чужим корпусом необходимо в свой корпус посылать копию или известие.

8. В штаб армии сообщить подписи всех командиров корпусов и обменяться подписями всем штабам частей войск.

Командующий Народно-крестьянской армией Т. Кутырёв.

Начальник штаба В. Тоскаев».

Вскоре и по Южной повстанческой дивизии Ишимского уезда был издан приказ под №1.

«По строевой части.

1. Согласно постановлению общего собрания командиров отдельных отрядов, действующих в районах сёл Утчанское, Ново-Ильинское, Петуховское,

Юдинское и ст. Петухово, а также села Рынковское, Сусловское и д. Берёзово, формируется Южно-Ишимская дивизия из четырёх пехотных и двух кавалерийских полков. В состав этих полков войдут все отряды пехоты и кавалерии, действовавшие при указанных районах, причём все эти отряды должны по возможности группироваться по волостям.

2. Общим голосованием присутствующих на собрании назначены начальником дивизии - бывший командир 1-го отряда Едличко, помощником его - Чердынцев, начальником штаба - Протопопов, а комендантом штаба - Шаврин, командирами полков: 1-го пехотного - Панфилов И. Н., 2-го - Бухвалов, 3-го - Кузеванов, 4-го - Целуйко, 1-го кавалерийского - Бурлаков, 2-го кавалерийского - Чурин.

3. В составе полков должны быть следующие отряды: в 1-й пехотный и 1-й кавалерийский полки входят отряды, действовавшие в районах волостей Уктузской, Бутринской, Каменской, Налобинской, Беловской и Песьянской; в состав 2-го пехотного полка - отряды, действующие в районах волостей Лихановской, Чистоозёрской, Долговской, Утчанской и Рынковской; в 3-й пехотный полк - все отряды, действовавшие в промежутке 1-го и 2-го полков; в 4-й пехотный и 2-й кавалерийский входят отряды, формирующиеся в районе Петуховской и Теплодубровской волостей.

4. При формировании пехоты и кавалерии в отношении распределения их по полкам командиры последних должны войти в соглашение между собой и распределить людей, по возможности не разделяя однообщественников.

5. Вменяется в обязанность командиров полков присылать ежедневно в штаб дивизии по два человека для связи.

6. Приказываю командирам полков представить именные списки имеющихся людей в наличии.

7. Представить в штаб списки имеющегося в наличии оружия, огнестрельного и холодного.

Начдив Едличко, наштадив Протопопов».

Напуганный массовыми выступлениями крестьян в уезде, заведующий политическим бюро Ишимского уезда Г. А. Тягунов 11 февраля отправляет донесение в Омскую ГубЧК:

«Положение в Ишимском уезде, можно сказать, серьёзное. В данное время восстанием охвачены районы, в которых входят волости Гольшимановская, Карасульская, Ражевская, Кротовская, Большесорокинская, Усть-Ламенская; Бердюжский район (юго-западная часть Бердюжской, Бутыринская, Частоозёрская, Озернинская, Армизонская, Калмакская, Пегановская), Локтинский район (соприкасающиеся с городом с южной стороны волости Ларихинская, Локтинская, Гагарьевская, Казанская) и южнее - Долговская, Утчанская; восточные части уезда (Маслянская волость), северо-восточная часть уезда приходит в нормальное состояние.

В городе положение тревожное. Вчера, 10/2, в 14 часов противник насчитывающий до 1,5 тысяч человек, повёл наступление на город Ишим с трёх сторон, но был рассеян кавалерией и в результате понёс довольно значительные потери: сто человек убитыми и сто пятьдесят человек было захвачено в плен. Большие попытки к наступлению со стороны противника не было. Вооружение противника состояло, по имеющимся сведениям, из ста трёхлинейных винтовок, охотничьих ружей, вил, пешиней и проч.

В данное время противник отступил к югу до села Клешиковское, где находятся его главные силы. Нами предприняты все меры к ликвидации банд противника. Брошены кавалерия и пехота. В 19 часов был сильный бой, результаты которого пока не выяснены, но начинают поступать раненые, каковых прибыло 6 человек.

Станция Маслянская также была захвачена противником, но в данное время положение восстановлено, хотя восстание в волости не ликвидировано. О Петуховском районе сведений не получено. В каком положении находится станция Петухово, сказать не могу.

Вот общее положение, в каком находится Ишимский уезд. Добавляю, что замечались зверские расправы восставших с коммунистами и их семьями и советскими работниками.

Завполитбюро Тягунов».

В Омске быстро отреагировали на это донесение. 12 февраля состоялось секретное заседание Сиббюро ЦК РКП(б), протокол №7 которого гласит:

«Присутствовали: И. Н. Смирнов, В. М. Косарев, Н. К. Гончаров, В. В. Косиор, К.-Ю. Х. Данишевский, И. П. Павлуновский, В. И. Хотимский, С. Е. Чуцкаев, секретарь Д. К. Гончарова.

Слушали: о мерах по ликвидации повстанческого движения вдоль линии железной дороги на Екатеринбург и Челябинск.

Постановили: 1) Организовать тройку при Сибревкоме в составе т.т. Павлуновского, Смирнова и Шорина.

2) Поручить тройке:

а) Принять решительные меры к ликвидации восстания, не дав ему принять организованный характер.

б) Издать приказ о выдаче красноармейцам усиленного пайка.

в) Ответственность за порчу железной дороги возложить на ближайшие деревни, расположенные на расстоянии 10 вёрст от линии железной дороги, предупреждая, что за порчу мостов, рельсов будут уничтожены деревни.

4) з) Тов. Гончарову поручается встречать воинские части, направляющиеся для подавления восстаний.

5) и) Выпустить целый ряд воззваний хозяйственного характера, что поручается тт. Брыкову и Кагановичу выполнить немедленно.

Подписи».

На этом же секретном совещании была одобрена инструкция руководителя полномочного представительства ВЧК по Сибири И. П. Павлуновского местным органам ВЧК

«О применении высшей меры наказания в районе, охваченном восстанием».
В ней говорилось: «Расстрелу подлежат:

1. Руководители движения.

2. Занимавшие командные должности в отрядах повстанцев.

3. Повстанцы, взятые в плен и освобождённые, в случае, если они вторично попали в плен в боях с советскими войсками.

4. Не сдавшие огнестрельного оружия после того, как был опубликован приказ о сдаче такового.

5. Уличённые в поджоге, порче ж/д путей, телеграфных проводов и ж/д сооружений.

б. Агенты ж/д службы, в отношении которых установлена их связь с повстанцами и помощь повстанцам, в чём бы она не выразилась.

Ответственность за неправильное применение инструкции возлагается на чрезвычайные тройки. Ответственность по законам военного времени. №3915.

Представитель ВЧК по Сибири Павлуновский».

И вновь фронтовые сводки. Телеграмма командира 85-й стрелковой бригады Н. Н. Рахманова помглавному по Сибири.

«Ст. Ишим. Дополнительная сводка на 19 час. (10 февраля). Бронепоезд прибыл на Омутинскую, от 31-го разъезда путь исправлен, телеграфные провода восстановлены своими силами. Сошедший с пути паровоз №385 с двумя вагонами оставлен под откосом, путь исправлен, третий вагон оставлен на разъезде №31. На разъезде №31 нами захвачены пленные разведчики из с. Усть-Ламенское - пять человек. Бронепоезд отправляется на ст. Вагай.

Разъезд №27 (416-я верста) в сторону Тюмени занят повстанцами, связи с Тюменью нет, сведений о состоянии мостов пока нет. На участке Ишим-Голышманово повстанцами руководят поручики Спиридонов, Петров и другие. Мобилизация производится ими в возрасте 18-45 лет под известными лозунгами. Убит поручик Петров. Бывшее офицерство 33-го полевого строительства перешло на сторону повстанцев. №39/оп.

Комбриг-85 Рахманов, военком Корняков».

Служебная записка заместителя председателя Сибревкома С. Е. Чуцкаева председателю Тюменского Губисполкома советов С. А. Новосёлову.

«Омск, 15 февраля 1921 г. В распоряжение Сиббюро ЦК РКП поступил ряд документов, характеризующих деятельность проагентов в Ишимском уезде. Из них видно, что во время проведения развёрстки допускался некоторыми продотрядами ряд вопиющих злоупотреблений: производились насилия над лицами, отказывающимися от выполнения развёрстки, допускались гнусные насилия над женщинами, похищались предметы движимого имущества и пр.

Ввиду того, что по условиям подавления восстания в Ишимском уезде военные власти Сибирского округа, с согласия Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома,

признали необходимым послать в Ишимский уезд революционный военный трибунал, Сиббюро нашло целесообразным совместно с расследованием обстоятельств восстания произвести также расследования и разбор дел и по обстоятельствам преступной деятельности отдельных продработников, чтобы там же, на местах показать населению, что тяжесть карающей руки соввласти обрушивается одинаково на всех преступников, независимо от их положения.

Сообщая Вам об этом, согласно решению Сиббюро ЦК, прошу Вас принять это во внимание и сделать соответствующее распоряжение на предмет реализации возможности участия Тюменского губисполкома в проведении указанной кампании. №922.

Завотделуправ, член Сибревкома Чуцакев».

Не чувствовала себя в безопасности большевистская власть и в самой Тюмени, в связи с чем 12 февраля командующий советскими войсками Тюменской губернии А. В. Полисонов вынужден был издать приказ №2 по частям и учреждениям губернии.

«Тюмень, 22 часа.

1) В связи с восстанием, охватившим прилегающие к городу Тюмени селения Червишевской волости, и имевшими уже место налётами повстанцев на деревни, расположенные в 5-8 верстах от города, а также принимая во внимание состоявшееся уже постановление главного штаба повстанцев о налёте на сам город, в предупреждение внезапности налёта и в порядке принятия немедленных мер для ликвидации такового, приказываю командирам частей Тюменского гарнизона принять к точному исполнению объявленный план действий, который привести в исполнение по первому моему предупреждению или приказу, а также и без таковых по личному почину в случае порчи связи и явных признаков появления повстанцев в городе.

Во исполнение сего приказываю: 2) 1-й батальон 181-го полка: штыков - 236, комсостава - 18, пулемёт - один.

Батальону занять следующий участок: по Садовой улице фронтом на восток от угла Ляминской улицы до угла Успенской силой одной роты с выделением на южную сторону перекрёстка Ляминский и Икутской не менее полузвода и с выделением по Успенской на угол площади также не менее полузвода; дру-

гой ротой занять участок по Серебряковской улице фронтом на юг от угла Водопроводной (включительно) и далее на запад до конца улицы. Один пулемёт выставить на перекрёстке Ляменской и Водопроводной с обстрелом в западном направлении площади или в южном направлении у Земляного моста через лог; другой пулемёт выставить на восточной окраине Серебряковской улицы с обстрелом завода и находящегося позади него сарая. 1-ю роту держать в резерве в моём распоряжении, расположив таковую на Суерской улице.

1-й кавэскадрон: сабель - 67, комсостава - 5, пулемёты - 1.

Кавэскадрону сгруппироваться в районе солдатской улицы между Ново-Томской и Богаевской, откуда выступить только по моему распоряжению. Полуэскадрон ЧК: сабель - 96, комсостава - 4, пулемётов - нет.

Полуэскадрону расположиться согласно такому же плану.

1-й батальон ЧК: иттыков - 239, комсостава - 10, пулемётов - 3.

Занять участок, указанный в приказе по батальону согласно объявленного плана.

Полковая школа территориального полка и сапёрная рота: иттыков - 312, комсостава - 4, пулемётов - 3.

Школе и сапроте впредь до распоряжения продолжать нести охрану постов в гарнизоне, приведя караул в районе своего расположения в боевую готовность и выведя из помещения.

Артллерийский взвод: строевых - 40, комсостава - 1, орудий - 2, зарядных ящиков - 2.

Артвзводу выехать в северо-восточную часть города и встать на позицию с таким расчётом, чтобы взять под обстрел ипподром и вокзал, дороги на с. Червишево, а также на версту или полторы южнее линии желдороги, для чего командиру взвода немедленно выслать артиллерийскую разведку с целью обследования дорог, выбора позиции и снятия кроков. Командиру взвода не позднее 18 часов 13 сего февраля предоставить мне данные разведки и схему позиции. Для прикрытия артиллерии взводу предаю 30 иттыков коммунистического полка.

Бывшему 181-му, 183-му коммунистическим полкам и территориальному полку: иттыков - 690, комсостава - 104, пулемётов - 12.

Полкам прибыть к штабу бригады по Ильинской улице.

3) Командирам частей по получении приказаний о проведении в исполнение параграфа № 2 настоящего приказа стараться произвести всё намеченное быстро, в порядке, без излишней суетливости, а тем более, паники. По занятии каждой частью указанных в плане участков немедленно принять меры к посылке связи ко мне в штаб бригады-б 1.

4) Командирам частей под их личную ответственность вменяется в обязанность сохранить в тайне настоящий приказ. Виновные в неисполнении настоящего параграфа будут переданы суду военреволюционного трибунала.

5) Надлежащий приказ подлежит исполнению при наличии условий, указанных в первом параграфе.

6) О времени получения мне донести.

Комвойск губернии, командир 61-й бригады ВНУС Полисонов.

Начальник штаба 61-й бригады ВНУС Ведерников».

К середине февраля в повстанческих воинских штабах тоже стала налаживаться оперативная работа.

«Оперативная сводка штаба повстанцев Гольшмановского района Ишимского уезда. Село Гольшманово, 14 февраля 1921 г.

1) Через Евсино из Усть-Ламенки сообщают: наши части совместно с прибывшими силами с озёр перешли в общее наступление на Омутинское.

2) Ст. Ново-Заимская пала. В Дубынской волости взяты в плен коммунисты. Есть жертвы. От Кошелевской волости на Иваново наступают пять отрядов Народной Армии.

3) Омск, Ново-Николаевск, Красноярск, Тара, Тобольск, Тюмень по слухам пали.

4) Кливна, Камышанка пали, взято 20 коммунистов, потерь с нашей стороны нет.

5) О падении Ишима и его окрестностей слухи подтверждаются. Солдаты перешли на сторону народа. Налобинская, Беловская волости и станция Мамлютка пали. Захвачен один пулемёт, лента с 200 патронами, идёт продвижение вперёд.

6) Из Мокроусовского получены известия, что Иркутск, Шадринск, Ялуторовск, Курган пали.

7) Ст. Лебяжье, Могильная, Локтево пали, к которым подходят силы Народной армии с 4 пулемётами на подкрепление.

8) Начальник Красноярского отряда сообщает: на 30-м разъезде идёт бой, взято 10 пленных, весь кавалерийский отряд послан на помощь.

9) На 31-м разъезде взято пять бомб, разобран путь участками в 25 местах в обе стороны разъезда.

10) Часть села Медведевское взята коммунистами в ночь с 13 на 14 февраля. Наши разведчики сделали набег на Медведевское, произвели несколько выстрелов около церкви, но ответа со стороны коммунистов не последовало. Дальнейшая разведка продолжается.

11) Идёт усиленная разведка на Карасульское, Безруково, Ишим и на юг от ж.д. в поисках противника.

За начальника Гольшмановского районного
оперативно-боевого штаба Дьяков»

И вновь сообщения с мест проведения красными карательных мер.

«Оперативно-разведывательная сводка штаба 85-й стрелковой бригады. Ст. Ишим 14 февраля 1921 г., 12 час.

Потери бандитов в районе д. Земина-д. Медведевское составляют 175 убитыми, 3 раненых и 43 человека пленными, захвачено 14 трёхлинейных винтовок, пики, 3600 патронов, 48 лошадей.

254-й полк.

Восстановлена связь с отрядом Черемных по телеграфу. 13 февраля в 6 часов выслан с бронеплощадкой восстановительный отряд в сторону ст. Вагай. На разъезде №31 он столкнулся с противником и выбив его, продолжил движение на ст. Омутинская. Между разъездом №34 и ст. Гольшманово был разобран путь и срезаны телеграфные столбы, восстановление произведено под обстрелом. На разъезде №34 обнаружено 35 бандитов, которые были выбиты отрядом. Между разъездами №34-№35 отряд встречен огнём бандитов большой численности и был вынужден после боя отойти на разъезд №34, который снова занят бандитами. Отряд пробился с боем на Гольшманово. Вос-

становительный отряд связь с Вагаем в 4 часа установил, но был окружён повстанцами. Подоспевшим отрядом 3-й роты восстановительный отряд был освобождён и соединившись, отошёл на Вагай.

Омутинская в 17 часов 13 февраля под натиском бандитов нами оставлена. В 14 часов 13 февраля бандиты большими массами кавалерии и пехоты повели наступление на ст. Вагай со всех сторон. Прибывшим отрядом со ст. Омутинская положение было восстановлено. В 9 часов 14 февраля бандиты снова повели наступление на ст. Вагай. Связь прервана, положение отряда критическое - нет патронов.

Сегодня выбиты 7 и 9-й ротами отряда Черемных бандиты из деревень Крупнино, Глухарёво и Кутырёвская, ведётся наступление на Гольшмановское. О бронепоезде, вышедшем в 9 часов 12 февраля со ст. Вагай в сторону Ялуторовска, сведений нет из-за перерыва связи дальше ст. Вагай.

13 февраля на рассвете противник вёл крупными силами кавалерии и пехоты наступление на ст. Гольшманово, был отбит и преследовался до укрепленной позиции у деревни Гольшмановское. Но в связи с подошедшими подкреплениями бандитов мы были вынуждены отойти на станцию. Нами снята застава бандитов у д. Глухарёво, захвачено 20 трёхлинейных винтовок. Из допроса пленных выяснено, что в Гольшманове сосредоточены главные силы бандитов и штаб командующего армией Богомолова.

На разъезде №37 спокойно. Выслана разведка в направлении д. Мизоновское. В отряд Васильева возвратился 21 красноармеец, окруженный в Кротково, принес с собой пулемётные запасные части и винтовки. Производится разведка в районе Боровское, Савина, Кашкарагайская. Прибывшие в отряд Васильева отставшие красноармейцы сообщили, что в некоторых местах крестьяне выставляют посты, мешая проходу бандитов. Из захваченных сводок противника в Кисловой Лушиниковым видно, что Петропавловск был занят повстанцами, затем оставлен.

По сведениям пленных, взятых на разъезде №31 у д. Гольшманово, отправленные в начале восстания из Тюмени 181-му полку около ста ящиков патронов и один-два пулемёта были захвачены повстанцами. По тем же сведениям, из Пегановской волости прибыли в д. Мизоновское три пулемёта и несколько бандитов. Бандиты, по полученным разведкой Лушиникова сведениям, сосредотачиваются в Ларихинской волости. Всё время прибывают мобилизованные, каковые возраста до 55 лет, думая скоро наступать на Ишим.

Отряд Пузырёва в 9 часов прибыл на разъезд №43. В сторону Мангута разобран путь в трёх местах, срезаны телеграфные столбы. Всё исправлено. По сведениям администрации, на разъезде было до тысячи повстанцев, их отряд двинулся на запад. НР113.

Начитаба Печенин, военком Корняков».

Телеграмма помглавкома по Сибири В. И. Шорина командиру 85-й стрелковой бригады Н. Н. Рахманову. Омск, 15 февраля 1921 г.

«Ещё раз подтверждаю и требую от вас принятия самых решительных мер противодействия возможным попыткам противника к занятию города Ишима, захвата которого ни в коем случае не допускаю. Получение донесите. №508/оп.

Помглавком Шорин, начитабсиб Афанасьев».

А в это время высшее руководство Сибирского бюро ЦК РКП(б) искали формы оправдания своим неправомерным, бесчеловечным действиям направленным против крестьян.

«Протокол №8 секретного заседания Сиббюро ЦК РКП(б). г. Омск 15 февраля 1921 г.

Присутствовали: И. Н. Смирнов, Н. К. Гончаров, С. Е. Чуцаев, И. П. Павлуновский, В. В. Косиор, Данишевский, Каганович, Хотимский, секретарь Д. К. Гончарова.

Слушали: сообщение тов. Смирнова о беспорядках на железной дороге. Связь прерывается, но есть через Тюкалинск. Волнуются волости Ишимского уезда. Повстанцы на ст. Мангут - 2000 человек. Ялutorовск занят повстанцами. В каком положении деревянный мост через реку Тобол - неизвестно. На линии Омск - Петропавловск спокойно. В Исилькуле настроение паническое. Петропавловск занят вчера повстанцами. В Курганском уезде беспорядки. С Ишимом и Гольшимановской соединимся к утру. 16 числа будет связь до Ялutorовска и будет связь с Тюменью. Следующая задача - протолкнуться до Кургана. Понадобятся силы. Двинем от Кургана до Петропавловска отряд во главе со Звёздовым. Рахманову и Корицкому приказано брать заложников. У Рахманова 2000

заклѹченнѹх. Тысячу из них - бедноты - приказано отпустить, предложим им о присылке из восставших волостей к тов. Опарину. Крестьяне заявляют: «Мы хотели обратить внимание власти, чтобы знала Москва». Отпускаемым сказано прислать представителей. Необходимо решить вопрос, будем ли ставить процесс и защищать нашу политику и тактику или карать силами ЧК. Если мы можем публично поставить процесс, то надо Опарину дать указания. ЕСЛИ мы морально ПРАВЫ, то публичный трибунал. ЕСЛИ нет, то ЧК.

Павлуновский: ЧК должна дополнять трибунал. Необходим общественный трибунал. Трибунал от карательных функций должен быть освобожден. ЧК принадлежит розыск и карательная политика - непосредственное давление на массы. Трибунал непосредственно карательных мер не принимает. В целях политического влияния на массы трибунал необходим.

Данишевский: Мы должны настаивать на открытом публичном заседании трибунала. Мы ХУЛИГАНОВ расстреливали постановлениями трибуналов. Мы должны всех негодяев представить к суду перед крестьянами, и от этого престиж соввласти поднимется. Надо от каждой волости приглашать представителей.

Смирнов: Здесь трибунал судит на два фронта: с одной стороны - продкомиссаров, с другой - восставших крестьян.

Косиор: Процесс надо ставить открытым, отобрав верхушки, и организовать один процесс. Одна скамья подсудимых, и мы используем это в качестве агитации.

Зачитывается материал тов. Рахманова о причинах восстаний.

Гончаров: Я согласен с высказанными положениями, но тов. Каганович настаивал не поднимать процесс против продкомиссаров. У чрезвычайной комиссии должно быть сосредоточено внимание на других районах в розыске белогвардейских организаций, ещё не выявившихся.

Каганович: Суд должен быть поставлен таким образом, чтобы было ясно, что, карая восставших, мы тем самым поддерживаем нашу продкомпанию. Работа ЧК дополняет работу трибунала. Нажим, жестокость должны фигурировать. Процесс сейчас должен быть поставлен. Я вёл процессы и получалась скандальная история. Точка зрения трибунальщицков не годится. Это должен быть политический процесс с политическими эффектами. Органи-

зывать трибунал должны ответственные политработники. Все моменты должны быть выявлены. Надо сказать, что они, восставшие, были виноваты. Это весьма опасная история.

Смирнов: Целесообразно ли нам ставить процесс, как защиту нашей политики. Если мы считаем возможным держаться на голом штыке, то надо послать отряды. Я думаю, нет. Процесс надо поставить.

Хотимский: Материал против сибирского кулака должен быть положен в основу защиты нашей продовольственной тактики и обвинения кулака, разрушившего дороги, и качество обвинения против кулака будет большим материалом. Мы имеем Второй Исторический суд после суда над российской буржуазией, и в этом процесс будет этапом нашей революции.

Постановили: 1) Образовать один комбинированный процесс, использовав его в качестве защиты продкомпании.

2) Организовать выездную сессию трибунала во главе с тов. Опариным. Каганович - обвинитель кулака, Преображенский Н. Ф. - политический защитник.

3) Товарищам Преображенскому и Кагановичу поручается предварительно объездить район для ознакомления с положением на местах».

И вновь горячие новости и воззвания из стана восставших.

«Передаётся сводка начальника главного штаба села Налобинского.

Под Петропавловском нами взято 205 чел., столько же винтовок, 3 пулемёта, два ящика патронов. Между Петропавловском и Мамлюткой бронепоезд сошёл с рельсов. На ст. Мамлютка взято 150 красноармейцев и столько же винтовок и других трофеев. Путь между Петухово и Мамлюткой взорван, чем задержано два бронепоезда от свободного движения вдоль по пути. Также взорван путь между станциями Петухово и Макушино. Достигнуто полное соглашение с казаками. В результате наше восстание неудержимо катится по станциям казачества. Железнодорожный путь нами занят также по направлению на Омск до ст. Исилькуль. Телеграфное сообщение прервано ещё 11 февраля.

Начальник Частоозёрского штаба Мальцев».

Воззвание повстанческого штаба Лапушинской волости Курганского уезда, Челябинской губернии.

«Товарищи!

Больше года как мы - трудовое крестьянство Сибири - томились под игом коммунизма. Они, не давшие нам ничего, кроме арестов и расстрелов, отобрали у нас хлеб, мясо, шерсть, кожи и почти всё, что мы имеем, заставили нас, не знавших никакого голода, -голодать. Они, не признававшие Бога, хотели и детей наших заставить забыть Его. Они-враги наши.

Кто был в их партии? Одни воры, вечные лентяи и грабители и вообще самый негодный элемент.

Кто был их вождь? Жид Троцкий, а все жиды с Рождества Христова – враги православного люда.

Что ждало нас при их власти? Нас ждала гибель.

Товарищи!

Мы начали великое и святое дело - дело освобождения нашей измученной и истрадавшейся родины от проклятого гнёта коммунизма. Так доведём его до конца, выловим кровожадных зверей-коммунистов.

Помните, товарищи, что если эти звери-коммунисты вернуться, они нас не помилуют. Одни из нас будут расстреляны, другие будут изнывать в тюрьмах, третьи будут снова томиться в коммунистическом гнёте, и гнёт этот будет более томителен, чем он был ранее.

Нет, товарищи, мы этого не допустим. Мы все, как один, возьмём в руки оружие, кто какое имеет, и доведём начатое дело до конца.

Товарищи, записывайтесь в Народную Армию добровольцами.

Ваша воля, ваша свобода в ваших руках.

Все на борьбу с коммунистами. С нами Бог - вперёд!

Лапушинский штаб Народной Армии».

Воззвание штаба Народной повстанческой армии Голышмановского района Ишимского уезда к гражданскому населению и красноармейцам.

«Товарищи, граждане и красноармейцы!

Наступил момент, когда мы, крестьяне, выведенные из терпения насильниками-коммунистами, взяли в свои мозолистые трудовые руки дубину и с нею встали на защиту своих жизненных интересов, на защиту своего труда и свободы. Дерзнули занести её над твердьней жидов, обставленной пушками и пулемётами и защищаемой преданными рабами-коммунистами, людьми, для которых не существует ничего: ни Бога, ни правды, ни закона. Они терзали каждого из нас, который осмеливался сказать хоть слово против диктатуры жидов. Арестовывали и расстреливали нас за то, что мы не могли полностью выполнить развёрстки, несмотря на то, что весь имеющийся у нас хлеб был отдан нами до единого зерна, и овцы, несмотря на зимнее время, острижены.

Отобрав хлеб, нас стали посылать в подводды в Тобольск - всех от 18 до 55 лет - для того, чтобы, в отсутствие наше отобрать последнюю одежду, а затем голодных и холодных заставляли выполнять все прихоти коммунистов, отрывая для этого нас от сохи и земли, несмотря на то, что от этого зависит благополучие жизни всей страны.

За полтора года жида и коммунисты довели страну до полнейшего разорения и голода. И потому мы сами, работники земли, не подгоняемые ни офицерами, ни начальством, поднялись сами, как один человек для того, чтобы могучим натиском сломать упорство врагов-коммунистов. Гоните же, братья, от себя всех коммунистов - предателей и насильников. И пусть все, кому дороги интересы трудового крестьянина, бросают всё и идут защищать свою жизнь, свою свободу и всё достояние от гнусного посягательства на них жидов и коммунистов.

Мы, крестьяне великой Сибири, восстали с надеждой победить. И если же нам придётся умирать, помните, братья, что лучше смерть в бою с насильниками, угнетателями, чем умереть от голода с позорным жидовским ярмом на шее. Лучше быть убитым, чем дать глумиться над собой, над достоинством свободного человека. Разве мы завоёвывали себе свободу для того, чтобы мы, вольные сибиряки, стали рабами коммунистов, и всё, что мы добывали от земли потом и кровью своей, отдавать им, получая взамен расстрелы и живое глумление?

Коммунисты идут на уловки. Они одурачивают красноармейцев, наших братьев, сыновей и отцов, говоря, что это восстали не крестьяне с мозолистыми руками, а остатки колчаковских банд, и послали их проливать свою родную, братскую кровь, в то время как они сами, развалившись в мягких креслах, набивают своё чрево изысканными кушаньями из продуктов, выбитых из

крестьянина кровью и потом, и гнусно издеваются над красноармейцами, обманывая и затемняя их сознание подлыми, гнусными обещаниями и наветами.

Нам обещали всё, но не дали ничего, кроме пули в грудь и тюрьмы. Так помните же, братья, что в этой великой борьбе за освобождение от позорного ига коммунистов и жидов не может быть ни малейшего колебания. Победа или смерть! Наше правое восстание распространилось, как пламя пожара, и захватило уже города Тюмень, Тобольск, Курган, Петропавловск, Красноярск и Иркутск. Восстание не могли подавить в начале, а теперь им не потушить его.

Так идите же, братья, граждане и красноармейцы, вместе с нами бок о бок с винтовкой, молотом и косою на общего врага-насильника. И кликнем единодушно наш боевой клич: «Да здравствует великий русский народ! Да здравствует народная советская власть, свободная от насилия жидов и коммунистов!».

Начальник гарнизона Богомолот

Начальник Гольшмановского штаба Народной Армии Пономарёв».

А в это время руководители новой власти Сибири в Москву отправляют уже более тревожные сообщения, понимая, что без вмешательства центральной власти в конфликт, им самим не справиться.

Телеграфное донесение председателя Сибревкома И. Н. Смирнова председателю Совнаркома В. И. Ленину.

«Кулацкое движение в Западной Сибири затягивается, было два случая перехода воинских частей на сторону восставших. В первом случае перешла батарея. Движение это думаем подавить в ближайшие дни. Однако в ожидании нового движения в Алтайской губернии необходимо немедленно перекинуть из Европейской России надёжную «голодную» дивизию. Реввоенсовет республики нам предназначал 21-ю дивизию, расположенную в Вологодской губернии, но до сих пор тянет с переброской. Отдайте категорическое приказание немедленно её перебросить. 66/б.

Предсибревкома Смирнов».

Из оперативной сводки штаба помглавкома по Сибири.

«Омск, 7 февраля 1921г. 6 час.

Ишимский боевой участок. К западу от Ишима - отряд Черемных. Ст. Омутинская занята повстанцами. О частях отряда, оставшихся к западу от ст. Омутинская сведений не имеется. Противник - свыше 4000 пеших и 1000 конных - группируется в районе д. Гольшиманово и отдельная группа – к югу от ст. Карасульская, имея намерение захватить обе станции и мост через реку Емец. Отрядом приняты меры для отражения повстанцев. По линии от Ишима к ст. Омутинская выслан восстановительный поезд. Для отражения предполагаемого наступления на Ишим повстанцев с севера и юга в районе Ишима имеется отряд в составе роты 254-го полка, коммунистов и роты 256-го полка. В движении к Ишиму от ст. Мангут два батальона 256-го полка, головные части которых подошли к Ишиму, от ст. Омск - два эшелона 232-го полка 26-ой стрелковой дивизии. К востоку от Ишима нашими отрядами 15/2 занята ст. Мангут, где соединились отряды т. Пузырёва (60 итыков 181-го полка), сводной группы Мясникова из частей 183-го полка и коммунистов Тюкалинского района (300 итыков и два пулемёта). Желдорога в направлении ст. Называевка восстановлена. НР 536/оп.

Начоперусиб Бежанов. Военком Вележев».

Телеграмма помглавкома по Сибири В. И. Шорина начальнику 21-й стрелковой дивизии войск ВНУС Н. И. Корицкому и командиру 85-ой стрелковой бригады Н. Н. Рахманову.

«Омск, 17 февраля 1921года.

Главнейшей Вашей задачей ставлю скорейшее очищение желдороги и ближайшей к ней полосы от повстанцев и восстановления движения. Одновременно короткими, но сильными ударами разгромите главные очаги восстаний, дабы не дать повстанцам окрепнуть и организовать. Действия Ваши должны иметь самый решительный и энергичный характер. О получении донесите. НР560/оп.

Помглавком Шорин. Начштабсиб Афанасьев».

Оперативная сводка штаба помглавкома по Сибири. «Омск, 17 февраля 1921 г. 24 часа.

Ишимский район.

Район ст. Гольшиманово–ст.Карасульская: сосредотачивается пехотный полк для удара на д. Гольшиманово и д. Ражевская. Для разгрома повстанцев

южнее Ишима, в районе д. Травной, направлен отряд в составе пяти рот и эскадрона, отрядом с боем занята д. Быково. Связь имеется по линии Омск-Ишим до Гольшманово включительно.

Петропавловский участок.

Район Петухово в руках бандитов, меры к их ликвидации приняты. Севернее Петропавловска наш отряд у д. Ново-Павловская разбил повстанцев численностью до 1500 человек, преследует их по направлению на Ольшанку. Ст. Исилькуль, занятая утром повстанцами, с боем взята обратно образцовым отрядом Рослова, бандиты отошли к северу. Восстановлена связь Омск-Петропавловск. НР 563/оп/366/ш.

Начоперупрсиб Бежанов

Военком И. Погодин».

И тут же сводка штаба Народной повстанческой армии Истошинской волости Ишимского уезда за 16 февраля 1921 г.

«16 сего февраля в 10 часов вечера прибыли доблестные защитники Народной армии - граждане Истошинской волости, участвующие во взятии ст. Петухово, где был сильный бой, горячий бой. Наши повстанцы совместно с киргизами и татарами работали превосходно и с полной уверенностью в победе над извергами-коммунистами. При взятии станции со стороны коммунистов было много убитых и раненых, а в особенности много было убито лошадей. Нами взято в плен 2600 чел. коммунистов совместно с красноармейцами, причём с коммунистами расправа была на месте, а красноармейцы арестованы. Взято 4 пулемёта, 3 воза винтовок и др. трофеи.

Начальник Истошинского штаба Народной Армии С. Андреев».

Радиограмма председателя Тобольского горисполкома советов И. Я. Сорокина в Тюменскую ГубЧК.

«Тобольск, 18 февраля 1921 г.

Вся связь потеряна. Повстанцы в 12 верстах от города. Принимаем самые энергичные меры к охране Тобольска. Положение критическое, нет положительно патронов, вооружаемся охотничьими ружьями. Без немедленной помощи из Тюмени эвакуация города неизбежна, гарнизону остаётся одна дорога -

пробиваться. Принимаем меры к спасению положения. Сообщите, что Вами сделано в этом направлении. Установите связь с нами через Обдорск или Челябинск по радио. Будем слушать 19 февраля в 12 часов по московскому времени.

Председатель Тобисполкома Сорокин».

Телеграмма заместителя председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Складанского командиру войсками Беломорского военного округа С. П. Назаренусу, копии председателю Сибревкома Смирнову и командиру войсками Приуральского военного округа С. В. Мрачковскому.

«Москва, 18 февраля 1921 г.

«Ввиду ухудшившегося положения в Сибири надо всячески ускорить отправку частей, направляемых из Вашего округа в Сибирь, и принять меры, чтобы части прибыли в Сибирь в боеспособном и политически подготовленном состоянии. О сделанном сообщите. №32/ш.

Складанский».

Телеграмма председателя Сибревкома И. Н. Смирнова начальнику 21-й стрелковой дивизии войск ВНУС Н. И. Корицкому. «Омск, 18 февраля, 1921 г.

«Всякий день перерыва железнодорожного сообщения обостряет положение в Москве и Петрограде, окрыляет белогвардейцев по всей Сибири и вносит смуту в широкие слои населения. Необходимо центр Вашего внимания перенести на запад и соединиться с Петухово и Курганом. Сообщите немедленно тем шифром, какой у Вас имеется, что Вами предпринято в этом направлении. Сегодня ночью в Петропавловск прибывает Полудов Е. В., у которого можете снять копию шифра, данного мной. №71/б.

Предсибревкома Смирнов».

Телефонограмма командования советских вооружённых сил Тобольского боевого участка в Сиббюро ЦК РКП(б) и помглавкому по Сибири В. И. Шорину.

«Сл. Чёрная, 18 февраля 1921г.

Тобольский уезд объят восстанием. Весь уезд унижен белогвардейскими бандами, руководители - офицеры. Все банды великолепно вооружены. Небольшие

отряды красноармейцев гибнут, как мухи. Повстанцы ведут организованное наступление на нас, и отбиться у нас мало шансов, так как у нас нет патронов и хороших винтовок. Город Тобольск окружён и готов к эвакуации. Положение безвыходное. С Тюменью связи нет. Помощи, иначе как с Омска, Тары и Ишима, ждать неоткуда. Патронов хватит на два дня, сможем продержаться не более трёх суток. Наш опорный пункт - слобода Чёрная Тобольского уезда.

*Начальник участка Муркин
военком, член президиума Тюменского губкома Семаков
Начштаба Цыркун».*

Телеграмма председателя Сибревкома И. Н. Смирнова председателю Совнаркома В. И. Ленину.

«Омск, 18 февраля 1921 г.

«Кулацко-казацкое восстание в районе Ишима-Петропавловска подавляется успешно. Движение поездов и телеграфная связь от Омска до Петропавловска, на 80 вёрст западнее Ишима и ст. Мамлютка восстановлена. От железнодорожного движения отходит в сторону и, вероятно, выразится в разгроме продовольственных складов в Кокчетавском уезде, в котором неспокойно. Движение происходит под лозунгом - «Учредительное собрание, свободная торговля и уничтожение коммунистов». Операциями со стороны восставших белых руководит генерал Белов и некоторые из перебежчиков - колчаковских офицеров. 17 февраля в ночь, в районе Исилькуля, восставшими были захвачены две батареи. Сегодня одна батарея взята обратно со всеми снарядами. За другую идёт сейчас бой. Настроение в Омском гарнизоне спокойное. Все предупредительные меры на случай паники в городе приняты. №72/б.

Предсибревкома Смирнов».

Из разговора по прямому проводу помглавкома по Сибири В. И. Шорина и командира 85-й стрелковой бригады Н. Н. Рахманова. 18 февраля 1921 г.

«Ишим. Рахманов: Отряд 181-го полка, имевший боевое задание взять с. Локтинское, из дер. Быково двинулся на д. Кислая, по занятии которой двинулся на д. Травнинская, где имел сильный бой в продолжении шести часов с засевшим в домах противником. После боя отряд вынужден был отступить на д. Кислая.

Ввиду того, что конница противника (более 2000 коней), хорошо вооружённая, с пулемётом, охватила деревню Травинская, наша конница, принимавшая активное участие в бою, потерпела поражение: убит комотряд Лушников, комэскадрона имени Сибревкома Бузин Ф., выбит комсостав из строя.

Другая часть отряда, двигавшаяся на д. Мизоново, имела здесь также сильный бой. Другой отряд, шедший ему на поддержку по тракту на с. Локтинское в составе 100 штыков при пулемёте под командой помкомполка-232 Лютова, также был охвачен конницей противника. В настоящее время идёт горячий бой. С нашей стороны потери составляют 100 раненых и более 20 убитых с оставшимися ранеными на поле сражения. Противник поступает очень дерзко: выкалывает глаза вилами, рубит ноги и руки.

На северном направлении я занял линию Песьяны-Прокуткинское-Тушино-лобовское-Боково и ожидаю прибытия в с. Абатское тюкалинских отрядов. Из района Гольшиманово имеются сведения, что комполка-232 выслан отряд на д. Быстрая, что южнее в 8 верстах от Гольшиманово, для уничтожения пьянствующего и разгуливающего противника. О грядущем наступлении на ст. Гольшиманово с перерывом связи на желдороге никаких донесений не поступало. По полученным сведениям, но ещё не проверенным, казачьи банды организовываются в 10 верстах южнее станции Драгунка, подбивая местное крестьянство восстать и занять станцию. Выслан отряд для проверки. Если таковые организовываются, то разгромить.

Общее моё заключение: наблюдается появление кавалерийских частей из района Петропавловского. Они хорошо вооружены, имеют пулемёты. Видно, что руководят военные люди, так как используют каждый дом для препятствий. Кроме того, все дороги и сёла в округности забаррикадированы, замаскированы. Противник сидит в снежных окопах. Приходится выбивать огнём из каждого дома.

Доношу, что в полках полное отсутствие комсостава и опытных пулемётчиков. Так, например, из прибывшего в моё распоряжение 256-го полка был взят комсостав, занимавший штатные должности; помкомроты и помкомвзводов отсутствуют. В период этих боёв комсостав выбыл из строя, а настоящий - не годится.

С моей стороны принимаются все решительные меры, но благодаря отсутствию комсостава разработанные мною планы выполнить в точности не удаётся. Пополнение желательное вооружённое, хотя бы с одной пушкой. Дайте хоть одну, которая будет очищать линию».

Из оперативной сводки штаба помглавкома по Сибири.

«Омск, 19 февраля 1921 г. 6 час.

Ишимский боеучасток. Отряд, действующий к северу от Ишима, занял боем д. Прокуткинская Боровской волости, продолжает наступать на д. Большое Сорокино, где группируются повстанцы. Отрядом из частей 254-го полка занята д. Черемшанское, что 10 вёрст северо-западнее Ишима. Отрядом Лушикова после упорного боя заняты 17/2 деревни Кислое и Травное Гагарьевской волости, что южнее Ишима, продолжается наступление на Ларихинское. Наш отряд атаковал д. Тоболовское Безруковской волости, что 20 вёрст зап. Ишима, был отбит повстанцами, потеряв одного убитого и 13 раненых красноармейцев. Для поддержки отряда из Ишима выслана рота. Отряду Черемных приказано разбить повстанцев, группирующихся к югу от желдороги по реке Емец в направлении Ражевского. Сводным тюкалинским отрядом, наступающим от ст. Мангут, 18/2 занята с. Абатское, что 60 вёрст сев.-вост. Ишима.

Начоперупрсиб Бежанов, за военкома Горбунов».

Не отставали от красных и штабисты повстанцев.

Донесение командира 1-го корпуса повстанческой армии ишимского уезда Г. Д. Атаманова в Петуховский районный штаб.

«Село Локтинское, 19 февраля 1921 г.

«Довожу до Вашего сведения, что наши войска заняли деревни вблизи от Ишима: дер. Новолоктинку и Кислое. Необходимо требуется срочное дело - взять Ишим. Нужны силы, а наши силы уже ослабли ввиду всевременного боя. Прошу по возможности, если имеются в Вашем распоряжении войска, то командуйте часть с пулемётами. №35.

Командир корпуса Атаманов, начальник штаба Щетко».

Телеграмма начальника штаба народной повстанческой армии Ишимского уезда Петуховского района Едличко Новорыбинскому повстанческому штабу Петропавловского уезда.

«Ст. Петухово, 19 февраля 1921 г. 9 час. 20 мин.

«Приказываю Вам выслать в распоряжение штаба армии отряд казаков в 40-50 человек для отправки на Ишимский фронт для поднятия духа крестьянского населения, так как крестьяне мало уверены, что казаки восстали и работают совместно.

Начальник штаба армии Едличко».

Приказ начальника Ишимского повстанческого фронта В. А. Родина. «Село Налобинское 19 февраля 1921 г.

Объявляю войскам Ишимского боевого района, что я лично с вооружённой силой явлюсь на помощь и возьму руководство всеми боевыми операциями против Ишима. Приказываю больше не отступать до моего приезда.

Начальник Ишимского боевого фронта Родин, адъютант Белов».

И вновь тревожные сообщения от советских военных.

Телеграмма командования советских вооружённых сил Тобольского боевого участка в Сиббюро ЦК РКП (б).

«С. Усть-Ишим 19 февраля 1921 г.

Оперативный штаб Тобольского боевого участка шлёт вторую телеграмму.

Положение час от часу становится катастрофическое. Весь уезд объят восстаниями. Отряд коммунистов насчитывает всего 300 человек с 2 000 патронов и пулемётом с 300 патронами, готов к эвакуации из Тобольска. Противник по многочисленности не поддаётся учёту, приблизительно до 5 000 человек, хорошо вооружённых. Люди гибнут один за другим десятками. Волость присоединяется к волости. Город с военным складом и огромнейшими ценностями поддаётся разгрому. Противник, благодаря перебежавшему коммунисту, знает наши силы. Такого восстания, как здесь, не видели страницы советской истории. Нам нужно бы держаться да нечем: нет патронов и оружия. Необходимо несколько батальонов пехоты и эскадронов кавалерии. Наши отряды почти окружены. 500 человек коммунистов погибнут ни за грош. Движение разрослось стихийно, не будучи подавлено вначале. Положение не преувеличиваю. Главный штаб не уверен, сможет ли он выйти целым, а глав-

ное - сил тоже нет и патронов, окружены они противником с трёх сторон. Противник вооружён и опасен, так как большинство повстанцев - охотники-лыжники. Стоим на позиции - у стрелка по 20-25 патронов с одним пулемётом и 4 лентами. Противник даёт 4-5-часовой бой. Точно регулярная армия. Во имя спасения советской власти в губернии и на всём Севере необходимо дать помощь. Путь отступления нами взят на Слободчиково и на Тару. Скоро весь отряд соединится вместе, и его бойцы могут быть легко взяты в плен, не имея патронов. С Тюменью связи нет. Расстрел всех неизбежен. Каково будет положение в дальнейшем, будем информировать. При случае взятия Тобольска обратно необходимы будут траншейки. №36.

Начальник вооружённых сил Тобольского боевого участка Муркин

Военный комиссар участка и член президиума Тюменского губкома РКП (б) Семаков, начальник отряда Цыркунов».

Из оперативной сводки штаба помглавкома по Сибири.

«Омск, 20 февраля 1921 г., 6 час.

Ишимский боеучасток

Отряд Черемных с восстановительным поездом занял разъезд №31, что 15 вёрст западнее ст. Гольшманово, и двигается на запад, восстанавливая путь и телеграфную связь. Частями 232-го полка с боем занята д. Гольшмановская. Повстанцы численностью до 2 000 человек, занимавшие её, разбежались, понеся большие потери людьми и оружием. Частям полка приказано закрепить Гольшмановское, оставив здесь батальон, остальными силами направиться на Омутинское для ликвидации повстанцев этого района.

Наши отряд, наступавший на юг вдоль реки Емец, с боем занял деревню Брованово. Повстанцы бежали, преследуемые нашими лыжниками, в направлении Земляновского, где, по данным разведки, сосредоточилось до 2 000 человек бандитов, их штаб и обоз. Отряду приказано занять Земляновское и уничтожить бандитов.

Наши части, высланные в южном направлении от Ишима, окружают повстанцев в деревне Мизоновское, где идёт сильный бой. Сведений о результатах пока нет. Севернее Ишима нашими частями ведётся разведка на деревню Большое Сорокино и Знаменициково.

Участок Ишим-Омск - спокойно.

Петропавловский боевой участок

Бронепоезд №86 продвинулся до ст. Мамлютка, где восстановил испорченный повстанцами железнодорожный мост. К северу от Петропавловска, благодаря обходу частей 249-го полка, противник, занимавший район Солонька-Ольшанка, в беспорядке отступил на Ташкентку. Наши части продвигаются в район Ташкентки-Соколовское для разгрома повстанцев. Южнее города нами занимается дер. Архангельская, которую противник в ночь на 20/2 атаковал, но был отбит.

В районе Исилькуля нами заняты станция Николаевская, Лебяжье и продолжается продвижение и преследование повстанцев на Конюховское. Нами отбито ещё одно орудие. Повстанцы, отступая, захватывают все подводы, что не даёт нам возможности быстро перебрасывать пехоту для преследования повстанцев.

Кокчетавский район

Наши части в составе до 200 человек штыков и 150 сабель при пулемётах сосредотачиваются в ст. Еленинская, что 30 вёрст западнее Кокчетавы, для перехода в наступление на казачьи станции Челканская и Имантаевская. В районе ст. Сандыктавская, что на тракте южнее Кокчетавы, отмечается волнение казачьего населения. Для усиления нашего отряда в этом пункте высылается ещё один отряд в 100 штыков. НР 603/оп.

Начоперупрсиб Бежанов, военком Вележев».

Чтобы успешней противостоять красной армии, повстанцы не оставляли попыток организовать в единый боевой кулак.

Приказ № 30 начальника Сибирского повстанческого фронта. «Село Петухово 20 февраля 1921 г.

По части строевой:

1) Объявляю, что сформировался главный штаб объединённого Сибирского казачьего войска, находящийся в станции Ново-Николаевской.

2) Все боевые задания исходят от меня, и главный штаб казачьего войска приводит их в исполнение.

3) Начальником штаба, согласно желанию представителей объединённого казачества, бывших у меня в штабе в числе пяти человек 18 февраля, утверждаю бывшего полковника Генерального штаба гражданина Кудрявцева.

4) Начальником западной линии Сибирского фронта назначаю гр. Бердюгина, которому приказываю немедленно вступить в исполнение своих обязанностей.

5) Приказываю расформировать все волостные и сельские штабы, штабы разных армий, состоящих обычно из нескольких десятков бойцов, и сохранить только волостных и сельских комендантов. Отряды постепенно формировать в правильные войсковые части: команды, роты, батальоны, полки и т.д.

6) Приказываю при формировании частей наблюдать, чтобы в состав частей входили только вооружённые огнестрельным оружием. Вооружённые же пиками, вилами и т.д. должны составлять резерв армии. Мобилизованные и невооружённые образуют гражданское ополчение.

7) Приказываю невооружённых на фронт не отправлять, так как опыт показал, что эта часть армии при первом же выстреле с нашей или неприятельской стороны наводит только панику на войска и на население своим стремительным бегством. Обозы также в интересах спокойной работы держать не менее двух селений от фронта.

По части административной:

8) Опыт показал, что милиция, формируемая по назначению, всегда крайне неудовлетворительна по качеству и действует во вред народному интересу. Поэтому приказываю все обязанности её возложить в волостях и городах на выбранных представителей населения из числа членов временных советов, а самую охрану населения передать населению.

9) Приказываю организовать следственные комиссии для разбора дел арестованных только беспартийных и подозрительных: в волостях - волостную, по одному члену от каждого селения волости, в городах - городскую, по соглашению общественных организаций с комендантом города, из 6 человек. Приговоры о смертной казни и ходатайства о помиловании направлять мне.

10) Всех уличённых в расхищении народного добра из складов немедленно расстреливать.

11) Семьи всех расстрелянных коммунистов должны быть взяты под самый строгий надзор и, если местное население сочтёт нужным, - под арест.

12) *Скот коммунистических семей закалывать и отправлять на фронт.*

13) *Приказываю настоящий приказ распространить как можно шире в захваченных местностях и по мере продвижения вперёд.*

Начальник Сибирского фронта Родин».

Телеграмма начальника штаба РККА Республики П. П. Лебедева командующему войсками Приуральского военного округа.

«Москва, 21 февраля 1921 г.

Главком приказал подтвердить, что следующие в Сибирь части 21-й стрелковой дивизии и кавалерийские бригады 10-й кавдивизии, 161-й и 822-й полки 21-й кавдивизии поступают в Ваше распоряжение и должны быть использованы для боевых действий, задачей которых является восстановление железнодорожного движения и ликвидации восстания. По восстановлении движения части поступают в распоряжение помглавкома по Сибири. 21-я стрелковая дивизия должна быть обязательно пополнена Вами, как указывалось ранее. НР 289/ш.

Начальник штаба РВСР Лебедев. Военком Данилов».

Телеграмма помглавкома по Сибири В. И. Шорина командиру 85-й стрелковой бригады.

«Омск, 22 февраля 1921 г.

Во избежание лишнего кровопролития при взятии деревни Травное приказываю:

1) *установить имеющиеся у вас орудия на близких дистанциях и прямой наводкой метким огнём разрушать каменные строения, где засели бандиты.*

2) *из числа охотников, наиболее отважных, организовать команды, которым поручить производить взрывы домов при помощи ручных гранат.*

3) *организовать команды, которым поручить при помощи горючего материала производить поджоги домов.*

По выполнении тщательной предварительной подготовки решительно атаковать деревню, стремясь окружить её со всех сторон. НР 648/оп.

Помглавком Шорин, начштабсиб Афанасьев».

В ночь с 21 на 22 февраля под натиском повстанцев пал город Тобольск, и в нём сразу же закипела политическая жизнь.

Приказ № 1 по повстанческому гарнизону города Тобольска.

«Тобольск 22 февраля 1921г.

Назначается временным комендантом г. Тобольска Замятин Н. А., его помощником Ульянов С. В.

Начальник Северного отряда В. Желтовский

Начальник штаба Козлов».

Приказ №3 по повстанческому гарнизону города Тобольска.

«Тобольск, 22 февраля 1921 г.

Город Тобольск считается на осадном положении. Свободное хождение и езда граждан по городу разрешается с 8 часов утра до 6 часов вечера. Для ответственных должностных лиц в особо важных, связанных с прямыми служебными обязанностями случаях могут быть выдаваемы пропуска (ул. Свободы, дом Корнилова). Кроме воинских частей, исполнение настоящего приказа возлагается на гражданскую охрану.

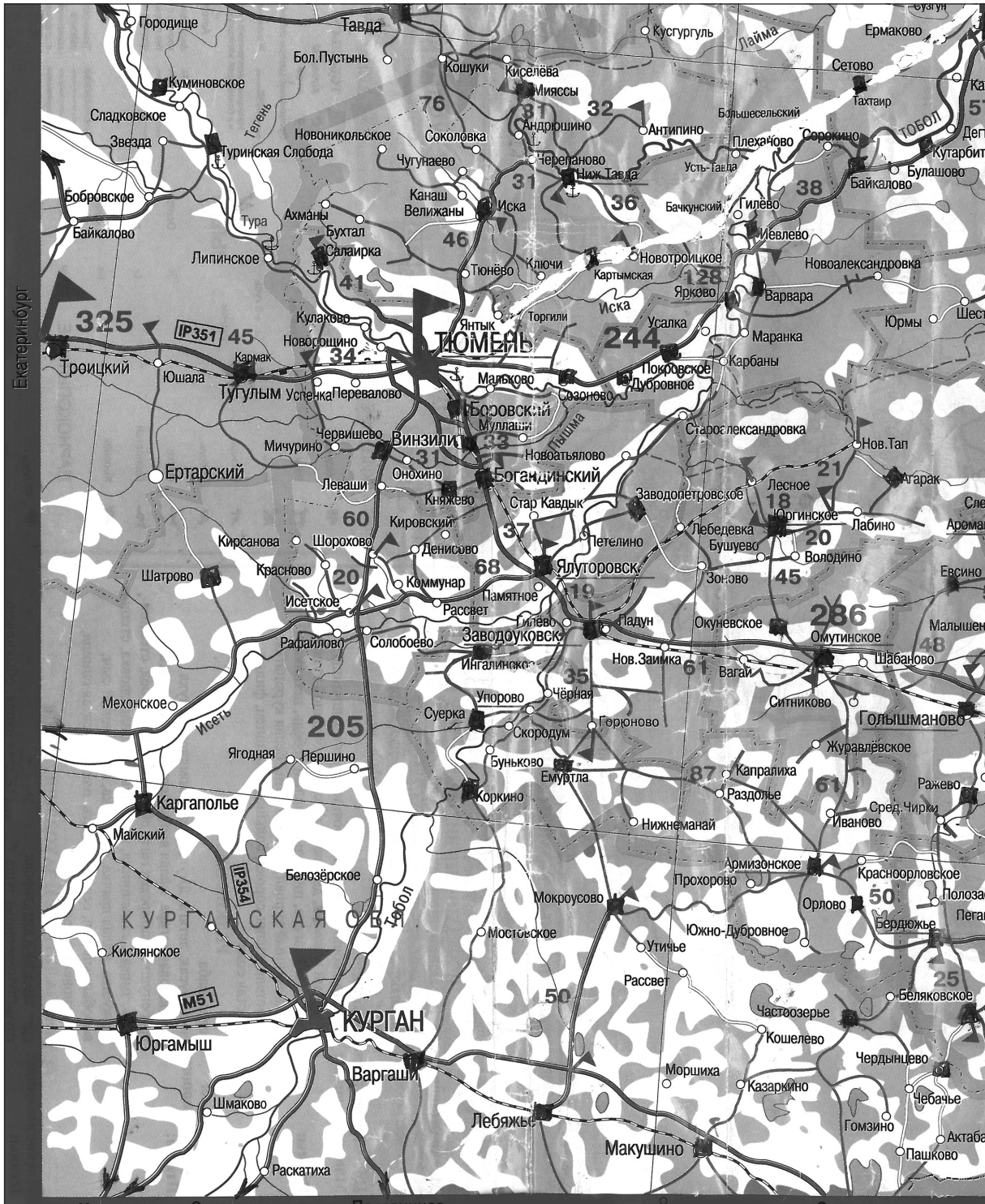
Врио коменданта Тобольска Замятин, помощник Ульянов».

Приказ №4 по повстанческому гарнизону города Тобольска.

«Тобольск, 22 февраля 1921 г.

Приказываю всем генералам, штаб и обер-офицерам и чиновникам военного времени до 60-летнего возраста включительно, проживающим в Тобольске, явиться 23 сего февраля к 10 часам утра в управление коменданта (ул. Свободы, дом Корнилова) для регистрации, имея при себе документы о личности и службе. Все, кто не явится, будут привлечены к ответственности по законам военного времени.

Врио коменданта Тобольска Замятин, помощник Ульянов».

Екатеринбург

КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

КУРГАН

ЮМЕЯ

БОГАНДИНСКИЙ

ЯЛУТОРОВСКИЙ

ЗАВОДОУКОВСКИЙ

КОРКИНО

УПОРОВО

ИНГАЛИНСКИЙ

МОСКОВСКИЙ

РАССВЕТ

МОРШИХА

КАЗАРКИНО

ГОМЗИНО

ПАШКОВО

ТАВДА

КОШУКИ

ИСКА

ТОРПЛИ

УСАЛКА

ПОКРОВСКИЙ

ДУБРОВНОЕ

ПЕТЕЛИНО

ПАДУН

НОВ. ЗАЙМКА

ВАГАЙ

ПРОХОРНО

ЮЖНО-ДУБРОВНОЕ

РАССВЕТ

МОРШИХА

КАЗАРКИНО

ГОМЗИНО

ПАШКОВО

ТАВДА

КОШУКИ

ИСКА

ТОРПЛИ

УСАЛКА

ПОКРОВСКИЙ

ДУБРОВНОЕ

ПЕТЕЛИНО

ПАДУН

НОВ. ЗАЙМКА

ВАГАЙ

ПРОХОРНО

ЮЖНО-ДУБРОВНОЕ

РАССВЕТ

МОРШИХА

КАЗАРКИНО

ГОМЗИНО

ПАШКОВО

ТАВДА

КОШУКИ

ИСКА

ТОРПЛИ

УСАЛКА

ПОКРОВСКИЙ

ДУБРОВНОЕ

ПЕТЕЛИНО

ПАДУН

НОВ. ЗАЙМКА

ВАГАЙ

ПРОХОРНО

ЮЖНО-ДУБРОВНОЕ

РАССВЕТ

МОРШИХА

КАЗАРКИНО

ГОМЗИНО

ПАШКОВО

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

После похода в Тобольск, небольшая передышка для кавалеристов и их верных коней была очень кстати. Огромные по расстоянию и времени переходы заметно измотали и людей и животных. Поэтому, оказавшись на заимке, кавэскадрон тут же приступил к активному отдыху. Бойцы ремонтировали сбрую и сёдла, перековывали лошадей, чистили и приводили в рабочее состояние холодное и огнестрельное оружие, а также позволяли себе иногда пображничать. Но продолжалось это недолго - всего три дня. Двадцать шестого февраля в расположении войскового лагеря появился связной и сообщил, что накануне днём вооружённый отряд красноармейцев покинул Большое Сорокино и вышел в сторону Кротово. «А кто в селе заправляет?» - спросил его Василий. «Назначенный военными волостной ревком из трёх человек, два милиционера и вооружённый отряд красногвардейцев из 30 человек. Вот тут на листке Колосов их места обитания описал», - ответил посыльный и передал Степану небольшой конверт. «Ещё какие новости ты нам принёс?» - поинтересовался Василий. «Плохие. Не знаю даже как о них говорить», - потупился парень. «Говори, как есть», - потребовал Аверин. «В общем, худо всё у нас в селе. После того, как куманьки заняли его, много крови пролили невинных людей. Шулепова с Рагозиным арестовали по чьему-то доносу, и в тот же день расстреляли на базарной площади прямо на глазах семей и всех жителей. А потом конфисковали всё их добро, а избы подожгли. И ещё в семье Колмаковой Анны беда произошла. Дня за два до нападения красных войск на Большое Сорокино её муж, на которого уже похоронка приходила, неожиданно домой вернулся, дезертировав из красной армии. Баба, как могла, скрывала его, но Зайчиков как-то пронюхал об этом и пошёл с другим милиционером арестовывать. Ну, в общем, Прокопий увидел их в окно и шасть из избы в огород, да не успел от милицейской пули спрятаться. Завалил его прямо за пригоном из револьвера

Зайчиков. Анна на него с вилами набросилась, но сделать ничего не успела, была сбита с ног другим милиционером. А сейчас её в каталажке держат. Что теперь с её детьми будет, ума не приложу», - рассказал связной. И немного помолчав, добавил: «Сказывают ещё, что в Ишиме Селивёрстова Ивана Константиновича и Макушина Петра Ефимовича то ли арестовали, то ли расстреляли, как пособников бандитов, то есть нас». «Да, брат, не лучшую новость ты нам принёс. Хорошо придётся теперь покумекать, как дальше нам жить», - произнёс Аверин и посмотрел на Василия. «А чо тут особо думать? Надо снова брать в свои руки село и наводить в нём порядок», - отреагировал на слова друга тот. «Пожалуй, ты прав. Нельзя нам затягивать с этим. А то ещё кого-нибудь из наших расстреляют или арестуют. Давай, приступай готовить своих бойцов к выступлению. В ночь выйдем из лагеря», - определился Степан. «Думаю, что тебе с дружинниками покамест нечего отсюда срываться. Мои два взвода без особого труда расправятся с отрядом куманьков и милиционерами. А когда завершим захват Большого Сорокино, пришлю к тебе Фильку с донесением. Вот тогда и выступишь с обозом дружинников для установления власти в селе и волости», - предложил Василий. «Хорошо. Давай так сделаем. Только я прошу тебя быть осторожным и зря под пули своих бойцов не подставляй. И вот ещё что. Если захватишь членов ревсовета и милиционеров в плен, не вздумай учинить над ними расправу. Народ их будет судить и наказывать», - предупредил Степан. «Сам знаю, не маленький уже», - процедил Губин, хотя внутренне был не готов выполнить своё обещание.

Узнав от брата, что в ночь кавэскадрону предстоит выдвигаться в сторону Большого Сорокино, Пётр даже обрадовался: «Займём село, может, в Большое Пинигино удастся на часок заглянуть». Он самолично проверил боеспособность и дух своих бойцов, осмотрел их вооружение и коней и оставшись довольным, пошёл на доклад к Василию. Выслушав командира разведвзвода, тот предупредил: «Присматривай за своими бойцами, чтобы не самовольничали очень, когда будут красных в плен захватывать. Народ их будет судить, а не мы. Наше дело захватить этих зверей тёпленькими, как это они сумели сделать с нашим первым взводом». «А если краснопёрые будут отстреливаться отчаянно?» - спросил Пётр. «В таком случае и твои бойцы пусть пуль и их крови не жалеют», - ответил Губин. На том и договорились. «Во-сколько выдвигаться из лагеря будем?» - спросил Петр. «В часов девять, не раньше. Чтобы в Большом Сорокино ближе к полуночи быть».

Но за час до выступления кавалеристов, из деревни Тиханиха в лагерь прибыл Мулявин Семён и сообщил, что из Готопутово на Большой Кусеряк по тракту движется крупный отряд красных. «Может, засаду куманькам организуем?» - загорелись глаза у Петра. «Нет. Пусть идут своей дорогой, а мы должны выполнить запланированную задачу. Одолеть большой отряд, вооружённый автоматическим оружием и пулемётом, нам будет не просто, а лишние жертвы сейчас ни к чему», - категорически заявил Василий и приказал: «Бери трёх бойцов и пробирайся к тракту. Как только красные пройдут, дай знать». «А если краснопузые решат в Тиханихе заночевать?» - спросил Петр. «Значит, на Большое Сорокино пойдём завтра».

Вестовой от Петра прибыл только через три часа. «Хрушkie воинские силы направились в сторону Большого Кусеряка. Видать серьёзная планируется там заварушка», - доложил он. «Конница есть?» - спросил Василий. «Сабель тридцать, не меньше. И на подводах сотни две бойцов едут», - отвечал вестовой. «Действительно, крупную бойню заваривают красные, если стягивают в район Кротово-Усть-Лотовка-Большой Кусеряк боевые отряды из Большого Сорокино и Готопутово», - подумал Губин, и посмотрев на командира первого взвода, скомандовал: «По коням!».

Петр с двумя бойцами поджидал эскадрон на задах деревенских огородов. «Ты прав, братуха, оказался, что не согласился с моим предложением. Осторожно куманьки шли по тракту. Отряд со всех четырёх сопровождали конные разведчики. Вряд ли мы смогли бы к нему подобраться незамеченными. Бой бы мог завязаться страшный. Уж больно хорошо вооружены красноармейцы этого отряда», - признал Чикирев. «Не переживай, Петруха. Чувствует моё сердце, что скоро встретимся мы с этим отрядом на узенькой тропинке», - пророчески заявил Губин.

На подступах к селу кавэскадрон оказался уже в два часа ночи. Подозвав Петра, Фадеева, Субботина Степана - вернувшегося после ранения в строй, и Фильку, Василий тихим голосом стал раздавать указания: «Согласно информации Ивана Колосова, красноармейцы располагаются в избе Мардусина Федота Терентьевича и на ссыпункте. Часть из них несёт службу по охране арестованных крестьян и членов ревкома. Милиционеры проживают в казённой избе, а ревкомовцы в общественном доме, прямо в своём кабинете. Поэтому, сделаем так. Под моё начало каждый взвод выделяет по пять кавалеристов, с которыми я нападаю на милиционеров и ревкомовцев. А с остальными бойцами вы должны обезвредить красноармейцев. Сделать это необходимо скрыто

и мгновенно. Любая неосторожность может привести к напрасно пролитой крови. Так что, придётся проявить военную хитрость и храбрость. Если нет вопросов, то давайте быстро организуемся и приступим к выполнению намеченного. Своих людей и патроны жалеть». «А мне какое указание будет?» - спросил Филька. «Тебе придётся первым пробраться в село к Колосову Ивану и предупредить его о нашем нападении на красных. Пусть собирает надёжных людей и организует дозорные посты на дорогах. Ни один краснопузый и предатель нашего народа не должны из села ускользнуть». «Понял», - коротко ответил Филька и стал отдаляться от эскадрона в сторону села. А через час после его отбытия, три отряда конников тоже направились решать стоящие перед ними задачи.

До рассвета оставалось не меньше трёх часов, но в избах сельчан уже началось движение. Подоив коров, бабы доставали с печей корчаги с поднявшимся за ночь тестом и приступали к выпечке на углях русских печей будущих душистых хлебных караваев. Мужики, у которых ещё сохранилось хоть какое хозяйство, в это время поили колодезной водой скот, подкладывали в ясли пахнущее летом сено и чистили пригоны от накопившихся за ночь глыз. Хранящие тепло и оберегающие ночную семейную жизнь плотные ставни на окнах они открывали позже, после восхода солнца. Из некоторых хлебов раздавался крик отважных петухов, а из подворотен на улицу выскакивали мелкие дворняжки и звонким лаем сообщали округе о своём существовании. Почуя, что по селу крадётс конница, они резко усилили свой лай. Но видно крепко спали красноармейцы и их командиры, что не услышали тревожного предупреждения четвероногих постовых и не забили тревогу.

Взвод Петра остановился саженой за триста до цели и спешился. «Действовать скрытно, но уверенно. Окружим красных с двух сторон и одновременно ворвёмся в помещения ссыпного пункта. Стрелять по людям только в исключительном случае», - выдал Чикирев привычную в таких случаях команду и разделил бойцов на две группы. «Всё, ребята. Пошли. С Богом», - призвал Пётр и все, кроме одного бойца, который остался сторожить коней, направились следом за ним.

Быстро преодолев расстояние до ссыпного пункта, пешие кавалеристы с особой осторожностью окружили его и резким броском ворвались на территорию. Находящийся в сторожевой будке постовой красноармеец заметил их только тогда, когда открылась дверь помещения, в котором отдыхали остальные бойцы его отряда. На ходу передёргивая затвор трёхлинейной винтовки,

он выскочил на улицу, но тут же был сбит с ног чьим-то сильным ударом. Падая на снег, боец нажал на спусковой крючок и прогремел выстрел. В тот же миг нападавший поднял над ним саблю и с силой опустил на его голову. Красноармеец дёрнулся, выкрикнул какие-то безсвязанные слова и затих. Нападавший перескочил через труп и побежал догонять своих.

Несмотря на прогремевший выстрел, отдыхающие красноармейцы не сразу отреагировали на него. А когда до их сознания дошло, что на них совершено нападение, было уже поздно: в комнату ворвалось с десяток вооружённых повстанцев и в темноте прозвучал грозный голос старшего: «Вздумаете шопериться, будете все порублены как собаки». А ещё чуть позже, кто-то выкрутил в керосиновой лампе посильнее фитиль и осветил комнату желтоватым светом. «Всё, братья-славяне, отвоевались вы со своим народом. Будем судить вас по условиям военного времени», - изрёк Пётр и зло улыбнулся. Но в это время со стороны дома Мардусина Федота раздались винтовочные выстрелы и застрекотало автоматическое оружие. «Видно не успел Фадеев застать куманьков врасплох», - подумал Чикирев и приказал Гарину из Пегухи: «Гаврюха, оставляю тебе пять бойцов для охраны этих субчиков, а я с остальными побегу на помощь к нашим».

Отряд Фадеева и на самом деле не успел захватить красноармейцев спящими. Выстрел постового на сыпункте прогремел раньше, чем они ворвались в просторную избу Федота. А когда вскочившие на ноги красноармейцы, схватив винтовки, полураздетыми стали выскакивать на улицу, прятаться в пригоне, амбаре и сарае и беспорядочно стрелять, то Сергей и вовсе растерялся. «Где их теперь, чертей красных, в этой темноте отыщешь? Хоть бы Петька со своими подскочил на помощь. А то ведь разбегутся, краснопузые, кто куда», - подумал Фадеев, и стал вглядываться в сторону избы. «Сергей, ты где?» - услышал он голос Чикирева. «Здесь, за зародом», - ответил Фадеев. И уже через минуту появившийся рядом Пётр спросил: «Предлагал краснопузым сдаться?». «Нет. Да разве они согласятся на это? Их человек пятнадцать, не меньше. Да ещё и автоматическое ружьё имеют», - с сомнением произнёс Сергей. «А это мы сейчас проверим», - решительно заявил Чикирев и громко стал выкрикивать: «Бойцы, мы со своими братьями-крестьянами не воюем. Нас куманьки шибко обидели и разозлили. Они и вам головы затуманили бреднями о каком-то коммунизме. Чушь это всё, мужики. Куманькам власть над нами нужна, чтобы свои капризы и нужды удовлетворять. А мы для них как были быдлом, так им и останемся, если не сбросим их со своей шеи. Весь мужицкий народ Сибири

на защиту своей чести поднялся. Вот и в нашем крестьянском войске тысячи полторы штыков насчитывается. Не сдадитесь добровольно, выловим всех и расстреляем, как врагов крестьянского народа. Нам торопиться некуда. Дождёмся рассвета и начнём вас выковыривать из пригона по одному. Большое Сорокино уже больше часа как в наших руках. Думайте скорее, а то поздно будет. А так, смотришь, и живыми останетесь». Прошло минут пять и из амбара прозвучал ответный голос: «Сдадимся, если в плену держать не будете и домой отпустите». «На кой вы нам в плену. Вас ведь кормить надо, а комиссары всё добро у крестьян отобрали. Проверим на вшивость и выпустим восвоюси», - пообещал Пётр. «Ну, тогда, добро. Выходим мы на двор, только не стреляйте», - донеслось из амбара. «Оружие своё не забудьте с собой прихватить, чтобы нам его потом не искать», - приказал Пётр и обратился к Фадееву: «Иди, Серёга, принимай краснопузых по счёту».

С ревкомовцами отряд Василия разделался быстро. Без единой помарки и задоринки обезвредили дремавшего в сенках красноармейца и мгновенно ворвались в рабочий кабинет красных начальников. Бывший однополчанин Василия, а ныне председатель Большесорокинского волостного ревкома и непримиримый враг сибирского мужика Чернов Иван даже проснуться не успел, как почувствовал на себе чей-то тяжёлый взгляд. «Вставай комиссар, пора ответ перед гражданами села держать», - услышал Иван знакомый голос. Тот было резко дёрнулся, пытаясь выхватить из под подушки револьвер, но сильный удар по голове не дал ему возможности сделать это. «Не взлягивай понапрасну, Чернов. Разбызыкивайся скорее, оболокайся и готовься людям в глаза смотреть», - предупредил Губин и обратился к двум молоденьким помощникам Ивана, присланным в село из чужой местности: «А вы чо зенки вылупили и брылы распустили? Тоже оболокайтесь и ждите решения граждан на счёт своей дальнейшей участи». Те нервно хлопали ресницами и смотрели на своего главного начальника. «Али вам чо-то непонятное сказал наш командир? Быстрее шоперьтесь, а то я вам сейчас нагайкой ускорение придам», - зло улыбаясь, предупредил представителей советской власти Бибиков Василий из Московки. «Собери оружие арестованных, возьми двух бойцов и оставайтесь их сторожить. Если надумают бежать, стреляйте по ним без жалости. А мы милиционеров пойдём задерживать», - предупредил Бибикова Василий и вышел из избы.

Попадавший не раз в подобные переплёты, Зайчиков, как только сквозь сон услышал выстрелы со стороны избы Мардусина Федота, сразу понял, что

на село напали повстанцы, у которых к нему есть серьёзные претензии. Однажды он уже был в такой ситуации, но тогда ему от ответа на вопросы граждан Большого Сорокино удалось убежать. Вот и на этот раз ждать встречи с ними Зайчиков не захотел. Подняв по тревоге двух младших милиционеров, он быстро объяснил им обстановку в селе, приказал хватать оружие и следовать за ним. И сделал это вовремя, так как буквально минут через пять в пустую казённую избу ворвались повстанцы. Поняв, что Зайчикову вновь удалось скрыться от него, Василий рубанул саблей по столу и взревел: «Догнать этого хряка! Не мог он далеко уйти! За мной!».

Словно чувствуя, что с задержанием милиционеров произошла осечка, Пётр рванул со своими бойцами в сторону казённой избы. Но не успели они далеко отбежать от ограды Мардусина, как в предрассветной мгле в саженях двадцати от себя заметили мчавшихся в сторону реки трёх всадников. «Не наши. Наши пешком по селу передвигаются. Неужели краснопёрые улепётывают?» - пронеслось в голове у Чикирева и он недолго раздумывая, приказал: «По конникам огонь!». Через мгновение раздались несколько прицельных выстрелов, а ещё через какое-то время, Петр понял, что пули достигла цели, так как безжизненные тела двух всадников сползли с седел, а третьего верхового под себя подмяла раненая лошадь. Чикирев и его бойцы в горячке бросились в сторону подбитых, забыв об осторожности. В это время из-за спины лежащей лошади прогремели несколько револьверных выстрелов и двое повстанцев, взмахнув руками, упали ничком прямо в снег. А через мгновение от туда же прозвучал ещё один выстрел, пуля которого вонзилась в плечо Петра и опрокинула его навзничь. Чикирев собрался было подняться, но страшная боль пронзила всё его тело и он потерял сознание.

Когда Василий подбежал к месту стрельбы, то первое, что увидел, было бледное окровавленное лицо лежавшего на снегу брата и испуганные глаза Зайчикова, сидящего на корточках. От вспышки гнева у него потемнело всё вокруг. Он непроизвольно выхватил из ножен шашку и поднял её над головой старшего волостного милиционера. Ещё миг и казнь бы неминуемо свершилась. Но вовремя подоспевший Степан Субботин, перехватил руку командира и твёрдым голосом произнёс: «Не надо самосуда. Пусть народ решает, как с этим зверем поступить». Василий посмотрел на него бешеными от гнева глазами, громко выругнулся и приказал: «Петра срочно доставьте к фельдшеру, а этого гада посадите в каталажку. Я с ним позже поговорю».

Но этому разговору не суждено было состояться. К казённому дому, во дворе которого находилась волостная каталажка, Зайчикову привели как раз в то время, когда из неё выпускали на свободу задержанных три дня назад комиссарами активистов восстания и простых граждан. Среди них была и Колмакова Анна. Заметив старшего волостного милиционера, которого охранял повстанец, потеряв душевное равновесие и враз забыв божью заповедь «Не убий», она с диким криком вырвала из рук бойца винтовку с примкнутым штыком, передёрнула затвор и, не целясь, выстрелила в грузное, бесформенное тело милиционера. Затем подбежав к Зайчикову и не дожидаясь, когда он упадёт на землю, женщина с силой воткнула в его выпирающий живот штык. Старший волостной милиционер ещё дёргался в предсмертных конвульсиях, когда Анна резко повернулась и пошла прочь от поверженного ею личного врага. Это произошло так быстро и неожиданно, что все, кто находился рядом, даже не успели отреагировать на событие и предотвратить убийство. Но среди собравшихся к этому времени граждан села и повстанцев не оказалось таких, кто бы осудил женщину. Анна отомстила этому человеку за гибель своего мужа, за осиротевших детей, за свою бабью долю, которой ей пришлось нахлебаться по самое горлышко, и за всех своих односельчан.

Сразу по завершении операции по захвату села, Колосов Иван собрал членов волостного повстанческого штаба и провёл с ними собрание. Первым делом он сообщил о потерях, которые понёс большесорокинский актив во время захвата куманьками села и о положении в уезде: «В середине февраля в Ишиме за агитацию по свержению власти коммунистов была задержана большая группа граждан, среди которых оказались жители села Макушин Пётр Ефимович и Селивёрстов Иван Константинович. Эти люди являлись нашими глазами и ушами в логове коммунистов. 22 февраля ревтрибунал Сибири вынес всем задержанным смертный приговор. Поэтому, как только куманьки ворвались в Большое Сорокино, они стали искать людей, которые были связаны с расстрелянными. В результате подлого предательства Чернова Ивана и некоторых других граждан, ими были арестованы и расстреляны Рогозин и Шулепов. А кроме этого, было конфисковано их имущество и сожжены избы. Такая же участь постигла хозяйства семьи Губина Василия и Фадеева Сергея. Сегодня мы снова вернули мужицкую власть в нашем селе. Очистим от этих супостатов и деревни волости. Но надолго ли? Из информации надёжных людей следует, что коммунисты за последние дни получили дополнительные воинские подразделения, которые в настоящее время брошены на уничтожение восставших, проживающих вдоль Челябинской и Екатеринбургской железных дорог, и срывающих поставки си-

бирского хлеба в Москву и другие крупные города западной России. Сколько эти бои продлятся, сказать сложно. Но если потуги коммунистов увенчаются успехом, то они тут же направят эти войска на наведение своих комиссарских порядков в отдалённых волостях уезда. Так что впереди нас ждут очень тяжёлые испытания». «Волков бояться - в лес не ходить. Надо меры принимать, чтобы краснопёрые подольше завязли в районе железной дороги. А поэтому, считаю, что не стоит ждать красных здесь, а надо помогать повстанцам, которые действуют вдоль железных дорог», - высказал своё мнение Василий. «Согласен с тобой. Но и волость нельзя оставлять без присмотра и защиты», - сказал Аверин. «Я и не говорю, что всех наших бойцов и дружинников надо направлять на помощь южным соседям. Предлагаю только подвижную и наиболее боеспособную часть нашей мужицкой армии направить. Отберу самых надёжных и умелых пятьдесят кавалеристов и выступлю завтра с ними в сторону Голышманова. Говорят, что там основные силы повстанцев сосредоточены», - с готовностью произнёс Губин. «Надо бы по этому поводу с Шевченко посоветоваться. Может, ему самому помощь нужна. Разведка сообщила, что отряды красноармейцев из Готопутово и нашего села в сторону Кротово и Большого Кусеряка проследовали», - высказался Аверин. «Согласен. Я прямо сейчас направлю к нему своего человека. Думаю, что уже к утру он вернётся», - ответил Василий и вышел из избы. Но, оказалось, что посылать связного к Шевченко ему не потребовалось. Буквально через десять минут после того, как он покинул избу, в неё вошёл представитель от Шевченко и сообщил совету о ситуации, сложившейся в последние сутки вокруг Кротово: «После того, как мы окружили отряд красноармейцев, наступающий на Кротово, и стали его уничтожать, к нему на выручку пришло мощное подкрепление. Чтобы не понести большие потери в живой силе, нам пришлось покинуть село и отойти в болота за Большим Кусеряком. Командир направил меня к вам для того, чтобы вы завтра вечером вышли в сторону Кротово и помогли выбить из него красных. Начало штурма он назначил на полночь. С севера наступление будут осуществлять Балахлейский повстанческий отряд и истяцкие татары, а с юга - отряды Аромашевского повстанческого гарнизона». «Срочно найди Губина Василия и передай ему, чтобы не отправлял своего связного к Шевченко, а возвращался в штаб совета», - приказал Аверин дежурному бойцу и спросил у посыльного: «Пётр Семёнович рассчитывает на всё Больше-сорокинское войско или только на кавалерийский эскадрон?». «Об этом он мне ничего не сказал. Поэтому сами решайте, как вам поступить», - ответил тот. «Понятно. Сейчас придёт командир эскадрона и мы примем окончательное решение», - пообещал посыльному Степан.

После возвращения Василия в штаб, члены повстанческого совета быстро пришли к единому мнению. Было решено направить на помощь северным соседям и соратникам по борьбе с красной чумой кавалерийский эскадрон в полном составе и пятьдесят бойцов на подводах. Получив исчерпывающий ответ на просьбу Шевченко, вестовой попрощался и отправился назад в расположение своего повстанческого полка.

Закончив с вопросом военной помощи соседям, члены совета перешли к вопросу ответственности бывшего председателя волостного ревкома Чернова Ивана, его двух помощников и красноармейцев, оставленных комиссарами в селе для наведения большевистского порядка и охраны новой власти. О мере ответственности милиции перед гражданами вопрос не поднимался, так как физические лица, занимающие эти должности, были уничтожены во время захвата села, а также в результате мести Колмаковой Анны. После обсуждения, совет постановил создать судебную коллегия из трёх уважаемых граждан села, которой и поручить решить судьбу захваченных в плен пособников коммунистического режима. В этот же день избранная судебная коллегия провела своё первое заседание и вынесла вердикт: «Рассмотрев по существу вопроса все обвинения к арестованным пособникам коммунистов, мы постановили: за жестокость и нетерпимость, проявленную председателем поселкового ревкома Черновым Иваном к гражданам обеих полов села Большого Сорокино и деревень волости, приговорить его к смертной казни через расстрел. За проведённые лично изъятия имущества у граждан села и сожжение их жилья и хозяйственных построек, приговорить помощников председателя волостного ревкома Коломейцева Андрея и Кудрявого Ефима к такому же наказанию. Солдат-красноармейцев подвергнуть публичной порке кнутами и отпустить на свободу. В случае их согласия служить в рядах восставших мужиков, от этого наказания они могут быть избавлены. Приговор окончательный и подлежит к исполнению в течении суток. Председатель Аверин Павел Петрович, помощники: Брагин Андрей Яковлевич и Сеногноев Михаил Александрович».

Как проходил расстрел членов волостного ревкома Василий не видел, так как был занят подготовкой отряда к походу на Кротово. Но от тех, кто принимал участие в этом процессе, узнал о поведении Чернова во время объявления ему приговора. Он плакал, ползал на коленях перед Авериним Степаном, выпрашивая пощады, проклинал своих идейных друзей, бросивших его в такую тяжёлую минуту, вспоминал заповеди божьи и молил помощи Всевышнего. И только винтовочный выстрел остановил земные мучения, человека, который

предал Бога и свой народ и поддался дьявольскому искушению, которое исходило из идеологии марксистских философских учений и бредней коммунистических идиологов революции.

28 февраля, сразу после полудня, сводный отряд под командованием Губина вышел в сторону Кротово. Перед этим Василий побывал у Петра в фельдшерской избе и справился о его здоровье. «Тяжёлое ранение получил ваш боец. Пулю я из его плеча вытащил, но как дальше дело пойдёт - не знаю. Будем надеяться только на его молодой организм и помощь Божью», - сообщил волостной фельдшер. «Если что брату потребуется из лекарств - обращайтесь к Аверину Степану. Всё, что сможет, он обязательно сделает», - предупредил Василий и добавил: «Если вдруг в село вновь ворвутся красные, то постарайтесь переправить Чикирева Петра на заимку. Иначе они его прямо здесь, в кровати, и расстреляют».

Первую короткую остановку отряд сделал на полпути, не доезжая пару вёрст до Покровки. Отправив Фильку на разведку в село, Василий позвал Фадеева, Торощука Мефодия из Московки, сменившего Петра на должности командира первого взвода, и Чечулина Илью, возглавляющего пеших бойцов и провёл с ними небольшое совещание: «Наша задача до одиннадцати часов вечера добраться незамеченными до окраины Кротово. На двенадцать часов запланирован штурм села, во время которого мы должны занять его юго-восточную часть. Сигналом для начала выступления будет набат церковного колокола. Бой предстоит тяжёлый, поэтому предупредите своих бойцов, чтобы соблюдали максимальную осторожность. А ты, Мефодий, сразу после прохода отрядом через Покровку, пошли вперёд человек пять разведчиков. И накажи им, чтобы держались от нас не дальше, чем за версту, а в случае обнаружения подозрительных людей, пусть тут же подадут сигнал».

Филька обернулся уже через полчаса и доложил: «Всё чисто, командир. В селе ни наших и ни красных нет. Местный мужик сказывал, что большой отряд куманьков прошёл по Покровке без остановки два дня назад. Торопился, по-видимому, сильно». «Ну, раз так, то тогда и мы вперёд двинемся», - принял решение Василий и громким голосом, скомандовал: «Эскадрон по коням! Вперёд, рысью - марш!».

Уже на выходе из села, голову Губина словно магнитом повернуло направо, и он с жадностью стал всматриваться в окна избы, в которой ещё недавно проживала его единственная и желанная девушка Полина. И хотя окна были закрыты ставнями, он надеялся, что через небольшие щели сможет рассмотреть

дорогое сердцу лицо. Но чудо не произошло, и образ девушки не появился. «Увижу ли я её ещё когда-нибудь или так и останется на моём сердце рана от жгучего чувства и душевного стремления?» - подумал Василий, тяжело вздохнул и дёрнул поводья. Воронко понял состояние хозяина по-своему и тут же ускорил бег. Не ожидавшие такой прыти командирского коня, бойцы эскадрона, а с ними и сидящие на подводах заметно отстали. Очнувшись от наваждения, Василий оглянулся, натянул поводья и сердитым голосом пробурчал: «Куда торопишься? Успеешь ещё свою прыть показать».

До Кротово оставалось ещё вёрст пять, когда Василий приказал отряду остановиться. «Филька, ты дуй вперёд, догони разведчиков, и уже с ними осторожно обследуйте все подходы к селу. Мы вас будем ждать здесь», - выдал он поручение своему вестовому. «А если на засаду напоремся или в плен попадём?» - задал неожиданный вопрос паренёк. «О таком даже и думать не смей. Ты - разведчик опытный, везучий и даже стреляный, так что с заданием справишься без всяких происшествий. Ну, а если вдруг случится, не дай Бог что, то подойдём поближе к селу и будем ждать бой колокола», - ответил командир и машинально погрозил Фильке нагайкой. Тот улыбнулся в темноту и почти с места пустил своего коня в галоп.

Время в ожидании возвращения разведчиков шло медленно. А тут ещё налетевший неведь откуда дуван стал пронизывать насквозь лопатины бойцов, вынужденных находиться в неподвижном состоянии. «Сколько же сейчас времени? Поди, одиннадцать часов, не меньше», - подумал командир эскадрона и полез в карман овчинных штанов. «Долго ещё будем здесь стоять? Может, пора выдвигаться вперёд?» - услышал он голос Фадеева. «А ну, чиркни спичку и посвети мне, я время гляну», - попросил командир. Сергей достал из кармана полушубка коробок, зажёл спичку и наклонился к Василию. «Уже половина двенадцатого! Где же наши разведчики?» - спросил он сам себя. «Вон едут», - ответил Фадеев, думая, что вопрос был задан ему. «Где же вас носило так долго? Давайте, докладывайте скорее», - потребовал Василий. «В общем, разведку мы провели глубокую. Всю южную и восточную часть Кротово на животах исползали. Красных в селе очень много. Большая часть их находится прямо на улице у костров, словно знают, что сегодня на них пойдём штурмом. Две пулёмётные точки мы обнаружили. Одна прямо на колокольне, а вторая на крыше казённого дома. С нашей стороны на дороге засад не заметили, но на окраине красные соорудили баррикады из брёвен и телег. Так что если нападать на них, то только с флангов», - ответил за всех Андрей Абросимов из Курмановки. «А

как же теперь с колокольни нам сигнал подадут, если там пулемётное гнездо расположено?» - машинально задал вопрос Василий и не услышав ответа, командовал: «Эскадрон, по коням!», и через минуту добавил: «Мужики, бойцы, по всем приметам нам предстоит участвовать в тяжёлом бою, из которого могут выйти не все из нас живыми. Но мы сами выбрали путь борьбы с ненавистными коммунистами, оставившими наши семьи без хлеба, живности и годами нажитого горбом имущества. Так что, если кто и погибнет среди нас, то за правое дело и за светлое будущее сибирского хлебороба. Деритесь с врагом жестоко, не жалея себя, но и понапрасну голову не подставляйте. Вперёд, на Кротово! Поможем нашим братьям выбить общего врага из села!».

Приглушённый гул колокола долетел до ушей бойцов тогда, когда они, разделившись, начали обходить фланги обороны красноармейцев. «Видно, бойцы Шевченко заняли-таки колокольню», - подумал Василий и пришпорил Воронко. Первыми, кто попался на их пути, были красноармейцы, только что оторвавшиеся от костра и бежавшие на свои позиции. Губин выхватил из ножен саблю и припав к гриве Воронко, помчался вперёд на врага. Не отставали от него и остальные кавалеристы. В это время на всех окраинах села зазвучали выстрелы, душераздирающие крики и боевые призывы. С каждой минутой этот шум усиливался и превращался в единый гул. И даже ночная темнота не спасала тех, кто с оружием в руках противостоял друг другу. Василий уже привык ко всему этому, поэтому не задумывался над справедливостью своих поступков, а делал работу хладнокровно, осмотрительно и наверняка. Вот и сейчас, догнав очередного красноармейца, он, привычным движением руки с силой опустил на его голову клинок и не оглядываясь, помчался дальше. Командир знал, что за ним следуют бойцы, и его поведение для них является примером. В бою время летит незаметно. Привыкшие к нечеловеческому, страшной силы вою, уши отключаются, а зрение, наоборот, обостряется. Шальные пули, выпущенные с обеих сторон и из всех видов оружия, пчелиным роем и с пронзительным свистом пролетают в воздухе и находят случайную цель. Ещё немного, ещё чуть-чуть, и чаша победных мгновений неминуемо начнёт перетягивать в чью-то сторону. Неважно сколько потребуется для этого человеческих жертв, а важно у кого первым сдадут нервы и он начнёт делать ошибки. Ещё раздавались с крыши казённого дома пулемётные очереди, во всех углах села бухали винтовочные выстрелы и оралы, ввязавшиеся в смертельную схватку русские мужики, а в воздухе уже чувствовалась горьковатая радость победы, смешанная с пороховым дымом, запахом крови и безграничного человеческого горя. На чьей стороне была эта победа, сказать сложно, но она уже была.

Всматриваясь в позиции противника, Василий вдруг заметил, что прямо на него во весь опор мчится небольшой отряд конников, в котором выделялся своими габаритами и под стать себе конём огромный бородатый мужик в будёновке. Губин не стал уклоняться от прямого столкновения, а скомандовал зычным голосом: «Выставить вперёд пики и приготовиться к рукопашному бою!», рванулся навстречу к врагу. Расстояние между отрядами кавалеристов сокращалось с каждой секундой. Ещё одно мгновение и послышался металлический лязг сабель, глухие удары пик об тела противников и их коней, и отборный мат вперемешку с предсмертными выкриками. Василий первым попытался достать пикой здорового красноармейца, но тот с удивительной лёгкостью увернулся от неё и тут же саблей рубанул по черенку. Оставшийся в руках кусок деревяшки Василий отбросил в сторону и приблизившись к борадачу вплотную, ловко нанёс ему удар саблей по руке, в которой тот держал поводья. Красноармеец скрипнул зубами, прорычал матерные слова и поднявшись во весь рост на стременах, взмахнул высоко над головой Василия шашкой. Но верный Воронко, словно чуя, что хозяину грозит опасность, резко поднялся на дыбы и шарахнулся в сторону. Шашка противника с шумом пролетела мимо цели, черкнув своим концом копыто коня. Гнев и ненависть наполнили сознание красноармейца, и он уже мало что соображая, стал махать клинком направо и налево. Мгновенно оценив обстановку и поняв, что закончить бой в свою пользу саблей не удастся, Василий выбрал момент и хладнокровно вогнал пулю из нагана в мощную грудь достойного противника. Тот прекратил размахивать саблей и стал медленно сползать с коня набок. Губин выхватил из его руки поводья, и перекинув их через голову лошади противника, выкрикнул: «Филька, прими коня». Когда разведчик оказался рядом, тяжёлое тело красноармейца уже окончательно сползло на утопанный снег.

Бой за Кротово закончился ближе к утру победой повстанцев. Не выдержали красноармейцы натиска мужиков, дрогнули и в спешке отступили в сторону Преображенки. Закончив их преследование, Василий со своим эскадронном вернулся в Кротово. Не дожидаясь рассвета, пеший отряд большесорокинцев и бойцы Шевченковского Народного полка стали стаскивать убитых и раненых на площадь напротив церкви, не деля их на чужих и своих. И чем светлее становилось, тем чаще во дворах, в пригонах, на улицах и в огородах обнаруживались пострадавшие. Не ожидая окончательного подсчёта потерь с обеих сторон, Шевченко собрал всех командиров в своём штабе и провёл детальный разбор боя. В заключение он сказал: «Сегодня мы одержали уверенную и громкую победу над краснопёрыми, хотя и сами понесли заметные потери.

Не простят нам комиссары своего поражения. Сейчас их основные войска, получившие дней десять назад мощное подкрепление из центральных губерний России, заняты в боях с армиями повстанцев, действующих вдоль железнодорожных линий. Особенно их продвижение тормозит Петуховско-Макушенский район военных действий, где задействованы повстанческие армии Сибирского фронта под началом командующего Родина Владимира Алексеевича. Не дают краснопёрым спокойно налаживать железнодорожное сообщение с Тюменью, а, значит, с центральными областями России, и наши соседи - аромашевцы. И чем дольше это противостояние будет сохраняться, тем больше у нас времени, чтобы закрепить здесь, на севере Ишимского уезда, мужицкую власть. Помощь в этом нам обещает оказать и Тобольское повстанческое правительство, которому мы в своё время подставили своё крепкое плечо. Кроме того, Главным штабом Северного фронта на 7 марта назначено военное совещание, где будет решаться вопрос об объединении всех действующих на территориях Ишимского, Петропавловского, Кокчетавского, Ялуторовского и Тюменского уездов воинских армий, частей, полков и небольших отрядов, и создании единой структуры управления повстанческими войсками. Если это удастся сделать, то коммунистам придётся улепётывать из Сибири и забыть сюда дорогу. На это совещание поеду я и кто-то от вашей волости. Не за горами и создание Всесибирского мужицкого государства со всеми необходимыми для этого атрибутами власти. Так что, от нас с вами зависит - быть над нами коммунистам или не быть. И сегодняшний ночной бой с красными ответил на этот вопрос. А теперь, поговорим о делах неотложных. Как я уже сказал, для комиссаров сейчас главным является борьба за железную дорогу, по которой они должны постоянно отправлять в центральные губернии и Москву эшелоны с сибирским хлебом. Перерыв в движении поездов, который образовался в результате восстания мужиков, достиг уже более двух недель. Для главных куманьков, которые сидят в уездных и губернских кабинетах, это смерти подобно. Ленин и Троцкий не простят им и расстреляют по законам военного коммунизма. Поэтому, мы обязаны помочь этим гадам получить заслуженную «награду» от своих идейных отцов. А чтобы такое у нас получилось, мы должны оказать военную поддержку повстанцам Аромашевского гарнизона. И я предлагаю отправить усиленный кавэскадрон под началом Губина в район военных действий, в распоряжение начальника указанного гарнизона Богомолова», - закончил выступление Пётр Семёнович и строго посмотрел на присутствующих командиров. «Когда выходить в сторону Аромашево надо?» - спросил Василий. «Сегодня, а то станется так, что завтра уже поздно будет», -

ответил Шевченко и обведя командиров взглядом, добавил: «Если нет ко мне больше вопросов, то приступим к исполнению своих прямых обязанностей».

Вернувшись на площадь, куда совсем недавно доставили последних убитых и раненых бойцов, Василий даже ужаснулся их количеству. «Сколько среди них наших?» - спросил он глухим голосом Фадеева. «Убиты девять бойцов из эскадрона и четырнадцать пеших, и ещё семь человек ранено», - доложил Сергей. Командир ненадолго задумался, затем твёрдым голосом сказал: «Оставьте тяжело раненых в Кротово, а мёртвых и легкораненых грузите на сани и отправляйте домой. Чечулин пусть сегодня же выезжает». «А эскадрон надолго здесь задержится?» - спросил Сергей. «Перед эскадронам поставлена другая задача. Уже сегодня мы должны выйти в сторону Аромашево на помощь повстанцам, ведущим бои вдоль железной дороги. Пусть Илья передаст об этом Колосову», - ответил Василий. Неожиданно его внимание привлёк к себе выделяющийся своими габаритами огромный труп ночного противника. «Какой здоровый мужик погиб. Ему бы пахать, зароды метать да осенью с полей хлеб убирать, а он за какую-то мировую идею жизнь отдал. Что это уж за идея такая, что за неё такие справные парни гибнут?» - подумал командир эскадрона и отвёл взгляд от убитого им красноармейца. И тут он вспомнил лошадь, на которой мчался к нему навстречу этот боец. «Филька, где конь, которого я тебе ночью передал?» - выкрикнул Василий. «На привязи с твоим рядом стоит», - ответил спокойно тот. Губин молча повернулся и пошёл по направлению к казённому дому.

Конь и в самом деле оказался под стать своему седоку. Огромный каурый дончак переминался с ноги на ногу и настороженно смотрел в сторону незнакомца. «Ну, что, не стало твоего хозяина? Придётся тебя нашему «генералу» подарить. Я ему обещал такого как ты найти», - тихо произнёс Василий. Словно поняв его слова, конь жалобно заржал. Василий взял его под уздцы и повёл к избе, где находился штаб Шевченко.

«Пётр Семёнович, я обещал тебе найти доброго коня?» - спросил, улыбаясь Василий, когда вошёл в горницу, где находился Шевченко уже один. «Обещал», - подтвердил командир повстанческого полка. «Ну, тогда иди, смотри на него. Если понравится, то забирай, жалеть не буду», - предложил Губин. «Неужели и вправду ты о своём обещании помнил?» - не поверил Шевченко, но на всякий случай подошёл к окну и выглянул на улицу. «Ты где такого красавца отхватил? Да ему цены нет!» - с восторгом в голосе произнёс Пётр Семёнович и прямо в рубахе выскочил из избы. Василий улыбнулся и пошёл за ним. «Ну, спасибо,

Василий Иванович, за то, что уважил меня и сделал ценный подарок. Спал и видел во сне такого коня. Как его хоть зовут?» - спросил он, но поняв, что ответа не услышит, произнёс: «С сегодняшнего дня Кауркой буду его называть». «Ну, ладно, Пётр Семёнович, ты тут разбирайся с конём, а я пойду эскадрон готовить к походу», - заявил Василий и направился в сторону расположения своих бойцов. «Эскадрон докомплектуй кавалеристами моего полка и патронов возьмите с собой побольше», - крикнул Шевченко вдогонку.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

От Кротово до Аромашево путь не так далёк. Всего-то шестьдесят вёрст. За последнее время кавэскадрон Большесорокинского повстанческого войска за сутки совершал и более длительные рейды. Поэтому, выйдя из села после полудня, Василий рассчитывал уже поздним вечером оказаться на месте. Но по дороге произошла небольшая заминка. Как уже было заведено, во время передвижения эскадрона, сзади и впереди его следовали конные разведчики. Не доходя до очередного пункта основной отряд останавливался на короткий отдых, а разведчики в это время обследовали окрестности и докладывали командиру о положении дел. Вот и в этот раз, версты за две до села Овсово, командир объявил бойцам короткий привал и стал поджидать известия от разведчиков. Но прошло почти два часа, а их всё не было. «Что с ними могло случиться? Вроде выстрелов не было слышно. Не нравится мне всё это», - с тревогой подумал Василий и подозвал Фильку. «Вот что, парень, тебе придётся пешочком прогуляться до села и узнать почему наши бойцы задержались так долго. Ну, а если их дорогой встретишь, то с ними вместе и вернёшься. Только будь осторожным. Чую я, что что-то неладное творится в Овсово», - предупредил командир. Не задавая лишних вопросов, Филька спрыгнул с коня и кинулся в сторону села. «Вот варнак! Не бежит, а словно по воздуху летит. Какой же всё-таки Филька проворный!» - проводил паренька восхищённым взглядом Василий. Вскоре посыльный скрылся за поворотом и вновь наступило томительное ожидание.

Филька тоже долго не показывался на горизонте. Поэтому волновался уже не только командир, но и весь эскадрон. И только когда на землю стали надвигаться вечерние сумерки, настороженный Василий заметил выбегающего из-за поворота паренька. «Командир, плохи дела. В селе стоит большой отряд красных, вооружённый двумя пулемётами и тяжёлым орудием. Видно, наши

бойцы были захвачены передовым заслоном этого отряда. Их сейчас держат в общественном амбаре и допрашивают», - выпалил скороговоркой Филька. «А тебе как удалось это всё прознать?» - удивился Фадеев. «А я не по тракту входил в село. За версту от Овсово свернул и полз по снегу до крайней избы. Ну, а хозяин помог мне во всём разобраться», - ответил паренёк. «Давно красные в село вошли?» - спросил Василий. «Нет. Мужик сказал, что только сегодня утром. Хотели, по-видимому, в Кротово к своим на подмогу идти да опоздали, а одни не осмелились», - ответил Филька. «Ну, что? Будем нападать на село или стороной обойдём?» - обратился Василий к командирам взводов. «Если бы наших бойцов у красных не было, то лучше бы было обойти Овсово стороной. Но не бросать же нам своих на растерзание», - немного подумав ответил Фадеев. «Я согласен с Сергеем», - поддержал Мефодий. «Что ж, раз у вас мнения совпадают, то и я не буду настаивать на другом. Поэтому, тянуть время не будем и прямо сейчас выступим вперёд. Но не по тракту, а по насту, как полз Филька. Первый взвод с левой стороны тракта, второй - с правой. Я пойду со вторым взводом», - определил стратегию Василий и добавил: «В затяжной бой не ввязываться. Наша задача - ворваться в село внезапно, прорваться до общественного амбара, забрать своих бойцов и выскочить из села в сторону Аромашево».

Фактор внезапности нападения эскадрона сыграл решающую роль в коротком бое, имеющем тяжёлые последствия для отряда красных. Задержав разведчиков противника, командир отряда даже и не подумал о том, что следом за ними следует целый кавалерийский эскадрон хорошо подготовленных и вооружённых бойцов. На допросе пленные в один голос утверждали, что они сбежали от бандитов во время кротовского боя и направлялись домой. Поэтому, когда на улице стали раздаваться выстрелы и воинственные крики нападающих, командир не успел еще портупею накинуть на себя, как в избе появились два бородатых и очень злых мужика. Не раздумывая, они почти враз в него выстрелили из наганов, перешагнули и направились в горницу. Но не обнаружив там никого, забрали у убитого портупею с револьвером, шашку в ножнах и вышли из избы. А уже минут через двадцать выстрелы затихли и кавэскадрон покинул село.

Остановив бойцов прямо на тракте недалеко от Овсово, Василий приказал командирам провести переключку личного состава взводов и доложить ему о потерях. Из докладов следовало, что безвозвратные потери эскадрона составили в количестве одного бойца, ещё пятеро оказались легко ранеными, но

способными оставаться в строю. Боевые трофеи были гораздо внушительней. Один пулемёт марки «Шоша», пять винтовок, три шашки, два револьвера, сотен шесть патронов разного калибра и пять строевых коней, на которые были посажены высвобожденные из плена разведчики. Совсем другие результаты потерь от внезапного нападения конницы получили красные. Кроме материального ущерба, повстанцами были убиты командир и комиссар, а также с десятков красноармейцев, не считая раненых. Такая арифметика, конечно, порадовала бы Василия и остальных кавалеристов, если бы они знали о ней, но понимая, что в Аромашево их поджидают более серьёзные испытания, им было не до эйфории.

В ставке повстанческого гарнизона Голышмановского района Василий появился рано утром следующего дня. Начальник военно-оперативного штаба Пономарёв и начальник гарнизона Богомолов находились уже на месте и принимали решения, соответствующие военному положению. Узнав из доклада Василия, что к ним на помощь прибыл кавэскадрон из северных волостей, они заметно обрадовались, а когда услышали о итогах боёв за Кротово и Овсово, лица их и вовсе покрылись довольной улыбкой. «Спасибо, командир, что весть нам хорошую принёс. Давно нас никто такими победами над комиссарами не радовал. И помощь ваша кстати. Необходимо срочно поддержать наши боевые отряды в районе между станциями Ламенская и Омутинская. Там сейчас идут ожесточённые бои за железную дорогу. Немного отдохните и выступайте в сторону указанных позиций», - дал указание Пономарёв.

3 марта сводный эскадрон кавалеристов Большесорокинской и Кротовской волостей вышел из Аромашево и направился по левому берегу реки Вагай в сторону села Усть-Ламенка. До конечной цели бойцам предстояло преодолеть почти 90 вёрст и пройти несколько селений, в каждом из которых их могла поджидать засада красных и жестокие столкновения. И группе разведчиков, движущихся впереди отряда, Губин придавал большое значение. Но и на этот раз им повезло - вплоть до села Усть-Ламенка эскадрон никакого сопротивления со стороны красных не встретил. Доложив старшему начальнику повстанческих войск о прибытии, Василий тут же получил от него указание: «Вам необходимо срочно пробраться окольными путями до станции Вагай, обойти её и с запада нанести удар по боевым отрядам красной армии, которые обороняют железную дорогу. Мы дважды пытались захватить станцию, и дважды были вынуждены отказаться от этой затеи. Уж очень цепко ухватились комиссары за этот участок. Особую опасность для наступающих представляет

бронепоезд, который прибыл на станцию три дня назад. От его кинжального огня погибло более сотни наших пеших бойцов. Если сможете нейтрализовать это железное чудовище, то с остальными краснопёрыми наши войска разделяются в два счёта. А для того, чтобы твой эскадрон смог незамеченным подобраться к станции Вагай, я выделю хорошего проводника».

Вернувшись из походного штаба повстанческой армии в расположение эскадрона, Василий собрал командиров взводов и провёл с ними короткое совещание. Рассказав о поставленном перед ними боевом задании, он добавил: «Несмотря на то, что мы только что преодолели большое расстояние, на длительный привал у нас времени нет. Уже через семь часов должны отбыть из Усть-Ламенки. Сообщите об этом бойцам и постарайтесь отдохнуть сами. Не забудьте и о лошадях».

Пробираться до цели эскадрону приходилось в тяжёлых условиях. Из пятидесяти вёрст, более половины были лесными буераками и снежными заторами. Лошади, измотанные предыдущими походами, из последних сил преодолевали возникающие препятствия, тут же попадая в новые. Во время коротких привалов кавалеристы слезали с коней, обтирали лоскутами от овчин их слезившиеся глаза и скребками сдирали панцирь намороженного пота. Некоторые бойцы незлобно ворчали: «Холера нас потащила в эту глухомань. Неужели другого пути проводник не знает? Так не заметишь, как коней своих запаришь до смерти». И только когда проводник подъехал к Василию и сообщил, что до цели осталось версты две, командир с облегчением выдохнул. Объявив эскадрону короткий привал, он подозвал Фильку и ещё двух бойцов и сказал: «После отдыха направляйтесь пешком вместе с проводником к месту предстоящих боевых действий. Внимательно изучите позицию и постарайтесь определить, где находится в настоящее время бронепоезд. Все обратно не возвращайтесь. Только Филька. А вы ждите эскадрон на позиции».

В расположении эскадрона удалой разведчик появился уже через полтора часа. Отдышавшись от быстрой ходьбы по сугробам и завалам кустарника, Филька доложил: «Отсюда до станции на конях добираться минут двадцать или меньше. С запада красные нас не ждут, поэтому заградительных сооружений не возводили. Вся живая сила их войск сосредоточена в восточном направлении и на флангах. Бронепоезд стоит в ремонтном депо, но на парах. Думаю, что он в любую минуту готов выйти на путь и приступить к отражению атаки. Сколько красноармейцев охраняет станцию - подсчитать сложно, но не меньше трёх рот, или даже полка. С нашей стороны подъезд хороший. Железная

дорога проходит сажен двадцать от леса, а посёлок начинается за полверсты. Можно быстро оказаться в районе станции». «Молодец, боец! Отдыхай пока, а потом впереди эскадрона со мной поедешь», - дал указание Василий и обратился к командирам взводов: «Нападать на станцию будем в сумерках. Днём можем потери большие понести. Пока же есть время для отдыха, которое необходимо провести с пользой».

Но ожидание назначенного времени прервалось сразу, как только со стороны станции послышались винтовочные выстрелы, пулемётный треск, буханье тяжёлого орудия и мощный гул человеческих голосов. «Повстанческие войска в атаку пошли. Необходимо срочно выступать к ним на помощь», - пронеслось в голове командира. Он вскочил на Воронко, привстал на стременах и крикнул: «Эскадрон! К бою готовсь! Рысью, марш!».

Достигнув опушки леса, за которой проходила железная дорога, Василий остановился и подозвал взводных. «Сергей, ты со своими должен перескочить через железнодорожное полотно и с южной стороны ворваться в пределы ремонтного депо, где на путях стоит бронепоезд. Необходимо сделать всё, чтобы его обезвредить. Я с остальными кавалеристами буду атаковать левый фланг красноармейцев, чтобы отсечь их от бронепоезда. Действовать необходимо смело и быстро. В случае попадания бойцов в зону пулемётного обстрела, срочно уходите из неё. При выведении бронепоезда из строя, гранаты и патроны не жалеть». «А если нам не удастся обезвредить бронепоезд? Тогда что делать?» - спросил Сергей. «Взрывать и разбирать железнодорожный путь перед ним», - ответил командир и отпустил товарищей к своим бойцам. А уже через пять минут, разделившись на два отряда, эскадрон выскочил из леса, и без шума и крика, бросился выполнять смертельную задачу.

На первых порах для большесорокинских повстанцев всё складывалось хорошо. Красноармейцы северного фланга заметили бойцов двух взводов только тогда, когда те на полном скаку влетели на их позиции и стали лихо махать острыми саблями и палить из винтовок и наганов. Не выдержав мощного натиска, красные дрогнули и побежали в сторону основных сил, которые вели фронтальный бой с наступающими пешими повстанцами. Не углубляясь в ряды основных сил красных, командир резко повернул направо и помчался в сторону бронепоезда, где в этот момент действовал взвод Фадеева. Эффект внезапности помог кавалеристам только на первых порах - в зоне обстрела бронепоезда он оказался бесполезным. Понадеявшись, что Фадеев нейтрализует железное чудовище, остальные бойцы во главе с Василием выскочили на

территорию прямой видимости и тут же попали под град пуль, изрыгающих тяжёлыми пулемётами из всех глазниц бронепоезда. Губин-младший, а за ним и все верховые, на полном скаку повернули направо, в сторону вокзала, но было уже поздно. Почти половина кавалеристов, вместе с конями, как снопы, свалились на землю. «Как же так случилось, что Сергей не сумел забросать бронепоезд гранатами?» - подумал Василий, когда с остатками взвода, оказался в безопасном месте.

Бронепоезд затих не сразу. Металлический звук непрерывно работающих пулемётов и взрывы гранат, брошенных бойцами первого взвода, слились в единое эхо и только после этого, выплюнув из стволов несколько пуль, словно захлебнувшись, пулемёты заглохли. Воодушевлённые победой над зловещим железным зверем, большесорокинцы стали пытаться попасть во внутрь. Но сделать это оказалось непросто. Металлические двери были изнутри наглухо закрыты на надёжные запоры. Воспользовавшись прекращением кинжального огня из бронепоезда, отряды пеших повстанцев тотчас пошли в атаку. Сняв сопротивление первых рядов красноармейской защиты, они устремились вперёд, в сторону станции. Шальные пули накрыли всё пространство небольшого станционного посёлка. Они свистели, гудели и ныли, пугая коней и людей своей непредсказуемостью. Поняв, что взломать железные двери бронепоезда не удастся, взвод Фадеева, соединившись с остатками бойцов эскадрона, рванул на встречу отступающим красным. Победа бы оказалась за повстанцами, если бы не появившийся со стороны Тюмени железнодорожный состав, на открытых платформах которого находились хорошо вооружённые красноармейцы. Они на ходу спрыгивали на землю и прицельно вели огонь по наступающим. Атака захлебнулась и отряды Народной Армии стали искать укрытие. В это время вновь ожил бронепоезд. Он выпустил из трубы огромный клуб дыма, по-разбойничьи свистнул и сорвался с места. А ещё через какое-то время из его бойниц загрели выстрелы, накрывшие пулями территорию, где находились большесорокинские кавалеристы. «К лесу отходить!» - успел выкрикнуть Василий и тут же ощутил мощный удар в спину. И вновь, как уже было не раз, Воронко спас своему хозяину жизнь. Неимоверным прыжком он сорвался с места, и на глазах красных, понёсся напрямик в лес. В догонку прозвучали запоздалые выстрелы, но вреда коню и его всаднику они уже не принесли.

Свесив руки как плети по обе стороны шеи Воронко, командир лежал на гриве четвероногого друга и даже не стонал. Промчав с окровавленным хо-

зяином на спине, версты две по тракту на восток, конь остановился. А минут через пять к нему подскочили ещё несколько бойцов эскадрона, среди которых были Филька и Торощук. Первым Василия осмотрел Мефодий. «Жив?» - с тревогой спросил Филька. «Вроде дышит», - неуверенно ответил командир второго взвода и прыгнул на землю. Остальные бойцы последовали за ним и помогли снять с жеребца обессилевшего и заметно потяжелевшего Губина, положив его на кем-то брошенный полушубок. «А ну-ка, паря, посторонись, дай мне посмотреть командира», - прозвучал голос Москвина Андрея из Большого Кусеряка. С помощью Мефодия и Фильки, он осторожно стянул с Василия меховую поддёвку, затем холщовую рубаху, обтёр ею кровь вокруг раны и стал внимательно осматривать её. «Повезло мужику. Насквозь пролетела пуля. Если внутренности не нарушила, то не только жить, но и воевать будет», - произнёс он и стал накладывать на рану, из которой струйкой сочилась кровь, разорванную на куски нательную рубашку. «У кого опояска широкая есть?» - спросил Москвин и посмотрел на окружавших его бойцов. «На. Может подойдёт», - сказал Кривых Василий из Стрельцовки и протянул пояс. «Как раз будет», - пробурчал Андрей и стал туго обматывать тело командира.

Пока возились с раненым, отряд догнали ещё несколько бойцов эскадрона. Сообразив, что в связи с ранением Губина и отсутствием по неизвестным пока причинам Фадеева, остался в эскадроне за старшего Мефодий сделал переключку и с горечью воскликнул: «Целый взвод потеряли!». Потом он велел бойцам снять с Воронко потник, положить на него командира и попеременно нести до первого населённого пункта. Уже в дороге, Василий пришёл в сознание и не понимая, что с ним произошло, попытался сползти с потника. «Лежи, командир, и не шевелись. Зацепило тебя сильно», - предупредил рядом идущий Филька.

Деревня, которая оказалась на пути эскадрона называлась Малая Крутая. Изъяв в первом же дворе сани и сбрую, Мефодий запряг своего коня, приказал осторожно положить на них командира и пересев на Воронко, повёл отряд дальше. «Сколько же наших мужиков полегло! И все они навечно останутся здесь, на чужбине. И как же теперича смотреть их родственникам в глаза буду», - мысленно размышлял Торощук, продвигаясь с отрядом оставшихся в живых бойцов в сторону дома. А Василий в это время то приходил в сознание, то вновь забывался. И лишь к концу первых суток передвижения по незнакомой местности состояние его стало более устойчивым. В Аромашево Мефодий не стал заходить, а прямо от деревни Кармацкая, через Бурлаки и Московку,

повёл отряд на Большое Сорокино, до которого оставалось ещё 90 вёрст. Лишь часть бойцов из Кротово и Большого Кусеряка откололась и двинула строго на север.

Смертельно уставшие, голодные и злые, на окраине своего села кавалеристы появились на вторые сутки, в середине дня. Определившись на постой, они замертво упали кто-куда мог и погрузились беспробудный сон. А над Василием в это время хлопотал волостной доктор и принимал необходимые меры по обеззараживанию раны. К концу того дня домой вернулись ещё несколько бойцов, участвовавших в бою на станции Вагай, но Фадеева Сергея среди них так и не оказалось.

Не успели ещё кавалеристы прийти окончательно в себя, как поступило тревожное известие о том, что со стороны Усть-Ишима, в сторону Викулово, вышел полк регулярной красной армии для подавления восстания во всех волостных центрах и населённых пунктах северной части Ишимского уезда. Колосов Иван и Аверин Степан приняли решение вывести из Большого Сорокино воинские подразделения и раненых на заимку, оставив в селе только небольшой актив и дружинников. Принимать бой с регулярными войсками оставшимися силами они не решились, а ждать подкрепление из Кротово уже было поздно. Обозы с ранеными и остатки эскадрона покинули село 9 марта ранним утром, а уже к вечеру в Большое Сорокино вошёл стрелковый полк с вверенным ему кавалерийским взводом и стал наводить свои порядки. Начались порки граждан села нагайками, мародёрство, пьянки, насильования и расстрелы. Чем бы это закончилось, сказать сложно, если бы 11 марта в Большое Сорокино не прибыли утверждённые коллегией отдела управления Ишимского уездного исполкома советов - председатель волревкома Старовойтов, члены Грязев и Козлюков. Не прошло и недели после вступления их в должности, как председатель волревкома Старовойтов доложил в управление уездной милиции о том, что члены Рядовиченского сельского совета Юрченко Григорий и Кумаев Семён, Мало-Сорокинского - делопроизводитель Алексей Тысецких, а так же все члены Козловского, Ворсихинского, Александровского и Стрельцовского сельсоветов участвовали в восстании. Милиция прореагировала на это сообщение оперативно. Уже на следующий день все перечисленные граждане были арестованы и этапированы в Ишим.

Докладывая в уездный центр о врагах советской власти, прибывшие руководители волости не чувствовали себя до конца полными хозяевами положения в ней. Они понимали, что среди граждан села и деревень большинство

недовольны коммунистами и в любой момент могут вновь подняться против них. Тем более, по слухам, боевые отряды повстанцев не разбежались по домам, а скрываются где-то в северной части волости. Поэтому, в целях обеспечения личной безопасности новых руководителей и наведения революционного порядка, по приказу военных, в селе расквартировался целый взвод красноармейцев, который граждане должны были обеспечивать продовольствием и фуражом. Но у обобранных до нитки и единого зёрнышка крестьян выполнить этот приказ не было возможности. И тогда вновь власть прибегла к насилию. Это был ужас бесконечного хождения по мукам земного ада. Народ замкнулся каждый в своей скорлупе. Безразличие к своей судьбе и судьбе ближних, очерствление, озлобление и омертвление к тому, что ещё совсем недавно было каждому дорого и желанно, утопили общество в своей пучине. Во многих семьях уже нечего было есть даже детям, и их родителям приходилось постоянно заниматься поиском пропитания. В дело пошло всё. Дохнувший от отсутствия корма скот, убитые лошади, собаки и даже крупные крысы, разжиревшие на трупах домашних животных. Люди ели это и боялись, что до наступления настоящей весны и такая пища закончится. Они уже даже не думали о том, на ком будут пахать землю и чем засеивать свои наделы. Поражённые апатией и душевной пустотой, граждане села не имели сил к сопротивлению и готовы были в любую минуту умереть, чтобы избавиться от этих мирских испытаний. А что они могли ещё сделать, чтобы изменить свою участь? Кому нужна была их жизнь, кроме них самих? Разве думали коммунисты о них, когда бросались грабить их добро, создаваемое годами? Нет. Они думали только о том, как сохранить свою власть, так как больше всего на свете боялись быть растоптанными и распятыми обманутыми ими людьми. Для них гибель сотен тысяч сибирских крестьян было ничто, по сравнению с их собственной жизнью. Коммунистам очень хотелось стать вечными героями, принёсшими земное счастье народу большой страны. На эти подвиги их воодушевляла возможность быть увековеченными в бюстах, портретах, названиях улиц, городов, пароходов и заводов. А то, что при достижении всего этого прольётся море человеческой крови, их не волновало. Подумаешь, кровь бородатых, тёмных мужиков и их клушек-жён! Пройдёт время, и в России ещё миллионы наплодятся таких бессловесных рабов.

Вот на таком фоне общественного сознания и начали свою деятельность очередные представители новой власти в Большом Сорокино. Немного освоившись, они приступили к поиску и извлечению из общества активных участников восстания и им сочувствующим. Вскоре в волостной каталажке

появилось двадцать семь арестантов, среди которых были три женщины: Алдакимова Агриппина из Преображенки, Стрельцова Татьяна и Стрельцова Фёкла из Пинигино. Сообщив в управление уездной милиции об этом, Старовойтов стал поджидать оттуда следователей, которые должны были на месте провести допросы задержанных и принять решение по их дальнейшей судьбе. Председатель волревкома побоялся брать на себя ответственность за вынесение приговоров, зная судьбу его предшественника на этом посту Чернова Ивана.

В помещении, в котором лежало девять человек раненных, было светло и уютно. Заведовал фельдшерским хозяйством волостной врач Сидоров Трофим Сергеевич, а Колмакова Анна, Мягих Агапия из Стрельцовки и Сеногоева Матрёна из Крутихи были его активными помощницами. Благодаря их повседневной заботе и материнскому вниманию, раненые бойцы быстро шли на поправку. Не исключением был и Василий. Уже на пятый день, после пребывания в лазарете, он стал потихонечку двигаться и самостоятельно совершать походы до отхожего места, оборудованного на улице. Опекающий его Иван Васильевич, смастерил сыну удобный костыль, и тот во время ходьбы постоянно им пользовался. Василий радовался своему выздоровлению и единственное, что омрачало настроение, это воспоминание о последнем походе. Оно приходило к нему внезапно и держало в напряжении часами. «В гибели бойцов я виноват, не приняв достаточных мер предосторожности. Не надо было лезть с открытым забралом на бронепоезд. Это чудовище необходимо из тяжёлых орудий расстреливать, а не голыми руками захватывать. Таких ребят потерял! Разве после этого я достоин быть командиром? Нет и нет! Как же теперь их близким в глаза буду смотреть?.. Нет для меня у них прощения», - беспощадно клеймил себя Губин-младший. Заметив настроение Василия, Пётр пошутил: «Братуха, если ты будешь заниматься самоедством, то до посевной не выздоровеешь. А нам же ещё до этого времени надо куманьков с сибирской земли изгнать». «Сам-то ты как себя чувствуешь?» - спросил Василий. «Здоров, как бык. Готов хоть сейчас прыгнуть в седло и в поход отправиться», - ответил бодро тот и задорно засмеялся.

Однажды к ним в комнату заглянул Аверин Степан. По его лицу, Василий сразу понял, что что-то случилось, но спрашивать не стал. Первым разговор начал Степан. Рассказав о состоянии дел в Большом Сорокино и волости, он добавил: «Вчера на заимке побывал Шевченко и сообщил неприятные новости. В общем, военное совещание по объединению всех вооружённых форми-

рований под единым руководством, которое планировал провести Главный штаб Ишимского фронта в районе станции Петухово, не состоялось. Ряд командиров отказались входить со своими отрядами в состав единой сибирской армии. Более того, они обвинили главнокомандующего Ишимским фронтом Родина в шпионаже в пользу красных и прислуживании им. В результате чего, его свои же бойцы сначала пытали, затем раздели донага, прямо на улице облили холодной водой и расстреляли. А сам фронт развалился на мелкие отряды, которые примкнули к другим повстанческим армиям. Вот такие, братья, нехорошие новости принёс я вам». «О положении на других территориях что-то слышно?» - поинтересовался Василий. «Сейчас интенсивные события происходят в Ялуторовском и Тобольском уездах. В первом - восставшие постоянно портят железную дорогу и взрывают мосты, а во втором – создаются вооружённые отряды и отправляются на Север. Уже Самарово и Сургут захватили. Не дают мужики расслабляться красным в Курганской, Кокчетавской и Петропавловском уездах. Но главным направлением для коммунистов остаётся борьба с повстанцами нашего уезда и особенно - в районах прилегающих к железным дорогам Омск-Екатеринбург и Омск-Челябинск. Огромные воинские силы на уничтожение наших отрядов куманьки бросили. Целые бригады и полки регулярных войск из центра им на подмогу прислали. Жарко скоро будет у нас. Быстрее выздоравливайте, и - в строй», - закончил Степан. И добавил: «Чуть не забыл вам сказать и приятную новость. Фадеев и ещё несколько бойцов на днях вернулись. В том бою их легко подранили, а коней убили. Пришлось им пешком до Кротово добираться. Сейчас Сергей где-то на шевченковском острове подлечивается, домой вернётся, как только силы появятся». «Вот за это известие тебе и в самом деле большое спасибо. А как собираетесь помочь нашим людям, которые сейчас томятся в волостной каталажке?» - полюбопытствовал Василий. «Пока не знаем. Но то, что их надо спасать, это точно». «Решайте быстрее. Их могут в любое время в Ишим отправить, а оттуда нам их не вытащить». «А сам-то ты что посоветуешь?». «Сегодня же ночью налететь на каталажку, освободить всех, посадить на подводы и привести сюда. С комендантским взводом бой не надо завязывать. Для этого наших сил не хватит», - ответил Губин-младший. «Ладно. Подумаем ещё немного над этим и примем окончательное решение», - пообещал Степан.

В отсутствие Василия, обязанности командира кавэскадрона принял на себя Суздальцев Егор. Несмотря на то, что во время последнего похода эскадрон безвозвратно потерял более двадцати человек, пополнение состава произошло быстро. Новые кавалеристы в основном были из Готопутовской и

Викуловской волостей. Парни молодые, ловкие и рвущиеся в бой с ненавистными куманьками. Поэтому, сразу после того, как было принято решение идти в Большое Сорокино на выручку своих, Суздальцев поднял эскадрон по тревоге и затемно повёл его выполнять задание. А уже утром все освобождённые, живыми и здоровыми, прибыли на заимку. Не было потерь и среди бойцов эскадрона, которые за два с небольшим месяца из зелёных, необстрелянных парней превратились в опытных, беспощадных и бескомпромиссных солдат, защищающих мужицкую правду и честь сибиряка.

Ночное нападение на каталажку взбесило Старовойтова. Он диким голосом орал на своих помощников и командира комендантского взвода, которых считал виноватыми в произошедшем, и угрожал им различными карами. Те терпеливо выслушивали гневный мат председателя волревкома и втайне надеялись, что скоро его запас матерных слов закончится и он успокоится. Видно, поняв это, Старовойтов замолк. Через минуту он приказал: «Часовых, которые стояли, вернее, спали в это время на посту, наказать по всем законам военного времени! А о вашем поведении я доложу в уезд. Пусть начальство с вами разбирается». Но по лицу председателя было видно, что не освобождение арестованных его так взволновало, а страх за то, что повстанцы и с ним могут в любое время разделаться. Старовойтов понимал, что отряды повстанцев будут держать в напряжении коммунистов до тех пор, пока они их не уничтожат полностью. А в то, что мужики Сибири способны очистить её территорию от большевиков, он не верил. Из постоянной информации уездной власти, Старовойтов знал, что в Ишим почти ежедневно прибывают из центральных областей России всё новые и новые воинские части. Но когда они смогут навести порядок в северных районах уезда, предугадать было сложно, так как основные силы красноармейцев направлялись на уничтожение сопротивления повстанцев вдоль железных дорог и на юге, вплоть до Петропавловска. Считать себя полноценным хозяином в Большесорокинской волости Старовойтов не мог. «Да Бог с ними, с арестантами. Надо будет лояльнее относиться к местным жителям. Пусть врагов советской власти среди населения ищут те, кому положено по должности, а нам это только во вред. Будем пока телеграфную связь восстанавливать да канцелярские дела налаживать, а там дальше видно будет, чем заниматься», - определился председатель сельревкома с кругом своих обязанностей и с облегчением вздохнул.

Через день после посещения Авериным палаты, Петр покинул её и вновь влился в ряды эскадрона. Василий даже позавидовал брату: «Живучий ты, Пе-

труха, как кот мартовский. Когда увидел тебя полуживым на снегу, подумал, что калекой до конца жизни останешься, а ты орлом выглядишь». «Не переживай, братуха, скоро и ты на своего Воронко взлетишь», - ответил тот и улыбнулся. «Если удастся в Большое Пинигино съездить, то не говори моим, о том что я ранен. Мамаля сильно переживать будет», - попросил Василий. «Поздно, командир. Тётка Евдокия уже знает об этом. Фирулёв Николай надесь вернулся из деревни и поведал мне об этом», - ответил Пётр. «Вот варнак. Кто же его за язык тянул?» - возмутился Василий. «Да разве мог он устоять перед просьбой тётки Евдокии? Она за тебя из любого душу вытянет», - заступился за товарища Пётр и попрощался с братом. А уже на второй день кавэскадрон вышел в сторону села Аромашево, где с новой силой разгорелись бои между повстанцами северной части уезда с регулярными войсками красных, от результатов которых во многом зависела участь крестьянского бунта ни только в Ишимском уезде, а и во всей губернии.

Узнав, что эскадрон покинул заимку, Василий не мог найти себе места. Его всё вокруг раздражало, злило и нервировало. Даже весёлое щебетание женщин-санитарок выводило из себя. Наконец, не вытерпев пытки и не долечившись, он тайком сбежал из лазарета, быстро собрался и сев на Воронко, выехал в сторону Кротово в надежде повстречаться с Шевченко. Но в штабе полка, ему сказали, что Пётр Семёнович уже три дня как находится на фронте и принимает непосредственное участие в боях в районе деревни Евсино, в тридцати верстах юго-западнее Аромашево. Сделав в фельдшерском пункте перевязку раны, Губин в туже ночь направился по указанному направлению. Старый фельдшер, который осматривал, посоветовал было Василию не пускаться в такую даль, но посмотрев на решительное лицо пациента, подумал: «Пусть едет. В боях и среди своих бойцов он быстрее вылечится или погибнет окончательно».

Полевой штаб Шевченко Губин отыскал только утром, когда на улице уже рассвело. Увидев командира Большесорокинского эскадрона, Пётр Семёнович заметно обрадовался: «А сказали, что ты при смерти лежишь. Обманули, оказывается, твои меня». «Некогда на больничной койке валяться, когда товарищи с куманьками в смертной схватке бьются. Вот выгоним узурпаторов с земли нашей, тогда и долечусь», - ответил Василий и улыбнулся. «Ну, раз вернулся в строй, то принимай командование над кавалеристами моего полка и своего эскадрона, который сейчас находится поближе к Аромашево», - приказал Шевченко и хитро улыбаясь, добавил: «Доброго коня ты мне подогнал. Век

этого подарка не забуду». «Не мог же я смотреть спокойно, как бойцы смеются над боевым командиром, когда видят его зад в седле, а ноги на земле», - ответил Василий и они вместе рассмеялись.

А уже через три часа, разобравшись с вверенными ему кавалерийскими отрядами, он погрузился в атмосферу войны, которая за два с половиной месяца превратила его из весёлого, миролюбивого и добродушного парня, в сурового, беспощадного и непримиримого воина. Однажды приняв решение бороться с коммунистами за их жестокость, коварство и бессердечие, Василий уже не видел себя вне этой борьбы. Он даже думать не хотел о том, что его и товарищей ожидает в ближайшее время. Жажда мести за поруганную честь сестёр, матерей и отцов, а так же всех сограждан, занимала всё пространство его крестьянской души.

Из официальной хроники

Осознав всю серьёзность вспыхнувшего восстания населения на почве чреды продрозвёрсток, обокравших коренное население тюменской губернии до нитки, и боясь личной ответственности за те ошибки, которые допустили во время их проведения, местные власти всех уровней стали лихорадочно искать пути выхода сухими из этого положения. И главным направлением в этом они выбрали военный. На свет стали появляться приказы, постановления и решения один жёстче другого.

«Оперативная сводка штаба помглавкома по Сибири на 24 февраля 1921 г., Омск.

Тобольский район

Ввиду превосходства сил повстанцев, окруживших Тобольск, наши части отошли на Дубровное, что 60 вёрст восточнее Тобольска, и Слободчиково, что 25 вёрст юго-западнее Усть-Ишима. Для ликвидации восстания в районе Тобольска приказано нашим отрядам, действующим севернее Ишима в районе деревень Готопутовское, Викулово и Большое Сорokino, оставив в указанных пунктах заставы, двигаться по Ишимскому тракту на Тобольск, отряду, сосредоточенному в Слободчиково, двигаться по Омскому тракту через Усть-Ишим на Тобольск.

Тюменско-Ялutorовский боеучасток

Новых сведений не поступало.

Ишимский боеучасток.

Южнее Ишима продолжаются упорные бои при 36-градусном морозе в районе деревень Ларихинское, Травное и Локтинское. У последнего пункта за 23/2 с нашей стороны 9 убитых и 25 раненых, есть обмороженные. Севернее Ишима наши части 23/2 заняли Готопутово, Викулово, откуда идет связь на север Тобольскому отряду в Слободчиково, что 25 вёрст юго-западнее Усть-Ишима. Части 232-го полка после часового боя заняли деревню Дранковская, что 10 вёрст северо-западнее села Гольшимановское. Продолжается наступление на Мальшиенское, куда отступили повстанцы численностью 2000 человек. Отрядом, наступавшим на Омутинское, 23/2 занято Ситниковское, что 15 вёрст юго-восточнее Омутинского. 23/2 после двухчасового боя занята Омутинская. Противник численностью около 2000 человек пеших и конных отступил в северо-западном направлении. Наше наступление на запад вдоль железной дороги продолжается.

Петропавловский боеучасток

В северном направлении нашими частями заняты деревни Соколовское и Горбуново. Произведена перегруппировка для преследования повстанцев, большей своей частью отходящих на Налобинское и Каменское, что к северо-западу от Соколовского. В южном направлении нашими частями занято Ново-Николаевское. НР 672/оп.

Начопротрсиб Бежанов, военком Вележев».

Протокол №14 заседания президиума Тюменского губкома РКП(б) с участием членов горuezдного комитета партии и контрольной ревизионной комиссии. «Тюмень, 24 февраля 1921 г.

Присутствовали: С. П. Агеев, А. К. Макаров, С. А. Новосёлов, А. М. Вадиковский, Г. Н. Екенин, М. А. Цейтлин, Н. П. Чертицев, В. Я. Ляхов, И. Ф. Первухин, К. Г. Шмуклер, Т. Ф. Кочуров, С. В. Шаблов, Самойлова, В. Х. Петров.

Слушали: 1. О положении губернии.

Постановили: 1. После доклада комбрига-61 и тов. Петрова постановлено:

1) Требовать из центра живой реальной силы и вооружения.

2) Установить наличие растерянности части отрядов, негодность младшего комсостава, почему необходимо усилить карательные меры по отношению к виновным, комсостав пропускать через политотдел 61-й бригады или губком.

3) Организовать работу по восстановлению партийно-советских аппаратов в местах, освобождённых от бандитов.

Секретарь (подпись)».

Но перед тем, как оказать военную помощь, центральные власти красной России в первую очередь потребовали ускорить отгрузку продовольствия.

Телеграмма главкома РККА республики С. С.Каменева помглавному по Сибири и командующему войсками Приуральского военного округа.

«Москва, 25 февраля 1921 г.

Приказываю:

1) Оказывать полное содействие воинской силой и трудовыми частями агентам наркомпрода по погрузке эшелонов с продовольствием как в районах, где не было восстаний, так и в освобождённых от бандитов, дабы всемерно увеличить погрузку;

2) При первой же возможности под охраной бронепоездов и бронелетучек продвигать продовольственные эшелоны на запад по назначению;

3) Об исполнении ожидаю донесения. НР 1062/оп./312/ш. Главком Каменев, помвоенком Илюшин, начштаба Лебедев».

Телеграмма помглавного по Сибири В. И. Шорина главкому РККА республики С. С. Каменеву и члену коллегии наркомпрода Н. П. Брюханову.

«Омск, 26 февраля 1921 г.

На Ваш НР 1062/оп/312/ш.

Путь Омск-Тюмень очищен. С 11 часов 25 февраля по 16 часов 26 февраля отправлено семь продмарирутов. Движению по линии Омск-Челябинск предполагаю открыть не позже 28 февраля. НР/оп.

Помглавкома Шорин, за начштаба Бежанов».

Закрепив свою власть в Тобольске и избрав органы управления городским хозяйством, повстанцы начали доводить новости о состоянии дел на фронтах до жителей всей губернии.

Оперативная сводка Тобольского главного штаба Народной повстанческой армии.

«Тобольск, 27 февраля 1921 г. 6 час.

Северный фронт

25 февраля нами занято село Демьянское. Вылавливание кучек северных коммунистов продолжается.

Восточный фронт

В беспорядке отступающий отряд коммунистов под командой Демьянова остановился на границе Тарского уезда, очевидно наткнувшись на партизан. Вся южная часть Тобольского уезда очищена от красных. Операции переносятся на Ишимский уезд.

Западный фронт

Отступающий противник пытается переходить в частное наступление, но эти попытки систематически отбиваются с уроном для неприятеля.

Тобольский главный штаб. Голос Народной Армии».

Разгневанное сдачей повстанцам Тобольска военное командование усилило свой нажим на действия красных отрядов.

Телеграмма помглавкома по Сибири В. И. Шорина командиру образцового отряда В. И. Рослову.

«Омск, 2 марта.

Медлительность ваших действий сильно отражается на ходе операций частей Ишимского района, действующих в южном направлении. Категорически требую развить самое энергичное наступление на север в направлении на Ларихинское для содействия частям комбрига-85 по разгрому повстанцев в этом районе.

Получение и исполнение донести. НР 743/оп.

Помглавкома Шорин, за начштабсипа Бежанов».

Из оперативной сводки штаба помглавкома по Сибири.

«Омск, 3 марта 1921 г. 6 час.

Ишимский боеучасток

1/3 повстанцы повели наступление на Кротово с трёх сторон: Вилково, Вытяжной и Усть-Лотово, общей численностью до 1000 человек, но были отбиты. Наши потери - 2 убитых, 9 раненых. В Кротово высылается поддержка из Ишима - 90 шт., 2 пулемёта, и из Тоболовской, что 20 верстах сев.-западнее Ишима, рота 181-го полка войск ВНУС. Отрядами, наступающими на север из района Малышенское и Усть-Ламенское, 1/3 с боем заняты деревни Евсино и Вагино (первая - 23 версты севернее, вторая 40 вёрст сев.-восточнее ст. Гольшманово). Продолжается наступление на Аромашевское. Южнее Ишима с боем занята 1/3 деревни Ключево, что 4 версты северо-восточнее Ларихинского, где захвачено 4 винтовки и берданки. От отрядов, наступающих на Ларихинское с востока и юга, сведений не поступало. При занятии д. Полковниково, что 40 вёрст зап. Ишима, мы потеряли 4 раненых и 2 лошади убитыми. Части 232-го полка ведут наступление из Ражевского на Средне-Чирковское, что 34 версты южнее ст. Гольшманово. Отряд лыжников из Козловки Ражевской волости наступает на д. Песьяново-Горбуново и Милохина (все пункты

38-42 версты юго-восточнее ст. Гольшиманово). В остальных районах поиски разведчиков.

Петропавловский боеучасток

Нашими частями в западном направлении с боем заняты ст. Петухово, село Теплодубровское. Сводный отряд достиг д. Алексеевка, что 25 вёрст севернее Кокчетавы, и занял исходное положение для наступления на г. Кокчетав.

Из других районов сведений не поступало. №746/оп.

Начперуртрсиб Бежанов, военком Вележев».

Протокол общего собрания командиров 2-го Медведевского полка Народной повстанческой армии при участии сотрудников штаба 1-й повстанческой дивизии.

«Село Луговое, 4 марта 1921 г.

Слушали: доклад командира 2-го Медведевского полка Баженова относительно устранения самосуда, как над пленными, так и над арестованными.

Постановили: обязать все штабы и воинские команды объявить населению и войскам, что за самосуд над военнопленными, будь он партийный или беспартийный, а также и над всеми арестованными, будь он больной или здоровый, те лица, которые учинят самосуд, будут отвечать такою же частью и даже более строго.

Делопроизводитель полка Сотнин».

Сводка Тобольского главного штаба Народной повстанческой армии.

«Тобольск, 4 марта 1921 г., 9 час.

Северный фронт

Наши части заняли Цингалы, захватив в плен 25 коммунистов при 25 винтовках, и продвигаются к селу Самарово.

Юго-восточный фронт

Организованный нажим в сторону Загваздино продолжается. Партизанами заняты юрты Карагайские, где захвачено в плен 5 коммунистов.

Юго-западный фронт

Тавдинская группа коммунистов продолжает отступать. На Тюменском направлении противник пытался перейти в наступление, но был отбит, причём потерял 10 человек пленными, 50 человек убитыми, много раненых, две автоматические винтовки, один пулемёт и 25 винтовок.

Южный фронт

Юг Тобольского уезда свободен от коммунистических отрядов. Очищены от коммунистов волости Лабинская, Агаракская и Плетнёвская. В боях захвачены партизанами пленные и 45 винтовок.

Подпись (неразборчиво)».

Не отставала от военной и пропагандистская деятельность повстанцев. В газете «Голос Народной Армии» появилась статья: «Зверства отступающих коммунистов».

«Отступающие отряды коммунистов, как видно из поступающих в штаб сведений, на своём пути чинят возмутительные зверства.

Вот некоторые из них.

Ворвавшись в село Кротово, коммунисты в селе и в окрестных деревнях вырезали и убили до 40 человек, причём ввиду отсутствия у них патронов, коммунисты свои жертвы режут и колют, иные трупы изуродованы до неузнаваемости. Так как все мужчины до 40 лет находились в повстанческих отрядах, то жертвами резни оказались старики и старухи.

Резня велась по «имущественным признакам» - уничтожали наиболее состоятельных, а всё их имущество затем ограбили. Особенно жестоко поступили с одним из мужчин: выколол ему глаза и вырезав язык, оставили его в живых.

В деревне Дресвянке Челноковской волости коммунисты убили 75-летнего старика с женою, разграбили всё их имущество до последнего лоскута, до последней дуги, и увели весь скот. В том же селе коммунистами зарезаны два брата только за то, что в момент вступления в деревню коммунисты встретили их на улице. Эта резня возмутила беспартийных красноармейцев, пригрозивших расправой коммунистам, если последние не останутся.

В селе Чёрном коммунистами убит один советский служащий. Там же одна старуха погибла только за то, что во время захвата Чёрного повстанцами она уличила жену одного коммуниста в присвоении овчин из продконторы. Перед уходом из Чёрного коммунисты расстреляли до 10 арестованных, имущество которых разграблено. Попутно отобраны у всех крестьян тулупы, из продконторы взято множество продуктов. Коммунисты грабили в Чёрном имущество повстанцев, не оставляя ничего и не щадя даже женщин.

Отступающие коммунисты из деревень Турнаево, Елань и Лабута чинят беспощадные расправы с местными жителями. В Турнаево расстреляны 2 человека из более состоятельных, в Елани расстреляны 10 человек, также много расстреляных в Лабуте. Коммунисты грабят всю пригодную одежду. Положение населения по пути отступления коммунистов ужасное.

Голос Народной Армии. 1921. 5 марта».

О том, что воинские отряды и милиция занимаются грабежом местного населения хорошо знали руководители губернии, которые были вынуждены в начале марта выпустить приказ № 3, который подписали председатель губисполкома С. Новосёлов, зав. губернским отделом управления В. Петров и секретарь Ф. Гусев. В 9-ом пункте приказа говорилось:

«Замечено, что некоторые воинские отряды и отряды милиции в некоторых освобождённых от бандитов волостях позволяют брать бесхозяйственное имущество и присваивать его себе, что является совершенно недопустимым и недостойным поступком среди Красной Армии и милиции. Предлагается всем командирам красных отрядов и отрядов милиции ни в коем случае не допускать расхищения имущества, а также и взятия имущества у совершенно не участвовавших в восстании крестьян. За всякое расхищение и присвоение имущества советская власть будет карать и наказывать всех и каждого самым беспощадным образом. На основании существующего военного положения в губернии будет применяться высшая мера наказания - расстрел».

Телеграфное донесение военкома Тюменской губернии П. М. Хрусталёва и командира 61-й стрелковой бригады войск ВНУС А. В. Полисонова помглавкому по Сибири В. И. Шорину.

«Тюмень, 5 марта 1921 г.

На ваш НР 779/оп.

Район Тюмень-Ялуторовск к югу от железной дороги совершенно очищен до линии Курган-Петропавловск. К северу от желдороги противник оттеснён на 90 вёрст от Тюмени по тракту Тюмень-Тобольск в районе Ярковское-Еланское и на 100 вёрст к северо-востоку от Ялуторовска в район Барсукский-Лобановский. Линия желдороги Тюмень-Ялуторовск в полной безопасности. №592/оп.

Губвоенком Хрусталёв, комбриг-6 1 ВНУС Полисонов».

Оперативный приказ №48 командующего советскими вооружёнными силами района Омск-Тюмень.

«Ишим, 6 марта 1921г., 12 час.

1. Помглавком приказал усилить нажим на Тобольск со стороны Тюмени без отговорок на встречное сопротивление со стороны бандитов.

2. На основании п.1 сего приказа приказываю командиру 6 1-й бригады ВНУС тов. Полисонову повести решительное наступление частями, вверенными его командованию, по тракту на север и по течению р. Тавды и занять в кратчайший срок д. Бачелино.

3. Для осуществления поставленной задачи всем начальникам действовать смело, решительно; занятие той или другой деревни само по себе не имеет особенного значения. Нужно наносить жестокие удары бандитам, беспощадно уничтожать их, чтобы действовать на психологию населения, давать ему понятные уроки.

4.1) Всех бандитов, захваченных с оружием, приказываю расстреливать на месте без суда. 2) Деревни, оказывающие поддержку бандам и сопротивление нашим войскам, во избежания излишнего кровопролития, поджигать. 3) В каждой деревне брать заложников из кулацкого элемента. Объявлять населению, что в случае повторения поддержки бандам заложники будут расстреляны.

5. Отсутствие в действиях начальников решительности за пособничество бандитам у населения создаёт впечатление нашей слабости. Подобные будут подвергаться высшей мере наказания.

6. Отрядам, действующим по подавлению восстания, не распылять банды, а уничтожать совершенно.

7. Получение донести.

*Командующий вооружёнными силами
района Омск-Тюмень, комбриг-85 Рахманов.*

Военком Корняков».

Из оперативной сводки штаба помглавокома по Сибири. «Омск, 6 марта 1921 г., 18 час.

Северная группа. Тобольский район.

Второй батальон Казанского стрелкового полка, окружив д. Ярково, ворвался в последнюю и начал очищать от повстанцев. В это время изменила рота в составе 110 штыков при двух пулемётах и начала действовать совместно с повстанцами. Остатки батальона отошли в исходное положение. На поддержку из Тюмени выслан 1-й батальон Казанского полка, составленный из курсантов гор. Казани.

Тюмене-Ялуторовский участок

Отрядом, наступающим на восток, занята д. Крашеново, что 37 вёрст юго-западнее ст. Гольшманово. 6-й затулбат, наступавший из района Куртан на Шелепово, после упорного боя был повстанцами отбит. Одна из рот, окружённая повстанцами, до сего времени к батальону не пробилась.

Ишимский боеучасток

К югу от Ишима и в южном Гольшмановском участке производится перегруппировка частей для наступления на Пегановское-Истоинное. Два батальона 232-го полка, ворвавшиеся в горевшую д. Аромашевская, после пятичасового боя с повстанцами численностью до шести тысяч человек при коннице отошли к югу на д. Вагино. С нашей стороны выбит почти весь комсостав. Подробности боя выясняются. Части 181-го полка, наступавшие из Агаракского, заняли 5/3 Плетнёво. Наши потери - 12 раненых. В остальных районах северной группы ничего существенного. №813/оп.

Начоперупсиб Бежанов, военком Вележев».

Воззвание Тобольского главного штаба Народной повстанческой армии к населению Сибири.

«Тобольск, 6 марта 1921 г.

Граждане и гражданки сёл и деревень великой Сибири!

Настал великий и тяжёлый момент испытаний для нашей необъятной Сибири. Измученный страшными насилиями и грабежами людей-зверей, именующих себя коммунистами, отрицающих Бога и не признающих ничего, кроме насилия и убийства ближнего своего, народ Сибири встал грудью на защиту деревень своих, имущества, жён и детей от дикого разгула варваров-коммунистов! Крестьяне! Сколько добра, добытого кровью и потом, отобрали у вас коммунисты! И всё это кому? Вы думаете, для народа, для армии? Нет, нет и нет!!! Это брали у вас для удовлетворения своих разнузданных и гнусных желаний; они меняли крестьянское добро за границей на золото, чтобы на случай бегства иметь средства к лучшей жизни. Крестьяне и крестьянки! Ведь вы знаете, что сейчас у власти стоят варвары-коммунисты. А разве для них существует что либо, кроме алчной жадности к добру живущих с ними?

Долго и тяжко мучили нашу матушку-Сибирь; но вот грянул гром, и по воле Божьей восстал русский народ на защиту оплётанных коммунистами прав своих. Мы грудью идём на пулемёты и штыки врага. Народноармейцы решили умереть в бою или победить грабителей-коммунистов. Но для того, чтобы армия была более стойка, она должна быть сытой, обутой, одетой. Воины армии народной ушли из домов, бросив всё хозяйство, ушли на защиту крестьянства, а потому, граждане и гражданки, живущие дома, жертвуйте для защитников наших, кто что может. Жертвуйте пшмы, шубы, шапки, варежки, бельё! Жертвуйте хлеб, мясо и другие продукты. Обуйте, оденьте и накормите защитников ваших, жизнь свою кладущих за благо народа. Отдайте, что можете, ибо если придут коммунисты к вам, то всё лучшее из одежды и продуктов питания они отберут у вас для того, чтобы одеть и накормить ваших врагов-коммунистов, проливающих сейчас братскую крестьянскую кровь.

Братья крестьяне и крестьянки! Помните же, что идёт борьба не на жизнь, а на смерть, и помните, что лучше одеть и накормить отца и брата, защитников своих, чем отдать под угрозой смерти последнее коммунисту. Обращаемся к вам с горячим призывом: жертвуйте, что можете, устраивайте в деревнях сборы для бойцов-героев Народно-крестьянской армии. Все пожертвования сдавайте в ближайший штаб или сельсоветы, которые доставят всё в распоряжение штаба Народной Армии.

Тобольский главный штаб Народной Армии».

Воззвание Тобольского главного штаба Народной повстанческой армии к красноармейцам.

«Тобольск, 6 марта 1921 г.

Товарищи красноармейцы!

Мы, крестьяне сёл и деревень Сибири, восставшие против невозможного гнёта коммунистов, обращаемся к вам с горячим призывом не поднимать оружия против своих братьев и отцов.

Коммунисты говорят вам, что восстали не крестьяне с мозолистыми руками, а остатки колчаковской банды, которые хотят возвратить плети и задушить свободу. Не верьте им, крестьяне-братья.

Нас спрашивают: за что мы воюем? Мы говорим открыто и честно, что жить так, как заставляют нас коммунисты, дальше нельзя. Ведь вы сами знаете, что у нас отобрали весь хлеб в первую развёрстку. Но этого им показалось мало. Они отобрали и весь семенной хлеб и ссытали по амбарам, где и гноят его. Они остригли шубы у нас и овец в зимнее время, которые теперь замерзают. Народ измученный, обобранный, угнетённый, не вынес коммунистического ярма и восстал как один человек. Коммунисты, обставив себя пулемётами и орудиями, издевались гнусно над русским бедным народом, чувствуя себя сильными за спинами одуроченных ими красноармейцев.

А народ? Народ всё терпит и пухнет от голода. Неужели, товарищи красноармейцы, вы не видите, на кого вы поднимаете руку? Опомнитесь! Вы ведь для коммунистов - серая скотина, которой можно помыкать как угодно и гнать на убой против своих братьев и отцов. В Тобольске красноармейцев раздели, оставив их в одном белье, и заперли в холодную тюрьму, но расстрелять не успели, так как Тобольск был взят в ночь с 20 на 21 февраля народными войсками. Красноармейцы Петропавловска все как один восстали и присоединились к народу и идут рука об руку против коммунистов.

Мы, крестьяне, хотим, чтобы человек стал человеком, чтобы всем жилось свободно. Мы хотим восстановить рабоче-крестьянскую советскую власть из честных, любящих свою опозоренную, оплёванную, многострадальную родину. Коммунисты говорят, что советская власть не может быть без коммунизма. Почему? Разве мы не можем выбрать в советы беспартийных, тех,

которые всегда были с народом воедино и страдали за него? Что нам дали коммунисты? Они обещали нам чуть ли не райскую жизнь, обещали свободу во всех отношениях, но взяв в руки власть, они дали нам тюрьмы и казни, они издевались над нами, а мы молча гнули спины. Но ведь всякому терпению бывает конец, и мы, крестьяне, отдавши коммунистам всё добытое потом от земли, решили: лучше умереть от пули и итыка коммунистов, чем умирать медленной, мучительной, голодной смертью или гнить в тюрьмах.

Братья-красноармейцы, ополнитесь!!! Идите к нам, бейте своих комиссаров и коммунистов, и мы окончим братоубийство, установим свою рабоче-крестьянскую власть, станем у станков, возьмёмся за сохи, бороны и заживём мирным трудом. Идите же к нам!! Вас ждут старики и братья. Помните, что вы проливаете кровь не помещиков, офицеров и генералов, а свою чисто родную - крестьянскую.

Да здравствует народная советская власть! Долой коммунистов!!! Да здравствует полная свобода народа!!!

Мы - народные представители от 22 волостей и говорим от имени народа!!!

Тобольский главный штаб Народной Армии».

Из разведывательной сводки штаба 85-й стрелковой бригады

«Ст. Ишим, 7 марта 1921 г.

Южно-Гольшмановский район.

Разведкой установлена группировка бандитов в д. Серяково (не ориентировано), Армизонское (60 вёрст юго-восточнее ст. Омутинская). В последнем 2000 человек повстанцев, хорошо вооружённых, при 4 пулемётах. Бандами разбрасываются воззвания с призывом вести борьбу до полной победы и поголовного уничтожения коммунистов.

Северо-Гольшмановский район

В районе д. Вяткино (что 8 вёрст северо-восточнее д. Кротово), по словам пойманного шпиона, скопилось до 3000 бандитов, бежавших из д. Евсино. Из

них 500-600 вооружены винтовками и берданами. Настроение бандитов подавленное. По дополнительным сведениям, в д. Аромашево сконцентрированы десять тысяч бандитов из рассеянных отрядов 18 волостей. Много бандитов, кроме того, разбежалось, побросав оружие по своим деревням. Оставшиеся решили драться до последнего, но не сдаваться, говоря, что если есть Бог, то деревня не будет взята красными. В деревнях возводятся новые баррикады, исправляются старые.

Северный район

По донесениям тов. Циркунова, по сведениям пленных, в Тобольском районе произведена насильственная мобилизация от 18 до 35 лет. Сформированы полки: 1-й добровольческий, конный казачий, Абалакский северный и ещё два каких-то полка. В казачьем имеется более ста трёхлинейных винтовок. Полк разбросан по деревням Уваровской, Бегишевской, Дубровной и Карагайской волостей. Пехотные полки вооружены наполовину. В районе Тобольска и Тары действуют два полка бандитов (наименование не указано). В Тобольске из тюрьмы освобождены арестованные и назначены на командные должности. Выброшен белый флаг с лозунгом «С нами Бог и сибирское крестьянство», открыта свободная торговля. Крестьянство запугано, идёт в отряды под угрозой оружия. НР 810.

Начиштаба Печенин, военком Корняков».

Из Тобольского главного штаба Народной повстанческой армии по всей губернии разлетались сводки боевых действий.

«Тобольск, 7 марта 1921 г., 11 час.

Юго-восточный фронт

В Загваздинском и Карагайском районах без перемен. Противник держится пассивно. Наши части спешно организуются в боевые единицы. В то же время отряды казаков, ведя смелую разведку и поднимая по пути партизанское движение, проникли уже в пределы Тарского уезда, где завтра ожидается занятие крупных населённых центров и усиление партизанского движения.

Южный фронт

Все атаки противника значительными силами при 4 пулемётах на село Аромашево отбиты с большим уроном для противника, который поспешно отступил на юг, оставив патроны и 20 штук винтовок. Преследование продолжается. Можно надеяться, что лихие аромашевцы надолго отбили у коммунистов охоту к наступлению. Взятые у Аромашево пленные красноармейцы организуются в особый добровольческий отряд.

Западный фронт

В районе Ярково без перемен. В Тавдинском направлении поиски и столкновения разведчиков. По самым достоверным сведениям, район Тавды свободен от коммунистов вплоть до Туринска, который они оставили, уходя на север. На днях ожидается широкое партизанское движение в тавдинских волостях, куда посланы наши агитаторы и вооружённый отряд.

Северный фронт

Наши части энергично продвигаются на север от Реполово к с. Самарово.

Тобольский главный штаб Народной Армии».

«Тобольск, 8 марта 1921 г, 11 час.

Северный фронт

Нашими частями занято с. Самаровское. Противник боя не принял и в панике бежал, оставляя по дороге своих людей, бросая оружие. Вышедший из Сургуты отряд коммунистов разбит в с. Зенково. Дальнейшее продвижение наших частей в направлении на Берёзов и Сургут продолжается.

Из Самарово при отступлении коммунистами были взяты заложники в числе 15 человек, которые были убиты около с. Троицкое, трупы разрублены и брошены в прорубь. Фамилии несчастных жертв выясняются.

Из Самарово коммунистами увезены все телеграфные аппараты.

Тобольский главный штаб Народной Армии».

«Г. Тобольск 10 марта 1921г, 11 час.

Северный фронт.

Успешное продвижение наших частей в направлении к Берёзову продолжается; при отступлении коммунисты расстреливают заложников.

8 марта партизанским отрядом Змановского взят г. Сургут.

Южный фронт

Упорные атаки коммунистов на Аромашевском направлении отбиты со значительным для последних уроном. Противник пытается снова перейти в наступление.

Тобольский главный штаб Народной Армии».

Официальное сообщение командующего Петропавловским повстанческим фронтом Ишимского уезда Морева - Шабалинскому, Забошинскому и Няшенскому сельским штабам Орловской волости. 11 марта 1921 г.

«Сообщаю, что при сильном натиске коммунистов был оставлен ряд селений в виду наших легкодушных крестьян-повстанцев, а именно: Боровской волостью, согласившейся на ласковые слова, был открыт фронт, и нашим ничтожным отрядом, при большом натиске коммунистов, пришлось отдать ряд селений в кровавые руки варваров-коммунистов. При занятии этих селений коммунисты разделились очень хорошо с их стороны. Когда наши силы собрались с духом и вытеснили варваров вон и посмотрели на их проделки, то обнаружили, что в селе Глубокое убито 80 человек крестьян, коих складывали в костры, а женщин мучили и издевались над ними. Одну женщину замучили до смерти и для своего оправдания взяли её и подвесили в петлю, как будто она сама удавилась. Все яйца, масло, птицу, зачистили всю муку, голодных лошадей и т. д. В селе Налобинское тоже проделывали такие случаи: из ящичков всё лишнее отобрали. Захотелось им в церковь, а там был сторож, который закрыл двери на крючок. Они сторожа убили, а храм обобрали. Забрали много денег и много ещё кое-чего. И так вот в каждом селе оставляют горы трупов и одно то, что нами уже описано выше.

Командующий Петропавловским фронтом Моров.

Врио адъютанта Мандрыгин».

Приказ № 5 Главного повстанческого штаба Ишимского фронта.

«С. Окунёво, 12 марта 1921 г.

1. Приказываю всем командирам полков, командирам рот немедленно принять меры для ознакомления с военной тактикой, а также и с военной дисциплиной, вменить в обязанность всем солдатам, чтобы отнюдь ни один не ослушивался своего начальника. Со всех солдат, кои не согласны с подчинением командирам рот, а также и дальнейшей инстанции, снимать допрос, почему не согласны, и доставлять материалы в Главный штаб в с. Окунёво.

Основание: постановление общего собрания от 8 марта 1921 г.

2. Проведение дисциплины возможно провести через ваших солдат с применением мер, как то: за каждые проступки должны налагать свои более строгие наказания.

3. Приказываю в самом срочном порядке представить сведения о количестве командного состава, как командиров полков, батальонов и рот, с указанием имени, отчества и фамилии, и прежней занимаемой должности, и в каких частях.

4. Ввиду участвовавших случаев шпионажа коммунистов приказываю всем ответственным лицам принять самые строгие меры к выслеживанию и ловле шпионов, каковых представлять в следственную комиссию Главного штаба.

Главнокомандующий Ишимским фронтом Атаманов».

К середине марта обстановка на территории, занятой повстанцами, настолько обострилась, что партийно-советское руководство Тюменской губернии было вынуждено отправить телеграмму в ЦК РКП(б), президиум ВЦИК и заместителю Реввоенсовета республики Э.М. Склянскому.

«Тюмень, 11 марта 1921 г.

На заседании президиума губкома РКП, губисполкома, собрания активных работников городской организации РКП решено обратиться к вам с объективным изложением создавшейся в губернии обстановки и вытекающим отсюда соответствующим представлением о немедленном принятии необходимых мер. Предыдущее наше обращение к вам о положении с вопросом о подчинённости Тюменской губернии в военном отношении, а также ряд специальных

извещений от других органов поставили вас перед фактом контрреволюционных беспорядков, имеющих место на территории нашей губернии. Беспорядки, начавшиеся с 1 февраля, охватили Ишимский, Ялуторовский, Тюменский, Тобольский, частью Туринский, теперь имеют тенденцию охватить и остальные два северных уезда - Берёзовский и Сургутский.

Положение к моменту отправления данной телеграммы таково: в Ишимском уезде в руках бандитов находится ещё 27 волостей, в Ялуторовском в отдельных местах группировки противника, Тобольский уезд с городом Тобольском с 22 февраля в руках бандитов, в Тюменском уезде противник, весьма укрепившийся, занимает уже целый месяц несколько волостей по тракту Тюмень-Тобольск, находясь от Тюмени на расстоянии не свыше 80 вёрст, в северной части Туринского уезда - волнение в трёх волостях.

В пределах Тюменской губернии не имеется в нашем распоряжении ни реальной силы, ни вооружения, ни обмундирования, ни боеприпасов. Присланный из Казани полк оказался не боеспособным, частями переходит на сторону противника в полном вооружении. Командование Сибири не принимает никаких серьёзных мер к ликвидации беспорядков. Высшее военное командование центра перекидывает Тюменскую губернию - в смысле военного подчинения - то Сибири, то Уралу, окончательно деморализуя комсостав. Положение становится серьёзным, поскольку ликвидация беспорядков приняла затяжной характер: придётся признать в этом году в губернии крах посевной компании, конец лесозаготовительных работ, крах массового лесного сплава с северных рек, крах навигации, лишение центра России хлебозапасов, рыбы, пушнины и прочее.

Наконец, дальнейшее игнорирование вопроса о ликвидации беспорядков в Тюменской губернии повлечёт за собой создание Северного фронта, ибо повстанцы могут получить поддержку за границы через бухту Находка, что в Обской губе, и через Обдорск.

Настойчиво, решительно требуем от вас немедленного принятия всех необходимых мер для быстрой ликвидации беспорядков в смысле соответствующего воздействия на Сибирское военное командование, в смысле непосредственной помощи с вашей стороны. Нужны реальные силы, вооружённые, обмундированные, боеприпасы. Нужна помощь партсилами: ЦК партии в данный момент ни в каком случае не может принять других мер, как посылки не менее 100 работников в Тюмень средней и более высокой квалификации. Убыль в парторганизации Тюменской губернии огромна: в Ишимском и Ялуторовском уездах погибло более 50% партсостава, в других уездах также значительные

потери. В общем и целом потери превышают 1500 человек и всё время увеличиваются. Вся же губорганизация насчитывает с кандидатами 7 тысяч человек на 1,5 миллиона населения и огромную территорию свыше миллиона квадратных вёрст. Работа предстоит колоссальная: партийно-советские аппараты разрушены, во многих волостях члены партии поголовно уничтожены, 75% всего состава продработников уничтожено. Свои силы необычно бедны, слабы: без помощи центра все попытки наладить снова партсоветскую жизнь губернии безнадежны. Просим, каково бы ваше решение ни было по возбужденным вопросам, сообщить нам всё, что вы можете и не можете предпринять: неопределённость и неизвестность усугубляет тяжесть положения.

Члены ВЦИК:

Секретарь Тюменского губкома РКП С. П. Агеев, председатель губисполкома С. Новосёлов».

Телеграмма начальника штаба 85-й стрелковой бригады М. С. Печенина начальнику штаба помглавкома по Сибири.

«Ишим, 12 марта 1921 г.

Доношу, что на 12 марта состоит в доме лишения свободы гор. Ишима повстанцев 1954 человека, заложников - 126 человек. №1040.

Начштаба Печенин, военком Корняков».

Телеграмма тюменского губвоенкома П. М. Хрусталёва начальнику штаба помглавкома по Сибири Ф. М. Афанасьеву и командующему войсками Приуральского военного округа С. В. Мрачковскому.

«Тюмень, 14 марта 1921 г.

Вторично ставлю вас в известность, что положение северного района Берёзов-Сургут-Обдорск в силу развернувшихся военных действий с каждым днём усугубляется. Противник из района Тобольска продвигается на север, Самарово эвакуировано. Наши берёзовские и сургутские отряды в дальнейшем окажутся небоеспособны за отсутствием вооружения и патронов, бессильны сопротивляться, если будет допущено занятие бандитами Сургута, Берёзова и Обдорска. Это создаёт сложную обстановку для нас и широкую возможность действий в будущем бандитам. Посему настоятельно считаю

необходимым срочную переброску в распоряжение Березовского и Сургутского уоенкомов 500-400 винтовок и достаточного количества патронов, а также хотя бы небольшую воинскую силу. Маршруты переброски: Томск-Нарым-Сургут и Екатеринбург-Верхотурье-Берёзов.

О последующем распоряжении прошу мне сообщить. №35/ш.

Губвоенком Хрусталёв, губвоенрук Ростковский».

Из оперативной сводки штаба помглавкома по Сибири.

«Омск, 14 марта 1921 г, 18 час.

Тобольский район

Северная тобольская группа занимает Сухоруково, что 330 вёрст севернее Тобольска. Противник наступает с юга превосходными силами. Отряды, наступающие по трактам из районов Ишима и ст. Гольшманово на Тобольск, с боем заняли 13/3 д. Малиновская, что 120 вёрст юго-восточнее Тобольска, и Истяцкое, что 150 вёрст юго-вост. Тобольска, продолжая наступление на Ашлыкское и слободу Чёрная. Рота Казанского полка, наступавшая 12/3 из Южаково на д. Ярково, отбита повстанцами. 13/3 Казанскому полку приказано наступать на Ярково. Учишкола терполка 13/3 после шестичасового боя заняла Чёрный Яр, что 85 вёрст юго-зап. Тобольска.

Тюменско-Ялutorовский участок

187-й полк, продолжая наступление, 13/3 с боем занял деревни Одно и Плоская, оба пункта около 45 вёрст южнее ст. Омутинская, продолжается наступление на Армизонское.

Ишимский боеучасток

Для усиления действующих в районе Пегановского отрядов и взятия последнего выступил из Ишима 13/3 188-й стрелковый полк.

Петропавловский боеучасток

Первый батальон 249-го полка после боя занял д. Налобинская, что севернее Петропавловска 40 вёрст. По занятии нами последней повстанцы пыта-

лись вновь захватить Налобинскую, но потеряв 150 человек убитыми и 30 пленными, были отброшены, нами захвачен один пулемёт «Шоша», 40 винтовок. На части 250-го полка, занявшего д. Песьяново, что 35 вёрст севернее ст. Мамлютка, повстанцы вели наступление со стороны Каменского, но, встреченные нашим огнём, оставив 90 человек убитыми и ранеными, отошли обратно. По не проверенным данным, частями третьего батальона 249-го полка занята д. Бутыринское, что 50 вёрст севернее ст. Петухово. Второй батальон 209-го полка 12/3 занял деревни Денисово и Вознесенская, что 60 вёрст севернее ст. Петухово. Частями южной группы заняты с боями деревни Михайловская, Троицкая, Архангельский, Семипольское, Дмитровское, что 40-150 вёрст юго-зап. Ст. Мамлютка; причём повстанцы, пытавшиеся контра-такой захватить Троицкую, были отбиты.

Кокчетавский район

12/3 после упорного боя частями 233-го полка занята ст. Лобановская. Повстанцы продолжают вести атаки со стороны Челкарской и Имантаевской. Наши потери при взятии ст. Лобановская - 40 убитых и 90 раненых. Наши части, наступавшие на пос. Челкарский и Еленинский, принуждены были отойти обратно, потеряв 19 убитыми и 33 ранеными и 35 лошадей. В остальном без перемен. №926/оп.

Начоперупрсиб Бежанов, военком Вележев».

Телеграмма председателя Обдорского ревкома А. В. Протасова-Жизнева помглавкому по Сибири.

«Обдорск, 15 марта 1921 г.

В ночь на 14 марта бандиты превосходными силами атаковали наши отряды в районе юрт Карымкары, что 90 вёрст южнее Кондинска, нанесли нам тяжёлые потери. Наши отряды отошли к Берёзову, штаб переезжает в Берёзов. Расстреляны все патроны, резервов нет, задерживать противника нечем, у оставшейся части отряда налицо признаки паники. Необходим срочный нажим в тыл бандитов со стороны Сургута и Чердыни. В противном случае бандиты могут в короткий срок занять весь край без сопротивления за совершенным отсутствием боеприпасов у нас. №5/оп.

Обдорский севтобсоввоентревком Протасов».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Огромное войско повстанцев, сосредоточенное в селениях вдоль Голышмановского тракта от железной дороги на север до Малиновки, оказывало мощное сопротивление красным полкам и бригадам. Подстёгиваемые строгими приказами, красные командиры непрерывно бросали против мужицких отрядов, своих бойцов, таких же крестьян, как те, и терпели неудачи. Боязнь наказания и безрассудное желание победить бородатых мужиков, толкали красных командиров на изуверскую жестокость и коварство. Чтобы выдавить повстанцев из очередной деревни, они поджигали избы и ждали, когда из них начнут выскакивать люди, которых добивали без разбору. Сотни трупов, в большинстве своём женщин и детей, ни в чём не повинных граждан, часами лежали там, где их догоняла пуля. Видя эти бесчинства, некоторые красноармейцы не выдерживали зрелища и переходили на сторону повстанцев. Но это не останавливало их командиров и комиссаров, которым был дан приказ во что бы то ни стало, в самое ближайшее время подавить народное сопротивление и уничтожить всех активных участников его. Всё сделав своими непродуктивными карательными мерами для того, чтобы восстание граждан Сибири вспыхнуло, теперь коммунисты шли на всё, чтобы его погасить. Они без суда и следствия расстреливали людей и грабили и без того нищее население.

Используя манёвренность, подвижность и обстрелянность кавэскадрона Губина, командование повстанцев направляло его в горячие точки в самый критический момент. За несколько суток пребывания на фронте, эскадрон успел поучаствовать в боях на юге Ишимского уезда, в районе с. Истошино, на западе у д. Червянка и вновь вернуться в район Голышмановского тракта, в д. Одина, где были сосредоточены основные повстанческие силы. Потеряв в боях треть состава эскадрона, практически оставшись без патронов и продовольствия, Василий выглядел уставшим и душевно опустошённым. Его раздра-

жали неразбериха в управлении фронтом, конфликты между командирами повстанцев, прибывших из разных волостей и несогласованность действий штабов. «Такое огромное войско здесь собралось, а заметных результатов нет. Нужно нам не обороняться, а вести наступательную позицию. Пусть мы хуже вооружены, чем противник, но зато по численности раза в три превосходим его. Да и местность свою лучше знаем, чем красные командиры. Чего мы ждём, что высиживаем? Недаром пословица гласит: «Куй железо, пока горячо, а то поздно будет». С каждым днём у красных становится всё больше и больше войск, которые прибывают с разных сторон России. Видно, наше восстание, как кость в горле, застряло у коммунистов. Впереди посевная, а население с оружием в руках против них поднялось. Хотя куманьки и не ахти какие вояки, но за счёт оружия и жестокости они могут подавить наш бунт. И будут торопиться это сделать», - размышлял Василий, не до конца ещё оправившийся от тяжёлого ранения.

Приняв негласное верховенство в военном союзе между Большесорокинской и Кротовской волостями за Шевченко, сразу по прибытии из очередного похода Василий отыскал того и доложил о результатах своего рейда. «Да, паря, многовато ты бойцов потерял. Видно, выхода другого не было, раз такое случилось. Руководство Голышмановским повстанческим фронтом собирается в ближайшие день-два бросить силы на помощь ялуторовским народным соединениям. Так что, доукомплектовывай свой эскадрон, довооружайся и готовься в поход», - предупредил Пётр Семёнович. «Может, нам в свои края податься? Какой смысл здесь силы тратить? Тут и без нас тысяч десять мужицкого войска стоит. А в наших сёлах коммунисты свои порядки укрепляют», - возразил Василий. «Если повстанческие войска сдадут свои позиции вдоль обоих железных дорог, то уже скоро наши с тобой земляки захлебнутся в крови от действий регулярных войск красных. Нет, Василий Иванович, пока есть возможность, мы их должны бить здесь. И чем больше побьём, тем меньше у куманьков будет сил на расправу с нашими гражданами», - ответил многоопытный Шевченко. «Ладно. Видно не время ещё такие разговоры вести. Пойду делами заниматься», - согласился Василий и устало улыбнулся. «Ты сам-то как себя чувствуешь? Может, в полевом госпитале подлечиться?» - спросил Пётр Семёнович. «В бою забываю о боли. Всё будет нормально», - ответил Губин и вышел из штаба.

Доукомплектовка эскадрона на этот раз проходила тяжело. Василий сам вёл отбор кавалеристов, из числа тех, кто воевал в составе освободительного полка Шевченко, и многих из них по разным причинам отсеивал. То ему

внешний вид не нравился бойца, то плутоватость во взгляде, то запашок самогонного перегара, а кто-то просто по возрасту не подходил для тех физических нагрузок, которые испытывали кавалеристы во время огромных беспрерывных переходов. С большим трудом набрав двадцать семь достойных кандидатур, Губин определил их по взводам и поручил командирам заняться обеспечением пополнения оружием, патронами и провиантом. А уже через день, в составе сводного отряда, под командованием Зломанова Гавриила Петровича, кавэскадрон выступил в сторону юга Ялуторовского уезда. Прорвавшись с боем через заградительные отряды 6-го запулбата, он совершил налёт на деревню Карпуново, что около 70 вёрст юго-западнее ст. Вагай, где захватил полевой штаб пулбата с огнеприпасами и большую часть маршевой роты, несшей сторожевое охранение, и пошёл дальше. Следующий бой сводный отряд повстанцев принял в районе деревни Емуртлинской, что 52 версты юго-восточнее Ялуторовска. Бой был коротким, но жестоким. Но и на этот раз победа оказалась на стороне повстанцев. Не выдержав натиска, красные были вынуждены отступить в сторону села Упорово, что 35 вёрст юго-восточнее Ялуторовска.

После локальных побед, командир, да и все бойцы сводного отряда заметно воспряли духом. Но одновременно Василий понимал, что красные сделают всё, чтобы преградить им дорогу на запад и не дать возможность войти в город Ялуторовск с тыла. Засада поджидала эскадрон в слободе Бешкильской, где был сосредоточен 187-й полк, команда комкурсов Всеобща, 6-го запулбата и роты 206 полка. После короткого боя повстанцы были вынуждены отойти и сосредоточиться в д. Скородум. В течении всего дня они вели ожесточённый бой с превосходящими силами противника. Окружённые со всех сторон кавалеристы эскадрона и пешие стрелки, как могли сражались, отбивая атаки красноармейцев. Василий дважды пытался прорвать кольцо нападавших и дважды был вынужден уводить бойцов в укрытие из-под града пуль. Красноармейцы вели кинжальный огонь по повстанцам из всех имеющихся пулемётов, винтовок и револьверов. Видя, как выкашивают враги ряды бойцов повстанческого отряда, Василий с огорчением подумал: «Это расплата за беспечность. Расслабились от успеха в предыдущих боях и не провели необходимую разведку перед входом в пределы села». Но в том, что это не было сделано, не он был виноват, а Зломанов, командующий этим походом. «Надо во что бы то ни стало вырваться из кольца. Иначе все погибнем здесь. Красные, по-видимому, не собираются брать пленных. Они стреляют только на поражение», - сделал неутешительный вывод, Василий.

«Командир, у нас путь на волю только один», - оторвал от размышления голос Фильки. «Какой?» - удивлённо спросил Василий. «Через прорыв восточного заграждения красных». «Но там же две пулемётные точки действуют». «Зато солдат гораздо меньше». «С чего ты взял?». «Винтовочной стрельбы оттуда почти не слышно». «Но пулемёты-то страшнее будут для нас, чем винтовки», - не понимая пока намёков вестового, ответил Губин. «Зато с ними разобраться легче. Разреши мне взять ещё одного бойца, чтобы незаметно подобраться к пулемётчикам и забросать их гранатами», - попросил Филька. Командир строго посмотрел на своего вестового, немного подумал и согласился: «Бери любого, кто понравится и попробуй исполнить свою задумку. Если получится, то хоть часть эскадрона спасётся. А так, все можем полечь здесь».

Василий некоторое время наблюдал из укрытия, как ловко ползли по плотному снегу в сторону вражеских пулемётных точек две человеческих фигурки, а когда потерял из виду, обернулся назад на оставшихся бойцов и грозно произнёс: «Эскадрон! К прорыву в восточном направлении, готовсь!». И почти в это самое время впереди прогремели два взрыва. «За мной! Вперёд!» - добавил командир и рванул в бой. Красные осознали произошедшее не сразу. А когда до них дошло, что пулемётные гнёзда подорваны и повстанцы пошли на прорыв, стали бешено стрелять им вдогонку. Несколько коней завалились на снег и бились в предсмертной агонии, но большинство кавалеристов прорвали кордон и вырвались на свободу. Оказавшись за пределами зоны обстрела, Василий остановился и стал ждать всех отставших. «Не останавливаться. Двигайся вперёд. За нами может увязаться красная конница», - твердил он каждому бойцу, который приближался к нему. Одним из последних прискакал Чикирев Пётр, сзади которого восседал Филька. «Второй боец где?» - машинально спросил командир. «Убили его», - ответил отважный разведчик и виновато улыбнулся. «Ладно. Отведи бойцов версты на две и поджидай меня. А я ещё побуду здесь», - обратился Василий к Петру и повернул Воронку в сторону, где всё ещё раздавалась пальба из всех видов орудий.

Остановившись на опушке берёзового колка, командир стал внимательно всматриваться в окрестности деревни. Пролетали минуты, но с той стороны никакого движения не наблюдалось. А ещё через некоторое время шквал огня прекратился и послышались одиночные выстрелы. «Добивают раненых! Человек сто наших полегло», - машинально подумал Василий и его сердце тоскливо заныло.

Остатки своего эскадрона он догнал недалеко от тракта на Упорово. «Сколько кавалеристов осталось?» - глухим голосом спросил он Петра. «Трид-

цать четыре с тобой вместе», - ответил тот. «Половину эскадрона потеряли!» - простонал Василий. «Могли бы и все там остаться навечно», - решил немного взбодрить брата Пётр. «Иногда бывает, что лучше быть мёртвым, чем живым. Глаза родственников убитых не увидишь», - мрачно произнёс Василий. «Ты, вот чо, командир, панихиду заканчивай петь. Собирайся с мыслями и давай команду в каком направлении дальше двигаться. Домой надо подаваться. Среди тридцати четырёх - семеро раненых имеется. Им помощь требуется», - высказался Пётр. После этих слов Василий немного взбодрился, провёл взглядом по лицам оставшихся в живых бойцов, и уверенно сказал: «Обойдём стороной Упорова и двинемся на северо-восток. Пересечём железную дорогу и в трёх верстах от неё будем пробиваться до Усть-Ламенки, а там видно будет куда двигаться. Путь немалый. Полторы сотни вёрст, не меньше. А красные сейчас каждый разъезд охраняют».

Основательно потрепанный и израненый морально отряд кавалеристов медленно пробирался на восток. Чтобы не нарваться на регулярные части красных, основные переходы через населённые пункты он делал в тёмное время. Непрерывное движение и постоянное напряжение продолжались почти двое суток. И только когда, обойдя стороной Усть-Ламенку, кавэскадрон оказался в пределах Голышмановского фронта, Василий объявил привал и подзвав Петра и Фирулёва Николая, сказал: «Здесь мы расстанемся. Вы, с нашими большесорокинскими бойцами направитесь в сторону дома, а я с остальными попробую найти штаб Шевченко и доложить ему о последнем бое». «Может, и ты с нами пойдёшь?» - спросил Фирулёв. «Нет. Я обязан рассказать тем, кто нас послал на Ялуторовск, о поражении, нанесённом нам красными полками в районе слободы Бешкильской. Иначе мы все будем объявлены дезертирами», - твёрдо ответил Василий. «Ну, смотри. Ты - командир, тебе виднее», - согласился Николай и неуверенно добавил: «Как бы руководители Голышмановского повстанческого фронта на тебя вину за разгром сводного отряда не свалили». «Гадать не буду. В какую сторону повернётся, так тому и быть. Планида, значит, моя такая», - спокойно ответил Василий, и взглянув на Петра, попросил: «Если вдруг вперёд меня окажешься в Большом Пинигино, мамане моей не всё сказывай. Не хочу, чтобы она за меня переживала».

За время рейда сводного отряда по территории Ялуторовского уезда, на Голышмановском фронте тоже произошли изменения не в пользу восставших. Под натиском многочисленных и хорошо вооружённых регулярных войск красной армии, повстанцы вынуждены были отойти с прежних позиций

на север. Несмотря на поражение повстанческих войск и большие потери в сводном отряде Золманова, Петр Семенович даже обрадовался, когда увидел перед собой Губина. «А я уж попрощался навечно с тобой. От одного пленного красного командира узнал, что недалеко от Упорово вы были окружены и все до единого уничтожены. Я рад, что он наврал», - пророкотал Шевченко и попросил: «Давай, рассказывай всё по порядку, о походе. А также о том, как попали в ловушку и как удалось вырваться из неё». Воодушевлённый настроением командира повстанческого полка, Василий обрисовал полную картину событий, происходивших во время выполнения последнего задания, но говорить о том, что отпустил своих бойцов домой, не стал. «Да, паря, начали вы хорошо, а закончили погано. Зломанов Гавриил мужик мировой, но командиром оказался слабым. Ну, да Бог ему сейчас судья», - произнёс с сожалением Шевченко и перекрестился. «Ты чо его преждевременно хоронишь? Сам ведь говорил, что со мной навеки попрощался, а я вот перед тобой стою», - возразил Василий. «Ну, дай бы Бог и ему чудом выжить. Гавриилу я тоже был бы рад. Но вряд ли это случится», - подытожил разговор Шевченко, и немного помолчав, добавил: «Пока тебя не было, ко мне обратился Желтовский Василий. Просит, чтобы наши отряды остановили продвижение красной армии из Тары и Усть-Ишима на Тобольск. Поэтому, забирай что осталось от эскадрона и выдвигайся домой. Необходимо будет объявить в вашей и соседних волостях мобилизацию и укомплектовать из пополнения новый эскадрон. Срок тебе на всё про всё - не более пяти дней. К этому времени и я в Кротово прибуду». Такое задание вполне устраивало Василия. Наконец, появилось время для отдыха у участвующих в походе кавалеристов и на осмысление того, что происходило вокруг в последнее время. Губин попрощался с Шевченко и вышел во двор. Неожиданно его внимание привлёк часовой, стоящий у дверей большого амбара. «Кого охраняешь?» - спросил Василий. «Куманьков. Кровных врагов наших», - спокойно ответил тот. «Много их туда набил Пётр Семёнович?». «Нет, пятерых. Их сегодня фронтным трибуналом к расстрелу приговорили», - пояснил часовой. Повинуясь какому-то непонятному чувству тревоги, Василий попросил: «Можно на них хоть одним глазком взглянуть?». «А чо нельзя-то. Подойди к дверям и вон в ту щель посмотри на иродов окаянных», - разрешил часовой. Губин прильнул к узкой полоске над дверями, через которую в амбар поступал свежий воздух, и стал напряжённо вглядываться в полумрак. Неожиданно, в слабом отблеске света, он заметил знакомое ему лицо. «Да это же Пироженко!» - молнией пронеслось в голове. «Вот уж не думал увидеть Федьку в последний для него час. Может, можно ещё что-то сделать, чтобы его не расстреляли? Но не как для

бывшего однополчанина, а как для родного брата Полины. Лучше бы я не заглядывал в амбар», - пожалел Василий, но тут же принял решение: «Обращусь с просьбой к Петру Семёновичу. Он мужик толковый, должен понять меня».

Выслушав рассказ и просьбу Губина, Шевченко строго взглянул на него, но сразу ничего не ответил. «Ну, так чо, Пётр Семёнович? Есть какая возможность спасти Пироженко от казни?» - не выдержал паузы Василий. «Ты знаешь, Василий Иванович, как я тебя уважаю за храбрость и находчивость. И если бы на твоём месте был другой проситель, то его я немедля посадил бы рядом с приговорёнными. Тебя не посажу, но и просьбу не выполню. Твой однополчанин не только красный командир, он в бою ещё и наших бойцов кучу из пулемёта навалял. Да и как я могу отпустить, если его к расстрелу приговорил фронтовой трибунал. В Ишимской повстанческой армии одного полевого командира расстреляли за то, что он своего родного брата-красноармейца из-под стражи освободил. Вот такие, паря, дела», - доходчиво объяснил отказ Шевченко. «Хоть свиданку с ним разреши! Поговорю напоследок, может на душе полегчает», - попросил Василий. «Ладно. Будь по-твоему. Встречу я тебе с приговорённым куманьком разрешу, но не более того», - пообещал командир полка и отправил ординарца за арестованным.

Как только Пироженко появился в избе, Василий шагнул к нему навстречу и тихо произнёс: «Здравствуй, Фёдор. Вот уж не думал тебя в таком крайне тяжёлом положении встретить». Бывший однополчанин зло взглянул на Губина-младшего, но ничего не ответил. «Сам виноват, что с краснопузыми связался и на своих братьев с оружием в руках полез. Что уж за идея такая у комиссаров, которая заставляла тебя простых мужиков, близких тебе по крови, убивать? Мы-то хоть за себя, за родных и за землю сибирскую воюем, а ты и такие, как ты, за что воюете? За счастливое будущее? Но чьё? Вот тебя расстреляют, а у тебя даже детей нет, которые в этом светлом будущем пожили бы. Забили ваши головы комиссары каким-то земным раем, да так сильно, что вы не щадя ни своих ни чужих, кровью и трупами прокладываете дорогу коммунистам к их владычеству. На кого теперь ты больную мать и сестру оставишь? Балбес ты, Федька, и по-другому я тебя не назову», - выговорился Василий. После его последних слов лицо Пироженко дёрнулось и оживилось. «Не понять тебе, вечный хлебороб, меня и моих товарищей. Для тебя главное, чтобы земля была да хлеба добрые на ней родились, чтобы пузо своё досыта набить. А то, что в мире делается, сколько людей голодает, тебя и таких как ты, не волнует и никогда не волновало. Для вас собственная шкура всегда ближе к телу. Кулаки

самые ярые враги советского народа и их всех надо твёрдой рукой безжалостно уничтожать. А о моей матери и сестре не беспокойся. Советская власть не даст их в обиду и без куска хлеба не оставит», - со злостью выпалил он. «Жаль, что ты даже перед смертью не хочешь признаться в ошибке, которую совершил ещё в семнадцатом году. Может, просьбу какую надо выполнить? Говори. Я постараюсь это сделать», - предложил Василий. «Только одна у меня к тебе, Губин, просьба – не ищи с Полиной встречи. Она чистая, как весенний глоток воздуха, а ты убийца. Придёт время и тебя моя участь настигнет. Не делай её несчастной», - высказался Пироженко и на этом они расстались.

По дороге в Большое Сорокино Василий вспомнил встречу с Федькой и неожиданно в слух произнёс: «Не прав ты, однополчанин. Во всём не прав. Если и случится, что я погибну в бою, то это будет не за чужие идеи, а за родную сибирскую землю, за её граждан и за мужицкую свободу, дающую возможность дышать полной грудью и право ходить не горбясь ни перед кем. А просьбу твою выполнять я не буду. Полина хоть и сестра тебе, но не твоя собственность. И если Господом будет суждено встретиться с ней и объясниться, то я с большой благодарностью приму от него этот бесценный дар». Ехавший рядом Филька с удивлением посмотрел на командира, но задавать вопросы не стал.

К моменту возвращения Василия в село, из него вновь сбежали представители советской власти и волостной совет бездействовал. Не торопились брать власть в свои руки и повстанцы. И только тогда, когда стал вопрос об очередной демобилизации, обращение к гражданам села и волости подписал Колосов, как руководитель волостного повстанческого штаба. Однако количество людей, желающих вступить в мужицкое войско, резко сократилось. Да оно и понятно. Наступила весна, а значит не за горами заготовка дров и полевые работы, которые, несмотря ни на какие катаклизмы, крестьянин обязан проводить. И только благодаря активно участвующим в боях и скрывающимся от куманьков жителям близлежащих волостей, Губину-младшему в очередной раз удалось пополнить кавалерийский эскадрон. Единственное, что раздражало его, это местечковое противостояние между бойцами. Но Василий знал, что после первого же боя все конфликты между кавалеристами из разных волостей прекратятся. Пролитая кровь товарищей и ненависть к единому врагу сплачивали мужиков крепче любых уговоров и наказаний.

Ранним утром в повстанческий штаб Большого Сорокино прискакал вестовой от Шевченко и передал Колосову конверт. Вытащив из него лист бумаги, Иван прочитал: «Прошу срочно направить кавэскадрон и сотню человек на подводах

в район юрт Вершинских, где стоит взвод красноармейцев. После освобождения этого населённого пункта и оставив там заградительный отряд, через Уват, Тукуз и Казанской выйти в пределы Дубровенской волости. Задача кавэскадрона - не пропустить в сторону Тобольска войсковые части красных, идущие вдоль Иртыша со стороны Усть-Ишима. А я со своим полком буду добираться в этот район правым берегом реки Ашлык, через Большое Бакланово, Канду, Бушмину и Бурлаки. Встречу намечаю в деревне Быково. Во время прохождения населённых пунктов прошу распространить среди их жителей Воззвание Тобольского главного штаба Народной повстанческой армии. Комполка освободительной армии Шевченко П. С.». «А листовки где?» - спросил Аверин. «В мешке к седлу привязаны», - ответил вестовой. «Тащи сюда. Первым делом сами ознакомимся, а затем уж и другим рекомендовать будем», - приказал Колосов. А когда вестовой вернулся и протянул большую пачку воззваний, Иван вытащил из неё лист и начал читать: «Граждане сибиряки! Раньше коммунисты старательно старались узнать, что, где, в какой губернии делается. До народа доходили только смутные слухи, что на Алтае восстало население против коммунистов, что большие народные волнения в Томской, Енисейской и других губерниях Сибири. Коммунисты всё это скрывали в своих газетах, и по-ихнему выходило, что везде благополучно, что везде народ доволен властью коммунистов. Но правду не утаишь, и теперь коммунисты нисколько не скрывают своего опасного положения. Теперь коммунисты сами пишут, что восстала Сибирь, что партизанское движение растёт и в России, и даже сильная морская крепость Кронштадт взята восставшим народом при помощи матросов и войск, которые перешли на сторону народа.

До сих пор всё-таки коммунисты никак не хотят понять или с умыслом пишут, что восстал не народ, которому невтерпёж стало жить, а будто бы восстали какие-то генералы, офицеры-золотопогонники, меньшевики и эсеры. Они всё ещё до сих пор скрывают, что восстал весь народ, который они считают серой безответной скотиной. Коммунисты всё ещё считают, что народ можно только обирать, грабить и расстреливать и что народ не способен восстать на защиту своих человеческих прав.

Мы, восставший народ, хорошо знаем, за что мы идём и чего мы добиваемся. У всех нас одна мысль и одна цель - уничтожить врага-коммуниста.

Мы объединились все воедино: и русские, и татары, и крестьяне, и рабочие, и горожане. Мы все одинаково обижены.

И остяки, и самоеды с луками и стрелами преследуют общего врага, разбежавшего по урманам и болотам.

Мы добиваемся настоящей советской власти, а не власти коммунистической, которая до сих пор была под видом власти советской. Мы хотим, чтобы всем свободно дышалось, чтобы все могли свободно жить, чтобы каждый мог исполнять свободно ту работу, какую он хочет, чтобы каждый мог свободно распоряжаться своим имуществом, чтобы никто не имел право отбирать то, что нажито тяжёлым трудом, чтобы каждый мог свободно распоряжаться тем, что он заработал своими трудовыми руками. Мы хотим, чтобы каждый человек верил, как хочет: православный - по-своему, татарин-по-своему, и чтобы нас всех не заставляли силой верить в коммунистическую партию. Одним словом, мы хотим свободной жизни, без всяких стеснений и насилий, без развёрсток, «пятёрок» и других выдумок.

Здесь, в Тобольске, мы уже избрали уездный крестьянско-городской совет, куда вошли по два человека от волости, всего 70, и 18 представителей от города. Волости выбрали своих уполномоченных свободно, без всякого принуждения, выбрали тех людей, которых население знало и которым доверяло. Коммунисты насильно заставляли выбирать коммунистов, которых население не знало, которые грабили это же население.

В своих волостях мы переизбрали также новые советы на новых началах.

И когда мы очистим от коммунистов всю губернию, народ выберет губернский совет и сибирский совет - Сибревком. Ведь там сидели только коммунисты, которых никто не знал и которых назначали также коммунисты. Граждане, разве вы выбирали губернским губпродкомиссаром Инденбаума, разве вы его ранее знали? Ведь он ограбил развёрстками всю губернию, многих пустил по миру, многих через эти развёрстки расстреляли и сажали в тюрьмы.

Народ наш поймал этого разбойника, судил его, и по суду народа за все преступления против народа его приговорили к расстрелу, партизаны его расстреляли.

И в своём гневе мы, восставшие крестьяне, знаем, кого и за что мы караем. Мы не можем не карать, ибо в наших глазах стоят трупы расстрелянных наших детей, ибо мы помним, как горели наши жилища. Мы караем, ибо нас заставили карать коммунисты, которые так зверски поступали с населением.

Граждане, мы не можем забыть, как хватили невинных людей на улицах Тобольска, случайно попавших под руку, и как трупы их потом находили за рекой.

Граждане! Скажите, кто судил и за что расстреляли тех несчастных, зверски замученных, которых нашли в Тюмени в проруби на Туре.

За что расстреляли старух в Самаровском и порубив на куски, бросили в прорубь.

Сколько жертв погибло в остальных городах и остальных селениях одной Сибири. Разве уже высохли слёзы у сирот и вдов?

Но всё-таки и в праведном гневѣ своём народ не мстит слепо, а строго разбирается, ибо знает, что многие насильно записаны в коммунисты и попали к ним по своей темноте и невежеству. Таких народ не карает, а прощает, ибо и зла народу они не сделали.

Граждане, чем скорее мы кончим нашу борьбу, тем скорее возьмемся за нашу обычную работу. Граждане, примыкайте к нам! Арестовывайте своих коммунистов! Организуйте восстания, организуйте крестьянские отряды, выбирайте своих начальников-крестьян, нападайте на врага и помогайте нам уничтожить его окончательно. Все в бой! Да здравствует советская власть без коммунистов! Да здравствует свободное крестьянство! С нами Бог!

Тобольский главный штаб Народной Армии. 25 марта 1921 г.».

Прослушав весь текст воззвания, Василий загадочно улыбнулся: «Значит, не один я так думаю о коммунистах, но и люди более грамотные одного со мной мнения о этих извергах. Бить их надо не жалея своей крови и даже жизни». Заметив на лице друга просветление, Фадеев произнёс: «Ты так улыбнулся, словно девушку милую сердцу вспомнил». Губин-младший поднял на него взгляд, сделал серьёзное лицо, но ничего не ответил. В мыслях он был уже там, где полки красных идут в сторону старинного города Тобольска, чтобы навсегда задушить голос Народной Армии. «Не дадим мы вам, краснопузые, своими идеями поганить нашу сибирскую землю», - подумал Василий, а вслух сказал: «Эскадрон мой в полной готовности, дело осталось только за формированием сотни пеших стрелков». «А чо её формировать? Люди есть, а с оружием им поможем», - ответил Сергей Фадеев. «Ну вот и возглавишь эту сотню. А Губин будет отвечать за весь сводный отряд», - определился Колосов и обратившись к вестовому, добавил: «Передай Шевченко, что завтра утром наши бойцы выступят в поход».

Весь текущий день был потрачен большесорокинскими руководителями повстанческой армии на сбор сводного отряда в поход. Взводами кавалеристов вновь командовали Субботин Степан и Чикирев Пётр. На них и легла вся

забота об обеспечении подчинённых патронами и провиантом. Сам Василий помогал Сергею отобрать боевых парней в стрелковую сотню и организовывал обеспечение их подводами. Только глубокой ночью подготовительная работа затихла. А уже с рассветом крупное воинское подразделение повстанцев вышло из села строго на север, в сторону Вершинских юрт. Прощаясь, Василий с тревогой посмотрел на Аверина и сказал: «Мы ослабили оборону Большое Сорокино, поэтому не рискуйте без надобности, а перебирайтесь всем активом и частью дружинников на заимку. А когда вернёмся, будем вместе думать, как дальше жить и что делать». «Ты на этот счёт не переживай. Главное сами будьте осторожными. Большие потери за эти три месяца понесла волость. Две сотни своих лучших граждан не досчиталась», - предупредил Степан.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Несмотря на плотную весеннюю корку снежного наста, который до крови обдирал запястья лошадям, сто вёрст, отделяющие Вершинские юрты от Большого Сорокино, сводный отряд преодолел за пятнадцать часов и уже ближе к полуночи захватил этот населённый пункт. Не ожидавший нападения с южной стороны, отряд красноармейцев из пятнадцати человек почти без сопротивления сдался в плен. Ночную таёжную тишину нарушили только револьверные выстрелы их командиров. Но во время короткого боя, повстанцы их уничтожили. Население, в основном мусульмане, с нескрываемой радостью встретило своих освободителей от шайтанов с красными звёздами на головных уборах и шинелях. Один уважаемый в селении татарин жаловался Василию: «Плохие коммунисты люди. Всё поотбирали у нас. Коней забрали, скот побили, полушубки и малахаи на себя натянули. Даже шкурки заячьи - и те увезли с собой. Шайтаны, а не люди. Убивать таких надо». «Давно главные силы красных покинули юрты?» - спросил Василий. «Пять дней назад ушли от нас, оставив здесь кучку красногвардейцев. Теперь они, поди, уже к Дубровному подбираются», - ответил татарин. «А чо вы сами эту кучку краснопузых не уничтожили?» - спросил Пётр. «Зарезать-то мы их, конечно, могли, но тогда нам бы пришлось покидать юрты и перебираться на другое место. Красные командиры нас бы никогда не простили. Вот мы и решили не трогать этих шакалов», - ответил татарин.

Отдохнув до утра и оставив в селе заградительный заслон из двадцати бойцов, сводный отряд двинулся на Уват. День был солнечный и очень тёплый. Уже к полудню снег растопился, превратившись в набухшую кашу. Василий несколько раз глубоко вдохнул в себя свежий, пахнувший хвоей, воздух и по-мальчишески озорно улыбнулся. «Весна! Скоро ледоход на реках пойдёт, поля откроют свою плодородную землю солнышку, а там и посевную пора будет на-

чинать», - подумал он, но тут же лицо его помрачнело: «Видно, не до посевной нынче будет. Вряд ли мир в наших краях к этому времени наступит. Пока землю топчут коммунисты, спокойно жить мужику они не дадут».

Уват, Тукуз и Сулейменскую сводный отряд прошёл без единого выстрела. Красные эти селенья покинули совсем недавно, обобрав на прощание их жителей до нитки. Поэтому, как только отряд заходил в пределы деревни, толпы крестьян обступали его и наперебой жаловались на бесчинства, творимые куманьками. «У меня в избе всё вверх дном перевернули. А когда ничего ценного не нашли, содрали с меня и жены полушубки, зарезали две последние овцы и пошли дальше. Как теперича жить будем, ума не приложу», - с болью в сердце рассказывал один старик. «Да чо у тебя! Вон, у Дуньки-солдатки всё из избы упёрли. А у неё трое маленьких на руках виснут. Кто их ноне кормить будет? Ироды, а не люди!» - кипела от гнева молодая круглолицая баба. «Если схлестнётесь с этими антихристами в бою, не жалейте их. Они дьявольское отродье», - увещевал старенький дед. Василий и его товарищи слушали таких же, как они сами, граждан и их жилы наливались кровью ненависти к кровожадным волкам из человеческого рода. Такие контакты с простыми людьми сильнее любой пропаганды действовали на их решимость драться с коммунистами до победного конца.

Из Сулейменской сводный отряд пошёл в сторону деревни Катангуй, которая стояла на тракте Омск – Тобольск, на левом берегу Иртыша и в пяти вёрстах от деревни Быково, в которой было запланировано встретиться с повстанческим полком Шевченко. Не доходя до деревни вёрст пять, Василий объявил привал и отправил трёх опытных кавалеристов, включая Фильку, в разведку, для изучения военной и моральной обстановки в пределах Катангуя и прилегающей местности.

Более трёх часов потребовалось разведчикам для того, чтобы подробно изучить ситуацию. По возвращению в расположение отряда, Филька доложил: «Из деревни красные ушли в сторону Быково часов пять назад. Но не все. В Катангуйе стоит стрелковый взвод, которому приказано ждать особого распоряжения. Со слов местного мужика я понял, что в Быково сосредоточено сотни три бойцов красной армии, которые планируют идти на штурм Тобольска. А этот взвод является как бы их тыловым прикрытием». «Краснопёрые все вместе держатся или по избам расквартированы?» - уточнил Василий. «По избам. Мужик мне на эти избы толковую наводку дал. Так что, если что, то мы их быстро сможем изолировать», - расхрабрился Филька. Василий улыбнулся,

посмотрел на разведчика и поинтересовался: «У тебя, поди, и карта деревни есть?». «Карта-не карта, а схемку на листке я со слов мужика набросал», - ответил Филька и передал сложенный вчетверо листок командиру. «Молодец, парень!» - похвалил Василий и стал вглядываться в простенький рисунок. Подвинулись к нему поближе и командиры взводов, включая Фадеева. «Хороший из тебя разведчик получился. Но только не зазнайся преждевременно», - хлопнул ладонью Фильку по плечу Пётр и засмеялся. «Поступим так. Нападать на деревню будет только эскадрон. Обоз обойдёт деревню с левой стороны и затаится вдоль тракта. Захват красноармейцев необходимо провести тихо, но так, чтобы ни один из них не смог убежать. В случае необходимости стрелять на поражение», - поставил задачу перед командирами взводов Василий и добавил: «Сначала к своим позициям выдвинется обоз, а через час - эскадрон». «Ты сам с обозом пойдёшь или с нами на деревню?» - спросил Субботин. «С вами. В составе твоего взвода», - коротко ответил Василий и обратился к Фадееву: «Сергей, если со стороны деревни появятся люди, конные или пешие, не давай возможности никому из них прошмыгнуть мимо. В тех, кто по вашему требованию не будут останавливаться, стреляйте не задумываясь. О том, что деревню захватили мы, командиры красных частей в Быково не должны узнать. Иначе могут пойти на выручку своих. А нам без поддержки шевченковского полка не выдюжить их напора». «Понял. Не бойся, командир. Ни одна муха мимо нас не пролетит», - заверил Фадеев. «Муха уж точно не пролетит. Они ещё от зимней спячки не проснулись, а вот куманьки вполне могут просочиться», - подпортил настроение товарищу Петр. «Шутник выискался! Ты сам не прозевай врагов. Будь бдительным, сокол ты наш», - улыбнулся Сергей. «Ну, вот и славненько, что с хорошим настроением вы на дело собираетесь. Значит быть успеху», - подвёл итог перепалке Василий и уже строгим голосом произнёс: «Через час обозу пора выходить на позицию».

Эскадрон тронулся с места стоянки, когда солнце скрылось за вершинами вековых сосен. За полверсты от деревни, Василий остановил отряд и ещё раз предупредил о необходимости действовать осторожно, наверняка, и без колебаний. Поставив конкретные задачи перед каждым взводом, он скомандовал: «Вперёд!», и вытащив шашку из ножен, первым рванулся в сторону окраины деревни.

Не ждавшие нападения повстанцев красноармейцы в большинстве своём занимались хозяйскими делами. Кто-то ремонтировал порвавшуюся лопатину, кто-то ладил конскую сбрую, а кто-то ужинал или просто отдыхал на рус-

ской печи. Поэтому, когда в избах неожиданно появились вооружённые бородатые мужики, они не успели даже похватать своё оружие и привести его в боевое состояние. Ловкие и отчаянные кавалеристы так проворно вели себя, что красным ничего не оставалось делать, как в страхе поднять руки.

Василий со Степаном и тремя бойцами ворвались в избу, где квартировали два красных командира, и он с порога крикнул: «Сдавайтесь, куманьки! Вы окружены! Сопротивление бес...». Но не успел Губин закончить фразу, как прогремел выстрел и послышался звон оконного стекла. «Уйдёт, сволочь!» - мелькнуло в голове у Василия и он крикнул: «Степан, задержи беглеца, а второго сам придавлю». Но и здесь он ошибся. Сидевший до этого без движения на лавке у печки крупный мужик резко вскочил на стол и выхватил из кобуры наган. Ещё бы секунда, и находившийся от него в сажени Василий мог бы навсегда попрощаться с голубым небом. Но произошло чудо. Послышался глухой щелчок, оповещающий мир о об осечке, и тут же вслед за ним прогремел выстрел, опрокинувший красного командира со стола на холодный деревянный пол. Василий подошёл к убитому и посмотрел в его открытые затухающие глаза. «Поди, ровесник мой. И что ему не хватало? Жил был в своё удовольствие. Неужели грабить таких же, как сам и убивать невинных легче, чем своими молодыми, сильными руками пахать, косить и жать? Для чего ты, паря, взял в эти руки оружие? Что теперь останется от тебя? Материнские слёзы да горе людское, которое ты сознательно делал им. Нет, не тем мужик должен заниматься. Не горе сеять вокруг, а зерно в благодатную землю, счастье и радость человеческую. Не грабить таких же как сам, а дарить им самого себя без остатку. Род свой продолжать обязан, а не жизни у молодых парней отбирать. Жалко мне тебя, но ты эту смерть сам искал. Хотел мою забрать, но не получилось. Видно меньше тебя я на этом свете грешил и Бога нашего гневил», - мысленно высказывался Губин-младший. «Командир, ты жив?!» - услышал он тревожный голос Субботина. «Пока жив. А у вас как дела?» - спросил, встряхнувшись от размышлений, Василий. «Далеко убежал куманёк. Только в конце огорода его пуля настигла», - ответил Степан и вошёл в горницу. «Тогда посылай своего бойца к Фадееву. Пусть снимаются с позиции и заходят в деревню. Эту ночь здесь проведём», - приказал Губин-младший.

Уже ближе к утру от Шевченко прибыл вестовой и сообщил время начала нападения на деревню Быково. «А вы где сейчас стоите?» - спросил Василий. «Вёрст шесть юго-западной Быково», - ответил вестовой. «Передай Петру Семёновичу, что за час до назначенного время наш отряд будет в версте от де-

ревни и займёт позиции на северо-востоке, чтобы в случае чего отрезать путь красным отрядам на правую сторону Иртыша, или самим воспользоваться им», - предупредил Василий.

Собрав после ухода вестового своих помощников, командир сказал: «Сегодня вечером нам предстоит встретиться в бою с регулярными войсками красной армии. Как доложила наша разведка, которая ночью побывала в расположении этих войск, в Быкове сосредоточено сотни три красноармейцев. Они хорошо вооружены, обстреляны и ведут себя осторожно. Наша задача - незаметно подобраться к деревне и рассредоточиться от Омского тракта до Иртыша. Пешим бойцам в Быково приказываю врываться вторым эшелоном. Во время атаки тишину соблюдать вплоть до обнаружения противника. Всем всё ясно?». «А с пленными красноармейцами что делать?» - спросил Фадеев. «Предложить вступить в наш отряд. А тех, кто откажется, посадить в холодный амбар и приставить к ним двух часовых. Поговорите с местными гражданами. Может, из них кто согласится охранять краснопёрых», - ответил Василий и посмотрел на Петра. «Ты чо, братуха на меня так строго смотришь, словно к расстрелу приговорить собираешься?» - спросил тот улыбаясь. «Тебя я как раз хотел просить, чтобы под пули без надобности не лез. Уж больно горяч ты в бою, а ведь за тобой весь взвод наблюдает», - ответил Василий. «Но и ты особо себя в от пуля не прячешь. Видно кровь наша, чикирёвская, бесшабашная», - серьёзным голосом произнёс Пётр. «Вот и поговорили братья. Один другого хлеще вояка», - подытожил Фадеев. «Ну, ладно. Побалакали и полно. Приступайте готовить своих бойцов к трудному бою. Из деревни выступаем через пять часов», - подвёл итог разговору Губин-младший. После того, как друзья-соратники ушли, Василий разыскал Фильку и выдал ему задание: «До нашего похода тебе необходимо побывать на будущей позиции отряда и изучить местность. Постарайся нарисовать на бумаге все уязвимые места и места возможных укрытий. Особое внимание удели наличию на окраине села укрепительных сооружений. Всё понял?». «Понял, командир. Разреши исполнять?» - с какой-то лихостью произнёс Филька. «Исполни, да только аккуратно. Ты мне живым ещё нужен, а не покойником», - немного остудил пыл своего верного вестового Василий.

Из разведки парень вернулся за час до намеченного выхода большесорокинских повстанцев из деревни. Передав командиру исчерченный корявым почерком листок, Филька подробно прокомментировал его содержание. «Крикни взводных и Фадеева, пусть придут ко мне», - попросил Василий и стал продумывать план своих дальнейших действий.

Из Катангуя сводный отряд вышел в намеченный срок и неспеша стал продвигаться в сторону деревни Быкова, до которой было не более семи вёрст. Однако двигался он не по Омскому тракту, а по левому берегу Иртыша и с версту от тракта. Подтаявший и осевший снег позволял коннице и обозам двигаться вполне уверенно, без особого напряжения. И лишь только в глухом бору или плотном мелколесье оставались глубокие сугробы, которые приходилось преодолевать с хода, прилагая дополнительные усилия. Но все эти издержки и трудности давали возможность подойти к деревне незамеченными и нанести врагу неожиданный удар оттуда, откуда он его не ждал. Добравшись до намеченной цели, Василий в очередной раз повторил своим заместителям задачи, стоящие перед сводным отрядом и стал ждать сигнала на штурм деревни.

Как предупреждал вестовой от Шевченко, сигналом к атаке должен стать зажженный на западной окраине Быково одёнок. Василий выбрал удобную позицию на холме и стал терпеливо вглядываться в сторону деревни. Шло время, а костёр всё не появлялся. Губин посмотрел на часы и тихо пробурчал: «Уже двадцать минут прошло сверх назначенного! Может, у Шевченко что-то не так пошло, как он задумывал? Но тогда почему связного к нам не направил? Ладно, не буду гадать. Подожду до девяти часов, а там решу, что дальше делать». Но в это самое время, словно подслушав его размышления, на западе деревни появилось огненное зарево. «Передай по цепи, что через пять минут мы выступаем на штурм деревни», - приказал командир Фильке и почувствовал, как его молодое сильное тело стало наливаться энергией, а мозг полностью включился в работу. Подбежав к Воронко, стоявшему в укрытии, Василий лихо взлетел в седло, выхватил из ножен саблю и тихо скомандовал: «Вперёд! На бой с врагами - марш!».

Расстояние от засады до деревенских огордов, эскадрон промчался за считанные минуты. А ещё через мгновение кавалеристы ворвались в Быково и оказались в самом центре сосредоточения красноармейцев. Внезапность и быстрота, с какой это произошло, в первую минуту привели бойцов красной армии в недоумение и шок. Но как только на их головы стали опускаться стальные клинки нападавших, всё это прошло, а на смену пришёл рефлекс самосохранения. Сперва робко, а затем всё чаще и чаще загремели винтовочные выстрелы, а ещё чуть позже с крыш изб и амбаров застрекотали пулемёты. Опустившаяся на землю темнота, словно иголками стала пронизываться свистящими и шипящими пулями разных калибров. Пройдя вдоль северо-восточной линии обороны красных, нанеся им значительный урон в живой силе и

внеся панику в её ряды, эскадрон выбрался из зоны обстрела и уступил место пешим бойцам отряда. Послышались мощные воинственные возгласы в перемешку с отборным мужицким матом, загремели с новой силой оружейные выстрелы, а кое-где начались рукопашные схватки. И уже через несколько минут бой перекинулся на всё пространство большой деревни. «Охватить северо-восточную часть полукольцом, и не дать возможности красным прорваться в сторону Иртыша», - приказал Василий командирам взводов, когда те подъехали к нему.

Но красные выбрали другой путь отступления. Поняв, что окружены значительными силами повстанцев и остаться в живых у них мало шансов, они всей оставшейся мощью навалились на южное крыло наступающего полка Шевченко и несмотря на многочисленные жертвы, вырвались за пределы сжимающегося кольца. С трудом собрав оставшихся в живых бойцов, красные командиры повели их в сторону Сулейменской. Узнав о их манёвре, Василий с эскадром бросились в погоню. Но было уже поздно. Опомившись от шока, красноармейцы оставили на своём пути пулемётный заслон, который кинжальным огнём остановил кавалеристов, как только те оказались в его поле зрения. Несколько повстанцев сползли с коней и их безжизненные тела остались на твёрдом весеннем насте. Пока уничтожали пулемётный заслон, подбирали погибших и раненых кавалеристов, прошло много времени и гоняться за отступающими, которые рассредоточились по лесу, не было смысла. Василий принял решение возвращаться в деревню, в которой вновь наступила тишина.

«Ты чо вернулся? Неужели всех краснопузых в лесу положили?» - спросил Петр Семёнович, когда Василий зашёл в избу, где находился командир повстанческого полка. «Нет, не всех. Основная часть ушла в южном направлении. Поздновато я бросился их догонять. Думал, что они на север побегут, а комиссары по другому поступили», - ответил Губин. «Не переживай. Мы им хорошо накостыляли. Теперь не скоро придут в себя. Завтра на Дубровное надо выступать. Там их главные силы собираются для похода на Тобольск», - спокойным голосом сообщил Шевченко. «Одни будем на село нападать или ещё кто поможет?». «Обещали с северных волостей повстанческие отряды и партизаны подоспеть. Баишевские и юлташинские татары уже более суток недалеко от Дубровного стоят». «Ну, раз такое дело на завтра намечено, пойду готовиться к нему. Надо убитых и раненых бойцов собрать и в Большое Сорокино отправить. Да и кто живой остался - подбодрить не мешает», - сказал Василий и вышел из избы.

«Опять много мужиков выбыло из строя. Пятнадцать человек убиты, включая четырёх кавалеристов. А ещё девять тяжело ранены, которым требуется продолжительное лечение», - доложил Субботин, когда Василий появился в расположении отряда. «Плохо, Стёпа, что настоящих героев теряем, но без этого войны не бывает. Снаряди четыре подводы и отправь всех в Большое Сорокино», - распорядился Василий и пошёл смотреть на бойцов, покинувших этот мир не по воле божьей, а от рук бесовского племени.

Позже Шевченко собрал всех командиров, сообщил им свой план действий по захвату Дубровного и поставил перед каждым из них задачу. «Тебе, Василий Иванович, придётся со своим эскадром зайти с юга, со стороны озера Дикое и первым ворваться в Дубровное. Но затяжного боя с краснопёрыми не затевай, а с шумом и стрельбой проходи насквозь. Как окажешься за пределами села, разворачивайся и занимай северо-восточную позицию. Пешие отряды повстанцев нападут на Дубровное сразу как только твой эскадрон покинет его пределы. Выступить из Быково будем в пять часов утра, чтобы уже в шесть ты сходу потревожил крепкий сон куманьков». «А если они в это время не будут спать? Наверняка, те, кого мы сегодня выбили из деревни, успеют предупредить комиссаров, командующих Дубровинскими отрядами, о возможном нападении и на них. Тогда может получиться мясорубка, а не бой. Чтобы избежать лишних потерь, я с эскадром выйду на два часа раньше, чем основные силы», - высказал своё решение Василий. «Не возражаю. Главное, чтобы ворвался эскадрон в село не позже шести, так как и другие отряды сорентированы на это время», - согласился Шевченко.

В предутреннее время морозец заметно усилился и крепко сковал подтаявший днём снег. Наст оказался таким прочным, что даже лошадь со всадником держал. От деревни Быково эскадрон вначале направился строго на юг, а пройдя версты три, повернул на запад и стал медленно пробираться по едва заметным таёжным просекам. Небо было тёмно-голубое и звёздное, а стоящая в зените луна бледными бликами освещала верхушки деревьев и пустошки, изредка попадающие на пути эскадрона. Преодолев по прямой вёрст десять,двигающийся впереди колонны кавалеристов Василий остановил Воронко и подозвал к себе командиров взводов. «До Дубровного отсюда версты три, не больше. Чтобы изучить положение с южной стороны, а также, если будет возможность, то и в самом селе, нам необходимо направить разведчиков. Поэтому, поручаю тебе, Пётр, подобрать пятерых толковых бойцов, включая Фильку, и немедленно отправиться выполнять задание. И будьте очень осто-

рожны! Не исключена возможность организации противником засад на подступах к селу», - предостерег командир. «Понял. Не дрейфь, братуха, всё будет выполнено в лучшем виде», - весело отозвался Чикирев и озорно улыбнулся. «А ты, Степан, пока есть время, проверь готовность бойцов к предстоящему бою. Чтобы не только оружие было в порядке, но и настроение бодрим. Думаю, что Дубровное комиссары нам за фук не отдадут. Да и силы у них здесь собрались немалые. Без перекура и перерыва на обед придётся сражаться с ними. Поэтому, пусть бойцы и покурят, и плотно подкрепятся», - озадачил Василий Субботина.

Петр с разведчиками вернулся часа через два и доложил командиру о том, что удалось увидеть своими глазами. «С нашей стороны красноармейский заслон не очень надёжный. На улице у костров греются не больше пятидесяти бойцов. Но зато на чердаках крайних изб мы обнаружили два пулемётных гнезда. Которые, в случае нападения, полностью накроют территорию прорыва. Так что, в прямую атаку на село нам идти очень опасно. Надо искать другие варианты», - предупредил командир взвода. «А в остальной части села побывать не удалось?» - спросил Василий. «Во всей нет, а вот до половины обследовали. Филька даже с каким-то местным мужиком поговорил. В общем, как я предполагаю, в Дубровном полтысячи красноармейцев наберётся, не меньше. У них даже артиллерия есть», - ответил Пётр. «Да, брат, новость ты принёс важную, но не совсем приятную. Видно, ждут нас красные с нетерпением. Хорошо ещё, что на разведку у нас время хватило, а то бы полезли вслепую под пулемётные очереди», - сказал Василий и продолжил: «Раз в лобовую атаку на Дубровное нам идти нельзя, то сделаем так. Ты, Пётр, со своим взводом обойдёшь левой стороной за огородами две крайние избы и за ними ворвёшься на улицу, а мы со Степаном и его взводом такой же манёвр совершим с правой. Атака должна быть неожиданной и скоротечной. Наша задача - втянуть в бой основные силы противника, чтобы определить численность и их вооружение. Во время продвижения по центральной улице создавайте больше шума - не жалея ни горла, ни патронов, ни сабель. В тоже время старайтесь не допускать больших потерь в живой силе. Достигнув северной окраины села мы должны укрыться в лесу и перекрыть красным пути отступления». «Когда будем выдвигаться в Дубровное?» - спросил Степан. Василий вытащил из кармана часы и ответил: «Мы уже запаздываем. Поэтому, по коням и на махах вперёд».

Разведка была проведена не напрасно - Василий оценил это когда с бешеным криком и непрерывной стрельбой эскадрон мчался по главной улице

и какое-то время не встречал ни малейшего сопротивления со стороны противника. Не ожидавшие такого коварного нападения повстанцев, красноармейцы даже не дёрнулись за винтовками в сторону установленных недалеко от костров оружейных пирамид, а что было мочи побежали от всадников в сторону дворов, падая замертво от удара шашкой или шальной пули. Но такая идиллия для повстанцев сохранялась недолго. Уже к середине преодолённого пути, со всех сторон по ним был открыт шквальный огонь, доказывающий военную мощь скопившихся в селе красных войск. Из сёдел стали выпадать конники и кувыркаться кони. Василию казалось, что от пуль не было свободного пространства, куда бы можно было свернуть и укрыться. Но он и не искал такого места. Пришедшие к нему в результате постоянных боёв с красными хладнокровие и ненависть, сделали его циничным по отношению к врагам и презирающим смерть. Продолжая рубить шашкой всё, что попадалось на пути и стрелять из нагана по тем, кто убегал от него, Губин даже не заметил, как чуть отставший от него Субботин Степан неестественно взмахнул руками, приподнялся в седле и тут же завалился набок. А ещё через мгновение, его бездыханное могучее тело распласталось на снегу, через которое перескакивали кони его боевых соратников.

Слабые и редкие крики «ура» Василий услышал когда уже достиг опушки соснового бора. Ещё не остывший от боя, он с большим трудом остановил Воронко и стал всматриваться в предрассветную мглу, в сторону села. В это время вокруг него стали собираться прорвавшиеся сквозь смертельный огонь бойцы эскадрона. Стрельба и крики в пределах села стали усиливаться и через несколько минут превратились в сплошной гул. «Степан убит!» - донеслись до его сознания страшные слова Петра. «Как убит?! Он же рядом со мной пробивался вперёд? Может, отстал немного?» - с надеждой в голосе спросил Василий. «Убит. Его Филька с поля боя вытащил», - ответил Пётр. «На себе? Да разве он мог такого богатыря поднять?» - не поверил Василий. «На аркане тянул», - коротко ответил Пётр и отвернул лицо. Помолчав, Василий спросил: «Много ещё наших полегло на этой трижды проклятой улице?». «Пока сложно сказать, но, думаю, человек пятнадцать не досчитаемся». «Да, брат, дорогую цену мы платим за то, чтобы жить и пахать на своей земле свободно. Лучших сынов своих Сибирь теряет в этой неравной борьбе», - произнёс Василий. И помолчав, добавил: «Ступай к своему взводу, а вторым я сам командовать буду».

А бой в селе и вокруг него разгорался всё сильнее и сильнее. «Может, рвануть на помощь к своим?» - подумал Губин-младший, но тут же эту идею отста-

вил. «Если помощь нужна будет, то Шевченко найдёт способ, как нас об этом оповестить. А раз от него вестового нет, значит надо стоять на месте, чтобы не пропустить отряды красных на север», - определился он и стал вслушиваться в разноголосицу участников сражения. «Татары кричат. Значит, они тоже пришли к нам на подмогу. Жарко, поди, стало краснопузым от напора повстанцев? Но держатся, сволочи. Не разбегаются пока, как крысы с тонущего корабля. Конечно, если бы не пулемёты, то они давно бы пятки шкипидаром намазали. Страшное и полезное оружие в бою - пулемёт», - мысленно размышлял командир. Но вспомнив о гибели Степана, Василий вернулся к реальности и вслух высказался: «За тебя, товарищ, к врагам-коммунистам у меня особый счёт теперь появился. Буду жив, с лихвой рассчитаюсь с ними!». То, что прорыв эскадрона первым по селу будет иметь тяжёлые последствия, Василий понял сразу, как только услышал приказ из уст Шевченко. Промчатся по улице почти две версты под градом пуль - дело гиблое. Но он тогда не вступил с командиром повстанческого полка в пререкания, а стал думать, как выполнить указание с меньшей кровью. Поэтому и из Быково вывел эскадрон пораньше, и разведку детальную провёл. Однако даже при такой подготовке потерь избежать не удалось. «Сразу после боя, соберу всех своих убитых и раненых и отправлю домой. Главное, чтобы Дубровное освободить от красных удалось», - подумал Губин и поднёс к глазам бинокль, который ему где-то раздобыл Филька.

Медленно просматривая территорию, охваченную боем, Василий слабо ориентировался в складывающейся обстановке и не очень чётко видел рисунок сражения. Мешали солнечные блики и дым, поднимающийся над подожженными избами и хозяйственными постройками. «Хуже нет ждать и догонять», - пробурчал он и опустил бинокль на грудь.

С переменным успехом бой шёл больше пяти часов. Нервы у Василия и его бойцов натянулись до предела. Их раздражала неизвестность и неопределённость своего положения. Но решив выполнить указание Шевченко до конца, командир сдерживал порыв свой и кавалеристов. И это, наконец, дало положительные результаты. Уже после полудня, в поле зрения Фильки попали небольшие группы красноармейцев, бегущих на малом расстоянии друг от друга в сторону эскадрона. «Командир, на нас краснопёрые рванули», - сообщил он. К этому времени и сам Василий уже увидел их. «Приготовиться к встрече отступающих врагов!» - скомандовал он и натянул поводья. Подождав, когда красноармейцы окажутся на расстоянии не дальше пятидесяти саженей, командир вытащил из ножен шашку, прищпорил Воронку и выкрикнул: «Вперёд! Бей врагов народа!».

Заметив выскочивших из лесного массива всадников, красноармейцы бросились было врассыпную, но поняв, что это не спасёт их от пули или клинка повстанцев, почти все побросали винтовки и подняли руки. А те, кто не успел это сделать, были тут же опрокинуты выстрелами и ударами шашек на землю. Василий вплотную подъехал к одной группе сдавшихся и не скрывая гнева, спросил: «Есть среди вас коммунисты или командиры?!». Дрожащие от страха молоденькие красноармейцы переглянулись и почти в голос ответили: «Были два коммуниста, но вы их только что зарубили», и показали в сторону тел, без дыхания лежащих на снегу. «Эх, ребята, ребята! Зачем вы в бойню со своими братьями по крови ввязались? Неужто отцы и матери вас этому воспитывали? Против кого вы попёрли? Против таких же, как сами - крестьян? Неужели вам жизнь праведная надоела? Побьём друг друга, тогда кто пахать и сеять будет? Думаете, что коммунисты за плуги встанут? Зablуждаетесь. Эта порода людей только барами хотят быть, а в холуев своих - вас превратить», - высказался Хиллбок Иван из Преображенки. «Комиссары нас угрозами заставили в их армию вступить. А так-то мы сами никогда бы и не решились на это», - осмелел один из пленных, поняв что мужики их не будут убивать. «А откуда вы будете родом?» - спросил Пётр. «Из Ивановской губернии нас сюда привезли», - ответил пленный. «Вон, аж откуда! И много вас здесь таких?» - спросил Пётр. «Почти все. Только комиссары и командиры из других местностей», - ответил паренёк. «Если в живых оставим - в нашем отряде служить будете?» - спросил молчавший до этого Василий. «Будем. Вот вам крест, будем», - воскликнул пленный и посмотрел на своих товарищей по несчастью. Те в знак согласия дружно замотали головами. «Ну, тогда живите. Петро, доставь этих вояк сразу после боя в расположение Кротовского полка», - приказал Василий и вновь стал вслушиваться в гул продолжающегося сражения. «По-моему, уже за селом стрельба идёт? Неужели на юго-запад краснопёрые рванули?» - спросил командир у Фильки. «Вроде бы как так. Пулемётной-то пальбы не слышно», - подтвердил догадки Василия разведчик. «Значит, скоро стрельба и вовсе прекратится. Надо возвращаться в село и подбирать наших бойцов на всей его территории. Может, кому из них ещё помочь сможем», - высказался Василий и выкрикнул: «Эскадрон, за мной!».

Бой закончился так же неожиданно, как и начался. Где-то вдали, в лесу за селом прогремели несколько винтовочных выстрелов, и всё затихло. А вскоре Василия разыскал вестовой Шевченко и сообщил, что тот ждёт его в казённом доме, где ранее размещался волревком. Отдав приказ Петру заняться сбором и подсчётом прямых потерь, Губин-младший направился к командиру повстанческого полка на встречу.

Когда Василий переступил порог казённого дома, то в большой прокуренной комнате уже заседали командиры почти всех полковых подразделений, а также татарских партизан и северных отрядов. Заметив его, Шевченко улыбнулся и сказал: «Проходи, Василий Иванович, на почётное место рядом со мной. Ты у нас сегодня в героях оказался». «Какой я герой? Бойцы твои, да командиры их в бою победу добыли», - возразил Василий. «Если бы твой эскадрон не вызвал на себя огонь, то нам бы не взять было Дубровное. Пока красные палили по вам, мы успели засечь, где стоят пулемётные гнёзда и сосредоточены главные силы. Поэтому и атаку вели грамотно и наверняка», - пояснил Пётр Семёнович свои слова насчёт героизма Губина-младшего. Сделав серьёзное лицо, спросил: «Много своих орлов потерял?». «Человек пятнадцать кавалеристов, а сколько пеших - пока не знаю», - ответил Василий. «Много. Но, если честно, то я думал, что больше половины твоего эскадрона выбьют красные», - произнёс комполка и продолжил с подчинёнными и командирами других отрядов разбор прошедшего боя. В заключение он сказал: «Поставленную перед нами Главным штабом Тобольской Народной Армии задачу мы выполнили наполовину. Часть войсковых подразделений красных, направляющихся на Тобольск мы разгромили. Я думаю, около трёх сотен красноармейцев были из строя. Из которых более пятидесяти - сдались добровольно в плен. Перед нашим сводным повстанческим полком теперь стоит другая задача: мы должны собрать раненых и убитых повстанцев и отправить их на родину к родственникам. Затем - похоронить по-человечески всех рядовых красноармейцев, их командиров, и даже комиссаров, и после непродолжительного отдыха направиться в сторону дома».

Но не прошло и двух часов, как Василия пригласили в полевой штаб Народной Армии, где проходило совещание командиров отрядов, участвовавших в боях за Дубровное. Руководил совещанием командующий юго-западным фронтом Народной повстанческой армии Тобольского уезда Данилов Степан Ильич, с которым Губин-младший познакомился во время первого похода на Тобольск. «Граждане командиры! Несколько часов назад мы не только выбили из Дубровного крупное формирование красных войск, которое готовилось к нападению на Тобольск, но и уничтожили его комиссарский дух. Теперь перед нами стоит задача посложнее. На этом же тракте, но в разных концах, для решительного броска на Тобольск, красные концентрируют свои основные силы. Первая их база находится в деревне Загваздино, что в 35 вёрстах на восток от Тобольска и в Карагайских юртах, что 50 вёрст на восток от Дубровного в сторону Усть-Ишима, по левому берегу Иртыша. Поэтому, необходимо раз-

делить всё наше войско на две части и уже сегодня выйти по этим направлениям. Сводному освободительному полку Ишимского уезда под командой Шевченко предстоит взять на себя уничтожение красных в Карагайских юртах, а я с юго-восточными отрядами Народной повстанческой армии направлюсь в сторону Загваздино. В течении двух-трёх дней нам необходимо разбить окончательно красных и не дать им возможности до распутицы пойти в наступление. Вы хорошо должны понимать - если падёт Тобольск, то и крестьянское восстание будет обезглавлено. Пока будет жив этот славный город, будет жива и надежда на нашу общую победу», - закончил выступление Данилов. «Что о численности Карагайского отряда красных известно?» - спросил Шевченко. «Не так много, но кое-что есть. Общая численность красноармейцев составляет порядка двух войсковых батальонов. Недавно им доставили из Ишима партию винтовок, несколько пулемётов и тысяч десять патронов. Кроме военных, в Карагае находятся женщины, раненые, тобольская канцелярия и имущество различных городских учреждений. Драться они за всё это будут с тройной энергией», - ответил Степан Ильич. «Тогда нам в подмогу нужно добавить мужиков из западных отрядов», - поставил вопрос Шевченко. «Вагайскую сотню получишь, но не больше», - пообещал Данилов.

Вечером, как только на улице стало подмораживать, 1-й сводный повстанческий полк покинул село и по Омскому тракту направился на восток. К двум часам ночи он добрался до деревни Аксурка, что в 8 верстах от юрт Карагайских, и остановился на отдых перед боем. По инициативе Василия, в район предстоящих боёв Шевченко направил группу разведчиков, в числе которых был и Филька, которая вернулась уже на рассвете. Обо всём, что разузнали разведчики, они доложили Шевченко. Попытал своего вестового и Василий. «Мощная сила, командир, сосредоточена в Карагае у красных. За две версты от юрт выставлены секреты, а на окраинах возведены укрепления из брёвен и сельхозинвентаря. И за каждым укреплением установлены пулемётные гнёзда. Мне удалось побывать на территории, где расположены основные части. Везде дисциплина и порядок. Да и войска здесь поболее будет, чем в Дубровном. Тяжело одолеть нашими силами этих краснопузых», - сообщил тот. Немного поразмыслив над информацией, Василий направился в полевой штаб Шевченко. «Чо такой смурной? Неужто испужался войско краснопёрых?» - спросил Пётр Семёнович и улыбнулся. «Я думаю, вот чо, комполка. Перед тем, как нападать на Карагай, нам надо укрепить оборону в Аксурке. Чем чёрт не шутит. Вдруг не возьмём с ходу юрты и отступать придётся. А куда? За Иртышом на севере ни дорог, ни селений, да и на юге их не густо. Только на запад. Но

тогда мы можем попасть меж двух огней и не выполнить свою задачу. А если у нас будет в Аксурке надёжное укрепление, то, выманив врага из засады и подтянув его к боевым позициям, сможем здесь дать ему достойный отпор», - предложил Губин. Шевченко враз сделал серьёзное лицо и погрузился в раздумья. «Давай, Василий Иванович, действуй, как мыслишь. Но много времени на эту работу я тебе не дам. Уже вечером мы должны выступить на Карагай», - предупредил он.

На создание укрепительных сооружений Василий мобилизовал человек пятьсот, из которых двести были жители деревни. Используя всё, что только могло пригодиться в создании кругового укрепления позиции, к вечеру эту работу он закончил. А уже через два часа первый освободительный народный полк вышел в сторону Карагая. Разбившись, не доходя версты две до юрт, на три отряда, он повёл наступление на укрепления красноармейцев. На этот раз внезапности не получилось. Красные давно поджидали повстанцев, по-видимому, следя за их передвижением. И как только все основные силы полка вышли на чистое место и были готовы броситься вперед, из всех щелей укреплений и с крыш домов застрочили пулемёты и загремели винтовочные выстрелы. Василий со своими кавалеристами хотел было обойти юрты, чтобы ворваться в селение с тыла, но красные разгадали этот манёвр и направили ему наперерез конницу в количестве шестидесяти сабель. Основательно потрёпанный в предыдущих боях большесорокинский экадрон был вынужден отвернуть от прямого столкновения с противником и уйти в сторону лесополосы. Захлебнулась в самом начале и атака пеших стрелков освободительного полка, укреплённого вагайскими партизанами. Под градом пуль, неся огромные потери в живой силе, они попадали в снег и стали отползать в укрытия. Шевченко несколько раз пытался поднять их в атаку, но оба раза это у него не получилось. Петр Семенович злился, громко матерился, но - всё напрасно. Животный страх держал в напряжение бойцов и даже их командиров, который вселила в них мощная стрельба со стороны позиции красных. Оказавшись за пределами линии огня, бойцы постепенно стали приходить в себя, но предчувствие того, что красные могут перейти в атаку не прибавляло им уверенности в своей безопасности. Шло время, а красноармейцы даже не пытались покинуть свои укрытия. «Может, не так они и сильны, как мы считаем?» - спросил Пётр, поравнявшись с Василием. «Может, и не сильны. Но пулемётов у них не менее семи», - сказал Губин. В это время к ним подъехал Шевченко и глухим голосом спросил: «Почему атаку не продолжили?». «А зачем? Чтобы всех бойцов положить ещё на подступах к селению? Нет, здесь другой манёвр

нужен. Надо подождать и ночью попробовать пробиться в Карагай. В светлое время красные нам не позволят это сделать», - ответил спокойно Василий. «Ладно. Ждём два часа и вновь в атаку», - приказал Шевченко и направился в следующий отряд. «Патронов у нас осталось маловато для хорошего боя», - произнёс Пётр. «В Карагаях у красных отнимем», - ответил Василий брату. «Куманьков сперва захватить надо, а потом уж и боеприпасы у них забирать. Ещё не дрались по-настоящему, а троих бойцов потеряли», - проворчал Чикирев и направился к своему взводу.

Вторая атака началась более успешно, чем первая. Повстанцам удалось не только достичь границы селенья, но и захватить часть территории его. Однако дальше всё пошло не так, как задумывал командир полка. Оказалось, что красные специально запустили повстанцев в пределы Карагая, а как только те оказались на расстоянии уверенного выстрела, вновь открыли по ним ураганный огонь. И также, как в первую атаку, бойцы вынуждены были залечь и прятаться от града пуль во всевозможных щелях и укрытиях. Эскадрон Василия промчался вдоль крайних домов, и порубив с десяток красноармейцев и уничтожив две пулёмётные точки, в первом же переулке вырвался из смертельных клещей в сторону Иртыша. Проскакав саженой триста и оказавшись в укрытии за береговым холмом, конники остановились. А там, где они только что были, продолжалась интенсивная стрельба. «Много загубят куманьки мужиков, а чем им помочь, не знаю», - произнёс Василий, когда рядом оказались Филька и Петро. «Может, с тыла ворвёмся в Карагай? Красные, я думаю, не ждут наше возвращение туда», - подал мысль Филька. «А что, дело говорит твой вестовой, братуха. Вглубь селения удаляться не надо, можно и на окраине шороха навести дай боже. Пока красные на нас будут перебрасываться, мужики из других отрядов в безопасное место скроются», - поддержал Пётр. «Давайте рискнём. Поезжай к своему взводу и жди моей команды», - согласился Василий.

Стратегия, которую предложил Филька, эскадрону вполне удалась. Неожидавшие возвращения эскадрона повстанцев в селение, красные на некоторое время замешкались, за что и поплатились несколькими убитыми красноармейцами и выведенным из строя пулёмётом. Но быстро опомнившись, они открыли по кавалерии такой плотный и беглый огонь, что могли нанести урон даже своим силам, сосредоточенным по всему периметру Карагая. Сделав своё дело, эскадрон вновь выскочил из под пуль и умчался в сторону Аксурки. Через версту Василий остановил эскадрон и стал поджидать отставших пеших повстанцев. Шевченко следовал в конце отступающих и был злым, как растре-

воженный в берлоге медведь. Не задавая Василию лишних вопросов, он раздражённо приказал: «Всем возвращаться в Аксурку и занять оборону. Думаю, что красные через час будут там».

Но ни через час, ни через сутки красноармейцы так и не показались на горизонте. Посчитав невозполнимые потери в живой силе и приведя моральный дух в норму, первый Освободительный полк снова был готов к сражению с ненавистным врагом. Аксурка оказалась удобной деревней для ведения оборонительного боя. Вокруг неё на полторы версты не было ни одного кустика, ни возвышенности, ни впадины. Любое приближение вражеских сил просматривалось как на ладони. Исподволь Шевченко рассчитывал разбить основные силы красных во время обороны, а затем вновь накинуться на Карагай.

Именно так бы всё произошло, если бы силы красных были не такими грозными, как оказались в действительности. Начавшийся вечером 2 апреля бой за Аксурку продолжался больше суток. Несмотря на то, что красные несли огромные людские потери, они с упрямым фанатизмом лезли на пули вновь и вновь. Сколько бы могло полечь красноармейцев в том бою, сказать сложно, если бы у повстанцев не стали заканчиваться патроны. В этом сражении был применён даже деревянный пулемёт-трещётка, который своим монотонным звуком щекотал нервы красным. Но к нему они быстро привыкли, и он стал бесполезным. Василий дважды выводил свой эскадрон за пределы деревни, и дважды, теряя бойцов, возвращался. Кавалерия красных, не раздумывая, врезалась в ряды эскадрона и переходила в кинжальный бой. И только чудом Губин-младший и его ближайшее окружение не погибли в том столкновении. А пешие большесорокинские бойцы, расстреляв последние патроны, мужественно дрались с красными в рукопашную до тех пор, пока не падали замертво на землю. В начале вторых суток непрекращающегося боя Шевченко был вынужден дать приказ к отступлению в сторону Дубровного.

Но и в селе Дубровное повстанцы долго не задержались. С горя напившись, мужики потеряли всякую бдительность, за что и жестоко заплатились. Преследующие их красные войска, усиленные частями с западной части Тобольского уезда, с ходу атаковали село, и выбив повстанцев из Дубровного, а затем и из Бегишевского, погнали их дальше на юг. В районе деревени Долгая и юрт Вагайских командирами освободительного полка и партизан из северных волостей Тобольского уезда было решено дать красным отрядам бой. Но плохо вооружённые, напуганные и деморализованные мужики не очень были настроены на выполнение их приказов. И уже в самом начале боя, по-

сле применения красными против повстанцев двух орудий – «траншеек», стали группами сдаваться в плен. Однако основной костяк повстанческого полка сражался отчаянно, нанося куманькам ответные жестокие удары. Как позже стало известно, именно в этом бою со стороны красных погибли ярые коммунисты Семаков, Бардаков, Ческидов и другие. Но победа, в конечном счёте, досталась красным, и с этим Шевченко и всем его боевым соратникам пришлось смириться. Собрав командиров в своём походном штабе, он мрачным голосом произнёс: «Наш полк много сделал для того, чтобы враги не прошли в сторону Тобольска. Нами нанесён значительный урон живой силе красных. Но изначально военные условия были не равны и мы потерпели поражение. Остаётся только надеяться, что Народная Армия не сдаст город и не позволит комиссарам установить там свою поганую власть. А сейчас, чтобы максимально сберечь бойцов, мы просто вынуждены организованно покинуть Вагайские юрты и отправиться в сторону дома. Нам необходимо с честью похоронить погибших, залечить раны, набраться сил, довооружиться и затем вновь вступить с красными в бой».

Поход на север потребовал больше жертв, чем южный. Сводный отряд Большесорокинской волости не досчитался в своих рядах сорок девять человек. Но на этот раз Василий не чувствовал себя таким угнетённым. Они возвращались хоть и побеждёнными, но не сломленными. И если бы не гибель Субботина и других земляков, с которыми он за три месяца прошёл огромный боевой путь, то этот поход можно было считать успешным. «Что нас ждёт дома? Кто сейчас управляет волостью? И как переживут гибель своих родных их близкие?» - засели в голове командира вопросы, к которым он то и дело возвращался.

Не доходя до Курмановки, сводный отряд встретил Фадеев, который был ранее отправлен Василием с обозом погибших и раненных, и сообщил: «В Большом Сорокино вновь установилась советская власть во главе с волревкомом, которая при поддержке тридцати красноармейцев наводит в селе и волости революционный порядок. Помогают в этом и некоторые граждане села, выдавая им наших активных помощников. В селе и волости уже арестовано более пятидесяти человек и отправлены в Ишим для допросов. Несколько

человек из них коммунистами расстреляны. В их числе оказались и двое из волостного повстанческого штаба». Выслушав друга до конца, Василий спросил: «А раненых и погибших куда дел?». «Увезли на заимку и сейчас передаём некоторых из них родным. Думаю, что в течении двух дней многих заберут, а кого не заберут, похороним на месте», - ответил тот и отряд повернул на северо-восток, в сторону Тиханихи.

Из официальной хроники

К середине марта истинное состояние дел на фронте с восставшими крестьянами руководство Сибревкома уже не скрывало. Жертвы с обеих сторон исчислялись не десятками, а тысячами человек. Под давлением обстоятельств, председатель Сибревкома И. Н. Смирнов 12 марта направил телеграмму председателю Совнаркома В. И. Ленину.

«Положение в Сибири такое. Восставшие в Тюменской, Омской, Челябинской, Екатеринбургской губерний сбиты с железной дороги и упорно защищаются в сёлах. Руководит ими некий Кудрявцев - полковник Генштаба, посланный Реввоенсоветом республики для назначения в штаб Шорина, но по дороге перешедший к восставшим. Он организует их в правильную армию. Жертвы большие. Наши потери относятся к противнику как один к пятнадцати. Прибывшая конница к бою не пригодна, занимается большие грабежом.

Чтобы поддержать порядок в Сибири, приходится в первую очередь заниматься политработой в армии. Торопимся ликвидировать восстание, ибо назревает более серьёзное на Алтае, которое ожидаем с недели на неделю. Развёрстка идёт плохо, но мы дали всем партийным организациям задание добирать до 75%. Погрузка хлеба идёт успешно, но вывозить больше пяти поездов в день не можем, ибо количество угля уменьшается, запас всего на железнодорогах на один день. Падение добычи угля будет ещё резче через две недели в силу сокращения числа рабочих.

Всё время приходится нажимать на партийные организации, по своему составу очень слабые и проникнутые местным настроением. Крестьянское настроение в сибирских организациях очень сильно. Чтобы справиться со всеми затруднениями в Сибири, давать хлеб Москве, наладить добычу угля, нужно усилить Сибирь центральными работниками. У нас сейчас никого нет, кто бы мог вести партийную работу в областном масштабе. Я вожусь с вос-

станием и углём, Чуцкаев - с посевоками и другими отделами Сибревкома, и партийная работа стоит, что грозит полным развалом. Категорически настаиваю и прошу Вас провести через ЦК откомандирование в Сибирь из московского комитета РКП (б) В. Н. Яковлевой с группой товарищей, которых она подберёт. Дальнейшее пребывание в Сибири без подкрепления областного партийного центра абсолютно невозможно, и здесь может сорваться советская работа. Прошу срочно ответа

Смирнов.

Р. С. В одном только Петропавловском уезде убиты при подавлении восстания 15 000 крестьян, в Ишимском уезде - 7 000 крестьян. Из нашего особого отряда в 600 человек, сражавшегося в Петропавловском уезде, осталось 100 человек».

Телеграмма помглавкома по Сибири В. И. Шорина командующему советскими вооружёнными силами Тарско-Тобольского направления Ю. Г. Циркунову.

«Омск, 11 марта 1921 г.

Появление Ваше в Орехово считаю актом паники и невыполнения моего боевого приказа. Если 13 марта с вверенными Вам отрядами не пойдёте в самые стремительные наступления для захвата Тобольска, прикажу Вас арестовать и как изменника предать суду ревтрибунала. Примите к точному руководству мои указания телеграммой НР 846/оп. от 9 марта. О получении донесите. НР 895/оп.

Помглавком Шорин.

За штабсиб Бежанов».

Телеграмма командования советскими вооружёнными силами Тарско-Тобольского направления.

«Викулово, 13 марта 1921 г. 14 час. 55мин.

Тарские и Тобольские соединённые отряды к данному моменту занимают линию фронта от юрт Карагайских Тобольского уезда до села Каргалинского Ишимского уезда, расстоянием в 300 вёрст, охватывая следующие пункты

сопротивления бандитов: дер. Буловка (Аксурка), Горесит-Вершино, Одицкие юрты, села Каргалы и Уватское направление. Из всех этих пунктов в наш тыл идут дороги, которыми бандиты во всякое время могут зайти в Загваздино, Ургатские юрты, Слободчиковское, Кайнино, Каргалинское - через Вершино-Агитские юрты, через Рябовское - на Викулово, что уже и было проделано в отношении Викулово. Стоящий гарнизон наш в Викулово не боеспособен, хотя многочислен, причиной чему служит недостаток вооружения, патронов, гранат, а также отсутствие боевой подготовки, ибо здесь только местные ячейки РКП.

Банды, взявшие Тобольск, провели мобилизацию, добровольческие наборы оружия, патронов у населения уезда, контрреволюционеров города. Вооружены они уже не так плохо, как думают некоторые руководители подавления восстания, так как банды выдерживают семи-восьмичасовые упорные бои. Агитационная работа бандами ведётся хорошо, так как ими в Тобольске взята типография, где они печатают массу воззваний к населению и беспартийным красноармейцам опасного правозсеровского характера.

При сильном давлении наших частей на бандитов с направления Кротово-Аромашевское и Тюменско-Тобольского тракта, банды кинутся к месту наименьшего сопротивления - на наш большой, разбросанный боевой участок с небольшими силами, о чём банды прекрасно осведомлены. Им даётся возможность проникнуть в безопасные для них места северной части Тарского уезда. На север Тобольского уезда банды не пойдут большими силами, ибо там чрезвычайно малонаселённые пространства, отсутствие хлеба, других продуктов.

Информирую вторично об операции, проделанной нами 10 и 11 марта. Оставив заслон, с Тобольской группой мы вышли из Карагая, прошли Слободчиковское, Вершино-Агитские юрты, отрезали банду, засевающую там, разбили её, лишили возможности оперировать в Викуловской долине. Не проделай бы мы этой операции, потеряли бы Викулово, где съёмный пункт, телеграф, узел трёх дорог, исходный пункт поднятия восстания в Тобольском, Ишимском, Тарском уездах широкой волной. Сейчас наши части Тобольской группы держатся у Карагая. Тарская группа получила приказ комбрига-85 о наступлении на Уват и будет размещена в дер. Орехово Слободчиковской волости.

Приказ о наступлении на Уват части выполнят безусловно. При наличии в Увате сильного противника в 1000 с лишним человек, возможности подачи им поддержки со стороны Тукузских, Сулеймановских, Казанских юрт, а также

слободы Чёрная несколько тысяч мятежников, так как расстояние там не-
большое, силы там стянуть очень скоро. При наличии на редкость удобной
бандам позиции в Уватах, так как они стоят на 4-5-вёрстном пространстве
кругом чистого места, наш отряд численностью в 300 иттыков, отодвинутый
от Слободчиково на 80 вёрст, в случае неудачи может попасть в критическое
положение, что имело место много раз в боях между красными и белыми во-
йсками в 1919 году. Не преувеличивая и не преуменьшая действительности,
обращаем на это ваше самое серьёзное внимание.

Наши отряды, уже побывавшие довольно долго на фронте и уставшие от
длинных переходов, потеряли моральный подъём. Они требуют также с этой
стороны поддержки для освежения, и не только с точки зрения оперативных
расчётов. Наши части имеют только снаружи регулярный вид, так как они
сколочены из милиции, совработников, продвольственников и проч.; большей
частью - красноармейцы Тарского и Тобольского уездов. Для того, чтобы спа-
сти положение, нам необходима поддержка человек в 300-400 регулярных во-
йск. Только при наличии их мы будем иметь возможность действовать во всю
широту. Необходимо спешить, так как дело идёт к весне, распутице. Только
если не удастся до весны ликвидировать банды в Тобольском уезде, ликвида-
ция их весной в лесных урманах, болотах будет физически невозможна. Па-
тронов у нас теперь достаточно для создания определённого резерва, шлите
ещё. Крайне необходимы: трёхлинейные винтовки, так как треть Тобольской
группы вооружена берданами. Необходимо их минимум 150-200 штук.

При исполнении этой телеграммы мы убеждены, что все наши соображе-
ния Вы примете в расчёт, что будут приняты самые решительные, энергич-
ные меры. №107.

Начвоорсил Тоб.-Тар. группы Циркунов.
Член президиума Тюменского губкома РКП Семаков».

Письмо уполномоченного Тюменского Губкома РКП (б) Н. Д. Бусыгина се-
кретарю Губкома РКП (б) С. П-ов. Агееву.

«С. Еланское, 11 марта 1921 г.

Тов. Агеев!

Вчера вечером на наши позиции бандитами снова были посланы целые
киты воззваний и прокламаций. Они отсылаются колбригу, Вы их там уви-

дите. Возвзвания их и вообще избранное ими оружие основательное. И нужно сейчас же принимать все меры к тому, чтобы стереть с лица земли бандитов, а то нет хуже, если начинают нашим оружием бить нас. Тов. Бессонов П. М. сделает Вам, конечно, доклад, обо всём. Я прошу одного: чтобы Вы бросили смотреть на это восстание как на мелочь, а приняли бы сейчас же все меры и силы к тому, чтобы уничтожить таковые в эти дни. Дайте сюда пулемётов и подкрепление, и будет начато активное наступление. Помните, что нельзя ни минуты давать противнику, иначе он становится организованнее.

Снабдите тов. Бессонова револьвером и вышлите мне. Всё остальное Бессонов объяснит. С тов. приветом Н. Бусыгин».

Накопив к середине марта военную мощь в районах, охваченных крестьянским восстанием, красное командование повело решительное наступление на всех фронтах, чтобы до конца марта подавить основные очаги сопротивления.

Оперативный приказ№71 командующего вооружёнными силами района Омск-Тюмень.

«Ст. Ишим, 14 марта 1921 г. 20 час.

1. По последним имеющимся сведениям, наши части по подавлению бандитизма занимали линию фронта между желдородой Тюмень-Омск-Челябинск: деревни Гагарьевская, Смирновская, Заплатино, Крашеново, Снегирёвская, Семискульская, Прохоровка, Селезнёвка, Картан, Лебязье, Лихановское, Денисово, Чистоозёрская, Бутурлинская, Шестоково, Жидки, Песьянское, Налобинская, Глубокое, Соколовка, Ташкентка, Усовское.

2. В целях дальнейшего сужения кольца, окружающего территорию, охваченную повстанческим движением, приказываю.

3. Нач группы южно-ишимской тов. Рослову немедленно стянуть все части, составляющие группу, в д. Смирновская и д. Гагарьевская, оставив в последней достаточный заслон для разведывания и обеспечения нашего левого фланга, с утра 15 сего марта перейти в наступление и во что бы то ни стало занять д. Чирково и д. Травнинская того же числа. По занятии последних занять исходное положение, вести разведывание во всех направлениях и установить связь по фронту со 188-м полком.

4. Комполка 188-го стрелкового тов. Яковлеву, оставив заслоны в д. Локтинская и д. Ревягинская, которым держать связь на Полковниково (Оженино) с 232-м стрелковым полком, с рассветом 15 марта перейти главными силами в решительное наступление на деревни Останино-Пегановское-Мишино, каковые занять и вести дальнейшее наступление на д. Карьково и д. Гагарушки (10 вёрст к югу от д. Пегановское), перехватить тракт, идущий на д. Бердюжная, поддерживая связь с 232-м стрелковым полком и строго согласовывая свои действия с тов. Рословым.

Обращаю внимание комполка-188 на тактику бандитов: без выстрелов запускать нас в деревни, а затем открывать прицельный огонь из укрытий. Донесения о занятых рубежах и изменениях обстановки представлять согласно параграфа 12 сего приказа по телефону, а оперсводки - ординарцами через посты летучей почты к 6 и 16 часам ежедневно.

5. Комполка-232 стрелкового тов. Баткунову А. Н. вести огневую разведку на д. Босоногово и Истоиное, взять под наблюдение д. Песчаное, д. Мелёхино, д. Полковниково, дабы бандиты не могли прорваться на север, и держать прочную связь со 187-м стрелковым полком.

6. Комполка-187 стрелкового тов. Черникову подчинить себе части 6-го запасного пулемётного батальона и 181-го полка, повести энергичное наступление в общем юго-восточном направлении на д. Армизонское-Няшинское-д. Жиряково-Сухая (Комлево) - Калмакское, поддерживая прочную связь по фронту и с частями 209-го полка, действующими с юга, выйти на линию деревень Няшинское-Одино-Калмакское. Действовать смелыми оглушительными ударами, уничтожая бандитов, производить основательную чистку в тылу. Действия свои строго согласовывать с частями, наступающими с юга. Обратить внимание при очищении района на деревни Бердюжино-Вьялково и Одина.

7. Комбригу-61 тов. Полисонову: 1) Передать 6-й запасной пулемётный батальон и 3-й батальон 181-го полка в оперативное подчинение комполка-187 стрелкового, упразднить Ялutorовский боевой участок, возложить ведение разведки в Ялutorовском уезде через волвоенкомов на увоенкома. 2) Раз и навсегда взять Казанский полк в руки, прекратить топтание на месте и повести энергичное наступление как по реке Тавда, так и по реке Тобол на д. Бачелино, каковую занять в кратчайший срок.

8. Комполка-232 стрелкового тов. Баткунову - согласовав свои действия с комполка-181, повести стремительное наступление в северо-западном направлении на д. Шестово-д. Ашлыкское, оставив в районе Аромашиевское-Ма-

линовское отряд для обеспечения тыла и окончательного очищения местности от бандитов. Держать самую крепкую надёжную связь с частями 181-го полка, наступающими по тракту на север.

9. Заместителю комполка-181 тов. Чалкову продолжать наступление по тракту на север, строго согласуя свои действия с частями 232-го полка, наступающими на д. Шестово и д. Ашлыкское и поддерживая с ними самую тесную связь.

10. Начсевгруппы т. Циркунову выполнить мой приказ №64/опер., параграф 8, информируя меня донесениями через каждые 6 часов, согласовывая действия своих отрядов с комполка-181, наступающим на север по тракту д. Большой Кусеряк-д. Истяцкая-д. Чёрная.

11. Обращаю внимание всех командиров частей, что обстановка требует быстрого, энергичного движения на указанные пункты, так как окружённые бандиты мечутся во все стороны. Нужно нам давать им сильные удары, которые помогут скорее закончить ликвидацию бандитизма.

Командующий вооружёнными силами района Омск-Тюмень комбриг-85
Рахманов, военком Корняков, начштаба Печенин».

Записка по прямому проводу председателя Сибревкома И. Н. Смирнова уполномоченному Сибревкома Е. В. Полюдову, командующему Петропавловской группой советских войск В. Ф. Егорову и командующему советскими вооружёнными силами района Омск-Тюмень Н. Н. Рахманову.

«Омск, 15 марта 1921 г. 21 час.

Ожесточённое сопротивление, оказываемое в последние дни мятежниками, объясняется полной безвыходностью их положения. В разных местах они предлагают сдать при условии созыва крестьянского съезда в целях гарантирования себе сохранения жизни и безнаказанности. Отвергая всякие договоры с восставшими, не принимая их как равную сторону, необходимо принять меры к широкому оповещению населения, что сложившие оружие и возвратившиеся к мирному труду никакому наказанию подвергнуты не будут, кроме руководителей, белогвардейцев бывших колчаковских офицеров. Отдайте соответствующее распоряжение. Воззвание Сибревкома по этому поводу отдано в печать, после публикации нарочными вышлю на места. №132/б.

Предсибревкома Смирнов».

Воззвание Тобольского главного штаба Народной повстанческой армии к населению.

«Тобольск, 16 марта 1921 г.

Дорогие товарищи!

Коммунисты распространяют среди вас слух, что против них восстали белогвардейцы: остатки колчаковской армии под предводительством золотопогонников-генералов и офицеров. Коммунисты говорят вам, что восстали против них помещики, капиталисты, кулаки и попы; говорят они также, что восставшие контрреволюционеры хотят потопить в крови рабочих и крестьян завоевания октябрьской революции, снова поработить всю трудящуюся массу и пить кровь угнетённых.

Не верьте им. Вы сами чувствуете, что восстал против коммунистов обманутый ими трудовой народ, само трудовое крестьянство. Оно идёт под предводительством не генералов и офицеров, а идёт оно под руководством своей совести и своего гнева против тех, кто обманом и несбыточными обещаниями вовлёк наш тёмный и доверчивый народ на путь государственного расстройствa и хозяйственной разрухи. Народ восстал против коммунистов, утопивших в крови рабочих и крестьян. Мы, восставшие крестьяне, когда-то с надеждой и верой ждали коммунистов, суливших нам свободный строй, братство и равенство, убедились теперь в несбыточности их обещаний и их губительной для народа политики. И поняли мы теперь, что они, коммунисты, несли тогда крепостное право для нас в форме, невиданной ещё в истории всего человечества. Доведённые до отчаяния обманом и жестокостью коммунистов, мы, крестьяне, подняли знамя восстания против них, наших истинных угнетателей.

Не верьте им. Как они обманом и ложью довели нашу родину до полного развала и нищеты, так хотят они обманом и ложью восстановить вас против нас - трудовых крестьян. Не верьте ни единому слову коммунистов, желающих потопить в русской крови проснувшееся сознание обманутого народа. Не верьте им и заставьте их замолчать! Пусть они больше не обманывают вас, пусть и в вас, дорогие товарищи, проснётся сознание вашей угнетённости.

Слейтесь с нами, идите под сень родного знамени, где кровью народа начертано: «Да здравствует свободный народ и свободный труд!», «Да здравствует Сибирское свободное крестьянство!».

Главный штаб Народной Армии».

Телеграмма помглавкома по Сибири В. И. Шорина командирам 63-го и 85-й стрелковых бригад.

«Омск, 16 марта 1921 г.

Приказываю:

1. Комбригу-63 передать в распоряжение комбрига-85 помкомполка-189 тов. Грецкого.

2. Комбригу-85 назначить тов. Грецкого командующим всеми отрядами, действующими под руководством тов. Циркунова, а последнего по сдаче должности немедленно отправить в Омск в моё распоряжение.

3. Комбригу-85 перейти в самое решительное наступление всеми отрядами, действующими в районе Ярково-Истяжское и Орехово-Карагай, в общем направлении на Тобольск с целью в кратчайший срок ликвидировать там повстанцев. Для обеспечения тыла наступающих отрядов оставить сильные заставы в Большие-Красноярском, Покровском, Малиновской, Викулово и Орехово. Заставам быть в полной боевой готовности, вести тщательную разведку и в случае каких-либо вспышек повстанцев в указанных районах немедленно таковых ликвидировать.

4. Ещё раз подтверждаю, чтобы отряды, наступающие на Тобольск, действовали в полной согласованности и развили бы полную энергию при выполнении данной им задачи.

5. О получении донести. НР 970/оп.

Помглавком Шорин, штабсисиб Афanasьев».

Вскоре приказы помглавы Сибревкома стали воплощаться в конкретные результаты.

Из оперативной сводки штаба помглавкома по Сибири.

«Омск, 18 марта 1921 г., 18 час.

Тобольский район

Части 232-го и 253-го полков с боем заняли деревни Желнино, Шишкино и Ашлыкское, что 75 вёрст юго-восточнее Тобольска, части отряда продолжают наступление на запад на Шестово и на север вдоль тракта.

Тюмене-Ялуторовский участок

Повстанцы, прорвавшиеся на запад на участке 6-го заппулбата численностью до 1000 пеших и 500 конных, совершили внезапный налёт на д. Карпунново, что около 70 вёрст юго-западнее ст. Вагай, где захватили полевой штаб пулбата с огнеприпасами и большую часть маршевой роты, несшей сторожевое охранение и сдавшейся без боя. Приняты меры по ликвидации прорвавшихся повстанцев. Части заппулбата, отошедшие к северу, подчинены комполка-187, а отошедшие к югу - комполка-209.

Ишимский боеучасток

Образцовый отряд занял д. Грачёво, что 65 вёрст юго-восточнее Ишима, 188-й полк ведёт наступление на Бердюжское и Заозёрное, что 10 вёрст юго-вост. Истошного. Части 232-го полка в Южно-Гольшмановском районе 17 марта с боем заняли Истошное и Босоногово, продолжается наступление в юго-западном направлении.

Петропавловский боеучасток

Второй батальон 249-го полка связался с частями Ишимской группы в районе Ильинского. Сводный отряд из д. Сивково в движении на Царскую Милость, что 10 вёрст севернее Сивково. Первый батальон 249-го полка занял Сумское и после упорного боя - Ново-Александровское, что 45 вёрст сев. Петропавловска. 250-й полк занял Черданцево, что 50 вёрст сев.-вост. Петухово, выделил роту численностью 100 человек, 2 пулемёта, авторужьё «Шоша» в д. Власово, где рота была окружена повстанцами превосходной численности и пробиваясь, потеряла до 45 человек убитыми, 40 пленными; 5 красноармейцев и комроты, будучи ранены, пробилась к полку. Третий батальон 249-го полка, наступающий на Воробьёвское, что 65 вёрст сев. Петухово, встретил упорное сопротивление заслона повстанцев. После боя бандиты, оставив два пулемёта, авторужьё «Шоша», отошли на Воробьёвское. При продвижении третьего батальона 249-го полка повстанцы из д. Шамиурино повели наступление на Бутыринскую и заняли её, но контратакой третьего батальона были выбиты и потеряв один пулемёт, отошли обратно на Шамиурино. Вторым батальон 249-го полка, заняв Беяковское, что 70 вёрст сев. Петухово, ведёт наступление на Песьяное. Первый батальон того же полка занял Желяково и

Чубарово, что 65 вёрст севернее Макушино. От южной группы сведений не поступило. №1007/оп.

Начоперупрсиб Бежанов, военком Вележев».

Из оперативной сводки штаба помглавкома по Сибири.

«Омск, 19 марта 18 час.

Северная группа

Тобольско-Тарский отряд после 17-ти часового боя занял д. Аксурская, что 16 вёрст сев.-зап. Карагайского, потеряв около 70 человек убитыми и ранеными. Части 181-го полка после трёхчасового боя заняли д. Индерская, что 23 версты севернее д. Истяцкая. Повстанцы отошли на сл. Чёрная. Части 232-го и 253-го полков продолжают наступление к северу, на Птицкую, и к западу на Шестово.

Ишимский боеучасток

Наши части южнее желдороги к 18 марта с боями достигли деревень: образцовый отряд - Кугаево, Грачёво, Пестерово, Полднева, 188-й полк - Бердюжская, Гагарино. В первой деревне захвачено около 1000 человек пленных, обоз и другие трофеи. Образцовый отряд и 188-й полк ведут наступление на Уктузскую и Кушлукскую. Части 232-го полка занимают линию Забошино, Орлова, Денькова, Гаглино. Части 6-го заппулбата, две роты 187-го полка наступают в западном направлении для ликвидации противника, прорвавшегося в район Селезнёвка-Мокроусовское и имеющего намерение разойтись по домам.

Начоперупрсиб Бежанов, военком Вележев».

Телеграмма председателя Сибревкома И. Н. Смирнова начальнику 210й стрелковой дивизии войск ВНУС Ф. В. Егорову и командующему кокчетавской группой советских войск Е. В. Полюдову.

«Омск, 16-17 марта 1921 г.

Во время восстания часть наших красноармейцев перешла к восставшим. Принимая во внимание, что многие из красноармейцев являются местными

уроженцами и психологически для них было трудно поднять оружие против своих односельчан, считаю возможным следующее: широко оповестить находящихся среди восставших красноармейцев, что их жизнь будет пощажена, если они вернутся в Красную Армию и положат оружие. Всех таких возвратившихся красноармейцев, обезоружив и под конвоем, направлять в Омск для дальнейшего их назначения. НР 136/б.

Предсибревкома Смирнов».

Из ежедневной информационной политической сводки Тюменской ГубЧК.

«Тюмень, 20 марта 1921 г., 18 час.

Общее политическое положение

Прорыв повстанцев на Ялutorовском участке ещё не ликвидирован, вновь заняты Петропавловская и Емуртлинская волости, что в 60 верстах от Ялutorовска. Повстанцы быстро продвигаются на Ялutorовск. Остановить их нет возможности за неимением реальной силы. На вторичные запросы командующий войсками района Омск-Тюмень категорически отказал и даже не стал разговаривать с комбригом-61 участка Тюмень. В этих районах происходит что-то невероятное среди населения. Вновь организованные советские и партийные организации разрушаются, крестьянство бежит куда попало. Лесозаготовка и продсемразвёрстка остановились, и рушится хозяйство грабежом скота и имущества бандитами.

Тюменский уезд

В районе Покровское-с. Ярково оставшаяся одна рота стоит без продвижения. Есть сведения, что противник пытается отрезать её. Сил нет. Положение серьёзное. Тобольск в руках повстанцев. Командующий Народной Армией Желтовский разбегает по своим частям фронта, воодушевляя их.

18 марта в Обдорске вспыхнуло восстание, и идёт бой, вряд ли придётся удержать за собой Обдорск ввиду неимения сил. Наши очень незначительные части полувооружены, количество их - 200 человек, отчаянно дрались за г. Берёзов. Но последние сведения говорят, что связь Берёзова с Обдорском потеряна, а также нет сведений и про наш отряд. Мною сделано распоряжение обезвредить радиостанцию в Обдорске, которая имеет приёмник и передат-

чик, и оставление её даст возможность контрреволюции продельывать своё дело и воодушевлять повстанцев, а также пользоваться сведениями, которые могут перехватывать с других радиостанций. На это распоряжение получен ответ: готовы каждую минуту уничтожить радио, и тюменский шифр уже сожжён. Совершенно нет никакой надежды на удержку последней опоры севера. Падение севера есть громадный уцерб республике. №421.

ПредГубЧК Студитов».

Записка по прямому проводу начальника штаба Ишимской группы советских войск М. С. Печенина начальнику оперативного управления штаба помглавком по Сибири. «Ишим, 20 марта 1921 г.

Для доклада помглавкому сообщаю, что поездом №108 20 марта в 21 час 45 мин. отправлена партия пленных в числе 1155 чел. К прибытию поезда в Омск и для принятия пленных сделайте соответствующее распоряжение о высылке конвоя. №1435.

Начштаба Печенин, военком Кузнецов».

Воззвание командующего советскими вооружёнными силами района Омск-Тюмень к крестьянам. «Ишим, 19 марта 1921 г.

Товарищи крестьяне! Контрреволюции нужно, чтобы была пролита кровь трудящихся и разбит план хозяйственного строительства всей республики, а поэтому Сибревком, в лице Ивана Никитича Смирнова и помощника Главного командующего всеми вооружёнными силами республики по Сибири тов. Шорина предлагает немедленно же всем красноармейцам, обманутым капиталистической сворой, вернуться в ближайише красные отряды для направления в свои части, а крестьянам, казакам и другим восставшим против советской власти выдать своих главарей, сдать оружие в ближайише отряды Красной Армии и вернуться к своим семьям и мирному труду. Всем красноармейцам, добровольно вернувшимся в отряды Красной Армии, и крестьянам, добровольно сдавшим оружие, гарантируется полная неприкосновенность за их ошибки. Да здравствует Советская власть. Да здравствует мирный труд. Командующий вооружёнными силами Красной Армии района Омск-Тюмень, комбриг-85 Рахманов, начальник штаба Печенин».

Оперативная сводка штаба Ишимской группы советских войск.

«Ишим, 20 марта 1921 г., 18 час.

Южно-Ишимский район

По только что полученным донесениям, отрядом тов. Рослова занята д. Зарословское Уктузской волости. Бандиты бегут на юг. Выслана разведка на д. Власово, д. Михайловское, д. Сергеевское, д. Половинная. Подробности занятия выясняются.

По дополнительным сведениям, в бою у д. Зарословское 19 марта с нашей стороны действовали части 256-го полка и отряд Горикова. Части были встречены сильным оружейно-пулемётным огнём. Со стороны бандитов действовали непрерывно четыре пулемёта в течение всего боя, продолжающегося 7 часов. Во время боя часть отряда Горикова, заметив обход кавалерии бандитов, начала отступать, чем воспользовались бандиты. Они бросились в атаку. На подмогу была брошена резервная рота 256-го полка, но была встречена дисциплинированными сильными залпами. В результате наши части, вошедшие в деревню, вынуждены были отойти. Потери с нашей стороны - около 120 человек убитыми и ранеными. Выбит почти весь комсостав.

По донесению начбоегруппы Ялutorовского участка т. Калугина от 18 часов сего числа, Ялutorовский отряд, занимающий д. Бердюгино и д. Емуртлинская, под давлением превосходных сил бандитов отошёл в северном направлении на д. Упорово. По опросам пленного командира бандитской роты, в волости Емуртлинской действует банда, численность которой не выяснена, и эскадрон в 300 сабель. Из Ялutorовска на восстановление положения брошен последний резерв - дезотряд.

Тобольский район

Отряд Циркунова вышел на линию Быково-Быково, что 15-10 вёрст северо-восточнее д. Дубровное, что на тракте Ишим-Тобольск. Выслан отряд для занятия д. Шевелёво. Ведётся разведка в южном направлении.

Северо-Гольшмановский район

Части 181-го полка ведут наступление на д. Чёрная. Донесений о результа-

тах не поступало. Части 232-го полка вследствие глубокого обхода Птицкого большими силами бандитов отошли на д. Межевая.

Тюменский район - без перемен. НР 1437.

Начштаба Печенин, военком Кузнецов».

Письмо уполномоченного Тюменского губкома РКП (б) Н. Д. Бусыгина секретарю губкома партии С. П. Агееву.

«Еланское, вторая половина марта 1921 г.

Тов. Агеев! Наши отряды почти стоят, продвижения незначительны. При продвижении целый ряд ненормальностей. Тов. Чельшиев (вследствие болезни возвращающийся в Тюмень) вам объяснит: о непомерных бесцельных зверствах наших частей, о мародёрстве, об обозах отряда и т. д., обо всём его расспросите. Он объяснит подробно, с частями нельзя сказать ни слова. Напишите, как мне поступить в тех случаях, которые вам выявит Чельшиев.

Политработа ведётся слабо. Людей в деревнях почти не остаётся. Тройкам приходится как местной власти проводить учёт, регистрацию, и по мере отхода воинских частей дальше вылавливать бандитов, вести беседы.

Потом, тов. Агеев, вышлите мне человек десять политработников.

Ну, а пока - будь здоров.

С тов. приветом Н. Бусыгин».

Записка по прямому проводу начальника штаба приуральского военного округа К. П. Артемьева командиру 209-го стрелкового полка.

«Екатеринбург, 19 марта 1921 г.

По имеющимся сведениям в информационном отделе особого отдела ВЧК при 1-й Советудармии, вверенные Вам части при занятии селений занимаются мародёрством, в коем принимают участие не только красноармейцы, но и комсостав. Колвойсками приказал принять самые решительные меры против этого явления, не останавливаясь ни перед чем. НР 905/опс.

Наштабокр Приурво Артемьев, комиссар Старожилов».

Телеграмма заместителя военкома 39-ой стрелковой дивизии военкому штаба помглавкома по Сибири П. В. Дашкевичу. Г. Петропавловск.

«На Ваше отношение №1371/оп. сообщая:

По сообщению ОРГЧК станции Петропавловск, Булаевский коммунистический отряд под руководством командиров Озонека и Вавилова грабит деревни, насилюют, издеваются над крестьянством. Случаи были в д. Метлишная, Бугровской волости, Бугровая и Рявкино. Избивают крестьян шомполами, прикладами, раздевают и выводят голых на улицу, что вызывает озлобление населения. Всё это заставило нас отдать приказ о придании командиру суду и о разоружении отряда.

За военкомдива Пинцов».

Телеграмма уполномоченного сибревкома Е. В. Полюдова председателю Сибревкома И. Н. Смирнову и помглавкому по Сибири В. И. Шорину.

«Кокчетав, 22 марта 1921 г.

Среди конфискованных тройкой вещей есть хорошие золотые часы. Разрешите преподнести их от имени Сибревкома комполка Соколову И. Е., полк которого под его умелым руководством сыграл главную роль в подавлении восстания в казачьих станицах. Соколов имеет уже орден Красного знамени. №6.

Уполномоченный Сибревкома Полюдов».

Телеграмма уполномоченного Сибревкома Е. В. Полюдова председателю Сибревкома И. Н. Смирнову.

«Б/м. 23 марта 1921 г.

Всех членов повстанческих военных советов тройка расстреливает. Сейчас мы ослабили террор. Приговорён был к расстрелу член Щучинского военного совета Верховод Евдоким Филиппович, 60 лет. Его сын, Николай Верховод, преданный соввласти красноармеец 233-го полка просит снисхождения для отца. Мы его помиловали, но разрешите помилование объявить от Вашего имени и таким образом агитнуть перед красноармейцами.

Уполномоченный Сибревкома Евг. Полюдов».

Выдержки из статьи «Самаровские события» напечатанной в повстанческой газете «Голос Народной Армии».

«В ночь на 22 февраля коммунистами были произведены обыски и арестовано 12 человек местных жителей и некоторые служащие. Пятеро из них на следующую ночь были расстреляны, собственно не расстреляны, а изрубленные в буквальном смысле. Утром у проруби была обнаружена большая лужа крови, и неподалёку от проруби мальчишки нашли кусок чьей-то головы с волосами.

Убиты в эту ночь местные обыватели Кузнецов Ал. Ив., Кузнецов Фёд. Ив., Чукреев Ник. Вас., Соскина Анфиса Алек., и сестра милосердия из местной больницы Сынина Ольга Александровна.

Кошмар пребывания коммунистов в Самарово длился две недели. Село было точно вымершим – никто без нужды не выходил из дому. Каждую ночь производились аресты, арестованных привозили также из других сёл и деревень, и в конце концов ими было битком набито здание старого волостного правления. Убиты были ещё начальник местного почтово-телеграфного отделения Алексеев, служащий продконтторы Проценко и по дороге в Самарово – священник села Реполово.

Населению было приказано сдать все имеющиеся у него денежные знаки свергнутых правительств. По слухам, денег было собрано несколько сот тысяч рублей; они были увезены председателем ревкома, коммунистом Захаром Павловым, который впоследствии был пойман остяками в Чучелах.

Кошмарному состоянию не предвиделось конца, и население в страхе ждало смерти. Однако 6 марта вечером вдруг со стороны фронта на подводах во весь дух въехали разбитые у Реполово отряды коммунистов. Этой ночью население особенно боялось, предвидя резню или поджоги.

Опасения не оправдались. Сейчас же по приезду начались спешные сборы коммунистов из Самарово, и всю ночь происходил их отъезд, напоминающий собою паническое бегство. В попытках коммунисты забыли даже в Самарове некоторых предназначенных к эвакуации служащих и часть арестованных, которых, однако, увезено было 23 человека. По дороге 12 из них были убиты, трупы их разысканы родственниками и погребены. В числе погибших самаровцев – Чукреев Ив. Ник., Корепанов Григорий, Шеймин Иван Ник., Соскин Ник. Павлов., служащие почтового отделения Кайгародов Лаврентий, Зоркальцев

Егор Федос. (из Звёздной), Киселёва Татьяна Николаевна (из Базьян), Тарасов (начальник почтово-телеграфного отделения в Реполово), Ульянов (агент Обласрыбы в Реполово) и др.

7 марта вечером, при торжественной встрече и радости всего населения, в Самарово въехали передовые отряды победительницы - Народной Армии.

Население вздохнуло свободно.

20 марта 1921 г. Самаровец».

Информация Тобольского главного штаба Народной повстанческой армии.

«Игуменом Абалакского монастыря с братией пожертвовано в пользу Народной армии 50 000 рублей. Кроме того, за период времени с 24 февраля по 18 марта, в Абалакский военный штаб поступили как добровольные пожертвования в пользу армии следующие вещи: от Ивановского женского монастыря печёным хлебом - 20 пудов, спичек - 250 коробков, от населения разных деревень Абалакской вол. выпеченного хлеба - 60 пуд., мяса - 9 пудов, рыбы свежей - 4 пуд. 20 фунтов, молока - 5 вёдер, яиц - 60 штук.

Деньги переданы казначею штаба. Помещая этот список пожертвований, Тобольский главный штаб приносит свою глубокую благодарность за отзывчивое отношение гражданам и указанным монастырям к нуждам своей Народной Армии.

Тобольск, 20 марта 1921 г.».

Обращение бывших красноармейцев Казанского стрелкового полка к беспартийным красноармейцам.

«Тобольск, 21 марта 1921 г.

Товарищи! Мы, беспартийные красноармейцы Казанского стрелкового полка, в боях на тюменском направлении вышли из ваших рядов и перешли на сторону противника. Вы все знаете, товарищи, что говорят нам о противнике наши коммунисты. И вы поймёте, что должны были чувствовать мы, когда оторвались от своей части и шли навстречу неизвестной судьбе.

Мы уже давно видели и догадывались, что противник наш - такой же крестьянин, как и мы, т.е. кровный брат наш. Но не знали, как он примет нас: как братьев или как врагов?

Товарищи! Здесь мы нашли своих друзей. Они приняли нас как родные, с распростёртыми объятиями, напоили, накормили и отправили на подводах в г. Тобольск.

В Тобольске нас поместили в казарму, дали солдатский паёк, оставили нам тёплую одежду и разрешили вольный труд. Мы пользуемся почти полной свободой.

Многие из нас поступили добровольцами в Народную Армию. Этот шаг мы сделали исключительно по собственному почину, так как никто не принуждал и не принуждает нас к этому.

Товарищи! Здесь мы поняли наконец, кто и за что воюет. Поняли и хотели бы, чтобы поняли бы это и вы, и чтобы и вы последовали нашему примеру.

Товарищи! Не белогвардейцы и не колчаковские офицеры сражаются против коммунистов, воюет наш простой, серый крестьянин, воюет наш брат и отец.

За что же он воюет и против кого воюет?

Он признаёт советскую власть и советские учреждения, но не может смириться с той кабалой и с той бесправной, скотской жизнью, которую устроили для рабочих и крестьян коммунисты. Крестьянин добывает упорным трудом хлеб, который затем отбирается от него силой и преет в зернохранилищах. Крестьянин выращивает скот для того лишь, чтобы коммунисты сгноили мясо на своих складах. Наконец, сам крестьянин очутился на положении крепостного раба: зиму и лето должен он рубить, возить и плавить дрова, мотаться во всяких подводах, зиму и лето - изводиться на тяжёлых работах.

А коммунисты, те самые коммунисты, которые говорили так красиво о равенстве и братстве, устроили себе прекрасные барские квартиры, катаются на кровных рысаках, едят изысканные яства, пьянствуют, не стыдятся держать себя с мужиками истинными генералами царских времён, тогда как простой народ, голодный и холодный, босой и раздетый, надрывается от непосильного труда.

Крестьянин видел всё это, но до поры до времени терпел и молчал. Чаша терпения переполнилась, когда коммунисты начали отбирать семенной хлеб и сыпать его в те амбары, где уже прели десятки тысяч пудов отобранного ранее хлеба. Увидя, что у него не будет даже семян для посева, крестьянин не стерпел: вооружился дубиной и с яростью кинулся истреблять коммунистов.

Товарищи! Все мы - тоже крестьяне. Наши братья, наши отцы также разорены, оплётаны и также взяты в непосильную крепостную работу.

Товарищи, братья! Кого же нам поддерживать? Коммунистов ли, которых все мы ненавидим, или отцов наших и братьев?!

Ответ ясен. Пойдём туда, куда тянет нас наша кровь и наше сердце! Пойдём к крестьянину и поможем ему строить истинно свободный порядок, где не будет ни сытых и пьяных комиссаров, ни загнанных и полуголодных рабов, где все будут свободны, равны и сыты.

Товарищи! Переходите к партизанам, несите к ним оружие и огнеприпасы. Организуйтесь, истребляйте коммунистов и соединяйтесь с серой толпой восставших крестьян.

Берите пример с Петропавловского гарнизона, который сам отдал своими руками город Петропавловск в руки народа!

Следуйте этому высокому примеру сознания своего долга!

Бывшие красноармейцы Казанского стрелкового полка».

Телеграмма Обдорского революционного штаба руководству Тюменской губернии.

«Обдорск, 23 марта 1921 г.

Недостаток патронов. Отступаем из Обдорска на Щучью. Радиостанцию эвакуируем, части парашутов будут спрятаны. Это последняя информация. Разбираем передатчик радио, принимать депеши можем до 26 марта. 200 беженцев, 25 раненых отправляем на Урал в район Уса. НР 25/оп.

Председатель штаба Протасов, комвойск Данилов».

Из справки штаба РККА заместителю председателя Реввоенсовета республики Э. М. Склянскому.

«Москва, 23 марта 1921 г.

1. Общее положение в Тюменской губ., по последним оперативным данным, продолжая оставаться серьёзным, отнюдь не внушает каких-либо опасений. Сравнивая нынешнюю обстановку с таковой же в конце февраля и начале мар-

та, необходимо отметить значительный успех, достигнутый в деле общей и планомерной ликвидации повстанческого движения: обе железнодорожные линии, идущие от Омска на запад и перехваченные местами повстанцами, ныне находятся в наших руках; районы непосредственно Тюмени, Ялуторовска и особенно - Ишима, очищены от повстанцев; полоса к северу от железнодорожной линии Ишим-Ялуторовск, ранее сплошь занимавшаяся повстанцами, ныне совершенно очищена от последних. Ныне в пределах Тюменской губернии имеются в сущности две крупные повстанческие группы, ликвидация коих ещё не закончена: Тобольская и сжатые в кольцо к юго-западу от Ишима соединённые остатки различных повстанческих банд, оперировавших в районе Ялуторовск-Курган-Петропавловск-Ишим. Медленность продвижения наших частей в Тобольском районе объясняется военно-географическими трудностями этого района и уселением действующих здесь повстанческих банд за счёт разбитых и отброшенных к северу из Ишимского и Гольшмановского районов повстанцев. Что же касается прорыва повстанцами кольца к юго-западу от Ишима в озёрном районе около Бердюжье, то здесь мы скорее имеем дело с естественным просачиванием отдельных бандитских отрядов, не имеющих определённых тактических задач и вслед за тем распыляющихся. Последние данные указывают, что повстанцы этого района разбегаются наполовину по домам и, рассеянные, вылавливаются нашими частями. Беря в целом ликвидацию повстанческого движения в Сибири, необходимо учитывать, что она, естественно, должна тормозиться территориальным размахом движения, размерами театра военных действий и слишком большой растянутостью коммуникационной и операционной линий.

2. Для более успешной и скорейшей ликвидации повстанческого движения главным командованием были приняты следующие меры: 1) на усиление частей были отправлены в Сибирь 21-я стр. дивизия (из Беломорского округа), Симбирский и Казанский полки, специально сформированные особым распоряжением из курсантов и отборных частей, и 4 бронепоезда; 2) в целях объединения оперативного руководства в одних руках все войска Приурво, действующие на Сибирском фронте, с 1/3 подчинены в оперативном отношении помглавкому по Сибири.

5) Опасения о возможности для повстанцев получить поддержку из-за границы через бухту Находка представляется неосновательными и маловероятными.

Наштаген Лебедев, помвоенком А. Илюшин».

Из оперативной сводки штаба помглавкома по Сибири

«Омск, 23 марта 1921 г., 16 час.

Северная группа, Тобольский район

Части Тобольско-Тарского отряда заняли Берёзовку, что 12 вёрст сев.-зап. Дубровного, установлена связь с частями 181-го полка, занявшими Русаково, что 6 вёрст севернее сл. Чёрная. Повстанцы, занявшие юрты Кондинские, что 18 вёрст северо-западнее Ашлыкского, налётом на д. Ашлыкская заняли последнюю и захватили пятую роту 253-го полка в составе 100 штыков. Вследствие занятия повстанцами Ашлыкского части 232-го полка отошли на д. Мало-Бакланова, что 4 версты юго-зап. Ашлыкского. Остальные роты 253-го полка, занимавшие д. Шишкино, что 5 вёрст юго-вост. Ашлыкского, отводятся в тыл в д. Малиновская. Из частей 181-го полка высылаются 100 штыков для занятия Ашлыкского.

Учикола терполка 19/3 после четырёхчасового боя заняла Смирново-Сидорова, что 5-7 вёрст севернее Чёрного Яра; продолжая наступление, терполк тремя батальонами с трёх сторон атаковал Утяишское. Одновременно повстанцы перешли в контратаку на деревни Смирново-Сидорова и из Утяишского и вынудили наши части, понёсшие большие потери и потерявшие почти весь комсостав, отойти в д. Машино (на карте нет). Учикола приводится в порядок для дальнейшего наступления.

Тюмене-Ялуторовский участок

Части 187-го полка прибыли в д. Пятковская, ведут наступление в юго-восточном направлении. С юга наступает на Нижнее-Манайское, что 70 вёрст юго-вост. Ялуторовска, отряд под командой курсов Всеобуча в составе слушателей курсов комсостава, 6-го запугбата и роты 206-го полка.

Ишимский боеучасток

Продолжается вылавливание повстанцев и отбор оружия.

Начоперупрсиб Бежанов, военком Вележев».

Сводка Тобольского главного штаба Народной повстанческой армии

«Тобольск, 24 марта 1921 г., 9 час.

Получена первая телеграмма из Берёзово, с которым установлена прочная телеграфная и телефонная связь.

Березов занят нашими северными орлами в 6 час. вечера 21 марта. Город был оставлен красными в 2 часа дня и был без власти 4 часа. При отступлении коммунисты сожгли 400 пуд. пороха, сожгли несколько зданий.

В дополнение к вчерашней сводке.

Общее количество взятой на южном направлении военной добычи определяется так: 148 винтовок, 20 дробовиков, много патронов, 120 пленных. Содержимое захваченного обоза выясняется».

Из телеграммы председателя Тюменской ГубЧК П. И. Студитова в оперативное управление штаба РККА Республики.

«Тюмень, 25 марта 1921 г.

Политическое состояние Тюменской губернии на 25/3.

Ялutorовский район. Противник превосходными силами занял вновь освобождённые волости, ведёт жестокую расправу с населением. 24 марта банда подошла к Ялutorовску на расстояние пять вёрст, намереваясь занять город. Освобождение арестованных... составить трудно. Условия заставили мобилизоваться всем работникам и в том числе сотрудникам политбюро, последнего работа остановилась. С большими усилиями отогнали противника на 15 вёрст от города, но нет надежды, что не оставим город, если противник нажмёт.

Тюменский узел. Наступление наше на Покровское потерпело поражение. Уничтожена рота 181-го полка. Оставшаяся значительная часть мятежников даёт возможность им свободно пойти на Тюмень. Готовимся выступить на защиту Тюмени, и остальную работу придётся на это время остановить.

Север. Березов, Сургут пали, идёт эвакуация Обдорска, радио снято, противник подходит к Обдорску.

Туринск. Настроение крестьян взвинчено воззваниями Тобольской народной власти, призывающими уничтожить коммунистов. В северной части

этого уезда, в Верх-Альме, восстание. Настроение рабочих и бедноты - крестьян - возмущение на неказание помощи, в силу чего создано мнение, что идёт сознательное истребление наших малочисленных вооружённых сил».

Оперативная сводка штаба Ишимской группы советских войск.

«Ишим, 26 марта 1921 г., 18 час.

Тобольский район

Отряд т. Циркунова совместно с 343-м полком ведёт наступление на д. Вагай, сведений о её занятии не поступало.

232-м полком после упорного боя занята д. Ново-Пашиново. Полк продолжает дальнейшее движение на Шестово и далее должен наступать по лесным дорогам в направлении на Булашево.

На участке Казанского полка спокойно.

189-й полк в движении из Ялуторовска на слободу Покровскую, куда должен прибыть 27/3. Наступившая распутица задерживает движение.

Ялуторовское направление

Взятие в кольцо 187-м полком в слободе Бешильская банды выбиты оттуда и сосредоточились в деревне Скородум. В течение целого дня идёт упорный бой. Бандиты бросаются во все стороны, ища свободных мест, видимо, имея целью хотя бы остатками прорваться на желдорозу.

Южно-Ишимский район

Банды Бардакова, выбитые частями Петропавловской группы из д. Жидки и встреченные частями 188-го полка в д. Черданцево, после упорного боя разбежались на две части, из которых одна укрепились в д. Карасья, другая – в д. Вланово. Отданы приказания 188-му полку и тов. Рослову уничтожить эти банды.

Петропавловский район

Рота ВЧК прибыла в Ильинское. Части третьей группы в составе 208 и 250-го полков в районе Беяково, 55 вёрст севернее Петухово, настигли группу повстанцев под командою Бухвалова и разбили последнего, причём взяты в плен начштаба Сибирского фронта и начштаба Народной Армии. Главарь банды Бухвалов застрелен, остатки разбежались, производится вылавливание одиночных повстанцев. Сводный отряд южной группы стягивается в Макушино.

Кокчетавский район - ничего существенного.

Начштаба Гуляев, военком Кузнецов».

Приказание №1 помглавкома по Сибири В. И. Шорина командующему Ишимской группой советских войск.

«Омск, 31 марта 1921 г.

«Банды в Тобольском районе продолжают оказывать упорное сопротивление. Приказываю в кратчайший срок сломить это упорство, освободить г. Тобольск. Для усиления действующих войск комгруппы Ишимской немедленно на подводах усилить Покровское направление 187-м полком. №1236/оп.

Помглавком Шорин».

Приказ командира 115-й стрелковой бригады А. В. Полисонова военкому 189-го полка.

«Тюмень. 2 апреля 1921 г.

«Приказываю вам деревни Боровую, Ярковское и Бигилу (Гилёволиповской волости) – сжечь. НР/оп.

Комбриг-115 Полисонов, военком Попов».

Уничтожив за полгода десятки тысяч крестьян и разграбив их имущество, в начале апреля Советская власть стала хвататься за спасительную соломинку, чтобы не дать окончательно утонуть в пучине мужицкой крови сельскому хозяйству.

Приказ №5/60 Тюменского губисполкома советов и губпродкома.

«Тюмень, 3 апреля 1921 г.

На основании постановлений Всероссийского центрального исполнительного комитета от 23 марта с.г. о замене продразвёрстки натуральным налогом и декрета Совнаркома о свободном обмене, покупке и продаже хлеба и зернофуража в пределах местного хозяйственного оборота в губерниях, кои развёрстку выполнили полностью, на все 100% государственных заданий. Принимая во внимание, что Тюменская губерния государственные обязательства выполнила на все 100% и что во многих волостях ещё не закончена внутренняя развёрстка для удовлетворения питания крестьянского населения. Кроме того, произошедшие события в пределах Тюменской губернии не дали возможности целиком провести забронирование семенного материала для запашки полей. Площадь, наложенная государством в тех размерах, кои приняты губпосевкомом и развёрстаны по волостям, должна быть засеяна. Учитывая всё это, губисполком и губпродком постановляют:

- 1) Разрешаются на территории Тюменской губернии свободный обмен, покупка, продажа и перевозка хлебозернофуража и картофеля.
- 2) В целях полного свободного передвижения снять продовольственные заградительные отряды на территории всей губернии, как железнодорожных, водных путях и гужевого дорогах.
- 3) Воспрещается отдельным гражданам и группам приобретать продукты хлебозернофуража и картофеля в целях перепродажи-сбыта.
- 4) Виновные в неправильном приобретении и сбыте с целью перепродажи подлежат строгой ответственности перед законом республики.
- 5) Действие настоящего постановления ввести по телеграфу.

Председатель губисполкома Новосёлов, губпродкомиссар Трофимов».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Весна для Василия была самым любимым периодом года. И особенно, если это был апрель. Он с замиранием сердца вслушивался в весёлый гомон птиц, проснувшихся от зимней спячки, в таинственный шепот ручейков, пробивающих себе дорогу под коркой снежного наста, подставлял ладони под крупные капли срывающиеся с концов свисающих с крыш и деревьев хрустальных сосулечек и умывал этой водицей лицо. Губин-младший с огромным удовольствием наполнял свои лёгкие прозрачным, мягким и насыщенным ароматами леса воздухом и до головокружения задерживал дыхание. А ещё Василий любил весенний сок, которым щедро делились с ним берёзы. Весна - период обновления всей жизни на земле, включая и саму землю. Сначала робко, а затем быстрее и быстрее всё вокруг начинало оживать, преображаться и расцветать.

С момента возвращения Большесорокинского сводного отряда повстанцев в лагерь прошло десять дней. Первые пять бойцы приводили себя в порядок: штопали, стирали, ремонтировали оружие и сбрую, перековывали коней и залечивали раны. Занятые хозяйственными делами, они не очень сильно ощущали наступление весны, а с ней и приходящие крестьянские заботы. Но, как только у мужиков стало больше свободного времени, в их глазах появились грусть и тоска. И не только у рядовых бойцов, но и у командиров. «Природа и порода берут своё. Чем бы хлебороб не занимался, крестьянскую душу из него не вынешь. Он уже ладонями ощущает ручки плуга и горсть семенного зерна. Ещё немного, и они начнут рваться домой, чтобы подготовиться к посевной. Но, вот думают ли мужики о том, что их ждёт впереди? Если мы не победим, то комиссары всех сгноят в тюрьмах, как гноят отобранное зерно в общественных амбарах. Разве может у куманьков болеть сердце за него, если они его своими руками не растили. И мужиков им жалко не будет. Они-то чо. Повоевали, побаламутили, да и скрылись в своих городах, да столицах. А в Си-

бири - хоть трава не расти. Нет, рано нам ещё сдаваться. И пусть под их натиском пал Тобольск, но основные-то силы Народной Армии не уничтожены. Да и нам до распутицы надо в селе власть вернуть. Думаю, что Аверин и Фадеев поддержат меня», - размышлял Василий над сложившейся ситуацией.

17 апреля в военный лагерь прибыл сам Шевченко с небольшим отрядом конников. Он хозяйским глазом осмотрел территорию заимки, постройки, загоны и небольшое кладбище на пригорке, возникшее два месяца назад, и с долей зависти сказал: «Добре устроились. Поменьше моего будет, но сроблен по-умному. Хоть и в тесноте, да не в обиде». И помолчав, спросил: «Сколько сейчас здесь бойцов квартирует?». «Вместе с ранеными и гражданскими лицами более трёх сотен», - ответил Аверин. «Большая сила», - определился Пётр Семёнович, и посмотрев на Губина-младшего, поинтересовался: «От похода-то бойцы отошли?». «Отдохнули», - ответил коротко тот. «Это хорошо. Я вот с чем к вам прибыл. На Аромашевском фронте назревает крупная военная компания. Туда уже подтянулись повстанческие отряды с юга Ишимского, Ялуторовского и даже Туринского уездов. В общем тысяч десять бойцов, не меньше. Решено дать Красной армии сокрушительное сражение и занять город Ишим. Командование повстанческого фронта требует, чтобы и все северные волости уезда примкнули к ним. По моим подсчётам мы сможем поставить под ружьё не менее пятисот. Из них около ста человек конных, а остальных - на обозах. В Каргалинскую, Викуловскую и Готопутовскую волости я отправил своих людей, а к вам сам приехал», - объяснил причину своего появления Шевченко. «Вовремя ты, Пётр Семёнович, посетил нас. А то мужики уже тосковать по работе начали», - улыбнулся Василий и посерьёзнев, добавил: «Перед тем, как в сторону Аромашево выступать, надо в своём селе и волости порядок навести». «А кто возражает? И в Кротово нашем куманьки лютуют. Так что, не теряйте время даром и выступайте, пока распутица окончательно не отрезала ваш остров от твёрдых дорог. Через два дня я со своим полком буду вас поджидать в Овсово, а дальше пойдём вместе на Аромашево», - одобрил Шевченко и пообедав вместе с хозяевами лагеря, отправился в сторону Большого Кусеряка, где в непроходимых болотах находился военный лагерь его полка.

После обеда все командиры собрались на совещание в небольшой избушке, служившей им и как штаб и как место проживания. Первым свои соображения для обсуждения выложил Василий: «Хоть у нас и сократилось количество конников, но полсотню сабель наберём. На подводы тоже столько же сможем посадить. Поэтому, предлагаю уже сегодня ночью захватить власть в селе, а за

завтрашний день разогнать пособников коммунистов в крупных деревнях. По Большому Сорокино необходимо ударить всей имеющейся силой, чтобы ни один красноармеец и ни один куманёк не смогли уйти от возмездия за свои бесчинства и бесчеловечное отношение к гражданам». «Но и самосуд нам ни к чему. Надо провести работу среди бойцов, чтобы без надобности красноармейцев и их командиров не убивали», - предостерёг Аверин. «Бойцов-то мы предупредим на этот счёт, но вот как бой складываться будет - никому неизвестно», - вставил Пётр Чикирев. «А у тебя, Петруха, всё время бой не так, как хочется, идёт. Неужели тебе человеческой крови не жалко?» - спросил Степан. «А куманьки кровь Субботина и других наших братьев пожалели? Так почему мы их кровь должны жалеть», - вскипел Чикирев. «Ладно, закончим этот митинг. Пора в путь собираться. Через пару часов выступать будем», - взял в свои руки инициативу Василий.

Перед тем, как покинуть с отрядом лагерь, Василий разыскал отца и спросил: «Может, и тебе с нами в село податься? А завтра бы Пётр тебя до Большого Пинигино отвёз. Маманя, поди, уж все окна насквозь просмотрела в ожидании от нас весточки». «А ты ноне куда собираешься с отрядом?» - спросил Иван Васильевич, не ответив на вопрос сына. «Под Аромашево двинемся. Там большие события назревают». «Береги себя от пули шальной и от сабли лихой. Если с тобой что, не дай Бог, случится, то и нам с бабкой недолго останется жить». «Так ты собираешься со мной ехать или здесь останешься?» - переспросил Василий. «А чо мне собираться? Я хоть сейчас готов к отправке. Вот только предупрежу Колмакову Аньку и тут же к отряду присоединюсь». «Ну, и договорились. А из похода вернусь, если потребуется, тебя снова сюда привезу».

На Большое Сорокино было решено нападать с двух сторон: с северо-запада от Новониколаевки и с востока от Новотроицкой. Поэтому, разделив конницу и пехоту на две равные части, отряды вышли с территории заимки одновременно. Отряду Василия предстояло пройти Жидоусово, Боёвку, а Фадеева - через Курмановку и Вознесенку. По расстоянию пути были равными, в связи с чем штурм назначили на 9 часов вечера. Настроение у бойцов было приподнятое, можно даже сказать, боевое. Они жаждали побыстрее очистить родное село и волость от оккупации комиссаров и вновь установить свою мужицкую власть. Всей своей загрубелой кожей и нежной крестьянской душой они остро ощущали приход сезона хлеборобских забот.

Бой с отрядом красноармейцев, оставленным куманьками в селе для охраны советской власти и поддержания порядка среди его жителей, оказался

затяжным. Как выяснилось позже, красные были предупреждены жителем Курмановки о приближающемся отряде повстанцев за час до нападения и встретили его шквальным огнём на подходе к Кротовскому мосту через Ик. Не ожидавший такого оборота Фадеев вынужден был увести отряд в сторону Александровки. Но жертв избежать не удалось. Три кавалериста и пять пеших бойцов остались лежать на весеннем талом снегу.

Плотную ружейную стрельбу, раздающуюся с западной части села, Василий услышал не доходя с полверсты до окраины Малого Сорокино. «Что там случилось? Неужели отряд Фадеева напоролся на дозор куманьков?» - подумал он. Но тут же изменил своё мнение: «Дозор не стал бы вступать в бой с большим отрядом Сергея. Он в первую очередь предупредил бы своих командиров о наступлении повстанцев. Значит, в районе Кротовского моста участвуют уже все основные силы красных! Необходимо немедленно выступить на подмогу своим!». Он подозвал Петра и произнёс: «Задача наша усложнилась. По видимому, отряд Фадеева попал в засаду. Поэтому, тебе со взводом придётся обойти село слева, перескочить Ишимский тракт и ударить по красным с тыла. С остальными бойцами я переберусь на левый берег Ика и зайду к ним с правого фланга. Куманьков необходимо уничтожить любой ценой!».

С того места, где канонада застала командира, до Кротовского моста было не менее трёх вёрст. Не мешкая ни минуты, сразу после того, как кавалеристы Петра на махах рванули вперёд, Василий повёл остальных в сторону реки. Тонкая наледь, которая успела образоваться на поверхности рыхлого снега, легко проваливалась и острыми уголками хрустальных льдинок до крови царапала ноги коней. Тем это не нравилось, и они, нервно подпрыгивая, старались быстрее преодолеть русло и выскочить на сушу. Достигнув левого берега, командир, ехавший до этого сзади отряда, переместился вперёд и выкрикнул: «Оружие к бою! Рысью, марш!».

Красные, предупреждённые о наступлении только одного отряда повстанцев, нанеся ему значительный урон, не стали его преследовать, а решили отойти в центр села и там ждать дальнейших действий своих противников. Поэтому, когда с тыла на них налетели кавалеристы, они не смогли вовремя перестроиться и принять бой. Этой ситуацией воспользовались бойцы Петра и натренированными ударами шашек и пик успели уничтожить несколько красноармейцев. Испуг, овладевший основным отрядом красных, невольно заставил их искать укрытие за мостом, на левом берегу, куда они стали перебегать разрозненными группками. Но там их поджидала ещё большая опас-

ность. К этому времени, под покровом темноты, к месту боя незамеченным подоспел отряд Василия. А ещё через некоторое время, услышав продолжение боя, с западной стороны вернулся отряд Сергея. Поняв, что окружены со всех сторон, остатки красных бойцов побросали винтовки и подняли руки. На этом их сопротивление закончилось. Василий подъехал к сдавшимся и спросил: «Комиссары, командиры среди вас есть?». «Я командир стрелкового взвода Красной армии. А комиссары, наверное, уже драпака задали», - ответил коренастый усатый мужик. «Петро, мухой лети к казённому дому и арестуй всех кто там есть. Но не вздумай сам расправу над ними учинить», - приказал командир и вновь обратился к красноармейцам: «Много на ваших руках крови наших односельчан?». Ответа не послышалось. «Веди их на базарную площадь. Там в присутствии граждан допрос учиним. Если кровь наших братьев и сестёр на ком-нибудь из них имеется, того судить по всей строгости военного времени», - приказал он Скоробогатову Ивану из Ворсиhi.

Когда Петр со своим взводом примчался к казённому дому, он понял, что задерживать ему никого не придётся. Прямо перед домом ярко горел костёр, а за ним стояла большая толпа местных жителей и гудела как пчелиный рой. В это время несколько мужиков, ловко обвязав вожжами двух комиссаров и подтянув их плотно к заплоту, стаскивали с них одежду. Чикирев даже не успел сообразить, что они собираются делать с этими красными ублюдками, как один из мужиков, коротко взмахнув рукой, вонзил в живот комиссара нож и протянул его лезвием вниз почти до мошонки. Послышался страшный нечеловеческий крик, но вскоре заглох. Второй мужик вытащил из живота комиссара внутренности, а третий тут же затолкал туда пучок мякны. «На, жри, наш хлебушек! Ты его так любишь! Жри до изжоги. Нам ничего не жалко для тебя, куманёк», - выкрикивал громко мужик и толпа повторяла за ним слова проклятия. Пётр рванулся было к казнённому, но пробиться сквозь стену людей ему не удалось. Он выхватил из кобуры револьвер и дважды выстрелил в воздух. «Прекратите самосуд! Он пленный, а пленных не убивают! Их судят по закону!» - закричал он. «По какому закону?! По-божьему? Он смотрит на всё то, что эти бесы творят и не заступает за нас, за своих сыновей и дочерей! Раз так, то мы сами им будем и судьёй и Богом!» - густым басом пробубнил мужик, распоровший комиссару живот и уже присматривающийся ко второму. «Не трогать его! Иначе я тебя самого расстреляю как собаку!» - взревел Пётр и рукояткой револьвера ударил стоящего впереди себя и не дающего пройти к приговорённому, бородатого мужика. Тот охнул и отвалился в сторону. Петр перепрыгнул через него и устремился к палачам. «Не подходи! Убью!» - взре-

вел мужик, держащий в руках окровавленный нож. Чикирев наставил на него дуло револьвера и зло улыбаясь, приказал: «Уйди с дороги! Иначе рядом с комиссаром ляжешь!». Некоторое время поколебавшись, мужик зыркнул на Петра бешеными, кровавыми, как у быка, глазами и молча ушёл в толпу. За ним последовали и другие. Чикирев выхватил шашку и перерубил в нескольких местах вожжи. Комиссары в тот же момент свалились на землю. Один от страха, другой по причине смерти. Только после этого, Петр почувствовал во всём теле слабость и медленно опустился на колени рядом с изуродованным телом комиссара. «Да люди ли мы вообще?! Может, зверями уже все стали и не замечаем этого? Только звери могут поступать так по отношению друг к другу. Господи! Да что же это делается на земле?! Неужели конец света настал?!» - пронеслось в буйной голове Петра и его стошнило.

К моменту появления Василия у казённого дома толпа граждан в основном успокоилась и стала расходиться. Заметив сидящего на корточках рядом с телами комиссаров брата, он удивлённо спросил у Аверина: «Что с Петькой? Поди, под пулю попал?». «Комиссаров у мужиков отбивал. Но спасти одного из них не удалось. Мужики малосорокинские ему пузо распоролы, кишки выкинули, а вместо их туда мякины натолкали. Вот Петро и не сдюжил такого варварства», - ответил тот. Василий спрыгнул с Воронко, подошёл к брату и спокойным голосом произнёс: «Не кори себя. В том нет твоей вины. Но и мужиков понять можно. Натерпелись они досыта от этих комиссаров. Хотя такую расправу учинять над людьми нельзя, кто бы они не были. Праведным судом их надо приговаривать к смертной казни». Петр медленно поднялся с корточек, мрачно взглянул на командира и ничего не сказав, пошёл в сторону своих бойцов.

Уже ближе к полуночи, на общем сборе членов волостного повстанческого штаба и воинских командиров, перед каждым из последних были поставлены конкретные задачи по дальнейшим действиям. В соответствии с ними, Петру со взводом было поручено вначале занять Знаменщики, где разогнать сотрудников сельских советов и назначить на их места активных граждан из состава деревенских повстанческих активов или из числа бойцов взвода, а затем через Сергино направиться в Большое Пинигино. Ещё два небольших отряда с такой же задачей должны были пройти по северным и западным селениям волости. А кроме этого, командирам было поручено проведение в деревнях, в которых будут, мобилизационный добор желающих вступить в повстанческую армию. Сам Василий с остатками кавалеристов от второго взвода должен был

выехать на следующий день через Осиновку и Петровку в Большое Пинигино и соединившись там со взводом Петра, уже вечером вернуться в Большое Сорокино.

В Осиновке и в Петровке отряд Василия не встретил никакого сопротивления. Видно, весть о том, что в волостном центре поменялась власть быстрее летела по волости, чем конница повстанцев. Василию ничего не оставалось делать, как выдавать подчинённым команду «Вперёд!». Уже к обеду отряд вступил в Большое Пинигино. А ещё через полчаса сюда же прибыл и Петр со своим взводом. Чтобы дать время бойцам повидаться с родными и близкими, командир объявил общий сбор на восемь часов вечера.

Закончив организационные дела в сельском совете, Василий и Петр направились навещать своих родных.

Евдокия Матвеевна уже знала, что её любимый сыночек находится в деревне и с нетерпением поджидала его. Поглядывая на жену, прибывший с сыном Иван Васильевич, думал: «И как у Евдокии сил и терпения хватает, чтобы не побежать в сельский совет и не прижать его к своему сердцу? Ох Васятка, Васятка! Не дай Бог, если что с тобой случится. Не выдюжит мать - помрёт тут же». Наконец, тесовая калитка открылась и в её проёме появились два возмужавших, но всё таких же весёлых брата. Евдокия Матвеевна первой бросилась на встречу к сыну, обняла его и зарыдала. «Маманя, ты чо так убиваешься? Я ведь живой и здоровый. Даже царапинки ни одной нет», - попробовал Василий успокоить мать, но это у него получилось не сразу. И лишь тогда, когда они вместе пообедали, попили чайку, она стала успокаиваться. Как только Василий сообщил ей, что в восемь часов вечера они с Петром должны выйти с эскадронном в сторону Большого Сорокино, Евдокию Матвеевну словно подменили. В глазах её появились слёзы и губы стали подрагивать. А когда дочери сели по обе стороны брата и стали весело щебетать, она так зыркнула на них, что те, как воробышки, спорхнули с лавки. После таких встреч и расставаний с матерью на душе Василия всегда оставался тяжёлый осадок и непонятное чувство вины перед ней.

Заметив, что сын с племянником засобирались в обратный путь, Иван Васильевич подошёл к ним и произнёс: « Меня не забудьте. Я тоже решил вернуться домой». «Да ты чо, Иван, удумал? Чай, у нас места и для тебя хватит. Да и помощь твоя не помешала бы в хозяйстве. На Петьку-то плохая надежда, а на носу посевная», - попробовал остановить родственника брат Евдокии Матвеевны. «Не обессудь, Семён, но я Василию нужней сейчас буду», - ответил Губин-стар-

ший и первым вышел за калитку. Попрощавшись с матерью, сёстрами и другими родственниками, Василий пошёл за отцом. А уже через три часа отряд был в Большом Сорокино.

Весь день 20 апреля Василий и остальные руководители повстанцев готовились к очередному походу в район боевых действий. Укомплектовав эскадрон в количестве пятидесяти кавалеристов оружием, включая пулемёт «Шоша», боеприпасами и продовольственным пайком, Губин-младший доложил об этом Колосову, и они вместе стали ждать такого же сообщения от Аверина с Фадеевым. У тех со сборами складывалось потяжелее. Некоторые мужики с трудом соглашались идти в пеший отряд, так как у каждого из них голова была забита крестьянскими проблемами, приходящими весной в каждый дом. Поэтому, набрав с горем пополам шестьдесят бойцов, они в подавленном настроении появились в волостном повстанческом штабе. «Что такой хмурый?» - спросил Аверина Иван. «Мужики без особой охоты собираются ноне в поход. Скоро страда весенняя начнётся, а работать в большинстве семей некому. Не знаю, как они драться будут... Не исключаю, что могут и дезертировать с фронта», - ответил тот. «Не расстраивайся. Чему быть, того не миновать. Каждого бойца верёвочкой к себе не привяжешь», - успокоил его Колосов. «И правда. Как получится, так и будет», - поддержал Ивана Василий.

После короткого совещания друзья-соратники пришли к единому мнению, что в во главе сводного отряда пойдёт Губин-младший, а Фадеев будет командовать обозами. Степан и Иван оставались в селе для организации охраны и предпосевных работ. Необходимо было не только обеспечить мирный труд крестьян, но и семена на посадку. А сделать это было не так просто, так как на ссыпном пункте семена начали преть и необходимо было срочно перелопачивать их. Уже прощаясь, Василий попросил Степана: «Если со мной что случится или красные снова выбьют вас из села, отца моего заведи с собой на заимку или с кем-нибудь отправь». «Не переживай за Ивана Васильевича. Я его уже завтра туда направлю. Без него бабы - сироты. Он и пекарь, и банщик, и лесоруб, и добытчик. Да и с ранеными умеет ладить», - ответил тот.

Незадолго до полуночи сводный повстанческий отряд Большесорокинской волости отбыл в северо-западном направлении. До Овсово было около пятидесяти вёрст, поэтому уже утром Василий собирался быть на месте назначенной встречи. Но не доходя до цели вёрст восемь, в Успенской их перехватил вестовой Шевченко и передал письменное распоряжение, которое предписывало Большесорокинскому отряду идти через Малоскаредное, Кармацкое и

Вагино до Евсино, где на время боевых действий влиться во второй освободительный полк Вараксина. Василий достал дорожную карту уезда, внимательно изучил маршрут и задумчиво произнёс: «Через реку Вагай придётся перебираться. Ночью это опасно делать. Лёд, поди, уже ненадёжный стал. Как бы полыньи не пришлось сосчитать». Потом он посмотрел на вестового и спросил: «А Шевченко со своим полком куда двинулся?». «На Аромашево», - коротко ответил тот. «Ладно, передай ему, что распоряжение его мы выполним, но просим, чтобы в дальнейшем он на такое дробление своего полка не соглашался. Не очень любят мои бойцы с чужаками рядом воевать».

Объявив обеденный привал, Василий решил обсудить дальнейшие действия с Фадеевым и Петром. Рассказав о предписании Шевченко, он попросил их высказать свои соображения. «А чо тут особо рассосоливать? До Евсино отсюда вёрст шестьдесят пять будет, не более. Бойцы и кони отдохнут часа два и вперёд. К утру на месте будем», - высказал Чикирев и посмотрел на Сергея. «Ты-то сам как думаешь?» - спросил Фадеев. «Не было бы у меня сомнений, если бы не два обстоятельства. Первое - отсутствие информации о наличии в деревнях красной армии и второе - состояние реки. Поэтому, предлагаю идти не по тракту и через селения, а по бездорожью и обходя их. А через речки перебираться на рассвете, не раньше, но и не позже. Это займёт у нас больше времени, но зато мы сможем дойти до назначения без лишних потерь», - высказался Василий и уже более твёрдым голосом продолжил: «Из Успенки выходим в десять часов вечера, чтобы к пяти утра быть у реки. Поэтому, пока есть время, бойцы пусть накормят по полной норме овсом коней, проверят исправность оружия и будут готовыми в любую минуту выступить в поход». «Может, не будем жизнь себе и бойцам усложнять? Рванём прямо сейчас вперёд и уже ночью будем в Евсино. А там и отдохнём», - робко возразил Петр. «Куда торопишься? Скорее в бой захотелось? Навоюешься ещё. Видно не для простой прогулки нас ждут на Аромашевском фронте. Не в прятки играть там собралось десять тысяч повстанцев. Да и краснопёрые не спят. У них ведь главная задача состоит в том, чтобы уничтожить всех сибирских мужиков, позволившим себе воспротивиться их воле», - сказал своё слово Сергей. «Ты чо на меня напал? Я ведь просто так сказал, для обсуждения», - улыбнулся Петр.

Но не всем бойцам было суждено отдохнуть до вечера. Как только Василий обсудил вопрос с помощниками, он поручил Фильке и ещё двум проворным молодым бойцам провести разведку того района, по которому он собирался вести сводный отряд до реки. «Если никаких опасений не обнаружите, то

оставь парней на правом берегу Вагая, а сам возвращайся», - напутствовал он вестового. «Понял, командир. Всё изладим в лучшем виде», - улыбнулся паренёк и направился выполнять команду. Фильке явно нравилась роль разведчика, поэтому исполнял он её с большой охотой и прилежностью.

С момента отправки разведчиков на задание прошло почти десять часов и по расчетам командира, Филька должен уже был вернуться. Василий часто вытаскивал из кармана часы и вглядывался в циферблат. Он даже мысли не хотел допускать, что молодые парни попадут в засаду и не выполнят его указание. Больше всего, конечно, он надеялся на Фильку, к которому за эти месяцы привязался как к брату, и в счастливую звезду которого он твёрдо верил. «Этот ещё ни разу не подводил. Ловок больно, варнак. Из любой передраги выкрутится. Видно путь оказался не из лёгких, а то он давно был бы здесь», - успокаивал командир себя, но продолжал с напряжением всматриваться в опустившуюся на землю темноту.

Филька вынырнул из небольшого берёзового колка, стоящего стеной прямо за огородами деревни, как летучая тень. А ещё через минуту, он уже находился рядом с командиром. «Ты чо там долго ковырялся?» - спросил Василий. «Так получилось, командир. С самого начала не всё гладко пошло. В Мало-скареднове нас местные мужики за шпионов красных приняли и чуть не расстреляли, а недалеко от деревни Вагино, уже на левом берегу Вагая, на заслон красноармейцев напоролись. Одного нашего бойца убили наповал, а второго легко ранили. Его я оставил на правом берегу Вагая. Вроде и осторожно двигались по местности, а опасность вовремя не обнаружили», - доложил Филька. «Ты, братуха, прав оказался. В деревни нам нельзя заходить. Видно и красные немалые силы сконцентрировали в этом районе», - признал ошибку Пётр. «Меняй свою лошадь на свежую и поезжай впереди отряда вместе со взводом Чикирева. А я с остальными кавалеристами буду сопровождать обозы сзади», - распорядился Василий и одним махом вскочил в седло.

Выбранный путь оказался хоть длиннее и труднее того, по которому намечалось идти изначально, зато было больше уверенности, что отряд не попадёт на позиции регулярных войск Красной армии и не будет вынужден вести неравный бой, который может стать для многих последним. Преодолев за ночь две небольших речушки, сводный отряд ещё затемно остановился на правом берегу Вагая, в четырёх верстах южнее Кармацкой. Здесь же их поджидал и раненый разведчик, которому была оказана медицинская помощь. «Всё здесь спокойно? Стрельбы никакой не слышал?» - спросил его Пётр. «Далеко на се-

вере ночью была, а потом заглохла», - ответил боец. «Это хорошо. Выходит, что поблизости у реки красных нет», - сделал вывод Фадеев. «Значит, так, командиры. Через реку перебираться очень осторожно. Вначале подводы пройдут на тот берег, затем конница. А ты, Филька, впереди первого обоза пешком отправишься. Раз уже на том берегу побывал, значит дорогу знаешь», - распорядился Губин-младший. «Понял, командир. Пойду спуск поположе искать. Я ещё вчера его приметил», - ответил паренёк и быстро удалился.

Переход через Вагай оказался не таким опасным, как представлял себе Василий. Ночной морозец достаточно крепко сковал в единый панцирь остатки снежного покрова, который не пробивался даже под ударами железных подков. Подождав, когда на левом берегу окажутся все бойцы, Василий скомандовал: «Вперёд!», и возглавил колону отряда. Продолжая обходить стороной населённые пункты, остаток пути в двадцать вёрст они преодолели за четыре часа. И уже в десять часов утра, оказавшись в Евсине, напичканной бойцами всех мастей, как бочка селёдкой, Василий разыскал штаб повстанческого фронта и доложил его командованию о своём прибытии. Кряжистый бородастый мужик, сидящий за столом в небольшой прокуренной комнате, серьёзными глазами посмотрел на него и спросил: «Каков состав вашего сводного отряда?». «Пятьдесят кавалеристов и шестьдесят пеших на подводах», - ответил Василий. «Кавалеристов прикрепить к отряду Фунина, а пеших в первый батальон к Ваганову», - выдал мужик указание своему помощнику, который сидел рядом и все распоряжения командира записывал в тетрадь. «Но нам бы лучше вместе держаться», - возразил Василий. «А командованию Северо-Ишимского фронта лучше направлять бойцов туда, где от них пользы больше будет. Так что исполняй, как приказано», - одёрнул его мужик с плоским лицом, обтянутый портупьями. Эти слова неприятно зацепили Василия и он хотел было вспылить, но вовремя одумался. «Ладно, пусть командуют. А дальше видно будет, как себя вести», - решил он и пошёл в расположение своего отряда, чтобы провести организационную работу.

Непонятное и настораживающее затишье в районе противостояния двух войсковых группировок длилось почти неделю. Обосновавшись в деревне Одина, что в трёх верстах от Евсино, в составе кавалерийского отряда Фунина, пришедшего с юга Ялуторовского уезда, Большесорокинский эскадрон с нетерпением ждал, когда, наконец, начнёт проясняться ситуация и они смогут вернуться домой. Припекающее, пожирающее остатки снега не только на полях, но и в лесу, весеннее солнце, действовало на мужиков угнетающе.

Чтобы окончательно не упасть в уныние, они даже между собой старались не вести разговор о предстоящих посевных работах. Василий хорошо понимал настроение бойцов и старался всё делать, чтобы они не сорвались в бега. В тоже время его раздражала неразбериха на фронте повстанческих сил, неосведомлённость командования в вооружении и передвижении регулярных войск красной армии, а также отсутствие налаженной пропаганды среди бойцов. «Какие у них планы и цели? Какой и где главный удар по войскам они собираются нанести, чтобы затем пойти на штурм Ишима? И собираются ли вообще руководители повстанческого фронта наступать на город?» - задавал себе он вопросы, но ответить на них не мог, что ещё сильнее будоражило его мозг. «Такая мощь собралась здесь, а действий никаких. Наверное, и со стороны Аромашево подошли уже отряды повстанцев? Можно перегореть, сидя без цели и дела в длительном ожидании непонятно чего. Ещё пять-шесть дней и распутица двинуться отсюда никуда не позволит», - злился Губин.

Но в отличии от главных командиров Северо-Ишимского фронта, комиссары твёрдо знали, для чего они сгруппировали регулярные войска вдоль линии желдороги от Омутинской до станции Ламенское, и затем через Усть-Ламенское, Свистовскую, Малышенскую до Вагина. Именно в этом районе Ишимского уезда коммунисты решили переломить весь ход крестьянского восстания в свою пользу, чтобы затем вести точечные удары по уничтожению остатков непокорных мужиков. Поэтому, дождавшись, когда основные вооружённые силы взбунтовавшихся мужиков с юга, востока, запада и севера, собрались вместе, они в ночь на 28 апреля всю мощь стрелковых дивизий, полков, кавэскадронов, учебных взводов обрушили на восставших. Бронепоезды, бронелетучки, артиллерия и прочие орудия заговорили разом по всей линии фронта. А после артподготовки и нанесения потерь противнику в живой силе, хорошо вооружённые кавалерия и пехота пошли в атаку.

Василий проснулся от грома орудий и разрыва снарядов. Не до конца ещё соображая, что произошло, он машинально накинул на себя одежду и выскочил на крыльцо. «Командир, красная конница ворвалась в деревню!» - услышал он звонкий голос Фильки. «За мной!» - скомандовал Василий и побежал в сторону привязи, где стоял Воронко. В это время своих коней разбирали и другие бойцы. Василий птицей взлетел в седло и оглушая самого себя криком: «Вперёд! Бей гадов!» - рванул в сторону окраины деревни, где уже шёл неравный бой между красными кавалеристами и передовым заградительным отрядом эскадрона. В какой-то момент поняв, что к повстанцам пришла

помощь, красные дрогнули и стали отходить назад. Но в это время с другой стороны деревни застрочили пулемёты, которые вынудили бойцов эскадрона искать укрытие. Через минуты три пулемётный треск прекратился и со всех сторон деревни послышались громкие крики пеших красноармейцев: «Ура!». Воспользовавшись короткой заминкой и поняв, что деревня взята красными в плотное кольцо, Василий скомандовал: «Уходим на запад! Через Вагай нам не перебраться!». В ночной темноте он не видел сколько бойцов эскадрона мчались за ним, но всем нутром ощущал, что их стало намного меньше, чем в начале боя. В это время с запада, во весь рост шли красноармейцы и не целясь, стреляли. «Только вперёд! Другого пути нет. Сзади нас ждут пулемёты», - мелькнуло в голове Василия и он пришпорил Воронку. Тот встрепенулся и ускорил бег. Расстояние между эскадроном и стрелками стало быстро сокращаться. Тридцать, двадцать, десять сажень и вот, наконец, красноармейцы на расстоянии пик и шашек. Привычные мощные взмахи руками, испуганные человеческие вскрикивания и искры от попадания сабель по стволам винтовок слились в общем гуле ночного боя. То ли от перенапряжения, то ли от страха, глаза стали видеть во тьме как днём. Рубанув по шее ближайшего к себе красноармейца и выстрелив в находящегося с другой стороны, Василий выскочил за оцепление и тут же развернулся, чтобы помочь остальным своим бойцам вырваться из лап неминуемой смерти. Не дав опомниться красноармейцам, он уже с тыла уничтожил ещё двоих. И только тогда, когда в проделанное им окно проскочило несколько кавалеристов, Василий повернул Воронку и помчался их догонять. Вслед засвистели пули, но вреда коннице они уже не нанесли. Проскакав версты две на запад, Василий остановил коня. К нему подъехали Пётр и Филька. «Теперь куда?» - спросил Чикирев. «Не знаю. На восток нам не прорваться. Слышишь, как в той стороне громыхает? Это не наши игрушечные пулемёты-трещётки, а настоящая артиллерия», - ответил Губин и спросил: «Сколько человек из окружения вышло?». «С тобой только тринадцать. Может, попозже кто догонит», - тихим голосом произнёс Петр. «Подождём. А потом и окончательное решение примем».

Шло время, но никто не появлялся. Василий прислушался. «В Одино бой затихает. Видно всех, кого только можно, красные в ней уничтожили. А вот в Евсино пальбы много. Как там Фадеев с нашими мужиками себя чувствуют?» - подумал он и сам себе ответил: «Как караси на сковородке. Уж больно жарко у них». «Командир, ну что надумал? Какие наши дальнейшие действия?» - раздался голос Петра. «А что мы можем сейчас сделать? Свои силы в Одино оставили, а где дивизии повстанческого фронта находятся нам неизвестно. И как

же так случилось, что нас врасплох красные застали? Неужели заградительные посты на их сторону перешли? В деревне более сотни кавалеристов стояло, а сразиться с красными некому было. Второй раз мы в такую переделку попадаем, и оба на Голышмановском фронте. Сил стянули много, а распорядиться толком не смогли ими. Надо было самим нападать на красных, а руководство фронтом что-то выжидало. Вот и довыжидалось», - высказался со злостью Василий. И немного помолчав, продолжил: «На Аромашево нам необходимо поддаться. Думаю, что там отцы-командиры решили дать красным главный бой. Простояв на месте около двух часов, и не дождавшись больше никого, остатки Большесорокинского эскадрона повернули на север, обошли Евсино и направились в сторону Аромашево, до которого было около двадцати пяти вёрст. Двигались вдоль Тобольского тракта. На протяжении всего пути кавалеристы слышали, как со стороны тракта постоянно раздавались оружейные и пулемётные выстрелы. «Гонят красные наших! И где их те остановят, самому Богу известно», - невольно подумал командир и его сердце с болью сжалось.

До Аромашево оставалось не более пяти вёрст, когда к Василию подлетел Филька, шедший с разведчиками впереди и сообщил: «В сосновом бору на поляне какой-то отряд на привал остановился. По разговору вроде не красноармейцы». «Далеко отсюда?» - спросил командир. «С версту будет», - ответил разведчик. «Видно, такие же, как мы - блудёны. Петро, съезди с Филькой, разведай, кто там прячется», - попросил Василий брата.

Минут через тридцать Петр вернулся и доложил: «Командир нашего сводного кавалерийского отряда с остатком былой мощи притаился». «Кто, Фунин?» - не сразу понял Василий. «Он самый, а с ним двадцать кавалеристов». «Ладно. Поедем к нему на воссоединение». Завидев Губина, Фунин обрадовался. «А я думал, что как тебе пришёл. Не бой, а бойня произошла в деревне. До сих пор не пойму, как это красные нас врасплох застали. Вроде и посты надёжные вокруг деревни стояли». «Самого этот вопрос гложет. Может, сдали нас разведчики? Такое нередко случается, особенно если тебе смертью угрожают». «Не исключаю и это. Но что теперь голову ломать. Надо в Аромашево спешить. Скоро и там жарко будет. Слышишь как захлёбываются от радости пулемёты?» - высказался Фунин.

В Аромашево сводный отряд кавалеристов вошёл с западной стороны, после проведённой разведки. Большое село было до отказа забито отрядами повстанцев, и не только теми, которые занимали здесь оборонительные позиции, но и остатками отступивших из Евсино и Одины. Людской гвалт навис

над всем пространством от Большеескаредной до Таловой. С трудом разыскав главный штаб повстанческого фронта, Фунин и Губин во всех красках стали рассказывать руководству о ночном бое в Одине. Но к их удивлению, недослушав доклад до конца, начальник штаба фронта побагровел и что есть мочи, заорал: «Кто вам дал право покидать позиции?! Вы должны были отстоять их или умереть! Под народный трибунал пойдёте как дезертиры и предатели!». «Ты чо на нас орёшь? Вы сами виноваты в том, что не смогли организовать глубокую фронтовую разведку. Это вы должны были предупредить нас о начале наступления красных. Мы кавалерия и в бою нам нужен манёвр, а не враг на плечах. Почему не обеспечили надёжный предупредительный заслон между передовыми частями красных и нашей дислокацией? Вы сюда стянули мужиков для того, чтобы их в пушечное мясо превратить? Если не знаете, как такой массой бойцов управлять, то откажитесь от своих командных должностей», - взорвался Фунин. Начальник штаба сделал круглые глаза, открыл широко рот, но сказать ничего не смог. Оценив ситуацию, в конфликт вмешался Вараксин, который присутствовал здесь же, но до поры молчал: «Ты, начштаба, не горячись зря. То, что Фунин сказал - чистая правда. На Одину краснопузые напали неожиданно и со всех сторон сразу. Почему предупредительные заслоны без единого выстрела пропустили их вперёд - придётся нам разбираться. А сейчас необходимо всё сделать, чтобы не допустить таких ошибок впредь». И повернувшись в сторону кавалерийских командиров, спросил: «Большие потери понёс отряд?». «От отряда только третья часть осталась. Таких бойцов загубили!» - покачал головой Фунин. «Ну, что поделаешь - война. Давайте, приходите в себя; не исключено, что не сегодня-завтра красная армия на Аромашево наступать будет. Теперь они не отстанут, пока не уничтожат основные наши силы», - спокойным голосом предупредил Вараксин - командир повстанческого стрелкового полка.

После тяжёлого разговора со штабным начальством, Василий первым делом занялся поиском Фадеева и его отряда. Удалось это ему сделать не сразу. Оказалось, что 1-й батальон Вагина после пятичасового боя, понеся огромные потери, покинул Евсино уже ближе к утру и только к вечеру окольными путями добрался до Аромашево. Разыскав друга, Василий спросил: «Живые-то остались кроме тебя?». «Больше половины выкосили, сволочи. Двадцать семь бойцов от шестидесяти осталось, да и из них семь ранено. Такое пекло нам красные в Евсино устроили, что хоть сам заживо зарывайся в землю. А ещё несколько бойцов утонуло, когда через Суэтык и Вагай переправлялись», - ответил Сергей и поморщился. «Ты тоже ранен?» - встревожился Губин. «Задело не-

множко в ногу. Но к строевой ещё гожусь», - болезненно улыбнулся Фадеев и добавил: «Наших убитых с поля боя не смог забрать, а вот раненых всех вывез. Хочу пятерых из них домой отправить, да не знаю, пробьются ли они сейчас сквозь красные кордоны». «Отправляй. Думаю, что и в Аромашево скоро небезопасно находиться будет», - высказал своё мнение Василий. «Так и сделаю, а старшим назначу Сидорова Кузьму из Курмановки. Толковый мужик. Зря в пасть красному волку не полезет», - решил Сергей. Уже расставаясь, Василий сказал: «На рожон не нарывайтесь. Если почувствуешь, что и в Аромашево нам не удержаться, то бросайте всё и вырывайтесь из кольца в сторону дома. Разбив нас здесь, красные отряды не успокоятся и начнут очищать от повстанцев все волости. А до Большого Сорокино отсюда всего ничего. За сутки войска доберутся». «Может, рано ты о поражении заговорил? Смотри, какая силища народная собралась на бой с куманьками», - возразил Сергей. «Сила-то большая, да толку от неё мало. У половины бойцов берданки да пики. А как вооружены красноармейцы, мы с тобой сегодня на своей шкуре испытали», - остудил друга Василий. «Тут я с тобой согласен, но зато Бог и правда на нашей стороне», - болезненно улыбнулся Фадеев. «Нашу мужицкую правду сегодня ночью куманьки из артиллерии расстреливали. Ладно, не хочу я больше тебя и себя на поражение настраивать. Может, и действительно с Божьей помощью иродов окаянных одолеем», - согласился Губин и попрощался с другом.

29 апреля и весь последующий день особых боёв не наблюдалось. Порой даже казалось, что красные выдохлись и вести наступление дальше не могут. Но такое мнение оказалось ложным заблуждением. Эти два дня командованию красной армией потребовались для того, чтобы провести передислокацию войск и с трёх сторон взять в клещи Аромашевский укрепрайон. И так же, как два дня назад, своё наступление на село и его окрестности, они начали поздним вечером, обстреляв позиции мужицкой армии всеми тяжёлыми орудиями и пулемётами. Единственно, что отличало очередное наступление от предыдущего, так это отсутствие фактора внезапности. На этот раз разведка повстанцев сработала чётко.

Кровопролитное сражение шло всю ночь с 30 апреля на 1 мая. К утру напряжение начало спадать, но через пару часов оно разгорелось с новой силой. Трупы лошадей и горы человеческих тел лежали на всей территории села, но на них уже никто не обращал внимания. Повстанцы дрались с ненавистным врагом кто как мог и чем мог. От запаха пороховой гари, конского пота и людской крови воздух стал тяжёлым, горьким, наполненным дурманом, пьянящим

сознание бойцов. Сводный кавотряд под командованием Фунина выскочил из укрытия сразу же, как только закончился артобстрел и красные устремились в атаку, и на махах, рванул к ним навстречу. Кавалеристы на ходу стреляли, нещадно рубили саблями головы противника, дрались в рукопашную и замертво падали от шальных пуль. В эти минуты они не думали ни о Боге, ни о Земле, а только о том, как ловчее уничтожить врага и вовремя увернуться от его сабли.

На протяжении всего боя, Василий находился в самой гуще людского месива. Он так же, как и все, стрелял, рубил и был мишенью для врага. Дважды скрещивал сабли с красными кавалеристами и оба раза выходил победителем, нанеся им смертельные удары. Рядом с его головой свистели пули, сверкали вороненые клинки, но в этом бою его словно оберегал ангел-хранитель. Несколько раз красные не выдерживали натиска мужиков и отступали на подготовленные позиции. Но после обработки местности, занятой повстанцами, артиллерий, вновь шли в атаку. Наконец, сопротивление мужиков стало ослабевать и терять боевой перевес. Вызвано это было не усталостью, а отсутствием у многих боевых отрядов патронов и гранат. А уже к вечеру 1-го мая началось беспорядочное отступление повстанцев на север и на восток, в сторону реки Вагай, которая в это время вскрывалась ото льда.

О том, что бой проигран, Василий узнал только тогда, когда услышал пронзительный голос Фильки: «Командир! Уходить надо. Фунин приказал на запад пробиваться». Словно не поняв о чём идёт речь, Губин посмотрел на вестового и переспросил: «Почему уходить? Добивать этих зверей надо!». «Не с кем их добивать. наших в живых только человек пять осталось. Они все уже выбыли из боя и ушли с Фуниным», - отрезвил его паренёк.

Остатки бывшего крупного кавотряда, Василий с вестовым догнали уже в трёх верстах от Аромашево. Бойцы выглядели уставшими и очень угрюмыми. «Ну, что, рубака? Со мной на запад пойдёшь или с теми, кто из твоих остался в живых, домой пробиваться будете?» - спросил Фунин, когда Василий поравнялся с ним. «А ты сам куда собираешься путь держать?». «В сторону деревни Юргинской. Там база 2-го освободительного полка. Немного отдохнём, подлечимся и вновь красным кровь портить начнём», - ответил Фунин. И помолчав, добавил: «Если никаких неприятных сюрпризов не встретим по дороге, то уже завтра к вечеру на месте будем». В это время к ним подъехал Пётр. «Жив, братуха?!» - не то спросил, не то воскликнул он. «Жив, да только что с этого толку. В поход из Большого Сорокино выходило полсотни бойцов, а сейчас в эскадроне только мы с тобой да ещё человек пять остались», - буркнул Василий.

«Почему только пять? Почти все наши сохранились, которые в Одине живыми из боя вышли», - возразил Петр. «А где они?» - оживился Василий. «В лесу, в укрытии отдыхают». «Ну, так что решил? Со мной дальше пойдёшь или домой рванёте? Ты же понимаешь, что остановить разгром Ишимского фронта уже невозможно. Красные сейчас всё сделают, чтобы до окончательной распутицы очистить от повстанцев весь север Ишимского уезда», - спросил Фунин. «Ты, чо, братуха, голову ломаешь? Какая нам теперь разница, где с красными драться? Переждём в лагере 2-го освободительного стрелкового полка распутицу и домой вернёмся. А сейчас кто нас с тобой там ждёт? Только родители да комиссары», - вставил своё слово Чикирев. «Ладно, веди командир на свою территорию. Может, пользу какую общему делу принесём», - согласился Василий и спрыгнул с Воронко.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В деревню Юргинская конный отряд прибыл рано утром 3-го мая. Определив уставших и раздражённых бойцов на постой, Фунин и Василий направились в штаб полка, который находился в небольшой избе в центре селения. К этому времени там уже находились Вараксин и Ваганов. Поздоровавшись с вновь прибывшими, комполка спросил: «Осталось что-нибудь от кавотряда?». «Тридцать две боевых единицы», - ответил Фунин. «Да, мужики. Не ожидал я, что в такой переплёт попадём. Видно, красные основательно готовились к этому сражению. Мы отступали от Евсино версты за две от желдороги и на протяжении всего пути слышали оружейные раскаты и стрекотню пулемётов с бронепоездов. А недалеко от Зимовья-Вагайского случайно нарвались на крупный отряд красноармейцев, с которым пришлось вступить в неравный бой. В результате потеряли с десятков бойцов и обоз, в котором была вся документация полка. Прикрытием основных наших сил занимался второй батальон Байкалова, которого до сих пор нет», - каким-то безразличным тоном произнёс Вараксин. «Вернётся. Наверное, решил запутать следы и пошёл обходным путём», - высказал своё мнение Ваганов. «Хорошо бы, если бы это было так. Да боюсь, как бы остатки батальона в плен не взяли», - пробурчал комполка. «Не возьмут. Байкалов - командир смекалистый. Не в таких переделках бывал», - успокоил Фунин. Вараксин посмотрел на командира кавотряда и спросил: «Сколько тебе времени необходимо, чтобы укомплектовать эскадрон и подготовиться к походу на запад? Пора нам главных губернских коммунистов в Тюмени поднапрячь». «Неделя потребуется. Не меньше», - ответил Фунин. «Ну, тогда прямо с сегодняшнего дня и начинай», - приказал комполка.

Батальон Байкалова прибыл на базу к вечеру этого же дня. Основательно потрепанный, заметно поредевший и озлобленный. Уже вечером по всей Юргинской стали раздаваться песни, пьяные крики, одиночные выстрелы и потасовки.

Участвовали в этом разгуле и некоторые бойцы кавотряда. Но унимать и уговаривать своих бойцов командиры даже не пытались, понимая бесполезность такого занятия. К утру людской гомон стих и деревня погрузилась в тишину.

Все последующие семь дней Вараксин и его заместители разъезжали по близлежащим деревням и занимались мобилизацией молодых мужиков в полк. А затем, уже в лагере, Василий и Петр обучали новобранцев военному делу. Распутица была в полном разгаре, так что красные войска старались в эти глухие места не соваться и ждали, когда начнут просыхать лесные тропы и дороги. Душевная боль от поражения на Аромашевском фронте у бойцов стала постепенно затихать, но на смену ей пришли душевные страдания по поводу начала весенних работ. Василий это тоже остро ощущал, поэтому однажды сказал Фунину: «Если и дальше мы будем отсиживаться здесь, то мужики могут сорваться домой». «Завтра в ночь выступаем на запад. Подготовься к походу сам и объяви об этом всему кавотряду», - ответил тот.

За три дня и две ночи, перейдя желдорогу в пяти верстах от деревни Багандинская, и преодолев почти двести вёрст бездорожья, 2-й повстанческий полк прибыл в пределы Екатеринбургской губернии и остановился не доходя до Заводо-Успенского. Здесь его уже поджидали отряды из других волостей и уездов, общей численностью до тысячи человек. В соответствии с планом командования, решено было в ночь с 14 на 15 мая занять это большое селение и только затем продолжить наступление на Тюмень.

Но уже с самого начала бой пошёл не по правилам повстанцев. И как всегда из-за слабо проведённой разведки. Оказалось, красные ждали этого нападения и сконцентрировали в Заводо-Успенске хорошо вооружённые боевые регулярные части. Выждав, когда отряды мужиков войдут в селение, красноармейцы открыли по ним такой ураганный огонь из всех видов стрелкового оружия, что уже после первых минут боя передовой авангард замертво попал на холодную весеннюю землю. По плану командования 2-го повстанческого полка, тактика ведения боя значительно отличалась от привычной для Василия. В нём решено было применять конницу только после того, как завяжется схватка между пешими бойцами. Поэтому, бросившийся было на помощь пехотинцам кавотряд тут же был вынужден искать укрытия, чтобы не потерять весь свой состав. Установленные на крышах изб пулемёты прямой наводкой прошивали перед собой всё пространство и кинжальным огнём уничтожали кавалеристов. А со стороны пеших повстанцев слышались выстрелы всё реже и реже. «Отступают», - сделал вывод Василий и посмотрел на Петра. «Уходить

надо из огня. Не взять нам село. Только последних ребят здесь оставим», - предложил Чикирев. «Давай, уводи всех в лес, а там видно будет», - согласился Василий и пригнувшись к гриве Воронко, поскакал в сторону, где в укрытии находился Фунин. «Ждали, Василий, нас здесь. Кто-то задолго до нашего прихода предупредил красных. Ты смотри, как они оборонную линию укрепили. В один день её не построишь», - первым начал разговор тот. «Я приказал Петру выводить кавотряд в лес. Не взять нам село», - сообщил Губин-младший. «А с кем его брать? Уходят наши с позиций. Жаль, что убитых не удастся забрать с поля боя», - ответил Фунин и добавил: «Выбирайся за пределы села и ты. А я попытаюсь Вараксина отыскать».

Итоги неподготовленного боя оказались очень плачевными для повстанцев. Больше сотни человек остались лежать на земле, которая была далеко от их родного дома. Отойдя от Заводо-Успенского вёрст двадцать на восток, сводный отряд остановился на привал южнее деревни Червишево. Прибывший в полевой штаб на совещание, ещё издали Василий услышал громкие голоса командиров отрядов. «О чём-то спорят», - понял он и стал прислушиваться. «Прежде, чем в это пекло посылать отряды, необходимо было тщательную разведку провести!» - кричал Ваганов. «А кто тебе мешал? Мог бы и своими силами это сделать», - возражал ему высокий и тощий сорокалетний Попов – командир северных отрядов. «Сдал нас кто-то красным. В наши ряды шпион затесался», - бурчал Вараксин. «Может, в твоём полку он и есть, но в своих бойцах мы уверены, как в самих себе», - возразил плотный усач Гридин, командир Камышловского отряда повстанцев. «Да чо сейчас языки чесать? Решение надо принимать. Будем мы Заводо-Успенск брать или нет», - внёс примирительное предложение Байкалов. «С кем нам его брать? Бойцы вряд ли духом воспрянут от такого решения. Надо в Курганский уезд подаваться. Там в Мостовском силы собрались немалые», - высказался Ваганов. «Не обессудьте, граждане-командиры, но я со своим полком за Вагай пойду. Нечего нам в чужих краях красным свои лбы подставлять. Их и у нас полным-полно», - произнёс Вараксин и посмотрел на Губина. Василий не стал ничего говорить, но в душе поддержал своего командира. «Пора домой возвращаться. Дороги и тропы подсохли, а леса покрылись листвой», - подумал он.

В составе сводного отряда большесорокинцы пребывали только до деревни Юргинской. Отдохнув на базе 2-го повстанческого стрелкового полка сутки, они пошли дальше на восток. И хотя до дома оставалось пройти не более двухсот вёрст, этот путь занял у них уйму времени. Особенно сильно тормози-

ли движение весеннее половодье и засады красных в занятых ими деревнях. А так как отряд был небольшим и плохо обеспеченным боеприпасами, то вести открытый бой со своим врагом он не мог. И только хорошая разведка местности позволяла ему без потерь двигаться вперёд. Несколько раз отряд был обстрелян красными патрулями, но людских потерь не понёс. На исходе третьих суток большесорокинский эскадрон, а вернее что от него осталось, достиг верховье реки Ик и остановился на короткий отдых в деревне Лыкошино, от которой до родного села оставалось всего пятнадцать вёрст.

Пока бойцы отдыхали, по приказу командира Филька выехал в сторону волостного центра на разведку. Но ещё до его отъезда Василий узнал от местного жителя и члена дружины Бекина, что уже 30 апреля село было занято красными войсками во время их общего наступления. «На Большое Сорокино куманьки напали ближе к вечеру. Часа два мы с ними сражались не на жизнь, а на смерть. Но что мы могли сделать с хорошо вооружёнными красноармейцами, когда у нас на сто человек было всего пятнадцать винтовок, штук двадцать берданок и один пулемёт, который сломался в самом начале боя. Во время этого сражения с нашей стороны погибло семнадцать человек. Пять бойцов погибли и у куманьков. После сдачи села, члены дружины разошлись и разъехались по домам, а несколько человек выбыли в неизвестном направлении», - рассказал он. Поэтому, отправляя незаменимого помощника в путь, Василий предупредил: «В село без оглядки не входи. Тебя там уже каждая собака знает. Выдаст кто-нибудь красным. Если что опасное для себя почувешь, сразу ноги от туда уноси. Хорошо бы узнать, куда ушёл Степан с членами повстанческого штаба». «Не переживай, командир, за меня, всё чин чинном будет», - успокоил Филька. «Ну, дай бы Бог, чтобы всё так и было», - сдался Губин, и машинально перекрестил парня.

Разведчик вернулся в Лыкошино под утро. «В общем, плотно засели куманьки в Большом Сорокино и в волостных селениях. Целый стрелковый батальон караулит советскую власть. Но больше мародёрством занимается, чем охраняет покой куманьков. Даже члены волревкома недовольны его поведением. А граждане села и подавно стонут от их гнёта. Аверин Степан и все активисты находятся сейчас на заимке. Пока красные о ней не знают, и носа своего туда не суют. А как дальше будет, никто предугадать не может», - доложил Филька. Василий поблагодарил парня за хорошую службу и погрузился в раздумья. Помолчав, он попросил: «Разыщи Петра и пришли ко мне. С ним посоветоваться надо».

«Ты чо, брат, не отдыхаешь? Или случилось чо?» - спросил Чикирев. «Филька из разведки вернулся и сообщил много интересного. Оказывается, Большое Сорокино ещё 30 апреля было занято коммунистами и сейчас в селе стоит батальон красных стрелков. После сдачи села, большинство рядовых членов дружины разошлись по домам и робят на своих наделах. Аверин с активом укрылись на заимке. Поэтому, и по нашему отряду надо решать. Поговори с мужиками. Если кто не боится и захочет вернуться домой, то держать не стану. Ну, а у кого есть сомнения на счёт своей безопасности, того мы заберём с собой на заимку. То, что тебе нельзя показываться в Большом Пинигино ты и без меня знаешь. Тебя там в два счёта арестуют, а на три - расстреляют». «Понял. Пойду с парнями разговаривать», - заявил Пётр и направился в сторону избы, где спали уставшие за переход бойцы. Через час стало ясно, что на заимку с командиром готовы идти только восемь человек, а остальные мужики решили податься в свои деревни.

В расположении военного лагеря Василий и остатки кавэскадрона появились уже затемно. Много времени занял проход через залитое весенним половодьем болото. Встреча с обитателями лагеря и радовала и омрачала Василия. Сознание того, что за последние полтора месяца в боях местного значения, а так же на Тобольском и Аромашевском фронтах погибло более двух сотен жителей села и волости обжигало сердце горечью и наполняло бесконечной ненавистью к тем, кто вынудил крестьян взять в руки оружие. Заметив, что рядом с Губиным только восемь человек, Аверин воскликнул: «Это всё, что осталось от эскадрона?!». «Почти», - ответил Василий и добавил: «Пятнадцать бойцов решили вернуться в свои деревни, чтобы помочь родным закончить посевные работы». «Кто им даст это сделать? Как только появятся дома, их сразу арестуют красные сельсоветы. Большесорокинский волревком ещё в начале мая подал в Ишимскую ЧК списки граждан, которые участвовали или продолжают участвовать в восстании», - пояснил Аверин. «А что я мог с ними сделать? Мужики сами решили разъехаться по домам». «Не оправдывайся. И военный лагерь большинство мужиков покинуло, как только вода в реках стала спадать. Руки у всех зачесались по хлеборобскому делу», - вмешался Фадеев. «А ты со своими бойцами когда в лагерь вернулся?» - спросил Василий его. «Сразу после того, как красная армия первого мая выбила нас из Аромашево и погнала на север и на восток - в сторону Кротово. Мы добежали со всеми отступающими отрядами 1-го повстанческого полка Шевченко до деревни Овсово, откололись от них и напрямиком направились сюда. О том, что Большое Сорокино и Ворсиха заняты красноперыми мы узнали уже в Успенке». «Много за этот по-

ход потерял людей?». «Больше половины. Из шестидесяти трёх домой вернулись только двадцать три», - с печалью в голосе ответил Фадеев.

Военный гарнизон, состоящий из граждан разных сёл и деревень, которые восстали против произвола коммунистов, постепенно приходил в себя и укреплялся в мысли, что ещё не всё потеряно. Залечив раны и набравшись сил, многие бойцы стали с нетерпением поджидать, когда командиры примут решение выдвигаться в сторону Большого Сорокино или других волостных сёл. Понимая, что пока в их родных селениях командуют красные отряды, им там места нет, мужики искали варианты, чтобы побольнее укусить коварного врага. Однажды, прочитав доставленную в лагерь Филькой листовку, где было напечатано воззвание главных коммунистов уезда к восставшим, Василий произнёс: «Мягко стелют, да жёстко спать будет тем, кто польстится на их обещания и сдастся вместе с оружием! Кого не расстреляют, того в тюрьмах сгноят. Эти безбожники слово, данное народу, никогда не выполняли. Наоборот, учинят показательную казнь, чтобы другим не повадно было». «Может, братуха, рейд по деревням волости совершим? Говорят, коммунисты вновь приступили к вывозу зерна на желдорозную станцию с сыпных пунктов. Неплохо было бы пару-тройку обозов изъять у них и крестьянам раздать. Ноне много земли будет не засеено из-за нехватки семян и мужицких рук», - высказался Петр. «А чо, я не против. Подберём человек тридцать надёжных бойцов и сделаем пробную вылазку. Думаю, что у мужиков уже чешутся кулаки от желания набить красным морды», - согласился Василий.

О своём плане он в тот же день сообщил Аверину и Фадееву. «Может, не надо пока гусей дразнить? Пусть крестьяне закончат посевные работы», - робко возразил Аверин. «А мы чем им можем навредить? Разве только тем, что семян побольше у них будет», - настаивал Василий. «Я тоже с тобой пойду. Не могу спокойно здесь сидеть, зная что эти гады по моей земле ходят», - заявил Сергей. «Как хошь. Лишним не будешь», - улыбнулся Василий. «А меня здесь с бабами, стариками да ранеными оставляете? Нет, так дело не пойдёт. С вами отправлюсь на дела праведные», - оживился Степан. «У тебя должность такая: быть рядом с бабами и больными. Тем более, что из сел и деревень бойцы возвращаются. Кто их здесь в порядок приводить будет? Запить ведь с тоски могут», - глядя серьёзными глазами на друга, высказался Василий. «Ладно, поезжайте. И в самом деле, нельзя без присмотра оставлять большое хозяйство», - согласился Степан.

После болезненных поражений в боях на Тобольском направлении и на Аромашевском фронте, Василий стал осознавать безысходность в положении восставшего народа и его приближающуюся гибель. И причиной всему этому была не мощь красной армии, а сам сибирский мужик, который в силу своих многовековых привычек, надеялся на доброту и милость власти, верил любому её слову, обещающему царствие божье ещё на земле. А коммунисты умели подобрать необходимые слова, которые как бальзам ложились на душу и сердца простых и доверчивых людей. Когда Тобольск был в руках повстанцев и оттуда по всей Тюменской губернии и за её пределами распространялись воззвания к народу, фронтовые сводки и информация о творящихся делах на территории Сибири и в России в целом, он ещё надеялся на положительный исход в борьбе с куманьками, но после взятия красными старинного города, эта надежда в нём стала угасать. Василий воочию видел силу народную, поднимающуюся с колами в руках за свою свободу и честь, однако отсутствие единения превращало эту силу в разрозненные вицы одного веника. Местечковые интересы восставших держали их рядом со своими селениями и не давали возможности развиваться широкому охвату территорий едиными вооружёнными силами. Для того, чтобы бороться с Красной Армией, была необходима регулярная Народная Армия, а не разрозненные отряды самообороны и непонятные фронты, дивизии и полки, которые создавались в каждом крупном населённом пункте и вели военные действия только в районе своих деревень. Понимая всё это, в тоже время у Василия в голове даже ни разу не мелькнула тень сомнения в правильности своего выбора по отношению к советской власти и особенно к коммунистам. Он был просто обречён на борьбу с этими силами до любого конца. Поэтому, решение провести рейд по сёлам и деревням северных волостей он воспринял не как борьбу за власть, а как свершение доброго дела во имя обездоленных, оплётанных и униженных своих сограждан. Имея опыт захвата ссыпных пунктов и обозов с зерном, Василий был уверен, что такая операция ему по плечу даже с теми силами, какие остались в строю.

Первую вылазку отряд совершил в село Готопутово, которое от заимки находилось в двадцати пяти вёрстах. Захватив без единого выстрела ссыпной пункт и нейтрализовав охраняющих его красноармейцев, а также волостной ревком, повстанцы колокольным звоном среди ночи подняли жителей и предложили им забрать зерно, которое по праву им принадлежало. Пробыв в Готопутово почти до рассвета, захватив с собой несколько мешков муки, отряд спокойно вернулся в лагерь. Чтобы успокоить бдительность коммунистов, следующую вылазку запланировано было совершить через неделю в Викулово,

где был самый крупный на севере Ишимского уезда ссыпной пункт. К ней отряд готовился с особой тщательностью, так как понимал, что во время нападения может встретить упорное сопротивление красных стрелков, охраняющих не только ссыпной пункт, но и волревком. Вскоре численность кавэскадрона вновь достигла пятидесяти хорошо обученных и храбрых бойцов. Но запланированный поход был отменён по причине вмешавшихся обстоятельств. Вновь вернувшиеся в лагерь жители деревни Готопутово братья Костылёвы - Афанасий, Кузьма и Фёдор, сообщили, что ежедневно по Викуловскому тракту в сторону Ишима, через деревню Чебаклей, следуют обозы с хлебом, которые сопровождают не более пяти красноармейцев. Сообщение заинтересовало не только Василия, но и его товарищей. Поэтому было решено не нападать на Викулово, а устроить засаду между Чебаклеем и Чуртаном, захватить обозы и переправить их в Знаменчики. Это было безопаснее для отряда и полезнее для жителей Большесорокинской волости.

К месту предполагаемой засады эскадрон прибыл на рассвете. Осмотрев территорию, прилегающую к тракту, Василий заметил: «Лес далековато. Красноармейцы огонь успеют открыть по нам. Вы стойте здесь, а я проскачу чуть ниже. Может, там что найду подходящее». «А чо тебя не устраивает это место? До колка сажен сто, не боле. Куманьки не успеют и глазом моргнуть, как мы их прямо на кулях лежать оставим», - возразил Пётр. «Глазом может моргнуть и не успеют, а вот пулю в тебя влепят за милу душу», - ответил Василий и пришпорил Воронко. Вернулся он через часа полтора и улыбаясь, сказал: «За Чуртаном, в пяти верстах отсюда тракт делает поворот вдоль берёзовой рощи и мелкого осинника. Лучшего места для засады не придумаешь. Да и Знаменчики ближе». Не ведя дальнейших разговоров, Василий развернул Воронко и тихо скомандовал: «За мной, марш!».

Обойдя стороной деревни Доставалово и Чуртан, через час отряд прибыл на позицию и затаился на небольшой лесной поляне, закрытой от тракта плотным мелким кустарником, покрытым одеялом распутившихся листьев. Обоз ждать пришлось часа четыре. Наконец, послышался лошадиный брыластый храп и бойцы отряда замерли. Василий находился к тракту ближе всех и первым заметил бежавшую впереди обоза большую лохматую собаку. «Только бы не почуяла нас и не залаяла», - пронеслось у него в голове. Но пёс даже головы не повернул в его сторону, а мирно пробежал мимо. «Интересно, сколько подвод в обозе? Надо дожидаться, когда последняя покажется», - решил он и затаил дыхание. И как только последняя телега вынырнула из-за поворота, Василий

резко махнул рукой. Бойцы в одно мгновение вырвались из укрытия, с криком и гиканьем налетая на обоз. Сидящие на телегах красноармейцы не успели даже схватить с мешков винтовки, как прямо на них с коней свалились по несколько повстанцев. Борьба заняла не более десяти минут. Обезоруженные, со связанными сзади руками, десять красноармейцев лежали рядом с телегами и со страхом ожидали своей участи. «Откуда родом?» - спросил их Фадеев. «Мы из Маслянской волости все. Нынче зимой были мобилизованы», - ответил один из бойцов. «А кто у вас старший?» - спросил Пётр. «Он на последней подводе сидел. Прохором зовут». «В боях с повстанцами участвовали?» - спросил Василий. «Нет. Два месяца ссыпные пункты охраняли, а сейчас вот обозы заставили сопровождать». «А Прохор воевал с повстанцами?» - спросил Пётр. «Он только месяц назад вернулся с фронта. Где-то на западе воевал. Он нам сам об этом рассказывал», - ответил второй боец. «Ладно. Не тряситесь. Убивать мы вас не будем. Кто захочет - к нам в отряд примем, кто нет - тот пешком домой пойдёт», - успокоил Василий. А в это время Пётр уже вёл к командиру Прохора. «Что с ним делать? Может расстрелять, чтобы под ногами не мешался?» - спросил Пётр. «С собой, в лагерь его заберём. В случае чего, обменяем на нашего товарища», - определился Фадеев. На том и порешили. Из красноармейцев трое прибились к отряду, а остальные, как только их отпустили на свободу, в припрыжку, часто оглядываясь, побежали по тракту в сторону Абатска.

Из десяти подвод с зерном гражданам Знаменщиков было решено передать только пять, остальные отправить на заимку. «Пётр, возьми с собой десять человек бойцов и куманька и направляйся в лагерь. А я с остальными отвезу зерно в Знаменщики и проверю нашу избёнку на озере. Чем чёрт не шутит. Может ещё придётся ей воспользоваться», - распорядился Василий. «К ночи-то на заимку вернётесь?» - поинтересовался Чикирев. «Если ничего не случится, то паузнуть обязательно вместе будем», - улыбнулся Губин.

Не доезжая с версту до Знаменщиков, Василий послал Фильку и Зотия в разведку. Те обернулись скоро и доложили командиру, что в деревне, кроме партийного актива, включая председателя сельсовета и двух милиционеров никого нет. И что все они в данный момент находятся в помещении сельсовета. «Оставим пока обоз здесь, а сами ворвёмся в Знаменщики. Если красные вздумают сопротивляться - не жалейте их», - поставил задачу перед бойцами Василий и немедля выдвинулся вперед отряда.

Но внезапного налёта не получилось. Какой-то бородатый мужик, стоящий во дворе крайней избы, то ли с перепугу, то ли выполняя задание куманьков,

заметив мчавшихся во весь опор конников, заскочил в сенки, сорвал с гвоздя берданку и выстрелил вверх. Этого было достаточно, чтобы куманьки схватили оружие и приготовились к нападению. Завязался короткий, но кровавый бой. Через разбитые окна избы красные стреляли по нападавшим прицельно и с близкого расстояния. Несколько всадников замертво свалились с лошадей. Пришлось даже на время прекратить атаку и отступить в укрытие. «Командир, куманьков надо гранатами забросать или избы поджечь. Просто так, с кандачка, нам их уже не взять», - предложил Знаменщиков Зотий. «Хорошо, берите с Филькой по паре гранат и попробуйте выкурить краснопузых из избы», - согласился Василий.

Два молодых парня, засунув гранаты за опояски, ловко перепрыгнули через прясло со стороны пригонов и побежали в сторону цели. А ещё через десять минут послышались разрывы гранат и нечеловеческие вопли. «Вперёд!» - скомандовал Василий и рванул поводья. Первыми, кого он увидел, были стоящие на крыльце с поднятыми руками и чёрные с головы до ног, милиционеры. А из-за них выглядывало ещё несколько, словно нагутаиненных, лиц. Уже когда захват сельсовета окончился, командир узнал причину переокраски куманьков в чёрный цвет. Оказывается, пока Зотий подкрадывался к окнам, приставив к стене лестницу, Филька взобрался на крышу и долго не думая, бросил гранату прямо в печную трубу. Взрыв произошёл такой мощный, что разбросал по кирпичику русскую печку и засыпал сажей всех обитателей избы. А брошенная в окно граната Зотием, ещё сильнее усугубила положение обороняющихся. Погиб председатель сельсовета и были тяжело ранены два его помощника.

Как только бой завершился, к сельсовету стали подтягиваться граждане деревни. Среди них был и Знаменщиков Григорий, который покинул Большеорокинский отряд сразу после северного похода, где он был ранен. Поняв в чём дело и кто напал на советскую власть их деревни, он подошёл к Василию и поздоровался. «Как себя чувствуешь? Может в отряд вернёшься?» - спросил Василий. «Рад бы, да баба должна вот-вот родить», - хмурым голосом ответил тот. «Серьёзная причина. Ты тогда вот чо. Отправь надёжных мужиков на Балаганский тракт, чтобы они пригнали в деревню конный обоз из пяти возов зерна, и подели всё это добро между гражданами». «А ты куда собираешься дальше двинуть?» - спросил Григорий. «Хочу посмотреть избышку на озере. Может, ещё сгодится на чо», - ответил Василий и добавил: «Милиционеров я с собой заберу, а помощников председателя сельсовета оставляю в деревне. Чо

хотите с ними, то и делайте». «Сперва вылечим, а потом и решать будем, как с ними поступить», - ответил Григорий и они попрощались.

Избушка оказалась не только целой, а даже в том же состоянии, в каком её в начале зимы покинул отряд Василия. Обследовав территорию, Губин сделал вывод, что за эти месяцы охотники и рыбаки здесь тоже не останавливались. «Видно, не до охоты и рыбалки сейчас мужикам! Это в спокойные времена народцу такого здесь было хоть отбавляй», - подумал он и неожиданно к нему пришла хорошая мысль: «Сегодня заночуем в избушке, а завтра снова на Викуловский тракт выйдем. Вряд ли куманьки до утра сообразят, что их обоз не дошёл до Ишима. Всё вёрст сто двадцать от Викулово до Ишима будет».

Повторное нападение на обоз с зерном прошло без сучка и задоринки. Красноармейцы даже охнуть не успели, как были повалены на землю. Но их не стали отпускать, как первых, а завязали тряпицами глаза и примотали вожжами к двум разлапистым берёзам недалеко от тракта. «За два дня не помрут, а потом их уже искать будут», - обосновал своё решение командир. Закончив с красноармейцами, обоз двинулся дальше и пройдя версты две, повернул на запад, взяв курс через Желнину на заимку, где бойцов с нетерпением поджидали её обитатели.

Захваченному у красных и доставленному в лагерь зерну очень порадовался Аверин. Степан уже на второй день велел бойцам рассыпать каждый мешок на два поменьше и стал ночами отправлять по три повозки в деревни Большесорокинской волости, где уже давно свирепствовал продовольственный голод. И в первую очередь помощь шла тем семьям, у которых сын или отец, воевавшие в рядах повстанцев, погибли, или продолжают там находиться. «Мы их сейчас поддержим, а они нас осенью отблагодарят, когда вновь на восстание собираться будем», - пояснил он Василию и Фадееву.

Налётами на ссыпные пункты и на обозы отряд занимался почти до конца июня, чем вызывал ярость коммунистов не только тех волостей, где орудовал, но и центральных. Чтобы ликвидировать это явление, те направляли на север Ишимского уезда войсковые подразделения Красной армии и устраивали на дорогах, по которым вывозили хлеб из сёл на Ишимскую железнодорожную станцию, засады. Но благодаря хорошему отношению местных жителей к повстанцам, Василий был полностью информирован о действиях противника. Порой, ему даже нравилась с ними играть в кошки-мышки. Знал он также и о том, что весной текущего года в Большесорокинской волости была наполовину сокращена посевная площадь, и то, что питались многие крестьянские

семьи травой, конской дохлятиной и берёзовой корой. Всё это разрывало на куски его ранимое сердце и поднимало в нём ярость к коммунистам, доведшим своими мёртвыми идеями до этого граждан. Несмотря, что он уже смирился с мыслью, что новую власть народ пока не осилит, чувство мести его не покидало ни на минуту. И он мстил, порой даже жестоко, всем, кого считал ответственными за поруганную честь своих соплеменников. За прошедшие полгода, с того момента как он вышел на тропу войны с детьми дьявола, Василий очень изменился внешне и внутренне. Заметно заматерел, стал реже улыбаться и меньше говорить длинных речей, иногда был вспыльчив до ярости и дерзок до бесшабашности. Взгляда его голубых и холодных глаз порой даже бойцы боялись. Столько в них было злобы и ненависти к свалившимся на голову сибирского мужика красной нечисти. В такие минуты с ним могли спокойно разговаривать только друзья да Петр, который уважительно относился к брату и готов был за него умереть. А Филька, почуяв плохое настроение командира, старался сделать всё, чтобы вывести его из него. И часто ему это удавалось.

В конце июня в лагерь на заимку прибыл вестовой от Шевченко и передал Аверину конверт с письмом. Пробежав глазами по тексту, Степан стал читать вслух: «О ваших подвигах слышан. Но этого мало. Необходимо начинать уже серьёзную борьбу с красными. Предлагаю конному отряду прибыть для объединения и свершения набегов на населённые пункты, расположенные севернее Кротово. Если согласны, то в наш лагерь вас проведёт мой вестовой. Командующий 1-м Освободительным полком Народной Армии Шевченко». «Ну, что ты на это скажешь?» - обратился Степан к Губину. «А что я могу сказать? Пётр Семёнович без нужды нас не тревожил. Значит, необходимость в нашей помощи у него появилась», - ответил Василий. «Ну, раз так, то собирайтесь быстрее и айда вперёд. А мы уж здесь как-нибудь без вас управимся с делами», - согласился Степан.

В поход отправился только конный отряд в количестве сорока бойцов, включая Василия, Сергея и Петра. Напрямую от заимки до военного лагеря Шевченко было не более тридцати вёрст, а на деле вышло, что все пятьдесят пришлось вокруг болот пробираться. Чуть взял влево-вправо и в трясине оказался. Хорошо ещё, что проводник все дороги и тропы в этой местности знал. Не доходя деревни Кочковатово, он подъехал к Василию и сказал: «Придётся здесь до утра подождать. На Плиту нам ночью не пройти». «Что это за название такое - «Плита»? В жизни не слыхивал», - улыбнулся Пётр. «Это так в народе остров Притынный называют. А с недавнего времени ещё и Козлячьим стали

именовать. До него отсюда вёрст семь будет, но тропа только одна и та шириной в одну лошадь», - ответил вестовой. «Ну, раз надо подождать до утра, давай, Петруха, команду, чтобы бойцы спешивались и на отдых устраивались», - распорядился Василий.

Продолжил отряд свой путь сразу, как только в лесу начал брезжить рассвет. Двигаясь по узенькой дорожке чавкающей жижи, Василий невольно подумал: «Хорошо, что в ночь не пошли. А то половину отряда в болоте могли потерять».

Шевченко встретил большесорокинцев радушно, словно давно поджидал их. Накормив бойцов отряда вкусным обедом, он предложил командирам осмотреть лагерь, в котором было всё - от хозяйственного амбара, десятка ручных жерновов до оружейных мастерских. Даже своя молочная ферма работала. После окончания обхода, он посмотрел на Губина и спросил: «Что скажешь, Василий Иванович?». «Сильно хозяйство! И оборонительная линия возведена по всем военным правилам. Крепость, а не лагерь», - искренне отозвался тот, чем доставил хозяину заметное удовольствие.

Во второй половине дня Шевченко собрал в штабе всех командиров на совещание. Открывая его, он сказал: «Мы уже давно не беспокоили всерьёз красных. Связано это было с распутицей и крестьянскими делами. Поэтому настало время напомнить им о себе. У меня есть разработанный план похода на север, во время которого мы должны очистить от красных деревни Чёрную, Вагай, Дубровное и через юрты Сулейменовские вернуться домой. Наша главная задача - отомстить врагам за поражение, которое потерпели в начале апреля и не помогли тобольчанам отстоять город». «Когда выходим в поход?» - спросил Пётр. «Если ваш отряд готов, хоть завтра», - ответил Шевченко. «Ну завтра так завтра. Пойду бойцов предупрежу, а то, не дай Бог, где браги раздобудут», - сказал Пётр. «У меня на острове с этим делом не забалуешь. В момент розгами прикажу выпороть», - успокоил Шевченко и все засмеялись. Но уже через мгновение Пётр Семёнович посерьёзnel и сказал: «Дорога предстоит дальняя, поэтому советую сегодня хорошенько отдохнуть, а завтра на рассвете выступим». «Большой отряд идет на север?» - спросил Фадеев. «Моих двести бойцов да ваших сорок. Думаю, что такой силы хватит, чтобы пощекотать нервы комиссарам», - ответил Петр Семёнович, и добавил: «Главное, чтобы в руках у бойцов были не колы и вилы, а винтовки, сабли и револьверы».

На следующий день, незадолго до выхода сводного отряда с острова, полил сильный дождь. «Хорошо бы к удаче нашей, а не к скорби и поражению», -

подумал Василий и по-молодецки вскочил в седло. Пройдя узкой топкой полоской до возвышенности, на которой ровными рядами стояли сосны, сводный отряд прибавил ходу. А уже через полчаса на пути стояла первая деревня Балахлей, в которой находился волревком красных. Арестовав всех его членов, включая председателя и передав их в руки местных граждан, отряд направился дальше, на север, вдоль правого берега реки Вагай. Разогнав по пути партийные активы в Истяцких юртах, Бегитино, Индерях, к вечеру повстанцы остановились напротив деревни Чёрная. Однако нападать на неё сходу не стали, а решили сначала узнать в ней обстановку. Отправив в разведку трёх бойцов, включая Фильку, Шевченко объявил короткий привал.

Вечерние сумерки ровными тонами окутывали землю, сажень за двадцать от стоянки отряда мирными шлепками о берег билась вода, не уставшие ещё разноголосые обитатели леса перекрикивались друг с другом, а вершинки вековых сосен и елей плавно и нежно раскачивались от слабого вечернего ветерка. «Благодать, да и только! И почему людям мирно не живётся в такой идиллии? Из-за чего они дерутся насмерть? Что им не хватает? Земли? Леса? Воды? Так всего этого добра в Сибири глазом не окинуть. Трудись - не ленись, и жить будешь сытно и весело. Другое дело, когда жить хочется сытно, а самому трудиться на земле не хочется. Вот тогда и встаёт вопрос, как обеспечить себе распрекрасную жизнь. Если только отберёшь её у тех, кто трудится. Но своими силами ты не сможешь отобрать у мужиков сытую жизнь. Они ведь за своё кровное добро могут и шею свернуть. Значит надо найти тех, кто за красивые байки, пустые обещания рая на земле, даже со смертельным риском для себя, пойдут добывать для тебя сытную и весёлую жизнь. И такие люди, к сожалению, находятся. Неужели они надеются из пустого разговора кашу сварить? Только глупец и бездельник может так думать. Да и как таких людей можно ещё назвать, если они свои жизни не жалеют, чтобы обеспечить сладкую жизнь комиссарам и коммунистам», - размышлял Василий, расположившись на невысоком пенёчке среди высоких деревьев.

Разведчики вернулись часа через три и рассказали, что в селе расквартирован небольшой отряд красноармейцев, который охраняет ссыпной пункт. Кроме них, револьверами вооружены все члены сельсовета, включая председателя и секретаря партячейки. «В общем, оказать нам сопротивление смогут человек двадцать-тридцать. А жители села заступаться за куманьков не станут», - сделал заключение Пётр Семёнович. «Может, не стоит сейчас Чёрное трогать? А пойти дальше по правому берегу», - задал вопрос Фадеев. «Мож-

но и так. Но здесь река намного уже, чем у села Вагай», - ответил Шевченко и помолчав, продолжил: «Перебираться на ту сторону начнём после полуночи. Предупредите своих бойцов, чтобы во время переправы вели себя тихо. Внезапность - ключ к победе».

Преодоление речной преграды заняло больше часа. Оказавшись на левом берегу Вагая, сводный кавалерийский отряд быстро сгруппировался в боевые ряды и приступил к захвату села. Не ожидавшие с юга ночного вторжения повстанцев в село, красноармейцы и их командир не успели оказать им хоть какое-то сопротивление. Посложнее дался захват секретаря партийной ячейки и двух её членов. Яростно отстреливаясь от нападавших, они попытались было рвануть на лошадях в сторону Вагая, но, перехваченные конниками Василия, вынуждены были сдаться. Однако, когда несколько бойцов Шевченко подъехали к ним, чтобы забрать оружие и связать, председатель ячейки выхватил из-за опояски пистолет и наповал поразил двоих из них. А дальше произошло непредвиденное. Рванув шашку из ножен, Шевченко подскочил к куманькам и своей могучей рукой располовинил их черепа. Трупы, как снопы, свалились друг на дружку. «Так будет с каждым коммунистом, поднявшим оружие на простого мужика!» - прорычал Пётр Семёнович и отъехал от трупов. А чуть позже, когда ещё на улице было темно, он собрал граждан села на площади у казённого дома и объявил: «У вас есть время и возможность, чтобы забрать остатки своего добра на сыпном пункте и в общественных амбарах, а так же конфисковать всё имущество у семей коммунистов и им сочувствующих. Оно тоже вам принадлежало. А чтобы никто не помешал это сделать, мой полк побудет в селе до утра».

Василий видел, как Шевченко расправился с коммунистами, но жалости к ним он не чувствовал. «Боже! Что же ты творишь с нами? Неужели за эти месяцы так очерствело сердце, что даже не реагирует на нечеловеческую гибель таких же, как ты сам, людей? А может, коммунисты и на самом деле не люди, а дьяволы? Но тогда почему из них течёт такая же, как из нас, кровь? Будь проклят тот, кто подал идею людям о возможном рае на земле! Не может быть построен земной рай на человеческой крови», - размышлял Василий, двигаясь во главе колонны сводного кавотряда.

К селу Вагай повстанцы подошли уже затемно. Чтобы совершить нападение без избыточного риска и дополнительных жертв, Шевченко, как и в Чёрное, отправил бойцов на разведку. И хотя, в случае наличия большого количества советских бойцов в селе, бой до победного конца или гибели своего отряда

он вести не собирался, однако нанести ощутимый урон противнику планировал. Но вернувшиеся через час разведчики разочаровали Петра Семёновича и остальных командиров. Оказалось, что отряд красноармейцев в количестве двух стрелковых взводов покинул Вагай накануне их прихода. «Видно, кто-то красных предупредил о нас и нашей силе. И они, понимая, что помощь ни с юга, ни с севера, ни с запада и не с востока, к ним подойти не успеет, без единого выстрела сдали нам село. Ну, что же, зайдём туда, немного отдохнём и двинемся на Дубровное», - принял решение командир 1-го освободительного полка и ловко забрался в седло.

В Вагае, также, как и в Чёрном, местным гражданам было предложено почистить ссыпной пункт и забрать имущество у семей членов компартии и местной интеллигенции. После того, как это мероприятие завершилось, а отряд отдохнул, Шевченко объявил о начале продолжения похода по тылам красных.

Собрав местных хозяев лодок и баркасов, он приказал им переправить бойцов и лошадей на правый берег. Ширина реки напротив села была около сотни сажен, поэтому это мероприятие заняло не менее двух часов. Оказавшись на высоком правом берегу, отряд направился в сторону юрт Кульмаметских, чтобы затем, дойдя по левому берегу Иртыша до деревни Араксул, ворваться с севера в Дубровное, до которого оставалось чуть больше двадцати вёрст.

В отличии от Вагая, из Дубровного крупный заградительный заслон красных стрелков уходить не собирался. По-видимому, красные командиры даже не верили, что на них могут напасть повстанцы, так как были убеждены комиссарами в окончательном разгроме этих банд. Поэтому, когда кавалеристы сводного полка появились на окраине села, они в первые минуты даже оторопели. Но быстро опомнившись, тут же приступили к организации обороны и отпора. Завязался бой. С крыш затрещали пулемёты, а со дворов загремели винтовочные выстрелы, нередко попадая в цель и опрокидывая на землю кавалеристов и лошадей. Однако оказать достойное сопротивление двумстам хорошо вооружённым и подготовленным конникам повстанцев они не смогли. Оставив лежать на земле десятка два порубленных шашками и застреленных из наганов бездыханных тел красноармейцев, основные силы заслона поспешно отступили на восток, в сторону деревни Быково. Там они планировали объединиться с отрядом, охранявшим Омский тракт и дать достойный отпор нападавшим мужикам. Но преследующая конница Шевченко догнала их уже за две версты до Дубровного, принудив разбежаться по тайге, и первой ворвалась в Быково, где её никто не ждал. Так успешно была поставлена точка

в запланированном Шевченко походе по восточной части Тобольского уезда. Расстреляв коммунистов и красного командира, раздав гражданам села то добро, которое хранилось на общественных складах и в амбарах, Петр Семенович предоставил бойцам кавотряда краткострочный отдых.

На следующий день, рано утром сводный отряд вышел в обратную сторону. Разогнав партячейку в деревне Сулейменовская и передохнув в селе Чёрное, в конце второго дня он вошёл в пределы военного лагеря 1-го Освободительного полка Народной Армии. Результаты семидневного похода сводного кавотряда впечатляли и радовали всех без исключения. Впервые, за последнее время, бойцы вновь почувствовали себя сильными и способными сокрушить красную чуму. На общем фоне успеха, Василий предложил: «Может нам Большое Сорокино заодно очистить от этих паразитов?». Шевченко немного подумал и сказал: «Зачем? Только куманьков Ишимских раздражить. Нет, Василий Иванович, не пришло ещё время, чтобы в открытую борьбу с ними вступать. Вот закончится крестьянская страда, тогда и будем вновь поднимать на восстание мужиков. Я думаю, что массовый голод, который свирепствует в уезде и губернии, и тиф, косящий всех подряд, осенью многих заставят идти на смертный бой с красной нечистью».

Заночевав в лагере среди болот, утром Большесорокинский эскадрон стал выдвигаться в сторону дома. Прощаясь, Шевченко посмотрел на Василия и улыбнулся. «Ты чо, Пётр Семёнович, так хитро улыбаешься? Неужто я такой смешной?» - спросил Губин. «Нет, ты не смешной. Просто вижу, что не согласился ты со мной по поводу нападения на большесорокинских куманьков. Не надо, Василий Иванович, вперёд батьки в пекло лезть. Прийдёт и их головам черёд».

Под впечатлением последних дней и внутренних рассуждений о жизни, Василий не заметил, как отряд вошёл в пределы Покровки. Проезжая мимо избы, в которой до отъезда в Ишим проживала Полина, он машинально повернулся в её сторону. В огороде, за частокольной изгородью, он заметил какую-то женщину. «Неужели Полина?!» - словно молния, мелькнула в голове догадка. Василий придержал Воронко, подозвал Фадеева и попросил: «Серёга, веди отряд дальше, а я вас догоню». И не успел тот задать другу вопрос, как Губин резко повернул коня влево и направился в сторону неказистой избёнки.

Оставив Воронко у закрытых ворот, Василий перемахнул через частокол и бегом ринулся в огород. Сердце его билось, как у пойманной в силок куропатки, а в голове звучало только одно слово: «Полина! Полина! Полина!». Оббежав кругом стайку, он оказался в двух саженях от женщины, которая огребала

тяпкой картошку. Услышав незнакомый шум, она распрямилась и посмотрела в его сторону. Мгновенно поняв, кто перед ней стоит, Полина вдруг охнула и стала медленно оседать на землю. Василий бросился вперёд и едва успел подхватить девушку на руки. «Полина, милая! Что с тобой?! Ты больна?!» - испуганно бормотал он, внимательно вглядываясь в лицо девушки. «Сейчас, я перенесу тебя в избу и позову кого-нибудь на помощь», - сказал Василий и понёс девушку во двор. Хотел уже открывать двери сенок, как услышал сначала лёгкий стон, а затем слабый шепот: «Вася, Васенька, Василёк мой любимый. Наконец-то ты меня нашёл». Губин осторожно положил девушку на чистое, отмытое до блеска крыльцо и сел рядом. «Полинушка, ты болеешь?» - нежно спросил он. «Нет. Я здорова. Просто голову обнесло и ноги подкосились, когда тебя увидела», - слабо улыбнулась девушка. «А я сильно испугался. Подумал, что ты тифом или холерой заболела», - пояснил счастливый Василий. «Болезни меня пока не беспокоят, слава Богу», - уже более твёрдым голосом успокоила Полина и добавила: «Как я рада тебя видеть!». «И я тоже бесконечно благодарен Богу за то, что наконец он подарил тебя мне», - тихо произнёс Губин. «Принеси мне водички из колодца попить, а то что-то в горле пересохло», - попросила Полина.

Радость встречи переполняла сердца этих двух красивых людей, которые с первого взгляда полюбили друг друга, но не могли быть вместе. И вот сейчас они, наконец, оказались рядом. Отпив несколько глотков из ковша холодной воды и обтерев намоченной косынкой лицо, Полина поднялась с крыльца и пригласила: «Пойдём в избу, я тебя чайком напою». Счастье, которое наполнило до краёв сердце Василия, не позволяло ему даже думать о том, что его отряд находится уже на большом расстоянии от Покровки. В эти счастливые минуты его внутренний мир был в рабстве мыслей о любимой девушке. Они пили чай, говорили друг другу нежные и ласковые слова и очень боялись, что наступит время, когда им придётся расставаться. Тему семьи Полины Василий старался не затрагивать. Но девушка сама подняла её: «Я здесь одна живу. Мама скончалась через два дня после того, как узнала о смерти Феди. Она очень сильно любила сына и всегда переживала за него. После того, как их не стало, мне не на что стало жить, да и за избу оплачивать было нечем. Вот я и перебралась снова в деревню. Здесь хоть картошку можно вырастить да груздей насолить. Тяжёлые нынче времена настали». От любви и жалости к этой хрупкой девушке огрубевшее сердце Губина заныло, словно в него заноза вонзилась. Он обнял Полину и тихим голосом произнёс: «Теперь я у тебя есть. И не позволю, чтобы ты в чём-то нуждалась».

Быстро летело время и на улице начало смеркаться. Глядя на Полину счастливыми глазами, Василий никак не мог подобрать слова, чтобы сказать ей о необходимости своего отъезда. И наверное, ещё долго бы силился их найти, если бы не послышался стук в окно. Василий даже вздрогнул от неожиданности. «Паренёк какой-то за окном стоит», - словно во сне произнесла девушка. Губин повернул голову и заметил Фильку. «Это за мной пришли. Пора мне, Полюшка, покидать тебя. Но я скоро приду. Обязательно приду, ты только верь и жди», - как можно спокойнее произнёс он. Девушка встала с табуретки, подошла к нему вплотную, и как мать когда то в детстве, прижала его голову к своей груди. «Иди, коль надо. А я тебя подожду. Теперь я знаю, что ты где-то рядом и мне этого достаточно», - почти шёпотом сказала она.

«Командир, весь отряд ждёт за деревней. Бойцы боятся, что тебя красные в плен могут захватить», - как будто оправдываясь, произнёс Филька. «В плену я, брат! Ой в каком плену оказался!» - воскликнул Василий и вскочил на верного Воронко. Паренёк удивлённо взглянул на командира, но увидев его счастливое лицо, задавать лишние вопросы не стал.

После встречи с Полиной, Василий словно на крыльях летал по заимке. С его губ не сходила улыбка, движения стали порывистыми, а в голубых глазах горел огонь счастья. Уже на третий день, ближе к вечеру, он сел на Воронко и умчался на свидание с любимой. Вернулся Губин под утро. Ни слова никому не говоря, залез на сеновал и крепко заснул. А в следующую ночь, он снова покинул заимку. И так продолжалось несколько дней подряд. Однажды Василия разыскал отец и глядя в глаза сына, спросил: «Говорят, у тебя зазноба появилась? Может, зря голову ей морочишь? Вон, у тебя какая жизнь ненадёжная». «Я, тятя, давно эту девушку люблю. Сразу, как только увидел. И она меня. Мы оба поняли, что нам не жить друг без друга. Так что, мы обречены на совместную долю». «Ну, ладно, сын, не буду я тебе советы давать. Сам вижу, какой счастливый ходишь», - сказал Иван Васильевич. И немного помолчав, добавил: «Собираюсь в село уходить. Хочу землянку за лето построить. Думаю, что брат Дмитрий поможет. На тебя-то никакой надёжи, а мне надо семью в кучу собирать. Куму Семёну и без нас хлебушек тяжело достаётся». «Тятя, ты на меня не сердчай. Пока советская власть в Большом Сорокино, показываться мне там нельзя. Много претензий у неё ко мне», - ответил Василий. «Всё я понимаю, поэтому и рядом с тобой был», - произнёс Иван Васильевич и обнял сына. А на следующее утро, когда после очередного свидания Василий вернулся в лагерь, его на заимке уже не было. «Не по-божески всё это. Мой сыновний долг

родителям радость доставлять, а я только тревогу да горе им приношу», - тяжело вздохнул Губин, узнав, что отец покинул лагерь.

Из официальной хроники

После ряда успешных боевых операций Красной Армии и проведённых чекистами карательных мероприятий в отношении восставших крестьян, в середине весны стали намечаться некоторые сдвиги в сторону снижения накала повстанческого движения.

Информационное донесение председателя Тюменской ГубЧК П. И. Студитова в ВЧК.

«Тюмень, 9 апреля 1921 г.

1-9 апреля, общее политическое положение Тюменской губернии

На Тобольском направлении части северной группы, преодолевая упорное сопротивление противника, после ожесточённого боя к 7/4 заняли пригород Тобольска, охватили город с северной стороны, обозы противника, намеревавшиеся прорваться к северу, частью захвачены. С рассветом 8/4 наши части перешли в решительное наступление. Штурм продолжался с большим сопротивлением противника, который великолепно укрепился (несколько рядов окопов на протяжении трёх вёрст). К 5 час. Тобольск взят нашими отрядами со стороны Абалакского. Решительное наступление спасло 250 человек сидящих в тюрьме коммунистов и красноармейцев. Этот короткий срок не дал возможности бандитам их расстрелять.

Тюменский уезд: в районе Покровского банды отступают по направлению Тобольска, не принимая бой.

Ялutorовский, Ишимский уезды: проходят облавы мест, где прячутся бандиты, в остальном пока что всё спокойно и резких изменений нет. НР 16856.

ПредгубЧК Студитов».

PS: в отличие от коммунистов, без суда расстрелявших оставляя Тобольск несколько десятков человек, повстанческие власти Тобольска не намеревались расстреливать заключённых. Утверждение П. И. Студитова является откровенной выдумкой.

Из оперативной сводки штаба помглавкома по Сибири.

«Омск, 9 апреля 1921 г.

Тобольский район. Северная группа комполка-343 Ларина-Ефремова (части 343-го полка и Тобольско-Тарский отряд) 7/4 вечером с боем заняли северный пригород Тобольска, продолжили окружение города в ночь на 8/4 и утром ворвались в город, захватив пленных, обоз и другие трофеи. Противник частью прорвался к западу, имея в дальнейшем намерение броситься в Сургут. 1-й батальон 232-го полка с боем занял деревни Куимово-Мамеево, что 5-8 вёрст южнее Тобольска, 2-ой батальон 232-го полка с боем занял Протопопово, что 18 вёрст юго-западнее Тобольска, продолжает наступление на Карачинское, где окопалась отступившая банда повстанцев численностью до 300 иттыков при одном пулемёте. 3-й батальон 232-го полка ведёт бои за обладание Куприно, что 8 вёрст северо-западнее Булашйёво, для выхода на село Байкаловское. 187 и 181-й полки с боями вышли на линию деревень Соколово-Межецкая, продолжают наступление на Караульноярское, что 15 вёрст южнее устья реки Тавды. НР 1391/оп.

Начоперупрсиб Бежанов, военком Вележев».

Ежедневная политическая сводка Тюменской ГубЧК.

«Тюмень, 17 апреля 1921 г.

1) Общее политическое положение губернии неудовлетворительно.

Ялуторовский уезд

Настроение крестьян, обострённое в связи с голодовкой и неудовлетворением семенным материалом, против чего есть возмущения. Голодовка даёт свои последствия на приишьиё слои населения из центральных губерний, которые имеют большую тягу в Европейскую Россию. Есть волости, которые отказываются от выполнения трудповинности, мотивируя отказ голодовкой.

Ишимский уезд

Нисколько не лучше обстоит дело и по этому уезду, тоже на продовольственной почве. Декрет о замене продналогом понимается некоторыми кре-

стьянами как новый подход к ним. Вторая часть заявляет, что это неверно, что этим хотят успокоить восставших крестьян. По вопросу о свободной торговле заявляют: «Обобрали проработники, а теперь объявляют свободную торговлю, что же будем продавать, когда сами сидим впроголодь?».

2) За исключением бандитизма, остальное ни в чём себя не проявляет. Бандиты, потерпевшие поражение в Тобольске, разбились на группы. Командующий Народной Армии Желтовский издал приказ о демобилизации. Сам с отрядом добровольцев отступает на север. Отряд численностью около 1000 бандитов прошёл в тыл нашим частям и идёт по направлению Тюмени и Туринска, в который почти открыта дорога. Село Велижанское на расстоянии от города Тюмени 45 вёрст эвакуировалось. Бандиты в общем деморализованы. Отмечают такие случаи с их стороны: являются к нашему сотруднику и спрашивают, что, будете ли арестовывать, если мы перейдём и сдадим оружие? Было дано слово, что нет, и в результате сдалось всего около 300 человек. Они сдали винтовки и пошли по домам.

По другим уездам идёт вылавливание бандитов. Нашим командованием дано распоряжение остановить наступление до навигации, так как уже реки начинают вскрываться, идёт только разведка. Бронируются пароходы для освобождения Севера.

3) Положение войсковых частей плохое, самое главное - в отношении обмундирования, неимение кожаной обуви. Политработа не ведётся, результатом чего получается печальное явление среди красноармейцев: разные обращения и воззвания бандитов на них сильно действуют. Выход из партии красноармейцев за последнее время уже не может быть редкостью и чем дальше, тем больше принимает размеры. В 254-м полку войск ВНУС вышли из партии 50 человек красноармейцев. Демобилизованные красноармейцы по приезду домой скрывают свою партийность.

4) Мероприятия со стороны ГубЧК, губкома и губисполкома - послана контрольная тройка, согласно приказа ВЧК №40. Кроме этого, всякие головотяпства пресекаются в корне. №1721.

ПредгубЧК Студитов».

Оперативная сводка командира 3-го особого отряда 26-й стрелковой дивизии.

«Ст. Гольшманово, 18 апреля 1921 г., 15 час. 30мин.

«3-й осот участвовал в операции против банд в районе Омск-Тюмень, ведя бои за нижеследующие деревни:

2/3 повёл наступление через дер. Мало-Емецкая и д. Горбуново на д. Мелёхино, где противник упорно держался. С нашей стороны было двое раненых, а со стороны банд - писать не буду. Если с нашей стороны раненых двое, то у них 200 убитых, пленных не было, а количество раненых с их стороны не знаю. После занятия д. Мелёхино я повёл наступление на д. Песчаная, где со стороны банд много было убито людей и лошадей. Мы их окружили с трёх сторон. Сдалось много в плен, но мы их не брали, на месте сами судили, как уже нам хотелось.

3/3 я повёл наступление на д. Босоногово с 10 час., где противник упорно дрался. После 9-часового боя я был вынужден отступить обратно ввиду того, что у отряда 26 человек: убитых - 14 и раненых - 12. Мы отошли на переформирование на д. Ражевское, где мне было дано пополнение.

6/3 я повёл наступление через деревни Мелкозёрово, Средние Чирки, Турлаково на д. Луговая. После упорного боя занял д. Луговая и с комбатом-3 занял д. Заплатино, где было остановлено наступление и ожидал батарею, чтобы выбить бандитов из д. Босоногово и д. Истошино, где у противника было сильное укрепление. Только что привезли батарею, то противник стал разбегаться во все стороны и оставил всю свою республику без боя, после чего мы работаем по вылавливанию разбежавшихся бандитов по домам: ловим, рубим и отправляем в полк, но не столько отправляем, сколько рубим.

В настоящее время стоим при штабе 232-го полка на ст. Гольшманово ввиду того, что люди не обмундированы, по колено плавают в тимах.

Врид комосот-3/26, он же военком Касьянов».

Телеграмма помгавкома по Сибири В. И. Шорина начальнику 39-й стрелковой дивизии и командующему Ишимской группой советских войск.

«Омск, 18 апреля 1921 г.

1. Ликвидация бандитов в районе Евсинское-Аромашеское затягивается. Направленные против банды части войск действуют разрозненно, по видимому, без общего плана. Приказываю все части, действующие в этом рай-

оне, объединить в одних руках, дать им определённую задачу и в кратчайший срок ликвидировать повстанцев.

2. Для скорейшей ликвидации банды, отступающей из района Гоголевское в юго-восточном направлении, приказываю начдиву-39 использовать 5-й и 6-й кавполки 2-й Сибкавдивизии, которые передаю временно в оперативное подчинение начдиву-39. С помощью этих полков стремиться окружить банду и уничтожить её и ни в коем случае не допустить отхода этой банды за линию реки Ишима.

3. О получении и исполнении донести. НР 1551/оп.

Врид помглавкома Афанасьев, врид штабсис В. Михайлов».

Из оперативной сводки штаба помглавкома по Сибири.

«Омск, 22 апреля 1921 г, 18 час.

Тобольский район

Батальон 253-го полка, прибывший из Тюмени в д. Иска-Чебаково, что 35 вёрст западнее Артамоново, вступил в бой с противником численностью до 1000 человек, в результате боя батальон отошёл в д. Иевлево, куда также отошла и рота 187-го полка из д. Артамоново. Для ликвидации противника, распространившегося в районе Комарицкая-Шестовка-Ярково, батальон 253-го полка,двигающийся на сосредоточение в Ялutorовск, из д. Чечкино, что 10 вёрст юго-зап. Покровского, возвращаются в Покровское, после чего батальон 253-го полка и 187-й полк поведут наступление с целью ликвидировать противника в указанном районе. Казанский полк прибыл в Тюмень. Два батальона 189-го полка, артвзвод продолжают движение в Ялutorовск.

Ишимский район

Батальон 188-го полка, наступавший из района Оськино на Евсинское, под натиском противника оставил указанный район и преследуемый конницей противника, отошёл на линию Свистовское-Усть-Ламенское, понеся большие потери и потеряв при переправе через р. Суэтяк три пулемёта, которые затоплены в реке. С целью ликвидации противника, недопущения перехода

им железнодороги приняты следующие меры: 1-й батальон 188-го полка сосредоточен на линии Вагино-Мальшиенское-Свистовское, отступивший батальон 188-го полка занял линию Свистовское-Усть-Ламенское, пешая разведка 188-го полка из д. Омутинской переброшена в Усть-Ламенское, 1-й батальон 188-го полка, двигающийся из Мокроусовского на Омутинское, направляется в Усть-Ламенское, 1-й батальон 189-го полка из района Чечкино перебрасывается в Юргинское, рота ружейная из Ялutorовска сосредотачивается в Усть-Ламенском, на линии железнодороги Омутинское-Гольшиманово сосредоточены бронепоезда №158 и №51. Образцовый отряд из Ишима по железнодороге отправлен в Омск. НР 1619/оп.

Начоперупрсиб Бежанов, военком Вележев».

Из доклада зав. информационно-инструкторским подотделом отдела управления Ишимского уездного исполкома советов В. Т. Белоусова в Тюменский информационный подотдел за апрель 1921 г.

«Ишим, начало мая 1921 г.

Политическое положение

Политическое положение в уезде устойчивое с виду внушает опасение за будущее. Волнение повстанческих отрядов продолжается, и таковые появляются то в той, то в другой волости уезда. Так, например, в период с 19 по 29 апреля повстанцами были частью заняты Аромашевская, Евсинская, Кротовская, Большесорокинская волости. Кроме того, из полученных с мест сводок можно заключить, что население в большинстве проявляет недовольство на продовольственной почве. В некоторых волостях открыто заявляют, что если не будет выдано продовольствие, то возьмут сами из ссыпунктов. С семенным материалом дело обстоит также неважно, и уезд едва ли сможет обсеменить 50% заданной площади. Фуража лошадям не выделяется, и последние у многих хозяев не смогут выполнить работу по засеву полей. В связи с прекращением выдачи продовольственного пайка крестьянству, некоторые домохозяева употребляют в таковое семенной материал. Всё сказанное говорит за то, что если вопрос с продовольствием не будет урегулирован, то уезд вновь может оказаться под угрозой только что пережитой вспышки.

Зав.инф.-инструкторским подотделом Белоусов».

Сводка начальника милиции 2-го района М. И. Жукова начальнику Ишимской уездной милиции.

«Село Абатское, 6 мая 1921 г.

Сообщаю, что настроение района скверное. Атмосфера на почве продовольствия сгущается с каждым днём. Судя по своему соображению, ожидаю не сегодня-завтра вспышки волнения. Население Абатской, Челноковской, Чуртанской волостей без хлеба, масса со слезами стоит плачет. Упродком и коопсоюз на апрель месяц наряды не дают. Масса пока, видя вооружённую силу, расходится. За какой-либо пожар не ручаюсь, а жду каждый день. Меры предосторожности со своей стороны приняты, но за остальное не ручаюсь. Прошу принять ваши срочные меры к разрешению конкретно серьёзного вопроса. Семенной материал не так важно находится, необходимо принять меры к выдаче, хотя бы по сельсоветам. Снабжением продовольствия сумеем потушить пожар.

Начмилиции 2-го района М. Жуков».

Телеграмма командующего советскими войсками Тюменской губернии Г. А. Буриченкова председателю Сибревкома И. Н. Смирнову, помглавному по Сибири В. И. Шорину и Тюменскому губисполкому советов.

«Ишим, 7 мая 1921 г., 20 час.

Рапортом мною уже неоднократно докладывалось в штасиб о том, что крестьяне Ишимского уезда на почве голода собираются толпами и разграбляют хлебные ссыпные пункты, а также и оставшаяся часть кавалерии бандитов перескакивает из одной волости в другую. Имеют главной своей целью захватывать ссыпные хлебные пункты, производя раздачу хлеба населению, благодаря чего и пользуются особым уважением у крестьян, от которых и пополняют свои отряды добровольцами и лошадьми. Дабы лишить повстанцев центра их группировки и плодотворной почвы для пополнения своих рядов, а также в силу полученного категорического приказа тов. Ленина о немедленной вывозке хлеба из Ишимского и Ялutorовского уездов к желдороге и отправке в центр, я издал по своей группе боевой продовольственный приказ, которым разбил хлебные районы на боевые участки, назначил командиров и комиссаров участков, выделил на каждый участок воинскую команду и приступил к вывозке хлеба к желдороге.

В течение первых трёх-четырёх дней результаты вывозки хлеба оказались хороши, и работа продолжается таким же ускоренным темпом. И теперь часть крестьян Ишимского уезда после издания моего приказа начала вывозку хлеба без всяких особых эксцессов, но другая часть крестьян, с которыми также идут рука об руку местные волостные исполкомы и партийные организации, категорически отказались от предоставления подвод на вывозку хлеба, требуя вначале удовлетворения голодных крестьян. И даже в некоторых пунктах были созданы специальные совещания крестьян, совместно с волисполкомами и комячейками, на которых выносились соответствующие постановления, и после чего самочинно раздавался хлеб голодающим. Попытка наших воинских отрядов взять хлеб силою не привела ни к чему, т. к. открытая демонстративная стрельба по толпам, которые обступили хлебные пункты и пытались разграбить их, никакого действия не произвела, и крестьяне, наоборот, взяли своих жён и детей, совместно с которыми вновь обступили хлебные пункты, настоятельно требуя расстрелять их всех вместе с детьми и жёнами, и тогда лишь вывозить от них хлеб. Такое положение дел пагубно отзывается на наших частях, т. к. красноармейцы, естественно, видя такие картины, открывать боевого огня по крестьянам не будут, и в конце концов для выполнения приказа центра и для того, чтобы заставить крестьян отдать хлеб и красноармейцев взять таковой силою, придётся произвести массу расстрелов как среди крестьян, так и среди красноармейцев.

Доводя до вашего сведения о создавшейся обстановке, прошу срочно инструктировать меня, так как я для выполнения приказа центра вынужден буду открывать боевой огонь по той же советской власти, какой и принадлежу сам, т. е. расстреливать волисполкомы, комячейки, крестьян, красноармейцев. Срочно прошу ответа. №0455.

Комвойск Буриченков, военком Новожилов».

Приказ заместителя помглавкома по Сибири Ф. М. Афанасьева командующему Ишимской группой советских войск.

«Омск, 8 мая 1921 г.

Для ликвидации повстанцев в районе Сургут, Берёзов, Обдорск приказываю:

1) Комгруппой ишимской десантный отряд, посаженный на баржу, на буксире бронепарахода двинуть из Тобольска вниз по Иртышу и далее по Оби и по

пути следования ликвидировать встречающиеся гнёзда бандитов, очистить Обдорск и Берёзов и восстановить там строгий революционный советский порядок, в районе Демьянского связаться с властями Приурво. По достижении устья Иртыша установить связь с действующим там отрядом 29-й дивизии, который будет двигаться по Оби к устью Иртыша.

2) Начдиву-29 одну роту при пулемётах погрузить на баржу и на буксире бронепорохода продвинуть по Оби до устья Иртыша, ликвидируя по пути следования бандитов. В районе Сургута установить связь с действующим там отрядом дивизии, и совместными действиями уничтожить банды в районе Сургута, и восстановить там советский режим. По достижении устья Иртыша связаться с частями ишимской группы и в дальнейшем переодическим крейсерованием парохода поддерживать порядок на участке устья Иртыша.

3) Об исполнении донести. НР 1820/об/895/ш.

Зампомглавкома Афанасьев, врид штабскапитан Михайлов».

Из донесения командира третьего батальона 674-го полка Абрамова командиру 115-й стрелковой бригады.

«Б/м 16 мая 1921 г.

Доношу, что 15 сего месяца мною была из Самаровского выслана конная разведка для вылавливания бандитов в окрестностях. В 40 верстах от Самаровского вверх по Оби разведчики наткнулись на штаб Желтовского. Желтовский, его адъютант Крушин, Данилов и Святош убиты, Красулина взяли живым. НР 077.

Комбат-3/674, он же военком Абрамов».

Рапорт начальника милиции 4-го района и политбюро Ишимского уезда.

«Бердюжье, 15 мая 1921 г.

Довожу до вашего сведения, что в вверенном мне районе, в волостях Истоинской и Бердюжской проходит женская организация на почве голода, которые ежедневно собираются толпами с детьми на руках и ходят по сёлам и деревням, просят хлеба, иначе, говорят, мы не дадим вывезти ни фунта, пока не дадут норму, хотя по 0,5 пуда на месяц до нови, и не дают подводь, а также

задерживают подводы из других волостей. Меры принимаются, как воинской частью, так и милицией, но не насильственные. Если принять более суровые меры, без кровопролития не обойдётся ввиду того, что действуют организованно, а нас очень мало и арестовывать не приходится. Караулы выставлены к ссытпунктам.

Прошу Вашего указания, как действовать. №553.

Райначмилиции 4-го района Ишимского уезда».

Из доклада уполномоченного Сибревкома и штаба помглавкома по Сибири А. П. Кучкина председателю Сибревкома И. Н. Смирнову.

«Ишим, 16 мая 1921 г.

1) Хлеб будет вывезен.

2) Положение крестьян в уезде.

Крестьянские лошади выбиты в боях, а оставшиеся заморены, выбиты из сил вследствие перебросок войск и бандитов, а также перевозки продовольствия. Крестьяне засеивают полей мало, с одной стороны, вследствие нехватки семян, с другой - боязни, что всё равно продорганы хлеб потом отберут. Продналог считают той же продразвёрсткой, но лишь замаскированной. Многие крестьяне бросают хозяйства и уходят в город, где, мол, жизнь спокойнее, лучше кормят и можно хорошо заработать.

Настроены крестьяне в уезде в большинстве случаев против соввласти и особенно против РКП (б). Где можно, оказывают содействие бандитам продовольствием, разведкой, лошадьми, либо боевой силой.

Активное участие принимают главным образом старики. Молодёжь или нейтральна, или же против стариков, и небольшая часть охотно идёт с ними.

Были случаи, когда сын убивал отца, защищая соввласть.

Демобилизованные красноармейцы частью заражаются бандитским настроением (таких как будто меньшинство), частью вносят революционную искру и договаривают отцов не бороться против РКП (б) и соввласти, а защищать их.

Рассказывают случай, когда демобилизованный арестовал отца за контрреволюционные убеждения и посадил его через соответствующие власти в Ишимскую тюрьму, где он и пребывает сейчас.

Попытки разграбления хлеба со стороны населения есть и до сих пор. На днях в Бердюжской волости собралось 600 баб и не давали вывозить хлеб, несмотря на угрозы штыками и выстрелы в воздух, требуя себе, как голодным, по полпуду на месяц хлеба. Пришлось дать им тысячу пудов из 67 тысяч пудов, и всё успокоилось. Хлеб энергично вывозится. Красноармейцы держались при натиске баб хорошо, готовые расстреливать их.

3) Безобразия коммунистических отрядов.

Есть немало жалоб, правильность коих подтверждает полевое командование, упродкомиссар, уисполком, упартком и уполитбюро, что коммунистические отряды сёл и деревень, сформированные частью уисполкомом и упарткомом, а частью сформировались сами, занимаются грабежами лошадей у крестьян, сена, одежды, продуктов и проч. Некоторых за это безобразие арестовали, но борьба с этим злом велась слабая.

Милиция в уезде крайне слаба, прямо никуда не годится.

Уполномоченный Сибревкома и штасиба А. Кучкин».

Разведывательная сводка штаба 115-й стрелковой бригады.

«Тюмень, 17 мая 1921 г. 1 час.

По сведениям бежавших из плена от бандитов красноармейцев первой роты 183-го полка Ткаченко Ивана, Трошева Василия и курсов Екатеринбургского спорта Беляева Александра, банда, именующая себя 2-м Освободительным полком, имеет 700 вооружённых бандитов с разнородным оружием, но в большинстве вооружённых трёхлинейными винтовками. Также есть и невооружённые в количестве 300-400 человек. Полк имеет два батальона, комендантскую команду, околоток, хозяйственную часть полка с обозом. Полком командует Вараксин из дер. Мостовая, 1-м батальоном – Ваганов (происхождение неизвестно), 2-м батальоном Байкалов из Шатровской волости, дер. Дворков, кавалерийским отрядом – Фунин из-за реки Исети (точно из какой деревни – неизвестно), помощником его является Губин, помощник Вараксина – Няшин.

Бандитский полк имеет, кроме винтовок, 6 пулемётов, из коих один «Кольт», 5 – «Максим», и 2 автоматических ружья.

14 сего мая банда находилась возле Заводо-Успенского в 10 верстах в лесу и намеревалась наступать на Заводо-Успенский в ночь на 15 мая..

Руководители говорят, что сильных боёв держать не будут, а будут делать налёты на деревенские исполкомы и уничтожать коммуну и коммунистов. В случае появления наших войск бандиты убегают в лес и делают сразу огромные переходы от 60 до 75 вёрст в ночь. При банде находится до 50 человек пленных красноармейцев. Ловят, главным образом, разведывательные партии и одиночных красноармейцев, употребляя при этом, как они называют, военную хитрость: надевая на себя красные ленточки и выдавая за части особого назначения или коммунистические, заманивают в своё расположение и затем разделяются. НР 395/опс.

Начбриг-115 Ведерников, военком Попов».

Записка по прямому проводу заместителя председателя реввоенсовета республики Э. М. Склянского председателю реввоенсовета войск Сибири И. Н. Смирнову.

«Москва, 20 мая 1921 г.

Парижское радио 18 мая сообщает, якобы вся Западная Сибирь охвачена восстаниями, якобы красные войска Челябинского района целиком перешли на сторону восставших, вся 25-я дивизия в Томском уезде якобы перешла цельным отрядом на сторону бунтовщиков, на стороне советского правительства, якобы остались только гарнизоны некоторых больших городов. Обращаю Ваше внимание на это сообщение - не есть ли это свидетельство назревания новых событий. №125/ш.

Склянский».

Телеграмма председателя Сибревкома И. Н. Смирнова заместителю председателя реввоенсовета республики Э. М. Склянскому.

«Омск, 21 мая 1921 г.

На Вашу 125/ш.

Ручаемся, что кронштадтские события не будут иметь места в Сибири.

Предсибревкома Смирнов».

Телеграмма командующего войсками тюменской губернии Г. А. Буриченко помглавком по Сибири В. И. Шорину.

«Ишим, 21 мая 1921 г.

Согласно Вашему личному приказанию о представлении своих соображений на предмет оставления потребного количества войск во вверенном мне районе для окончания борьбы с бандитизмом, охраны и вывозке хлеба доношу, что в активной и большой массе противник имеется на северном участке в направлении Берёзова. В районе Тобольска, Ишимского, Омутинского, Ялуторовского участков имеются небольшие группы банд по 30-50 чел., которые увеличиваются от 150 до 300 чел. Хлебные ссыльные пункты имеются: в Ялуторовском уезде - в районе Мокроусовского, Верх-Суерского, Ермутлинского; в Ишимском уезде - в районе Гольшимановского, Армизонского, Кротовского, Большесорокинское, Викуловского, Маслянской, Бердюжского, Ильинского, Ражевского, Истошинского, Карасульского.

Для ликвидации банд, охраны и вывоза хлеба требуется оставление следующего количества войск:

А) Тобольский район: на участке Покровское-Тобольск - два батальона, гарнизон в г. Тобольск - один батальон, для экспедиции на Берёзов-Обдорск с оставлением партизан в больших населённых пунктах - минимум четыре батальона. Всего для Тобольского района требуется семь батальонов.

Б) Ялуторовский район: на участке Ермутлинское-Верх-Суерское-Мокроусовское для окончательной ликвидации бандитов, скрывающихся в лесах, и для охраны и вывоза хлеба - два батальона, на участке Исетское-Ингалинская-Шорохово - один батальон.

В) Омутинский район: на участке Евсино-Агаракское-Гольшимановское - один батальон, район сел Армизонское-Истошинское-Ражевское-Карасульское - один батальон. Задачи батальонов - вылавливание бандитов, охрана хлеба и вывоз хлеба, и необходимо присутствие войск ввиду антисоветского настроения масс. Всего для Омутинского района требуется три батальона.

Г) Ишимский район: на участке Кротово-Готопутовское-Викуловское-Большесорокинское-Абатское для вылавливания бандитов, охраны и вывоза хлеба - два батальона, на участке ст. Маслянская-Сладковская-Ильинская-Пегановская для вывоза хлеба и изъятия оружия - один батальон. Гарнизон города Ишима, прикрытие артдивизиона (шесть орудий), охрана арестован-

ных, охрана складов боеприпасов, сопровождение арестованных на погрузки - два батальона. В указанных пунктах также необходимо присутствие батальонов ввиду крайнего антисоветского напряжения масс. Всего для Ишимского района требуется пять батальонов.

Итого для вверенной мне группы в данное время необходимо 9 батальонов, а с окончанием вывозки хлеба группу возможно сократить на 6 батальонов. Для вывода на отдых все части группы находятся в одинаковой степени усталости. Желательно в первую очередь отвести 6-й батальон 253-го полка, находящийся в районе Агараковского. Красноармейцы означенного батальона состоят в большинстве из крестьян Ишимского уезда и не вполне трезво реагируют на хлебную компанию. В крайнем случае, батальон желательно перебросить в Ялutorовский район, на участок Исетское-Шорохово-Ингалинское взамен уходящего запасного пулемётного батальона. Батальоны принимаются с расчётом по 250 штыков в каждом. №0598.

Комвойск Буриченко

Военком (подпись отсутствует)».

Оперативная сводка штаба 115-й стрелковой бригады.

«Тюмень, 22 мая 1921 г.

20 мая Северным экспедиционным отрядом занят Берёзов. Высланный в погоню вверх по Сосьве отряд настиг бандитский катер «Сартынья» между деревнями Угрюмская и Ильиска. В результате вся банда бросила катер, бежала на лодках к берегу, где бандиты были окружены и почти целиком уничтожены. Захвачено всякого груза до 40 пудов. Катер «Печорец» со штабом бандитов во главе со Слинкиным ушёл вверх по Малой Сосьве. Ввиду мелководности последней и глубокой посадки парохода «Волна» преследование приостановлено. Пароход «Волна», катер «Сартынья» и трофеи возвратились в Берёзов. О пароходе «Сергей», высланном в село Мужы, сведений не поступало. НР 479/оп.

Врид комбриг-115 Ведерников, военкомбриг Попов».

Донесение начальника 1-го района уездной милиции В. Сазонова в политическое бюро Тобольского уезда.

«Тобольск, 31 мая 1921 г.

Представляю при сём список лиц вверенного мне района - участников восстания - без вести пропавших, добровольно ушедших с повстанцами при эвакуации. Доношу, что убиты по вверенному мне району в боях с советскими войсками 138 человек, убиты повстанцами 5 человек, расстреляны повстанцами 21 человек. В Сеитовской волости сведений собрать не предоставляется возможным ввиду разлива рек и болот, каковые при первой возможности будут собраны и представлены дополнительно. №7.

Приложение: список.

Начальник 1-го района Тобуездмилиции Сазонов».

Телеграмма председателя Сибревкома И. Н. Смирнова заместителю наркома продовольствия Н. П. Брюханову.

«Омск, до 12 июня 1921 г.

На Вашу НР 219/Т.

В Тюменской губернии, особенно в Ишимском уезде, положение действительно тяжёлое: большой недосев, крестьяне продают скот на хлеб. В Ново-Николаевском уезде положение тоже тяжёлое, но все эти данные относятся уже к прошлому. Сейчас сев закончился. Приступаем к вывозу хлеба. Опасаюсь осложнения. Продотряды все сняты давно. В общем настроение крестьян Сибири выжидательное. Указания на места даны. НР 357/б.

Смирнов».

Протокол общего собрания сотрудников штаба 1-й группы Народной повстанческой армии Ишимского уезда.

«Б/М не позднее 14 июня 1921 г.

Обсудив вопрос по поводу прекращения гражданской войны, единогласно постановили:

1) Наш лозунг - «Вся власть советам», а не отдельным кучкам, как это наблюдается до настоящего времени, поэтому требуем немедленно переизбрать все сельские, волостные, уездные и так далее исполкомы, дать полную

свобод в выборах самому народу, а ничуть из одних фракций.

2) Обезоружить местные коммунистические отряды, дабы избежать самосудов.

3) Освободить всех заключённых, пострадавших за время революции, к 1 июля 1921 г. и дать полную гарантию на неприкосновенность таковым.

4) Дать полную свободу слова и действий каждому гражданину России. Отменить всякие трудовые мобилизации, разрешить свободный труд, свободную торговлю впредь до полного развития кооперативов.

5) Наложить государственный налог не на одних крестьян, а на каждого гражданина, живущего в России, вполне способного к труду.

Подписи».

Сводка Тюменской ГубЧК о состоянии бандитизма в губернии

«Тюмень, 25 июня 1921 г.

Банды мелкими отрядами оперируют в Ялуторовском, Ишимском, частью - в Тобольском и Тюменском уездах. В Туринском банд нет. Большинство бандитов находится в Ялуторовском уезде - около 3000 человек, которые частью скрываются по лесам и частью проживают дома, не сдавая оружия, пользуясь безвластием. В восточном районе уезда находятся три отряда численностью в 500 человек, в южном районе - 1000 человек, в остальных районах - мелкие группы. В восточном районе шайки бандитов возглавляют Зломанов, Пыстин и Тепляков, в южном Кравчек, Ваганов, Михайлов, Боровков и Булатов, социальное положение которых - кулаки, один - бывший пристав. Отношение населения к бандитам большинства - сочувственное, ввиду невидачи продпайка, беспорядков, вносимых воинскими частями. Бандами в восточном районе проводится мобилизация населения в возрасте от 18 до 45 лет. В западном районе Боровинской волости в лесах скрывается отряд бандитов в 120 человек, хорошо вооружённых, под командой Кударева Михаила, в Шатровском районе - отряд Ваганова в 300 человек.

В Тобольском уезде в районе Чёрного оперирует отряд бандитов в 83 человека под командой Скобеева, вооружён трёхлинейными винтовками, болбами и автоматом. Население помощи бандитам не оказывают. Бандиты стремятся сгруппироваться в крупные отряды.

В Ишимском уезде в районе Аромашево находится отряд бандитов в 300 человек под командой Шевченко, вооружён винтовками, двумя пулемётами, производит мобилизацию населения в возрасте от 18 до 35 лет. В Тюменском уезде в районе Богандинской волости отряд бандитов в 500 человек, в Заводоуспенской волости - количество неизвестно.

Особенной активностью отличаются банды в Ялutorовском уезде, где по-прежнему вырезаются волисполкомы, милиция, учителя. Бандиты грабят маслодельные заводы, продукты в кооперативах. В остальном руководствуются бандитсводкой. №1157. №1158/с.

ПредгубЧК Студитов, завсогубЧК Бойко».

Сводка Ишимского уездного исполкома советов за июнь 1921 г.

«Ишим, 1 июля 1921 г.

1) Общее политическое положение, за исключением волостей Кротовской, Вознесенской, Аромашевской, части Евсинской, Гольшмановской, Готопутловской и Большесорокинской, удовлетворительное. Настроение рабочих, крестьян, городской бедноты и др. слоёв населения подавленное и недовольное. Влияния иных политических партий не наблюдается.

2) Неблагоприятное настроение наблюдается по всему уезду, и таковому способствуют:

а) распоряжения о прекращении выдачи продпайка, отсутствие всякого снабжения первой необходимости;

б) принудительный труд и гужевая повинность;

в) частые аресты некоторых граждан со стороны политбюро без объяснения причин ареста, а затем освобождение этих лиц месяца через два без предъявления к ним обвинения, а лишь с ответом, «что, мол, материала на вас не получено, и вы свободны».

3) Забастовок не наблюдается. Бандитизм в пределах Кротовской, Евсинской и Большесорокинской волостей продолжает существовать и даже, видимо, усиливается за счёт разоружения красноармейцев, ибо красноармейские части, участвующие в борьбе с бандитизмом, из некоторых селений вынуждены уходить, а эти селения немедленно занимают бандитами. Так, например, 28 июня был занят центр Кротовской волости село Кротово, но открытого боя бандиты не принимают.

4) Недовольство трудновинностью вытекает исключительно из-за отсутствия всякого снабжения, питания и улучшения быта трудообязанных, а по гужевым перевозкам - благодаря отсутствию фуража, упряжи и изнурённости лошадей.

5) Состояние посевов в 40 южных волостях удовлетворительное, а в остальных 16 - плохое, благодаря засухе, кобылке и позднему посеву. Особенно пострадавшими волостями приходится отметить Тушинолобовскую, Абатскую, Челноковскую, Маслянскую, Чуртанскую, Викуловскую, Большесорокинскую, Готопутовскую, Аромашевскую, Кротовскую, Евсинскую и Вознесенскую. Благодаря этому настроение крестьян сильно подавленное, и последние бросают свои хозяйства, выезжают в местности, более обеспеченные хлебом. №5099.

Председатель Ишимского уисполкома Жаворонков,
завотдуправления Рябков».

Телеграмма председателя Тюменского губисполкома советов А. К. Макарова помглавкому по Сибири В.И. Шорину и начальнику 29-й стрелковой дивизии.

«Тюмень, 1 июля 1921 г.

Губконференция РКП (б) и 3-й губсъезд советов, желая вернуть к мирному труду обманутое крестьянство, постановили объявить двухнедельник добровольной явки повстанцев. Во исполнение постановления губкомом и губисполкомом разработаны соответствующие инструкции и высылаются политтройки по уездам для проведения двухнедельника и регистрации явившихся повстанцев.

Губисполком просит вашего распоряжения всем войсковым частям губернии, чтобы они координировали свои действия с действиями политтроек и по объявлении двухнедельника в уезде прекращали бы активные действия против повстанцев, занимая оборонительное положение и охрану ссыпунктов. Но это не может исключать возможности начать военные действия снова, если повстанцы в это время будут делать налёты на воинские части и грабить ссыпункты.

О сделанном вами распоряжении просьба уведомить нас в срочном порядке. 233.

Предгубисполкома Макаров».

Цинизмом и издевательством было пропитано Обращение партийного и советского руководства Ишимского уезда к повстанцам.

«Ишим - первая декада июля.

Семь лет изнурительной войны окончательно разорили наше народное хозяйство, в частности, сельское хозяйство. Война брала от крестьянина всё, а ему не давала ничего. Царь, а потом временное правительство не обращали внимания на восстановление хозяйства.

Рабочие и крестьяне России, утвердившие в октябре 1917 г. свою власть, силой сложившихся обстоятельств были принуждены также обратить слишком мало внимания на этот чрезвычайно важный вопрос.

Обострившаяся борьба с контрреволюцией требовала быстрого обеспечения нашей армии и трудящегося населения продовольствием, требовал часто принудительного отобрания хлеба у крестьян, оставляя последних на голодной норме.

Тогда это было необходимо сделать во имя спасения нашей революции.

Теперь этот острый момент прошёл. Советская власть от борьбы с побеждённой сейчас контрреволюцией перешла к мирной работе - к восстановлению нашего хозяйства. И в первую очередь она обратила внимание на улучшение хозяйства крестьянского. Целый ряд изданных за последнее время декретов говорит о горячем желании советской власти оказать крестьянству эту помощь. Развёрстка, которая так губительно отражалась на крестьянском хозяйстве, отменена. О возврате её не может быть и речи. Вместо развёрстки вводится натуральный налог, весьма лёгкий для крестьянства и дающий ему широкую возможность наивозможно полного улучшения своего хозяйства. Разрешена также свободная торговля продуктами сельского хозяйства и проч. Вообще, по всему вы видите сейчас, что советская власть идёт крестьянству навстречу и желает всеми силами помочь ему.

И, таким образом, если недовольство крестьянства против советской власти, недовольство её декретами и действиями было раньше несколько основательным, то теперь оно не имеет под собой никакой почвы. Всё, что не удовлетворяло крестьянство, то отменено, что ему было желательно, то дано.

Вы получили всё, что хотели! Таким же точно образом бесосновательны и неправильны действия многих из вас, захотевших силой оружия завоевать у своей же рабочей-крестьянской власти свои права.

Это ни к чему не привело и не приведёт. Есть только напрасные жертвы, напрасно пролитая братская кровь. Но некоторые из вас, как видно, ещё до сих пор не могут понять это и продолжают скрываться в лесах, боясь кары со стороны советской власти. Они продолжают свои разбойные действия, нападают на мирное население, грабят, убивают советских и партийных работников.

Товарищи! Так дальше делать не годится.

Советская власть ещё раз даёт вам полную возможность исправиться и зажить мирной жизнью. Она в лице высшего в губернии органа власти - 3-го губернского съезда советов - обращается к вам с предложением немедленно сложить оружие и разойтись по своим домам для мирной работы.

В две недели с 5 по 20 июля вы должны это сделать.

Не бойтесь, что вас накажут! Советская власть милостива. Вам гарантируется полная безопасность и возвращение вашего недвижимого имущества. Вместе с тем всем волисполкомам и сельским советам, всем партийным организациям и всем гражданам предложено встречать всех возвращающихся и сдающих оружие повстанцев не с желанием мести, не с оскорблениями, а со словами прощения, как заблудившихся и сейчас пришедших к сознанию своих братьев.

Последняя милость советской власти даётся вам. Спешите воспользоваться ею и возвращайтесь к мирной творческой жизни! В будущем по истечении этого срока будет поздно.

Республика тогда будет беспощадна по отношению ко всем неявившимся, как к заклятым её врагам.

Используйте же эту последнюю милость!

Ишимский уездный исполнительный комитет советов.

Уездный РКП (б).

Политбюро.

Комгруппы».

Телеграмма Реввоенсовета войск Сибири Главкому РККА республики.

«Омск, 13 июля 1921 г.

На Ваш №8469.

В Ялуторовском и Ишимском районах действуют незначительные, но многочисленные шайки, составляющие как бы организованные подвижные кадры, периодически пополняющиеся благодаря сочувствию местного населения и развёртывающиеся в банды в 300 и 500 человек пеших и конных. При приближении наших войск эти шайки быстро расходятся в разных направлениях и скрываются в деревнях. Борьба с ними наших пехотных частей чрезвычайно трудна. Конница, именно 5-я кавдивизия, предназначенная для действий по ликвидации восстаний, переброшена на восток. В настоящее время перебрасывается из Петропавловска в район Ишима 29-й кавполк, с прибытием которого ожидается успех наших действий по ликвидации оставшихся шаек. НР 2613/оп.

Зампомглавкома Афанасьев, член РВСС Давыдов».

Письмо начальника повстанческой дивизии М. Вараксина начальнику 69-й стрелковой бригады красных Б. А. Каврайскому.

«Б/м начало июля 1921 г.

В ответ на Ваш приказ №036/с, в котором Вы призываете всех бандитов вернуться домой, сдать оружие и патроны, обещаете полное прощение.

Нет, товарищ, этого быть не может, потому что, во-первых, мы все чувствуем себя гораздо сильнее, чем с начала восстания. Теперь в наши ряды прибыло много товарищей красноармейцев, и в настоящее время прибывают партиями с оружием в руках в наши партизанские, а не бандитские ряды. Во-вторых, имеем связь с востоком, откуда ожидаем скорой помощи в борьбе против Вашей жидовской опричнины.

А всё-таки, тов. Каврайский, ты здорово можешь петь Лазаря. Но, друг, пой-пой, а сало припасай: смазывать пятки - удирать до Вятки.

Зачем Вы много обещаете, но не исполняете? Почему убиваются люди местными комячейками, оправданные ревтрибуналом? Кроме того, Вы нам предлагаете не расстреливать партийных, советских работников. Мы в этом не виновны. Правда, мы расстреливаем только паразитов, которые едят шею у крестьянина и рабочих. Большие в политику пускаться не буду, а если хотите спокойной жизни, то позаботьтесь очистить ячейки от паразитов. Тогда мы согласны, а иначе и речи не может.

Считаю Вашу выходку относительно заложников чисто хулиганской.

Заканчивая своё письмо, в заключение скажу, что такими путями Вам этот бой-то не прекратить. Мы все поклялись победить или умереть. Думаю, что жидовскую диктатуру свергнем.

С обращением жму запачканную в невинной крови Вашу руку.

Начдив М. Вараксин».

Воззвание уполномоченного Народной повстанческой армии Г. П. Зломанова к беспартийным красноармейцам.

«Б/м первая половина июля 1921г.

Товарищи беспартийные красноармейцы!

Одумайтесь, за что 4-й год проливаете свою кровь. Вы глубоко обмануты коммунистами. Вы помните, что коммунисты захватили насильно власть в свои руки в 17-м году, обещая вам все блага и мирную жизнь, но вместо обещанных благ вам дали рабство и вовлекли вас в братоубийственную войну.

Товарищи красноармейцы, вы напрасно сейчас идёте войной на своих отцов и братьев. Мы вправе восстать против коммунистов. Они нас открыто грабят, отобрали у нас всё, что мы наживали годами и оставили нас голодными и раздетым. Настоящая война идёт за существование и объявлена исключительно коммунистами. Вы, товарищи красноармейцы, не бойтесь угроз своих командиров-коммунистов, своих комиссаров-коммунистов и без колебаний переходите на нашу сторону. Мы вас примем как родных братьев и дадим вам полную свободу. Если вы скорее перейдёте на сторону народа, так скорее получите мирную жизнь. Помните, товарищи, что война будет до тех пор, пока не свергнете ненавистное всему миру иго коммунистов.

Да здравствует победа над коммунистами! Да здравствует Народная Армия!

Уполномоченный Народной Армии Зломанов».

Обращение повстанцев полка П. С. Шевченко к коммунистам.

«Б/м первая половина июля.

Привет вам, товарищи коммунисты! Как ваше самочувствие? Товарищи, первым делом уведомляем вас о том, чтоб вы не делали зверской расправы с партизанскими семьями, а то даём вам честное слово, что вас и ваши семьи партизаны будут уничтожать до корня. И будем производить такую короткую расправу, что хуже которой не может быть. Одним словом, будем всех превращать, как говорится, в капусту. Довольно вас миловать, довольно прощать вам ваше зверство. Так вот, примите к сведению.

Ну, как всё-таки вы думаете? Долго ещё существовать на свете? Нет, наверное, каждому из вас уже снится та смерть, которая на вас движется. Как хорошо, как приятно будет чувствовать себя каждый свободный гражданин, когда не будет ни одного грабителя-коммуниста, когда будет всё вольно. Да... и скоро, скоро это сбудется.

Товарищи, вам уже известно, что попавшие ваши товарищи к нам в плен не уничтожаются. И мы их только обезоруживаем и отпускаем. Но вы делаете не так. Вы каждого попавшего партизана, да и не только партизана, а и простого человека, сказавшего хотя одно слово против вас, рубите шашками. Стыд. Позор, товарищи, так поступать. Пора опомниться, пора прекратить разного рода грабежи и расстрелы. Довольно, хватит перед смертью. Вам всё мало. Вам всё нужно отбирать у крестьян последние крохи хлеба и всё то, что добывал он себе потом и кровью.

Нет. Из вас уже не исчезнет то зелье, которое подталкивает вас на преступление. Что вы хотите завоевать? Вы хотите завоевать вольную жизнь, вы хотите поставить себя на высокое место, чтобы можно было затоптать каждого крестьянина в грязь? Но нет, вам этого сделать не удастся. Пока довольно.

Да здравствует бескоммунистическая жизнь! Да здравствует Народная Армия!

Повстанцы повстанческого полка Народной Армии Шевченко».

Политический отчёт о состоянии Ишимского уезда и уездной организации РКП (б) за июнь 1921 г.

«Ишим, начало июля 1921 г.

Политическое состояние уезда в июне месяце нужно считать неудовлетворительным. Существование бандитов продолжается, бандиты делают набеги в северном районе уезда, в волостях с центрами в сёлах Готопуто-

во, Кротово и Большие-Сорокино. В этом районе оперирует организованная и довольно крупная шайка бандитов (700 чел.), хорошо вооружённая, под командой местного крестьянина Шевченко. Банда эта до сих пор неуловима, ибо действует в лесистой и болотистой местности хорошо ей знакомой. Наблюдаются также в уезде небольшие группы и одиночки, с которыми приходится вести борьбу как красноармейскими частями, так и коммунистами, сформированными в отряды.

Здесь нужно сказать, что для борьбы с бандитизмом и окончательной его ликвидации недостаточно воинских частей, которые разбросаны по уезду мелкими отрядами, часто попадают в плен к бандитам и дают возможность им далее продолжать своё существование тем, что передают оружие и снаряжение.

Недовольство крестьян советской властью есть и основывается главным образом на невыдаче хлеба. Имеющийся налицо неурожай хлебов и отчасти трав, засуха, уничтожение кобылкой (имеются сведения от 32 волостей из 57) также влияют на это настроение.

Видя, что бандитизм не уничтожается, крестьянство не знает, как говорится, куда ему приклонить голову. На это влияет также наищёптывание тёмных сил, которые провокационными слухами совершенно сбивают крестьян с толку.

В южном районе уезда, около ст. Петуховская, большой наплыв за хлебом разных организаций и лиц из центра, которые почти все излишки хлеба из этого единственного хлебного района вывезли, и это сразу отразилось на политическом состоянии уезда. Это - с одной стороны, с другой - мешочники занесли в этот район холеру. В настоящее время в Петуховском районе зарегистрировано до 100 случаев заболеваний холерой при большой смертности. Холера продолжается развиваться. Меры, принятые уездравотделом по борьбе с холерой, недостаточны (ибо губздравотдел не идёт на помощь). Затем в некоторых волостях наблюдаются признаки «сибирки» на скот и падеж такового. Меры по борьбе с этим также недостаточны.

Продналог хотя и выполняется, но туго. При этом крестьянство говорит, что «налицо неурожай, запасов нет, а потому чем будем кормиться?». Товарообмен начинает развиваться, кооперативные аппараты постепенно растут по уезду, но обмен производится главным образом на сырьё за отсутствием хлеба»

Отв. секретарь укома Тарсин, зав. орган. отделом Гордеев».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Не заколосятся
хлеба на пепле
крестьянской души

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Почти десять дней заимка жила спокойной, мирной жизнью. Бойцы, все кто мог, побывали в своих деревнях и попроведали родных. Некоторые из них, поддавшись пропаганде комиссаров, объявивших двухнедельник на возвращение крестьян к мирному труду, остались дома, а несколько человек, по доносу односельчан, были схвачены представителями советской власти и отправлены в Ишим на расправу. Василий не верил в искренность слов коммунистов и твёрдо был убеждён в том, что если даже они не тронут тех, кто участвовал в восстании сразу, то разделаются с ними чуть позже. «Вот проведут мужики все крестьянские работы, обмолотят хлеб и тут же им обвинения красные предъявят. Сами-то они не для того в Сибирь пришли, чтобы поля засеять да скотину растить, а для того, чтобы мужиков заставить всё это делать», - размышлял командир, хотя в последнее время все его думы и мечты были связаны с Полиной. Губин-младший от этого даже на лицо похудел. Если одну ночь с ней не встретился, то до второй не чаял как дожить. Счастливее, чем он, на земле не было человека. Да и Полина сияла от радости, когда, после тревожных часов ожидания, наконец видела своего суженого, мчавшегося к ней на верном Воронко. И как только её Вася появлялся в избе, то нежному щебетанию не было конца. Губин молча любовался ею, слушал её простые девичьи слова, смотрел на неё своими голубыми влюблёнными глазами и мыслями уходил в далёкое будущее: «Вот закончится война, я построю большую просторную избу, Полина нарожает мне кучу детишек, возьмём к себе тятю с маманей и заживём дружной и работающей семьёй». Заметив, что её Вася загадочно улыбается, она замолкала, а затем спрашивала: «Ты чему улыбаешься? Может, я глупость какую говорю?». «Ты очень правильные слова говоришь, которые меня на хорошие мечты наводят», - успокаивал Губин и прижимал девушку за талию к себе. Пока они были рядом, время летело мгновенно. По-

этому, когда приходило время расставаться, влюблённые вмиг замолкали и в их глазах появлялась тревога.

Вернувшись в очередной раз под утро от Полины на заимку, Василий решил немного отдохнуть и полез на сеновал. Но не успел глаза закрыть, как в лагере началось какое-то движение. «Что ещё могло случиться? Неужели красные на заимку ворвались? Вроде о ней мало кто из посторонних знает. Только жители Тиханихи, да и то - не все», - подумал он и стал одеваться. В это время показался Филька, который скороговоркой выпалил: «Командир, тебя в штабе все ждут. От Шевченко вестовой примчался с какой-то срочной новостью». «Поди, красные войска на полк напали. Да разве после его обращения к коммунистам они ему жить спокойно дадут? Сил и средств не пожалеют, чтобы отомстить за оскорбления, которые он им нанёс», - подумал Василий и быстрым шагом устремился к штабу.

Услышав первые слова вестового, он даже удивился своей догадке. «Вчера у Петра Семеновича был день рождения и он с боевым составом полка накануне приехал отмечать его домой, в деревню Малый Кусеряк. То ли кто-то донёс красным, то ли случайно узнали об этом, но сегодня поближе к утру они напали на нас всей своей мощью. Силы неравные, поэтому Петр Семенович приказал скакать к вам и просить помощь. Время на сборы нет, поэтому лишь конница может спасти наш полк от разгрома», - закончил вестовой и посмотрел на Аверина. «Ну, что же, времени на рассусоливание и в самом деле нет. Собирай, Петр, кавалеристов в поход, через полчаса мы должны выскочить из лагеря», - отдал приказ оказавшемуся рядом брату Василий.

До Малого Кусеряка было вёрст сорок. Поэтому уже через три часа эскадрон из полсотни всадников был в районе боевых действий. На разведку и выяснение позиций врага времени не оставалось, необходимо было спасать окружённых шевченковцев. Сделав необходимые указания своим заместителям, Василий выхватил из ножен саблю, привстал в стременах, громко выкрикнул: «К бою!», и первым рванул вперёд. От неожиданного нападения кавэскадрона повстанцев с тыла, ряды красноармейцев вначале дрогнули. Но, поняв, что за конниками пеших бойцов нет, развернули несколько пулемётов в их сторону и стали почти в упор, кинжальным огнём, вспарывать ряды. От полной гибели эскадрон спасло вклинивание его в расположение пехоты, которую повстанцы нещадно рубили шашками и кололи острыми пиками. Воспользовавшись временным замешательством в рядах красноармейцев, эскадрон прошёлся почти по всей цепи пеших бойцов, выскочил за пределы села

и скрылся за частоколом плотного кустарника. Подождав, когда соберутся все кавалеристы, Василий грозно выкрикнул: «Вперёд!», и вновь рванул с места. И на этот раз кавэскадрону удалось пройти вдоль цепи пеших красноармейцев, внести в их ряды панику и выскочить в северной части деревни. Но на этот раз потери были значительней. Окинув взглядом остатки отряда, командир на всякий случай спросил Петра: «Все здесь?». «За два прорыва десять человек потеряли», - ответил тот и опустил голову. А в это время гул боя в деревне стал затихать и удаляться в южном направлении. «Выскочили шевченковцы из окружения. Теперь в Кротово направились», - сделал вывод Василий и немного подумав, сказал: «Домой по северному пути, через Ново-Петрово пойдём. Красные не дадут нам спокойно вернуться по той дороге, по которой сюда пришли».

В Ново-Петрово кавэскадрон ждал неприятный сюрприз. В деревне стояла целая рота стрелкового полка. Но Василий, уже по укоренившейся привычке, перед вступлением в селение провел разведку. После небольшого совещания с помощниками, он решил использовать фактор неожиданности, и не вступая с красными в открытый бой, ночью с шумом и гамом промчатся на махах через всё Ново-Петрово. Но случилось непредвиденное. Как только в южной части деревни загремели винтовочные выстрелы и раздались крики бойцов эскадрона, стрелки красной роты в спешке запрягли подводы и рванули в сторону дер. Истяцкая. Оказалось, что за несколько затяжных боёв с северными повстанцами, они расстреляли все боеприпасы и ждали новых. Так что, боя не получилось, что, естественно, порадовало большесорокинских конников. Отдохнув в деревне до утра, эскадрон на рассвете тронулся дальше. Пройдя версты три на север, он круто повернул на северо-восток в сторону Вершинских юрт, и преодолев за двадцать часов почти сто вёрст сложного маршрута, в полночь следующего дня оказался на территории заимки. А уже поздним вечером следующего дня Василий был у своей любимой и желанной Полины. Чтобы не волновать её юное сердце, он даже не стал рассказывать ей о проведённом в боях и походах времени, в период которого её не навещал. И только тонкое женское чутьё подсказывало девушке, что её возлюбленный за эти три дня смертельно устал. Сразу после того, как они закончили пить чай, заметно стесняясь, она предложила Василию лечь на кровать и отдохнуть. Вначале Губин запротестовал, но взглянув на серьёзное, молящее лицо девушки, согласился. А пока он спал, Полина сидела рядом и с замиранием сердца всматривалась в его черты лица и слушала его мирное дыхание.

О том, чем закончился бой в Малом Кусеряке для Шевченко, Василий и все его соратники узнали через три дня, от его заместителя Букарина, который приехал к ним с посланием от Петра Семёновича. В нём говорилось: «Моя вина в том, что, потеряв бдительность, я допустил внезапное нападение коммунистического отряда и стрелкового батальона на деревню. К сожалению, в этом бою мы потеряли более сотни наших славных соколов, хотя и красных потрепали основательно. Потери могли бы оказаться и больше, но ваша конница сбила красным все планы. Они не ожидали удара с тыла, так как точно знали, что наш боевой полк полностью сосредоточен был в деревне. В настоящее время я стою в районе Аромашево и набираю новых бойцов. Поэтому и вам предлагаю сделать это. Коммунисты, разбив в Ишимском уезде основные воинские силы повстанцев, будут делать всё, чтобы разделаться и с нами. Но мы не должны позволить это им. А для этого необходимо собирать новые отряды и вооружаться. В Ялуторовском уезде повстанцев тоже ещё хватает. Тысячи бойцов по лесам и болотам прячутся. И когда придёт время, то все они из укрытий выйдут. Вот и я, как только восстановлю силу полка, сразу продолжу уничтожение коммунистов и комиссаров. Я раньше их жалел - не расстреливал, а сейчас во мне гнев бушует и мести просит. Так что, не дождётся куманьки и другие глашатаи прекрасной жизни больше от меня пощады. Хотел сам к вам приехать, да вот рана, которую получил в том бою, меня не отпустила. Но ничего. Недельку похвораю и за шашку возьмусь. Набирайтесь силы и ждите моего сигнала. Мы ещё покажем краснопузым, кто в матушке-Сибири хозяин. С боевым приветом - ком. 1-го Народного повстанческого полка Шевченко». «А на словах, он просил добавить, что главному командованию красных войск в Тюменской губернии дано указание сразу после двухнедельной амнистии приступить к ликвидации всех повстанческих отрядов на севере Ишимского и Ялуторовского уездов. Ждите незваных гостей...», - предупредил посыльный.

Объявлять дополнительную мобилизацию большесорокинским командирам не надо было. Почти каждую ночь в распоряжение отряда стали возвращаться бойцы, уходившие ранее домой, и приводить с собой новичков, до этого в сражениях не участвовавших. Вскоре на заимке собрались более трёхсот человек, из которых более сотни прибыли на лошадях. Василий с Петром отобрали себе лучших из них и вновь сформировали два взвода по тридцать кавалеристов. А чтобы подтянуть их военную форму, стали ежедневно проводить с бойцами многочасовые занятия и тренировки. Остальные новобранцы поступили в распоряжение Фадеева и Аверина и тоже были вовлечены в занятия по военному делу. Снова заработали кузница, оружейная и шорная

мастерская. Благодаря занятости бойцов, в лагере прекратились нарушения дисциплины, пьянки и драки.

Спокойная, равномерная жизнь на заимке продолжалась дней двадцать. Но 2 августа поступило тревожное сообщение, что из Кротово в Большое Сорokino переброшен батальон красной армии, которому, якобы, поручено заниматься уничтожением в волости оставшихся повстанцев. В связи с этим на территории лагеря было объявлено военное положение, а на подступах к нему выставлены дополнительные дозорные посты. Однако, после тщательной разведки было установлено, что этот батальон покинул Кротово из-за угрозы быть окружённым шевченковцами. Это известие сняло напряжённость на заимке, но не снизило темпы подготовки к осенним выступлениям. Понимая, что противостояние с коммунистами может продлиться долго, руководство большесорокинских повстанцев стало потихоньку заниматься заготовкой продуктов и укреплением материальной базы хозяйства. Главным на этом участке деятельности был Аверин и достаточно успешно с ним справлялся. Ну, а экспроприацией зерна и фуража занимался Губин со своими помощниками. Получая от местного населения сообщения о перевозке красными зерна на станцию Ишим уже нового урожая, кавалеристы совершали ночные походы и нападали на обозы. Часть зерна отдавали местному населению, а другую доставляли на заимку. Нередко, после таких засад, в лагере появлялись сдавшиеся в плен и пожелавшие служить на стороне повстанцев красноармейцы. Таких за небольшой период времени набралось более тридцати человек. Как подтвердили дальнейшие события, бывшие красноармейцы показали себя с самой лучшей стороны. Они лютой ненавистью ненавидели мракобесов-коммунистов. Вскоре с их лёгкой руки в лагере появились лозунг: «С нами Бог, да здравствует чистая советская власть!» и повстанческий флаг Большесорокинской волости.

17 августа на заимку прибыл заместитель Шевченко Акимов с небольшим отрядом и сообщил о принятом в штабе первого Освободительного полка Народной армии решении - начать в ночь на 20 августа крупномасштабное наступление на сёла и деревни северных волостей. От себя он добавил: «За месяц мы набрали достаточно сил, чтобы напомнить коммунистам, что не только ещё живы, но и способны нанести им сокрушительный удар». В соответствии с планом, Большесорокинскому сводному отряду повстанцев поручалось очистить от красных войск в первую очередь своё село, а затем пройти по деревням и разогнать там сельские советы. Соединиться с основными частями полка он

должен был в деревне Сибиряково, Карасульской волости. Там же намечалось провести совещание командиров всех повстанческих войск Ишимского и Ялуторовского уездов, на котором должен был окончательно решиться вопрос о нападении на Ишим.

К наступлению бойцы готовились с тройной энергией. Привыкшие к постоянному напряжению, за прошедший месяц они немного расслабились. 19 августа, в десять часов вечера сводный отряд в количестве двухсот пятидесяти бойцов, в том числе шестидесяти кавалеристов, вышел в сторону Большого Сорокино. Дойдя до Курмановки, он разделился на две части. Нападать на волостное село планировалось в два часа ночи и сразу с двух сторон.

Операция по захвату Большого Сорокино была проведена успешно и уже к пяти часам утра закончилась. Сопrotивление оказывали преимущественно командиры красноармейцев и местные коммунисты. А сами красноармейцы, упоённые мирной жизнью и не только, пребывали в это время в глубоком сне. Из трёх пулемётов, которые были установлены на чердаках домов, заговорил один и то, только тогда, когда основные силы восставших, прорвавшись в центр села, выковыривали из изб укрывшихся куманьков. Повстанцы с ними не стали церемониться. Подождав несколько минут, после того, как предложили добровольно сдаться, они пошли на штурм. И уже через двадцать минут стрельба затихла. Три командира красной армии и два коммуниста из местной парторганизации были убиты и ещё двое куманьков ранены. Были потери и со стороны повстанцев. Трoих зацепила очередь из пулемёта, а ещё трое погибли во время штурма и захвата коммунистов.

Вскоре на базарной площади стали собираться граждане села. А так как в разгаре были полевые работы, то их было не так много, поэтому и привычного людского ажиотажа на площади почти не наблюдалось. Узнав, что в живых остались два куманька, кто-то из толпы выкрикнул: «Отдайте их нам! Мы сами судить будем этих иродов проклятых». «Так вы же их сразу порубите, как капусту», - ответил Василий. «Не бойся, Василий Иванович, мы их мировым судом покараем», - ответил за всех Мардусин Федот Терентьевич, уважаемый в селе человек. «Ну, раз ты, дядя Федот, просишь, то берите этих краснопёрых. Времени у нас нет, чтобы с ними разбираться», - согласился Василий. «А с красноармейцами что будем делать? Их более двадцати человек набралось», - спросил Пётр. «Как всегда. Кто захочет с нами, тот в строй пусть встаёт, а кто отказывается, с тем пусть граждане села разбираются», - ответил Василий и поискал глазами отца. Иван Васильевич стоял во втором ряду толпы и внимательно

слушал сына. Василий подошёл к нему и спросил: «Как, тятя, себя чувствуешь? Не хвораешь?». «Со здоровьем у меня пока всё в порядке. Да и болеть некогда. Надо свою халупу достраивать, а то не оглянешься, и зима наступит», - ответил отец и поинтересовался: «Зазнобу-то свою всё ещё любишь или уже остыл?». «Люблю, тятя. Очень шибко люблю. Если бы не было этой проклятой войны, то осенью свадьбу бы справили», - ответил сын и грустно улыбнулся. «Ну, тогда ладно, раз так. Может, и вправду у тебя всё по-хорошему сложится», - согласился Губин-старший. «У мамани-то не был? Как она живёт?». «Пока нет. Вот закончу обустроиваться, и пойду за ними», - ответил отец. На этом отец и сын вновь расстались.

Закончив все организационные и хозяйственные дела, сводный отряд разделился на три отделения и двинулся общим фронтом в сторону Ишима. Очистив по пути от коммунистических ячеек и представителей советской власти деревни Александровку, Московку, Воскресенку, Новотроицк, Осиновку, Зорьку, Петровку и Рядовичи, к обеду они все прибыли в Большое Пинигино. Вдобавок ко всему в районе Рядовичей отрядом Фадеева был отбит у красных обоз с зерном и продовольствием, а Пётр со своим отрядом в районе Новотроицка взял в плен десять красноармейцев, успевших убежать во время боя из Большого Сорокино.

В Большом Пинигино эскадрон долго не задержался. Дав бойцам, имеющим здесь родственников, два часа на всё про всё, Василий предупредил их, что впереди ждёт дальняя дорога. Воспользовался этим временем и сам. Как всегда ранее, его встреча с матерью и сёстрами была очень нежной, тёплой, но напряжённой. Особенно тяжело Василий переносил взгляд матери, наполненный слезами тревог и бесконечной материнской любовью. Зная, как мать относится ревниво ко всему, что его окружает, он даже о Полине побоялся ей рассказать. «Не пришло ещё то время, когда я могу ей спокойно объявить о своей любви к чужой для неё девушке», - подумал сын, когда сидел с Евдокией Матвеевной рядом на деревянной предпечной лавке. Чтобы как-то успокоить мать, он произнёс: «Тятя землянку сооружает. Планирует вас попоздней забрать из Большого Пинигино». «Лисафида мне говорила об этом. Она на прошлой неделе ходила в село, проводывала его», - ответила Евдокия Матвеевна и помолчав, добавила: «Свой угол, он и есть свой угол, хоть и в землянке». «Ничё, маманя, закончится эта проклятая война, мы с тятей лучше прежнего дом сварганим. Просторный, светлый и тёплый», - успокоил сын. «Дай Бог, только бы дождаться этого времени», - с грустью в голосе заметила Евдокия Матвеевна.

После расставания с матерью Василий всегда чувствовал себя душевно опустошённым и разбитым физически. Но уже после часа походного состояния, мысли его вновь приходили в порядок и голова начинала напряжённо думать о предстоящих боях. До Сибиряково от Большого Пинигино через деревни Бурлаки и Бутусово предстояло пройти более шестидесяти вёрст. Расстояние небольшое, привычное, но совершенно неизвестное, так как проходило недалеко от желдороги, где сосредоточились огромные войсковые силы красных. Поэтому, перед тем, как войти в очередное селение, разведчики сводного отряда проводили тщательное обследование местности. И только благодаря предпринимаемым мерам предосторожности, поздно вечером Большесорокинский отряд повстанцев вплотную подошёл к деревне Сибиряково и без больших потерь занял её. А уже ближе к утру сюда же подошли и основные силы Освободительного полка во главе с Шевченко.

О дальнейших планах руководства Ишимским северным фронтом Василий и его сподвижники не знали. Поэтому, как только увидели Петра Семёновича, Фадеев обратился к нему с вопросом: «Куда направимся теперь? Силы-то повстанческие вновь скопились немалые. Может, всё-таки пришла пора Ишим освободить от комиссаров, чтобы они воду не мутили?». «Силы немалые, это ты точно подметил. Тысяч девять с Ялуторовскими наберётся. Но вот только единого мнения по поводу дальнейших своих действий опять никак не достигнем с командирами большинства отрядов фронта. Талдычат каждый по-разному. Кто в лес, кто по дрова. Не знаю, что они на совете сегодня скажут...», - ответил командир полка. Посмотрев на Василия, он спросил: «Ты-то как думаешь на этот счёт?». «А что я могу думать? Хоть силы нашего отряда тоже нехилые, но замахнуться на крупное дело мы одни не можем. Если только куманьков по сёлам и деревням погонять, да у продовольственников красных обозы поотбирать», - ответил Губин. «Согласен с тобой. После совета решим, что нам дальше делать и куда податься», - произнёс Шевченко и направился в сторону полевого штаба.

Военный совет собрался в большой избе, принадлежащей зажиточному крестьянину деревни. На него были приглашены почти все командиры северных отрядов Ишимского и Ялуторовского уездов - Шевченко, Казанцев, Данилов, Сикаченко, Букарин, Губин, Фадеев, Вараксин, Кондратов, Кравченко, Фунин, Булашов, Анфильев, Меньшиков, Ефимов, Дорогов, Палкин, Байкалов, Зломанов и Морев, которые выбрали Вараксина - председателем, Данилова - секретарём, и приступили к работе.

Более пяти часов совет заседал, но единого документа так и не выработал. Каждый командир гнул свою политику и призывал к действиям по его сценарию. Вараксин нервничал, громко матерился, но привести в чувство разбушевавшихся командиров отрядов так и не смог. Наконец не выдержал Шевченко. Он ударил своим мощным пудовым кулаком по столу и громко произнёс: «Хватит спорить, граждане командиры! Раз нет между нами согласия и веры друг в друга, то и не об чём нам говорить. Я вижу, многих из вас комиссарская пропаганда уму разуму учит, поэтому вы о своей шкуре так стали рьяно заботиться. Ну что ж, это только куманькам на пользу. Чем быстрее мы развалимся на мелкие отряды, тем легче им будет по одиночке разделаться с нами. Поэтому я в последний раз спрашиваю всех здесь сидящих: «Пойдём на захват Ишима или нет?». Если нет, то и нечего нам воду в ступе толочь. Закончим свой поход и разбежимся по своим домам и норам». На некоторое время в горнице наступила тишина. Первым её нарушил Вараксин: «Ишим нам не взять. Там сейчас стоят войска со всей России. Они ждут-не дождутся нашего наступления, чтобы на улицах и площадях положить всех до единого и по лесам за нами не бегать. Нет, в данный момент мы не готовы драться с военным гарнизоном Ишима. Подождём поздней осени, когда в уезде люди по-настоящему голодать будут. Тогда их не надо будет мобилизовывать в повстанческие отряды, они сами за топоры и вилы вновь схватятся. А сейчас предлагаю разойтись по своим базам и ждать сигнала». Предложение председателя совета обсуждалось недолго. Большинство командиров, готовых к такому повороту разговора, быстро согласились с ним и покинули помещение. Шевченко подошёл к Василию и произнёс: «Я так и знал, что военный совет этим закончится. Но его решение ни в коей мере не касается нас. Предлагаю пеших бойцов вашего сводного отряда отправить на подводах в Большое Сорокино, а тебе с кавэскадром влиться в состав Освободительного полка и двинуться через Аромашево в Кротово. Вместе легче будет куманькам задницы надирать». «Когда выходить из Сибиряково будем?» - с готовностью спросил Василий. «Прямо сегодня. Чо затягивать-то. Иди, отправляй своих пеших бойцов домой и уводи кавэскадрон за деревню, а мы с Сикаченко Иваном попозже к тебе присоединимся», - ответил Шевченко.

Семьдесят с гаком вёрст 1-й освободительный полк и кавалерийский эскадрон преодолели за два дня. Разогнав по дороге представителей советской власти в сёлах и деревнях и вытолкнув с боем за пределы Кротово стрелковый батальон красных, на ночлег большой отряд повстанцев остановился в селе.

Утром, разыскав Василия, Петр Семенович сказал: «Я направил разведчиков на север, до села Чёрного. Там по не проверенным данным, бесчинствуют две роты стрелкового полка красных. Грабят, насилуют, убивают и даже в реке топят бывших партизан, которые домой возвращаются по амнистии. Если это на самом деле так, то их обязательно надо наказать. Поэтому, прошу не торопиться с возвращением домой, а дожждаться разведчиков. Вдруг, помощь твоего эскадрона потребуется». «Можешь смело рассчитывать на неё. Мои бойцы от похода не очень устали и готовы на любое задание», - ответил Василий. «Добре. Тогда добирайтесь до нашей базы, а я съезжу в Малый Кусеряк повидаться с семьёй, да рану подлечить надо, а денька через два к вам приеду», - обрадовался Шевченко.

К обеду 24 августа кавэскадрон сорокинцев и отряд Сикаченко прибыли на остров и расположились на отдых. А весь следующий день бойцы занимались хозяйственными делами: шорничали, стирались, мылись в бане «по-чёрному», подстригали овечьими ножницами отросшие бороды и усы, готовили коней к походу. Лесная глушь и болотная преграда между ней и островом располагали на хорошее мирное настроение и покой. И хоть не очень приятный след оставил на душе бойцов не понятый многими поход на юг, но и это не мешало им радоваться природной идиллией. И даже когда темнело на улице, шум людских голосов долго не стихал. А из шалаша, стоящего посередине острова, раздавалась песня про удалого казака и его прекрасную невесту. «Устали от войны мужики! Им бы сейчас в руки литовки дать да на луг некошенный вывести. Пятки бы друг-другу поотрубили от жажды робить», - подумал Василий и вдруг вспомнил Полину: «Неделю у неё уже не был. Как она одна по хозяйству управляется? Поди, уже картошку надумала копать? Любимая и желанная моя женщина! Может, настанет такой день и час, когда мы окажемся рядом навсегда».

Василий проснулся в предутренний час от пронзительного крика Фильки: «Командир, на остров красные ворвались! Их много! Очень много!». «Как они смогли сюда попасть?! На остров местные-то не знают дорогу! Может, разведчики шевченковские вернулись из Чёрного?» - пронеслось в голове Губина, но услышав стрельбу и человеческие вопли, мгновенно нацепил на себя португалею и побежал к пригону, где находились кони его эскадрона. Здесь же были уже все кавалеристы. Разобрав коней, они вскочили в сёдла и что есть духу помчались в сторону начавшегося боя. Ещё издали Василий заметил высокую фигуру Шевченко и направился к нему. «Чо случилось, Пётр Семёнович? Повстанцы взбунтовались?». «Кто-то предал нас! Красные прорвались с юга! Гони

туда со своим отрядом. Там Сикаченко уже зарубился с ними. А я штабные документы должен спасти». Василий посмотрел на Шевченко, и только сейчас заметил кровь на его толстовке и руке. «Ранен, что ли?». «Дома, в постели меня прихватили. Едва отбился от краснопузых. Но ничего. Я с ними сейчас за всё рассчитаюсь!» - злобно произнёс командир полка повстанцев и повторил: «Лети к Ивану, ему подмога нужна».

Когда кавэскадрон Василия оказался на линии ведения боя, отряд Сикаченко теснил красноармейцев к краю острова, за которым их ждала непролазная болотная топь. Ещё немного напора, и они могли стать лёгкой добычей повстанцев. Но, внезапно, слева и справа из лесистого массива острова вылетели в тыл повстанцев не менее двух сотен красных кавалеристов, которые стали безжалостно рубить их саблями, расстреливать из винтовок и колоть штыками. Василий развернул эскадрон им навстречу и вступил в неравный бой. Его бойцы сражались из-за всех сил и погибали героями. Василий увидел, как от шашки кряжистого красноармейца в кожаной куртке и перепоясанного портупеей, замертво упал на землю Пётр. Он развернул Воронко и бросился в сторону убийцы брата. «Зарублю, гад!» - вырвалось у него из груди. До врага оставалось сажень пять, как мощный удар сзади приподнял Василия в седле, дёрнул вперёд и потеряв сознание, тот стал сползать с седла набок. Почувяв, что хозяин сваливается на землю, Воронко резко остановился. А ещё через некоторое время, рядом с командиром появился Филька и принялся освобождать его ноги от стремян. Губин слабо стонал и что-то пытался сказать. Чтобы лучше услышать слова, верный вестовой наклонился над его лицом, но в это время шальная пуля угодила прямо в висок паренька и он накрыл своим безжизненным телом голову командира.

Неравный бой продолжался несколько часов. Вся территория острова была усыпана поверженными повстанцами, а среди них бегали осиротевшие и испуганные кони. Мало кому посчастливилось в той кровавой бойне остаться живым. Смертельно был ранен и Шевченко. И только несколько бойцов из большесорокинского эскадрона и из отряда Сикаченко, невероятным образом смогли вырваться из окружения и покинуть остров. Повезло и самому Сикаченко. В середине боя под ним была убита лошадь и он в атаку пошёл пешком. Поэтому в прямом столкновении с всадниками красных участия не принимал. А когда осознал, что красноармейцы обложили повстанцев кольцом и хладнокровно убивают их, поймал первого попавшего коня, оставшегося без седока, и вместе с остатками своего отряда бросился в брешь, пробитую

эскадром большеорокинцев. Но даже вырвавшись за пределы острова, повстанцы в безопасности не оказались, кавалерия врагов преследовала их вёрст пятнадцать и методично уничтожала. Не оставляла красная армия в живых и тех раненых, которые лежали на поле боя. Чтобы не тратить на них патроны, красноармейцы и их главный командир Буриченков, рубили саблями и докалывали штыками всех, кто ещё дышал и шевелился. Прошли они и мимо Губина с лежащим на его голове Филькой. Но, по-видимому, решив что оба мертвы, протыкать штыками их тела не стали.

Сознание к Василию стало возвращаться тогда, когда на тёмном небе появились звёзды и на улице похолодало. Не понимая, где он и что с ним, чувствуя на себе тяжесть и не видя ничего, он стал пробовать шевелить пальцами, затем двигать руками. И в это время, вдруг, тело вздрогнуло от боли, и он вновь потерял сознание. Но на этот раз оно восстановилось быстро. Постепенно к Василию стала возвращаться и память. Он вновь попробовал подвигать руками и вновь в левом боку почувствовал адскую боль, но сознание не потерял. «Кто это на мне лежит? Надо вылезти из-под него», - сделал вывод командир и осторожно высвободив правую руку, стал сталкивать с себя чужое тело. Как только, наконец, глаза увидели небо, Василий очередной раз потерял сознание. Возвращение к жизни в третий раз позволило ему перевести дыхание и собраться с мыслью. Всмотревшись в лежащий рядом труп, Василий простонал: «Филька! И тебя убили! Верный ты мой боевой соратник!». Василий правой рукой положил левую на живот и попробовал приподняться, но с первого раза у него ничего не получилось и он вновь распластался на земле. «Неужели всех наших положили? Как же получилось так, что красные смогли незамеченными пройти на остров? Неужели, и правда нас кто-то предал?» - метался он в догадках. «Что же мне делать? Не помирать же здесь как зверю. А где Воронко? Убит или в руки красных попал? Вряд ли. Не так просто его заарканить. Может где-то недалеко от меня бродит», - подумал он в надежде и собрав последние силы, стал высвистывать понятный только Воронко позывной. Шло время, а конь не появлялся. Василий отдохнул и вновь засвистел. Он верил, ему хотелось верить, что его четвероногий боевой товарищ где-то рядом. Прошло ещё какое-то время и случилось малое чудо. Сперва послышалось лошадиное пофыркивание, а затем к хозяину подошёл Воронко и тихо, как-то трогательно, проржал.

«Живой, товарищ ты мой четвероногий! А я вот лежу и встать не могу. Но не век же мне здесь валяться! Надо как-то отсюда выбираться», - заговорил

Василий с конём. Словно поняв, что от него требует хозяин, Воронко подогнул передние ноги, затем задние и распластал своё могучее туловище на земле, рядом с мёртвым Филькой. «Молодец, Воронко! Теперь бы мне только сил найти, чтобы в седло забраться», - продолжал разговаривать Василий сам с собой, одновременно пытаясь подняться на колени, чтобы затем перебраться на спину коня. Далось ему это с очень большим трудом и не сразу. А когда, наконец, очутился в седле, вновь отключилось сознание. Воронко осторожно поднялся, жалобно проржал над Филькой и медленно, словно боясь потревожить седока, тронулся в сторону перешейка, соединяющего остров с лесом.

Полина лежала на кровати и никак не могла уснуть. Слухи о прошедшем страшном бое в болотах за Ново-Берёзовкой мучили её второй день. От страшных предчувствий девушка не находила себе места. Из рук всё валилось, делать ничего не могла, макового зёрнышка в рот за это время не положила. В ушах стояли страшные слова местного старосты Прокофия Матаева: «Перед самым рассветом красные полки хитростью зашли на остров, окружили со всех сторон лагерь и сонных мужиков стали рубить, колоть и в упор расстреливать. Сказывают, никто из повстанцев не уцелел. Только двух баб не тронули. А ещё толкуют, что навёл красных на партизан какой-то цыган, которому они за это предательство добрую лошадь подарили». «А много там народу-то было?» - спросил дядя Полины. «Партизан с полтыщи человек, а красного войска - в три раза больше», - ответил староста. «Все кротовские или из других волостей повстанцы были?» - вырвалось у Полины. Староста внимательно посмотрел на девушку и ответил: «Почё только кротовские? Кусерякские, аромашевские, большесорокинские и готопутовские были. Даже из нашего села человек пять там навечно остались». Полинино сердце тогда ёкнуло, а душа замкнулась. Вот и сейчас, лёжа в кровати, она перебирала в голове все возможные варианты планиды возлюбленного и не один из них её не устраивал. Не хотелось и не могло ей верить в то, что Василия больше никогда рядом не будет. «Завтра утром пойду пешком на этот остров и разыщу его. Может, он лежит там раненый и ждёт помощи, а я здесь вся в догадках теряюсь», - подумала девушка, даже не представляя того, насколько была близка к положению возлюбленного. Приняв решение, она почувствовала какое-то облегчение и стала погружаться в дрему.

Но неожиданно, сквозь дрему, Полина услышала странное пофыркивание за оградой. «Кто там ещё может быть? Может, Васин вестовой?» - пронеслось в голове девушки и она одним махом вспорхнула с кровати, подбежала к окну и

отодвинув шторку, стала внимательно всматриваться в ночную темь. «Так это же Воронко Васеньки! А где он сам? Неужели жив и приехал, как раньше, попроведывать меня?» - подумала девушка и что было прыти побежала на улицу. И только тогда, когда выбежала за ограду и оказалась рядом с Воронко, девушка увидела своего любимого человека, лежавшего на спине коня и жалобно стонавшего. «Васенька, родной, ты ранен? Сейчас я помогу тебе спуститься на землю и отведу домой. Все ранки твои залечу и к жизни возвращу», - тихо щебетала девушка. Но как только она попробовала стянуть Василия с коня, тот, словно куль с зерном, полетел на неё. Чудом устояв на ногах, Полина подхватила Губина под руки и волоком потащила в ограду. Добравшись до крыльца, она перевела дух и продолжила затягивать Василия в избу. Тяжёлое, безвольное тело любимого выматывало из неё последние силы, но она, проявив чудеса упорства, добилась своего и он оказался в горнице. Бросив на пол тулуп, а под голову подушку, Полина в последнем порыве перевалила Василия на эту постель. Немного отдохнув, девушка выбежала на улицу, взяла под уздцы Воронко и увела за пригоны, чтобы коня не было видно с дороги. Вернувшись в избу, она плотно задёрнула занавески на окнах и зажгла керосиновую лампу. «Теперь надо осмотреть его рану. Ведь больше двух суток прошло после боя. Может, уж и гнить начала», - произнесла вслух Полина и стала осторожно разрезать большими ножницами одежду на которой коркой запеклась кровь. Василий порывисто дышал, иногда постанывал, но глаз не открывал. Вдуг до неё донеслось тихое: «Поля! Полинушка, где ты?». «Здесь я, милый, рядом. Сейчас рану твою лечить буду. Ты мой, и я тебя никому не отдам, даже смерти», - ответила девушка, хотя понимала, что Вася её не услышит.

Ран оказалось две. Одна от удара по левому плечу шашкой, а вторая - пулевая. Пуля, пробив правый бок и вырвав кусок мякоти, улетела дальше. «Крови много потерял. А так, раны не смертельны. Сейчас, я их обработаю, положу на них лист подорожника и забинтую потуже. А утром буду другие меры принимать», - рассуждала вслух Полина.

Узнав от вырвавшихся из боя бойцов кавэскадрона, что на острове осталось лежать не меньше тридцати большесорокинцев, включая Губина, Фильку и Петра, Фадеев пришёл в ярость: «Надо было отсоветовать Василию идти с Шевченко в его лагерь! Можно было догадаться, что красные не простят повстанцам поход на юг уезда. У них сейчас воинской силы немерено. Эх Василий, Василий! Голова бедовая!». Немного остыв, он обратился к Аверину: «Степан, надо снарядить подводы и отправить большесорокинских стариков, да

и из других деревень, кто пожелает, в район прошедшего боя. Нельзя на съедение зверям и насекомым разным тела наших бойцов оставлять. Молодых-то красные не пропустят туда, а со стариками воевать не станут». «Согласен с тобой. Сегодня же вечером и поеду в село», - пообещал Степан.

Семь пар лошадей, запряжённых в фургоны рано утром покинули Большое Сорокино и направились в сторону Большого Кусеряка. Старшим обоза был Иван Васильевич, которого весть о гибели сына ввела в грусть и отчаяние. Однако, проезжая через Покровку, он даже своим отцовским сердцем не почувствовал, что в одной из изб селения в бреду мечется тяжелораненый его Василий.

Несмотря на то, что по дороге обоз несколько раз останавливали и досматривали красные разъезды, он ещё засветло прибыл на остров, где, словно призраки, между тел убитых бродили люди и искали своих родных. Жуткая картина, которая предстала большесорокинским старикам, вывела даже их, выдавших виды, из равновесия. Распухшие от жары, обезображенные от ранений, их дети лежали повсюду в такой позе, в какой застала их смерть. Иван Васильевич помогал землякам грузить в фургоны найденных и опознанных бойцов, а сам всё время всматривался в очередного, боясь узнать в нём своего сына. Но шло время, а Василий всё не обнаруживался. Натолкнувшись на убиенного Фильку, Губин-старший охнул. «И даже такого молоденького не пожалели, изверги! А раз ты здесь, то и Василий мой должен где-то рядом быть», - с содроганием подумал Иван Васильевич и с ещё большей активностью продолжил перемещаться по острову. Однако, как бы внимательно и тщательно он ни обследывал территорию лагеря повстанцев, включая кусты тальника, растущего по всему периметру острова и наклонённого над болотиной, сына он так и не нашёл. Уже темнеть стало, а он всё искал его. «Иван, ты собираешься домой возвращаться?» - крикнул ему Долгих Матвей. «Вот только ещё раз поляну оббегу и приду», - ответил Губин-старший и стал нарезать очередные кольца. А остальные старики, уложив в фургоны тела, которые ещё можно было по-человечески похоронить на кладбище и закопав в общую яму уже разложившиеся, стали потихонечку выбираться с острова. Завершив последнюю попытку найти сына, Иван Василичевич быстро зашагал за ними вдогонку. Он даже не знал, что ему делать: радоваться или печалиться. «Может, красные в плен взяли Василия?» - мелькнула дурная мысль в голове Губина-старшего, но он тут же постарался отогнать её от себя: «Не дался бы он им в руки. Уж больно ловкий и везучий. Да и Воронко среди лошадей убитых не было видно. А если Воронко нет, значит и сын живой».

На обратном пути Покровку сорокинцы проезжали затемно. И на этот раз не ёкнуло отцовское сердце, когда проезжал мимо избы Полины. В Большое Сорокино обоз с телами повстанцев прибыл под утро. Несмотря на ранний час, его уже поджидали представители советской власти, которые категорически запретили хоронить бойцов повстанческого отряда на сельском кладбище. Немного повозмущавшись, весь обоз вынужден был покинуть пределы села и окольными путями добираться до заимки.

Сразу по прибытии обоза в лагерь, бойцам, погибшим за право свободно работать на земле и достойно жить, были организованы похороны. Не обнаружив среди убитых своего друга, Фадеев разыскал Ивана Васильевича и спросил: «Василия я что-то не увидел? Пётр и Филька есть, его нет. Может, где в кустах лежит или в болоте утонул?». «Все кусты облазил не на один раз и по болоту шарил глазами. Нет там моего сына. Ума не приложу, где он может быть? Даже грешным делом подумал, что не в плен ли попал? А там с ним долго возиться не будут. Узнают кто такой, и к стенке», - ответил Губин-старший. «Есть одно место, где Василий может быть! Туда он даже полумёртвым доберётся», - воскликнул в догадке Сергей. «Что за место такое? Сказывай, если знаешь», - оживились в надежде глаза Ивана Васильевича. «Рассказывать не буду, но если он там, то уже завтра утром я его привезу сюда», - пообещал Фадеев.

Полина всё утро и весь день боролась за жизнь возлюбленного. Обтирала раны отварами, обкладывала их разными целебными травами, перебинтовывала через каждые два часа, но даже видимого улучшения состояния у Василия не наблюдала. Он стонал, выкрикивал какие-то несвязанные слова, дрожал всем телом и иногда ненадолго забывался. И только ближе к утру следующего дня Губин-младший впервые открыл глаза и увидел сидящую рядом Полину. Вначале он принял это за сновидение и тяжело вздохнул. Этот вздох услышала девушка и тут же вскрикнула: «Васенька, наконец-то, ты очнулся!». Губин-младший хотел было рукой дотянуться до лица девушки, но острая боль пронзила всё тело. «Лежи спокойно и не шевелись. У тебя две тяжёлые раны на теле. Лучше я к тебе поближе сяду», - предупредила девушка. От страшной боли в правой руке у Василия помутилось сознание, он вновь впал в забытие. Очнулся Губин-младший от полупшепота, который раздавался из сеней. «Чей это жеребец стоит у тебя за пригоном? Ты чо, девка, никак бандита пригрела? Красные узнают про это, так не только тебя кнутами отхлещут, но и мне достанется», - говорил мужской голос. «Дядя, за этого бандита я не только плети выдюжу, но и смерть спокойно приму. Израненый он сильно. Без помощи ему

никак нельзя оставаться», - ответил женский. Прислушавшись, он узал только голос Полины, а второй, мужской, ему был почти не знаком. «Ну, смотри, племянница, как бы ты имя брата перед новой властью не опорочила. Куманьки не посмотрят, что ты родная сестра красного командира, героически павшего в боях за советскую власть», - предупредил мужской голос и послышался скрип входных дверей. Полина вернулась в комнату, где на полу лежал Василий и присела с ним рядом. «Прав твой дядя. Красные тебя не пожалеют за меня», - прохрипел едва слышный голос Василия. «Васенька, как ты себя чувствуешь? Давно проснулся?» - прозвучал нежный и чистый, как ручей, голос девушки. «Нет, недавно. А сколько времени, Полинushка, я у тебя нахожусь?» - спросил Василий. «Второй день заканчивается. Вчера под утро Воронко тебя ко мне привёз. Плохой ты был, шибко плохой. Думала, что долго глаза не откроешь, а ты вот уже какой говорливый стал», - ответила Полина и ласково погладила по голове Василия. «Выбираться мне из твоей избы, родная, надо. Если меня красные здесь найдут, то и тебя заодно со мной в каталажку заберут и судить будут». «Куда тебе в таком состоянии выбираться от меня? Ты ведь даже на ногах стоять не сможешь», - возразила Полина. «А вы мне с дядей подсобите на Воронко взобраться, а на нём уж усижу как-нибудь», - болезненно улыбнулся Губин-младший. Полина хотела было что-то ещё сказать, но в это время в избы вбежал её дядя и почти выкрикнул: «Отряд красных в Преображенку вошёл. Скоро у нас будет. Красноармейцы рыщут по всем домам и ищут бандитов, а заодно барахлишко и продукты забирают. Полное беззаконие вершат. Чо будем делать-то с твоим гостем незванным?» - спросил он. Выслушав дядю до конца, Полина спокойно ответила: «Повесь на входную дверь моей избы замок и запири его на ключ. А если спросят, где я, ответь, что ещё вчера отправилась в город по делам, связанным с гибелью брата». «А жеребца куда девать? На него красноармейцы враз глаз положат! Может, его за огороды в лес отвести и привязать к берёзе?» - спросил дядя. «Не надо его куда-то отводить. Только отвяжите от привязи, а он уж просто так в чужие руки ни за что не дастся», - вмешался в разговор Василий. «Ну, ладно. Пойду я. А то не оглянешься, красные в наше село войдут. До Преображенки-то здесь рукой подать», - высказался дядя и быстро вышел из избы. Затолкнув в петлю ухо замка и заперев его, он положил ключ под ступеньку крыльца и пошёл к жеребцу. Воронко вначале чуть не сбил незнакомца грудью, но поняв, что этому человеку он не нужен, спокойно дождался, когда тот отвяжет поводья от жерди.

Через пару часов, как и предупреждал дядя Полины, красные появились в Покровке и начали обыск дворов сразу с обеих сторон. У избы Полины они

уже были в первые минуты своего пребывания в селе. Увидев, что два красноармейца вошли во двор племянницы, дядя поспешил к ним навстречу через боковую калитку. «Здравствуйте, товарищи солдаты. Вы, поди, к моей племяннице по линии уездного комиссариата прибыли? Так её нет дома. Она ещё намерена в город пешком направилась», - любезно сообщил он. «Да нет, не из комиссариата мы, а ищем бандитов недобитых, которые с Козлячьего острова успели убежать. А зачем ваша племянница в город в комиссариат отправилась?» - поинтересовался один из красноармейцев. «Так узнать, почему ей пособие никак не пришлют за убитого ещё весной бандитами брата. Племянство мой, Пироженко Фёдор Степанович, рассказывают, большим военачальником был в Красной Армии. Не слыхали про такого?» - спросил дядя у бойцов. «Как же, слыхивали. Мой товарищ в его взводе служил. Боевой, говорят, командир был», - отозвался один из красноармейцев. «Так он и в детстве никому спуска не давал», - разоткровенничался дядя. «Ну, ладно. Коли дома хозяйки нет, то и делать нам здесь нечего. А ты, как я вижу, по-соседству с племянницей живёшь. Может самогончой или ещё чем угостишь?» - расплылся в улыбке один из бойцов красной армии. «Найду и самогончки, и закуски к ней. Пойдёмте за мной вот через эту калиточку», - пригласил дядя и бойцы с большой охотой последовали за ним. И уже попутно, он проронил: «Их мать моей родной сестрой была. Приходилось постоянно ей помогать, после того, как её мужа забрали на ерманскую, с которой он так и не вернулся. Да и она недавно померла от болезни тяжёлой».

Из села красные ушли уже к вечеру. Бандитов, конечно, они не обнаружили, зато всё что на глаза попало, забрали себе. Ропот недовольства прокатился по Покровке, но открытого выступления со стороны граждан не последовало. Как только угроза миновала, дядя Полина открыл дверь и из сеней громко крикнул: «Пронесло, слава Богу. Ушел из Покровки отряд мародёров». Полина выглянула из горницы и произнесла: «Спасибо, дядя, за то, что спас нас. Видно хорошо ты солдатиков угощал, раз они у тебя в избе не меньше часа были». «Да уж пришлось раздобираться. Зато они из дома и амбара ничего не взяли», - объяснил он племяннице свою тактику.

Как только на улице стемнело, Василий впервые за последние трое суток заснул крепким сном. Поэтому, он даже не слышал, как к ограде полининного дома подъехал фургон, из которого выскочил Сергей Фадеев. Но посторонний шум услышала Полина и сильно встревожилась: «Кого это ночью ко мне принесло? Может, случайно кто завернул?». Услышав осторожный стук в оконное

стекло, она открыла занавеску и тихо спросила: «Кто вам нужен?». «Я разыскиваю своего друга, Губина Василия, которого ранили в бою на острове за Ново-Берёзовкой. Там мы всё обыскали, но не нашли его. Вот я и подумал, что может он до вас добрался», - сказал Сергей. «Проходи в избу, я сейчас отопру», - пригласила Полина и вышла в сенки. «Так Василий у вас или нет?» - спросил Фадеев, как только оказался в избе. «А почему ты подумал, что твой друг может быть у меня?» - не ответила на прямой вопрос Сергея Полина. «Однажды, ещё в июле, мы проходили по вашему селу и у твоей избы Василий откололся от отряда и велел нам идти дальше. Позже Филька мне рассказал, у кого командир был. А теперь и Фильки не стало», - объяснил Фадеев. «В горнице спит Вася. Сильно ослаб он от ран. Первый раз так крепко заснул. А то в бреду всё метался», - пояснила Полина и спросила: «Забирать с собой собрался?». «Другого выхода у меня нет. Если его найдут здесь, то и вас не пожалеют. Василия давно куманьки мечтают выловить и расстрелять», - признался Сергей. «Вам не довести его до дома. Он ещё очень слаб и требует постоянного присмотра», - засопровтивлялась Полина. «Ничего, как-нибудь потихонечку до лагеря доведу, а там фельдшер за него возьмётся», - успокоил Сергей. Девушка посмотрела на него пытливым взглядом и решительно заявила: «Тогда и я с ним поеду. Помогать буду фельдшеру ухаживать за Васенькой». «Я не возражаю. Вот только бы кто помог его до фургона донести и на сено положить». «Сейчас я за дядей сбегая, а ты загоняй пока фургон на двор к крыльцу. Всё ближе нести будет», - скомандовала Полина.

Когда Василий проснулся и узнал, что за ним прибыл Сергей, он очень обрадовался. Но как только друг детства сказал что и Полина собирается сопровождать его в дороге, немного расстроился. «Зачем, Полинуска, ты приняла такое решение? Я бы немного поправился и сам к тебе приехал», - нежным голосом сказал раненый. «Ты не беспокойся, обузой в вашем лагере не стану. Я всё буду делать, что меня фельдшер попросит. Рядом со мной ты быстрее выздоровеешь и станешь прежним командиром», - улыбнулась девушка.

Раненого потащили на улицу прямо на тулупе. Как смогли, осторожно положили его на толстую подушку душистого сена и с облегчением выдохнули. «Тяжёл больно твой ухажёр. Чуть все жилы на руках не оборвались», - пробурчал дядя. «Сильный Вася мой. Вот поставлю его на ноги, тогда к тебе приедем помогать землю пахать», - улыбнулась Полина и добавила: «Ты уж присмотри здесь за моим немудреным хозяйством». «Поезжай. Никуда не денутся твои три курицы. Все яйца, которые они снесут, в корзину складывать буду. Вер-

нёшься домой, так хоть поесть что будет», - пообещал дядя и тут же спохватился: «А жеребца-то забирать будете?». «Воронко?!» - удивился Сергей. «Не знаю, как его кличут, но дюже красивый», - уточнил дядя и пошёл за пригон.

Привязав Воронко за повод сзади фургона, Фадеев выехал со двора на Кротовский тракт. Попрощавшись с дядей, вскоре к нему присоединилась и Полина.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слух о том, что Фадеев привёз на заимку Губина-младшего быстро облетел лагерь повстанцев и бойцы потянулись на фельдшерский пункт, чтобы с ним повидаться. Но строгий доктор и неприступная Полина до поры до времени не позволяли никому даже глазом на него взглянуть. С первого момента, как только фельдшер увидел Василия, он сделал неутешительный вывод, что не только здоровье, но и жизнь его подвержена опасности. Поэтому, он с большой осторожностью давал ответы на вопросы соратников больного по поводу его состояния и перспектив выздоровления. Рассчитывал фельдшер только на молодой, могучий организм и жизнелюбие пациента. Ну, а присутствие рядом с больным Полины являлось самым эффективным лекарством для выздоровления Василия. Единственным человеком, которому Полина позволяла видаться с её любимым, был его отец - Иван Васильевич. Они даже подружились на почве любви к одному и тому же человеку. И когда Василий стал идти на поправку, Губин-старший подошёл к Полине и сказал: «Я рад, что сын облюбывал такую девушку, как ты. Теперь могу быть спокоен, что он обязательно выздоровит. Поэтому, сегодня я ухожу из отряда в село и продолжу достраивать землянку. Уже холода скоро наступят, а мне старуху с дочерьми некуда приютить. Василию передай, чтобы он не беспокоился за нас, а себя берег».

Больше сорока дней Губин-младший восстанавливался после тяжёлых ранений. И все эти дни с ним рядом была Полина. В начале октября он перебрался вместе с девушкой из фельдшерского пункта в небольшую отдельную комнату, оборудованную бойцами по приказу Фадеева в одном из тёплых амбаров. Рубцы от ран стали постепенно затягиваться, но левая рука по-прежнему слушалась хозяина плохо. Чтобы этот недостаток исправить, Губин-младший стал ежедневно заниматься физической работой: колот дрова, таскал в деревянных бадьях из колодца воду, упражнялся с саблей и раскладывал по сенику

лошадям корм. К середине октября его вновь потянуло в строй. Полина видела, с какой завистью Василий смотрел на своих бойцов, уходящих в очередной раз на дело и понимала, что скоро он и сам с ними уйдёт в какую-нибудь из ночей. «Только бы живым оставался. Я так его люблю, что готова жизнь свою за него отдать», - мысленно разговаривала девушка с собой.

После гибели Шевченко и огромных потерь личного состава, 1-й освободительный полк повстанческой армии разделился на несколько отрядов. Самым крупным командовал Сикаченко, вырвавшийся в последнюю минуту из кольца красных на Козлячем острове, а остальными помельче - Юриков, Шарапов и Акимов. Уже через пять дней после разгрома на острове Плита, бойцы Большесорокинской и Готопутовской волостей, под командованием Шарапова, стали совершать набеги на близлежащие селения и деревни, захватывая обозы с зерном и другим имуществом и разгоняя сельские советы, а там, где встречали упорное сопротивление - расстреливали коммунистов. Такой же тактики ведения борьбы с куманьками придерживались и другие отряды. Это очень сильно пугало представителей советской власти на местах и раздражало высшее военное руководство Сибири, но одним махом уничтожить всех повстанцев они не могли. В сентябре и в начале октября из-за повсеместного голода, свирепствующей эпидемии холеры и постоянного притеснения крестьянства со стороны советских карательных органов, ряды повстанческих отрядов стали вновь пополняться. Особенно большой наплыв был со стороны бывших красноармейцев, которые, прийдя после демобилизации домой, заставали свои хозяйства полностью разрушенными, а семьи болеющими и голодающими. Их гнев и ненависть к коммунистам были во сто крат сильнее, чем у простого крестьянина. И если до прихода бывших красноармейцев в отряд, с захваченными в плен красными командирами, коммунистами и комиссарами повстанцы в основном обходились гуманно, то после их прихода ни один коммунист, комиссар и командир и даже их семьи живыми не оставались. Ярость, граничащая с безумием, навсегда вселилась в души этих людей.

Ближе к середине октября, Шарапов решил провести очередной рейд по северной части Ишимского уезда. Узнав об этом Василий категорически заявил: «Я обязательно в нём должен участвовать». «Может, рано тебе ещё такие нагрузки на себя взваливать?» - неуверенно спросил Сергей. «Нет, не рано. Я буду отсиживаться здесь на заимке, а коммунисты мою землю будут топтать своими погаными ногами. В походе быстрее выздоровлю, чем в покое семейном», - ответил Губин-младший.

После безвозвратных потерь в бою на острове, набрать опытных кавалеристов на эскадрон было невозможно. Поэтому, Василий сформировал только каввзвод из двадцати пяти бойцов, и стал с ними заниматься ускоренной военной подготовкой.

Первый набег, в котором участвовал Губин-младший, отряд совершил 15 октября на Готопутово. Село было занято почти без боя. Почувствовав, что силы повстанцев гораздо мощнее чем у них, красные командиры решили не рисковать личным составом и после пятиминутной перестрелки отступили в сторону Викулово. Преследовать куманьков мужики не стали, а разграбив ссыпункт, кооперацию и нагнав страху на местную интеллигенцию, вернулись на базу. Уже на заимке, Шарапов собрал командиров и объявил: «В соответствии с договорённостью с Юриковым и Акимовым, 19 октября мы должны занять Преображенку, соединиться с ними там, затем пойти на Большое Сорокино. А с юга уезда в нашу сторону направится Сикаченко со своим войском. Таким образом, за несколько дней мы должны будем перетряхнуть с десятков волостей и хоть на несколько дней, да дать гражданам этих сёл небольшой отдых от комиссаров». «Есть уверенность в том, что красные нас не опередят и не нанесут первыми удар?» - спросил Василий. «Уверенности нет, но надежда есть. Главное, чтобы наши бойцы не стали выпрягаться. Красные всю мощь бросили на агитационную работу. Все волостные центры завалили своими воззваниями и приказами», - ответил Шарапов. «Нам бы только до весны продержаться. А там всё население Сибири на дыбы поднимется. Голод - не тётка, от него и умереть можно. Ноне и поля-то из-за войны только наполовину были засеяны и урожай уродился плохой», - высказался Аверин. «Согласен с тобой, Степан. Голодный бунт граждан Сибири поопасней для коммунистов будет, чем сегодняшнее наше выступление», - поддержал Фадеев.

Как и намечалось, Преображенку сводный отряд занял 19 октября на рассвете. Бой был коротким, но повлёкший значительные потери с обеих сторон. Разгорячённые сражением и огорчённые гибелью товарищей, повстанцы не помиловали никого из сторонников советской власти, которые не успели покинуть село. Не оставили они без внимания и ссыпной пункт с общественными амбарами. Ближе к вечеру к ним присоединились небольшие отряды Юрикова и Акимова. После короткого совещания объединённые отряды двинулись в сторону Большого Сорокино, до которого было чуть больше двадцати вёрст.

Родное село многих бойцов из отряда было решено атаковать после полуночи. По данным разведки в Большом Сорокино стояла рота 258-го стрелково-

го полка Красной Армии, которая издевалась, мародёрствовала и насильничала над местными гражданами. Даже руководители волревкома жаловались уездному начальству на бесчинства роты, но те не принимали никаких мер. Поэтому, с самого начала командиры повстанческих отрядов решили брать село показательно - жёстко, чтобы не было повадно другим куманькам поступать так с гражданами. Не доходя версты три до села, объединённый отряд разделился на три группы, которые стали выдвигаться на свои позиции. Ровно в час ночи повстанцы начали сжимать кольцо вокруг Большого Сорокино. А уже через полчаса прогремели первые оружейные выстрелы. С каждой минутой бой разгорался всё сильнее и сильнее. С чердаков общественного дома и приходской школы два пулемёта без устали выплёвывали язычки огня и прошивали пулями ночную темноту. Но Василий и его бойцы ещё с детства хорошо знали все местные улочки и закоулки, где можно было укрыться от шальных пуль, и как подобраться незамеченными к пулемётам, чтобы заставить их замолчать. Не прошло и часа активной фазы боя, как прекратили стрельбу оба пулемёта, а затем снизилась и интенсивность оружейной пальбы. Послышался боевой клич: «В атаку!!!», а за ним дружное и громкое: «Ура!!!». Василий вскочил на Воронко, оголил шашку и рванул вместе со своим каввзводом вперёд, добавив свои голоса в общий боевой гул.

Развращённые властью над покорными гражданами и потерявшие боевую бдительность от спокойной, сытой жизни, командир роты, комиссар и красноармейцы дрогнули, испугались и стали разбегаться в разные стороны села. Но многим скрыться не удалось. Конники повстанцев догоняли их, рубили шашками, расстреливали и сбивали с ног. И даже тех, кто поворачивался к ним лицом и поднимал руки, в живых не оставляли. Месть и ненависть правили боем, а не примирение и прощение. Не отставал от своих бойцов в жестокости и Василий. Убивал за Петра, за Степана Субботина, за сёстер своих и родителей и за всех других людей, которые были дороги его сердцу и которых погубила красная сатанинская идея.

В общей сложности бой шёл часов семь. Сразу после последних выстрелов, командиры подвели итоги кровопролития. Более тридцати красноармейских тел, собранных на территории села, были сложены в ряд на базарной площади для общего обозрения. Не обошлось без потери и среди повстанцев. Погибли два кавалериста родом из Готопутово и трое пеших бойцов из Крутихи. Их всех решено было отправить домой к родственникам.

Проведя организационные мероприятия, отряд повстанцев двинулся в сторону Викулово, которое занял ночью почти без боя. В это же время из Бутусово в сторону Большого Сорокино пробирался Сикаченко. В его отряде насчитывалось не менее пятиста бойцов, в составе которых была сотня кавалеристов. Заняв без особых трудностей Песьяново, Казанку, Ново-Ивановку, Городище, Рядовичи и Большое Пинигино, отряд сделал привал. Отношение к повстанцам, несмотря на жёсткие меры со стороны красных властей, у местных граждан в основном было лояльное. Тем более, что многие из деревенских мужиков длительное время находились в волостной дружине. Поэтому, они не только окружили отряд заботой, но и помогли, кто чем мог. Простояв в Большом Пинигино сутки, Сикаченко вышел в сторону Большого Сорокино.

Поздно вечером 23 октября командиры повстанческих отрядов провели военное совещание под председательством Сикаченко Ивана Лукьяновича, на котором рассматривался вопрос о походе на Аромашево, в предместьях которого их уже поджидали отряды Вараксина и Богданова. «Наша с вами задача, не заходя ни в одно селение, завтра вечером прибыть в Чигарёво и ждать условного сигнала от Вараксина о начале штурма села. Поэтому, на отдых перед походом у нас всего одна ночь. Проведите разъяснительную работу среди своих бойцов и предупредите о возможном тяжёлом сражении с красными войсками, которых в районе Аромашево скопилось не меньше четырёх полков. Если кто из бойцов не захочет с нами идти, неволишь не надо. В бою такой может создать только панику», - дал указание командир 1-ого Освободительного полка повстанческой армии.

За восемьдесят вёрст, что преодолел полуторатысячный отряд повстанцев, он не встретил ни преграды, ни заслона. С одной стороны это радовало Василия, с другой - напрягало. «Складывается такое впечатление, что куманьки нас специально втаскивают на эту территорию, чтобы затем напасть со всех сторон», - высказал он своё мнение Шарапову. «Ты чо такой пуганый стал? Сикаченко постоянно ведёт боковую, фронттовую и тыловую разведку, а от неё пока никаких тревожных сигналов не поступало. Не под силу краснопузым в такую осеннюю распутицу нас в кольцо зажать. Для этого необходимо всех красноармейцев на коней посадить, а где их столько взять», - успокоил Иван. «Может, и так, но всё равно на душе как-то неуютно. Хуже нет, чем ждать и догонять», - не согласился Василий. «Хуже нет того, как убежать от врага, а не догонять его», - улыбнулся в усы Шарапов.

Чутьё Губина-младшего не подвело. Как только по отрядам прошёл приказ: «Приготовиться к атаке!», в сторону скопления основных боевых сил кавалерии полетели снаряды, выпущенные красной артиллерией, которые за первые десять минут нанесли огромный урон в человеческой силе. Не обошлось без жертв и в Большесорокинском каввзводе. Наповал было убито пять человек и ещё пятерых ранило. С большим трудом Василий успел вывести остатки своих бойцов из полосы массированного обстрела. На какой-то период артиллерия замолчала и повстанцы ринулись в бой. Но, как только за задами огородов они высыпали на поскотины, в работу вступили десятка полтора пулемётов и несколько автоматических ружей. И хоть тёмная осенняя ночь прикрывала передвижение повстанцев, шальные пули то и дело достигали цели. Вокруг царил хаос и неразбериха. Огромные толпы повстанцев только мешали друг другу, а порой по ошибке и попадали друг в друга, паля из оружия наобум. Вскоре было потеряно и организационное взаимодействие между отрядами. Командир полка, утратив связь с другими командирами, никак не мог определиться с рисунком боя. А кругом гремело, свистело, трещало и ухало. Последней каплей, перевесившей итог ночного боя в пользу красных, стала конница, находившаяся до поры до времени в засаде в самом Аромашеве. Две сотни строевых коней грудью сбивали попадавших на их пути пешеходов и мчались дальше. И даже ворвавшиеся в их ряды кавалеристы повстанцев не смогли надолго остановить эту силу. Но зато этого времени хватило для того, чтобы большая часть оставшихся в живых бойцов успела покинуть поле боя и под покровом ночи, спрятаться в близлежащих лесах от озверевших красноармейцев.

Окончательно стрельба закончилась уже тогда, когда рассвело и солнце открыло людям глаза на то, что они сделали друг с другом. Сотни безжизненных тел лежали на всех прилегающих к селу полянах и на окраинах улицы. Комбриг Красной армии Буриченко с нескрываемой усмешкой посмотрел на горы трупов и громко произнёс: «Собакам - собачья смерть!». И чуть позже добавил: «После этого боя можно считать, что с бандитизмом в Ишимском уезде покончено. А оставшихся в живых мы выловим в самое ближайшее время».

Столь позорное поражение от куманьков Василий и все оставшиеся в живых бойцы переживали очень тяжело. Ещё не до конца определившись с потерями, они вынуждены были уносить ноги подальше от Аромашево. Кто-то их догнал по пути, а кто-то присоединился только на следующий день уже в Большом Сорокино. В отряде не оказалось и Шарапова, но зато к нему прибилась

Юриков со своими конниками, который до этого боя был помощником Вараксина и действовал в основном на территории Юргинской волости. Несмотря на сокрушительный разгром, Василию на этот раз повезло. Остался в живых и Фадеев. Но произошедшее сражение дало им обоим почву для невесёлых размышлений. «Теперь командование Красной армии особой передышки нам не даст. Будут по пятам за нами гоняться, пока не уничтожат до единого», - сделал вывод Сергей и посмотрел на друга. Тот ничего не ответил, но подумал: «Скоро куманьки и до нашей заимки доберутся. Надо бы Полину оттуда на время в Покровку отправить. Там её вряд ли кто тронет. Как-никак, родная сестра красного командира».

После того, как 21 октября из Большого Сорокино повстанцы выбили роту стрелкового полка, красные попыток восстановить свою власть в волости не делали до конца месяца. Оказавшись в родном селе, Василий первым делом навестил своих родителей, которые к этому времени уже перебрались в бревенчатую землянку и потихоньку обживались. Дочерей с ними не было, так как Семён Матвеевич был решительно против их переезда в Большое Сорокино. «Ещё чо придумали, девчушек в землянку загнать. Чтобы захворали какой-нибудь заразой и померли. Нет, уж вы как хотите, а племянниц я с вами не отпущу. Кусок хлеба и место, где поспать, им всегда в моём доме найдётся. Да и помощницы они проворные», - категорически заявил он.

Встреча сына с матерью как всегда была душевно-трогательной, тёплой, но тяжёлой в моральном отношении. Евдокия Матвеевна не видела своего любимца с конца лета и долго не знала о том, что он был тяжело ранен. Об этом ей рассказал Иван Васильевич, когда в середине октября пришёл за ней в Большое Пинигино. Даже Семён Матвеевич, привёзший домой тело погибшего в бою Петра, побоялся сказать сестре о том, что Василий пропал без вести. А когда Евдокия Матвеевна спросила его о сыне, он выдержал паузу и ответил: «Говорят, что Василий с небольшим отрядом на север подался. Будем надеяться, что ничего с ним не случится». Поэтому, узнав от мужа, что хотя Вася был и ранен, но живой, она несказанно обрадовалась. И вот теперь, увидав сына воочию, Евдокия Матвеевна не сводила с него своего материнского взгляда. Немного успокоившись, она неожиданно спросила: «Отец рассказывал, что тебя твоя невеста выходила. Хвалил больно её. А когда хоть я её увижу?». «Скоро, мама. Вот красных выгоним из уезда и я обязательно познакомлю тебя с Полиной», - ответил Василий и грустно улыбнулся. «Не справитесь вам с антихристом проклятым. Он как змей Горыныч. Ему одну голову обрубаете, а у него

на этом месте две вырастают», - произнесла Евдокия Матвеевна и в её глазах появились слёзы. «Не плачьте, мама. Такая уж видно планида мне досталась - сражаться с этим змеем за правду, свободу и за обездоленных граждан до конца. А на войне, как на войне. Кто победит - тот герой. Кто погибнет - тот побеждённый. Но побеждённым оказаться я не хочу», - твёрдым голосом ответил Василий. Уже прощаясь с родителями, Василий обратился к отцу с просьбой: «Тятя, скоро красные начнут нас разыскивать по всем болотам и урманам, поэтому прошу тебя, съезди на заимку, забери от туда Полину и отвези в Покровку. Там у неё есть своя изба, в которой ей будет намного безопасней. Скажи, что это я так велел сделать. А я, при первой же возможности, навещу её».

В Большом Сорокино повстанцы квартировали три дня. Согласно решению полевых командиров, главным воинским начальником сводного отряда был избран Юриков, как более опытный и знающий обстановку в уезде человек. Общая численность сводного отряда к этому времени составляла чуть больше двухсот человек, тридцать из которых были бойцы каввзвода Губина-младшего. Чтобы, в случае нападения красных войск на село, не подставлять граждан под удар, было решено отвести сводный отряд в деревню Одину, что в версте на восток от Большого Сорокино и создать там укрепзаслон. Но не успели обустроиться, как разведчики доложили, что со стороны Ишима идёт большое военное подразделение красной армии, у которого на вооружении есть с десяток пулемётов и даже одно тяжёлое орудие. «Где красные сейчас находятся?» - спросил Юриков старшего. «В пяти верстах отсюда», - ответил коротко тот. «Может, почешем им задницы?» - спросил Юриков и посмотрел на остальных командиров. «В том месте шибко топко. Пусть ещё версты две пройдут», - отреагировал Фадеев. «Пока мы к их заду пристраиваться будем, они как раз и пройдут ещё две версты», - сказал Василий. После короткой перепалки верх взяло предложение Юрикова.

Манёвр по обходу противника прошёл незамеченным, поэтому и нанесённый удар по их тылу оказался неожиданным и очень болезненным. Сначала из-за укрытий повстанцы произвели по красноармейцам плотный залповый огонь из всего имеющегося стрелкового оружия, а затем каввзвод Василия ворвался в задние ряды пехоты. Нанеся значительные потери в живой силе красных, они дружно скрылись за мелким густым кустарником, росшим вдоль тракта. Оправившись от первой растерянности, красные командиры быстро стали отдавать команды об открытии огня, но было уже поздно. Летящие вдогонку повстанцам шальные пули из пулемётов, винтовок и револьверов, осо-

бого вреда им не нанесли. Хотя без потерь и не обошлось. Обогнув Большое Сорокино с восточной стороны, повстанцы взяли курс на заимку. А красные отряды приступили к наведению внутренней дисциплины и сбору тел погибших и раненых однополчан, которых оказалось не менее двадцати человек.

Удачно завершившийся для сводного отряда бой, заметно поднял настроение у рядовых бойцов и веру в то, что ещё не всё потеряно в борьбе за мужицкую власть в их уезде. Но Василий и Сергей явно понимали, что полный разгром восставших мужиков уже не за горами. Поэтому, прибыв на заимку и узнав, что отец увёз Полину в Покровку, Губин-младший даже обрадовался. С того самого момента, когда он увидел эту девушку, жизнь и безопасность Полины для него стала главной заботой.

Некоторое время из-за проливных дождей повстанцы вынуждены были отсиживаться на заимке и заниматься хозяйственными делами. Но как только распогодилось, было решено вновь приступить к набегам на волостные центры и другие селенья с целью заготовки продуктов питания на зиму для своего отряда, а так же проведения устрашающих акций в отношении коммунистов, советских служащих и их семей. Во время первого рейда решено было нанести визит восточным волостям - Викуловской и Готопутовской. Поэтому, рано утром 13 ноября из военного лагеря вышел лишь отряд из сорока бойцов-кавалеристов, включая взвод Губина. Аверин, Фадеев и ещё около пятидесяти человек остались на заимке и продолжили заниматься подготовкой к предстоящей зимовке. Прощаясь с другом, Фадеев, как бы между прочим, напутствовал: «Ты там сдерживай Юрикова от жестокости. Он человек пришлый, а нам на этой земле жить ещё придётся». «Всё пройдёт нормально, не беспокойтесь за нас», - успокоил Василий и на этом они расстались.

Повстанцам с самого начала сопутствовала удача. Готопутово они заняли без единого выстрела, а в деревне Усельнино, при оказании сопротивления, был убит член сельревкома и захвачен обоз с зерном, маслом, шерстью и яйцами. Завернув со всем этим добром на Знаменщиковское озеро, отряд сделал небольшую передышку. Вечером следующего дня, отправив обоз и трёх бойцов для его охраны в сторону заимки, он продолжил свой рейд. Разогнали работников сельсовета в Чуртане и Чебаклее, и отдав на откуп граждан этих сёл местные ссыпункты и общественные амбары, пошли по тракту на Викулово. Естественно, командиры хорошо понимали, что в случае захвата большого села, задержаться в нём надолго им не удастся, так как в любое время туда могут нагрянуть усиленные отряды красной армии. Но до захвата Викулово дело

не дошло. Неожиданно для повстанцев, уже за версту до села их встретило хорошо вооружённое воинское подразделение красноармейцев и завязался двухчасовой бой. Осознав, что исполнение плана по нападению на Викулово не состоится, посоветовавшись, командиры решили отступить в сторону Черемшанки, до которой было вёрст двадцать. Забрав несколько раненых и троих убитых бойцов, сводный отряд стал в спешке покидать боевые позиции.

А в это же самое время на заимке и прилегающей к ней территории шёл жестокий бой между ротой стрелкового полка Красной армии и оставшимися в военном лагере повстанцами. Бой был неравным и потому очень кровопролитным. Обнаружив, благодаря предательству одного из жителей Тиханихи, место расположения основной базы повстанцев, и изучив местность, прилегающую к заимке, красные разведчики обо всём этом подробно доложили своим командирам и те приняли решение - немедленно приступить к уничтожению логова врагов советской власти. Всю ночь на болоте среди глухого леса раздавались оружейные выстрелы и нечеловеческие крики. И только тогда, когда рассвело и на территории лагеря не осталось ни одного живого бойца Народной Армии, стрельба прекратилась. Убиты были все, даже те, кто не мог сопротивляться. Колмакова Анна и её малолетние дети оказались поверженными наповал пулемётными пулями и доколотые штыками. Нашёл своё последнее пристанище на острове и волостной доктор, так много вернувший к жизни раненых бойцов. Среди убитых лежали и лучшие друзья Василия, с которыми он за короткий жизненный путь познал детские радости и прошёл все лишения и испытания - Аверин Степан и Фадеев Сергей. Только чудом удалось вырваться из окружения трём бойцам, которые укрылись в восточной болотистой части острова в высоком камыше. Они-то и рассказали вернувшимся из похода командирам, о происходивших на заимке событиях. Завершив кровавую расправу, сразу после боя красные подожгли на острове все деревянные здания и постройки.

Когда возвращающийся на военную базу сводный отряд подходил к заимке, он даже не представлял, какая трагическая картина его ожидает. Дым, который заметил Василий ещё издали, не сразу насторожил его. Но чем ближе отряд подходил к военному лагерю, тем тревожней становилось у командира на сердце. Не выдержав нервного напряжения, он громко выкрикнул: «Взвод! Галопом, марш!». Забыв о своей безопасности, Василий с силой прищипывал Воронку, который и без того мчался во всю свою лошадиную прыть. Проскочив по неширокой твёрдой тропе, соединявший заимку с сосновым бором,

Губин-младший в изумлении остановился. На острове догорали головёшки от огромных брёвен, из которых были построены амбары и жилые избы, а посреди поляны лежали тела дорогих ему людей. Он соскочил с Воронко и словно обезумевший, стал оббегать всех погибших. И только тогда, когда оказался рядом с телами Степана и Сергея, резко остановился, встал на колени между ними и опустив низко голову, тихо заплакал. «За что погибли вы, друзья мои? За свободу и честь, за слёзы горя своих отцов и матерей, за поругание над сёстрами и братьями нашими, за землю сибирскую и за справедливость народную? Но где это всё?! Сколько жизней отдали мы за один только год, а победы над красной чумой так и не добились. Голодом, болезнями и бесправием душат наш народ эти дети дьявола. Взяв обманом, красивыми обещаниями и кровавыми расправами власть в свои руки в России, они будут теперь держаться за неё до последнего своего вдоха. Для этих мракобесов власть над народом, словно эликсир бессмертия. Чем больше они пьют крови народной, тем сильнее и крепче становятся. И нет на них управы и гнева Господнего. Они и его не боятся. Будь прокляты вы, ироды человечества! Нет вам пощады ни здесь, на земле, ни на том свете!» - со стоном восклицал Василий, не переставая рыдать.

Два дня хоронили погибших на местном погосте, на котором уже покоилось более пяти десятков храбрых бойцов Народной Армии, павших в боях с красными безбожниками. В связи с тем, что из-за пожара досок для изготовления гробов не осталось, пришлось разобрать несколько телег, сколотить из них один большой ящик и сложить в него убиенных всех вместе. Завалив братскую могилу сырой осенней землёй и соорудив насыпь наподобие холма, бойцы установили на нём большой деревянный крест, выстрелили несколько раз из оружия вверх и помолившись, отошли в сторону. О чём они думали в тот миг, сказать невозможно, но по мрачным лицам было понятно, что процедура похорон ранила и опечалила всех их до глубины души.

«Ну, что, Василий Иванович? Какие мысли имеешь на будущее?» - послышался голос Юрикова, стоящего у могилки позади Губина. Василий ответил не сразу. Наконец, он словно отрезал: «Мстить! До конца жизни своей мстить этим гадам буду! Нет у меня других мыслей и уже не будет!». «А я со своими соратниками, собираюсь податься на Алтай. Говорят, что там сейчас силы мужицкие скапливаются и весной войной собираются пойти на куманьков. Может, и ты с нами?» - предложил Юриков. «Нет! Я с родной земли уходить не хочу. И если планета моя такая, что умереть придётся в схватке с лютым врагом, то уж луч-

ше в родной земле быть закопанным, чем на чужбине навеки остаться», - отказался Василий. «Ну, смотри сам. Хозяин - барин. А то у меня уже и документы выправленные советской властью на другие фамилии есть. И на тебя хватит», - примирительно сообщил Юриков. «Спасибо за предложение, но мнение своё я менять не буду», - отказался окончательно Василий. «Тогда прощай, Василий Иванович! Не поминай меня и моих товарищей лихом. Как могли, сражались с куманьками, но видно недооценили мы их. Хотел бы тебе пожелать победы, да лукавить не хочу. Но долгой жизни обязательно пожелаю», - произнёс Юриков слова прощания и крепко пожал Губину руку. Вскоре он и остатки бойцов из его отряда сели на коней и помчались в сторону Буньково. А ещё часа через два покинул сожжённую заимку и Василий с десятью своими земляками и взял курс на Знаменщиково.

Из официальной хроники

Оперативный приказ № 2 по советским войскам Ишимского уезда

«Ишим, 13 июля 1921 г.

Банда Шевченко, потеряв в районе Мало-Кусеряжского до 300 чел. убитыми, ранеными и пленными и преследуемая нашими частями, отступила в западном направлении, по непроверенным сведениям, часть банды появилась в районе Аромашево, а другая – в Ново-Петровской, где и потеснила седьмую роту 433-го полка, отошедшую на д. Истяцкая.

Для продолжения окончательной ликвидации бандитов приказываю:

1. Помкомполка-257 тов. Колодкину немедленно подчинить себе в оперативно-отношении две роты 258-го полка, находящиеся в д. Кротово, не теряя соприкосновения с противником, прикрепить такового к району Мальшенское-Кротово, имея целью во что бы то ни стало как можно скорее уничтожить противника.

2. Командиру коммунистического кавэскадрона немедленно выступить с эскадронам в село Больше Сорокино, где перейти в оперподчинение командира шестой роты 258-го полка.

4. Комроты-6 258-го полка по прибытии в Больше Сорокино коммунистической роты и коммунистического эскадрона, немедленно подчинив таковых себе, составить отряд под общим вашим командованием. Отряду ставится

задача вести разведку в западном направлении и стараться поддерживать тесную связь с действующими частями в районе Кротово.

5. О получении приказа и отданных распоряжениях донести.

Команд. войсками Ишимского уезда, комполка-258 Иванов.

Военком Автономов».

Сводка Тюменской ГубЧК о состоянии бандитизма в губернии на 18 июля 1921 г. «Тюмень, 18 июля 1921 г.

Движение бандитизма в Тюменской губернии в общем не изменилось. Отряды банд производят налёты на волисполкомы, вырезая совработников, забирая товары в кооперативах, на складах продконттор. Особенно свирепствует бандитизм в Ялutorовском уезде, в южной части, где население сочувствует бандитам. Своевременная осведомлённость позволяет бандам производить удачные для них налёты, по несколько раз в одних и тех же волисполкомах вырезая совработников. В первых числах июля пленум уисполкома постановил в этом районе прекратить всю работу, сняв ответственных работников. Совершив налёт, банды производят мобилизацию населения. Кто не желает идти в их ряды - избивают нагайками.

Общая численность повстанцев по уезду - до трёх тысяч человек. В связи с объявлением двухнедельника добровольной явки бандитов последние начинают возвращаться по домам. Главари банд, как Зломанов, прислали письмо в Ялutorовское политбюро, изъявляя согласие прекратить кровопролитие, испрашивая гарантии неприкосновенности.

В Ишимском уезде численность банд насчитывает до семисот человек. Отряды оперируют в районе Аромашевской и Кротовской волостей, откуда производят налёты на соседние волости. Отрядами руководят Шевченко - бедняк-переселенец, Букарин-кулак, бывший офицер, Сикаченко-средняк, бывший председатель волисполкома. В отрядах преобладает кулачество. Их стремление - усилить отряды количественно, подбирая качественно. Тактика банд изменена, лозунги: «С нами Бог, да здравствует чистая советская власть!». В своей агитации указывают населению на примеры недочётов совработников на местах, стараясь склонить массу на свою сторону. Прекратились беспощадные убийства совработников, есть случаи оставления в живых коммунистов.

В Туринском уезде в районе Верхнепелымской волости отряд бандитов силой около ста человек под командой Печёнкина призывает население добровольно вступить в их ряды, объявив мобилизацию; население от таковой скрывается.

В Тобольском и других уездах севера разбитые банды группируются в отряды, производя налёты, убивая соучастников.

Настроение населения в уездах по отношению к бандам - не сочувственное. Среди советских служащих - тревожное, опасаются чинимых зверств бандитами.

В связи с объявлением двухнедельника добровольной явки бандитов, оперативные действия по ликвидации банд приостановлены. Участники банд возвращаются. Общая численность возвратившихся и сложивших оружие не установлена. НР 1228/с.

ПредгубЧК Студитов, завсогубЧК Бойко».

Сводка уполномоченного Тобольского уездного ревкома и начальника 3-го района милиции начальнику 2-го района уездной милиции

«Село Чёрное, 4 августа 1921 г. 23 час.

В Ашлыкской, Шестовской, Куларовской, Тукузской, Черноковской волости спокойно. В южной части Истяцкой и Малиновской волостей идёт мобилизация. По слухам непроверенным, в ночь со 2 на 3 августа Шевченко наступал на Кротово. Наш батальон отступил в Большое Сорокино. Остальное без изменений. №24.

Уполтобревкома (подпись неразборчива).

Начальник милиции 3-го района Тобуезда Холмоцков»

Телеграмма временно исполняющего должность начальника штаба Реввоенсовета войск Сибири В. Михайлова начальнику 29-й стрелковой дивизии В.Ф. Карпову.

«Ново-Николаевск, 13 августа 1921 г. 14 час. 25 мин.

Реввоенсовет войск Сибири приказал Вам лично с военкомдивом т. Лядовым выехать в Ишимский район для организации решительной ликвидации банды Шевченко. Эта ликвидация ставится вам как ответственное боевое задание, особо важное по общему положению на повстанческом фронте.

Об исполнении донести. НР 2949/оп.

Врид штабс-сиб В. Михайлов, военком И. Погодин».

Доклад сотрудника политического бюро Ялуторовского уезда Плашкота.

«Б/м 21 августа 1921 г.

3 августа с. г. поехал под предлогом купить хлеба. Приехал я в д. Осипово, где живут старики, которые плачут от красноармейских отрядов. Крестьяне заявляют, что эти отряды чисто ограбили. Ходят, по ящикам грабят вещи, лазают по погребам, берут последний калачик хлеба, молоко, масло, колют баранов. Что попало - всё тащат.

Числа около 2/8 отряд Ямицкого стоял в д. Осипово. Крестьяне лично говорят мне, что тов. Ямицкий сам зарубил старика Филина 65 лет за то, что якобы заезжали бандиты к нему. Старик был в деревне изрублен и брошен в проулок.

Посетил я Петропавловскую волость, дер. Зырянскую Лыбаевской волости, Волкову, Скородум, Московскую, д. Бызово Суерской волости, д. Сунгурёво, вол. Упоровскую, дер. Карагутово, д. Чёрную, дер. Липихино, Мининскую волость. В Упоровой стоит вторая рота 256-го полка, и безобразия страшно. Ходят и шарят по ящикам под предлогом, что ищут оружие. Берут всё, что попало, а в погребах ничего нельзя оставить, всё заберут. И говорить нельзя, а то иначе поступают: дуют плетями. А скот колют открыто, не стесняясь крестьян. Такие события широко царят. Где находятся красноармейские отряды, в тех местах можно встретить все факты, что крестьянское население жестоко обострено против всех грабежей. Красноармейцы, которые вышли домой, страшно волнуются против этого и боятся говорить, а то иначе получают плети. Много мною было записано фамилий, кто от чего потерпел, но пришлось уничтожить все записи ввиду того, что всё время находился в кругу бандитов, поэтому пришлось порвать. №752.

Плашкот»

Сводка Тюменской ГубЧК о состоянии бандитизма в губернии на 27 августа 1921 г.

«Тюмень, 27 августа 1921 г.

Бандитизм в уездах губернии продолжается. Банды Шевченко, оперирующие в последнее время в Ишимском уезде, разбились на группы и из северо-западной части уезда перекинулись в северо-восточную часть Ялуторовского уезда, в Плетьевскую, Агаракскую, Лабинскую волости. Под командой Сикаченко отряд насчитывает тысячу пятьсот человек, из коих пятьсот конных, все хорошо вооружённые. Кроме того, оперируют в Суерской волости отряд Бульгина, в Мининской-Щукина, в Петропавловской-Боровково, в Упоровской-Мартышино и в Шороховском районе - отряд Вараксина. Означенные отряды снова производят грабежи и насилия над мирным населением. Отряд Щукина произвёл налёт на дер. Андреева Мининской волости, четверо беспартийных убито, один - тяжело ранен, имущество их разграблено.

Очень немногие бандиты продолжают возвращаться по домам. За неделю вернулось шесть человек в Ингалинской волости, в том числе инициатор восстания Кострюков Егор Анисимович. Вернувшиеся из отрядов бандиты во время двухнедельника держат тесную связь с бандитами с целью шпионажа, сообщая намерения красных частей. Бандитизм снова начинает усиливаться. Население всячески помогает бандитам. В силу изложенного Ишимский уком на заседании с ответственными работниками постановил производить изоляцию семей бандитов, борющихся за свержение соввласти, поручая изоляцию военному командованию. Губкомом постановление утверждено.

В остальных уездах банды оперируют мелкими группами. Меры по ликвидации банд принимаются военным командованием. НР 2783.

За предгубЧК Пльчак, завсогубЧК Бойко».

Протокол №49 заседания членов Ишимского уездного комитета РКП(б).

«Ишим, 3 сентября 1921 г.

Присутствовали: П. А. Тарсин, С. А. Гордеев, В. Д. Юдин, П. Ф. Герчес, П. П. Василевский, замзавполитбюро С. А. Архиповский, комбриг Г. А. Буриченков, предуполкома Ф. И. Жаворонков, член губкома А. А. Сегаль, упродкомиссар С. И. Попов.

Слушали: 1. Доклад комбрига тов. Буриченко, который говорит о действиях против бандита Шевченко, где указал, что Шевченко зарублен и вместе с ним зарублено 111 человек бандитов, взято 4 исправных пулемёта и прочее. Причём указывает, что бандитов живых не брал, за исключением двух женщин; рубилось всё, что попадало под руку. Потерь с нашей стороны нет, за исключением только нескольких раненых. Из документов захваченного бандитского штаба удалось выяснить, что у бандитов был свой кооператив, где есть списки, кто что получал. Весь хлеб, который захватывали бандиты, и мануфактура делились между семьями бандитов. Также захвачены списки, кто из крестьян у него в каких отрядах, где, когда вступил. Крестьянство симпатизировало бандитам. Например, ни один крестьянин не говорит, где бандиты, хотя уже видно, что идёт от бандитов. Если же прибывал Шевченко в деревню, то его кормили маслом и называли защитником от налогов и т. д. Но когда были приняты самые суровые меры к бандитам, пропитание красноармейцев их хлебом, от их семей всё стали брать, в общем - стали воевать за счёт бандитов, а у крестьян мирных ничего не стали брать; также этот налёт, где изрублен был в куски отряд Шевченко и он сам; после проведения нескольких бесед нами, где указали им, что такое война, то совсем получилось обратное: крестьяне стали выдавать бандитов, и всего мной изрублено 130 человек за это время. Находили бандитов дома по имеющимся у нас спискам, которые были отобраны от бандитов. Может быть, будут на меня жалобы, но я сам скажу: обращение было самое жестокое, вызванное необходимостью сделать всё возможное для скорейшей ликвидации бандитов. И предлагаю принять самые суровые меры к бандитам, вплоть до конфискации их имущества, принимая во внимание, что бандиты – большинство кулачество и все отъявленные преступники, убийцы.

Ещё мной награждён тов. Г. Г. Пищик - командир коммунистического отряда Гольшмановского, которому дал своё седло и одел весь его отряд. Так как они действовали, желать лучше нельзя.

Тов. Василевский предлагает, чтобы не вести следствий по заявлениям об убитых бандитах, как это было.

Тов. Архиповский говорит, что когда производится расправа, организованная политбюро, следствие не ведётся, но не допускается, чтобы расправа была учинена одним-двумя лицами.

Тов. Жаворонков говорит, что бандиты объявлены вне закона, и поэтому гуманничать с ними не приходится, я присоединяюсь к мнению комбрига.

Тов. Попов говорит то же, что Жаворонков, и добавляет, что нужно выпустить коммунистов, которые сидят в тюрьме за убийство бандитов.

Тов. Горчис: меру конфискации нужно сделать так, как поступают они с коммунистами, а потому взять у них всё имущество и распределить между пострадавшими сиротами - детьми коммунистов.

Тов. Юдин объявляет, что у бандитов есть приказ брать у коммунистов всё, а поэтому нам нужно сделать так же.

Тов. Тарсин: вопрос об арестованных коммунистах отнести к докладу политбюро. Сейчас нужно обсудить вопрос по докладу тов. Буриченкова, где видно, что бандиты из кулачества составляют большинство, и второе - то, что принятые суровые меры произвели раскол бандитов с крестьянами. Нужно произвести предложенную меру, но не через волисполкомы, а через военные части.

Тов. Буриченков: нужно прежде объявить трёхдневный срок, чтобы сдали бандиты оружие, и если не сдадут, то выполнить продналог ихним имуществом за крестьян, хлеб у бандитов есть.

Тов. Сегаль, констатируя, что скорейшая ликвидация бандитизма необходима, а потому эту меру необходимо провести, но прежде чем конфисковать в зачёт продналога, объявить трёхдневный срок и указать, то у тех, кто не сдаст оружие, имущество конфискуется. Форму воззвания не выработать, а дать в порядке партийной директивы тов. Буриченкову право действовать по усмотрению к уничтожению бандитов.

Постановили: 1. Считать необходимым скорейшую ликвидацию бандитизма на основе применения планомерных репрессий не только к самим бандитам, но и к семьям бандитов и их укрывателей. Наряду с ликвидацией бандитизма обратить особое внимание на изъятие оставшегося у населения оружия, применяя к владельцам оружия систему репрессий, вытекающую из создавшейся на местах обстановки и установлению органами политического руководства действующих частей.

Отв. секретарь укома Тарсин».

Приказание командира 258-го стрелкового полка командиру бронепоезда № 158

«Ишим, 3 сентября 1921 г.

По полученным сведениям от сего числа от комзвода, находящегося на станции Гольшманово, бандитами занято село Гольшманово.

Комполка приказал Вам курсировать на участке Гольшманово-разъезд № 34 включительно и впредь до распоряжения не сниматься с такового. №0864/оп.

Операдьютант 258-го полка(подпись неразборчива)».

Газетная хроника «Бандитам нет пощады»

«Осуждённый выездной сессией Тюменского губревтрибунала к высшей мере наказания гражданин села Ново-Заимское Ялutorовского уезда Казанцев Степан Парфёнович расстрелян 11-го сего августа.

Вр. начумилиции и завполитбюро Ковалёв.

Секретарь А. Черепанов.

Красный восток. 1921 г. 4 сентября».

Сводка Ишимского уездного исполкома советов за август 1921 г.

«Ишим, 4 сентября 1921 г.

3. На почве прекращения выдачи продпайка сотрудники большинства волисполкомов вынуждены бросать службу, результатом чего было полное прекращение в 8 волисполкомах.

Бандитизм в пределах Викуловской, Каргалинской, Кротовской, Аромашевской, Озернинской, Большеорокинской, Вознесенской и Евсинской волостей продолжает существовать. Бандиты время от времени делают набеги на ближайшие сёла с целью добыть себе продовольствия. Деятельность их усилилась с наступлением холодов, когда они почувствовали, что дальнейшее существование их с приближением зимы продолжаться не может. Они делали попытки выйти из леса и проявить активность, занимали с. Озернинское, Мальшикино, Кротово, Овсово и даже захватывали Большое Сорokino, находящееся в 60 верстах от Ишима, но были выбиты и прогнаны оттуда крас-

ноармейскими частями. 28 августа в районе Кротовской волости выловлен и захвачен в плен со штабом один из главарей бандитов - Шевченко, в отряде которого насчитывалось до 500 человек.

5. Приступлено к уборке хлебов. Результаты сбора очень плохие: с десятины пшеницы намолачивается 2-5 пудов.

6. Отношение к продналогу в общем безразличное по случаю полного неурожая хлебов.

Предуисполкома Жаворонков, завотделом Рябков».

Сводка тюменской ГубЧК о состоянии бандитизма в губернии на 10 сентября 1921 г.

«Тюмень, (не ранее 10 сентября 1921 г).

Разбитие банды Шевченко, убийство последнего в районе Балахли Ишимского уезда внесло в их ряды расстройство. Банды численностью пятьсот-семьсот человек, представляющие реальную силу, теперь разбились на мелкие отряды и скрываются в районах Мальиенской, Евсинской, Аромашиевской, Кротовской, Большеорокинской волостей. Их руководители - Юриков, Шаратов, Акимов и Сикаченко. Боёв не принимают, производят частичные налёты и убийства.

В Ялуторовском уезде, по последним сведениям, имеются три крупных отряда: под командой Булатова - четыреста человек в районе Упоровской и Петропавловской волостей, Вараксина - двести человек в Денисовской и Сингульской, в районе Плетнёвской и Агаракской волостей появился отряд в двести человек, неизвестно под чьим командованием. Выясняется, что бандой руководит Зломанов, который вышел во время двухнедельника, но в настоящее время скрылся. Участники банд - местное зажиточное крестьянство. Отряд Булатова производит мобилизацию населения от двадцати до сорока пяти лет. Мобилизационные разбегаются, некоторые, боясь репрессий, остаются в их рядах. Вышедшие в двухнедельник снова уходят в отряды. Меры к их изоляции принимаются.

В Тобольском уезде остались одиночные бандиты и бродячие группы в три-пять человек, серьёзности они не представляют.

В Тюменском уезде в Заводоуспенской волости в лесах скрывается банда Горшкова численностью тридцать человек. Они производят частичные налёты, убийства в этом районе.

В северных уездах крупных отрядов нет, скрываются мелкие группы, которые активности не проявляют. Меры по их ликвидации принимаются. НР 75/ш.

ПредгубЧК Студитов, начсекроперчасти Бойко».

Однако, несмотря на поражение, взбунтовавшие крестьяне надежду - победить красных - не оставляли и делали попытки объединить оставшиеся силы для продолжения борьбы.

Приказ № 9 по 1-му Ялуторовскому повстанческому освободительному отряду.

«Б/м 16 сентября 1921 г.

По части строевой

1. Во исполнение сего приказываю именовать постоянную группу 1-м Ялуторовским Освободительным отрядом.

2. Начальником отряда числить Булатова, его помощником - Мартышина, комендантом - Боровкова, командиром 1-го эскадрона - Романова, 2-го - Скорикова, 3-го - Морева, 4-го - Фёдорова, 5-го - Чурятьева, старшего обозом назначаю Ваганова Петра, каптенармусом отряда - Брюхова, фуражиром - Тютрина, оружейным инструктором - Деева, писарем отряда назначаю Ухалова, старишиной - Леонова.

3. Всем командирам эскадронов и начальникам команд приказываю установить строгий военный порядок по примеру регулярных войск. Строго следить за установленным порядком, требовать с подчинённых выполнения по службе и сделать свою часть боеспособной и дисциплинированной.

4. Оружейному инструктору строго следить за целостью и чистотой оружия, лично просматривать винтовки и другое оружие. Требовать сведения на оружие и таковое представлять в штаб. Заботиться приобретением смазочного материала для оружия.

5. Заведующему околотком установить порядок и безусловную чистоту в околотке. Заботиться об уходе за больными, сёстры должны соблюдать установленный порядок и особенно следить за чистотой рук.

6. Приказываю назначить кандидатов в следственную комиссию по одному человеку с эскадрона и команды.

7. Всем командирам и бойцам всегда быть на своих местах, ибо нам каж-

дую минуту может грозить опасность. Я не потерплю случаев грабежа некоторыми партизанами и приму самые самые решительные меры как с лицами подозрительного свойства.

8. Все должностные лица, имеющие винтовки, должны участвовать в бою, а не околачиваться в обозе.

Приказ прочесть во всех эскадронах и командах.

Начальник отряда Булатов».

Но в оперативных сводок ГубЧК, донесений военных штабов и различных постановлений руководящих советских органов власти, участь повстанческого движения была уже predetermined. Воинствующий коммунизм сделал своё страшное дело - уничтожил крестьянский дух в жителях сибирского края.

Сводка Тюменского ГубЧК о состоянии бандитизма в губернии на 17 сентября 1921 г.

«Тюмень, 18 сентября 1921 г.

Бандитизм в уездах губернии остаётся в прежнем состоянии. В южной части Ялutorовского уезда операции отрядов банд продолжаются. Во время налёта на Верхне-Суерское убиты 15 человек коммунистов местного отряда. Бандиты проводят насильственную мобилизацию населения, пополняя свои ряды. Отряды Булатова, Милова, Боровкова 15 сентября в 12 часов дня в селе Ново-Заимском ограбили почту, кооператив, больницу, направились в Пятковское и на Талицу, их численность до пятьсот человек верхами. Отряд Вараксина - двести человек конных - стоит в лесах Денисовской волости, активность не проявляет. В Ишимском уезде с разгромом банд Шевченко оставшиеся активности не проявляют. В остальных уездах ничего выдающегося нет. НР.

ПредгубЧК Студитов

Врид завсогубЧК Лысов».

Приказ № 20 тюменского губисполкома советов и командующего войскам Тюменской губернии.

«Тюмень, 15 октября 1921 г.

Губернский исполнительный комитет за время вооружённой борьбы с шайками насильников и грабителей использовал все средства миролюбия и человечности не только к населению, но и даже к бандитам и в настоящий момент считает себя вправе применять самые суровые карательные меры.

Приступая к осуществлению решительной борьбы с бандитизмом, губернский исполнительный комитет на основании правил о местностях, объявленном на военном положении, приказывает всем управлениям и учреждениям советской власти, командирам войсковых частей Красной Армии и отрядам особого назначения объявить всем жителям населённых местностей губернии:

1) При появлении в том или другом районе бандитов лица, уличённые в сношении с ними, добровольном их укрывательстве, в снабжении продовольствием, а также сообщении бандитам сведений о движении войск Красной Армии, подвергаются высшей мере наказания - расстрелу.

2) Непринятие мер к охране и ограждению государственных учреждений и предприятий, сыпных пунктов, а также к спасению жизни должностных лиц советской власти, продовольственных работников и коммунистов при посягательстве и вооружённых налётах бандитов должно рассматриваться как сочувствие и пособничество разбойникам, а потому жителей тех сёл и деревень, где такие случаи будут иметь место, надлежит облагать контрибуцией денежной и натуральной с конфискацией имущества.

3) Должностные лица, члены волостных исполкомов и сельских советов, уличённые в преступлениях, указанных в пунктах 1 и 2 настоящего приказа, подлежат суровому наказанию по всей строгости законов военно-революционного времени.

Председатель тюменского Губисполкома Макаров
Комвойсками губернии, командир 169-й бригады Бойцов.

Зав. губотделом управления В. Петров».

Сводка тюменской ГубЧК о состоянии бандитизма в губернии на 22 октября 1921 г.

«Тюмень, 22 октября 1921 г.

В Ялutorовском уезде бандитские отряды Булатова, Боровкова, Мартышина и Романова соединились с отрядом Вараксина, увеличив отряды до 500 всадников хорошо вооружённых. Упорным боем 17 октября они заняли села Шорохово и Красново. Бандитами разграблен шороховский ссыпункт, Ожогинская коммуна, волостные кооперативы, волисполкомы, в боях убито 5 красноармейцев, ранен командир эскадрона. Бандитами захвачен один пулемёт, кухня, убиты двадцать продработников, в Ожогинской коммуне - 5 её членов. Преследуемые нашими военными частями бандитские отряды переправились на правую сторону реки Исеть и были настигнуты 18 октября в Курганском уезде в районе Боровлянского и Тебеньякского, где кавдивизионом зарублено в бою 46 бандитов, сестра милосердия, взят пулемёт «Максим», 4 ленты. Банды разбежались по лесам.

В отчётный период Вараксиным в Денисовской и Красновской волостях производилась мобилизация. Добровольцев шло мало, мобилизация удалась частично. Отряд Милова скрывается в лесах в Комиссаровском районе, что 60 вёрст южнее, производя грабежи, убийства совработников. Банда отряда Сикаченко и Зломанова, убитого в перестрелке с коммунистическим отрядом, в количестве 100 вооружённых всадников скрывается в лесах Плетнёвского района, не проявляя активности. По сведениям, Сикаченко направляется в Ишимский уезд. Между бандитскими отрядами Вараксина и Сикаченко связи не установлено. Часть крестьян сочувственно относится к бандитам, благодаря срыву продналога, часть - апатично, часть - ищет выхода, выезжая из волостей, объятых бандитизмом.

Берёзовский уезд: замечено передвижение небольшого отряда бандитов по направлению Кондинского. Ишимский уезд: за половину октября явилось добровольно в местные органы ВЧК 16 человек, сдано 13 винтовок, в местные военные части - 7 человек. Небольшой численности бандитские отряды оперируют в Каргалинской, Кротовской, Евсинской, Аромашевской волостях.

В Тюменском уезде бандитским отрядом Данилова, оперирующим ранее в южной части Тобольского уезда в количестве 30 человек, на пристани Моранка ограблен пароход, буксировавший груз рыбы.

Цель бандитов - активной борьбой уничтожить коммунистов и беспар-

тийных совработников, сорвать продналог, на почве тяжёлых экономических условий дожидаться более организованного восстания крестьян по всей Сибири. НР 2379/с.

ПредгубЧК Студитов, начсо Лысов».

Выписка из протокола № 55 заседания Ишимского уездного комитета РКП (б).

«Ишим, конец октября 1921 г.

Присутствовали: П. А. Тарсин, С. А. Гордеев, В. Д. Юдин, П. Ф. Герчес, С. Н. Малецкий, упродкомиссар С. И. Попов, уездвоенком В. И. Соловьёв и член губкома А. А. Сегаль.

Повестка дня:

- 1. Доклад политбюро.*
- 2. О помощи семьям пострадавших коммунистов.*

Слушали: 1. Докладчик: тов. Малецкий

В результате разложения бандитских отрядов при помощи самих бандитов, которые являются группами человек по пять, явилось всего 40 бандитов. Со слов бандитов выяснилось, что та работа, которая проводится нами, разлагает бандитские отряды. Явились два командира отрядов - И. Шарапов и Вилков, прибыли из отряда Сикаченко 5 человек, которые говорят, что в отряде Сикаченко 55 чел., из которых 40 красноармейцев, остальные - крестьяне-убийцы, которые никоим образом не явятся добровольно. Лозунги анти-советской агитации - «Долой коммунистов!», «За советскую власть!», «Да здравствуют свободные советы без коммунистов и свободная торговля!» и так далее. На собраниях крестьян выясняется и слышится от среднего и беднейшего населения, что необходимо снабжение обувью, хлебом и проч.

Со слов бандитов, воинские части производят расстрелы добровольно явившихся бандитов. Есть факты в 29-м кавполку. Этот факт будет раскрыт. Бердюжская партиячейка расстреляла пять бандитов. Гольшимановская, уткузская, ларихинская ячейки также произвели несколько расстрелов. Всего бандитов по уезду, которые действуют активно, 130 человек, объединённых в три шайки. Первая - это отряд Сикаченко, численностью в 55 человек, действует в волостях Кротовской, Евсинской, Аромашевской, держит связь со Зломановым, который действует в Ялаторовском уезде. Второй отряд - под

командой Лоцманова и Юрикова. Число отряда - 35 человек под командой Земирова, действует в волостях Уктузской, Бердюжской, имеет связь с отрядом Булатова, действующего в Ялutorовском уезде. Булатов имеет 300 человек, из них 200 конных, три пулемёта.

Постановили: 1. Поручить политбюро усилить борьбу с появляющимися мародёрством со стороны командования в старых воинских частях, действующих в уезде. Повести также энергичную борьбу против мародёрства во вновь прибывающих частях. Считать необходимым завязывание тесной связи с политсекретариатами воинских частей, действующих в уезде, и добиться подотчётности политчастей воинских укому. Регистрационной части политбюро серьёзно относиться к регистрации мандатов, едущих в уезд инструкторов от коопсоюза, и установить наблюдение за ними. Предложить коммунистической фракции коопсоюза пересмотреть все списки инструкторов коопсоюза.

Подписи».

Сводка отдела управления Ишимского уездного исполкома советов за октябрь 1921 года.

«Ишим, 2 ноября 1921 г.

Общее политическое положение уезда неудовлетворительное

Бандитизм

В октябре месяце бандиты снова усилили свою деятельность в северных волостях уезда: Евсинской, Аромашевской, Кротовской, Большесорокинской, Викуловской, Вознесенской и Готопутовской.

Усиление деятельности их вызвано, главным образом: временной заминкой оперативных действий войсковых частей вследствие замены частей 86-й бригады новыми войсковыми частями, а также вследствие наступающего зимнего времени, с приближением которого бандиты почувствовали, что зима заставит их выйти из лесов, что им терять больше нечего, иного выбора нет: погибнуть или отдаться в руки властям.

15 октября банда в числе 15 человек произвела нападение на готопутовский волисполком, похитив там все бумаги, штамп, разграбили кооператив

и маслодельный завод, захватили 5 пуд. масла и 2 пуд. керосина. 19 октября вечером бандиты в числе 20 человек сделали набег на село Преображенское Вознесенской волости, похитив там все бумаги, печати и штампы, а также шерсть, собранную в продналог.

20 октября банда заняла село Большое Сорокино.

Банда Сикаченко численностью до 30 человек 14 октября заняла село Аромашевское и произведя там мобилизацию граждан от 20 до 37 лет, ушла в село Слободчиковское.

22 октября банда численностью в 15 человек под командой Юрикова заняла село Песьяновское, откуда ушла в деревню Пинигино, а другая банда численностью до 60 человек при одном пулемёте произвела налёт на Пинигино. Того же 22 октября разведка бандитов ворвалась в село Викуловское, но была отражена продовольственной дружиной.

25 октября после часового боя с красноармейскими частями в районе займища Елабуга, что 25 вёрст севернее села Аромашевское, банда под командой Сикаченко в 150 человек, потеряв 20 человек зарубленными, 10 винтовок и 300 патронов, рассеялась в северо-восточном направлении, а затем сделала налёт на Аромашевское и потеряв 10 человек убитыми, в том числе одного из главарей – Кукарева, автомат «Шоша», 5 винтовок и 200 патронов, рассеялась по лесам.

27 октября банда под командой Юрикова в числе 60 человек конных с пулемётом «Шоша» разделилась на два отряда и повели наступление на село Большое Сорокино, которое и заняла, а банда Сикаченко численностью в 110 человек вооружённых и 50 небооружённых в бою у деревни Некрасово Аромашевской волости была разогнана, потеряв 30 чел. убитыми, в том числе команданта Горбачёва. Здесь же был тяжело ранен главарь Сикаченко.

28 октября банда Юрикова численностью 70 человек находилась в деревне Одина Большесорокинской волости.

29 октября банда Сикаченко невыясненной численности заняла село Кротово, откуда была прогнана красноармейскими частями.

В общем за последнее время банды рассеяны мелкими группами по займищам и лесам или бродят в одиночку, скрываясь от преследования красноармейцев и коммунистических отрядов. На деревни они делают набеги, когда видят, что вблизи не имеется воинских отрядов, и с приближением их снова

разбегаются. Отношение к бандитизму населения в северных волостях покровительственное, вследствие чего борьбу с ними вести труднее, чем в других волостях, расположенных к югу от Ишима, где население относится более сочувственно к войскам Красной Армии.

Враждебное настроение населения к красноармейцам вызвано вследствие реквизиций, конфискаций и мародёрства, которые позволяют себе творить красноармейцы некоторых частей, как например, 29-й кавполк.

В ближайшем времени нужно рассчитывать, что бандитизм будет окончательно ликвидирован. № 8647.

*Председатель уездного исполкома совета Жаворонков
Завуотдуправления Рябков».*

Сводка тюменского ГубЧК о состоянии бандитизма в губернии на 6 ноября 1921 г.

«Тюмень, не ранее 6 ноября 1921 г.

Ялуторовский район

Бандитские отряды Мартышина, Булатова и Милова окончательно распадаются. Булатов и его помощник Евсеев с остатками отряда в 120 человек всадников из Ялуторовского уезда скрывались в свою местность по направлению Могилёвской волости Курганского уезда. Насильно мобилизованные бандой крестьяне, бывшие без оружия, из банды скрылись, явились добровольно домой. Около 50 старых бандитов также добровольно разошлись по домам, сдав своё оружие и патроны местным военным отрядам. Часть бандитов скрывается в лесах и пашенных избушках в своих местных районах. Цель их - разойтись по домам, сдав своё оружие. Но многие из них боятся расстрелов на месте оперирующими военными частями. В лесах Емуртлинского района скрывается группа до 25 человек местных бандитов из отряда Булатова под командой Баранова и Мартышина с винтовками, патронами и неисправным «Максимом». Они желают сдаться с оружием с условием, чтобы их не трогали. Результат неизвестен. О банде Милова совсем ничего не слышно. Варакин со своим отрядом, насчитывающим 40 вооружённых всадников, скрывается в лесах Денисовского района, активности не проявляет, цели и намерения неизвестны. В общем, бандитизм в Ялуторовском уезде замер. Остатки банд,

скрывающихся в лесах, облавами военных частей вылавливаются и после очистки местности восстанавливается местная власть.

Ишимский уезд

В северной части уезда бродят банды Сикаченко численностью до 60 человек и Юрикова численностью до 50 человек, делают налёты на сёла и деревни. В банде Сикаченко находятся 6 красноармейцев, перешедших на сторону бандитов. Они имеют большое влияние и не дают главарю Сикаченко распустить банду, который имеет намерение распустить таковую. В южной части уезда, кроме банд Прокопьева, Земирова, Демьяновича, обнаружена банда численностью до 15 человек с достаточным вооружением под командой Скрипникова, местного жителя. Банды в южной части уезда активности не проявляют.

Тобольский уезд

Бандит Данилов, ограбивший баржу с рыбой, пойман с 10 бандитами. Рыба, увезённая с баржи, отобрана. В районе Черемуховской волости скрывается в лесах до 10 вооружённых бандитов во главе с Анфилатовым, в районе Новосельской волости до 5 вооружённых во главе со Слинкиным, кое-где бродят одиночные бандиты. № 2638/с.

ПредгубЧК Студитов».

Не завершив ещё до конца карательные меры против повстанцев, ЧК уже приступило к подготовке материалов, которые в годы репрессий лягут в основу обвинительных заключений против тех, кто останется в живых в 1921 году.

Циркуляр политического бюро Ялуторовского уезда волостным ревкомам и исполкомам советов.

«Ялуторовск, 9 ноября 1921 г.

Политбюро под личную ответственность председателей предлагает немедленно по получении сего доставить: 1) списки на всех граждан, кои до сего времени находятся в стане банды, с указанием фамилии, имени, отчества,

возраста, какую должность занимает в банде, а также был ли мобилизован или ушёл добровольно; 2) списки на всех без вести пропавших и убитых граждан со дня восстания и до сего времени, в которых указать фамилию, имя, отчество, возраст и когда убит или пропал без вести; 3) списки всех граждан, возвратившихся из стана повстанцев после двухнедельника, в которых указать фамилию, имя, отчество, возраст и указать, сдал ли возвратившийся оружие или явился без оружия.

Все означенные списки по составлении немедленно доставить в политбюро. № 13264.

Начполитбюро Ковалёв, секретарь А. Черепанов».

Сводка тюменского ГубЧК о состоянии бандитизма в губернии на 13 ноября 1921 г.

«Тюмень, 14 ноября 1921 г.

Ишимский уезд

Банда Юрикова скрывается в лесах по избышкам в районе села Большое Сорokino. Поимка бандитов затрудняется ввиду того, что население данного района сочувствует бандитам. О банде Сикаченко, рассеявшейся после боя 4/11 в Аромашевской волости по разным направлениям, сведений не поступало. Сам Сикаченко ранен и находится где-то на излечении.

Ялуторовский район

Банда Булатова насчитывает до 20 всадников, недостаточно вооружённых, скрывается в лесах в районе села Мокроусовского. Банда Вараксина численностью до 50 всадников скрывается в лесах Денисовской волости. В районе Коркинское-Верхне-Суерское бродят отдельные кучки бандитов в 5-10 человек. Банды Мардыгина, Боровкова и Милова скрываются по направлению Гольшиманово Ишимского уезда. Военными частями производятся сплошные облавы для вылавливания скрывающихся в лесах бандитов. Банды активности не проявляют, при появлении двух-трёх красноармейцев в панике разбегаются. Отношение населения к бандитам большей частью стало враждебным. Стремление бандитов - разойтись по домам, но боятся наказания.

Тобольский уезд

В лесах по избушкам скрываются отдельные кучки бандитов: в районе Абакской волости - до 6 человек, в районе Черёмуховской волости - до 5 человек вооружённых, бежавших из рабдома. В районе Малиновской волости делают налёты отряды из банды Сикаченко. Население враждебно к бандитам: банды, запасаясь на зиму, немилосердно грабят крестьян.

Добровольно явились в тобольское политбюро главарь банды Слинкин и слинкинский поп. НР 2710/с.

ПредгубЧК Студитов, начсоч Лысов»

Выписка из протокола № 76/м заседания президиума ВЦИК советов

«Москва, 14 ноября 1921 г.

Слушали: п. 12. Доклад тов. В. Х. Петрова в Тюменской губернии.

Постановили: п. 12. Признать первоочередной задачей борьбы с бандитизмом в Тюменской губернии и направить туда полномочную комиссию ВЦИК по согласованию с комиссией по борьбе с бандитизмом и с тов. В. М. Михайловым или В. М. Молотовым.

Доклад тов. Петрова передать тов. С. С. Данилову».

Секретарь ВЦИК А. Енукидзе.

Приказ № 1 командующего советскими войсками Тюменской губернии.

«Тюмень, 23 ноября 1921 г.

Уже 10 месяцев, как Тюменская губерния разоряется бандитизмом. Граждане, крестьяне Тюменской губернии - несмотря на то, что остальная часть Российской Советской Федеративной Социалистической Республики уже имеет возможность перейти к мирному строительству - всё ещё находятся в районе боевых действий, и их сёла и деревни разоряются наглыми налётами шаек, а хозяйство - разграбляется.

В настоящий момент советской властью, как истинной защитницей трудового класса, решено в в самый наикратчайший срок беспощадно уничтожить бандитизм в губернии и дать возможность перейти к мирному строительству.

Красные отряды, расположенные гарнизонами по всей территории губернии, будут искоренять это зло, беспощадно уничтожая бандитов, а их пособников задерживать для придания суду ревтрибунала и применения высшей меры наказания - расстрела. Сохранность телеграфной и телефонной линии, проходящей на территории губернии, возлагается всецело на представителей власти - ревкомы - и населённые пункты под круговую поруку жителей, через территорию коих она проходит.

При этом для скорейшего успокоения и освобождения губернии от бандитизма и дабы дать возможность скорее заняться мирным трудом, приказываем: в наискратчайший срок каждому гражданину в отдельности и обществу содействовать как красным отрядам, так и представителям власти и ревкомам в проведении всех задач советской власти, а также уничтожению бандитизма немедленной выдачей бандитов, скрывающихся по лесам и пахотным избушкам на всей территории губернии, лиц, сочувствующих бандитизму, и сокрытого бандитами оружия, продовольствия и обмундирования.

В случае же, если со стороны населения красные отряды встретят отрицательное отношение и вместо выдачи бандитов, пособников их и сокрытого бандитами оружия и продовольствия будет замечено сочувственное к бандитизму отношение, мною через красные отряды, как истинных защитников завоеваний октября 1917 года и как стоящих на страже власти мозолистых рук - власти трудящихся, будут приниматься карательные меры, не останавливаясь ни перед чем.

Гарнизоны, в коих будет замечено сочувствие населения к бандитам, укрывательство их, порча и обрыв телефонной и телеграфной сети и т. д., будут переданы всецело на прокормление жителей этих населённых пунктов, и до тех пор будут кормиться за счёт того селения, пока жители его не поймут своего гражданского долга и не выдадут бандитов, пособников бандитизма и их складов.

В случае же продолжающегося упорства и сочувствия к бандитизму мною будут приняты ещё более суровые карательные меры в виде взятия заложников и далее, не останавливаясь даже через выездные сессии ревтрибунала и перед расстрелом пособников бандитизма и при дальнейшем упорстве сжиганием целых селений.

Комвойсками Тюменской губернии начдив 57-й военком Бобылёв.

Тюменский предгубисполкома Макаров».

Сводка Тюменской ГубЧК о состоянии бандитизма в губернии на 3 декабря 1921 г. Тюмень, 3 декабря 1921 г.

Тюменский уезд

Единичные бродячие бандиты временами соединяются в группы от трёх до пяти человек, бродят в районе Заводо-Успенской волости.

Ялуторовский уезд

Общая численность бандитов не более 75 человек, бродящих мелкими кучками. Наиболее крупной бандой является банда Вараксина, доходящая до 30 человек. Вараксин происходит из крестьян Мостовской волости - бедняк. Бывший бандитский командир Боровков убит в Емуртлинской волости. По не проверенным ещё сведениям, бандитский командир Булатов убит, а остатки его отряда численностью до 15 человек скрываются в районе Мокроусовского. Активности бандиты в данный момент не проявляют и с целью добычи продовольствия прибегают к налётам на крестьян, оканчивающимся иногда убийствами, следствием чего вызвали против себя озлобление крестьян, которые поэтому и также считая бандитизм отжившим, последнее время активно помогают нашим частям в вылавливании бандитов.

Ишимский уезд

Общая численность бандитов до 150 человек, из которых в северной части уезда продолжает существовать отряд численностью до 40 человек под командой Мельникова, скрывающихся в лесах Аромашевской и Кротовской волостей. Вторая банда численностью до 50 человек под командой Юрикова бродит в районе Тихоновской дачи. Наступление холодного времени и непрерывное преследование военными частями вынуждает многих бандитов к добровольной явке. Отношение крестьян в вышеуказанных районах к бандитам продолжает оставаться сочувственным, чем объясняется существование банд до 49-50 человек и уход единичных и незначительных шаек из Ялуторовского уезда. В остальных районах Ишимского уезда в разных глухих местах продолжают скрываться группы от 5 до 10 человек, деятельность которых приняла уголовный характер. Предполагаемая в ближайшее время переброска частей, хорошо зарекомендовавших себя по ликвидации бандитизма в Ялито-

ровском уезде, даёт надежду предполагать на быструю и окончательную ликвидацию бандитизма в Ишимском уезде.

Тобольский уезд

Общая численность бандитов доходит от 30 до 40 человек, действующих в одиночку, и лишь в редких случаях встречаются группы в три-пять человек. Со стороны скрывающихся бандитов активности не проявляется, за исключением случаев грабежа с целью добычи продовольствия и одежды. Цель и стремление скрывающихся бандитов - спасти свою шкуру. Ввиду тяжёлых условий жизни наблюдаются частые случаи добровольной явки бандитов.

Туринский уезд - бандитов нет.

Обдорский уезд - банда ликвидирована, исключая одиночных бандитов, скрывающихся в тундрах.

Обдорский и Сургутский уезды - ничего существенного. № 2930/с.

ПредгубЧК Студитов, начсоч Лысов».

Телеграмма председателя Малиновского волревкома и начальника милиции 3-го района начальнику милиции Тобольского уезда.

«Село Чёрное, 4 декабря 1921 г., 12 час.

Малиновский ревком сообщает, что рота 506-го полка, стоящая в селе Малиновка, 28 ноября с. г. делала облаву в лесу. Около Малиновки было обнаружено следующее: избушка, в которой находилось десять человек бандитов, из них пять убежали, двое пойманы живыми и трое убиты. В числе убитых убит бывший милиционер Попов Андрей и заместитель Сикаченко - Горбачёв, остальных фамилии не известны. Взятые трофеи: мука - 40 пудов, масло - 1 пуд, крупы - 7 пуд., полпуда сала топлённого, пять трёхлинейных винтовок, три нагана, пять лошадей с кавалерийскими сёдлами, два комплекта упряжи.

2 декабря с. г. пойман Сикаченко с его денщиком и его женой, тоже около Малиновского. В лесу в избушке взято две винтовки, один наган. Сикаченко взят раненым в левую руку. Ранее разбежавшиеся бандиты преследуются. № 37.

*Пред. малиновского волревкома Меркулов.
За начальника 3-го района милиции Москвин».*

Сводка тюменской ГубЧК о состоянии бандитизма на территории губернии
на 15 декабря 1921 г.

«Тюмень.

Ялуторовский уезд

Всего по уезду до 50 бандитов, из них как самостоятельный отряд - только одна банда под командой Вараксина, скрывающаяся в лесах Денисовской волости. Остальные бродят мелкими кучками и одиночками.

Ишимский уезд

Всего по уезду до 90 бандитов, из них как самостоятельный отряд - банда Юрикова численностью до 50 человек, - бродит в районе Большесорокинской и Готопутовской волостей. Банда эта, по-видимому, связана с означенным районом снабженческими базами. По непроверенным сведениям, главарь банды Юриков с несколькими бандитами уехал по подложным документам по железной дороге в направлении Омска. Главарь банды Сикаченко пойман и находится в Ишиме у командира 505-го полка. Банда после поимки главаря Сикаченко распадается и остатки её - не больше 10 человек - скрываются в Тобольском уезде в районе Малиновской волости. Оперировавшая в южной части уезда банда Бухвалова скрылась по направлению Курганского уезда, сведений о ней нет.

Кроме того, в районе Большесорокинской, Готопутовской, Викуловской волостей бродят бандиты мелкими кучками и одиночками.

Тобольский уезд

Всего до 30 бандитов, разбросанных по уезду мелкими кучками по два-три человека. Как самостоятельный отряд есть одна банда численностью до 10 человек, бывшая Сикаченко, скрывающаяся в районе Малиновской волости. Кроме того, получены сведения, что в районе реки Туртас вверх по Иртышу движется отряд бандитов в 30-40 человек, хорошо вооружённых. Есть основа-

ния предполагать, что в этом отряде находятся главари бандитизма - руководители бывшего главштаба Народной Армии. Поимка отряда затрудняется тем, что отряд идёт по тундре по непроходимым болотам и малоизвестной местности, которую знают только старики-охотники.

В других уездах сведений о бандах нет.

В общем бандитизм в губернии умирает. Причина - наступление холодов, удачные действия военного командования, отрицательное отношение большинства населения к бандитизму, которое убеждается в бесполезности бандитизма, испытал всю тяжесть такового. Среди бандитов настроение подавленное ввиду непрерывного преследования их военными частями, пленения и смерти главарей бандитских шаек. Убедившись в безнадежности бандитизма, бандиты добровольно являются к властям. В рядах бандитов остаются или бывшие главари бандитского движения, или те, которые за собой чувствуют тяжкую вину. Наблюдается стремление бандитов уйти в Курганский уезд, население которого ещё сочувствует бандитизму, или по подложным документам, добытыми ими при разгроме волисполкомов, уехать в Восточную Сибирь. Власть в губернии повсюду восстановлена, за исключением трёх волостей Ишимского уезда и трёх волостей Тобольского уезда.

Для скорейшей и окончательной ликвидации бандитизма от ГубЧК командированы в Тобольский, Ишимский и Ялуторовский уезды по одному резиденту, которые работают с военным командованием и политбюро. Задачей их являются опросы и фильтрация всех пойманных бандитов, использование их как осведомителей среди бандитских шаек, наблюдение за местностями, неблагополучными по бандитизму. НР 1055/ш.

ПредгубЧК Студитов, начсоч Лысов».

Из сводки полномоченного представительства ВЧК по Уралу о состоянии бандитизма.

«Екатеринбург, 21 декабря 1921 г.

По сведениям тюменской ГубЧК, 15/12 в районе озера Лопушинского (12 вёрст южнее Мокроусовского) обнаружены 4 бандита, из которых два взяты в плен и два убиты. Из последних двух один - известный бандит Бухвалов. В

районе Глилинского (60 вёрст южнее ст. Омутинская) пойман главарь бандитов Булатов, который под конвоем направлен в штаб войск Тюменской губернии. НР 4995/с.

За ПП ВЧК на Урале Храмцов».

Из государственной информационной сводки тюменской ГубЧК за 15 декабря 1921 года-1 января 1922 года.

«Тюмень, начало января 1922 года.

Общие явления (бандитизм и прочее)

За истекший период с 15 декабря по 1 января 1922 года банды ничем себя не проявили. Рассеянные по губернии небольшими кучками и одиночками, бандиты скрываются в лесах и лесных избушках и уже не делают налёты на сёла и деревни. Некоторая, меньшая часть бандитов занимается простой уголовщиной, грабя на дорогах проезжающих крестьян. Например, за истекший период в Ялуторовском уезде было два случая отобрания бандитами лошадей у проезжающих крестьян.

Отмеченная в предыдущей сводке добровольная явка бандитов в Ишимском уезде сократилась ввиду применяемых военными частями репрессий и самочинных расстрелов к добровольно явившимся бандитам. Отношение населения к бандитам в большинстве отрицательное. Но часть населения бандитам ещё сочувствует, что выражается в укрывательстве, снабжении бандитов продовольствием и сообщении им сведений о продвижении военных частей, чем и объясняется возможность существования небольших бандитских шаек.

Военными частями продолжается деятельное процупывание и вылавливание бандитов. На днях явился добровольно активный бандитский начальник под кличкой Ванька-Цыган.

В общем, бандитизм в губернии ликвидируется, и в недалёком будущем можно надеяться на окончательную ликвидацию такового. Всего по губернии к данному моменту насчитывается до 110 бандитов, из них в Ялуторовском уезде - до 20 бандитов; они бродят мелкими кучками в районх, население которых им сочувственно. Часть из них во главе с известным бандитом Вараксиним скрываются в Денисовской волости.

В Ишимском уезде имеются до 60 бандитов. Из них 15 человек из бывшей шайки Юрикова скрываются в районе Вознесенской волости, до 30 человек из бывшей шайки Сикаченко - в районе Кротовской волости и до 15 чел. из бывшей шайки Бухвалова - в районе Армизонской, Истоминской, Бердюжской волостей.

В Тобольском уезде насчитывается до 30 бандитов, рассеянных в южной части уезда одиночками и кучками, не превышающими 4 человек. Появившиеся было слухи об отряде бандитов в 30-40 человек,двигающемся по тундре, по речке Туртас, неверны. В указанном районе проходила партия охотников, которые и были приняты, очевидно, за бандитов. Но всё-таки приходится отметить, что в указанный район, как малодоступный, глухой и отдалённый, в последнее время наблюдается уход бандитов на жительство с остяками.

ЗампредгубЧК, начсоч Лысов.

Прединфтройка, начосво Недорезов.

Члены тройки: представитель губисполкома Ерахтин.

Представитель губкома Сивков».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На обжитой Василием ещё в начале января базе у Знаменщиковского озера отряд задержался почти на месяц. Да и места другого для него в родном краю не было после уничтожения красными заимки. Гибель друзей Губин-младший перенёс очень тяжело. Оказавшись в домике у озера, вначале он старался память о них заглушить крепким самогоном, но поняв, что этим горю не можешь, стал разрабатывать планы жестокого мщения за них. Но малочисленность отряда, отсутствие разведанных и резкое похолодание сдерживали его порывы. И лишь тогда, когда лютые морозы прекратились, а на смену им пришёл мощный снегопад, командир повёл отряд на первое боевое задание. Его целью была деревня Ощепково, которая располагалась за Челноково, в тридцати верстах от базы. Туда Василий решил идти только потому, что один из бойцов был местным жителем и хорошо знал местность. Но вылазка закончилась не так, как её планировал командир. Обойдя с левой стороны по бездорожью Челноково, в версте от неё отряд вновь вышел на тракт. Не успели повстанцы проскакать полпути до конечной цели, как лоб в лоб столкнулись с обозом посекомовцев, везущих зерно в Абатск. Впереди и сзади его охраняли человек десять красноармейцев. От внезапности, обе стороны на время растерялись, но как только пришли в себя, с остервенением стали стрелять и рубить друг друга. А некоторые бойцы и вовсе схватились в рукопашную. После первого же выстрела Василий стал неузнаваем. Он с пугающим хладнокровием и с невероятной силой наносил по головам, рукам и плечам красных бойцов мощные удары саблей. То ли от его вида, то ли от страха быть зарубленными, красноармейцы дрогнули и побежали в сторону леса. «Догнать! Уничтожить всех гадов!» - взревел Василий и первым бросился за беглецами. И только тогда, когда были добиты все красноармейцы, он остановил Воронко, прыгнул на землю, и захватив горсть снега, обтёр бледное лицо.

«Командир, что будем с телами красноармейцев делать?» - спросил голос Зотия Знаменщикова. «Вытащите их на дорогу и сложите в рядок», - словно во сне пробурчал Василий. «А с обозом как быть? Или мы в Ощепково уже не пойдём?» - поинтересовался Ключев Иван из Викулово. Губин тряхнул головой, будто освобождаясь от наваждения, посмотрел безразличными глазами на Ивана и ровным голосом сказал: «Добычу с собой заберём, а в Ощепково нам уже делать нечего. Все дела здесь на тракте обтяпали. Так что, садитесь с Зотием на подводы и возвращайтесь на базу, а мы подождём темноты и заскочим в Челноково. Пусть думают краснопёрые, что наш отряд со стороны Ощепково в село пришёл». «А когда на озеро вернётесь?» - спросил Зотий. «Потрепем нервы челноковским куманькам - и домой».

Граждане большого села, которые первыми в уезде поднялись на борьбу с бесчинствующей и мародёрствующей большевицкой властью, к концу года были обескровлены, обездолены и до смерти запуганы. Равнодушие, безволие и всеобщее безразличие ко всему окружающему стали нормой их нынешнего бытия. Поэтому, когда в селе среди ночи стали раздаваться выстрелы, ни в одном окне даже не вспыхнул огонёк керосиновой лампы. Людям было всё равно, что происходило в этот момент на улицах их села. И только тогда, когда утром узнали о нападении небольшого отряда повстанцев, изрубившего и расстрелявшего почти всех представителей советской власти, в их потухших глазах вспыхнул огонёк надежды.

Василий был доволен проведённым рейдом. И хоть он сразу пошёл не по его плану, результат оказался ошеломляющий. «Это за вас, други мои, я мщу этим гадам. Девятнадцать прислужников власти коммунистов остались навечно лежать там, где их настигла смерть от удара острого клинка и пули. Не попадут куманькам и десять подвод с хлебом, которые вернём тем, кто его вырастил. Плохо, что в этом рейде мы потеряли ещё трёх бойцов, но погибли они за родную землю и за честь мужицкую. Поэтому, и похороним мы их как героев, с воинскими почестями», - мысленно отчитывался Губин перед своими боевыми друзьями, погибшими в неравной схватке на заимке, возвращаясь под утро на базу.

Донесение о жестокой расправе над посевотрядом и убийстве семерых активистов советской власти в Челноково очень сильно разгневало командующего советскими войсками в губернии - Бойцова Андрея Семёновича. Он несколько дней назад уже доложил высшему начальству Сибири об окончательном разгроме крестьянского восстания и уничтожении главарей по-

встанческих армий во всей Тюменской губернии, а тут такой дерзкий налёт неизвестного отряда. Собрав своих заместителей и штабных работников, не жалея их ушей и нервов, он целый час поливал своих подчинённых грязью и отборной бранью. «Приказываю: немедля, прямо с сегодняшнего дня приступить к ликвидации подозрительных лиц на всей территории Ишимского и Ялуторовского уездов. Особое внимание уделить северным и северо-западным волостям. Прошло то время, когда мы предлагали бандитам добровольно сдаваться. Теперь настало время уничтожать их всех, до единого на месте, там, где будут обнаружены. Только так мы окончательно деморализуем население и покончим с бунтом».

Василий понимал, что куманьки не простят ему и его отряду такую дерзость, но он даже не представлял, какие они примут ответные меры. После проведённого рейда прошло три дня, и он собирался было совершить вылазку в село Чуртан, как поздним вечером на базе появился племянник Григория Знаменщикова, четырнадцатилетний Алексей и едва переступив порог, заявил: «Командир, вам необходимо срочно уходить отсюда. На это у вас есть не больше часа. Дядю Гришу и ещё пятерых мужиков сегодня днём арестовали красные и увезли в Викулово. А остальных деревенских куманьки по одиночке пытаются в сельревкоме и выпрашивают о вас. Боюсь, что кто-нибудь не выдюжит и расскажет об этой базе». «Спасибо, Алёшка, что предупредил», - ответил Василий и не теряя зря время, приказал: «Через полчаса все должны быть готовы к отправке. С собой брать только оружие и боеприпасы и немного провианта. Уходить будем на верхах в сторону Сергино, а там посмотрим, куда дальше податься». Не задавая командиру лишних вопросов, бойцы стали торопливо собираться. Но оказалось, что красным и этого времени было достаточно, чтобы, узнав о базе, вплотную подойти к ней со стороны Абатского тракта. И только благодаря бдительности дозорного, сидящего в укрытии на дереве, отряд не был захвачен врасплох. Услышав выстрел и несколько ответных, Василий громко скомандовал: «В ружьё!», и первым выскочил из избышки. Рассредоточившись по территории лагеря и заняв удобные позиции, восемь человек, считая Алёшку, стали ждать появления куманьков. Но те не торопились. По-видимому, поняв, что внезапного нападения на бандитов не получилось и теперь им придётся принимать ночной бой с ними, куманьки пришли в замешательство. Нервничал и Василий. «Сколько их там? Кто их сюда привёл? Почему не наступают? Может, ждут, когда со стороны озера подмога к ним подойдёт?». Прошло несколько минут тревожных ожиданий. Наконец, не выдержав нервного напряжения, первыми обнаружили красные и ко-

роткими перебежками стали наступать. Подпустив их на расстояние силуэтной видимости, Василий коротко скомандовал: «Огонь!». Прогремели первые выстрелы и некоторые силуэты свалились в снег. Послышались предсмертные крики красных бойцов, невнятные команды их командира и слепая оружейная пальба. А через минуты три всё вновь затихло. «Красноармейцев двадцать в отряде, не больше. Однако нам и с ними не справиться. Единственная надежда на мороз, который вынудит краснопёрых атаковать или отступить, чтобы, дождавшись подкрепления, уничтожить нас всех до единого. Сидеть в снегу до утра нам нет резона. В любом случае необходимо вырваться отсюда. Подождём минут десять и начнём сами действовать», - принял решение Губин и осторожно пополз к крайнему от него Осипу Селивёрстову из Крутихи. «Передай по цепи, если в течении десяти минут красные в атаку не пойдут, то пусть открывают огонь в их сторону, а затем пробирайтесь к пригонам, садитесь на лошадей и через озеро на махах уходите в сторону Сергино», - приказал он пожилому бойцу. «А ты как же, командир? Сдаваться надумал?» - с подозрением спросил Осип. «Ваш отход прикрывать останусь. Жив буду, вас ещё до Сергино догоню. Только не забудьте Воронку отвязать», - резко ответил Василий.

Однако ждать окончания десяти минут не пришлось. Заметив, как сквозь ночную туманку красноармейцы вновь стали перебежками подбираться к ним, повстанцы открыли плотный огонь. И вновь, как первый раз, ответив одиночными выстрелами в сторону мужиков, красноармейцы залегли в сугробы и стали выжидать. «А дальше чо делать?» - услышал Василий голос Осипа. «Поступать, как договорились», - коротко ответил командир и стал напряжённо всматриваться в сторону противника.

Горстка бойцов повстанческого отряда ползком добралась до пригона, где на привязи стояли под седлами их лошади, осторожно вывели их за ворота и забравшись на вершну, стали быстро удаляться в сторону озера. Но красные их передвижение заметили. Поняв, что повстанцы решили скрыться через озеро, бросились за ними вдогонку, на ходу стреляя из оружия. Шквал пуль, пробивая морозную темноту, дружно просвистели в сторону беглецов. Василий выбрал ближайшую к себе цель и выстрелил. Цель качнулась и со стоном завалилась на бок. Такая же участь постигла и ещё одного бойца. В рядах красных появилась минутная заминка. Быстро поменяв позицию поближе к пригону, Губин выцелил третьего краснопёрого и выстрелил. Затем в два прыжка ворвался в пригон, вскочил на Воронку и пригнувшись к гриве, рванул поводья. Конь мгновенно сгруппировался, выскочил прямо через частокол на волю и

стрелой полетел в сторону озера. Опомнившись, красноармейцы стали беспорядочно стрелять по быстро удаляющейся цели.

Свой отряд Василий догнал на половине пути до Сергино. Взмыленный Воронко даже радостно заржал при встрече с сородичами. «А я уж, грешным делом, подумал, что ты сдаться решил, командир. Слыхивал много таких, как ты, у советской власти прощения вымаливают. Извини, Василий Иванович, меня за такие дурные мысли», - произнёс Селивёрстов, когда Губин поравнялся с ним. «Не винись, Осип. В такой ситуации, в какой оказались сейчас восставшие мужики против коммунистов, они и не то могут друг о друге подумать. Но я тебе сразу скажу, что в отношении меня ты будь спокоен. В руках куманьков я могу оказаться только мёртвым», - твёрдым голосом заверил Василий.

Понимая, что обнаружив отряд на озере, красные теперь его в покое не оставят и будут искать по всей округе, в Сергино Губин долго не задержался. Переведя дух и немного отдохнув, он повёл бойцов через Жидоусово на Тиханиху, где рассчитывал найти временное пристанище. До рассвета оставалось ещё часов пять, поэтому командир надеялся за это время преодолеть все сорок вёрст.

Тиханиха встретила отряд неласково. Злые, голодные собаки с самого начала улицы бежали за ним и норовили укусить лошадей за ноги. Те лягались, иногда попадая задними копытами по собачьим мордам, но отбиться так и не могли. Не лучшим образом отнеслись к бойцам и граждане деревни. Они исподлобья разглядывали повстанцев и угрюмо молчали. «Всё, конец пришёл крестьянскому восстанию. Выдохлись мужики, обмякли. Теперь каждый за себя в ответе. Забили и запугали их коммунисты до смерти. Не ровен час и нас могут выдать комиссарам или даже убить», - подумал Василий и оставив отряд посредине улицы, направился к избе давнишнего знакомого Сидорова. Но и там его встретили неприветливо. Узнав нежданного гостя, Филипп спросил: «Ты чо припёрся? Крови нашей из-за тебя и твоих дружков мало комиссары попили?». «Почто такой забывчивый стал, Филипп? Разве мы тебе и деревне не помогали зерном и всем чем могли? А то, что комиссары победили не только наша вина, но и всех мужиков уезда. Кабы все встали ещё весной на дыбы, а не держались за подолы своих жён, то от комиссаров мокрого места даже бы не осталось. Не надо меня гневить, Филипп, а то я и так дюже злой. Могу и осерчать», - предупредил Василий. «Ладно, успокойся. Чо хочешь от меня?» - примирительным тоном спросил Сидоров. «Укрыться бы нам где-нибудь ненадолго. Пока постоянное место не найдём. А то за нами красные погоню устро-

или и будут все уголки обшаривать в волости», - высказался Василий. Филипп призадумался ненадолго, затем испытывающим взглядом осмотрел бойцов отряда, и промолвил: «Есть у меня такое место на болотах. Вёрст двадцать от деревни будет. Правда, давно я там не бывал, а раньше каждый год охотился в тех местах на зверя. Прямо скажу, гиблое место. Но в вашем положении очень даже подходящее». «Когда можешь отвести нас туда?». «Да хоть сегодня. Немного отдохнёте с дороги и тронемся». «А чо нам отдыхать? Не успеешь глазом моргнуть, как красные здесь объявятся. Деревенские-то не добрыми глазами на нас смотрели». «Ну, когдысь так, то выезжайте за деревню и поджидайте меня на поскотине», - согласился Филипп и пошёл в избу.

До нового убежища горстка повстанцев добиралась часов пять. Оно находилось в семи верстах западней заимки, на крошечном островке, в самой топкой части огромного болота. Да и убежищем-то его трудно было назвать. Полуземлянка-полуизбушка, не больше. Но и этому укрытию бойцы отряда были рады. Немного отдохнув и осмотревшись, мужики дружно приступили к его благоустройству. Смастерили из жердей небольшой пригон для коней, утеплили, как смогли, возвышающиеся над землянкой сруб и крышу, прочистили дымоход, затопили глиняную печку и поставили на неё огромный чугунок, набитый до краёв чистым снегом. Утомлённые тяжёлым и длительным переходом, немного забывшись от событий прошедшей ночи, повстанцы перекусили и стали устраиваться на ночлег. Сидоров Филипп, помогавший им привести убежище в порядок, заметив это, произнёс: «Пора и мне двигаться в сторону дома. Дня через три харчей вам подвезу и киросина немного». «Спичек и соли не забудь положить, а то мы налегке убежали со своей базы», - попросил Василий и вдруг спохватился: «Забери с собой до Тиханихи Алексея. Нечего ему с нами по болотам скрываться. Переночует у тебя, а завтра поутру в Знаменщики пусть едет». «Я сам тебе хотел предложить, да ты опередил меня. Каково пацанёнку здесь с вами вшей кормить. Дома, поди, родители ждут», - отозвался Филипп. Алешка было заартачился: «Нечего мне в деревне делать. Там сейчас куманьки хозяйничают», - но взглянув на суровое лицо командира, согласился. Уже прощаясь с ним, Василий сказал: «Передай Григорию, если он ещё живой и на свободе, чтобы он дён через десять наведывался к нам. Сам его и сопроводишь сюда».

С раннего утра повстанцы продолжили благоустройство своего временного жилья и быта. А через три дня и вовсе было не узнать полуразвалившуюся землянку-избушку и прилегающую к ней территорию. Закончив с жильём,

мужики переключились на другие хозяйственные постройки и охотничий промысел. Видно с самого начала Бог создавал мужиков для работы, а не для праздной жизни.

Филипп прибыл на остров на четвёртый день. Сгрузив с саней четыре мешка муки, пуд сала топлёного, столько же замороженного масла и другие хозяйственные товары, он тут же засобирался в обратный путь. «Ты хоть чайку попей с нами, о новостях мирских расскажи. Мы ведь как в берлоге здесь живём», - попросил Василий. «А чо я могу рассказать? Наша деревня тоже не на большаке стоит. Если какие и есть новости в Большом Сорокино или в Ишиме, то они к нам не раньше, чем через месяц попадут. Слыхивал, правда, что красные отряды по всем деревням и сёлам рыскают и главарей повстанцев вылавливают, но у нас их пока не было», - ответил Сидоров. «Ну, раз нечего нам рассказать, то мы тебя и пытать не будем. Придётся самим новости добывать», - проронил Губин и попрощался с Филиппом.

После отъезда Сидорова, прошло ещё несколько дней и Василий стал с нетерпением поджидать Григория Знаменщикова. «Он-то точно с новостями прибудет. Может, даже моим родителям сообщит, где я и что со мной», - рассуждал командир. И вот, наконец, дежуривший на единственной тропе, ведущей к острову, Панкрат Сугоняев заметил двух человек, в одном из которых признал Алёшку. Встретив их и пропустив в сторону острова, дозорный остался на посту.

Появлению Алексея и Филиппа Знаменщиковых Василий заметно обрадовался, однако, узнав от них о том, что комиссары убили Григория, сильно опечалился. А после рассказа Филиппа о том, как пытали изверги его друга и однополчанина, Губин и вовсе почернел лицом и заскрипел зубами. «Сначала били чем попало: прикладами, нагайками, рукоятками наганов, а затем облили колодезной водой и держали на морозе до тех пор, пока Григорий не покрылся ледовой коркой и не потерял сознание. Потом его бросили на дровни и в таком состоянии повезли в Абатск. Дорогой он и помер. Узнав об этом, его Марья чуть с ума не сошла. А может, даже тронулась слегка. На руках-то грудной ребёнок остался». Немного успокоившись, Василий вслух произнёс: «Нет, рано мы в берлогу залезли и зимовать настроились. Не будет у меня спокойного сна, пока за друга не рассчитаюсь с куманьками», - и посмотрев на прибывших парней, спросил: «Не слыхивали, какие порядки творятся в селе?». «Об этом я и хотел тебе сообщить», - оживился Алексей. «В общем, когда я вернулся домой и узнал о смерти дядьки, то тут же решил ехать в Большое Сорокино и

отыскать твоих родителей. Встретили они меня хорошо. Правда, мать сильно плакала, а отец ничо, держался. Я им сказал, что ты жив и здоров и что временно затаился в болотах. Они меня поблагодарили за приятную новость, покормили и просили передать, если я тебя ещё увижу, что к ним приходила Полина и тоже узнавала о тебе. А ещё велели сообщить, что куманьки ищут тебя и кажинный день наведываются к ним. Просили, чтобы ты был осторожным и не появлялся в селе до поры до времени. Насчёт власти в Большом Сорокино я следующее скажу. Красные крепко стали утверждаться в волости. Вновь милиция создана, волревком избран и цельный взвод военных расквартирован. Правда, мародёрничают безбожно они, но супротив никто даже слова не может сказать. Слыхивал также, что по уезду облава на повстанцев и их главарей смертельная ведётся. Многих уже выловили и расстреляли. Тебя тоже в розыск объявили», - доложил паренёк. «Молодец, Алёшка! Глазастый и ушастый ты парень. Хороший из тебя разведчик выйдет», - похвалил Селивёрстов Осип. «Ладно, сегодня у нас заночуете, а завтра рано утром в обратный путь отправитесь», - принял решение Василий.

Эту ночь Губин не спал. Его душу терзали боль и гнев, а в голову лезли разные мысли. «Сиротой я остался. Всех моих лучших друзей коммунисты уничтожили. Что же это творится на белом свете? Где справедливость Господа нашего? Почему он до сих пор терпит этих нелюдей и не воздаст им за их мерзкие дела? Кто воскресит тысячи крестьян, боровшихся за своё правое дело, но не победивших? Сколько полегло на полях сражений лучших сынов Сибири, а сколько не родится от них детей, которые могли бы стать гражданами нашего края! Кто тогда будет пахать матушку землю и оберегать от врагов внешних Рассею? Эти выродки с красными звёздами на голове? Да они только что и умеют, как со стариками, детьми и бабами воевать!» - шептал Василий, но вспомнив, что к его родителям приходила Полина, он встрепенулся и уже громче произнёс: «Нет, рано ещё себя хоронить! Я ещё попорчу кровь этим иродам-безбожникам!».

На второй день, после отъезда Алёшки и Филиппа, лагерь покинул Василий. Перед своим отъездом, он собрал его обитателей и предупредил: «Меня не будет дня три. Постараюсь изучить обстановку на местности и разузнать о наличии в наших краях повстанческих отрядов, к которым можно было бы примкнуть для общих действий. Старшим на время моего отсутствия остаётся Осип».

Из лагеря Василий поехал в сторону Ворсихи, где планировал остановиться на короткое время у дальних родственников. Преодолев по бездорожью

тридцать вёрст за пять часов, к вечеру он оказался уже в густом осиннике, за которым виднелись деревенские избы. Подождав, когда в окнах погасли тусклые огоньки керосиновых ламп, Василий привязал Воронку к осинке и проваливаясь по колена в сугробы, направился к необходимой ему избе. «Как они примут? Не испугаются ли нашей встрече? Наверняка ведь знают, что я сражаюсь на стороне повстанцев и нахожусь в розыске. А может и вовсе, захотят выдать меня красным», - одолевали противоречивые мысли Губина. Подобравшись к окну, да так тихо, что даже кобель в своей будке его не учуял, Василий постучал по ставням и стал ждать. Вскоре скрипнула в сенях дверь и послышался недовольный голос Миней Степановича, сродного дядьки по отцовской линии: «Кого ещё там черти принесли?». «Это я, дядя Миней, Василий Губин. Пусти в избу, поговорить надо». «А ты откуда в Ворсихе появился? Вроде сказывали, что тебя красные в Знаменщиках зарубили». «Может, и хотели зарубить, да не удалось. Так ты в избу-топустишь или от ворот поворот покажешь?» - немного раздражённо спросил Василий. «Проходи уж, коль пришёл. Только голову в сенях шибче нагибай, а то об косяк ударишься», - предупредил хозяин и первым направился в избу.

«Ночевать будешь или в ночь уйдёшь?» - спросил Миней Степанович, когда они оказались в кути. «Не буду я вас под подозрение подставлять. Поговорим немного, да и расстанемся». «Ну, тогда давай хоть чаю попьём. А может, что и покрепше. Ты как, племяш, на это смотришь?». «Что покрепче в следующий раз выпьем, а сейчас чайком да разговором обойдёмся». «Ну, тогда снимай лопатину, садись к столу и будем чаёвничать. Самовар-то поди не остыл ещё», - заметно обрадовшись, распорядился Миней Степанович. На их разговор из горницы вышли хозяйка и тринадцатилетний сын Ефрем. «Здравствуйте, тётушка, извини, что в неурочный час в гости к вам заглянул. Другого времени не нашёл», - произнёс Губин-младший. «Да чо уж извиняться. Как получилось, так и случилось. Вы тут чаёвничайте, а я пойду отдыхать. Завтра мне рано вставать. Квашню ноне замесила в двух корчагах», - ответила хозяйка и вновь скрылась в горнице. Однако Ефрем не пошёл за матерью, а примостился на лавке рядом с отцом.

«Ну, племяш, рассказывай, что тебя ко мне привело в такую холодную ночь?» - обратился Миней Степанович. «Да особой причины на это не было у меня. Просто решил узнать, как себя в вашей деревне чувствуют куманьки и не пора ли им бока пощекотать». «У нас-то их всего три человека, а вот в Вознесенке не менее двух десятков. Бесчинствуют почём зря. Что хотят, то и

делают. Отберут у жителей самогон или бражку, напьются до чёртиков в глазах и давай стрелять по всему живому. Будь то скотина хозяйская или гуси, для них всё равно. Ропщет народ, а поделать ничего не может. Нет на них управы, окоянных», - разоткровенничался Миней Степанович. «Бывших бойцов из повстанческих отрядов много в вашей деревне?» - спросил Василий. «Кто их знает. Вроде шатались всё лето по уезду, а в каких отрядах служили, сказать не могу», - схитрил дядя. «Ты чо, тятя, забыл? А Скоробогатовы? Они же у Шевченко в полку были», - по наивности проговорился Ефрем. Миней Степанович строго посмотрел на сына, но ничего не сказал. «А ты можешь вызвать кого-то из них на улицу?» - уцепился Василий. «Семёна могу, если тятя разрешит», - ответил паренёк. «Ладно, идите встречайтесь, но только не у моей избы», - разрешил Миней Степанович, дав понять, что на этом разговор между ним и племянником закончен.

Когда Василий с Ефремом вышли во двор, паренёк сказал: «Ты со мной на улицу не выходи, а спрячься за пригонами и жди. Я скоро вернусь». «Ещё один разведчик отыскался», - подумал Губин-младший, но перечить не стал, а направился в сторону скотного двора.

Ефрем вернулся через полчаса в сопровождении двух крупных молодых мужиков. «Губин, ты как это в Ворсихе оказался? Тебя ведь здесь каждая собака знает», - послышался знакомый голос. «Афанасий, это ты, чо ли?» - не поверил своим ушам Василий. «А то кто же ещё. Я!». «Ну, здорово, бродяга! А я думал, что и тебя тогда на острове убили». «Живой пока. Но надолго ли, не знаю. Куманьки уже несколько раз пытались меня на тот свет отправить, да у них никак не получается это сделать. Ну, рассказывай, как живёшь и зачем звал? Дело какое к нам есть или просто так - повидаться?» - спросил Афанасий Костылёв, командир разведывательного отряда в Шевченковском полку. «Дело, конечно. Я же не знал, что тебя встречу». «А коль так, то пойдём в баню к Минею, там и потолкуем. Чо здесь на морозе дрожжи продавать», - предложил Костылёв.

В бане и в самом деле было намного сподручнее разговаривать. Хотя и теплена она была два дня назад, а тепло ещё сохранила. Да и разговаривать можно было громко, не боясь, что тебя подслушают. Единственное неудобство - это крошечная темнота. Но и к ней вскоре привыкли собеседники. «Выкладывай, Губин, с чем пожаловал», - продолжил прерванный разговор Афанасий. Василий вкратце рассказал о событиях декабря, о том, где и почему вынужден со своим небольшим отрядом скрываться и в заключение сказал: «Слыхивал, что в Вознесенке красные бесчинствуют над крестьянами. Предлагаю напасть

на деревню и поотшибать краснопёрым крылья, чтобы они никогда больше над над сибирской землёй не летали». Костылёв подумал немного и ответил: «Маловато нас осталось, чтобы целый взвод бойцов красной армии одолеть. Здесь нужно стратегию правильную разработать. Придётся курмановских мужиков подтягивать. В нашей-то деревне человек десять-двенадцать желающих найдётся, да и из тех - половина пешие. А чтобы Вознесенку со всех сторон обложить человек тридцать надо, не меньше. В общем, покумекать надо над твоим предложением». «Нет у меня время на раздумья. Если не готов идти на Вознесенку, то и я эту мысль из головы выкину. Всемером мы и подавно не одолеем красноармейцев. Придётся копить силы, а уж потом и в схватки с куманьками вступать». «Постой, Губин, не горячись. Я же не сказал тебе «нет», а сказал, что стратегию правильную необходимо разработать. Давай, сделаем так. Ты поезжай за своим отрядом и приводи его через два дня сюда, а я за это время разведу обстановку в Вознесенке и наберу людишек надёжных. Встретимся на Курмановской дороге, за версту от Ворсихи в 10 часов вечера». «Вот, это другой коленкор. Сразу и жизнь веселее стала», - произнёс Василий и улыбнулся в темноту. После этого разговора они пожали друг другу руки и разошлись по разным направлениям. Прощаясь с Ефремом, Василий хлопнул ладонью паренька по плечу и сказал: «Спасибо, братишка, за помощь. Жалко, что ты ещё мал, а то бы я тебя обязательно к себе в отряд взял».

Добредя по высоким сугробам до Воронки и запрыгнув в седло, Губин на время задумался. Потом резко мотнул головой и произнёс: «До Покровки всего-то пятнадцать вёрст, а я ещё раздумываю - ехать-не ехать. Вези меня, Воронко, туда, где радость всей моей жизни живёт».

Часа через полтора Василий был уже у своей желанной девушки, которая ждала дни и ночи напролёт и не верила глазам своим, когда увидела его перед собой. «Здравствуй, милая Полюшка! Я очень соскучился по тебе. Нещадно гнал Воронку, чтобы побыстрее оказаться рядом с тобой. Родная моя! Как ты хоть здесь одна живёшь?» - не жалея ласковых слов, распаялся от нахлынувших чувств Губин. Девушка смотрела на него своими синими влюблёнными глазами и молчала. «Ты почему не разговариваешь со мной? Неужели не рада мне? Может, уйти?» - улыбнулся Василий. «Онемела я от счастья и слов не найду таких, которые могли бы моё душевное состояние передать и о моей любви к тебе рассказать. Как я ждала тебя!» - тихо произнесла Полина и низко наклонила голову. Василий нежно обнял девушку и прижал к своей груди. Так они простояли минут десять. Первой спохватилась Полина: «Ты голодный с доро-

ги, а я тебя у порога держу! Заходи в куть, раздевайся и садись за стол. Я сейчас воду подогрею и чай заварю». «Я не голоден, царица моя. У дядьки в Ворсихе попаужнал», - хотел отказаться Василий. «Это когда было, а я хочу, чтобы ты у меня поел», - ответила девушка и продолжила хлопотать у творила печки.

В эту ночь влюблённая пара так и не уснула. Они всё говорили и говорили, словно голубь с голубкой ворковали. А когда Полина хотела положить Василия на постель, он ласково, чтобы её не обидеть, сказал: «Родная моя, единственная, мне ехать пора. Скоро светать начнёт и можно на разъезд красных нарваться. А мне сейчас очень не хочется погибать и оставлять тебя одну на этом свете». Девушка враз сникла и опустила голову. «Не печалься зря, а надейся на то, что у нас будет с тобой всё хорошо», - попробовал успокоить её Василий, но у него это не получилось. «Такая же, как маманя моя. Необходимо проявить твёрдость духа, иначе будет ещё тяжелее расставаться», - мелькнуло в голове и он решительно встал. «Когда теперь я тебя увижу?» - тихо спросила Полина. «Скоро. Думаю, что дня через три я снова здесь буду». «Я тебя, любимый, буду очень, очень сильно ждать».

В укрытие на болотах Василий прибыл ещё до обеда. Собрав за столом бойцов, он объявил: «Завтра, после полудня, выступаем в сторону Ворсихи. Там нас на курмановской дороге будет ждать отряд местных мужиков, которые раньше воевали в первом освободительном полку Шевченко. Объединив наши силы и возможности, мы той же ночью должны напасть на Вознесенку, где квартирует взвод бойцов красной армии. Наша цель и задача одна - как можно больше убить куманьков и разграбить склады. Сразу хочу предупредить, что если кто-то из вас боится или не хочет идти в поход, то навязывать свою волю я не стану. Не то сейчас время». Но среди бойцов таких не оказалось и все начали готовиться к очередной, может, даже, последней встрече с врагами.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Афанасий сдержал своё слово и незадолго до назначенного времени прибыл с двадцатью мужиками к месту встречи. «Здорово, бойцы! Как добрались? Остались ещё силы для того, чтобы вспороть животы комиссарам?» - бодро спросил он. «Руки чешутся, работы просят, да и кони готовы нести нас за победой хоть на край света», - ответил за всех Еськов Терентий из Крутихи. «Ну, раз у вас остались силы на шутки, то мы обязательно победу добудем», - сделал вывод Костылёв и обратился к Василию: «Побывал ноне в Вознесенке и поговорил с кое-кем. В общем, красноармейцы не очень-то чтут воинский устав и соблюдают дисциплину. Почитай, кажинный день пьяные по деревне ходят и к местным пристают. Шибко недоволюсь население ими. Вот я и подговорил на этой почве человек десять мужиков, чтобы во время боя они присоединились к нам. Пообещал, что в случае победы, отдадим им на разграбление ссыпной пункт и магазин. Ещё немного подождём и выдвигаться можно». «Добро. Пока бойцы отдыхают, мы с тобой план нападения отработаем», - предложил Василий.

На краю берёзового колка, от которого до Вознесенки оставалось с полверсты, отряд оказался ближе к полуночи. Разделившись на две группы и согласовав свои дальнейшие действия, повстанцы направились выполнять намеченную задачу. Начало нападения прошло удачно. Захватив без единого выстрела три избы, в которых проживали красноармейцы, мужики ринулись в сторону общественного дома, где, после бурного застолья, отдыхали командир взвода, комиссар и их дневальные. Василий мощным ударом приклада развалил оконную раму и первым ворвался помещение. Плохо ориентируясь в расположении комнат большой избы, он крикнул: «Вы арестованы, товарищи коммунисты! Будете сопротивляться, сожжём всех до единого прямо в доме». Неожиданно, кто-то с огромной силой толкнул его в спину, и он, запнувшись за стоящий посреди комнаты табурет, полетел на пол. И в это же самое

время человеческая тень мелькнула в окне и скрылась из вида. Губин чертыхнулся, вскочил на ноги и не целясь, выстрелил в след убегающему. «Пряткий краснопёрый оказался. Повезло ему, что в комнате темно было, а то бы из него всю душу вытряс», - с досадой подумал командир и рванул на подмогу своим бойцам, которые уже заняли остальные комнаты и скручивали ремнями руки задержанных. «Губин, это ты стрелял в сторону улицы?» - спросил Костылёв. «Опростоволосился я, Афанасий. Перехитрил меня куманёк пархатый». «Не переживай, мы его в следующий раз к стенке поставим», - успокоил Костылёв товарища, затем подозвал пожилого мужика, местного жителя, и сказал: «Собирай своих деревенских, Василий Никитич, и приступайте разбирать своё добро из общественных амбаров. А мы вас пока покараулим. Да долго не расусоливайте. Не успеешь и глазом моргнуть, как красные войска здесь окажутся». «Не беспокойся, Афанасий, мы шопериться долго не станем, вмиг сусеки выгребем», - ответил тот и исчез в темноту. К этому времени кто-то из повстанцев зажёл в горнице керосиновую лампу и командиры перешли туда. Вскоре к ним привели и задержанных. Осмотрев их при свете, Афанасий с сожалением произнёс: «Жалко, что ты комиссара упустил, самый вредный из них был. У меня давно к нему счёты имелись». «А с этими что будем делать?» - спросил Селивёрстов. «А чо с ними делать? Расстреляем принародно и всё. Не таскать же нам их с собой», - спокойно, не дрогнувшим голосом, ответил Афанасий. «А кто их будет расстреливать?» - не унимался Осип. «Да хоть ты. Или кто из деревенских захочет это сделать. Уж дюже сильно они издевались на тутошним народом». «Правильно. Пусть местные мужики и порешат их судьбу», - успокоился Селивёрстов и отошёл в сторону.

Оставив пленных в общественном доме под стражей Осипа и двух молоденьких пареньков, Василий с Афанасием сели на коней и повели свои отряды на охрану окраин деревни. Настроение у бойцов, включая командиров, было приподнято.

Растаскивание зерна и других товаров из общественных амбаров длилось около трёх часов. И когда прибывший в отряд местный житель сообщил Василию, что можно сниматься с дозора, он даже удивился: «Неужто всё зерно выгребли и успели попрятать?». «А чо там выгребать-то было? Пудов триста, не боле. За десять дён до этого, цельных три обоза красные отправили в Ишим. Не сегодня-завтра и последнее зерно вывезли бы», - объяснил тот.

Позже сводный отряд собрался в общественном доме на организованном местными жителями угощении. Довольные, хоть и локальной, но победе над

куманьками, бойцы с удовольствием приняли приглашение. Во время застолья Афанасий, глядя на Василия, как бы между прочим, проронил: «Сказывал мне один баптист из Новониколаевки, что в их деревне красные держат большие запасы семенного зерна. Деревня эта заселена сплошь переселенцами, поэтому от мужицкого восстания всё время держалась в стороне. Может, рванём туда, пока нам фартит? Здесь всего-то четыре версты. Полчаса - и там». «А охрана большая в деревне стоит?» - спросил Губин. «Десять красноармейцев, включая командира. Если сейчас выскочим из Вознесенки, то ещё тёпленькими в постелях можем их застать. До рассвета-то часа три будет», - настаивал Афанасий. «Ну, если так, то я не против. Пусть побесятся от злости комиссары. А то они думают, что нас давно в живых нет», - согласился Василий и поднялся из-за стола.

Охрану общественных амбаров в Новониколаевке отряд повстанцев и в самом деле обезоружил без единого выстрела и ещё затемно. Плохо соображая, что произошло, красноармейцы с удивлением рассматривали бородатых мужиков, тычащих в их лица стволами обрезов. «Чо, куманьки? Проспали советскую власть? Разве вам командиры не говорили, что на посту нельзя спать? Теперь придётся отвечать за все свои злодеяния, которые вы творили над народом сибирским», - угрожающе произнёс Осип. «Мужики, в красную армию мы недавно мобилизованы и прибыли сюда из Архангельской губернии. Нет на наших руках крови ваших земляков. Перед господом Богом побожусь, что это правда. Все деревенские подтвердят мои слова», - взмолился крупный молодой красноармеец. «То правда, что он калякает. Смирные ребята попались. Даже сало и самогонку ни у кого не отобрали и не украли», - заступился Андриенко Ефим Фёдорович, тот самый баптист, о котором поведал Афанасий. «Ладно, посмотрим, как с вами поступить, а пока, отдайте вот этому человеку ключи от амбаров и ждите нашего решения», - показав на Осипа, приказал Василий и вышел на улицу.

В отличие от мужиков вознесенских, новониколаевские, из-за боязни перед новой властью, в большинстве своём отказались забирать хлеб из общественных амбаров. «Ну, раз вам не нужно зерно, то и красным оно не достанется», - заявил Афанасий и недолго думая, приказал своим бойцам поджечь склады со всех сторон. Местные жители бросились было тушить, но Афанасий выхватил из кобуры наган и несколько раз выстрелил в верх. Толпа отступила, а огонь взметнулся высоко в небо. До смерти запуганные комиссарами, местные жители отказались и решать судьбу красноармейцев. Поэтому, всыпав

каждому бойцу красной армии по пятьдесят ударов кнутом, повстанцы свою миссию в Новониколаевке завершили и засобирались уходить из деревни.

Успех прошедшей ночи расслабил командиров и они на время потеряли бдительность, не выставив, как всегда, разведчиков впереди отряда. И такая беспечность обошлась повстанцам очень дорого. Не доходя саженой сто до Кротовского тракта, который отряд планировал пересечь и направиться в сторону деревни Курмановки, их ждала засада красных. И как только мужики оказались в её зоне, с двух сторон на них обрушился град пуль. От неожиданности, Василий даже растерялся и не сразу сообразил, что дальше делать. А вскоре вокруг отряда и вовсе сомкнулось кольцо противника. Рядом с Губиным стали замертво падать люди и кони, но в него самого красные не стреляли. Чуть позже он понял причину такого явления. Признав в нём, благодаря Воронко, главаря повстанцев, куманьки хотели захватить его живым и преподнести в подарок своим командирам. Нутром ощутив опасность плена, Василий зло прошептал: «Живым вы меня не получите! Или прорвусь на свободу или буду убит достойно, как все мои друзья по оружию!». Ударив нагайкой Воронко по спине и с силой пришпорив бока, Губин почти лёг на его гриву и рванул прямо на цепь красноармейцев, в сторону Кротовского тракта. Конь не просто нёсся во весь опор, он словно летел над землёй и над врагами своего хозяина. Не поняв вовремя манёвр Василия, красноармейцы на мгновение замешкались и этого было достаточно, чтобы он оказался за пределами кольца. Выскочив на Кротовский тракт, Губин машинально повернул коня налево и продолжил отчаянный бег. То, что он ранен в левое плечо, Василий почувствовал только когда промчавшись по тракту версты три, остановился перед самой Вознесенкой. Свернув с наезженной дороги в лес, он перевёл дух и перетянул опоясочной рану. Она была не опасной, но кровянистой. Вырвав в плече кусок мякоти, не задерживаясь, пуля улетела дальше. Закончив с этой процедурой, Василий выехал на опушку леса и посмотрел на тракт. Но он был пуст. «Всех до единого положили куманьки моих мужиков. По-видимому, не добитый комиссар успел сообщить в Большое Сорокино о нашем нападении на Вознесенку. Не надо было Новониколаевку брать. Ушли бы в болота и следы за собой замели», - вслух произнёс Губин-младший. Неожиданно на тракте он заметил Пегуху, кобылу Селивёрстова. «Без Осипа бежит. Видно и он погиб в этой мясорубке. Да и какая это мясорубка, когда нас как цыплят зелёных красные в упор расстреляли. Даже сопротивления-то настоящего им не смогли оказать», - нагнетал себя Василий. Кобыла добежала до того места, где Воронко свернул с дороги и шагом пошла по его следам в лес. Оказавшись рядом с жеребцом, Пегуха зарыла

в его гриву морду и тихо заржала. «Неужели хозяина своего оплакивает? Вот, умная скотина!» - востепенулся Василий и окинув взглядом в очередной раз тракт, со вздохом произнёс: «Всё! Ждать больше с той стороны некого. Если и остался кто из мужиков живой, то ненадолго. Красные, как только узнают, что мы сделали с их поделщиками в Вознесенке, вмиг добьют». Затем задумался, посмотрел на кобылу и принял окончательное решение: «Заберу её с собой и в Покровку к Полине подамся. А что дальше делать - решу на месте».

Хоть до Покровки и всего-то было двенадцать вёрст, а добирался до неё Василий почти полдня. Чтобы не нарваться на засаду красных и не попасть на глаза местным жителям, Вознесенку и Преображенку он объезжал стороной, утопая в глубоких сугробах и обдирая бока коней замёрзшими, колючими ветками кустарников. Словно смирившись с судьбой, Пегуха шла следом за Воронком и иногда шумно пофыркивала.

Полина встретила Василия с радостными и одновременно печальными глазами, на которых просматривались припухлости от пролитых слёз. «Ты опять плакала? Я же тебе сказал, что скоро приеду. И как видишь, слово своё сдержал», - ласково пожурил Губин-младший. «А я и не плачу. Просто сегодня долго спала, вот глаза и затекли», - ответила девушка и поцеловав его крепко в губы, добавила: «Соскучилась я сильно по тебе». «Всё, закончилась твоя одинокая жизнь. Я за тобой приехал. Быстро собирай свои вещи и мы отправимся вместе в мою берлогу. Если, конечно, ты не испугаешься там жить», - улыбнулся Василий. «С тобой мне даже на краю земли не страшно, а уж в наших болотах тем более», - решительно заявила Полина и стала готовиться в дальнюю дорогу. Брала с собой только то, что потребуется ей на первое время, а остальное перенесла в избу дяди, заодно и попрощалась с ним.

Распределив поклажу на спины обеих коней, Василий посадил Полину в седло на Пегуху и они прямо через её огород направились на север, в сторону леса. Путь был тяжёлым и не близким, поэтому путники дважды останавливались по дороге, чтобы дать отдохнуть лошадям и самим размяться. И только незадолго до полуночи, они достигли узенькой дорожки, ведущей к месту убежища. С самого начала вынужденного путешествия по таёжным буреломам, Василий старался не пугать Полину условиями предстоящего бытия и ничего не рассказывал ей о нём. «Прибудем на место, а там пусть будет как будет», - мысленно успокаивал он себя. Но к его приятному удивлению, когда они зашли в землянку-укрытие и Василий зажёл керосиновую лампу, Полина весело прощелкала: «Да здесь жить можно хоть сто лет. Я думала, что в лесных

землянках только на корточках можно передвигаться. А тут даже стол и печка есть. Ну, что, Василий Иванович, показывай где мой угол и я устраиваться буду». «Думаю, что мои соратники-бойцы уж больше никогда здесь не появятся, поэтому занимай любое место, которое тебе нравится», - ответил Василий и тяжело вздохнул. «Не сжигай своё сердце, Вася. Нет твоей вины в том, что случилось с товарищами. Они же, как и ты, боролись с советской властью добровольно. А на войне, как на войне. Бывают и жертвы», - высказала мудрые слова Полина и прижалась к нему. «Ладно, Полюшка, давай устраивайся и паузнуть будем», - сказал Василий и поцеловал девушку.

Уже на следующее утро Полина вступила в права хозяйки. Она женской рукой наводила в помещении порядок, готовила пищу и создавала простейший семейный уют, а Василий в это время занимался подготовкой охотничьих и рыболовных снастей. Внутренне он смирился с мыслью, что зимовать с Полиной им придётся в этих гиблых местах. «Переседим до весны, а там видно будет, куда податься», - рассудил он. В то, что зимой или весной в губернии или даже в уезде может вновь вспыхнуть восстание крестьян, он уже не верил. «Главное теперь для них - не умереть от голода и от болезней. А какой вояка из мужика, у которого только кожа да рожа. И советская власть не будет сложа руки сидеть. Всё сделает, чтобы обелить себя и запятнать чёрной краской повстанцев. Пропаганда у комиссаров на высокий уровень поставлена. Да и вожаков крестьянских они всех под нуль свели. Если бы хоть Тобольск удержался, то может шевеление какое и было. Но и из него выбили нашего брата. Вроде, вон, какая силища мужицкая ноне собиралась, а справиться с коммунистической холерой не смогла. Сколько молодых мужиков полегло на поле битвы с куманьками! Тысячи! Кто только следующей весной поля обрабатывать будет? Да и чем засеивать эти поля, когда семян нету. Всю добрую пшеницу комиссары в общественных амбарах сгноили», - рассуждал Василий, смазывая гусиным салом капканы.

Новый, 1922-й, год молодые встретили вдвоём. Приготовив вкусный ужин из мяса белых куропаток и косули, Полина поставила всё это на стол и нежно улыбаясь, пригласила: «Пожалуйста, Василий Иванович, откушать моих изысков». Губин поцеловал в губы молодую хозяйку и ласковым голосом ответил: «Стряпуха ты у меня отменная, а как жена - ещё лучше. За что мне Господь такое счастье подарил?». «Самогоночки выпьешь по случаю праздника?» - таинственным голосом спросила Полина. «А ты где её взяла?» - удивился Василий. «С собой прихватила из дома, когда сюда собиралась. Она незаменимая вещь и для сугрева, и от болезней разных». «Умница ты моя! Конечно, выпью. У меня

ведь почитай, сегодня ещё один праздник - исполнился год, как я в бегах», - с грустью ответил Василий. Но тут же встряхнулся и сказал: «В таком заточении, как сейчас, я готов многие годы прожить. Лишь бы ты была со мною рядом». «А куда я денусь. Хотя и не венчаны мы, но лучшего мужа я себе никогда бы не пожелала. Ты - мой свет в окошке, моя радость и печаль. Тобой я живу, с тобой я и умру», - тихо произнесла Полина и опустила голову. Василий нежно обнял девушку и стал жарко целовать её губы, глаза и волосы.

Три месяца таёжной жизни прошли незаметно. Семейная идиллия и заботы связанные с ней, полностью поглотили сознание Василия. Он постоянно был занят хозяйственными делами и поиском пропитания, а Полина блюла семейный очаг. Ближе к весне их однажды навестил Алёшка и сообщил много новостей. «Всю зиму красная армия вылавливала по курням и заимкам беглых повстанцев и без суда и следствия убивала. Даже тех, кто, поверив, что его не будут строго судить, вернулся из отрядов домой добровольно - куманьки с пристрастием допрашивали и порой расстреливали, а большинство в концлагеря помещали. Наш народ теперь не узнать. Запуганный до смерти и молчаливый, как будто весь глухонемой. А некоторые и вовсе закладывают красным своих соседей или личных врагов, чтобы потом растащить их имущество. В большинстве семей жрать нечего и одеваться не во что. По всему уезду смертельные болезни свирепствуют и людей на тот свет уносят. В общем, конец света пришёл в наши края», - обстоятельно рассказал паренёк о событиях, происходящих в реальном мире, который построила новая большевистская власть. «А о моих родных ничего не знаешь? Как они там поживают?» - спросил Василий. «Почто не знаю - знаю! Дён двадцать назад ездил с мужиками на быках в село. Пока они свои дела обделывали, я к твоим сполкал. Встретили они меня радушно. Чаем напоили и полбулки хлеба на обратную дорогу дали. Живут твои старики, как и все, бедно, но духа не теряют. Они знают, что ты жив. Иван Васильевич в середине зимы ходил в Покровку, чтобы повидаться с Полиной и поспрашивать у неё о тебе. Но когда узнал, что она исчезла из деревни, то сразу понял, что это ты её увёз. Просил передать вам, если увижу, чтобы в село не совались. Хотя в сельсовете тебя уже и вычеркнули из списков живых, участковый милиционер досих пор заходит к ним и что-то всё вынюхивает», - дополнил рассказ Алёшка. Прощаясь с ним на второй день, Василий пожал пареньку руку и сказал: «Спасибо тебе, дружок, за новости и за то, что не забываешь нас. Даст Бог, скоро свидимся. Не век же нам на этих болотных кочках сидеть и со зверьём общаться. Правда, сейчас сам человек хуже зверя стал. Но, всё равно, в его обществе хочется быть».

Посещение Алёшки и порадовало и опечалило Василия. Радовало то, что отец с матерью теперь знают о его существовании и о том, что живёт он со своей возлюбленной. А опечалило известие о бедственном состоянии общества, как в материальном, так и в моральном плане. «Всё. Надёжы на то, что весной крестьяне вновь подымутся на дыбы, больше нет. Сломали куманьки дух мужицкий окончательно. Теперь крестьянская жизнь пойдёт по их колее и с их светофорами. Дадут зелёный свет - бежать всем, включают красный – стоять всем. С этого момента без разрешения комиссаров крестьянин ни единого зёрнышка во вспаханную землю не бросит и ни один колосок не пожнёт. Всё по их приказу будет делаться, даже дети рождаться. Да и от кого им рождаться, если лучших молодых парней и мужиков истребили куманьки, а кто и остался живой, то ненадолго, все равно загубят», - размышлял бывший командир повстанцев.

В свои права весна начала постепенно вступать в начале апреля. Днём снег заметно подтаивал, оголяя верхушки деревьев и кустарников, сугробы на глазах оседали и уплотнялись, а ночью по всей поверхности намерзала толстая корка ледового панциря. Вскоре ожил и лес. Запели птички, энергичнее по стволам сухих деревьев застучали клювами дятлы, заухали совы.

Однажды рано утром, проснувшись от какого-то необъяснимого чувства, Василий открыл глаза и увидел сидящую рядом Полину и держащую его за руку. На её лице была печать таинственной улыбки, а в глазах бескрайная любовь. «Ты чо так рано нынче поднялась?» - спросил Василий. «Да так. Что-то не спится», - нежно прощептала Полина и отвела в сторону глаза. «Ты что-то скрываешь от меня? А ну, давай, рассказывай», - потребовал Губин. «Боюсь тебя испугать». «Чем ты можешь меня напугать? Я стреляный воробей, на мякине не проведёшь. Говори, не бойся», - настаивал Василий. Лицо Полины вспыхнуло, покрылось румянцем и она тихо прошептала: «У нас с тобой, Васенька, будет ребёночек». Губин мгновенно соскочил с постели и осторожно обняв жену, попросил: «Скажи ещё раз эти слова». Полина поцеловала невенчанного мужа в губы и уже смелее произнесла: «У нас с тобой будет дочка или мальчик». «Когда?». «Не знаю, но думаю, в сентябре». «А это точно? Ты меня не разыгрываешь?». «Точнее не бывает», - ответила Полина и выскользнула из рук мужа. «За такое радостное известие и самогоночки не грех выпить». «Выпьешь, но только вечером», - пообещала Полина и направилась готовить завтрак.

Сообщение любимой женщины взбудоражили в голове Василия целый клубок мыслей. «Как обрадуются тятя с мамой, когда узнают эту новость! Но

узнают ли они об этом? И если - да, то когда? До окончания весенней распутицы и половодья мы вряд ли сможем отсюда выбраться. Да и потом, в Большое Сорокино нам путь закрыт. Но и здесь мы не можем долго оставаться и ждать у моря погоды. Как видно из всего, советская власть теперь надолго в Сибири обосновалась. В Рассеи нет больше сил, способных свалить её. Надо было Колчаку помогать её душить, а мы по аулам, урманам да лесам разбежались. Вот, теперь и расплачиваемся за своё мужицкое благодушие. У меня с Полинушкой остаётся только один вариант, чтобы спасти себя и дитя нашего - это бегство из этих мест в чужие края. Летом люда много по дорогам и вестям шастает, даст Бог - и мы среди него затеряемся. Хорошо, что я бумажки казённые, которые дал Юриков, не выбросил. Найду где-нибудь ручку и чернила, заполню их другими фамилиями и именами и на какую-нибудь железнодорожную станцию с Полюшкой подадимся. Хоть на Маслянскую. Сядем на поезд в сторону востока, а там видно будет, где слезть и на временный постой обосноваться. В Сибири земли много, были бы руки да желание работать. А это у меня всё есть», - наметил свои дальнейшие действия после длительных раздумий Губин. Теперь каждый прожитый день в условиях полной изоляции от внешнего мира становился испытанием для него. Василий жил и действовал уже не для себя, а для любимой женщины, вынашивающей под своим сердцем его ребёнка, которому предстояло стать наследником рода Губиных.

Прошло больше месяца с тех пор, как Василий узнал от Полины приятную во всех отношениях новость. Наконец, деревья покрылись зелёной и густой листвой, стала подсыхать тропа, соединяющая островок с твёрдой землёй, и вскрылось ото льда болото, в камышах которого тут же устроили гнёзда утки и сели на яйца выпаривать птенцов. У Полины стал заметно выпирать из под фартука животик, хотя она всеми способами старалась спрятать его. «Пора выбираться отсюда. Теперь уже, поди, и полевые работы в самом разгаре. Завтра разведу местность и будем собираться в дорогу», - принял решение Василий.

Весь следующий день застоявшийся Воронко с большим удовольствием возил хозяина по закоулкам прилегающей к болоту местности. Они даже успели побывать в Тиханихе, где Василий узнал от Сидорова Филлипа, что красные снизили свою активность и не занимаются с таким рвением, как осенью и зимой, поиском скрывшихся от них в глухих местах повстанцев. «Теперь куманьки всё больше в городах, в посёлках и на вокзалах облавы устраивают», - испортил настроение он Василию. Но по дороге к убежищу Губин, взвесив всё «за» и «против», сделал окончательный вывод, что из болота нужно выбирать-

ся. «Бог не выдаст - свинья не съест», - вслух произнёс он и дёрнул за поводья. Словно проснувшись, Воронко мгновенно перешёл на крупную рысь. «Как же я с тобой расставаться буду? Мы ведь боевыми товарищами стали. Сколько раз ты мне спасал жизнь! Не счесть! Ладно, буду думать. Может, смогу как-нибудь тятя переправить или друга хорошего попрошу на время приютить у себя. Да только где такого теперь друга отыскать? Самых близких красные порешили, а другим в такое время верить нельзя. Если только в Знаменщиках Зотию передать, а он Воронко в Большое Сорокино перегонит», - заныло вдруг под ложечкой у Василя, когда он вспомнил, что с конём верным расставаться придётся.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Со своим укрытием молодые попрощались через три дня, после возвращения Василия. Погрузив на спины лошадей мешки с самым необходимым, они вывели их по узенькой тропке на твёрдую землю. После того, как помог Полине осторожно забраться на спину Пегухи, Василий вскочил на Воронку, и улыбнувшись, громко выкрикнул: «Спасибо этому дому, поедем к другому!». Первый этап их сложного пути лежал через Тиханиху до Буньково, до которой было более тридцати вёрст. «Если почувствуешь, что устала, говори. Сделаем привал и дальше поедем», - предупредил Василий и они тронулись в дорогу, которая была во всех отношениях непредсказуемой.

Хоть и погода была хорошей и путь пролегал по просторной просёлочной тропинке, но быстрого продвижения не получалось. Как только кони ускорили шаг и переходили на рысь, Полина вскрикивала и болезненно морщилась. Василий немедленно придерживал прыть лошадей и они переходили на шаг. Минувя стороной Тиханиху и совершив в лесу два длительных привала, только после полуночи Василий с Полиной оказались в версте от Буньково, на левом берегу Ика. «В деревне моя родная тётушка живёт. Если всё будет спокойно, то мы у неё заночуем, а завтра дальше двинемся. Заодно ты с ней о своих женских проблемах поговоришь. Она очень знающий в этом деле человек. В деревне нет ни одного ребёнка, которого бы не она принимала на этот свет во время родов. Да и стряпуха она знатная», - сообщил Василий своей спутнице и добавил: «Сейчас мы переберёмся на правый берег и пока я буду бегать в деревню на разведку, ты подождёшь меня с конями там». «Может, сразу вместе поедем к твоей тётушке?» - тихо спросила Полина. «Нет, родная, не будем рисковать. Да ты не переживай так, я быстро обернусь. Ты даже соскучиться не успеешь». «А я по тебе скупаю даже если ты рядом», - призналась Полина и нежно улыбнулась.

Тётушку будить пришлось не долго. Как только она услышала стук по ставням, тут же быстро соскочила с кровати, накинула на себя большую пуховую шаль и пошла в сенки. «Кто там?» - глухо спросила Марья Васильевна. «Это я, Василий». Дверь моментально растворилась и из неё раздалась радостные возгласы: «Я ещё днём чувствовала, что какую-то приятную новость получу ноне. И вот дождалась! Заходи, племянничек, в избу, там поговорим». «Я не один, тётушка. На берегу ждёт моя жена Полина», - ответил Василий. «Так беги же скорей за ней, а я пока самовар поставлю», - встрепенулась Марья Васильевна. «Не надо самовар ставить, в избу мы с ней не пойдём. Нам бы где-нибудь в другом месте пристроиться. Баню-то в субботу наверняка топили?». «А как же, конечно, топили». «Вот в ней мы и заночуем, чтобы вас не беспокоить и любопытных глаз избежать. В деревне-то, наверняка есть стукачи комиссарские». «Ну, ладно, коли так. Тогда я на полок пару тулупов брошу, пока ты ходишь за своей возлюбленной. Слыхивала от отца твоего, что красивая она у тебя». «Очень красивая. Завтра сама увидишь. Да и вопросы у неё к тебе имеются по женской линии. Наследника ждём мы с ней». «Вот это новость, так новость! Так чего же ты стоишь и лясы со мной точишь, марш за своей женой!» - скомандовала тётушка и радостно улыбнулась.

Проехав задами деревни до огорода Марьи Васильевны, Василий помог Полине спуститься с Пегухи на землю, и прямо по грядкам недавно посаженной картошки они направились в сторону пригона. Сняв с коней поклажу и привязав их к пряслу, Губин тихо произнёс: «Сегодня будем ночевать во дворце. Тётушка нам баню отвела».

Оказавшись в тёмном, но тёплом помещении, Полина пошарила руками вокруг и спросила: «А где царская кровать? А то мне спать сильно хочется». «На полок в левом углу за печкой тётушка должна была бросить два тулупа. Только осторожней иди, о кадушку с водой не споткнись», - предупредил Василий и закрыв двери, пошёл следом за женой.

Проخور Бакшеев, который приходился сродным братом мужу Марьи Васильевны, и его постоянный собутыльник из Готопутово Костылёв Федька, сидели в кути и второй час пили бражку, которую по их наводке готопутовский милиционер Богатырёв Савелий изъясил у солдатской вдовы Ефросиньи Комаровой. В знак благодарности за сотрудничество, Савелий почти четверть этой пахучей продукции отдал им. Брага была слабенькой, поэтому хмель очень медленно заполнял дурманом их пустые головы. Зато животы быстро раздувались. Посмотрев на четверть, стоящую на столе, Федька сказал: «Никудышную про-

дукцию Фроська делает. Уже бутыль ополовинили, и ни в одном глазу. Только по-малому захотелось. Пойдём выйдем до ветра, опорожним животы и вновь приступим к борьбе с пьянством». «Пойдём, подышим свежим воздухом», - согласился Прохор и первым поднялся из-за стола. Оказавшись на улице, друзья отошли от крыльца метров пять и принялись справлять нужду. Вдруг со стороны огорода Марьи Васильевны они услышали вначале приглушённые голоса, а затем увидели двух человек, ведущих за собой лошадей. Товарищи притихли и стали наблюдать дальнейшие действия незнакомцев. И только когда вначале скрипнула открывающаяся дверь в предбанник, а затем раздался глухой стук закрывающейся двери в баню, Прохор тихо произнёс: «И кто бы это мог быть? Может, племян повитухи - Васька? Но были слухи, что его вроде как красные убили давно. Однако, конь, по-моему, его. Таких красавцев я мало видывал. Ваську на нём раза два у неё зрил, да ещё раз, когда он в бою под Чуртаном буйствовал». И чуть погодя, добавил: «Ты здесь стой, а я подберусь поближе к коню и хорошенько рассмотрю его». Через пять минут Прохор появился на территории своего двора и быстро заговорил: «Точно, Губина конь. Знаешь, какие деньжищи красные давали за Ваську? Нам с тобой за месяц не пропить их. Надо воспользоваться моментом и получить такую благодарность от советской власти. Всё равно он не жилец на белом свете. Если не мы, так другие его выдадут комиссарам. Значит, сделаем так. Ты садишься верхом на мою Булануху и мчишься в Готопутово за Савелием, а я пока здесь посторожу. Только тихо выбирайся из пригона. На вершну сядешь, когда от моей избы сажень тридцать отойдёшь. А то учует неладное, тогда жди от него пулю в живот».

До Готопутово от Буньково всего семь вёрст и большак хороший, но только Булануха - кляча, каких уже земля не носит. И как бы Федька её не хлестал концами поводьев, разогнать так и не смог. Поэтому, до большого села он добирался больше часа. Но зато волостной милиционер Богатырёв, как только услышал сбивчивый рассказ деревенского пьяницы о появлении в Буньково закоренелого бандита Губина Василия, сразу же поднял по тревоги своих двух помощников, и что было силы у коней, помчался на задержание опасного преступника. На удивление Федьки, и его кобыла устремилась за казёнными конями.

«Живым брать Ваську не буду. Он давно заслуживает смертной казни за свои злодеяния. Только наших милиционеров сколько загубил, зверь лесной! Если я его поймаю сейчас и сдам в уезд, то там его могут в живых оставить, а ещё хуже, на волю отпустить. Нет, этой собаке и смерть собачья! Только бы опять не вырвался из капкана», - размышлял в дороге Савелий.

Когда они пешком пробрались во двор Прохора, то тот успокоил: «Спят, видно, как убитые. С ним ещё баба какая-то. Слышал, как она ему что-то говорила, когда они по огороду шли». «Это хорошо, что спят. Мы их и будить не станем. Прохор, у тебя керосин есть?» - спросил милиционер. «Есть немного». «Тщи его сюда, сейчас этому бандиту кожу на пятках подпалим, как борову уши», - с ехидцей произнёс Савелий.

Когда Прохор принёс в котелке литра два керосина, милиционер приказал своим помощникам: «Найдите крепкий кол, тихо проберитесь в предбанник и приприте им дверь в баню», - и обратившись к Прохору, продолжил: «А ты, как только они выскочат из бани, начинай обливать керосином её крышу и стены. Все поняли меня? Тогда немедля боле приступим к ликвидации бандита».

Василий проснулся от скрипа половиц в предбаннике. Он как ошпаренный вскочил на ноги и подбежал к двери. Сначала толкнул её осторожно, затем посильнее, а потом и вовсе навалился на неё всем телом. Но дверь так и не открылась. «В ловушку попался! Кто-то все-таки выследил нас! А может, дядька Егор красным выдал? Нет, он на это не способен. Что они собираются с нами делать? Убить на месте или сдать властям?» - метался в догадках Василий. В это время он ощутил запах дыма. «Баню подожгли!» - молнией пронеслась в голове страшная догадка. «Надо Полину спасать. Она не должна погибнуть за мои грехи!». Василий громко позвал: «Полюшка, милая, вставай. Мы в беду попали». «Что случилось?» - сквозь сон спросила она. «Нас в бане заперли и подожгли её!» - ответил Василий и тут же выхватив из кобуры наган, стал стрелять в крошечный проём окна. «Эй, красноперые! Здесь со мной находится женщина беременная! Выпустите её из бани. На её совести нет крови красноармейцев и их командиров. Её брат служил военным начальником в Красной армии. Будьте мужиками, оставьте женщину живой», - с надрывом в голосе выкрикнул Василий. Но за стенами бани стояла мёртвая тишина. В это время рядом с ним появилась Полина и крепко обняв любимого за шею, спокойным голосом произнесла: «Без тебя я к ним не пойду. Пусть и мою жизнь заберут вместе с твоей. Зачем она нужна мне, если не будет рядом со мной тебя». «Полинька! Родимая! Что ты говоришь? В тебе наш ребёнок, ради которого ты должна жить. Если мальчик будет, то род Губиных продолжит», - стал уговаривать её Василий. Но по её напряжённому телу и плотно сжатым губам, он понял, что любимая решила принять и разделить ту судьбу, которая ждала его. «Вы, нелюди! Кого убиваете? Лучшее, что может быть на свете - беременную женщину, которая только начала жить. Откройте двери и выпустите её отсюда», - вновь громко

выкрикнул Василий и послал в проём окна последние из обоймы пули. Но и на этот раз улица ответила молчанием, треском горящей соломы на крыше и отблесками языков, облизывающих сухие брёвна стен. «Не кричи, Вася, не надо. Они все равно не услышат, если даже захотят. Эти люди давно тебя похоронили. Обними меня покрепче и поцелуй пожарче. Мы с тобой как одно единое примем смерть, которую нам уготовила судьба. Я благодарю Бога за то, что он подарил тебя мне и за то, что призывает нас к себе тоже вместе. А наш малыш в небесах будет ангелом летать и помогать тем, кто землю пашет и хлеба растит. Но только на пепле крестьянских душ хлеба вряд ли заколосятся», - ровным твёрдым голосом произнесла Полина.

Марья Васильевна проснулась от дурного предчувствия. Она поднялась с постели, прошла в куть и посмотрела в окно. Из-за угла избы, выходящего на хозяйственный двор вылетали языки пламени и освещали предутреннее небо. «Баня горит!» - машинально пронеслось в сознании и она в чём была в том и выбежала из сенок. «Что вы, душегубы, делаете! Там женщина с дитём малым под сердцем!» - закричала Марья Васильевна и бросилась в сторону горевшей бани. Но путь ей преградил Савелий. Он ударом приклада сбил пожилую женщину с ног и прошипел: «Племянничка стало жалко. Будешь мешать нам его уничтожать, тебя в костёр к нему бросим». Женщина схватилась за голову и стала тихо-тихо рыдать. Она не смотрела на языки пламени, уносящие высоко в небо пепел человеческих душ, на людей, собирающихся поглазеть на пожар, и на палачей, которые рьяно следили за тем, чтобы её племянник и его возлюбленная не выбрались из этого страшного костра. «Будь вы прокляты, ироды рода человеческого! Господь не простит вам этот грех, если не на этом свете, то на том - обязательно. Такую пару загубили! А какой у них мог быть красивый и умный ребёнок!» - причитала Марья Васильевна и её плечи то и дело вздрагивали. Она не видела, как из избы выскочили все домочадцы и было тоже устремились к догоравшей бане, но их так же, как и её, грубо остановили милиционеры.

В то время, когда пылала баня, Прохор шепнул Федьке: «Надо коней бандитских реквизируют. Пойдём быстрее в пригон и переведём их на зады». Но произошло неожиданное. Как только они появились рядом с лошадьми, Воронко взбунтовался, стал лягаться и с бешеной силой рвать поводья, за которые был привязан к жердине. От полученного удара копытом в грудь, Федька свалился на землю и прохрипел: «Убил, окаянный, меня!». В это время концы поводьев лопнули и став на дыбы, Воронко одним прыжком перескочил высокое прясло пригона. Оказавшись на свободе, конь остановился недалеко

от места страшной трагедии, протяжно и жалобно проржал, словно прощаясь с хозяином, и резко мотнув головой, рванул в сторону Большесорокинского тракта.

Пожар длился минут сорок, не больше. За это время сгорела не только баня с её пленниками, но и половина прилегающих к ней хозяйственных построек. Не переставая тихо причитать, Марья Васильевна сидела на земле и не замечала ничего, что происходило вокруг неё.

Закончив операцию по ликвидации опасного бандита, Богатырёв приказал своим помощникам забрать Пегуху и направляться в Готопутово для продолжения несения службы по охране новых порядков. На просьбу Прохора отдать трофейную кобылу, Савелий так на него посмотрел, что тот съёжился от страха и на всякий случай отошёл от милиционера подальше. Составив протокол об уничтожении злостного врага советской власти и подписав его у понятых, в числе которых вновь были Прохор и едва живой Федька, Богатырёв отбыл в своё село вслед за помощниками. О беременной женщине, которая сгорела в одном пожарище с бандитом в протоколе не было ни слова.

Когда все покинули двор, Марья Васильевна с трудом поднялась на ноги и направилась к дымящемуся ещё пепелищу. «Как я теперь об этом скажу Ивану с Евдокией?! Иван, может, и выдюжит, а Евдокия сразу помрёт! Звери и есть звери. Хоть бы женщину с ребёнком пожалели. Родился бы внучок от Васи, Евдокия может, бы не так убивалась об сыне. Но теперь нет у неё ни сына и ни того, кто мог бы после него остаться. Сама поеду сообщать им об этом горе. Прямо сегодня же и поеду», - решила Марья Васильевна и направилась в избу. Немного прийдя в себя, она наказала мужу запрягать в телегу лошадь и они вместе отправились в Большое Сорокино.

Но не они первыми принесли страшную весть в семью Ивана Васильевича Губина. На улице только-только рассвело, когда Евдокия Матвеевна, достав из небольшого сарайчика, стоящего недалеко от землянки, тяпку, направилась в огород, чтобы заняться прополкой картошки от сорняка. Внезапно, она услышала позвякивание бляшек на конской сбруе и тихое пофыркивание, раздающиеся со стороны реки. Евдокия Матвеевна посмотрела вдаль и тяпка выпала из рук. Женщина тихо простонала: «Убили Васеньку!», и её тело стала безжизненно оседать на землю.

Чуть позже, Иван Васильевич, пошёл за водой на колодец, который находился за сарайчиком. Заметив лежащую посреди грядок жену, он устремился

к ней. «Ты чо, старая, разлеглась здесь? Мороком обнесло ичѣли?» - спросил он, подняв её голову на свои колени. Жена с трудом открыла глаза и слабым голосом произнесла: «Васеньки больше нет». «Кто тебе принѣс такую дурную весть?». «Воронко. Он без сыночка нашего домой прибежал». Иван Васильевич поднял глаза и только сейчас заметил стоящего на берегу, по другую сторону прясла, жеребца. «Нашла тоже почтальона. Мало ли откуда он сбежал один. Могли и конокрады увести его от Васи, а он потом от них убежал», - попробовал успокоить Иван Васильевич жену. «Нет, Ваня. Чует моѣ сердце, что с нашим сыном произошла беда», - ответила Евдокия Матвеевна и замолчала. Иван Васильевич помог ей перейти в землянку и лечь на деревянную кровать. «Ты отдыхай пока, а я воды принесу и заодно Воронко заведу во двор», - сказал он. Когда Губин-старший подошёл к коню, тот протянул к нему свою большую голову и тихо заржал. Иван Васильевич посмотрел в лошадиные глаза и вздрогнул - из больших открытых глазниц Воронко текли крупные капли слѣз. «Ты чо это вытворяешь? Почему без Василия домой примчался? Где сына нашего оставил?» - выговаривал Иван Васильевич, но сердцем уже чуял случившуюся страшную трагедию. Он взял в руки оборванные поводья и заплакал. «Всѣ! Нет больше у нас сына, кровинушки нашей! Как мы свой век со старухой без него доживать будем? Да за что же нам все кары такие? Чем не угодили мы Всевышнему нашему?» - вопрошал Иван Васильевич в пустоту.

Как только Марья Васильевна переступила порог землянки, она сразу поняла, что её брат и Евдокия уже знают о гибели сына. «Плохую новость я вам привезла, но вижу, что кто-то раньше меня её к вам принѣс», - начала она. «Ноне утром Воронко домой без Василия примчался. Поводья оборваны, а глазах слѣзы. Только вот что произошло, сказать не смог», - ответил Иван Васильевич. «Ну, раз так, то я вам расскажу обо всѣм, что помню и знаю», - произнесла Марья Васильевна и стала излагать страшную новость, изредка поглядывая на Евдокию Матвеевну. Та всё время молчала, не переспрашивала и не плакала. И даже тогда, когда Марья Васильевна сообщила, что вместе с Василием погибла его невенчанная жена с ребёночком в животе, на лице Евдокии не дрогнул ни один мускул. «Она, что, окаменела, что ли? Даже не слезинки не прольѣт», - удивилась женщина.

Побыв с часок у брата и поняв, что дальнейшее участие в переживании трагедии даже утяжеляет её, Марья Васильевна засобиравлась в обратную дорогу.

После отъезда сестры, Иван Васильевич подошёл к лежащей на кровати жене и спросил: «Может, холодной водички попьѣшь? Всѣ полегче будет». Ев-

докия посмотрела на него какими-то странными, холодными глазами и ничего не ответила. Иван Васильевич тяжело вздохнул и вышел из землянки.

Ни в этот день, ни в последующие два, Евдокия Матвеевна не вставала с кровати и всё молчала. Не спала она и ночами. И лишь худенькие её плечи изредка нервно вздрагивали да раздавался едва слышный странный звук. Иван Васильевич уже стал всерьёз опасаться за её жизнь. Не выдержав нервного испытания, в конце третьего дня он подошёл к кровати жены и с надеждой в голосе спросил: «Ты, может, поешь немного? Уже трое суток у тебя ни маковки во рту не было. Так и самой помереть недолго». Евдокия Матвеевна медленно повернулась на спину и слабым, чуть слышным голосом произнесла: «А на кой мне жизнь без Васеньки». Иван Васильевич внимательно, как смог это сделать в полумраке, присмотрелся к жене и поражённый увиденным, воскликнул: «Евдокия, ты же вся седая стала!». Жена вновь посмотрела в его сторону странными глазами, но ничего не ответила. Заметив в её взгляде непонятный холод и безразличие, Иван Васильевич даже обиделся: «Не ты одна теряешь сына. За год тысячи таких матерей на сибирской земле появилось. Давай, потихонечку приходи в себя и дальше продолжать жить будем. У нас ведь с тобой ещё три дочери есть. Не оглянешься, они тебе целый двор заполнят внучатами». Но и на это жена ничего не ответила. И лишь когда муж стал в одиночку паужнать, она тихо попросила: «Своди меня, Иван, на двор, а то я обратной дороги не найду». «Ты чо, ослепла?» - не понял её слов муж. «Выходит, ослепла, коли тебя прошу на двор сводить». И только сейчас Иван Васильевич догадался, что её пустой, холодный взгляд расширенных глаз, не что иное, как полная слепота. «Ох Васятка, Васятка, что ты сделал с матерью! Её душа и сердце погибли вместе с тобой! Она теперь не человек, а тень его. Пусть будут прокляты все палачи крестьян и мужиков, принёсшие столько горя нашей земле!» - воскликнул Иван Васильевич и стал помогать жене подниматься с кровати.

ГИМН КРЕСТЬЯНСТВУ

На всей земле,
Во все века клянут и давят мужика,
Но всё, что пьём и едим
Добыто не тобой, а им.
Чтобы род людской не издыхал,
Адам землю распахал.
Считай, от Пахаря пошли
Все, в том числе и короли.
Король - отечества оплот
Нам богом посланный и тот
Спешит крестьянство обогреть
Иначе чем прокормишь рать.
Из тех полуголодных сёл
Плывёт еда на барский стол.
От тех крестьянских рук и спин
Течёт нам в глотку сладость вин.
Лишь одного я не пойму
С чего б печалиться ему?
Хоть обделён мужик добром
Зато весьма здоров нутром.
Он ладно скроен, крепко шит.

Его подагра не страшит
Болезнь, что часто сводит в гроб
Иных сиятельных особ.
При этом сём от чванства он
Господней волей защищён:
Тех, кто влачит свой тяжкий крест,
Во век гордыня не заест!
Мужик всему душевно рад:
Вломился в дом к нему солдат
Корову отнял, хлеб забрал,
Чтоб носа он не задирает.
Чем жизнь красна и мир велик
Вскормил и выходил мужик
Насущный хлеб - земную рожь
Ты из мужицких рук берёшь.
Кто землю сердцем возлюбил
Во славу ей дома срубил!
Заглох бы мир наверняка
Не будь на свете мужика!

17 век. Германия. Ганс Кримельсгаузен

СПИСОК
РАССТРЕЛЯННЫХ
ЖИТЕЛЕЙ
БОЛЬШЕСОРОКИНСКОГО
РАЙОНА
В 1930-1938 ГОДЫ

1. Абросимов Андрей Спиридонович. 1888 г.р. д. Курмановка. Крестьянин. 1930г.
2. Абросимов Спиридон Ермолаевич. 1855 г.р. д. Курмановка. Крестьянин. 1938г.
3. Абросимов Степан Спиридонович. 1876 г. р.д. Курмановка крестьянин. 1930г.
4. Абросимов Тимофей Спиридонович. 1879 г.р. д. Курмановка. Крестьянин. 1930г.
5. Аверин Алексей Фёдорович. 1875 г.р. д. Прокуткино. Рабочий совхоза. 1938г.
6. Аверин Давыд Иванович. 1881 г.р. д. Сорокино. Рабочий ОРСА Уралмашзавода. 1937.
7. Аверин Павел Петрович. 1876 г.р. с. Б. Сорокино. Колхозник. 1937г.
8. Аверин Пётр Кузьмич. 1879 г.р. с. Сорокино. Крестьянин. 1938 г.
9. Аверин Петр Лаврентьевич. 1888 г.р. с. Сорокино. Конюх льнозавода. 1937г.
10. Аверин Фёдор Иванович. 1896 г.р. с. Сорокино. Агент конторы Омпушнина. 1937г.
11. Акимов Прокопий Яковлевич. 1861 г.р. с. Готопутово. Крестьянин. 1938г.
12. Алдакимова Агрепина Андреевна. 1887 г.р. с. Преображенка. 1937г.
13. Андреев Иринарх Кирович. 1865г.р. с. Преображенка. Священник. 1937г.
14. Андриенко Ефим Фёдорович. 1874 г. р. д. Новониколаевка. Баптист. Колхозник.1937.
15. Антонов Илья Васильевич. 1870 г.р. с. Готопутово. Крестьянин. 1938г.
16. Антонов Кронид Андреевич. 1880 г.р. с. Знаменщиково. Крестьянин. 1937г.
17. Арбузов Емельян Ефимович. 1869 г.р. д. Покровка. Колхозник. 1938г.
18. Афонькин Иван Фомич. 1863 г.р. д. Лопатка. Крестьянин. 1938г.
19. Бакшеев Егор Сергеевич. 1875 г.р. д. Буньково. Крестьянин. 1937г.
20. Бакшеев Илья Сергеевич. 1887 г.р. д. Буньково. Крестьянин. 1937г.
21. Басолай Андрон Григорьевич. 1854 г.р. х. Фалинский. Крестьянин. 1937г.
22. Бачин Василий Яковлевич. 1874 г.р. с. Знаменщиково. Крестьянин. 1937г.
23. Бачурин Иван Афанасьевич. 1878 г.р. с. Прокутка. Крестьянин. 1938г.
24. Бекин Василий Андреевич. 1881 г.р. д. Лыкошино. Колхозник. 1937г.
25. Бесков Семен Тимофеевич. 1876 г.р. д. Лопатка. Колхозник. 1937г.
26. Бибиков Василий Харитонович. 1896 г.р. д. Московка. Колхозник. 14.10.1937г.
27. Бибиков Михаил Харитонович. 1884г.р. д. Московка. Колхозник. 14.10.1937г. 4.9.37
28. Бибиков Трофим Харитонович. 1882 г.р. д. Московка. Колхозник. 14.10.1937г.
29. Болдырев Андрей Яковлевич. 1870 г.р. д. Б- Кусеряк. Крестьянин. 1938г.
30. Боловацкий Иван Макеевич. 1895 г.р. д. Пинигино. Крестьянин. 14.10.37г.

31. Бохан Степан Юрьевич. 1875 г.р. д. Н- Ивановка. Колхозник. 1938г.
32. Брагин Андрей Яковлевич. 1862 г.р. с. Сорокино.Крестьянин. 1938г.
33. Бурковский Дмитрий Иванович. 1883 г.р. д. Стрельцовка. Колхозник. 1938г.
34. Бурцев Терентий Иванович. 1870 г.р. д. Готопутово. Священник. 1937г.
35. Бурцева Клавдия Александровна. 1877 г.р. с. Готопутово. Попадья. 1938г.
36. Верещагин Давыд Федорович. 1866 г.р. д. Петропавловка. Колхозник. 1938г.
37. Верещагин Николай Давыдович. 1903 г.р. д. Петропавловка. Колхозник 1937г.
38. Волгогонов Василий Харитонович. 1870 г.р. д. Б- Кусеряк. Колхозник. 1937г.
39. Высоцкий Фёдор Юрьевич. 1867 г.р. д. Н- Ивановка. 1938г.
40. Выступов Евмен Никитич. 1888 г.р. д. Осиновка. Крестьянин. 1937г.
41. Выступов Никита Константинович. 1863 г.р. 1937г.
42. Гарин Гавриил Фёдорович. 1896 г.р. д. Пегуха Крестьянин. 1938г.
43. Гилёв Тимофей Васильевич. 1901 г.р. д. М –Кусеряк. Колхозник. 1938г.
44. Горб Иван Николаевич. 1869г.р д. Московка. Колхозник.10. 10.1937г.
45. Горб Степан Иванович. 1898 г.р. д. Московка. Крестьянин. 10.10. 1937г
46. Горб Тимофей Иванович. 1899 г.р. с. Сорокино. Крестьянин. 1938г.
47. Гусев Фёдор Михайлович. 1893 г.р. с. Готопутово. Крестьянин. 1937г.
48. Данилов Терентий Евдокимович. 1870 г.р. д. Курмановка. Крестьянин. 1937г.
49. Дегтярёв Иван Алексеевич. 1897 г.р. с. Преображенское. Колхозник. 1937г.
50. Долгих Алексей Егорович. 1872г.р. д. Куимово. Крестьянин. 1937г.
51. Долгих Григорий Егорович. 1891 г.р. с. Сорокино. Колхозник. 1930г.
52. Долгих Лазарь Ильич. 1869 г.р. с. Сорокино. Колхозник. 1938г.
53. Долгих Матвей Филиппович. 1898 г.р. с. Сорокино. Машинист МТС. 1937г.
54. Долгих Матвей Васильевич. 1872 г.р. с. Сорокино. Быв. Свящ.-старообрядец. 31г.
55. Дутов Николай Николаевич. 1888 г.р. д. Крутиха. Сапожник.1937г.
56. Дыренкин Иван Захарович. 1872г.р. д. Крутиха. Колхозник. 1937г.
57. Елеев Иван Андреевич. 1891 г.р. д. Александровка. Крестьянин. 1937г.
58. Елфимов Емельян Афанасьевич. 1875 г.р. д. Тиханиха. Колхозник. 1937г.
59. Елфимов Терентий Захарович. 1883 г.р. д. Тиханиха. Сторож на Ж.Д. 1938г.
60. Елфимов Тимофей Сергеевич. 1894г.р. д. Тиханиха. Колхозник. 1937г.

61. Ермолаев Василий Андреевич. 1862 г.р. с. Готопутово. Крестьянин. 1937г.
62. Ермолаев Евдоким Андреевич. 1868 г.р. с. Готопутово. Крестьянин. 1937г.
63. Ермолаев Иван Андреевич. 1867 г.р. с. Готопутово. Крестьянин. 1937г.
64. Ермолаев Николай Семенович. 1867 г.р. с. Готопутово. Колхозник. 1937г.
65. Ермолаев Пётр Петрович. 1860 г.р. с. Готопутово. Крестьянин. 1938г.
66. Ермолаев Роман Васильевич. 1874 г.р. с. Готопутово. Крестьянин. 1938г.
67. Ерофеев Алексей Афанасьевич. 1872 г.р. д. Нестерово. Крестьянин. 1937г.
68. Еськов Тихон Семёнович. 1860 г.р. д. Крутиха. Колхозник. 1937г.
69. Еськов Терентий Тихонович. 1899 г.р. д. Крутиха. Нач. отд. На мясокомб. 1938г.
70. Жуков Степан Афонасьевич. 1913 г.р. д. Жидоусово. Колхозник. 1937г.
71. Жуков Фёдор Михайлович. 1869 г.р. д. Неволино. Колхозник. 1938г.
72. Жуков Федосей Матвеевич. 1870 г.р. д. Неволино. Колхозник. 1938г.
73. Журавлёв Иван Андриянович. 1896 г.р. д. Петровка. Крестьянин. 1937г.
74. Зайцев Гордей Власович. 1877 г.р. д. Пегуха. Колхозник. 1938г.
75. Зенковский Иван Прохорович. 1878г.р. д.Б. Кусеряк. Крестьянин. 1938г.
76. Знаменчиков Зотей Андреянович. 1894 г.р. д. Знаменчиково. Рабочий. 10.10.1937г.
77. Знаменчиков Семён Владимирович. 1863 г.р. с. Сорокино. Крестьянин. 1937г.
78. Знаменчиков Филипп Андреянович. 1893 г.р. с. Знаменчиково. Крестьянин. 10.10.
79. Иваков Мирон Васильевич. 1870 г.р. д. Казанка. Колхозник. 1938г.
80. Иванов Василий Егорович. 1892 г.р. с. Готопутово. Цыган. 1937г.
81. Иванов Логан Максимович. 1889 г.р. д. Тиханиха. Колхозник. 1937г.
82. Ивасюк Иван Иванович. 1875 г.р. д. Знаменчиково. Рабочий. 10.10.1937.
83. Исаев Семён Исаевич. 1874 г.р. д. Александровка. 1938г.
84. Исаков Андрей Николаевич. 1863 г.р. д. Б. Кусеряк. Крестьянин. 1938г.
85. Кайгородов Осип Михайлович. 1870. д. Лазариха. Крестьянин. 1937г.
86. Кайгородов Самсон Дмитриевич . 1883 г.р. д. Лазариха. Колхозник. 1937г.
87. Капустин Илларион Александрович. 1881г.р. д. Казанка. Колхозник. 1938г.
88. Капустин Петр Александрович. 1877 г.р. д. Казанка. Колхозник. 1938г.
89. Капустин Петр Александрович. 1893г.р. д. Казанка. Колхозник. 1938г.
90. Карасёв Иосиф Михайлович. 1867 г.р. д. Черемшанка. Крестьянин. 1937г.

91. Кармацкий Терентий Петрович. 1858 г.р. д. Б. Кусеряк. Крестьянин. 1937г.
92. Касьянов Василий Никитич. 1865 г.р. д. Вознесенка. Колхозник. 1938г.
93. Кириллов Гаврила Данилович 1891 г.р. д. Тиханиха. Крестьянин. 1938г.
94. Кликушин Яков Ермилович. 1895 г.р. д. Неволино. Колхозник. 1938г.
95. Коберский Георгий Ефимович. 1880 г.р. д. Новотроицкое. Счетовод. 1938г.
96. Кожекин Павел Матвеевич. 1891 г.р. с. Б. Сорокино. Техник строитель. 1937г.
97. Козлов Астафий Фёдорович. 1881 г.р. д. Козловка. 1938г.
98. Козлов Егор Прокопьевич. 1883 г.р. д. Козловка. Колхозник. 1930г.
99. Козлов Иван Михайлович. 1853г.р. д. Козловка. Крестьянин. 1938г.
100. Козлов Никита Егорович. 1856 г.р. д. Козловка. 1937г.
101. Козлов Федор Прокопьевич. 1886 г.р. д. Козловка. Сторож. 1937г.
102. Козлов Фома Никитич. 1893 г.р. д. Стрельцовка. Крестьянин. 1937г.
103. Колесников Прокопий Петрович. 1894 г.р. д. М. Сорокино. Кузнец. 1937г.
104. Колмаков Андрей Михайлович. 1905 г.р. д. М. Сорокино. Слесарь. 1937г.
105. Колмаков Денис Егорович. 1885 г.р. 1938г.
106. Колмаков Егор Ефимович. 1880 г.р. с. Сорокино. Крестьянин. 1938г.
107. Колмаков Михаил Абрамович. 1874 г.р. д. М. Сорокино. Крестьянин. 1937г.
108. Колосов Иван Андреевич. 1895 г.р. с. Сорокино. Крестьянин. 1938г.
109. Комаров Григорий Петрович. 1868 г.р. с. Жидоусово. Колхозник. 1938г.
110. Комаров Пётр Иванович. 1888 г.р. д. Неволино. Колхозник. 1937г.
111. Комаров Семён Петрович. 1861 г.р. с. Жидоусово. Сторож. 1937г.
112. Корпухин Емельян Кузьмич. 1870 г.р. д. Петровка. Крестьянин. 1938г.
113. Корытько Иов Родионович. 1893 г.р. 1938г.
114. Костылёв Афанасий Тимофеевич. 1883 г.р. с. Готопутово. Крестьянин. 1937г.
115. Костылёв Афанасий Павлович. 1894 г.р. д. Ворсиха. Плотник МТС. 1937г.
116. Костылёв Кузьма Тимофеевич. 1897 г.р. д. Готопутово. Кузнец. 1937г.
117. Костылёв Фёдор Тимофеевич. 1894 г.р. д. Готопутово. Председатель колхоза. 1937г.
118. Кравченко Николай Арсентьевич. 1893 г.р. д. Покровка. Колхозник. 1938г.
119. Кривых Василий Гаврилович. 1898 г.р. д. Стрельцовка. Колхозник. 1938г.
120. Кутеба Галактион Петрович. 1874 г.р. д. Успенка. Колхозник. 1937г.

121. Лаптев Парфён Иванович. 1875 г.р. д. Заря. Колхозник. 1938г.
122. Литвин Пётр Семёнович. 1873 г.р. д. М. Сорокино. Печник. 1937г.
123. Лоцманов Никифор Андреевич. 1871 г.р. д. Крутиха. Крестьянин. 1937г.
124. Лузин Фёдор Михайлович. 1878 г.р. д. Ворсиха. Колхозник. 1930г.
125. Макушин Алексей Ефимович. 1879 г.р. с. Знаменшиково. Крестьянин. 1937г.
126. Манухин Андрей Фёдорович. 1873г.р. д. Осиновка. Колхозник. 1938г.
127. Мардусин Федот Терентьевич. 1858 г.р. с. Сорокино. Крестьянин. 1937г.
128. Маслов Яков Дмитриевич. 1866 г.р. д. Н.Троицк. колхозник. 1938г.
129. Меркулов Герасим Григорьевич. 1878 г.р. д. Лопатка. Крестьянин. 1938г.
130. Михайлов Кузьма Константинович. 1866 г.р. д. Курмановка. Сторож. 1937г.
131. Михайлов Фёдор Кузьмич. 1891 г.р. д. Курмановка. Крестьянин. 1930г.
132. Михалёв Георгий Андреевич. 1896 г.р. д. Желнино. Лесник. 1937г.
133. Мосаков Егор Фомич. 1867 г.р. д. Неволино. Крестьянин. 1938г.
134. Москвин Иван Андреевич. 1894 г.р. д. Б. Кусеряк. Агент Омторга. 1937г.
135. Мулявин Семён Иванович. 1891 г.р. д. Тиханиха. Колхозник. 1937г.
136. Мурин Иван Игнатъевич. 1887 г.р. д. Куимово. Крестьянин. 1937г.
137. Мягих Агапия Егоровна. 1888 г.р. д. Стрельцовка. Крестьянка. 1938г.
138. Неборский Григорий Тарасович. 1875 г.р. д. Н. Ивановка. 1938г.
139. Нестеров Михаил Селивёрстович. 1897 г. с. Сорокино. Колхозник. 1938г.
140. Нестеров Прокопий Фёдорович. 1912 г.р. с. Сорокино. Конюх. 1937г.
141. Никитенко Андрей Михайлович. 1871 г.р. д. Б. Кусеряк. Крестьянин. 1938г.
142. Никоноров Кузьма Никонорович. 1873 г.р. д. Черемшанка. Крестьянин. 1938г.
143. Новиков Георгий Иванович. 1872 г.р. д. Жидоусово. Колхозник. 1938г.
144. Номировский Ермолай Корнеевич. 1898 г.р. д. Городище. Крестьянин. 1937г.
145. Номировский Корней Максимович. 1862 г.р. д. Городище. Крестьянин. 1937г.
146. Овчинников Иван Александрович. 1868 г.р. д. Курмановка. 1938г.
147. Огорелков Зиновий Афанасьевич. 1893г.р. д. Чистяки. Кузнец МТС. 1938г.
148. Печенов Антон Аверьянович. 1872 г.р. Д. Осиновка. Крестьянин. 1937г.
149. Подин Иван Иванович. 1886 г.р. д. Готопутово. 1938г.
150. Поляков Никифор Васильевич. 1907 г.р. с. Сорокино. Шофёр райисполкома. 37г.

151. Поминов Филипп Семёнович. 1886 г.р. д. Петропавловка. Колхозник. 1937г.
152. Разумовский Ян Ефимович. 1904 г.р. с. Сорокино. Механик МТС. 1938г.
153. Решетников Иван Ефимович. 1898 г.р. д. Ворсиха. Колхозник. 1930г.
154. Решетников Николай Ефимович. 1902 г.р. д. Ворсиха. Колхозник. 1937г.
155. Руднов Терентий Иванович. 1905 г.р. д. Курмановка. Крестьянин. 1930г.
156. Рыбалко Пётр Яковлевич. 1894 г.р. с. Преображенское. Крестьянин. 1937г.
157. Своглазов Ефим Васильевич. 1897 г.р. д. Ниволино. Колхозник. 1938г.
158. Седунов Афанасий Васильевич. 1871 г.р. с. Прокуткино. Колхозник. 1937г.
159. Селивёрстов Илья Семенович. 1896 г.р. д. Козловка. Колхозник. 1930г.
160. Селивёрстов Константин Фомич. 1893 г.р. д. Курмановка. Колхозник. 1937г.
161. Селивёрстов Фома Фёдорович. 1865 г.р. д. Козловка. Колхозник. 1937г.
162. Семёнов Миней Степанович. 1874 г.р. с. Ворсиха. Крестьянин. 1930г.
163. Семёнов Ефрем Минеевич. 1908 г.р. с. Курмановка. Колхозник. 1937г.
164. Сеногоев Григорий Дмитриевич. 1873 г.р. д. Крутиха. Крестьянин.1937г.
165. Сеногоев Михаил Николаевич. 1863 г.р. д. М. Сорокино. Крестьянин. 1937г.
166. Сеногоев Матрёна Алексеевна. 1878 г.р. д. Крутиха. Колхозница. 1938г.
167. Сидорин Николай Иванович. 1867 г.р. д. Преображенка. Колхозник. 1938г.
168. Сидорин Афанасий Иванович. 1870 г.р. д. Преображенка. Колхозник. 1938г.
169. Сидоров Василий Никифорович. 1868 г.р. д. Курмановка. Крестьянин. 1938г.
170. Сидоров Захар Васильевич. 1886г.р. с. Курмановка. Колхозник. 1937г.
171. Сидоров Иосиф Васильевич. 1906 г.р. д. Курмановка. Колхозник. 1930г.
172. Сидоров Кузьма Васильевич. 1890 г.р. д. Курмановка. Крестьянин. 1930г.
173. Сидоров Никифор Дементьевич. 1899 г.р. д. Курмановка. Крестьянин. 1930г.
174. Сидоров Николай Ионович. 1862 г.р. д. Курмановка. Крестьянин. 1938г.
175. Сидоров Пётр Ионович. 1882 г.р. д. Курмановка. Крестьянин. 1937г.
176. Сидоров Фёдор Иванович. 1904 г.р. д. Курмановка. Колхозник. 1930г.
177. Симонов Степан Иванович. 1884 г.р. с. Успенка. Баптист. Сторож. 1938г.
178. Синицин Иосиф Михайлович. 1895 г.р. с. Готопутово. Счетовод.1937г.
179. Скалыга Карп Прохорович. 1894 г.р. д. Б.Кусеряк. крестьянин. 1938г.
180. Скаченко Фёдор Тимофеевич. 1886 г.р. с. Знаменщиково. Колхозник. 1937г.

181. Скоробогатов Василий Лукьянович. 1898 г.р. д. Ворсиха. Крестьянин. 1930г.
182. Скоробогатов Иван Михайлович. 1884 г.р. д. Ворсиха. Крестьянин. 1938г.
183. Скоробогатов Семён Георгиевич. 1853 г.р. д. Ворсиха. Крестьянин. 1938г.
184. Скоробогатов Фёдор Сергеевич. 1898 г.р. д. Ворсиха. Крестьянин. 1937г.
185. Смирнов Борис Афанасьевич. 1917 г.р. с. Сорокино. Наборщик. 1937г.
186. Соловьёв Николай Абрамович. 1894 г.р. с. Б.Сорокино. Крестьянин. 1937г.
187. Сторчак Никита Захарович. 1883 г.р. д. Осиновка. Колхозник. 1938г.
188. Стрельцов Василий Ефимович. 1892 г.р. д. Стрельцовка. Колхозник. 1937г.
189. Стрельцов Михайл Прокопьевич. 1867 г.р. д. Пинигино. Крестьянин. 1937г.
190. Стрельцов Никифор Яковлевич. 1882 г.р. д. Стрельцовка. Колхозник. 1937г.
191. Стрельцов Осип Фёдорович. 1885 г.р. д. Пинигино. Крестьянин. 1937г.
192. Стрельцов Степан Матвеевич. 1879. д. Стрельцовка. Колхозник. 1937г.
193. Стрельцов Яков Григорьевич. 1869 г.р. д. Пинигино. Крестьянин. 1938г.
194. Стрельцова Татьяна Алексеевна. 1875 г.р. д. Пинигино. Домохозяйка. 1938г.
195. Стрельцова Фёкла Фёдоровна. 1897 г.р. д. Пинигино. Домохозяйка. 1938г.
196. Стулов Степан Алексеевич. 1898 г.р. с. Сорокино. Бухгалтер. 1937г.
197. Ступников Кузьма Дмитриевич. 1978 г.р. с. Александровское. Крестьянин. 1937г.
198. Субботин Павел Андреевич. 1871 г.р. д. Пинигино. Крестьянин. 1938г.
199. Сугатов Поликарп Миронович. 1882 г.р. с. Знаменщиково. Конюх школы. 1937г.
200. Торощук Мефодий Николаевич. 1895 г.р. д. Московка. 1937 г.
201. Тюменцев Степан Андреевич. 1870 г.р. с. Прокуткино. Инвалид. 1938г.
202. Фирулёв Степан Фёдорович. 1874 г.р. д. Пинигино. Крестьянин. 1937г.
203. Фролов Абрам Абрамович. 1876 г.р. д. Готопутово. Кузнец. 1937г.
204. Фролов Михаил Михайлович. 1865 г.р. д. Калиновка. Крестьянин. 1937г.
205. Хилобок Григорий Михайлович. 1894 г.р. с. Преображенка. Крестьянин. 1937г.
206. Хилобок Иван Михайлович. 1892 г.р. с. Преображенка. колхозник. 1937г.
207. Челноков Михаил Фёдорович. 1894 г.р. д. Московка. Колхозник. 1937г.
208. Чертушкин Василий Иванович. 1898 г.р. д. Курмановка. Колхозник. 1937г.
209. Чечулин Егор Кузьмич. 1872 г.р. с. Сорокино. Крестьянин. 1938г.
210. Чечулин Илья Андрианович. 1896г.р. с. Сорокино. Раб. Кирп. 3-да. 1937г.

211. Чикирев Кузьма Прокопьевич. 1870 г.р. д. Пинигино. Колхозник. 1937г.
212. Чикирев Николай Сергеевич. 1877 г.р. д. Пинигино. Колхозник. 1938г.
213. Чикирев Семён Матвеевич. 1875 г.р. д. Пинигино. Колхозник. 1937г.
214. Чухонцев Дмитрий Сидорович. 1867 г.р. с. Ворсиха. Крестьянин. 1938г.
215. Шиков Василий Петрович. 1903 г.р. д. Пегуха. Колхозник. 1937г.
216. Шиков Пётр Иванович. 1863 г.р. д.Пегуха. Колхозник. 1938г.
217. Шиманаев Яков Емельянович. 1878 г.р. д. Казанка. Колхозник. 1938г.
218. Шипицын Ефим Филиппович. 1895 г.р. с. Готопутово. Счетовод. 1938г.
219. Шкуркин Илья Васильевич. 1870 г.р. д. Казанка. Колхозник. 1938г.
220. Шмаков Михаил Степанович. 1873 г.р. с. Сорокино. Конюх. 1938г.
221. Шорохов Иван Дмитриевич. 1882 г.р. с. Александровка. Колхозник. 1937г.
222. Шуваев Пётр Николаевич. 1874 г.р. д. Крутиха. Колхозник. 1937г.
223. Шутов Михаил Михайлович. 1878 г.р. д. Пинигино. Колхозник. 1937г.
224. Щербинин Прокопий Григорьевич. 1876 г.р. д. Жидоусово. Конюх. 1937г.
225. Щипцов Фёдор Степанович. 1874 г.р. д. Петровка. Колхозник. 1938г.
226. Ямов Павел Степанович. 1882 г.р. с. Готопутово. Счетовод. 1937г.
227. Ярцев Кузьма Иванович. 1873 г.р. д. Петропавловка. Сторож. 1938г.
228. Яцын Парфентий Корнеевич. 1887 г.р. д. Покровка. Крестьянин. 1938г.

Дополнительный список из других источников:

1. Авдеин Фёдор Иванович с. Большое Сорокино. крестьянин.
2. Бураков Игнатий Алексеевич. д. Александровка Б. Сорокинской волости, крестьянин.
3. Губин Александр Игнатьевич. д. Александровка.Б. Сорокинской волости, крестьянин.
4. Губин Василий Иванович. с. Большое Сорокино. крестьянин. 1922г.
5. Лоцманов Пётр Анфимыч. д. Крутиха.Б. Сорокинской волости, крестьянин.
6. Лоцманов Василий Анфимыч. д. Крутиха. Б. Сорокинской волости, крестьянин.
7. Ревякин Михаил Игнатьевич. д. Александровка .Б. Сорокинской волости, крестьянин.
8. Сидоров Никифор Демидович. д. Вёрстки. Вознесенской волости. крестьянин.
9. Чечулин Алексей Фёдорович. с. Большое Сорокино. крестьянин.
10. Чечулин Семён Ефимович. д. Александровка. Б. Сорокинской волости.
11. Фадеев Сергей Тимофеевич. с. Большое Сорокино. крестьянин. 1921 г.

Во время Великой Отечественной войны из Сорокинского района ушли на фронт три тысячи четыреста сорок три человека, из них 17 женщин. Не вернулись 1876 человек или почти шестьдесят процентов.

Навроде Пугачёвского бунта происходил в 21 году в Ишимском уезде. Антоновщина, о которой у нас много писали, не идёт ни в какое сравнение с восстанием зауральских, сибирских мужиков. О нём в наших историях ни слова. И причина этого отчасти загадочна, отчасти ясна: масштабы восстания ни с чем не сравнимы.

А.Т. Твардовский. 1968г.

Эта эпоха и эта тема у нас не получила освещения правильного, и наш общий долг перед историей – сохранить и осветить, что можно.

А.И. Солженицын. 1971г.

Нам ещё придётся, и не раз, воротиться к теме: судьба русского крестьянства в революции, если, конечно, хотим хоть что-то понять в многострадальной истории нашей.

Ф. А. Абрамов.

*Я выражаю искреннюю благодарность
моим друзьям – коллегам:
Милову Николаю Ивановичу, Конькову
Александрю Михайловичу и Шильникову
Евгению Владимировичу
за материальную поддержку
в подготовке и издании книги.*

ОТ АВТОРА

Первую официальную информацию о братоубийственных событиях девяностолетней давности, произошедших на территории Тюменской и прилегающих к ней губерний, я почерпнул из небольшой книжки «Сорокинский район в XX веке» и историко-краеведческого альманаха «Коркина слобода», изданных в городе Ишиме. В этих источниках она была изложена кратко, но и этого было достаточно, чтобы понять, какое трагическое и позорное прошлое моей малой родины на протяжении десятков лет тщательно скрывала от народа советская власть. Еще в школе из учебников истории я узнал о восстаниях крестьян под предводительством Петра Болотникова, Емельяна Пугачёва, Стеньки Разина и даже атамана Антонова на Тамбовщине. Но о том, что на территории, где родился и учился, происходили не менее важные события, а по жестокости и цинизму даже превосходившие эти восстания, не ведал. Изучив краткую информацию, я ощутил огромное желание узнать о тех событиях как можно больше и прибегнул к помощи архивных документов.

Не скажу, что проживая на территории эпицентра кровавых событий, ничего не слышал о них. Слышал не раз из уст своей родной тётки Стрельцовой Елизаветы Ивановны, которая родилась в 1896 году в селе Большое Сорокино. Или я тогда ещё не дорос до осознания услышанного, или не обращал внимания на её полунамёки-полурассказы, но главной сути так и не ухватил. Первое приближение к этой теме было когда мне было лет девять. Гуляя с тёткой по центру села, я остановился напротив памятника героям, павшим в борьбе за установление советской власти и спросил: «А кто здесь захоронен? Почему не написано?». Тётя посмотрела на меня серьёзными глазами и тихим голосом произнесла: «Жители села и района». «А кто-нибудь из нашей родни лежит в этой могиле?» - поинтересовался я. «Лежит мой родной брат Вася, в память о котором этим именем называли тебя, но только в другой могилке», - ответила

тётя, и почему-то отвела глаза в сторону. «А он тоже был героем?» - не унимался я. «Героем», - глухо произнесла тётя и дёрнув меня за руку, пошла дальше. Понимание того, что имею прямое отношение к героически погибшему дяде, распирало мою детскую грудь и наполняло гордостью сознание. Поэтому, когда мне у этого памятника через несколько лет на лацкан школьного пиджака прикрепляли значок члена ВЛКСМ, я мысленно представлял рядом с собой дядю Васю, и верил, что он непременно бы гордился мной.

На малой родине я прожил до восемнадцати лет. В те годы было ещё много свидетелей, которые могли бы поведать о трагедии 1921 года, но они были так запуганы властью, что боялись даже вспоминать о ней. И даже мужики, достойно прошедшие по полям сражений Великой Отечественной войны, вернувшись домой, не находили в себе мужества, чтобы во весь голос заявить о той трагедии, которая покрыла позором и залила кровью их малую родину. Феномен всеобщего страха сковывал по рукам и ногам всех, кто хоть немного знал о тех событиях. И лишь через сито всеобщего глухонемья, в бытовую затхлость иногда проскакивали сдавленные слова боли, гнева и печали о погибших в той бессмысленной мясорубке. Одни говорили: «Смотри, как осмелел Субботин?! Забыл, иуда, как своего брата комиссарам сдал! И Гусев на костях своей родни при советской власти в люди выбился! Сколько же он их, сволочь, своей рукой порубал?!». А те, словно подслушав этот разговор, нападали: «Зря Стрельцовых в двадцать первом и тридцать седьмом не всех под корень свели! Да и Чикиревых с Кирпичёвыми надо было подальше сослать, чтобы сейчас воду не мутили». О том, что мой дядя был на стороне восставших крестьян и погиб от рук красноармейцев, окончательное подтверждение я получил только в 1974 году, незадолго до смерти любимой тётушки.

И вот сейчас, когда узнал больше о реальном размахе братоубийственной бойни и о той роли, которую сыграли коммунисты-большевики в её разжигании, я искренне «заболел» желанием – написать книгу о терроре военного коммунизма, который превратил некогда богатый и свободный край, в большую, смердящую территорию и с корнем вырвал из душ людей её заселяющих вольный дух хлебопашца. Конечно, этой книгой я не дам окончательный ответ на вопрос: «Кто виноват?». На него должны отвечать те, которые не считаясь с божественными заповедями – «не убий», «не укради» - сделали всё, чтобы русские люди сошлись в мёртвой схватке и как дикари рвали друг друга на куски. Комиссары называли восставших крестьян шайкой бандитов и разбойников, но разве можно отнести одновременно более ста тысяч человек к этой

категории людей? Конечно, нет. К бунтарям - да. А к бандитам и разбойникам - нет. Крестьяне не отбирали чужое имущество, не грабили и не убивали на большой дороге купцов и чиновников, не жгли помещичьих усадеб, которых в Сибири никогда не было. Они поднялись на защиту своего личного имущества, нажитого в результате многолетнего тяжелейшего крестьянского труда. Пока военный коммунизм утверждался на территории Сибири, хлебопашцам пришлось испытать на себе весь ужас унижений и лишений. До Октябрьской революции семьи простых людей, проживающие в сельской местности, имели материальный достаток, отменное здоровье, весёлый нрав, почитали старших и были уверены в будущем. И чем больше в семье было детей, и особенно сыновей, тем она крепче стояла на ногах. Не поднимался в Сибири вопрос и о земле. Её хватало всем. Главное - не ленись её обрабатывать и будешь жить припеваючи. В редкой семье было только по одной паре лошадей. Обычно главная тягловая сила состояла из трёх и более пар. А некоторые семьи были обладателями десятка рабочих коней и тройкой выездных рысаков с полной парадной амуницией. После свершившейся революции и начала Гражданской войны, жизнь сибирских крестьян резко ухудшилась. Вначале экспроприацией их имущества занимались карательные отряды адмирала Колчака, а после его капитуляции - комиссары стали с остервенением выгребать из амбаров последнее добро. За три года, прошедшие после революции, сибирские крестьяне потеряли практически всё, что наживали годами. У них отобрали лошадей, забили на мясо домашний скот, изъяли продовольственное и семенное зерно и вывезли кормовой фураж. Не гнушались спасатели России разных мастей и другим имуществом безмолвных хозяев. Но не только поборами они обедняли крестьян, но и тем, что насильно загоняли в свои ряды молодых парней, отрывая от прямых дел землепашца, и заставляли их втыкать штыки в груди таких же, как они, православных людей.

Но чем же провинился сибирский крестьянин перед Советской властью, что так рьяно на него накинулось воронье в человеческом облики? Принял он её хоть и сдержано, но без силового сопротивления. Голод в стране не он спровоцировал и натуральный налог исполнял добросовестно. А оказалось, что революционеры с большевистской идеологией, решили переложить свои грехи на этих почтенных и добропорядочных граждан. Вздвигнув аграрную страну, которая до 1914 года являлась главным мировым экспортёром зерна, масла и прочих сельхозпродуктов, красной идеей, они на несколько лет оторвали крестьян европейской части России, от своих прямых обязанностей - кормить страну. Вместо плугов большевики впихнули им в руки винтовки и

заставили прочищать себе дорогу к верховной власти. В начале пути стоял авангард мыслящих людей, в отношении которых крестьянам и пролетариям, революционеры популистскими лозунгами привили лютую ненависть. А когда освободились от белой гвардии, русской интеллигенции и прочих эксплуататоров, поняли, что страна стоит одной ногой над пропастью экономического коллапса. Чтобы спасти от народного гнева себя и не уморить голодом огромную армию, состоящую в основном из крестьян, разучившихся пахать и научившихся убивать, а также прожорливый новый класс партийной номенклатуры, необходимо было срочно принимать репрессивные меры по обеспечению их продовольствием. А где его можно было добыть? Только если отобрать у крестьян Сибири. И с революционным коммунистическим фанатизмом они приступили к реализации задуманного. Эти благодетели земли русской изначально знали, что им придётся пролить море крови невинных душ, чтобы выполнить поставленную перед собой задачу. Но это их не остановило. Вожди революции и их приспешники, давно уже были в крови русского народа, поэтому для них немногим больше, немногим меньше - никакого значения не имело. Тем более, что сами они шашками головы людские не срубали и из револьверов не стреляли. В их обязанности входило политическое руководство и разработка директив, одна жёстче другой, и контроль за неукоснительным выполнением их подчинёнными. А те, чтобы исполнить директивы в срок и в полном объёме, применяли все меры карательного воздействия, вплоть до пыток и расстрела без суда и следствия.

Тяжело после многих лет жизни в обществе всеобщего обмана и будучи его активным членом, поверить в это. Но сухие цифры потерь только жителей Ишимского уезда заставляют в корне пересмотреть своё отношение к событиям тех лет. Из 60 тысяч человек мобилизованных в 1914 году на германский фронт, домой не вернулось 7 тысяч, а ещё 5 тысяч стали калеками. В период колчаковского правления было уничтожено более 4 тысяч. Во время крестьянского восстания участвовало около 50 тысяч, погибло - 17. За период с 1922 по 1923 гг. от голода и тифа умерли 8159 человек. В годы массовых репрессий было расстреляны более двух тысяч граждан уезда, 80 процентов из которых - крестьяне. Возможно, прочтут эту книгу те, кто в настоящее время бредят очередной революцией и грозят нашему народу гражданской войной, и задумаются над своими чудовищными призывами. Ради чего полегли в могилы в начале того века простые люди, представляющие самую здоровую и трудоспособную часть нации? Неужели личные амбиции небольшой кучки горлопанов, не умеющих и не желающих трудиться во благо страны и народа, выше и до-

роже одной капли крови простого российского человека? Революции нашей стране вредны. Они опустошают её духовно, морально и экономически. Даже Великая Отечественная война не нанесла такого ущерба сельскому хозяйству, как революция и гражданская война в 1917-1924 гг. В первом случае всё крестьянское население страны, оставшись без мужчин, день и ночь трудилось на полях и фермах во имя победы над иноземным захватчиком и не роптало. А во втором – оно было вынуждено кормить доморощенных революционеров, по вине которых Россия более семи лет не могла в полном объёме заниматься крестьянским трудом. Вся страна была охвачена революционным пожаром, который выжигал не только колоссящиеся хлеба, но и души крестьянские, чище, совестливее и добрее которых теперь уже не встретишь. И ещё для себя я сделал вывод, что человеческие особи, грезящие революцией, намного безнравственнее и опаснее бандитов. Бандиты ищут возможности пополнить свой кошелек за счёт мизерной части общества, чтобы удовлетворить низменные страсти, а революционеры жаждут власти над всем обществом, дающей им возможность упиваться и наслаждаться её плодами. И, как правило, революционным бредом в России заражаются те, кто по своей национальной ментальности и моральному критерию не относится к категории русских людей. За столетия, прожитые среди коренного народа, они очень хорошо изучили слабые и сильные стороны его характера, привычки и пороки, и научились виртуозно использовать всё это в своих интересах. Пословица: «Пока гром не грянет - мужик не перекрестится», - в полной мере характеризует наше русское сознание. Так это было во все века, так это происходило в последнее столетие. Начав вполне успешно Первую мировую войну с Германией, русское войско, состоявшее в основном из крестьянского сословия, поддавшись сладким увещаниям революционеров-социалистов, побросало окопы и в массовом порядке дезертировало с фронта. Но не успели солдаты дойти до дома, как их лозунгами вновь затащили в кровавую бойню. Только вот враг здесь оказался особый. С такими же фамилиями, именами и отчествами, а порой даже и по крови - родственные люди. Каким же гипнозом необходимо было обладать красным комиссарам, чтобы заставить массы российских людей уничтожать друг друга?! И вновь война и вновь по всей стране слёзы матерей, жён и детей. И вновь, какой уже год подряд, стоят не вспаханые поля и нескошенные луга. В стране с каждым днём становится ощутимей голод и массовые заболевания чумой и холерой. Но комиссаров-большевиков, почуявших привкус крови и власти, это не останавливало. Они хорошо понимали, что в случае прекращения действий по установлению в стране их власти, обманутый народ не про-

стит им и поступит с ними также - как они это сделали с царским режимом и всем тем, что с ним было связано. Поэтому, эти особи в человеческом облики с изуверским упорством продолжали свой кровавый путь, уничтожая всех и вся, кто оказывался на дороге в достижении цели. Комиссары-большевики твёрдо были уверены в том, что победителей не судят. Они сами собирались после победы судить и уничтожать тех, кто был не согласен с их методами принуждения к повиновению и сопротивлялся их воле. Так оно и произошло. Всех тех сибирских крестьян, которых не уничтожили в 1921 году, и которые не погибли от болезней и голода в последующие два, они добились во время коллективизации сельского хозяйства и в период репрессий тридцатых годов. Да и в эпоху развитого социализма всем тем, у кого предки или родственники участвовали в той кровавой бойне на стороне повстанцев, было перекрыто движение по научной или карьерной лестнице.

То, что происходило в начале прошлого века, я в некоторой степени могу даже как-то понять и объяснить. Безграмотные и набожные крестьяне в массе своей были очень внушаемы. Они неистово верили в Бога и в добрых царей, которых от него ждали. Поэтому любое обещание, улучшающее их долю, они принимали на веру и слепо шли за теми, кто это им предлагал. И если монархия редко баловала крестьян хорошими известиями по изменению их горькой судьбы, то большевики своими красивыми лозунгами и обещаниями поили допьяна. Только вот когда наступило похмелье, одуроченный и обобранный крестьянин понял, как подло с ним поступили краснобаи. Но было уже поздно. Более семидесяти лет стране пришлось жить по иудейским законам, в условиях недоверия, страха, двойной морали и полной изоляции от внешнего мира. И только к концу прошлого века народ окончательно прозрел и затребовал перемен. Но не таких, какие произошли в 1917 году, а настоящих, учитывающих моральные и материальные интересы всего населения огромной страны. Однако и отпрыски комиссаров- большевиков не дремали. Поняв, что народ созрел для новой революции, они не только эту идею поддержали, они вновь её возглавили. Ну, а результат сегодня виден невооружённым глазом. Используя коренное население страны в своих корыстных целях, господа комиссары узурпировали право на власть, на богатства страны и на жизнь её обитателей. Вот такого отношения к себе я от современного российского человека не ожидал. Умные, грамотные люди вновь повелись на красивые обещания кукловодов, предпочтя революцию и разрушение эффективному труду и созиданию. Неужели все надеялись на то, что революция их может сделать богатыми и счастливыми? Да, узкой прослойке людей, и в основном не корен-

ной национальности, стать обладателями огромных богатств удалось. И не только богатства страны они узурпировали, но и радио, телевидение, прессу, банки, институты и прочие общественные организации, которые проводят ту политику, которая устраивает только круг нынешних господ. А чтобы закрепить всё это за собой навечно, они изменили конституцию страны, где главными пунктами являются неприкосновенность личного имущества и двойное гражданство. Не надо быть доктором философии, чтобы понять для чего они были внесены в конституцию.

К сожалению, организаторов вооруженного переворота в октябре 1917 года, вдохновителей и исполнителей кровавой бойни 1921 года, и палачей-мясников тридцатых в живых уже нет и над ними не свершить акт возмездия за все их злодеяния. Но вот над руководителями и их прислужниками, совершившими очередную революцию в конце прошлого столетия, он вполне даже возможен и зависит это от воли народной. Эти господа ничем не отличаются от своих предшественников. Так же, как и те, вместо проведения реформ в стране мирным путём, они нашли в массе народной отбросы общества и использовали их в своих корыстных целях. Для современных революционеров, так же, как и у их кумиров, на первом плане стояли личные эгоистические и меркантильные интересы, а не отнюдь проблемы огромной страны и её населения. И так же, как предков, этих «господ» не останавливала цена, которую заплатил народ за достижение их целей. Кровь людская, разбитые человеческие судьбы, развал огромной страны, поголовное обнищание, беспризорность, локальные националистические войны, угроза потери государственного суверенитета - для категории этих людей - ничто по сравнению с их личными амбициями на особую жизнь в современном обществе. Искусственно созданная продовольственная проблема, девальвация под ноль вкладов граждан, невыплаты заработной платы и пенсий, резкое сокращение рабочих мест, развал военно-промышленного комплекса, сельского хозяйства и промышленного производства, моральное уничтожение армии и других силовых структур, развязывание межнациональных конфликтов, разворовывание государственного имущества и природных богатств - это только небольшой перечень тех потерь, которые понесло коренное население страны в результате очередного революционного переворота. Но до каких пор революционеры-людоеды будут издеваться над простым народом!? Может народу пора проснуться и потребовать прекращения экспериментов над ним? Спросить по полной мерке с тех, кто постоянно мутит воду на нашей земле! И так спросить, чтобы все последующие поколения революционеров, прежде чем затевать очередную

смуту, очень хорошо подумали бы о последствиях. Сейчас-то народ не такой «забитый» и безграмотный, каким был сибирский крестьянин в 1921 году. Или как в гражданскую войну в нас сидит психология маленького человека, для которого девиз «Своя рубашка ближе к телу, а моя хата с краю, ничего не знаю» является главным зонтиком от всех земных невзгод и катаклизмов? Но как показала история, этот зонтик ненадёжный и спрятать он может человека только от дождя или солнечных лучей, да и то ненадолго. Чтобы жить в своём доме, и в своей стране уверено и свободно, необходимо не бояться грозы и не прятаться от солнечных лучей, а выпрямиться во весь рост, распахнуть грудь навстречу человеческому счастью и с улыбкой принимать на себя всю эту благодать божью. А для этого необходимо выкорчевать из общества пороки - гордыню, алчность, зависть, ненависть и жлобство - которые часто и хорошего человека превращают в злодея и убийцу. Или мы ещё до сих пор не созрели для того, чтобы стать хозяевами своей страны и своего дома?

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе.....	4
Часть 1. На пороге великой смуты.....	5
Глава первая.....	6
Глава вторая.....	12
Глава третья.....	26
Глава четвертая.....	30
Глава пятая.....	34
Глава шестая.....	40
Глава седьмая.....	45
Глава восьмая.....	50
Глава девятая.....	60
Глава десятая.....	69
Глава одиннадцатая.....	80
Глава двенадцатая.....	85
Глава тринадцатая.....	92
Глава четырнадцатая.....	98
Глава пятнадцатая.....	106
Глава шестнадцатая.....	114
Часть 2. В порыве революционного мракобесия.....	123
Глава первая.....	124
Глава вторая.....	131
Глава третья.....	144
Глава четвертая.....	150
Глава пятая.....	156
Глава шестая.....	173
Глава седьмая.....	183
Глава восьмая.....	204
Глава девятая.....	212

Глава десятая	226
Глава одиннадцатая	241
Глава двенадцатая	252
Глава тринадцатая	276
Глава четырнадцатая	292
Глава пятнадцатая	308
Глава шестнадцатая	360
Глава семнадцатая	377
Глава восемнадцатая	411
Глава девятнадцатая	423
Глава двадцатая	467
Глава двадцать первая	485

Часть 3. Не заколосятся хлеба на пепле

крестьянской души	528
-------------------------	-----

Глава первая	529
Глава вторая	549
Глава третья	587
Глава четвертая	599
Глава пятая	609

Гимн крестьянству	617
-------------------------	-----

Список расстрелянных жителей

Большесорокинского района в 1930-1938 годы	618
--	-----

От автора	629
-----------------	-----

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сорокинский район в двадцатом веке. Редактор Гуртовой С.З. 2004г.
2. Краеведческий альманах: «Коркина слобода». Выпуск третий. Ишим -2001 г.
3. Лагунов К.Я. - исторический очерк: «Двадцать первый».
4. Шишкин В. И. – сборник документов: «Сибирская Вандея» -2 тома.
5. Шишкин В.И. – сборник документов: «За советы без коммунистов».
6. Шангин М.С. - роман «Ни креста, ни камня».
7. Гольдберг Р.С . - «Книга расстрелянных» - 2 тома.
8. Сборник научных статей ИГПИ им. П.П. Ершова: «Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне 1905 -1921 г.г.» 2006г. г. Ишим

ПЕПЕЛ КРЕСТЬЯНСКОЙ ДУШИ
Василий Федорович Долгих

формат: 70x100/16

объем: 40 п.л.

печать офсетная

тираж 1000 экз.

Компьютерная верстка - Михаил Семенов

Корректурa - Юлия Семенова

Москва 2015 г.